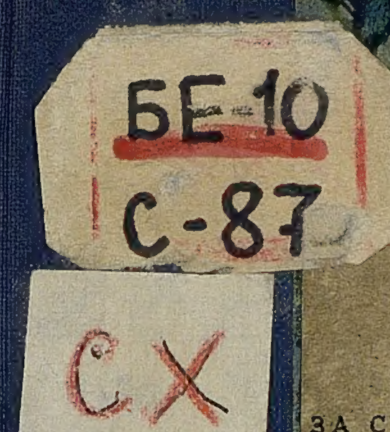

АКАДЕМИЯ НАУК
ЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИ

Акад. С. Г. Струмилин

ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ В СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

С. Г. СТРУМИЛИН

ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ В СССР

ЛЕНИНГРАД. ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. [illegible]

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

С. Г. СТРУМИЛИН

ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ В СССР

ЛЕНИНГРАД · ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · 1932

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Июнь 1932 г.
Непременный секретарь академии *В. Волгин*

Редактор издания Г. М. Кржижановский

Технический редактор К. А. Гранстрем

Сдано в набор 20 марта 1932 г. Подписано к печати 25 июня 1932 г.

544 стр.

Формат бум. 82½×110 см.—38016 печ. зн.—34 печ. л.—Тир. 15000 экз.
Ленгорлит № 39596.—АНИ № 184.—Заказ № 1539

2-я типография Изд-ва Леноблисполкома. Ул. 3-го Июля, 55

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы закончили только первое десятилетие организованной плановой работы. Оглядываясь назад на пройденный путь и подводя кое-какие итоги, мы можем теперь смело сказать, что это был трудный путь и тяжелая работа. И младенческое состояние плановой науки, и низкий уровень производительных сил в стране, унаследованный от царизма, и крайнее функциональное расстройство хозяйственного аппарата в результате войны и блокады,—все это на фоне общей культурной отсталости страны отнюдь не облегчало нашу задачу—великого социалистического строительства. Но ко всему этому прибавлялась еще одна крупнейшая трудность, особенно ярко выявившаяся в реконструкционный период, это отчаянное, хотя и скрытое сопротивление нашим плановым усилиям со стороны всех классовых охвостьев старого разрушенного нами мира. На горьком опыте нам пришлось убедиться, что планирование в наших условиях—это еще одна форма ожесточенной классовой борьбы, в которой надо быть готовым ко всему и преодолевать на каждом шагу не только простое неверие в силы социализма чуждых ему элементов, но и прямое вредительство их и измену.

Собранные нами здесь наши работы за последнее пятилетие в немалой степени отражают в себе это состояние непрерывной борьбы на плановом фронте и с явно враждебными буржуазными течениями, и с их капитулянтскими подголосками в нашей собственной среде. Написанные в течение ряда лет, они отражают в себе, конечно, и уровень планирования на данном этапе—со всеми его слабостями, ошибками и достижениями. Большая часть предлагаемых здесь очерков уже появлялась в печати. Полемическое заострение их теперь, после разоблачения вредительства, было бы, конечно, иное. Но мы избегали соблазна выправлять задним чис-

лом сказанное несколько лет тому назад, в совершенно иных условиях и обстановке.

Отнюдь не претендуя сколько-нибудь исчерпать этой работой зияющие пробелы в нашей плановой литературе, мы все же думаем, что даже такие весьма несовершенные отклики плановика-практика на текущие злобы столь богатого опытом планового периода, заключают в себе не мало поучительного. Они показывают, какой большой путь от первых крайне неудачных попыток планирования до получившей мировую известность пятилетки мы прошли за эти немногие годы. На этом пути нами было изжито очень много тяжелых ошибок и низких измен. Но мы кое-чему научились-таки ценой этих измен и ошибок. И наше хозяйство, преодолевая ряд трудностей, из года в год развивалось невиданными в мире темпами. Нас долго запугивали по поводу этих трудностей, всякими грядущими ужасами и бросали палки в колеса. Но вот мы уже вступили в период социализма и завершили достройку фундамента социалистической экономики. Правда, и теперь мы еще стоим перед целым сонмом необъятных трудностей. Но и теперь нам снова хочется повторить всем паникерам то, что мы уже раз сказали им еще в 1927 г. на Съезде Госпланов:

„Здесь было сказано, что мы, как былинный богатырь, стоим на распутьи: в одну сторону пойдешь—встретишь голод, в другую—холод, в третью—не знаю что, вероятно, контрреволюцию... В подлинной былине, которую нам напомнил здесь В. А. Базаров, тоже предсказывались аналогичные страсти. Но он забыл досказать нам конец этой былины. Былинный богатырь, как известно, презрел все напророченные ему беды, изведал все пути, преодолел все опасности и тем самым отверг все паникерские предсказания. Мы не сомневаемся, что и наш советский богатырь—пролетариат—не остановится на своем пути перед теми большей частью призрачными страхами, которыми его пугают. Он пойдет неуклонно вперед и своим хозяйственным опытом еще не раз докажет, что вся та паника, которая не раз уже малодушно сеялась в наших рядах, не имеет под собой достаточно реальных оснований".

С. Струмилин

I. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЛАНИРОВАНИЯ

А. К ТЕОРИИ ПЛАНИРОВАНИЯ

> «Паук совершает операции, напоминающие ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей—архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы отличается с самого начала тем, что прежде чем строить ячейку из воска он уже построил ее в своей голове... Он не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю».
>
> К. Маркс. Капитал, I, стр. 149. Гиз, 1923.

1. ХОЗЯЙСТВО И ПЛАН

Понятие хозяйства предполагает, во-первых, наличие хозяина, т. е. субъекта хозяйственной деятельности, во-вторых, известный комплекс объектов, подвергающихся хозяйственному воздействию, и, в-третьих, самую деятельность, т. е. сознательное воздействие хозяина на эти объекты с целью обеспечения себе известного запаса материальных благ, необходимых для удовлетворения не только текущих, но и будущих его потребностей. Только такая деятельность, продиктованная заботой о нуждах грядущих дней, заслуживает имени хозяйственной. Забота о будущем, т. е. известная предусмотрительность, вот истинная душа всякого хозяйства.

Хозяйственная забота о будущем свойственна не только человеку. Ей не чужды и некоторые виды животных. Так, например, если какой-нибудь бесхозяйный зайчишка, изо дня в день промышляя лишь о своем насущном пропитании, отнюдь не беспокоится о завтрашнем дне, то предусмотрительная белка, заготовляя себе запас орехов на всю долгую зиму, проявляет уже вполне оформленные хозяйственные инстинкты. У зайца нет еще

„идеи“ хозяйства. А вот белка является уже в известном смысле заправским хозяином-скопидомом. Еще сложнее хозяйство бобров или муравьев и пчел. У них мы находим не только простое накопление жизненных припасов на черный день, а весьма сложное и совершенное хозяйственное строительство. Бобры строят огромные плотины и очень хитроумные подводные жилища. Муравьи занимаются животноводством и доят своих домашних тлей так, как мы доим своих коров или коз. А постройка пчелиных сот представляет собою и подавно такое архитектурное достижение, которое заслуживает изумления даже прекрасно вышколенного человеческого ума.

И все же, говоря словами К. Маркса, даже самый плохой архитектор превосходит самую искусную пчелу в том отношении, что раньше осуществления своей постройки в конкретной действительности он конструирует ее предварительно в своем сознании.

Чтобы оценить по достоинству это противопоставление искусной пчелы плохому архитектору, необходимо усвоить себе идею плана. Архитектор раньше самой постройки конструирует у себя в уме или на бумаге план этой постройки, т. е. задается известной целью, которую должна осуществить эта постройка, обдумывает, как из наличного материала ее можно создать в данной обстановке с наименьшими затратами времени и усилий, и соответственно с этим намечает конкретную программу действий. Пчела строит свои ячейки без такого плана, повинуясь лишь унаследованным навыкам своей работы, т. е. инстинкту. Ее „искусство“, в котором запечатлен опыт тысячелетий, велико. А архитектор может оказаться весьма неопытным и неискусным. Но искусство пчелы омертвело в своей автоматичности. Оно недоступно никакому прогрессу. Пчела никогда ничего нового не построит, кроме своей ячейки. А живой ум архитектора, создавая для каждой новой обстановки новые планы, способен построить и первобытный шалаш из ветвей, и деревянный домишко, и мраморный дворец, и железобетонные небоскребы.

Конкретные цели или задачи плана могут быть весьма многообразны. Можно задаваться не только созидательными планами, но и разрушительными. Например, можно запроектировать план сражения, войны, революции, хотя нас интересуют здесь только хозяйственные планы, т. е. планы, направленные на осуществление хозяйственных задач

и предположений. Однако, всякий план мыслится прежде всего как определенная программа действий, ведущая в данной конкретной обстановке к намеченной цели с наименьшими затратами времени и усилий.

Мы уже говорили выше, что всякое хозяйство исходит из предусмотрительной заботы о будущем и выражается в определенной системе целевого воздействия субъекта хозяйства на данный комплекс его объектов. Такая предусмотрительность и целеустремленность, заложенная в самой идее хозяйственной деятельности, как-будто бы уже сама по себе предполагает наличие известного плана в каждом хозяйстве, и действительно рациональное ведение хозяйства немыслимо без плана. Но значит ли это, что всякое хозяйство можно назвать плановым, т. е. ведущимся разумно по заранее намеченному плану в вышеуказанном смысле этого слова?

Нет, не значит. Даже если ограничиться сферой отдельных индивидуальных хозяйств, составляющих лишь в своей совокупности то, что мы называем народным хозяйством, то и в этой сфере далеко не всякое хозяйство строится по сознательно намеченному и в какой-либо мере продуманному плану. Более того, если обратиться к нашей деревне, то про огромное большинство крестьянских хозяйств можно было бы сказать без ошибки, что они велись до сих пор без всякого плана, руководствуясь лишь наполовину хозяйственным инстинктом, наполовину вековой традицией, т. е. почти так, как ведется хозяйство пчелиного улья. Проф. Дояренко, чтобы подчеркнуть эту особенность нашей деревни как-то высказал в Госплане следующую мысль. То, чем занимаются наши крестьяне-землеробы вовсе не хозяйство. Это просто известный быт. Если наш землероб выезжает весной на пашню, летом на луга и т. д. и производит там известные операции, то делает он это отнюдь не из тех или иных хозяйственных соображений, а просто потому, что такие точно действия, в ту же самую пору, той же самой вековечной сохой или косой исстари и отцы, и деды его творили. Таков уж, дескать, это исконный обычай, тем более нерушимый, что истинный смысл его давно уже забыт и утерян.

Конечно, в таком изображении имеется большая доза тенденциозного преувеличения. Наш крестьянин вовсе не чужд хозяйственных соображений. Но все эти соображе-

ния не выходят из рамок известного жесткого трафарета. Он хозяйствует, ибо его ни на минуту не оставляет забота о средствах существования на завтрашний день. Но организация его хозяйства и приемы труда, унаследованные от другой эпохи, отнюдь не отвечают требованиям современности. Усвоенная им пассивно и осуществляемая по обычаю „отню и дедню“ программа действий в данной конкретной обстановке вовсе уже не ведет его к намеченной цели кратчайшим путем. Она не удовлетворяет требованиям рационального плана. Архаическое крестьянское хозяйство управляется властью окостеневших традиций, властью земли, властью рыночной стихии, наконец, властью всяких иных фетишей, только не собственной волей хозяина, не его собственным хозяйственным планом.

Несколько иначе обстоит дело в индивидуальном хозяйстве современного капиталистического предприятия. Над ним не тяготеет бремя мертвящих патриархальных традиций. Каждый такой предприниматель, взятый в отдельности, строит свое хозяйство обычно по строго продуманному плану с учетом всех требований современности. Но если рассматривать их все вместе в общей совокупности всего народного хозяйства, взятого в целом, то окажется, что и здесь господствует в конечном счете не план, а стихия.

Это объясняется, конечно, тем, что в капиталистическом обществе каждый предприниматель строит свой хозяйственный план на индивидуалистическом принципе конкуренции, т. е. рыночной борьбы каждого против всех и всех против каждого. Обогащение всей буржуазии в целом строится здесь, прежде всего, на классовой эксплоатации всего пролетариата в целом. Но это только первая производственная стадия капиталистического хозяйства. Чтобы иметь возможность дальнейшей эксплоатации пролетариата, создаваемые на этой стадии товары необходимо еще реализовать. И здесь уже не только буржуазия в целом, а и каждый буржуа-предприниматель в отдельности противопоставляет свои индивидуальные хозяйственные интересы интересам всего остального общества. На капиталистическом рынке всякий человек человеку—волк. Здесь всякий крупный успех одного хозяйства рассматривается как явная неудача других, с ним конкурирующих. И наоборот—полное разорение и банкротство одних хозяйств ве-

дет обычно к сугубому обогащению и процветанию других.

К чему же должна привести такая антагоничность интересов и противоречивость хозяйственных устремлений отдельных членов капиталистического общества? Хозяйственные планы отдельных предприятий могут быть хорошо продуманы и рационально построены только в той части, в которой они н е зависят от других предприятий, т. е. в части внутренней организации каждого частного предприятия. Но благодаря крупным масштабам капиталистического производства и высокой его технике, основанной на чрезвычайно развитом разделении труда, ни одно капиталистическое предприятие не замыкается на себя. Тысячью экономических нитей и в деле снабжения материалами, и в деле сбыта готовой продукции оно теснейшим образом связано через рынок с десятками и сотнями других предприятий. Каждое из них строит свой собственный хозяйственный план, ревниво оберегая его как коммерческую тайну от всех конкурентов. Каждый из этих планов строится независимо от всех других, исходя только из учета частных интересов данного индивидуального хозяйства или капиталистического треста, и потому строится в неизбежном противоречии с другими планами. Спрашивается, могут ли все эти не только несогласованные друг с другом, но, более того, заведомо противоречивые планы одновременно оказаться в достаточной степени реальными и осуществимыми? Разумеется, нет.

Миллионы скрещивающихся хозяйственных устремлений складываются, конечно, в последнем счете в ту или иную равнодействующую. Но эта равнодействующая не совпадает по своей величине и направлению ни с одной из составляющих. И слагающийся в ней хозяйственный эффект тем меньше общей суммы затраченных усилий, чем гуще скрещиваются они в узел неразрешимых капиталистических противоречий. В этом именно узле противоречий находит свое разрешение та трагедия расточительства, которая столь характерна для капиталистического хозяйства[1]. В этом узле сумма казалось бы очень разумных волевых усилий превращается с неразумную стихию. Здесь каждый хозяин в отдельности что-то предполагает, а стихия рынка всеми ими властно

[1] См. Чэз. Трагедия расточительства.

располагает. А в результате от множества внутренне-противоречивых частно-хозяйственных планов мы приходим к хозяйственному хаосу, к периодически потрясающим капиталистическое общество хозяйственным кризисам, к хронической трагедии расточительства его производительных сил.

Имени хозяйственного плана, по нашему определению, заслуживает, однако, лишь такая программа действий, которая обеспечивает достижение намеченного эффекта с наименьшей затратой сил, а не ценою стихийного их расточительства. Этому требованию принципа экономии сил не удовлетворяет в полной мере ни один из частно-хозяйственных планов капиталистического общества. И не может удовлетворять уже в силу множественности этих планов и связанной с этим их внутренней несогласованности. Хозяйственный план в условиях общественного разделения труда должен быть единым для всего общества. Всякий иной план, не удовлетворяющий этому требованию единства, не удовлетворит полностью и основному плановому принципу экономии сил, а потому может быть рассматриваем лишь как известный элемент целостного плана или, в лучшем случае, как недоразвившийся эмбрион такого плана.

Капиталистическое общество зиждется на основе общественного разделения труда и потому его следует рассматривать как целостный хозяйственный комплекс, как единое народное хозяйство в рамках каждого государственного образования или даже как единое мировое хозяйство, поскольку оно постепенно преодолевает и всякие государственные границы. Правда, капиталистическое хозяйство иногда называют псевдохозяйством, рассматривая его как хозяйство без хозяина. Но к этой характеристике необходимы весьма существенные оговорки. Капиталистическое хозяйство не располагает единоличным хозяином. Это верно. Но у него имеется зато коллективный хозяин—буржуазия. И этот классовый коллектив в лице своих президентов и министров располагает достаточно централизованным аппаратом управления и классовой хозяйственной политики. Чего, действительно, недостает капиталистическому хозяйству даже в высшей его форме монополистического капитализма, это—единого хозяйственного плана. В этой его особенности воистину можно усматривать органический порок названного хозяйства. Но

пороком бесплановости страдают нередко и единоличные хозяйства.

Однако, в праве ли мы рассматривать бесплановость как органический, т. е. неизлечимый порок капиталистического хозяйства? Это вопрос огромного для нас значения. Если бы капитализм мог собственными силами, не изменяя в корне своей природы, рано или поздно реорганизоваться в чуждое всякого расточительства, т. е. вполне экономически-рациональное, плановое хозяйство, то шансы его в борьбе с грядущим ему на смену социализмом и коммунизмом возросли бы до чрезвычайности.

Но к счастью для всего человечества капитализм не располагает такими шансами. Капиталистическое хозяйство строится на хищнической эксплоатации труда и беспощадном разорении всех конкурентов. Частный интерес личной наживы стоит здесь неизмеримо выше интересов общественной экономии. В этом расточительном пренебрежении к общественным интересам и выражается истинная „природа" капитализма. Буржуазия вовсе не заинтересована в ликвидации той трагедии расточительства производительных сил общества, которая вызывается отсутствием плановости, ибо в этой трагедии отнюдь не она является жертвенным козлом отпущения. Наоборот, такие социальные бедствия, как народная нищета и массовая безработица, представляющие собою одновременно и следствие, и причину хронического расточения производительных сил общества, являются естественной и совершенно необходимой предпосылкой капиталистической эксплоатации и обогащения буржуазии.

Не таковы предпосылки планового хозяйства. Анализируя условия наиболее эффективного использования наличных хозяйственных ресурсов, объективная экономическая наука пришла к нижеследующему выводу. Оптимальный эффект дает такое хозяйство, которое планомерно распределяет свои производительные силы в точном соответствии с общественными потребностями и обеспечивает, таким образом, вполне равномерное удовлетворение потребностей всех членов общества [1]. Спрашивается, приемлем ли для

---

[1] Подробнее об этом см. нашу „Формулу хозяйственного плана" в книге: С. Струмилин. Проблемы экономики труда, стр. 213 и след. М., 1924.

капитализма этот основной постулат планового хозяйства, в корне отвергающий принцип классовой эксплоатации? Разумеется, нет.

Рассуждая абстрактно, мы можем себе представить, что тигры капиталистической эксплоатации, основательно передушив друг друга в конкурентной борьбе и добившись концентрации всех средств производства и самой государственной власти в руках какого-нибудь одного сверхтреста, охотно усвоили бы себе, вместе с тем, и идею единого хозяйственного плана. Исторически, при сложившихся соотношениях классовых сил, эта чисто логическая возможность уже исключена победным шествием социальной революции. Но если бы она даже осуществилась в рамках такого достигшего своей вершины империализма, то это был бы все же план опустошительной эксплоатации и истощения пролетариата в небывалых еще масштабах, а не план оптимальной рационализации хозяйства в интересах всего общества в целом. Говоря иначе, буржуазия даже в рамках наиболее развитого г о с у д а р с т в е н н о г о капитализма в лучшем случае могла бы воспринять лишь голую форму, т. е. внешнюю пустую оболочку планового хозяйства, но не его внутреннее социально-экономическое содержание.

Опыты такого псевдопланового хозяйничания буржуазии мы уже испытали в период последней империалистической войны. И тогда уже оно служило целям величайшего расхищения, а не накопления производительных сил общества. Капитализм—это почти синоним анархической бесплановости и бесхозяйственной расточительности человеческого труда. А потому первейшей предпосылкой планового хозяйства является принципиальный отказ от классовой эксплоатации труда и свержение капитализма.

Октябрьская революция осуществила у нас эту первую предпосылку планового хозяйства. Диктатура пролетариата, овладевшая в результате революции всеми командными хозяйственными высотами внутри страны и оградившая себя от внешних влияний капиталистического окружения монополией внешней торговли, представляет собой основную предпосылку планового хозяйства. Это совершенно необходимое условие народнохозяйственного планирования, но отнюдь еще не достаточное. Кроме этой политической предпосылки, для успешного планирования необходим еще целый ряд экономических и культурных предпосылок.

Диктатура пролетариата только открывает собою, но далеко еще не завершает эру социальной революции. Мы уже свергли политическое господство буржуазии, но еще не изжили ее экономических влияний и культурных наследий. Наряду с растущим социалистическим сектором хозяйства у нас еще сохраняются десятки миллионов единоличных хозяйств мелкой индивидуалистической буржуазии. В связи с этим влияние на наше хозяйство рыночной стихии только ограничивается плановым вмешательством советской власти, но отнюдь еще не исключается. Советская власть—это идеальный аппарат диктатуры пролетариата. Но ведь мы знаем, что эта диктатура—временное явление. Из аппарата классового господства она с уничтожением классов должна постепенно переродиться в аппарат чисто-хозяйственного планового управления—методами убеждения, а не принуждения. Имеется ли, однако, у нас уже налицо соответствующая культурная подготовка и этого аппарата, и всего населения. Нет, не имеется. Чтобы окончательно обезвредить наследие буржуазной культуры, которая так часто превращает общественных деятелей в бездушных бюрократов, заслуженных инженеров в злостных вредителей, доверенных кооператоров—в воров и растратчиков, нам предстоит еще даже после ликвидации буржуазии как класса проделать целую культурную революцию. Говоря короче, мы далеко еще не располагаем всеми предпосылками для вполне успешного рационального планирования. Наше время—переходная эпоха. Мы живем только под знаком ожесточенной классовой борьбы за плановое начало. Законченное плановое хозяйство, как и законченный социализм, у нас еще впереди.

2. ЦЕЛЬ В ПЛАНЕ

Давая формальное определение хозяйственного плана, мы можем ограничиться общим указанием, что такой план есть программа действий, ведущая к намеченной цели с наименьшими затратами сил. Задачей всякого плана, взятого вне времени и пространства, является, стало быть, осуществление экономического принципа наименьшей траты сил. Но мы планируем во времени и пространстве. И потому нам вовсе не безразлично, какую именно хозяйственную цель следует наметить в данной

обстановке для осуществления ее с наименьшими затратами времени и усилий.

Целевая установка плана подлежит четкой конкретизации в зависимости от той конкретной обстановки времени и места, от которой мы исходим, тех сроков действий плана, какими мы располагаем, и той конечной цели или, говоря иначе, тех общественных идеалов, к которым мы стремимся. Таким образом, в числе моментов, определяющих собою целевую установку, а стало быть и все содержание плана, наряду с объективными фактами,—исходная хозяйственная обстановка,—мы сразу же наталкиваемся на субъективный фактор—идеологию субъекта планирования. Если хозяйственный план проектируется идеологом интересов пролетариата, содержание плана будет одно, если он проектируется идеологом буржуазии, содержание плана будет совсем иное.

С того момента, как целевая установка плана задана, все остальные стадии его проектирования могут быть сведены полностью к разрешению чисто познавательных задач. Конечно, не все эти познавательные задачи уже теперь могут быть разрешены вполне научно. Многие из них только впервые ставятся перед нами той или иной целевой установкой и потребуют еще немало исследовательской научной работы для своего разрешения. Но принципиально такие задачи входят целиком в область вполне объективного научного исследования.

Чтобы наш план стал вполне рациональной программой действий, мы должны, помимо той хозяйственной цели, которую мы себе поставили, знать ту хозяйственную среду, которая подлежит воздействию, те социальные законы и технико - экономические закономерности, которым она подчинена, те хозяйственные ресурсы, которыми мы располагаем по своему произволу и точную меру эффективности каждого мероприятия, которое мы включаем в свою программу действий. Тогда нам остался бы лишь выбор из арсенала возможных мероприятий тех, которые наиболее эффективны в данной обстановке и всего скорее приводят к намеченной цели.

Однако, объем указанных познавательных задач чрезвычайно велик. Социальные закономерности, управляющие динамикой общественных отношений в таком огромном комплексе, как народное хозяйство СССР, необы-

чайно сложны и мало изучены. Говоря о переходном характере переживаемого нами периода, мы имеем в виду борьбу в нем за преобладание только двух основных хозяйственных укладов—социализма и капитализма. Но более углубленный анализ вскрывает перед нами гораздо более сложное сплетение целых пяти исторических наслоений: от наиболее архаического натурального хозяйства через простое товарное к частно-капиталистическому и кончая такими новообразованиями, как прослойки государственного капитализма и мощные уже пласты последовательного социализма. Все эти осложняющие моменты в социальной структуре СССР создают в области познавательных задач, связанных с планированием, такие почти непреодолимые трудности, которые приводят нередко к преувеличенному скептицизму, если не к полному отрицанию возможности рационального планирования.

Откровенные враги социализма, конечно, без всяких обиняков заявляют, что задача планового хозяйства в масштабе целой страны вообще *иррациональна*, т. е. не поддается *научному* разрешению, и в этом смысле непосильна человеческому разуму.

И если трактовать понятие *научного* познания с высоты академического педантизма, то такая оценка возможностей планирования не лишена некоторого правдоподобия. Действительно, возможности точной науки весьма ограничены. Астрономия одна из самых совершенных наук. И все же задача о взаимном тяготении только *трех* свободных тел в пространстве не разрешена еще до сих пор *в общем виде*. Насколько же сложнее должна представляться задача о взаимодействии того необозримого множества социальных сил и хозяйственных молекул, какие сплетаются в сложное образование народного хозяйства. Построить план народного хозяйства—это значит предначертать пути движения всех этих молекул на несколько лет вперед. Законы взаимодействия этих молекул несравненно сложнее Ньютоновского закона тяготения. Какой же человеческий мозг мог бы охватить движение этих молекул в строгой математической формуле, дающей точный ответ о их взаимоотношениях для любого момента времени.

Если бы мы подходили к задачам планового предвидения с требованиями такой их общности и такой астрономической точности, то наше дело пришлось бы сразу признать почти безнадежным. Но в области общество-

ведения такой подход вообше неуместен, а в области планового дела и подавно.

Мы не ставим себе задач построения какого-то абстрактного плана „в общем виде“, годного для любого хозяйственного строя, где угодно и когда угодно. Вследствие этого мы кое-что теряем в общности задачи, но зато многое выигрываем в определенности. Задача о тяготении трех тел в общем алгебраическом виде,— т. е. без данных о том, где они находятся, по каким орбитам движутся, какова их масса, скорость движения и т. д.,—не разрешена, но конкретная задача о взаимном тяготении гораздо большего числа тел солнечной системы решается без труда, и затмения луны и солнца предсказываются с точностью до долей секунды. Абсолютная точность в решении плановых задач тоже не имеет практической ценности. А между тем, нам уже приходилось отмечать в печати, что целый ряд научных задач, напр., задача квадратуры круга или трисекции угла, перед которыми до сих пор в бессилии отступала строгая математическая наука, практически, т. е. с допуском известной погрешности, разрешаются вполне удовлетворительно. И потому в конкретной плановой работе мы отнюдь не склонны преувеличивать теоретических трудностей практики планирования.

В связи с этим уместно, однако, поставить вопрос: как нам следует рассматривать плановое дело? Наука это или искусство?

Конечно, дело не в словах. Назовем ли мы плановое строительство особой теоретической наукой, или особым искусством хозяйственного управления, или прикладной наукой планирования, от этого не изменится суть дела. Известные элементы в нем, несомненно, могут современем развиться в специальную теорию планирования. Другие всегда будут сохранять характер искусства. Соединение тех и других в одно целое можно будет назвать прикладной наукой. Во всяком случае на настоящей ступени своего развития всего приложимее к этому делу, на наш взгляд, термин плановое искусство, по аналогии со строительным искусством и с инженерным делом вообще. И вот почему.

Мы уже отметили, что характер народнохозяйственного плана всегда в известной мере определяется тем социальным зодчим, который его строит, его классовым стилем или, говоря иначе, его социальными устремлениями.

У одного проектировщика его плановая постройка вырисовывается, скажем, в стиле индустриализации, а у другого—в стиле аграризации. На одной и той же хозяйственной базе можно запроектировать план и в стиле Сталина, и в стиле Сокольникова, а то и в стиле Кондратьева, причем диапазон „нюансов“ в построении этих планов, несомненно, получился бы поразительный. Уже это сближает плановое дело с искусством в отличие от точных наук, решения которых обычно гораздо более однозначны и не зависят от субъективных свойств исследователя[1]. Еще в большей степени, однако, отличает это дело от понятия науки другая его особенность. Наука, в общепринятом до сих пор смысле этого слова, ставит перед собой только познавательные задачи. Она стремится только познать мир, приемля его таким, каким он есть, был или будет. Это пассивное восприятие мира. А хозяйственный план это, прежде всего, программа действий. Он формулирует и концентрирует коллективную волю трудящихся вокруг известных задач. Он „предвидит“ не то что будет, а то что может и должно случиться при известном напряжении воли хозяйствующего коллектива. И он дает директиву к соответствующим действиям. Плановое искусство не приемлет сущего мира. Оно ставит перед собой задачу не познания, а пересоздания этого мира. Оно активно создает свой новый мир. Это творческое отображение мира.

Вокруг этого основного различия в подходе к плану в нашей литературе возникал уже целый ряд споров. Многие из наших советских ученых явно недооценивали и умаляли роль целевой установки в плане, творческое в нем начало, выдвигая вперед чисто познавательный момент планового предвидения.

Если же послушать рассуждения проф. Кондратьева о плановой методологии, то у него задача построения хозяйственного плана и вовсе сводится почти целиком к одному лишь научному предвидению грядущих хозяйственных процессов. А так как пределы возможного предвидения он ограничивает лишь выявлением наиболее общих тенденций развития, то и вообще роль хозяйствен-

---

[1] В общественных науках, впрочем, классовая идеология исследователя оказывает уже гораздо большее влияние на решения даже, казалось бы, чисто познавательных задач.

ного плана суживается им до рамок весьма абстрактного академического трактата о вероятных перспективах хозяйственного развития. Всякая конкретизация плана в определенную программу действий в соответствии с намеченной системой вполне конкретных цифровых лимитов и заданий представляется этому ученому, совершенно незаконным выходом за пределы доступного познанию.

Вокруг этого противоположения пассивно-познавательных моментов в планировании активно-творческому его значению у нас уже высказывалось довольно много весьма разноречивых мнений. Собственно говоря, против того, что в каждом плане должны сочетаться и научный прогноз, и целевые директивы или, как это по иному выражается, и генетика и телеология, никто не спорит. Спор идет лишь об относительном значении каждого из этих моментов в плановом деле. Одни высказываются за „примат" генетики над теологией. Другие, наоборот, познавательным моментам приписывают лишь весьма подчиненное, служебное значение, а целевой установке плана—решающее. Третьи пытаются эклектически примирить обе эти точки зрения, утверждая, так сказать, равноправие и генетики, и телеологии в каждом хозяйственном плане. Находятся, наконец, и такие, которые вообще не придают этому спору никакого значения, признавая его чересчур академическим. Однако, на деле, несмотря на весьма отвлеченную постановку спора и сугубо философскую терминологию, речь здесь идет о таких проблемах, которые чреваты весьма немаловажными практическими последствиями.

Возьмем хотя бы для примера концепцию проф. Кондратьева. В качестве решительного сторонника примата генетики при построении перспективных планов он все свое внимание сосредоточивает на типах и пределах возможного предвидения. Правда, он не исключает из плана и целевых установок, но подчиняет и их все тому же „генетическому методу" построения плана. „...Построение всех основных элементов плана, весь план, начиная с анализа хозяйственной действительности и ее вероятного хода, переходя к системе мероприятий и кончая системой самих перспектив представляется—проф. Кондратьеву—как бы пронизанным стоящей перед нами на каждом основном этапе работы над планом необходимостью практиче-

ского разрешения „*проблемы предвидения*". Из намеченных в порядке предвидения перспектив следуют и директивы. „...Выдвигая те, а не иные перспективы,— поясняет проф. Кондратьев,—мы *тем самым* даем или, точнее, *принимаем на себя* определенную директиву в организации наших мероприятий и действий" [1].

Более *пассивной* роли для хозяйствующего субъекта, как „принимать на себя" директивы, извлеченные научным сознанием из анализа объективного хода вещей, трудно придумать. Но зато роль науки в этой концепции чрезвычайно почетна. Научное *сознание* в ней целиком определяет собою всю хозяйственную деятельность, а вместе с тем и все общественное *бытие* страны. Правда, это не совсем гармонирует с нашим опытом и учением Карла Маркса, До сих пор, наоборот, всегда бытие определяло собою сознание. Но, может быть, и наш опыт, и учение Маркса в данном пункте уже устарели для современного момента? Может быть, все же прав проф. Кондратьев? Тем более, что довольно неожиданно он нашел себе в этом пункте поддержку со стороны весьма сведущих ученых. Мы имеем в виду Громана и Базарова [2].

Громан в своих „Тезисах" о методологических принципах перспективного планирования, предложенных Госплану, определенно высказался за „синтез генетической и телеологической точек зрения *при примате первой*". „Научный социализм,—по его словам,—в отличие от утопического *выводил* телеологию из генетического процесса развития" [3].

Базаров формально не приемлет примата генетики. „Телеология и генетика,—по его утверждению,—не конку-

---

[1] Н. Д. Кондратьев. План и предвидение. Пути развития сельского хозяйства, 1927, № 2, стр. 11. Разрядка наша.

[2] Отмеченный нами здесь еще в 1928 г. идейный контакт бывших народников с бывшими марксистами, завершился, как теперь известно, вполне законченным политическим блоком Кондратьевщины с Громановщиной на платформе активного вредительства и подготовки интервенции против первого в мире пролетарского государства. Вот куда росли их тогдашние якобы чисто-теоретические с нами „разномыслия".

[3] См. „Материалы к заседанию Экономбюро 5/I 1928 г.", тезисы 3 и 2. Разрядка Громана. В последнем замечании кроется явное недоразумение. Из генетического процесса К. Маркс выводил лишь историческую необходимость социализма, а не телеологическую его желательность. Последняя же в *классовом* обществе вообще не отвечает тем требованиям *всеобщей* значимости, какие составляют логическую принадлежность объективной *науки*.

рирующие между собою антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого" [1]. Но утвердив таким образом известное равноправие этих моментов, Базаров очень быстро отступает от него в следующем разъяснении:

„С точки зрения марксистской гносеологии все общественное развитие строжайшим образом детерминировано. Не только грядущие стихийные процессы, но и грядущая воля отдельных лиц и организованных классов, грядущие действия, направляемые личной или коллективной волей, и результаты этих действий с совершенной необходимостью вытекают из прошлого. Если бы мы располагали идеальным познанием, мы могли бы на любое число лет вперед с точностью рассчитывать путем генетического научного исследования и развитие материального базиса в данном обществе, и трансформации надстроек, и результаты взаимодействия базиса и надстроек. Ни о каких априорных целевых заданиях, ни о каких предварительных конструкциях или „моделях" в нашей плановой работе не было бы тогда и речи. Мы не строили бы никаких вариантов, но, опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полнейшей логической непререкаемостью начертать единственно возможный и необходимый путь грядущего. К сожалению, мы бесконечно далеки от такого бесконечно глубокого и исчерпывающего познания. Поэтому в плановой работе мы, не умея предвидеть, вынуждены предвосхищать результаты развития в форме априорных целевых заданий и уже потом, а постериори, научно оправдывать и обосновывать их" [2].

Построение весьма определенное. Конечно, если целевые задания в плановой работе только суррогат недостающих нам знаний, приемлемый лишь по нужде и требующий себе последующего „оправдания" перед судом науки, то о равноправии этого подсудимого с самим судьей говорить не приходится. Примат генетики над телеологией и даже более того полная диктатура генетического метода в плановом деле—здесь сама собою подразумевается. Неясным остается только одно. Не от-

---

[1] В. Базаров. Принципы построения перспективного плана. План. Хоз., 1928, № 2, стр. 38.

[2] Там же, стр. 40. Разрядка наша.

падает ли при такой „гносеологии“ самая потребность в построении каких-либо планов?

Намечая в плане известную программу действий, мы, несомненно, рассчитываем на известный их эффект. Мы исходим из предположения, что благодаря плану мы достигнем известных целей с меньшими затратами усилий, в более короткий срок и т. д. План строится для нахождения оптимальных путей грядущего. А понятие оптимального, т.-е. наилучшего пути предполагает, прежде всего, наличие и других, худших путей к намеченной цели, а затем и возможность выбора между ними со стороны планирующего субъекта. Но в построении Базарова этого выбора нет. Понятия оптимальности намечаемого в плане пути развития он не исключает. Напротив, в тезисах, предложенных Госплану, он прямо утверждал, что, располагая идеальным знанием, мы „опираясь исключительно на изучение прошлого, сумели бы с полнейшей логической непререкаемостью начертать оптимальный путь будущего“. И в то же время, по его концепции, таким путем оказывается вообще „единственно возможный и необходимый путь“. По-обывательски это выражается формулой: чему быть, того не миновать. При таких предпосылках, конечно, и наихудший план дела не испортит. Но и наилучший, исходящий из идеальнейших знаний, делу не поможет. Мы и в том, и в другом случае, несмотря на худой или хороший план, пойдем все тем же единственно возможным и необходимым путем.

В этом построении, несомненно, чувствуется философская углубленность. Но, увы, в отличие от революционной философии марксизма здесь чувствуется совершенно иной философский дух—дух незабвенного д-ра Панглосса. В самом деле, попробуем расшифровать эту премудрость.

Если при идеальном знании „оптимальный путь будущего“ может быть предначертан, опираясь исключительно на изучение прошлого, то, стало быть, все будущее уже целиком предопределено прошлым. Строить планы, чтобы изменить что-либо в этом будущем, в сущности, бесполезно, ибо для этого пришлось бы изменить определяющее его прошлое, а прошлое, увы, уж во всяком случае вне нашего воздействия. К тому же в этом нет и никакой нужды, ибо приведенная выше „генетическая“ формула и без того гарантирует нам

единственно возможный и необходимый „оптимальный путь будущего“. Правда, у нас нет еще идеального знания, чтобы уже теперь познать этот путь. Но это ничего не может изменить в прошлом, а, стало быть, и в будущем. Будущее, очевидно,—даже без нашего о том ведома и сознательного в этом деле участия— осуществит самотеком свой „оптимальный“ путь. А если это так, то разве не прав старик Лейбниц в своем учении о предустановленной гармонии? И разве не имел основания почтенный д-р Панглосс даже в лиссабонском землетрясении усматривать осязательный аргумент в пользу того, что мы живем в наилучшем из возможных миров?

Мне кажется, что в данном случае Базаров пошел гораздо дальше, чем он сам этого хотел. Его „генетическая“ формула не принадлежит к числу тех, которыми изменяют мир. Такая философия, как гашиш, услаждая воображение, может лишь угашать волю и расслаблять мышцы борцов за лучшее будущее. Еслиб ее воспринял революционный пролетариат, то это было бы, конечно, только на руку буржуазии. Но может ли мировой пролетариат в современной обстановке кому-либо поверить, что он уже обрел наилучший из возможных миров? Захочет ли он все дальнейшее предоставить своей собственной судьбе, возложив все надежды на оптимальное течение генетического самотека?

Конечно, нет. Такая опасность ему, во всяком случае, не угрожает.

Правда, марксисты были всегда детерминистами. Историческая обусловленность и закономерность событий—это основа, на которой зиждется социалистическое учение Маркса и Энгельса. Но в число факторов, созидающих из прошлого и настоящего наше грядущее, мы всегда включаем не только материальный базис, но и самих людей с их творческой волей и конкретными социальными устремлениями. Мы отнюдь не преувеличиваем этим роль личности в истории. В сущности говоря, отдельные личности сами по себе вообще на наш взгляд не входят в предмет обществоведения. Но историческую роль целевой устремленности и прямого действия масс в классовой борьбе трудно преувеличить. Даже оставаясь в рамках капиталистического общества, где с максимальной силой царят стихийные факторы исторического процесса, наши учителя не сомневались,

что революционная партия пролетариата может и должна стать повивальной бабкой истории, чтобы сократить объективно-неизбежный, но весьма мучительный процесс родов нового—социалистического общества. А самый переход из рамок капиталистического господства рыночной стихии к новым условия рационального планового хозяйства они рассматривали как прыжок из царства необходимости в царство свободы.

Как надо понимать это царство свободы? Означает ли оно „свободу воли" в смысле неограниченного произвола каждого человека ставить перед собой любые цели? Нет, не означает. Наша воля, как и все остальное, исторически обусловлена. Часто говорят даже: свобода—это познанная необходимость. Но это изречение не следует истолковывать слишком вульгарно. Московские старожилы, вероятно, помнят на Мясницкой две вегетарианские столовые: одну под вывеской: „Убедись" и другую, рядом с первой, под столь же лаконическим лозунгом: „Примирись". Эти лозунги вегетарианского смиренномудрия повидимому, ставили своей задачей в отношении посетителей столовых заставить их не только убедиться из состава предлагаемых им меню, что их рассматривают здесь без всякой романтики в качестве весьма непритязательных травоядных-жвачных, но и добровольно примириться с этой незавидной участью. Вступив на эту стезю, нетрудно и „свободу" детерминистов истолковать в духе такого же сознательного примирения со своей горькой участью и добровольного подчинения непреодолимой необходимости.

Иначе понимаем мы взаимоотношения между свободой и необходимостью. Каждый человек имеет определенные желания и потребности. Их можно изжить двумя путями. Либо путем аскетического самоограничения, как Диоген в бочке, либо путем активной борьбы за их удовлетворение. Первый из них это путь слабых, рабов, угнетенных, второй—путь сильных и свободных. Лишь превращаясь из слабой твари в мощного творца, человек становится свободным. Возможность осуществления воли к творчеству—вот свобода. Чем шире эта возможность у человечества, тем оно свободнее, и, наоборот—чем она уже, тем оно зависимее от окружающей его среды. Что же дает эту свободу? Познание тех объективных закономерностей, которые присущи природе вещей и строю данного общества. Но не для того, чтобы им

пассивно подчиниться, а для того, чтобы, овладев ими, находить путем целесообразного их отбора кратчайшие дороги к осуществлению своих творческих задач. Познавая необходимость, мы тем самым вооружаемся для творческого ее преодоления. Таким образом, познанная необходимость—это путь к творчеству, а стало быть и к свободе. Говоря иначе, познанная необходимость это уже не узы, а орудие свободы. И если говорят: „Свобода—это познанная необходимость“, то подразумевают: свобода—это преодолеваемая путем познания необходимость.

Познание законов объективной необходимости является крайне важным условием свободного творчества, но отнюдь не достаточным. Знакомство с механизмом вселенной вообще и хитрой механикой социальных взаимоотношений в особенности для того, чтобы управлять в меру своих сил этим механизмом и по своему регулировать эти взаимоотношения, совершенно необходимо. Но сверх того необходима еще известная организация тех сил и средств, которые требуются для успешного регулирования соответствующих механизмов в интересах человечества. Мы имеем здесь в виду прежде всего организацию коллективной воли к рациональному хозяйственному творчеству. Это второе, не менее важное условие для реализации возможно полной свободы человеческого общества, взятого в целом.

При капитализме мы уже достигли довольно высокого уровня теоретических и технических знаний, чтобы творчески использовать их в интересах всего человечества, Но при той анархической организации этого раздираемого внутренними противоречиями строя, которая делала человека человеку—волком, вышеуказанная задача была неразрешимой. Накопляемые знания, как и все другие блага, концентрировались и монополизировались в руках одной, меньшей части общества, чтобы служить орудием угнетения всего остального человечества. При этом строе возможно было только индивидуальное творчество и, стало быть, только индивидуальная свобода отдельных членов общества за счет еще большего обездоления в этом отношении огромного большинства остальных. Только социализм, разрушающий все монополии, преодолеет эту анархию. Только плановое хозяйство, организуя волю трудящихся масс, координируя хозяйственные устремления всех людей и направляя их параллель-

ным пучком к общей цели, создает новые условия коллективного творчества. Лишь единый хозяйственный план создает необходимые и достаточные условия полного использования стихийных сил природы и хозяйственных ресурсов общества для достижения тех или иных сознательно поставленных им перед собой задач.

Вот в каком смысле социальная революция, утверждающая плановое начало в хозяйстве, знаменует собою прыжок из царства необходимости в царство свободы.

Мы готовы согласиться с Базаровым, что телеология и генетика в плане представляют собою „диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого". Но мы не забываем, что диалектика это развитие путем противоречий. Диалектическая связь, стало быть, отнюдь не исключает, а даже, наоборот, прямо предполагает возможность известной коллизии между собою названных моментов. Чтобы не расплываться в абстракциях, обратимся к конкретному примеру. Исследуя генетически, куда ведут естественные пути хозяйственного развития нашего Союза, любой ученый мог бы в порядке вполне объективного прогноза начертать перед нами блестящую перспективу аграрного развития СССР. Естественные условия СССР в связи с идеей наиболее рационального разделения труда в международном масштабе прекрасно оправдывали бы такую генетику и с точки зрения принципа общего подъема производительных сил мирового хозяйства. И все же эта генетика сразу же столкнулась бы с резко противоположной ей телеологией. Социалистическому пролетариату отнюдь не улыбается такая перспектива, несмотря на всю ее правдоподобность и осуществимость. В интересах мировой социальной революции нам невыгодно превращать единственную пока страну победоносного социализма в колониальный придаток западного империализма. И вопреки всяким генетическим аргументам в пользу аграризации страны мы выдвигаем совершенно противоположную целевую установку—на индустриализацию СССР.

Спрашивается, чему же пришлось бы отдать предпочтение в случае такого столкновения генетики с телеологией?

Я не сомневаюсь, что всякий идеолог пролетариата высказался бы в этом случае без колебаний за „примат" телеологии. И в этом не было бы никакого пренебре-

жения ни к естественным тенденциям общественного развития, ни к законам природы и т. п. категориям научного мышления, а был бы простой трезвый учет удельного значения в общей цепи социальной закономерности и той силы, какую представляет собою классовая воля организованного пролетариата. Не нос создан для табакерки, а табакерка для носа. Не пролетариат должен служить науке, а наука пролетариату. И если, согласно указаниям научного прогноза, самотек истории в том или другом частном случае угрожает вылиться не в то русло, какое ему нами предназначено, то мы используем это предвидение только для того, чтобы во время преградить этому самотеку дорогу соответствующими инженерными сооружениями и направить его в надлежащую сторону.

Конечно, и классовые устремления пролетариата отнюдь не случайны. Нельзя же себе представить, чтобы по мановению какого-то каприза буржуазия устремилась вдруг к социализму, а пролетариат—к капитализму. Но раз известные волеустремления класса налицо, о них уже нет нужды гадать в порядке тех или иных генетических прогнозов, а следует считаться как с заранее данным фактом. Целевые установки пролетариата, его классовая воля и программа действий нам уже даны. В наиболее общем виде они зафиксированы в программе Коминтерна. Дальнейшее развитие этой программы применительно к рамкам СССР мы находим в партийной программе ВКП(б). Хозяйственный перспективный план СССР в своих целевых установках должен явиться дальнейшим экономическим развитием этой программы на тот или иной календарный отрезок времени. Недаром В. И. Ленин первый же из наших хозяйственных планов, генеральный план электрификации ГОЭЛРО, назвал второй программой партии.

В условиях СССР хозяйственный план является, стало быть, лишь календарным отрезком партийной программы революционного пролетариата. Уже из этого следует, что основной задачей наших перспективных планов на весь переходный период от капитализма к социализму будет строительство социализма. Но эта основная историческая наша задача в каждом плане, в зависимости от конкретной обстановки данного отрезка времени, подлежит развитию в целую систему соподчиненных основной цели и внутренне согласованных между собою

экономических заданий. Конечно, в порядке последовательной конкретизации задач хозяйственного плана одни, более общие, непосредственно выводятся из основной задачи строительства социализма и ближе к ней примыкают, другие, более конкретные, связаны с ней целой цепью промежуточных звеньев. Таким образом, может быть установлена известная цепная связь этих заданий с основной целевой установкой.

На этой стадии построения плана мы, стало быть, идем не генетическим, а телеологическим путем. Одни задания или директивы выводятся из других не в порядке перехода от причины к следствию, а в обратном порядке следования от конечной цели к отбору тех средств, которые ведут к ней кратчайшим путем. Конечно, в качестве последователей научного социализма, мы не можем себе ставить утопических задач. Мы должны иметь полную уверенность в осуществимости наших директив. А для этого надо твердо знать меру эффективности всех тех средств, которые избираются нами для осуществления наших целей. Мы должны предвидеть, ведет ли данное средство к намеченной цели, т. е. является ли оно достаточной причиной для наступления желаемого следствия. Иначе говоря, мы должны телеологическую цепь средств и целей строить на твердом научном базисе изучения генетической их между собой связи в качестве причин и следствий. Телеология должна опираться на генетику.

Вот в каком смысле наш план должен представлять собою синтез директив с прогнозом или телеологии с генетикой.

В чем же, однако, заключается выгода такого следования при построении плана от целей к средствам, вместо того чтобы итти, казалось бы, более нормальным с точки зрения требований науки путем от причин к следствиям?

Основное методологическое преимущество этого пути заключается в его экономности. Отправляясь от известной цели к отбору пригодных для этой цели средств, мы резко ограничиваем поле и объем своих познавательных задач. Вне этого поля остается сразу вся та огромная масса возможных причинных связей, которая не имеет прямого и непосредственного отношения к намеченной цели. При обратном, т. е. генетическом, ходе исследования мы должны были бы подвергнуть

своему анализу для построения прогнозов о будущем всю совокупность явлений прошлого и настоящего, ибо каждое из них чревато каким-то будущим. Необъятность этой задачи усугублялась бы еще тем, что в круг фактов, подлежащих предвидению, пришлось бы включить и сумму тех волеизъявлений, которые должны определяться нашим хозяйственным планом. А это предполагает уже в начале работы известным тот план, который может быть построен только в качестве ее завершения.

Конечно, исходя из заранее заданных целевых установок, мы уже тем самым ставим перед собой плановую проблему нахождения оптимальных путей хозяйственного развития не в общем ее виде, а сознательно ограничиваем ее пределы одним лишь вполне определенным частным случаем. Но именно это и позволяет нам достигать весьма элементарным путем вполне научного разрешения столь сложных задач, которые в самом общем виде вообще едва ли поддаются разрешению.

К тому же мы очень сомневаемся в целесообразности постановки таких проблем „в общем виде" и по другим соображениям. Понятие „оптимального" пути развития весьма соотносительно. Оно неизбежно подразумевает какого-то определенного субъекта, для которого этот путь явится оптимальным. Ставить эту проблему в общем виде это значит искать таких путей, которые для всего общества в целом оказались бы оптимальными. Но в классовом обществе то, что явилось бы оптимальным для буржуазии, не может оказаться таковым же и для пролетариата. И—наоборот—оптимальное для пролетариата отнюдь не заслужит такой же оценки со стороны буржуазии. Если же мы заранее исходим из интересов только одного пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в данной стране, то этот „частный случай" разрешается, конечно, несравненно проще. Но тут уж примат телеологии, т. е. определенной целевой классовой установки, в проектировках оптимального плана сам собою подразумевается.

Постановка задачи нахождения оптимальных путей развития в общем виде, исходя только из прошлого, таким образом игнорирует прежде всего классовое строение нашего общества. И если даже такая генетическая постановка плановой проблемы претендует на

звание сугубо научной, мы не можем оказать ей должного кредита, ибо не верим в силу и объективность общественной науки, парящей над классами в безвоздушном пространстве.

1928 г.

Б. ПРАКТИКА ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

(К истории первой пятилетки)

1. ОБСТАНОВКА РАБОТЫ

Госплан Союза начал свою работу с апреля 1921 г. Чтобы оценить по достоинству те условия, в которых ему пришлось начинать эту работу, необходимо хотя бы несколькими штрихами освежить в памяти хозяйственную обстановку того времени.

В течение почти семи долгих лет с 28 июля 1914 г. страну терзала изнурительнейшая война. Великая Октябрьская революция 1917 г. правда вывела, наконец, обескровленную Россию из мировой империалистической бойни, но ввергла ее в не менее тяжкий цикл испытаний гражданской войны, интервенций и блокады. Революционный пролетариат России вышел с честью из всех этих испытаний. Гидре внутренней контрреволюции был нанесен ряд решающих поражений, удушающее кольцо внешней блокады было прорвано в отдельных звеньях [1] и за полной безнадежностью дальнейших попыток интервенции бессильно распалось. Но эти победы были куплены дорогою ценою жесточайшей хозяйственной разрухи и разорения страны.

В 1920 г. зерновая продукция сельского хозяйства составляла уже едва только 52% довоенного уровня в границах Союза, а технические культуры еще меньше, сбор льна и конопли (на волокно) 28%, сахарной свеклы—7,8%, хлопка—3,3% [2]. Валовая продукция цензовой промышленности 1920 г. упала до 859 млн. руб. по довоенным ценам против 6098 млн. руб. в 1913 г., т. е. до 14,1% довоенной нормы, а в частности по металлургии черных металлов она упала даже до 3,5% [3]. Работа жел.-дор. транспорта, выраженная в приведенных тоннокило-

---

[1] См. мирный договор с Эстонией от 2 февраля 1920 г.

[2] План. Хоз., 1924, № 4—5, стр. 167—176.

[3] Динамика Российской и Советской промышленности за 40 лет, т. 1, ч. III, стр. 177—191.

метрах, составляла едва 16,5% довоенного объема на территории современного Союза ССР.

Указанной разрухе в области материального производства соответствовала не меньшая разруха в области организации труда. Лучшие кадры пролетариата были оторваны от мирного труда и сражались на всех фронтах против вооруженных сил контрреволюции. Обращение всех материальных ресурсов и транспортных средств прежде всего на бесперебойное обслуживание боевых сил революции на фронтах приводило к еще более частым и губительным перебоям в снабжении предприятий сырьем, рабочих продовольствием и т. д. Рабочие, отрываясь от станков старались посильно противодействовать этим перебоям активным участием в продотрядах и всякими иными методами самоснабжения. А в результате за счет вынужденных простоев и всякого рода прогулов и неявок каждый рабочий на круг в 1920 г. потерял 87, а в 1919 г. даже 120 рабочих дней за год [1]. Считая по 25 рабочих дней в месяц это составит потерю рабочего времени на каждого рабочего от 4 до 5 месяцев в год. Если же к этому добавить недостаточное питание и вообще крайне низкий уровень жизни рабочих, падавший до 8 руб. 30 к. в месяц против 25 довоенных, то не придется удивляться, что и годовая выработка рабочего за 1920 г. составляла едва 23,5% довоенной нормы [2].

Этот общий упадок производительных сил осложнялся резкой функциональной диспропорцией различных отраслей хозяйства и не менее резким разрывом межрайонных хозяйственных связей огромной страны, охватывающей одну шестую поверхности земного шара. В таких условиях война, требовавшая огромного финансового напряжения ресурсов, могла их черпать, конечно, лишь за счет ликвидации основных и оборотных фондов народного хозяйства, т. е. за счет прямого разрушения производительных сил страны. При почти полном распаде хозяйственных связей и крайней слабости заново создаваемого административного аппарата, методы нормального н а л о г о в о г о изъятия необходимых для войны ресурсов оказались совершенно непригодными. В государственном бюджете 1920 г. учтенные „доходы“

---

[1] Струмилин. Заработная плата и производительность труда, стр. 44. М., 1923.

[2] 560 руб. против 2380 руб. в 1913 г. в пределах СССР. „Динамика промышленности за 40 лет“, т. I, ч. III, стр. 177 и 191.

покрывали расходный бюджет едва на 13.1%[1]. Все остальное приходилось покрывать либо путем крайне разорительной для деревни продразверстки, либо путем лошадиных доз денежной эмиссии. А это помимо многих других губительных следствий, означало безудержно падающую валюту и, стало быть, полную невозможность сколько-нибудь надежной системы хозяйственного учета вообще и финансовой отчетности в особенности.

Все это представляло собою крайне неблагоприятные предпосылки для успешной деятельности Госплана.

Со стороны могло казаться, что страна уже впала в состояние совершенно непоправимой хозяйственной катастрофы или в лучшем случае находится накануне такого катастрофического провала. Но революционный пролетариат и его авангард в лице коммунистической партии ни на минуту не поддавался таким паническим и капитулянтским настроениям. С непревзойденной твердостью и решительностью, готовый на все необходимые жертвы, он уверенно шел сквозь строй самых тяжких испытаний к желанной победе. И как только эта победа дорогою ценой досталась ему на боевом фронте борьбы с вооруженной контрреволюцией, он без всякой передышки устремился к мирному творческому труду на хозяйственном фронте.

Еще 17 марта 1921 г. революция брала штурмом мятежные твердыни Кронштадта, 18 марта был подписан развязывающий нам руки для мирного труда мир с Польшей, и, хотя для Красной армии в стране оставалось еще не мало работы по борьбе с бандитизмом на окраинах и целой 50-тысячной армией кулацко эсеровской антоновской Вандеи в центре, уже 1 апреля того же года за подписью В. И. Ленина получили окончательное декретное оформление „Основные положения организации Госплана“ и в стране началась новая борьба за план, за плановое социалистическое строительство.

В отличие от всех своих предшественников на плановом фронте из эпохи военного коммунизма, начиная от ВСНХ и Чусоснабарма до Комиссии Использования, облеченных огромными полномочиями государственной власти, Госплан возник как чисто совещательный орган

---

[1] „На новых путях“. Итоги новой эконом. политики, вып. II, стр. 2. М., 1923.

без всяких административных функций при Совете Труда и Обороны (СТО). А поскольку и СТО является только одной из комиссий Совнаркома, то Госплан должно было рассматривать просто как одну из рабочих подкомиссий Совнаркома. И если все же, несмотря на столь скромное место в иерархии советских органов и полное отсутствие каких-либо атрибутов власти, Госплану принадлежит неизмеримо большее влияние на развитие народного хозяйства СССР, чем кому-либо из его высокоуполномоченных предшественников, то причину этого различия следует искать прежде всего в условиях времени.

Учреждение Госплана совпало с очень знаменательным моментом в нашей истории. Завершение гражданской войны в стране позволило нам перейти к новой экономической политике. Введение НЭП'а обычно связывают с опубликованием известного „Наказа СНК о новой экономической политике" от 11 августа 1921 г., где принципы НЭП'а нашли свое развернутое выражение. Но основной переломный момент к НЭП'у отражен уже целиком в более раннем декрете о замене продразверстки продналогом, принятом 21 марта 1921 г., т. е. всего за несколько дней до начала работ Госплана. Вполне понятно, что до *этой* даты даже после полного поражения вооруженных сил буржуазной контрреволюции, открыть эру успешного строительства социализма в нашей стране не мог бы и самый мощный плановый орган. В крестьянской стране осуществлять такую задачу пролетариат может только опираясь на бедняка и притом в теснейшем союзе с середняцкой массой деревни. После же 21 марта, когда положено было прочное основание такому союзу, Госплан, в отличие от своих предшественников, впервые получил совершенно достаточную и вполне надежную базу для успешного развертывания своей работы.

Однако, НЭП таил в себе одно историческое недоразумение, которое для впавших в него готовило в грядущем роковые последствия. Открывая во имя мира с деревней широкий простор стихии рыночных отношений, НЭП делал это *всерьез* и *надолго*, но не навсегда. В перспективе имелось в виду по мере роста плановости хозяйства, постепенное, но вполне последовательное ограничение рыночной стихии вплоть до полной замены этой стихии плановым началом. Однако, в некоторых кругах буржуазной интеллигенции ставка

Советской власти на свободу торговли была понята как такой шаг к реставрации буржуазных отношений, за которым неизбежно—уже по внутренним законам буржуазного естества—не могут не последовать и все остальные. Рынок, по представлению этих кругов, должен был „химически“ выделить из себя и все остальные категории капитализма, вопреки всяким планам. В такой обстановке эта принципиально враждебная социализму интеллигенция вдруг очень охотно „сменила вехи“ по отношению к Советской власти, т. е. якобы идейно разоружилась и пошла на службу Советов. В условиях широкой свободы рыночной стихии ее уже не пугали никакие социалистические планы и эксперименты. Наоборот, с особенной охотой они шли работать именно в такие боевые органы социалистического строительства, как Госплан, чтобы и самим активно приложить руки к намеченной здесь программе восстановления народного хозяйства, разумеется, в меру своего классового разумения этой задачи.

В интересах скорейшего построения социализма, Советская власть в свою очередь очень охотно привлекала и привлекает беспартийных специалистов всякого рода хотя бы на роли временных попутчиков, отнюдь не строя себе особенных иллюзий насчет их идеологии и требуя от них лишь элементарной профессиональной добросовестности и служебной лояльности. Поэтому с первых же дней плановой работы кадры плановых органов были в очень значительном проценте заполнены представителями буржуазной интеллигенции самых различных мастей и оттенков. Не мудрено, что среди них оказалось не мало и таких идеологов буржуазии, которые сознательно спекулировали на буржуазное перерождение Советской власти под растлевающим влиянием рыночной стихии и сами готовились активно ему содействовать. Беспристрастная история покажет, в какой мере плановые органы сумели их использовать в интересах пролетариата и в какой мере эти идеологи чуждого нам класса в свою очередь использовали оказанное им доверие в интересах реставрации капитализма. Но и ныне уже можно придти к некоторым выводам. Несомненно, чаяния сменовеховцев на автоматическое „сползание на тормозах“ нашего хозяйственного строя от социализма к капитализму под влиянием рыночной стихии оказались очень печальным для них заблуждением. Когда

же в результате разочарования, они сами захотели активно помочь этому процессу, встав на путь явного вредительства и контрреволюции, то получили должное возмездие.

Но, разумеется, подобное „сотрудничество" охвостьев старого мира в плановых органах отнюдь не облегчало оперативной работы этих органов. Да и в области разработки плановой методологии при таком сотрудничестве не легко было отстоять от буржуазных влияний необходимую четкость и принципиальную классовую чистоту пролетарской идеологии. Тем более, что мы в этой области всегда натыкались на замаскированного врага, пользовавшегося нашим доверием и зачастую недурно владевшего, если не марксистским методом, то по крайней мере марксистской фразеологией.

Задача идеологического преодоления этих буржуазных влияний на методы и практику планирования осложнялась до последнего времени недостаточной насыщенностью и сплоченностью коммунистических сил в Госплане. Призванный стать экономико-техническим штабом строющей социализм страны, Госплан очень долго вынужден был работать, опираясь главным образом на беспартийных специалистов. Коммунисты-инженеры не только в Госплане, но и по всей стране представляли редчайшее явление. Что же касается партийных экономистов, то наиболее вооруженные из них и революционным опытом, и теорией, были достаточно загружены руководящей партийной работой, а молодежь только еще готовилась к практической работе, отдавая большую часть своего времени и сил теоретическим дискуссиям об абстрактном труде и тому подобных весьма отвлеченных материях. Но хуже всего отразились на работе Госплана те внутрипартийные споры и шатания, которые были навязаны партии сначала псевдо-левой троцкистской, а затем откровенно правой оппозициями.

Госплан очень нуждался в подкреплении коммунистическими силами, но борьба с оппозицией отвлекала их от хозяйственной работы на другие более ответственные участки и в силу весьма естественного, хотя и злосчастного для хозяйственного штаба революции отбора, в Госплане на весьма ответственных постах перебывал за несколько лет чуть не весь оппозиционный отсев этих лет. Конечно, коммунисты этой формации, сами не верившие в возможность осуществления социализма

„в одной стране“—и притом в той самой, которая одна лишь и могла на это претендовать, овладев с помощью диктатуры пролетариата рычагами планового хозяйства,—не могли внушить такой веры даже самым лояльным нашим попутчикам в плановой работе из числа беспартийных. Предъявив чудовищное обвинение руководству партии в буржуазном „термидорианском“ его перерождении, эти горе-социалисты, несомненно, не только поддерживали этим сменовеховские пассивные чаяния реставрации капитализма, но и вооружали идеологически всех активных контрреволюционеров в их вредительской борьбе с партией. Сея в буржуазной среде архизлостную клевету на вождей революционного пролетариата и рекрутируя себе активных сторонников, вредители несомненно с особенным удовольствием ссылались на столь „авторитетных“ соратников их в этом деле, как Троцкий и его сподвижники.

Вопрос, как все это должно было отразиться на плановой работе Госплана, заслуживает специального исследования. Но в общей оценке тех трудностей, какие должен был преодолеть Госплан за первые годы своей работы, участие в ней не только вредителей, но и весьма видных деятелей партийной оппозиции не может ни в коей мере быть скинуто со счетов или забыто.

Уже из сказанного о персональном составе работников Госплана ясно, что процесс планирования в нашей стране не может рассматриваться как идиллически-мирная кабинетная работа коллектива инженеров и экономистов, дружно проектирующих на базе непреложных истин объективной науки здание грядущего социализма. Процесс планирования в наших условиях это, конечно, прежде всего процесс весьма обостренной классовой борьбы за социализм. Правда, к моменту образования Госплана первый наиболее острый период классовой борьбы—с оружием в руках—уже был завершен, и классовая борьба изменила свои формы и род оружия. Но общий тонус этой глухой борьбы, где классовый враг с закрытым забралом, подстерегая нас на каждом шагу и пользуясь каждой нашей ошибкой, засорял нашу идеологию и отклонял руль хозяйственного управления от намеченной нами линии, был и остается не менее напряженным, чем на поле воинской брани.

В качестве печального наследия от периода борьбы на боевых фронтах Госплан получил глубоко потрясен-

ное и разрушенное контрреволюцией хозяйство. Но призванный восстановить его на новых началах он неизбежно должен был снова столкнуться с той же контрреволюцией, прилагавшей все усилия к тому, чтобы так или иначе помешать ему в разрешени этой задачи на хозяйственном фронте.

К огромным трудностям, созданным у нас для планирования на первых его этапах объективными последствиями гражданской войны и субъективными условиями работы плановиков в буржуазно-вредительском окружении, следует прибавить еще одно чрезвычайной тяжелое обстоятельство. В первый же год работы Госплана вдобавок ко всем бедствиям, причиненным контрреволюцией, на страну обрушилось еще одно стихийное бедствие. Мы имеем в виду небывало-тяжкий неурожай 1921 г., поразивший 22 губернии с населением в 31,7 млн. душ и дефицитом хлеба по самым минимальным расчетам не менее 3,6 млн. тонн (222 млн. пудов). Но и в остальных районах страны за этот год не имелось сколько-нибудь значительных избытков. На помощь голодающим в неурожайный район при всем напряжении имеющихся ресурсов и ввозе хлеба из-за границы (56 млн. пуд.) удалось перебросить хлеба из других районов не свыше 26% от исчисленной по голодным нормам потребности. А в результате вместо необходимого нам подъема сельского хозяйства мы оказались перед лицом дальнейшего резкого сокращения и посевных площадей (на 11%), и животноводства (на 8%), и общего уровня производительных сил обессиленной голодом деревни [1]. Не менее двух лет потребовалось нам, чтобы восстановить только тот уровень сельского хозяйства, на котором его застиг голод 1921 г., а в районе пострадавших губерний тяжелые раны, нанесенные голодом, пришлось изживать, конечно, в гораздо бо̀льшие сроки.

И все же, несмотря на всю глубину хозяйственного кризиса, из которого Госплан призван был вывести страну, и на все неблагоприятные условия политической и культурной обстановки, в которой ему пришлось работать, он выполнил свою задачу. Уже за первый год плановой работы Госплана ему удалось поднять продукцию

---

[1] См. „Итоги борьбы с голодом в 1921/22 г.“, стр. 459 и „Основные показатели динамики народного хозяйства за 10 лет революции“. План. Хоз., 1927, № 11, стр. 258.

фабрично-заводской промышленности Союза более чем в полтора раза. Через пять лет, к 1926/27 г., мы уже превзошли довоенный уровень этой продукции, а еще через три года, в 1929/30 г. удвоили этот уровень по сравнению с 1913 г.

Таких темпов не знает ни одна капиталистическая страна. Здесь, несомненно, выявились впервые в конкретном опыте теоретически давно уже известные преимущества плановой системы.

Присмотримся же поближе к этому крайне поучительному опыту. Попытаемся выявить все важнейшие ошибки и достижения в области нашего планирования. Посмотрим, как на опыте выковывалось в борьбе с буржуазными влияниями то идеологическое вооружение плановых органов, которое мы называем методологией планирования, каково материальное содержание первых опытов перспективного планирования и в какой мере эти плановые предположения воплощались реально в хозяйственную жизнь страны.

2. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

„Построить коммунистическое общество руками коммунистов—это ребячья, совершенно ребячья идея“, учил нас В. И. Ленин на XI съезде партии. „Коммунисты это капля в народном море“. Построить коммунизм они смогут только „чужими руками“, усвоив себе лозунг, что буржуазию мало победить,—„надо ее заставить на нас работать“. Исходя из таких установок, мы комплектовали все наши плановые и хозяйственно-оперативные органы как в центре, так и на местах. Коммунистическая прослойка до последнего времени в них была чрезвычайно тонка, беспартийный массив буржуазных специалистов всякого рода—весьма плотен. Мы строили плановое хозяйство в значительной степени „чужими руками“.

Можно ли сомневаться, что такая позиция чревата огромными опасностями?

Конечно нет. Но мы знали, на что мы идем.

Провозгласив НЭП ради смычки с основной середняцкой массой деревни, т. е. развязав стихию рынка, чтобы затем обуздать ее планом, мы поставили перед собой очень серьезную задачу „коммунистического соревнования“ с капитализмом в области „развития форм хозяйства и форм общественного уклада“ (Ленин). И не-

смотря на мирную оболочку этого соревнования, мы отнюдь не заблуждались относительно его содержания. В. И. Ленин, учитывая уроки НЭП'а за первый год его действия, предупреждал нас на XI съезде: „Сегодня на нас не наступают с оружием в руках, и тем не менее борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг". „Это есть еще одна форма борьбы двух классов, непримиримо враждебных друг другу". „Это есть отчаянная, бешеная,—если не последняя, то близкая к тому,—последняя борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом". (Стеногр. отчет, стр. 24—26. Разрядка наша).

Имевший место недавно процесс буржуазных вредителей в области планирования социалистического строительства показал нам конкретные образчики их работы. И мы можем еще раз воочию убедиться в гениальной прозорливости Ильича. Но наряду с практикой вредительства немалый интерес представляют для нас и те идеологические покровы, которыми она прикрывалась в их повседневном с нами общении. Архивы плановых органов заключают в себе в этом отношении крайне поучительные материалы. И ознакомление хотя бы с некоторыми из этих образчиков буржуазной идеологии в планировании тем более важно, что из этого мутного источника зачастую идейно питались и некоторые менее стойкие элементы нашей собственной партийной среды. В особенности это относится к представителям правого уклона—этой главной опасности в нашей партии на данном этапе борьбы за социализм.

В стенах Госплана работали виднейшие представители буржуазной интеллигенции—широко известные экономисты и крупнейшие инженеры. Из их рядов вышли чуть-ли не все ныне нам известные вожди активной контрреволюции и лидеры технического вредительства. Скрываясь под маской лойяльности и даже решительного сочувствия советской власти, они, конечно, не могли раскрыть до конца своей классовой идеологии. Однако, работая в условиях НЭП'а, они могли довольно широко и свободно развернуть на этой вполне легальной базе свою экономическую и политическую платформу. Так же как и мы, они отлично понимали, что НЭП представляет

собою на основе рыночных отношений широкое поле соревнования элементов капитализма и социализма. Но, если мы в этом соревновании ставили ставку на преодоление рыночной стихии планом, то они, наоборот, все свои надежды возлагали на расширение границ НЭП'а и ограничение самого плана властью рыночной стихии, „химически" выделяющей из себя ростки капитализма.

Эта борьба за план с нашей стороны против буржуазных влияний, боровшихся за торжество рыночной стихии в нашем народном хозяйстве, проходит красной нитью через все наши „методологические" дискуссии и практические опыты истекших лет в области планирования.

Куда же нас конкретно толкали эти буржуазные влияния? И куда мы пошли в нашей плановой практике?

В первые годы плановой работы,—годы расширения позиций НЭП'а—буржуазная идеология в планировании проявлялась крайне примитивно. Сменовеховские надежды на „внутреннее перерождение" большевиков под влиянием НЭП'а были очень живы в буржуазной среде. И к нам без обиняков предъявляли определенные требования.

„Задачи государства",—заявлял, например, Базаров в июле 1922 г.—„вращаются в заколдованном круге. Надо овладеть рынком, но овладеть им, значит его уничтожить". И, отнюдь не сочувствуя этой последней перспективе, он предлагает другой выход: „Государство должно дать свободу для рынка для того, чтобы в процессе коммерческого соревнования определить устойчивые экономические конъюнктуры... Необходимо допустить свободу рынка и капиталистическую конкуренцию, чтобы как-нибудь создать определенные формы хозяйственного быта... Для успешности работы необходимы: твердая валюта и твердый юридический правопорядок, определенные законодательные акты, без которых капитал не пойдет на работу" [1]...

Не трудно понять, что „твердый правопорядок", требуемый для того, чтобы господин „Капитал" пошел на работу, это нечто вроде „демократической республики", а „формы хозяйственного быта" наиболее благоприятствующие „капиталистической конкуренции", это более чем прозрачный псевдоним капиталистического хозяйства.

---

[1] Архив Госплана, экон. секция, прот. № 4 от 12 VII 1922 г.

Но в 1922 г. В. И. Ленин на XI съезде партии, уже провозгласил лозунг: „Отступление кончено". На дальнейшее развязывание стихии рынка в интересах „безработного" капитала особых надежд возлагать не приходилось. И скоро буржуазная идеология, учтя обстановку момента, занялась вплотную „методологией" планирования.

В одной из первых же дискуссий по методологии перспективного планирования в заседании Президиума Госплана от 21 ноября 1923 г., на обсуждение выдвинута была Базаровым следующая чрезвычайно поучительная концепция о роли рынка в планировании. „Очень часто у нас рассматривается идея планового хозяйства, идея единого хозяйственного плана, как пережиток эпохи военного коммунизма... В противовес этому я утверждаю, что основные предпосылки НЭП'а, т. е. наличие рынка и хозрасчет, суть предпосылки всякого возможного планирования, независимо от того, будет ли мировая революция или нет. Исторический опыт показывает, что оздоровление хозяйства возможно только тогда, когда существует здоровая заинтересованность каждого работника в результатах его труда, но этого мало: только рынок позволяет в теперешних условиях создать автоматический контроль над правильностью всех действий, автоматический счетчик, показывающий результаты деятельности каждой отрасли хозяйства, каждого предприятия в отдельности"[1].

Насколько нам известно, ни один коммунист идею планового хозяйства в качестве „пережитка" эпохи военного коммунизма не рассматривал. И автор вышеприведенных строк, Базаров, оспаривал этот совершенно неприемлемый для нас тезис, очевидно, только для того, чтобы сделать для нас более приемлемым свой антитезис, по которому без рынка вообще не может быть никакого разговора о планировании. Однако, мы вовсе не обязаны были выбирать один из этих тезисов и отвергли оба. Базаров даже в качестве бывшего социалиста мог бы все же припомнить, что идея планового хозяйства присуща не только переходному периоду к социализму, допускающему при известных условиях

[1] Архив Госплана, дело № 70, прот. № 122, л. 112.
Разрядка здесь и везде, где не отмечено обратное, наши.

рынок, но и развернутому социализму, принципиально исключающему свободу рыночной стихии. Таким образом, принимая рынок за необходимую предпосылку всякого возможного планирования мы должны бы заплатить за эту предпосылку слишком дорогою ценою, ценою отказа от социализма, как заведомо несовместимого с этой предпосылкой хозяйственного строя.

Эти соображения, однако, отнюдь не могли, конечно, остановить от выражения полной солидарности с Базаровым таких „независимых“ ученых, как В. Г. Громан и Н. Д. Кондратьев. И они оба на том же заседании всецело к нему присоединились. „Я согласен...—заявил тут же Кондратьев—с положением В. А. (Базарова), что существование НЭП'а не только не отрицает плана, но является предпосылкой для построения его. Рынок и цены несомненно являются предпосылкой построения плана, хотя бы потому, что в противном случае мы теряем всякую возможность (?) соизмерения хозяйственных явлений“ [1]. Выступление Громана на том же заседании Госплана прямо начиналось с декларации: „После доклада тов. Базарова, с коим я согласен от слова до слова, мне можно очень мало говорить о методологии вопроса“ [2].

Еще любопытнее в смысле раскрытия идеологии той же группы „независимых“ ученых громановской ориентации одна забытая записка того же времени „О задачах и методах“ Госплана, извлеченная нами недавно из архива Госплана и принадлежащая, судя по стилю, повидимому, перу самого Громана. Несмотря на эзоповский язык этого документа установки его весьма прозрачны. Исходя из идеи развития производительных сил и факта существования в стране целых пяти социальных укладов, автор рекомендует в отношении конкурирующих форм социализма, капитализма, мелкого товарного хозяйства [3] и прочих укладов такой плановый модус: „Все то, что может быть совершено наиболее рационально, такой-то формой хозяйства должно быть предоставлено именно этой форме“. Как видим, автор записки в качестве совершенно „независимого“ ученого формально проявил здесь, добру и злу внимая равнодушно, макси-

---

[1] Там же, л. 98, об.

[2] Там же, л. 115.

[3] „Сюда относится большинство крестьян из тех, которые продают хлеб“, поясняет автор записки.

мум беспристрастия и незаинтересованности. Он готов предоставить предпочтение любой — даже обобществленной форме хозяйства, если она рациональнее других. Однако в интересах объективной истины автор вынужден при определении в плане относительного объема различных хозяйственных форм „исходить из двух фактов: наличности обобществленного ведущегося заведомо до сих пор нерационально хозяйства и наличности мелких хозяйств условно принимаемых, как рациональные“.

Нет нужды говорить, что даже „условная“, т. е. весьма относительная рациональность мелкотоварных хозяйств по сравнению с „заведомо нерациональным“ обобществленным хозяйством является решающим для нашего автора обстоятельством, и он предъявляет к плану следующее требование: „При этом должно быть предусмотрено неизбежное расширение мелкого хозяйства при условии свободного товарообмена, учитывая, что по отношению к предметам, для производства которых сырье, топливо, орудия производства и транспорт могут быть приобретаемы на свободном рынке, способность конкуренции мелкого хозяйства будет выше, чем обобществленного хозяйства при условии, если последнее не будет пускать в товарообмен свои продукты ниже себестоимости“.

Итак, высшим критерием рациональности хозяйства в этой плановой концепции является его конкурентоспособность на свободном рынке. Конечно, за отсутствием крупной буржуазии в стране автор приведенного тезиса вынужден ставить свою ставку конкурентоспособности на мелкое кулацкое хозяйство. Но это не меняет дела. Способность к конкуренции—это и есть тот „автоматический контроль“ рациональности хозяйства, к которому нас отсылал Базаров, как к основной предпосылке планирования. Планировать в этом смысле, это значило бы прежде всего учитывать рыночную конъюнктуру и следовать ее велениям. В том, что капиталистическое хозяйство окажется в условиях свободного рынка конкурентоспособнее обобществленного, идеологи буржуазии, конечно, отнюдь не сомневались. Правда, у пролетариата, осуществляющего диктатуру, имеются в арсенале и внеэкономические средства для поддержки обобществленных форм хозяйства против стихии рынка. Но автор цитируемых тезисов, предусматривая это, уже

сформулировал плановую „директиву“ хозрасчета: „Обобществленное хозяйство в товарообмене с мелкими хозяйствами не может продавать продуктов ниже себестоимости“, а на случай иных методов грозит нам тезисом, явно похищенным для пущей убедительности из марксистского арсенала: „Всякая политическая форма, которая не сумеет осуществить принципы рационального хозяйствования, исторически осуждена на гибель“.

Та же ориентировка на рынок явно просвечивает и в той своеобразной трактовке идеи балансового метода в планировании, которую пропагандировала в Госплане школа Базарова—Громана.

Балансовый метод планирования получил широкое признание в стенах Госплана задолго до появления там Громана и Базарова. Уже в первом пункте программы работ секции „учета и распределения“, всего через несколько дней после учреждения Госплана, была поставлена в качестве основной задачи секции „подготовка ежегодных проектов общего перспективного баланса народного хозяйства по плановому использованию и распределению труда в пределах республики на предстоящий год“[1]. Уже в первом годовом плане, вышедшем из стен Госплана и одобренном СТО 28 августа 1921 г., этот метод нашел свое частичное применение. Мы имеем в виду план продовольственного снабжения страны на 1921/22 г., построенный на базе хлебофуражного баланса[2]. В стенах же Госплана была запроектирована первая схема отчетного „народнохозяйственного баланса на 1921/22 г.“[3]. И лишь впоследствии, за громоздкостью работ этого рода, они возложены были в части отчетных балансов на ЦСУ Союза.

По нашей мысли „целью построения баланса народного хозяйства является фиксация той системы подвижного равновесия, в которой протекает процесс воспроизводства народного богатства страны, или, говоря шире, воспроизводство ее производительных сил за данный отрезок времени“, а поскольку этот процесс проте-

---

[1] Архив Госплана, л. 1. Предложение Струмилина от 11 IV 1921 г.

[2] См. соответствующий доклад „К хозяйственному плану на 1921/22 г.“ в „Эконом. Жизни“ от 22 VII 1921 г. и у С. Струмилина „На хоз. фронте“, стр. 42—73. М., 1925.

[3] См. доклад Струмилина от 26 I 1923 г. в экон.-стат. секции Госплана. Архив секции, прот. № 95.

кает в условиях, „где различные социальные уклады хозяйства и представляющие их классы борются между собой за существование“, то „баланс народного хозяйства должен отобразить в себе также и состояние подвижного равновесия этих конкурирующих между собой социальных укладов, удельный вес каждого из них в общей системе и то перераспределение этих весов, какое может быть зафиксировано на данном отрезке времени“ [1]. Таким образом нашей задачей в этих балансовых построениях было выявить динамическое равновесие борющихся социальных сил, чтобы соответствующим плановым воздействием обеспечить необходимое нам перераспределение производительных сил страны в интересах социализма, т. е., чтобы толкнуть чашу колеблющихся весов в сторону идеалов пролетариата.

Представители „независимой науки“, устами которых, как известно, всегда вещает сама объективная истина, предпочитали иную трактовку проблемы баланса. Для них этот баланс представлял интерес прежде всего с точки зрения рыночного равновесия. Мотивируя необходимость составлять перспективный план „в виде более или менее разработанного перспективного баланса народного хозяйства“, Базаров исходил из того, что в противном случае независимо от наличности самых солидных технических расчетов „мы никогда не можем быть уверены в экономической реальности этих технических возможностей, в том, что народное хозяйство данного строения, действительно, в состоянии реализовать свою продукцию на рынке“ [2]. Итак, экономическая реальность наших планов поверяется шансами рыночной реализации проектируемой продукции. И, стало быть, доминирующей высотой народнохозяйственного баланса является рыночный баланс спроса и предложения.

В каком почете эта идея рыночного равновесия была у наших плановиков из буржуазного лагеря и к каким она приводила практическим выводам, можно убедиться на ряде весьма красочных примеров. Так, напр., еще весной 1922 г., несмотря на гигантский размер недо-

---

[1] См. наши тезисы „О методах построения баланса народного хозяйства“. Вестн. Статистики, январь 1927, стр. 56.

[2] См. уже цитиров. доклад от 2 XI 1923 г. Архив Госплана, дело 70, л. 112.

производства в стране и отчаянный товарный голод в городе и деревне, Промсекция во главе с проф. Калинниковым разработала „Основные положения по составлению промышленного плана на 1922/23 г.“, где читаем буквально следующее: „производственный план не должен отвечать теоретической потребности в фабрикатах государства и населения, а должен точно соответствовать покупательной их способности... Указанное требование должно быть признано основным, так как всякие отклонения от него будут сопровождаться фактически перепроизводством и кризисом в сбыте со всеми из сего вытекающими последствиями в виде остановки предприятий, безработицы и т. п.“. Возможное „расширение“ плана по этому документу „регулируется потребительской емкостью рынка, т. е. покупательной способностью населения, и ценою товаров, способной выдерживать конкуренцию на рынке с товарами частных предприятий и ввозимыми из-за границы“ [1].

В этой концепции НЭП'а, по которой не план ограничивает стихию рынка, а, наоборот, рынок целиком и полностью „регулирует“ план, все характерно. И полное забвение монополии внешней торговли, ограждающей нас от заграничной конкуренции, и крайняя переоценка конкурентоспособности отечественных частных предприятий и смехотворное запугивание перепроизводством и безработицей в условиях 1922 г., и в особенности радикальный рецепт для предупреждения этих бедствий, по которому „предприятия, для госэксплоатации нерентабельные или неинтересные... сдаются в аренду, либо закрываются“ [2]. Почему сданные в аренду предприятия уже не угрожают перепроизводством, а закрытые безработицей—это, конечно, секрет изобретателей. Но все такие секреты легко расшифровываются. Сдача в аренду частникам государственных предприятий, чем бы она ни мотивировалась, в условиях товарного голода и сдерживаемых темпов расширения геспромышленности объективно могла иметь только одну задачу: дать первый толчок росткам возрождения и пышного расцвета капитализма на советской почве.

[1] И. Калинников. Промышленный план и его осуществление. Бюлл. Госплана, 1923, вып. 3—4, стр. 24.

[2] Там же, стр. 25.

Впрочем этот замысел, как и многие другие, не увенчался успехом. В 1921 г. мы, действительно, начали свою плановую работу с концентрации производства на резко суженном круге избранных предприятий, наиболее крупных и наименее пострадавших от разрухи, передав все остальные временно на консервацию. Но это вынуждалось не страхом перепроизводства, а недостатком материальных ресурсов (продовольственных, сырьевых и прочих) для пуска в работу полным ходом большего числа производственных единиц. Во все следующие годы мы уже, как известно, получили возможность энергично расширять круг действующих предприятий сначала за счет консервированных, а затем и вновь выстроенных производственных единиц. Таким образом, рецепт проф. Калинникова уже в 1922 г. оказался совершенно беспочвенным. Что же касается частников, то все они—будь то арендаторы или собственники капиталистически организованных предприятий—оказались на деле слишком слабыми конкурентами крупной социалистической промышленности и постепенно исчезли с поля борьбы, отнюдь не оправдав возлагавшихся на них сменовеховских надежд и вожделений.

* * *

Идеологи буржуазии, нашедшие себе приют в плановых органах, в своей ориентировке на могущественную роль рынка имели в виду реставрационное воздействие на советский строй через рынок не только русского, но и более мощного международного капитала. Это влияние мыслилось по двум руслам: по линии международных займов на восстановление (читай реставрацию) советского народного хозяйства, и по линии концессионных внедрений в него иностранного капитала.

Чтобы толкнуть Госплан на эту дорогу нас обычно запугивали крайне мрачными оценками настоящего и не менее пессимистическими прогнозами на ближайшее будущее советского хозяйства. В качестве образчика этого метода воздействия укажем один из многих докладов Громана о „Состоянии народного хозяйства республики и его ближайших перспективах“ от 3 марта 1922 г. во время подготовки Госплана к Генуэзской конференции. Краткое резюме этого доклада сводится к следующему: „Регрессивная линия развития народного хозяйства России продолжается... По сравнению с прошлым годом

недобрано 300—400 млн. пудов хлеба, которые необходимо ввести из-за границы. Денег ни у кого нет, и торговля парализуется. Общее экономическое разложение страны продолжается и усиливается. Чтобы превратить регрессивную линию развития в прогрессивную, необходимо иметь 10 миллиардов золотых рублей в течение 3 лет. Эти деньги можно достать путем действительной связи русского народного хозяйства с мировым“ [1].

Под „действительной“ связью советского хозяйства с мировым, здесь, очевидно, надо было понимать такую, которая своей предпосылкой предполагала признание и обязательство уплаты долгов старого режима империалистам, отказ от монополии внешней торговли и тому подобные „пустячки“, без которых мы не могли, конечно, рассчитывать на получение 10 миллиардов от капиталистической Европы. Но едущие в Геную советские представители получали от Громана сильную психологическую зарядку в сторону максимальной уступчивости, ведь на чашу весов этот авторитетный в советских кругах „заслуженный“ ученый бросал такую гирю как „усиливающееся“ экономическое разложение страны.

Теперь нам хорошо известно, что 1921/22 г., несмотря на голод, был годом решительного перелома в сторону оздоровления страны. Достаточно напомнить, что за этот год по сравнению с предыдущим валовая продукция планируемой промышленности возросла на 52%, а годовая выработка среднего рабочего на 92%. Такие показатели едва ли свойственны „регрессивной линии“ разложения. Но весной 1922 г. мы не располагали еще такими данными. А факт голода, отмеченный Громаном, был неоспорим. И спекуляция на этом факте стихийного народного бедствия в пользу укрепления „мировых связей“ могла производить сильное впечатление. Однако, несмотря на большой темперамент выступлений Громана, его пессимизм и тогда уже не пользовался большим кредитом. К нему прислушивались, но не переоценивали. В Генуе миллиардов ценой капитуляции получить не добивались. А хозяйство все же восстановили и подняли на такую высоту, о какой Громан даже с перспективой позаимствованных у капиталистов миллиардов и не грезил.

[1] „Хоз. строительство“ (Бюлл. Госплана), июнь 1922, стр. 88.

Конечно, благодетельного воздействия на большевиков через усиление мировых связей и возрастание зависимости СССР от мирового капитала чаял в Госплане не один Громан. Еще ярче эти чаяния проявлялись иной раз в инженерских кадрах Госплана.

Общий тон соответствующих выступлений—это усиленное подчеркивание необеспеченности наших восстановительных планов необходимыми для этого внутренними ресурсами.

При обсуждении первого перспективного плана металлургической промышленности на 1923/24—1927/28 гг. раздавались, например, такие речи. Докладчик от Промсекции инженер Р. Я. Гартван, характеризуя оба представленных варианта плана, подчеркивал довольно цинично и основную черту их сходства: „общее же в этих обоих вариантах... что и для того, и для другого варианта денег нет“, а представитель от ВСНХ поддерживал Гартвана против предложения расширить число пускаемых по плану домн в таких тонах: „места для оптимизма нет... наступает момент чугунного голода... относительно пуска Краматорской домны, я не возражал бы против пуска какой бы то ни было домны, которая будет снабжаться частным капиталом, но я против домны за счет государственных средств потому, что это противоречит планам концентрации“ [1].

Чтобы расшифровать эту установку до конца, необходимо учесть, что в Советской России к тому времени не было таких частных капиталов, которые могли бы арендовать целые металлургические заводы, и что, стало быть, речь шла об иностранных концессиях.

Мы знаем, что привлечение концессионного капитала для работы в Союзе на известных условиях и в известных пределах входило и в нашу официальную программу НЭП'а. Но очень характерно, как трактовала в этой части программу НЭП'а буржуазная интеллигенция. На процессе „Промпартии“ вредитель Ларичев показывал: „В этом отношении постановление Советского правительства признавалось тоже как уступка, как невозможность вести своими силами народное хозяйство и в то же время рассматривалось как возможность мир-

[1] Архив Госплана, прот. Президиума от 17 VII 1923 г., № 72, л. 39 и 42—43.

ной интервенции путем широкого внедрения концессионного капитала внутрь страны. При этом рассчитывали, что вот, мол, наряду с советскими предприятими будут существовать концессионные предприятия, и тут-то сразу и выявятся разница и преимущество ведения капиталистического метода хозяйства перед тем методом, который намечался советскою властью". „В конце восстановительного периода,—признавался на том же процессе другой вредитель Калинников,—когда советская власть объявила широкую программу сдачи в концессию промышленных предприятий... мы инженеры и экономисты Госплана, с охотой стали поддерживать новую политику советской власти, уверенные, что эта политика будет первым шагом к завоеванию нашей страны иностранным капиталом" [1].

В этих откровенных признаниях не достает, однако, одного момента. Буржуазные специалисты не только охотно „поддерживали", но и сами усердно толкали нас на путь широчайшей концессионной политики. Сошлемся хотя бы на специальный доклад в районной секции небезызвестного во вредительских кругах инж. А. А. Свицына в начале 1923 г. о восстановлении металлургии юга России. Его план сводился к пуску за счет государства из 18 южных заводов только двух и мотивировался тоже аргументами от емкости рынка и дефицитности этих заводов в руках государства. „Дефицит заводов—по Свицыну—выражается в 30 млн. зол. руб. Ввиду сокращения спроса на металлы в РСФСР до 12,5 млн. пуд. в год и современных (читай советских) условий производства в руках государства следует удержать те заводы, которые смогут обслуживать спрос на все сорта железа. Такими заводами являются Юзовский и Екатеринославский... о пуске других заводов в настоящее время не может быть речи, остальные заводы следует изъять из объединения и наметить в отдачу их концессионерам" [2].

Ссылка на отсутствие спроса для пуска прочих заводов, очевидно, мало гармонировала с предложением передачи их концессионерам. Концессионеры, интересы которых, как теперь хорошо известно, представлял тогда

[1] Известия, 1930, № 327.

[2] Бюлл. Госплана, февраль 1923, стр. 66 - 67

инж. Свицын, конечно, рассчитывали, что-нибудь „заработать“ на этом деле, а не благотворительствовать советской казне, значит и они, и Свицын ясно предвидели неизбежное в условиях восстановления хозяйства огромное расширение рынка. Но именно поэтому план „концентрации“, к которому они склоняли нас в Госплане, был, собственно говоря, планом „концентрации“ почти всех гигантов советской металлургии в руках бывших собственников этих заводов, уплывших после революции в заграничные „палестины“. И мы с огромным удовлетворением можем отметить тот факт, что и этот вредительский план, как и многие другие, потерпел жалкое фиаско. Собственными средствами, без всякой помощи извне, мы уже восстановили все старые заводы и строим новые гиганты. Дефициты, которыми нас пугал Свицын, давно забыты. „Спрос“ неизменно превышает „предложение“. А бывшие собственники, не получив ни одной концессии в этой области, не окупили даже тех затрат, которые они вложили в финансирование вредительства в Стране Советов. Это предприятие, во всяком случае оказалось для них не только мало рентабельным, но можно прямо сказать сплошь дефицитным.

При обсуждении промышленной пятилетки Калинникова (на 1923/24—1927/28 гг.) в декабре 1923 г. мы слышали аналогичные выступления, только вместо концессий нас здесь соблазняли перспективой заграничных займов.

План был построен так, что для его выполнения предусматривались дотации промышленности в размере до 400 млн. рублей. При этом никаких источников для покрытия этих дотаций в плане не указывалось. Известный вредитель инж. Пальчинский довольно резко обрушился по этому поводу против составителей плана... „Здесь не имеется—возражал он им—фона для плана, который показал бы при каких условиях развивается этот план... нет самого главного, что в течение пяти лет мы никаких получений извне не будем иметь“. И, настаивая на исправлении этой ошибки, предлагал: „ввести тот основной ориентировочный фон... что вы можете с известного момента рассчитывать на получение того или иного капитала“ [1].

Толкая на политику внешних займов, как самый главный и основной фон, на котором только и может

[1] Архив Госплана, прот. № 127 от 1 XII 1923 г, л. 390.

развиваться наше хозяйство, этот рыцарь вредительства в достаточной степени выявил свою нищету духовную. Ослепленный жгучей ненавистью и презрением к новому пролетарскому обществу, он даже в 1923 г., после двух лет решительного хозяйственного подъема, не видел вокруг себя тех внутренних сил, за счет которых мы столь быстро уходили из состояния разрухи.

Но иногда нищета духа подобных выступлений доходила до последнего предела. Мы имеем в виду выступление инж. Якуба, по поводу той же пятилетки Калинникова. Начав с того, что он „большой оптимист", этот оратор выступил с такой концепцией: „Когда началась новая экономическая политика, тогда все хозяйство пришло в движение". За счет сохранившихся остатков сырья и материалов „кривая росла и росла". Но „теперь во многих трестах это сырье кончилось. На местах говорят, что вот мы увеличили продукцию, н о с б ы т а д л я н е е н е т, потому что нет покупной способности... с т р а н а о б н и щ а л а... у н и ч т о ж е н ы в с е ц е н н о с т и, которые накоплены за десятки и сотни лет. Поэтому, если мы теперь хотим накапливать ценности, то это н а к о п л е н и е н у ж н о п р о и з в о д и т ь д е с я т к и и с о т н и л е т (реплика Кржижановского: Вот так оптимизм!). Очевидно—продолжал, не смущаясь никакими репликами, оратор,—что тут нужно сделать вложение каких-то средств. Е с л и г о с у д а р с т в о д у м а е т д е р ж а т ь в с в о и х р у к а х э т и п р е д п р и я т и я, т о о н о д о л ж н о д а т ь ф и н а н с ы... Но мне кажется, что этого государство сделать в настоящее время не в состоянии и что н а м н у ж н о п р и б е г н у т ь к а м е р и к а н с к о м у д я д ю ш к е. А такой американский дядюшка в действительности имеется. Америка к России относится очень благожелательно (?!) и если хорошо поговорить с Америкой, то, вероятно, возможно будет у с т р о и т ь т а м з а е м и вложить его в промышленность" [1].

Осенью 1923 г. у нас, действительно, наметилось некоторое затоваривание, на котором спекулировал в данном случае в качестве коммивояжера американского капитала инж. Якуб. Но этот кратковременный кризис сбыта был совершенно случайным явлением на советской почве. Выпущенные на хозрасчет наши тресты, очутив-

[1] Архив Госплана, прот. № 127 от 1 XII 1923 г., л. 388 и об.

шись на время без узды, слегда перенапили. Увлекшись хорошей конъюнктурой, наши хозяйственники в погоне за высокими прибылями повели себя совсем „по-хозяйски“—в капиталистическом смысле этого слова, т. е. стали вздувать цены. Но стоило лишь исправить твердой рукой эти перегибы путем более жесткой кредитной политики Госбанка и государственного нормирования отпускных цен, как пресловутый кризис сбыта в пару месяцев совершенно рассосался и больше не появлялся на советской почве.

Совет „хорошо поговорить“ с американским буржуазным дядюшкой господ Якубов нам не пригодился. Выторговать у него чечевичную похлебку займов ценою отказа от социалистических путей развития мы, вероятно, могли бы. Но такого рода „оптимистические“ чаяния буржуазных специалистов не заключали в себе для нас ничего соблазнительного. Первая Страна Советов не могла поступиться своим социалистическим первородством ни за какие чечевичные похлебки буржуазии.

Конечно, не все идеологи буржуазии выявляли в Госплане столь ярко свою готовность выполнить роль сводни мирового капитала с советской промышленностью как вышеназванный коммивояжер американского дядюшки. Но иногда их откровенность в раскрытии своей классовой идеологии достигала кристаллической ясности. Тот же инж. Гартван, о котором уже упомянуто было выше, при обсуждении металлургической пятилетки довольно упорно ссылался на „организационные“ причины развала металлургии юга России. И когда представитель ВЦСПС тов. Розенталь попросил его объяснить, что, собственно, он, разумеет под этими организационными причинами, то Гартван на этот „коварный“ вопрос ответил следующей декларацией:

„Хотя нам все говорят, что эпоха военного коммунизма изжита, но все-таки воинствующие коммунисты еще имеются налицо и поэтому по вопросам интересующим тов. Розенталь не безопасно говорить откровенно. Но я скажу, что я имел в виду... В прежнее время управляющий заводом, директор знал своего хозяина и дорожил интересами промышленного предприятия, и интересами своего хозяина, а сейчас, скажите, пожалуйста, государство ведь взяло в свои руки предприятия, оно

хозяин, а знает ли директор своего хозяина—государство? Соблюдает ли он его интересы? Профсоюзы и заводские комитеты и пр. вмешиваются в промышленное хозяйство и мешают его поставить так как следует... Государство объявляет лозунг государственный капитализм... Зачем же душить частные предприятия? Ведь они помогают этому государственному капитализму... Вот я и говорю: дайте возможность промышленности в здоровой обстановке работать. Это организационные и политические причины, которые нам в этом мешают"[1].

В этом выступлении прежде всего очень характерна элегическая тоска Гартвана по доброму старому времени, когда каждый директор знал своего хозяина и потрафлял ему, следуя библейскому правилу: знает осел ясли своего господина. Признать это время невозвратным и пойти на службу к новому коллективному хозяину в лице тех рабочих, которыми он издавна привык помыкать и которые не припасли еще для него достаточно наполненных яслей, он конечно не торопился. Несомненно Гартван протестовал здесь не только против организационных, но и против политических условий работы промышленности в СССР. Однако, характерно, что и те, и другие, как будто являлись, по его представлению, уже только пережитками военного коммунизма. И протестуя против них во имя НЭП'а, провозгласившего (?) новый „лозунг государственного капитализма", он считал себя на твердой почве закона. И контроль общественных организаций за производством, и всякие ограничения частного предпринимательства при общем „курсе на капитализм", хотя бы и государственный, трактуются им просто как извращения НЭП'а, и явная непоследовательность большевиков. И потому у него так свободно во всю грудь вырывается этот вопль наболевшего сердца: „Зачем же душить частные предприятия"!

Теперь нет нужды анализировать природу такой наивности и спрашивать себя: чего было больше в этом выступлении, классовой ограниченности или классовой озлобленности матерого прислужника буржуазии. Нужно лишь заметить, что в своей трактовке НЭП'а, как курса на государственный капитализм, Гартван был не одинок.

---

[1] Архив Госплана, прот. Президиума от 17 VII 1923 г., № 72, л. 40.

Ту же концепцию защищал и проф. Кондратьев, и другие, не столь уж наивные люди [1]. И нужно думать, что не наивность, а классовая слепота заставляла их усматривать в НЭП'е только то, что им хотелось, закрывая глаза на все остальное.

Теперь, когда мы знаем об активном вредительстве, свившем себе гнездо в стенах Госплана, все такие выступления приобретают новую окраску и невольно думаешь, где же это была наша классовая бдительность, почему это вредительство не было раскрыто гораздо раньше? Но, вспоминая обстановку момента, можно привести все же и некоторые смягчающие вину обстоятельства. Прежде всего все эти годы мы работали в обстановке очень больших хозяйственных достижений в стране. Пред лицом этих успехов трудно было заподозрить прямую измену в том хозяйственном штабе, который планировал преуспевающее хозяйство. Что же касается словесных выступлений Громанов, Гартванов и К°, то их сугубая „откровенность" казалась нам иной раз даже известным достоинством. Полезными Госплану могли ведь быть только те буржуазные специалисты, которые при всей своей буржуазной ограниченности, говорили нам без утайки и лицемерия все, что они думали. Лишь теперь мы знаем полную цену „правдивости" Громанов и К°. А если еще вспомнить, что вредительская болтовня буржуазных идеологов происходила почти все время на фоне очень широких внутрипартийных дискуссий, причем партийные оппортунисты нередко устанавливали такие рекорды в этом отношении, перед которыми бледнели самые яркие выступления Громанов и Кондратьевых, то притупление нашего внимания к этим последним станет еще более понятным.

* * *

Куда нас должны были толкать в области методологии планирования окружающие нас идеологи типа Гартванов и Кондратьевых, мы уже видели не один раз.

Не имея возможности останавливаться здесь на этом подробно, поскольку методология планирования представляет собою вполне самостоятельную и очень большую, тему, мы все же должны хотя бы вкратце отметить наиболее важные этапы нашей борьбы с буржуазными влияниями на этом фронте.

---

[1] Архив Госплана, прот. Президиума от 1VIII 1925 г., № 167, л. 301

Начнем с идеи емкости рынка, как автоматического регулятора наших производственных програм и планов. На первом этапе нашей плановой работы эта идея, целиком заимствованная из сферы капиталистических отношений, не раз выдвигалась у нас, как высшее проявление плановой мудрости против всяких широких программ и смелых замыслов. В подкрепление этой чуждой нам установки, появились тотчас же и соответствующие статистические расчеты. Буржуазная идеология в статистике была, конечно, все та же, что и в планировании.

Проф. Л. Н. Литошенко, вооружившись до зубов данными бюджетной статистики, в два счета определил годовую емкость крестьянского рынка советской республики на промышленные изделия за 1921/22 г. в 325 млн. „золотых" рублей и за 1922/23 г. в 318 млн., т. е. раз в семь ниже довоенного уровня. В завершение же всех подсчетов работа названного представителя „независимой" науки кончалась весьма ответственным прогнозом, что и в наступающем 1923/24 сельскохозяйственном году количественное выражение крестьянского спроса на продукты промышленности „не превзойдет достигнутого уже уровня"[1].

Можно себе представить, какую пищу представляли собой такие прогнозы для ума и сердца плановиков типа Пальчинского, Калинникова и К°. Однако, проф. Литошенко сразу же получил резкий отпор со стороны плановиков-коммунистов. Вскрыв у этого „ученого" целый ряд грубейших ошибок, нам удалось тогда же показать, что емкость крестьянского рынка на промышленные изделия уже в 1922/23 г. достигала около 957 млн., а на 1923/24 г. ее нужно оценивать по меньшей мере в 1530 млн. товарных рублей, т. е. раз в пять выше прогноза проф. Литошенко. Иллюстрировав на этом примере, „каким махровым цветом в нашей красной республике цветет белая микромания оценок нашей действительности и наших достижений", мы пошли дальше. И теоретически мы не могли переоценивать в советксих условиях рынка, как регулятора наших планов. Планомерно воздействуя и на уровень цен городской и сельской продукции, и на уровень зарплаты, мы сами произ-

---

[1] Л. Н. Литошенко. Крестьянский бюджет в 1922/23 г., стр. 57 Изд. ЦСУ. М., 1923.

вольно повышаем или понижаем в очень широких размерах емкость нашего рынка.

Впрочем скоро бешеный рост емкости этого рынка, перекрывший даже огромные темпы роста нашего производства показал на деле, какие необъятные возможности заложены в „природе“ советского хозяйства. Вульгарные идеологи и апологеты капитализма вынуждены были отступить или перевооружиться. Но на смену им уже шли гораздо сильнее вооруженные теоретики из числа бывших марксистов. Проф. Литошенко завял. На смену его микрооценок перспектив нашего рынка и угроз кризисом сбыта появился новый жупел. Нас стали пугать перспективой перманентного товарного голода.

Осуждая резко выраженный уклон в сторону эмпиризма наших плановиков и поставив перед собой задачу „опереть перспективное планирование на какую-либо общую теорию хозяйственного развития“, Базаров еще в 1926 г. выдвинул со своей стороны следующую теорию.

В современных плановых заявках ведомств, по его словам „в качестве последнего звена, определяющего собой все остальное, непременно найдете заявки, расчитанные... на „вольный“ рыночный спрос. Перспективы же вольного спроса немыслимо учесть иначе, как на основе некоторой „абстрактной“ теории народно-хозяйственного развития“. В основу такой теории Базаров кладет известные схемы расширенного воспроизводства Маркса, чтобы „построить, опираясь на них, развернутый народнохозяйственный баланс и вскрыть законы равновесия хозяйственной системы“ или, как у него это еще выражено иначе, „чтобы вскрыть основные условия рыночной реализации, т. е. условия того... равновесия хозяйственной системы, которое мы стремимся отразить в балансе народного хозяйства“ [1]. В результате своего анализа, повторив довольно много общеизвестных всякому марксисту вещей о противоречиях капитализма, влекущих за собой кризисы перепроизводства, Базаров ставит новый вопрос об уровне и типе того равновесия, „к которому стихийно (!) стремится наше возрождающееся хо-

---

[1] В. Базаров. Капиталические циклы и восстановительный процесс в СССР, стр. 5—7. ГИЗ. М., 1927. Его же. „Кривые развития капитализма и советского хозяйства“. План. Хоз., 1926, кн. IV, V, VI.

зяйство"[1] и довольно неожиданно дарит нас таким обобщением.

„В настоящую „переходную эпоху" нашей системе хозяйства присуще прямо противоположное противоречие... Если над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозой товарного голода, кризиса недопроизводства. В настоящее время все яснее становится, что основная „диспропорция", мешающая нашему хозяйству достигнуть подвижного равновесия на довоенном или близком к довоенному уровне, заключается именно в этом перманентном отставании общественной продукции от общественного спроса. Обычно возникновение товарного голода объясняют теми или другими частными ошибками экономической политики последнего времени. Я менее всего склонен отрицать такого рода ошибки. Но если бы даже никаких ошибок не было, если бы наши директивные органы были всеведущи и идеально предусмотрительны, товарный голод был бы лишь несколько смягчен в своих наиболее острых проявлениях, но не устранен в корне"[2].

Таков основной вывод теории, на которую нашим узким эмпирикам, по Базарову, надлежит „опереть перспективное планирование". Но в чем же их задача? Планировать безкризисное развитие им не дано, ибо кризисы недопроизводства по новой теории представляют совершенно неизлечимый органический порок советского хозяйства. Никакая плановая предусмотрительность, по свидетельству Базарова, помочь тут не может. Горбатого могила лишь исправит. Планировать же перманентный товарный голод, предуказанный теорией Базарова, как-будто не стоит труда, ибо он, очевидно, и без того обеспечен стихийными силами присущей нашей системе „имманентной закономерности".

Какое же теоретическое обоснование нашел Базаров для своего тезиса о перспективах перманентного товарного голода в нашем хозяйстве? И в чем истинная подоплека этой теории? К сожалению, на этот вопрос мы тщетно бы стали искать у него ответа.

---

[1] Базаров. Капиталистические циклы и восстановительный процесс в СССР, стр. 97.

[2] Там же, стр. 99.

Как-раз этот основной тезис Базарова постулируется им как-то слишком „легко и изящно", без всякой аргументации. Схемы Маркса, равно применимые по Базарову и к капиталистическому, и к плановому хозяйству, очевидно, могут вместить в себя совершенно противоположные противоречия, присущие тому и другому, а потому из них вывести неизбежность такой специфической особенности планового хозяйства, как хронические кризисы недопроизводства, нет возможности. Указание на то, что диктатура буржуазии ведет к ограничению потребления трудящихся масс, а диктатура пролетариата к их росту, несмотря на всю его справедливость, не решает вопроса, ибо рост этих потребностей может итти и в ногу с ростом производства, отнюдь его не обгоняя. А других аргументов у Базарова нет.

Остается одно допущение что теоретический тезис Базарова является просто слишком поспешным обобщением его эмпирических наблюдений за текущей конъюнктурой, ростом зарплаты, темпами производства и т. д. И вся его беда в том, что, отвлекаясь от анализа природы планового хозяйства под влиянием своих реставраторских устремлений, он черезчур поторопился со своими легковесными обобщениями конъюнктурного опыта в непреложный закон развития данной системы хозяйства. „Уже один внешний вид кривой зарплаты— восклицает он в увлечении своими конъюнктурными кривыми — показывает, что в итоге взаимодействия между закономерностью, имманентной внутренней природе данного социального процесса, и теми внешними воздействиями со стороны других элементов хозяйственного целого, которые стремились отклонить процесс на иной путь, решительный перевес оказался на стороне имманентной закономерности" [1]. Раскроем философские псевдонимы этой тирады. „Имманентная закономерность"—это мощь рыночной стихии, „внешние воздействия"—это наши плановые мероприятия. А причина торжества—это „решительный перевес" стихии над планом на данном участке времени в области регулирования спроса и предложения.

Торжество это, однако, слишком преждевременное. Кривая Базарова не вывозит его из болота ползучей эмпирики. Преувеличивать мощь базаровских „имманент-

[1] В. Базаров. Капиталистические циклы, стр. 153.

ных закономерностей“ в плановом обществе мы не имеем оснований. Проблема рыночного равновесия определяется соотношением таких величин, как размер производства, цены, зарплата, налоги, займы, эмиссия и т. д. „Все эти элементы,—как сказано в нашей пятилетке,—определяющие в последнем счете соотношение спроса и предложения, поддаются плановому регулированию. Поэтому, если в тот или иной момент мы переживаем кризис сбыта или товарный голод, то это следует рассматривать не в качестве какой-то вне нас стоящей объективной необходимости, а лишь как практически очень сложную плановую задачу, с которой мы до сих пор еще не всегда умеем справляться“ [1].

Мы не можем здесь останавливаться на других теоретических „достижениях“ буржуазной идеологии в методологии планирования. Сюда относятся и струвианский „примат развития производительных сил“ над целевой установкой движения к социализму Громана и его же „примат генетики над телеологией“ и Базаровские выступления по поводу „поверхностной индустриальной экспансии“ и „автаркической концепции“, усмотренной им в нашей политике индустриализации, и многие другие покушения на обстрел нашей генеральной линии, хуже или лучше замаскированные малопонятной философской терминологией и тому подобными эзоповскими приемами. Все они обычно встречали весьма энергичный отпор в Госплане и потому распространяться здесь на эту тему нет надобности [2].

Большего внимания заслуживают попытки выдвинуть в качестве ведущего звена в планировании сельское хозяйство с его индивидуалистическим сектором. Впервые эту идею выдвинул все тот же Базаров в своем докладе о методологии перспективного планирования от 21 XI 1923 г. Предлагая начинать проектировку плана с сельского хозяйства он мотивировал это тем, что здесь наиболее применим так наз. „генетический метод“. „Сельское хозяйство есть область—подчеркивал Базаров,—которую мы непосредственно планировать не можем“. „Здесь приходится исходить из эмпирических норматив-

---

[1] Пятилетный план, 2-е изд., т. II, ч. 2, стр. 39. 1929.

[2] См. напр., у Струмилина „К теории планирования“. План. Хоз., 1928, № 11. Его же—„Индустриализация СССР и эпигоны народничества“. ГИЗ, 1927. „О пятилетнем плане развития народного хозяйства“. Дискуссия в Комакадемии, М., 1928, и мн. др.

ных кривых развития", говорил он, имея в виду метод экстраполяции от прошлого к будущему. „Мы должны взять как факт платежеспособный спрос крестьянина и на этой основе конструировать перспективу развития индустрии" и т. д. Конечно, эту счастливую идею тотчас же подхватил Кондратьев: „С одним положением В. А. (Базарова) я согласен, что за отправную базу при построении перспективного плана я бы взял сельское хозяйство. По двум соображениям: потому что оно достаточно устойчиво по своей природе, во-первых, и потому что оно находится в меньшей нашей власти, чем промышленность" [1].

Соображения, как видите, чрезвычайно убедительные. Отправляться в построении плана с того участка, где в наибольшей мере царит косная частнохозяйственная стихия, чтобы затем по законам цепной связи сконструировать и работу наиболее социализированных участков народного хозяйства—это значило бы обеспечить перевес рыночной стихии над планом во всем народном хозяйстве. Но, конечно, если в борьбе этих начал все бывшие люди от экс-народников до экс-большевиков дружно становились на сторону стихии, то все настоящие революционеры и социалисты должны были стать на позицию защиты плана против стихии. И мы с удовлетворением можем отметить, что в нашей практике, несмотря даже на известные аграризаторские уклоны в самой коммунистической среде, ведущим началом и отправной точкой перспективного планирования всегда была социалистическая индустрия, а не индивидуалистическое крестьянское хозяйство. „Крестплан" тов. Сокольникова никогда не пользовался большим успехом в Госплане [2].

В противовес идее Базарова и Кондратьева уже в черновых проектах пятилетки вполне четко была формулирована прямо противоположная идея: „Учитывая характер взаимозависимости отдельных элементов общего плана мы признали наиболее рациональной в наших условиях нижеследующую последовательность в проектировке и рассмотрении специальных планов по отдельным отраслям народного хозяйства: 1) промышленность

---

[1] Арх. Госплана. прот. Президиума от 21 XI 1923 г., № 122, л. 113 и сл., л. 98 об., л. 102 об., дело № 70.

[2] См. нашу полемику с ним на тему „Госплан или крестплан" План. Хоз., 1926, № 1.

2) сельское хозяйство...“ и т. д. Начинать с промышленности проектировку рекомендовалось там „уже потому, что при нашем курсе на индустриализацию страны именно она должна стать тем передовым и ведущим звеном нашей экономики, движение которого будет определять собою динамику и всех других, связанных с ним, звеньев“ [1]. В практике нашего планирования была осуществлена именно эта методологическая установка. И нам кажется, что несмотря на все наши промахи и ошибки, правильная линия в этом основном вопросе обеспечила нам не только бешеные наскоки с обвинениями в „сверхиндустриализаторстве“ со стороны буржуазных экономистов типа Кондратьевых и Макаровых на все наши даже наиболее скромные черновые проектировки, но и заслуженный успех того „Пятилетнего плана“, который явился окончательным продуктом работ Госплана и служит ныне столь мощным рычагом социалистической реконструкции.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что буржуазные влияния в Госплане охватывали все стороны его деятельности. Перед нами в изучаемой области проходит очень пестрый круг деятелей и по своему социальному составу—от бывших предпринимателей до бывших большевиков—и по своему идеологическому вооружению—от самых вульгарных апологетов капитализма до самых тонких идеологов буржуазии. Но все же объективно они все оказались в одном и том же лагере контрреволюции—по ту сторону баррикады. И для нас уже не играет большой роли, что одни из них, может быть, ограничились лишь идеологической подготовкой контрреволюции, а другие были прямыми вредителями, или что одни из них продавались буржуазии за деньги, а другие предавали ей пролетариат совершенно „бескорыстно“. Духовное родство Пальчинских и Свицыных с Громанами и Кондратьевыми остается при всех условиях самым тесным и неоспоримым. Но эта духовная связь, это сродство душ или, говоря иначе, идеологическое сращивание, можно проследить и дальше—к тем право-оппортунистическим элементам в стране, которые, если не субъективно, то объективно играют иногда роль кулацкой агентуры даже

[1] См. главу „Задачи и методы построения пятилетки“ в „Перспективах развертывания народного хозяйства СССР“, стр. 6, М., 1927, и у Струмилина. „Очерки Советской экономики“, 2-е изд., стр. 413.

в нашей партии. Идеологическое окружение, в котором нам приходилось жить и работать, не могло не оказать своего тлетворного влияния и в практике, и в теории планирования. Громан и Кондратьев экспертно врали о тяжкой участи эксплоатируемой деревни в СССР [1], а „левые" оппортунисты в нашей партии, приняв эту экспертизу на веру, возвели ее в целую „теорию" первоначального социалистического накопления и пытались осуществить ее на практике путем крайне вредной политики повышения отпускных цен ВСНХ. Громан и Базаров создали теорию „стихийного восстановительного процесса", в котором „содействуя развитию производительных сил, государственная власть—по их словам—была вынуждена (?) пойти на развязывание кулацкого хозяйства", и, дав крайне механистическую трактовку идеи хозяйственного равновесия, широко использовали в ней пресловутый богдановский „закон минимума", развернутый в целую серию „лимитов", обеспечивающих „затухание" темпов нашего развития [2]. А правые оппортунисты в нашей партии и в своем отношении к судьбам кулацкого хозяйства, и в тенденции к равнению по минимумам в нашем строительстве как-будто нарочно стремились оправдать на практике „абстрактную" теорию названных идеологов. И замедленные темпы во многих проектировках, опереженные жизнью, и многие теоретические „крестплановские" и прочие уклоны, выправленные партией, несомненно вырастали из этой классово-чуждой нам среды. Они черпались из вышеуказанного идеологического окружения. Хуже всего, пожалуй, было то, что повседневная практическая работа мешала нам поднять на должную высоту теорию планирования. Лишь этим вынужденным эмпиризмом в работе можем мы себе объяснить теперь, оглядываясь назад, почему в нашей среде проходили зачастую незамеченными—без должного и

[1] См., напр., доклад Громана от 21 XI 1923, где он доказывал, „что деревня купила у города продуктов на 450 млн., а город потребил продуктов деревни на 1 млрд., т. е. на 550 млн. больше", прот. 122, л. 104 об. и выступление Кондратьева на съезде плановиков весной 1927 г. о том, что благосостояние крестьянина ныне „вдвое ниже довоенной нормы". Архив Госплана и у Струмилина „Очерки советской экономики", 2 изд., стр. 515.

[2] См. хотя бы „Сводный доклад о контрольных цифрах народного хозяйства 1925/26 г." В. Г. Громана в „Архиве Госплана" и брошюру Базарова „Капиталистические циклы".

своевременного отпора,—очень многие явно вредные, если не прямо вредительские идеи.

Еще недавно, если у нас и создавались исследовательские ячейки, то во главе их неизменно оказывались экономисты типа Кондратьевых и Гинсбургов. Во всех „экспертных советах“ преобладающее влияние отдавалось все тем же Громанам, Кондратьевым, Гинсбургам и К⁰. Здесь они очень авторитетно экспертировали и прошлое, и будущее. И как это ни странно в наш материалистический век выступали они в этой роли, „квалифицированных“, по выражению Базарова, „пророков за повышенное вознаграждение“ — не без успеха. На академической кафедре им было обеспечено почетное место, в плановой работе — выдающееся значение. Но все это уже пройденный этап. А мы идем все дальше. С каждым годом в стены Госплана вливались новые кадры коммунистов, и в опыте повседневной борьбы с буржуазными влияниями выковывались новые плановые идеи. Мы не хотели бы переоценивать свои силы. Крайне вредно и опасно недооценивать силы врага. Но, оглядываясь на пройденный путь, мы можем все же сказать, что в идеологической борьбе на плановом фронте наши классовые враги не могли бы похвастаться большими победами. Как-никак „блестящее созвездие“ Громана и Кондратьева померкло в свете коммунистической критики гораздо раньше, чем окончательно сошло с планового небосклона. А плановая работа в стране под твердым руководством авангарда пролетариата, не смотря на все вредительские препоны и собственные промахи, до сих пор шла и ныне идет от победы к победе по четко намеченной генеральной линии партии.

3. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

Госплан Союза, как известно, не сразу после своего образования поставил перед собою задачу построения многолетних перспективных планов. В первом учредительном акте об образовании Госплана от 22 II 1921 г. перед ним ставилась лишь одна общая задача—разработки „единого общегосударственного хозяйственного плана“, для чего по „Основным положениям организации“ Госплана от 1 апреля того же года предусматривалась специальная „подкомиссии плановых предположений ближайшего года“. Говоря иначе, сама организация Гос-

плана предусматривала только текущее планирование, не выходящее за пределы одного года. Злобы текущего дня, связанные с тяжелым неурожаем 1921 г., кризисом топливо-снабжения, транспортной разрухой и прочими хозяйственными затруднениями того этапа не оставляли времени для сколько-нибудь серьезных работ по многолетнему перспективному планированию. Общая перспектива была уже дана в плане электрификации страны. А проработка более конкретных проектировок на целый ряд лет вперед в тогдашней обстановке представлялась черезчур абстрактной академической задачей.

В первое время Госплану редко удавалось уделять свое внимание даже годовым планам. И то не в комплексном виде по всему народному хозяйству в целом или хотя бы по всей промышленности зараз, а в розницу по отдельным производственным программам: например, по резиновой промышленности, металлургической, по Главсахару, Главрыбе, по смете Волховстроя, по Иваново-Вознесенской электростанции и т. д. Транспортные эксплоатационные планы составлялись и рассматривались вначале по полугодиям, сельскохозяйственные—тоже. А еще чаще Госплану приходилось рассматривать и вовсе эпизодические, хотя и очень острые злобы хозяйственного дня: „Об экстренных мерах по топливоснабжению республики", „о помощи Юговосточному району, пострадавшему от неурожая", „об урегулировании движения беженцев в неурожайных районах", „о засеве озимого клина в 1921 г. в пострадавших от неурожая местностях РСФСР", „о сокращении продфонда по графе совработников", „о бакинском водопроводе", „о шпалах", „о провале мостов в Ново-Балице, Быкове и Шилове", и т. д. и т. п., не говоря уже о всякой другой текущей вермишели [1].

Из 224 вопросов, рассмотренных Президиумом Госплана за первый год его существования, только 17 раз (7,6% случаев) перед нами стояли годовые или полугодовые планы отдельных отраслей хозяйства или производственных объединений. И тем не менее опыт уже первого года работы Госплана выдвинул перед нами, в связи с задачей восстановления важнейших отраслей

[1] См. перечень вопросов, обсуждавшихся в Президиуме Госплана с—IV 1921 г. по 15 II 1922 г. Бюлл. Госплана, вып. 1, апрель 1922, стр. 56—62.

[2] Там же, стр. 59.

индустрии, вопрос о перспективном планировании, ибо в однолетние планы такие проблемы никак не укладывались. А именно уже осенью 1921 г. по инициативе П. А. Богданова в Госплане был поставлен вопрос „о выработке плана работ металлопромышленности на предстоящее пятилетие“. Это признание необходимости приступить наряду с текущим планированием и к проработке более длительных перспективных планов нашло себе отражение и в пересмотренном „Положении о Госплане“ от 8 VII 1922 г. Уже в первом его пункте значилось следующее задание:

„Государственная Плановая Комиссия (Госплан) при СТО имеет своей задачей разработку перспективного плана народного хозяйства на основе утвержденного IX съездом советов плана электрификации, а равно разработку эксплоатационного плана текущего года“.

Однако, и после этого законодательного акта дело с разработкой перспективных планов двигалось очень туго. Злобы текущего планирования настолько приковывали к себе общее внимание Госплана, что сосредоточиться на какой-нибудь другой, хотя бы и очень важной работе, повидимому, никак не удавалось.

Еще 21 марта 1922 г. по докладу А. Н. Долгова в Промсекции „о плане работ промышленности на ближайшие годы“ отмечалось, что за отсутствием значительных ресурсов для восстановительных работ („металлической промышленности государство своими средствами поддерживать не может. На концессии рассчитывать трудно“...), необходимо составить перспективный план, хотя бы частичного восстановления „на некоторый переходный период“ и принята следующая установка: „включить в план работ Промсекции в ближайшее время разработку вопросов, связанных с подготовкой плана восстановления промышленности на переходный период, т. е. до уровня, соответствующего в среднем 50% ее состояния до войны“! [1]

В данном случае не указано, на сколько лет проектировался этот план. Практика первых лет перспективного планирования в этом отношении была довольно пестрая. Например, НКЗем УССР строил семилетние планы, НКЗем РСФСР проектировал по земледелию

---

[1] Архив Госплана, дело № 44, прот. № 59, л. 105.

пятилетний, по лесному хозяйству—трехлетний. Были даже сторонники двухлетних перспективных планов [1]. Но в Союзном Госплане вообще и в Промсекции в частности, с самого начала была твердая установка на пятилетний охват перспективных планов. Таким образом, очевидно Промсекция рассчитывала достигнуть 50% довоенной нормы не раньше 1927/28 г. Минимализм этой оценки теперь, когда мы знаем, что уже в 1926/27 г. мы достигли свыше 100% довоенной нормы промышленной продукции, не требует пояснений.

Однако, намеченная Промсекцией „подготовка плана восстановления", повидимому, подвигалась очень туго. Промсекция Госплана стремилась запречь в эту подготовительную работу прежде всего ведомственный аппарат ВСНХ. Последний под разными предлогами уклонялся от этой работы. И в общем этот тихий бюрократический саботаж продолжался очень долго. По крайней мере уже через год после доклада Долгова в президиуме Госплана проф. Осадчий „удивлялся", что „Главметалл все время отказывается от разработки перспективного плана ва том основании, что у него нет соответствующих директив от Госплана", хотя по словам Осадчего „общие директивы давно уже даны" [2]. В том же заседании Президиума от 22 февраля 1923 г. ВСНХ получил новое срочное задание „в месячный срок разработать и внести в Госплан перспективный план развития металлургии на ближайшее 5-летие" [3]. Однако, и это поручение не было выполнено. Плановая дисциплина, сильно хромаюшая и ныне, тогда совсем не пользовалась большим престижем. Невыполненное задание Госплана было вновь подтверждено через месяц, на этот раз уже специальным постановлением Совета Труда и Обороны от 25 марта. И через несколько месяцев, а именно 17 июля 1923 г. Президиум Госплана получил, наконец,

---

[1] См. выступление П. И. Попова в президиуме Госплана по докладу о пятилетке Калинникова: „Разве можно составить план на 5 лет, на 10 лет? Это будет только статистика и арифметика... При сумме всех знаний рынка, условий производства, состояния капитала,—все это позволяет наметить план только на 2 года". Прот. № 127 от 1 XII 1923, л. 383. Совершенно по другим мотивам выдвигалась идея плана двухлетки А. И. Рыковым в 1929 г., но об этом уместнее будет сказать в другой связи.

[2] Бюлл. Госплана, 1923, вып. 3—4, стр. 65.

[3] Там же, стр. 66.

возможность заслушать первый набросок пятилетнего плана по одной из важнейших отраслей государственной промышленности.

Пятилетка Гартвана

„Перспективный план металлургической промышленности“ на 1923/24—1927/28 годы составлен Главным Управлением Металлопромышленности (ГУМП) и в несколько улучшенном варианте одобрено Промсекцией Госплана. Ответственными составителями и докладчиками этого плана были небезызвестные инженеры Хренников и Гартван. С какого года они стали вредителями нам не известно в точности [1]. Но качество созданной ими первой ласточки перспективного планирования было во всяком случае крайне невысокое.

В отношении методологии построения этого плана не сохранилось никаких известий. В качестве „основной предпосылки“ к составлению плана объяснительная к нему записка от 17 IV 1923 г. полагает, „что в данный момент тяжелого экономического кризиса нет оснований предполагать его кратковременность, а потому металлургия РСФСР, соразмеряя мощность своих заводов с наличием государственных ресурсов и экономно расходуя эти ресурсы, должна развивать лишь ту продукцию, которая составляет минимум потребности страны и строго соответствует ее покупательной способности“ [2]. Эта малообещающая установка не встретила тогда особого отпора. Ресурсы наши тогда действительно были очень скромны. Ликвидировать тяжелую хозяйственную разруху, из которой мы тогда выходили, в очень короткий срок было бы слишком смелой мечтой. И все же минималистская установка ГУМП'а даже с поправками Госплана в сторону увеличения оказалась совершенно несостоятельной и опрокинутой дальнейшим опытом нашего развития.

---

[1] На процессе вредителей Промпартии впрочем установлено, что первый вредительский „Инж.-Техн. Центр“ организовался не раньше конца 1925 г. Гартван примкнул к нему только в 1926 г., Калинников летом 1927 г., а Промпартия оформилась лишь с середины 1927 г. Известия, 1930, №№ 325—330 и сл.

[2] Архив Госплана. См. докл. записку И. А. Калинникова о перспективном производственном плане по металлургии на 1923/24—1927/28 гг. от 27 VI 1923 г.

В самом деле. Приведем основные наметки пятилетки Гартвана в сопоставлении с отчетными данными о фактическом росте советской металлургии (см. табл. 1).

Таблица 1

Пятилетка Гартвана по металлургии

Годы	Валовая продукция в млн. т						Капитальные затраты в млн. черв. руб.		Прибыль в млн. руб.
	чугун		сталь		прокат				
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913	4,21	—	4,28	—	3,58	—	?	—	?
1922/23	0,30	100	0,59	100	0,46	100	9,82	100	— 6,7
План									
1923/24	0,41	137	0,64	108	0,49	107	15,5	158	— 7,0
1924/25	0,57	190	0,85	144	0,65	141	20,8	212	— 5,0
1925/26	0,74	247	1,07	182	0,82	178	29,4	299	— 2,0
1926/27	0,98	327	1,28	217	0,98	214	42,7	435	—
1927/28	1,23	410	1,48	251	1,14	248	62,8	640	—
За 5 лет	3,93	—	5,32	—	4,08	—	171,2	—	— 14,0
Исполнение									
1923/24	0,68	227	0,99	168	0,68	148	15,6	159	3,2
1924/25	1,29	430	1,87	317	1,42	310	30,6	312	16,7
1925/26	2,21	737	2,91	493	2,25	490	77,1	786	19,2
1926/27	2,97	990	3,64	617	2,70	587	117,5	1197	25,5
1927/28	3,28	1093	4,16	705	3,37	733	169,2	1723	51,1
За 5 лет	10,43	—	13,57	—	10,42	—	410,0	—	115,7

Как видим, за первый же год темпы роста проектировки Гартвана были превзойдены жизнью раза в четыре и вся пятилетка оказалась выполненной и даже перевыполненной уже за первые два года. Таким образом, если у составителей этой пятилетки и был вредительский умысел, то осуществить его им во всяком случае не удалось. Конечно, авторитет инженеров, давших такую промашку в своих оценках наших производственных возможностей, потерпел сильный урон. Однако, в 1923 г. мы

еще не думали о вредительстве и минимализм буржуазных специалистов в этих оценках находил себе достаточное объяснение уже в их классовой психологии. Не могли же мы ожидать от этих весьма далеких от социализма людей очень оптимистических оценок наших социалистических ресурсов и возможностей, в то время, когда даже в рядах коммунистов эти возможности сплошь и рядом сильно недооценивались.

Инж. Гартван уверял нас, что предложенный им „план производства выражает собой максимальные возможности“ [1]. При этом для их осуществления требовались по его расчетам очень внушительные для того времени вложения в оборотные фонды металлургических заводов. За пять лет эти вложения определялись им в 156,2 млн. рублей, в том числе только на первый год своей пятилетки (1923/24) Гартван требовал не менее 71,6 млн. руб. в оборотные средства, помимо погашения убытков (7 млн. руб.) и затрат на капитальный ремонт и реконструкцию (15,5 млн. руб.). На самом деле, как видно из сопоставления балансов на 1 октября 1923, 1924 и 1928 гг., прирост оборотных средств по всей черной металлургии составил (по активу) и в товарной, и в денежной форме за 5 лет вместо 156 млн. руб. только 42 млн. руб., а специально за 1923/24 г. вместо 71,6 млн. руб. всего 1,6 млн. руб. Этот просчет в оборотных средствах тем характернее, что по размерам продукции план Гартвана был превзойден в несколько раз и, стало быть, можно было бы ожидать соответствующего расширения потребностей в оборотных ресурсах.

Происхождение этой ошибки дает ключ и ко всем остальным. „В части развертывания—как это отмечалось еще в 1923 г. при обсуждении данной пятилетки—план характеризует определенную боязнь перепроизводства, боязнь того, что покупательная способность незначительна и что металлопромышленности придется работать на склад“ [2]. Конечно, при работе на склад потребовались бы несравненно более крупные вложения в оборотные средства. Но на самом деле нам угрожало в этой области не затоваривание, а все более обостряющийся по мере роста социалистического строительства металлический голод. Ориентируясь

---

[1] Бюлл. Госплана, май 1923, вып. 5, стр. 58.

[2] Там же, стр. 59.

на рыночную конъюнктуру 1923 г., наши буржуазные специалисты, даже если они к тому моменту и не были еще готовы к прямому вредительству, не видели дальше своего носа и уже потому не способны были правильно оценить наши хозяйственные перспективы.

Гартвану представлялось, что и для тех жалких вариантов развития металлургии, которые у нас тогда проектировались, „денег нет". И потому в работу намечалось пустить из 136 наличных в 1913 г. домен даже к концу пятилетки не свыше 39, а остальные сдать на консервацию или в аренду концессионерам. Авторы пятилетки высчитывали, что даже избранные для работы лучшие заводы будут убыточными и определяли на 1923/24 г. 7 млн. руб. убытку, на следующий—5 млн., на третий—2 млн. руб. и на последние два года только безубыточность производства. На самом деле, несмотря на снижение цен, мы получили уже за первый год 3,2 млн. прибыли, а за следующие годы прибыль возрастала в геометрической прогрессии, что в общем за пятилетие дало 115,7 млн. руб. Если к этому добавить еще 100,8 млн. руб. амортизационных отчислений по черной металлургии, то станет ясно,— что только за счет внутренних ресурсов этой наиболее пострадавшей от разрухи отрасли производства мы располагали около 216 млн. руб., т. е. на 45 млн. больше, чем требовалось по расчетам Гартвана на все капитальное строительство в этой отрасли за целое пятилетие (172,3 млн. руб.).

Таким образом и „деньги" нашлись. Фактически к 1928 г. было пущено в работу вместо 39 уже 62 лучших домны, затрачено на капитальное строительство в черной металлургии за 5 лет вместо 172 млн.—410 млн. руб. и получено к концу пятилетки по сравнению с прогнозом Гартвана раза в три больше металла. О чем же говорят эти факты? Да прежде всего о том, что если Хренниковы, Гартваны и К° и пытались кого-либо одурачить своими архи-пессимистическими „прогнозами", то фактически в дураках остались они сами и никто другой, ибо ни одно из неудачливых их пророчеств не осуществилось на деле.

Вредительство путем резко преуменьшенных перспективных планов и вообще едва ли могло дать в наших условиях большие результаты. Ведь перспективное планирование у нас ежегодно проверялось текущими годовыми планами и фактическим их вы-

полнением. Гораздо более опасным для нас оказалось вредительство в текущем оперативном планировании — вроде тех квартальных планов снабжения, которые без всякой критики и внешнего контроля стряпались вредителями из Наркомторга и Центросоюза, ибо о их вредоносности мы могли узнать лишь после их исполнения.

Очень характерно, однако, что пятилетка Гартвана уже в президиуме Госплана была признана приемлемой вопреки оценке самого докладчика, лишь в качестве минимального варианта [1]. А через несколько месяцев ГУМП, который еще недавно шел в своих проектировках ниже Гартвана, выдвинул на 1923/24 г. в порядке текущего планирования новую программу производства черного металла, раза в полтора выше наметок пятилетки Гартвана на тот же год. И хотя Гартван признал ее слишком „оптимистической“ и снова пугал „кризисом сбыта“ на деле и эта увеличенная программа оказалась перевыполненной [2]. Такой плановый опыт многому учит. Перед его лицом даже самый тупой маловер или злостный вредитель не мог бы долго удержаться на своих позициях без риска быть извергнутым из Госплана. И тот же Гартван, который в 1923 г. выступил со столь пессимистическими прогнозами в своей пятилетке, учтя опыт первого года, проектировал затем из года в год неизмеримо более оптимистические программы продукции черного металла, причем эти годовые программы выполнялись уже очень близко к заданию, а иной раз даже с некоторым отставанием от него (в 1927/28 г. исполнение составляло 95% от плана).

Пятилетка Калинникова

В качестве следующего опыта перспективного планирования можно назвать промышленную пятилетку на 1923/24—1927/28 гг., доложенную Президиуму Госплана 1 декабря 1923 г. инж. Калинниковым. В отличие от пятилетки Гартвана она охватывает уже не одну отрасль, а 32, т. е. основной массив всей государственной промышленности в целом.

В отношении целевых установок Промсекции в этой работе никакой ясности не было. Методология построе-

---

[1] Бюлл. Госплана, авг.—сент. 1923 г. стр. 88. Засед. 7 VIII 1923 г.

[2] Бюлл. Госплана, 1923 г., вып. 11—12, стр. 178—180. По проекту ГУМП'а выплавка чугуна намечалась в 545 тыс. т, стали — 970 тыс. т. и прокат в 670 тыс. т.

ния отдельных планов была крайне элементарна: „Имея перед собой 2—3 основных точки, которые мы наносим на диаграмму,—объяснял свой метод Калинников—мы из этих точек идем дальше“ [1]. Основная установка в отношении темпов была при этом дать „минимальные, но реальные“ планы.

Поскольку составители данной пятилетки шли в своей проектировке, опираясь на опыт первых лет планирования и метод экстраполяции этого опыта из прошлого в будущее, необходимо напомнить, что за 1921/22 г. продукция нашей планируемой промышленности возросла раза в полтора и за 1922/23 г. процентов на 40, причем исполнение за оба эти года шло в общем ниже плановых проектировок ВСНХ и Госплана [2].

По подсчетам ВСНХ для издания „Динамика промышленности за 40 лет“ вся цензовая промышленность в пределах СССР, начиная с 1913 г., работала в следующих объемах по довоенным ценам (см. табл. 2).

До 1920 г. мы наблюдаем резкое падение продукции. Кривая подъема, начавшегося с организации Госплана, определяется здесь всего тремя точками (1920/21, 1921/22 и 1922/23 гг.). Экстраполяция как метод планирования вообще едва ли применима в наших условиях, тем менее надежной является она при наличии кривой, базирующейся всего на трех точках. Тем не менее замедление темпов роста продукции, наметившееся в 1922/23 г., составители плана экстраполировали на все пятилетие. А из недовыполнения производственных программ первых лет сделали вывод о необходимости особой осторожности и „реализма“ в проектировках на будущее.

В наиболее суммарных показателях промышленная пятилетка 1923/24—1927/28 гг. представлена в следующей таблице (см. табл. 3).

Запроектированные здесь темпы—при сопоставлении их с капиталистическими образцами—совсем не плохи. Почти утроенная за 5 лет продукция, удвоенная произ-

---

[1] Архив Госплана, прот. Президиума, № 127, л. 437.

[2] О проектируемых темпах в общем по всей промышленности у нас за отсутствием сводных промфинпланов первых лет планирования сведения далеко не полные. Но по сохранившейся у нас сводке по 27 отраслям планируемой промышленности план 1921/22 г. был выполнен только на 77%. На 1922/23 г. общий прирост планируемой Промсекцией продукции проектировался в 45,4%. См. Бюлл. Госплана, 1923, май, стр. 36.

Таблица 2

Динамика фабрично-заводской промышленности СССР (без акциза) за 1913—1923 гг.[1]

Годы	Число рабочих			Валовая продукция			Выработка 1 рабочего		
	в тысячах	в %% к 1913 году	в %% к предыдущему году	в млн. довоен. рублей	в %% к 1913 году	в %% к предыдущему году	в руб. за год	в %% к 1913 году	в %% к предыдущему году
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913	2482	100	—	5722	100,0	—	2305	100,0	—
1914	2520	101,5	101	5333	93,2	93,2	2116	91,8	91,8
1915	2700	108,8	107	6092	106,4	114,2	2256	97,9	106,6
1916	2891	116,5	107	5753	100,5	94,4	1990	86,3	88,2
1917	2938	118,4	102	3982	69,6	69,2	1355	58,8	68,1
1918	2289	92,2	78	1861	32,5	46,7	813	35,3	60,0
1919	1571	63,3	69	975	17,0	52,4	621	26,9	76,4
1920	1467	59,1	93	824	14,4	84,5	562	24,4	90,5
1920/21	(1390)	—	—	(940)	16,4	—	678	29,4	—
1921/22	1245	50,2	85	1278	22,3	152,0	1027	44.5	151,5
1922/23	1462	58,9	117	1794	31,4	140,4	1227	53,2	119,4

водительность труда и снижение издержек производства на целую треть при очень умеренном финансировании промышленности извне не казались нам в 1923 г. слишком преуменьшенными заданиями по отношению к ВСНХ. Но, как показал нам опыт последующих лет, наши возможности были значительно выше этих проектировок. Фактический рост всей цензовой промышленности СССР шел гораздо быстрее предположений Калинникова и К°.

Продукция, учтенная в табл. 3, относится только к кругу так наз. планируемой промышленности ВСНХ При этом в абсолютных цифрах план и исполнение не сравнимы, ибо в плане продукция учитывалась по тре-

[1] В этой таблице мы имеем, повидимому, не исчерпывающий, но зато достаточно сравнимый подсчет по одним и тем же производствам. Менее надежны другие, более ранние подсчеты (ср., напр., в Пятилетнем плане, т. I, стр. 15. М., 1929). Число рабочих здесь дано со включением младшего обслуживающего персонала и сезонных рабочих в разгар сезона.

стовской оценке, т. е. без внутреннего оборота трестов, а в исполнении вследствие изменения метода учета с 1924/25 г. дается валовая продукция по заводской оценке, т. е. со включением внутритрестовского оборота. Нужно заметить, что отчетная цифра продукции за 1922/23 г., равная по заводской оценке 1480 млн. руб., по

Таблица 3

Промышленная пятилетка Калинникова[1]

Годы	Валовая продукция в млн. дов. р. абс.	в %% к 1922-23 г.	в %% прирост за год	Выработка 1 рабочего в %% 22/23 г.	Себестоимость в %% к 1922/23 г.	Отпускные цены на конец года 1913 г. = 100,0	Отпускные цены на конец года 1922/23 г. = 100,0	Накопление в млн. черв. руб. Прибыль	Накопление в млн. черв. руб. Амортизация	Капит. затраты в млн. черв. рубл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
План										
1922/23	1156	100	—	100	100,0	—	—	—	—	—
1923/24	1371	119	19	115	95,6	не запроектирован	не запроектирован	не запроектирована	не учтена	75
1924/25	1762	152	28	136	86,5					76
1925/26	2205	191	25	156	79,4					80
1926/27	2696	233	22	175	72,8					92
1927/28	3260	282	21	194	66,6					120
За 5 лет	11294	977	—	—	—	—	—	—	—	443
Исполн.										
1922/23	(1480)	100	—	100	100,0	274,5	100,0	112	(180)	158
1923/24	(1920)	130	30	114	88,0	205,4	74,6	125	(185)	275
1924/25	3018	204	57	168	76,3	196,7	71,5	456	276	426
1925/26	4213	285	39	187	77,7	199,6	72,5	614	365	930
1926/27	5034	340	19	212	76,3	185,7	67,4	659	395	1.134
1927/28	6189	418	22	241	71,6	185,1	67,3	836	444	1.539
За 5 лет	20374	1377	—	—	—	—	—	2690	1665	4304

[1] План. Хоз., 1924, № 3, стр. 90. Эконом. Обозр., 1930, № 1, стр. 192, и Ежемес. Стат. Бюлл. ВСНХ с июля 1923 г. Приросты продукции за первые два года определены по „ранее принятому методу“ учета продукции с поправкой на „коэффициент сравнимости“ круга учтенных предприятий. Прочие данные по материалам Госплана.

ранее принятому методу оценивалась в 1158 млн. довоенных рублей. Таким образом и план, и исполнение в данной таблице относится к одному и тому же кругу предприятий. Числа рабочих мы здесь не приводим, ибо в плане Калинникова учтены только производственные кадры без вспомогательного персонала и сезонных рабочих.

Планируемая промышленность далеко, однако, не охватывала всей государственной, а тем более всей цензовой промышленности Союза. Как изменялась эта последняя можно усмотреть из табл. 4.

Поскольку нас интересуют здесь только физические объемы продукции, очищенные от влияния динамики цен, мы пользуемся исчислениями валовой продукции в довоенных ценах. Разные источники дают эти исчисления—в зависимости от полноты охваты промышленности, принятых цен и других расхождений в методах расчета—в весьма различных абсолютных величинах. По данным ЦСУ мы уже в 1925/26 г. достигли довоенного уровня продукции, по расчетам ВСНХ—почти на год позже. Но независимо от этих различий, останавливая свое внимание только на темпах роста, нетрудно усмотреть, что пятилетка Калинникова оказалась по величине продукции выполненной целиком уже в первые три года.

При обсуждении пятилетки Калинникова в президиуме Госплана главное внимание обращалось на полную ее дефектность в части финансового плана. В пятилетке давался погодный расчет необходимых промышленности дотаций в 443 млн. руб. за 5 лет. Но внутреннее накопление промышленности за те же годы вовсе при этом не учитывалось. Конечно, буржуазные специалисты вслед за известным вредителем Пальчинским пытались использовать такое положение для панических рассуждений о безнадежном—на „сотни лет“—обнищании страны и для подталкивания Союза на политику внешних займов у „американского дядюшки“. Но плановики-коммунисты попросту признали план в этой части недоработанным и потребовали от Промсекции и в части финансового плана дополнительно дать все необходимые расчеты.

Был ли вредительский умысел у проектировщиков данной пятилетки? Сознательно ли они преуменьшали темпы возможного развития и недооценивали внутренние ресурсы страны для этого развития или искренно по своей классовой слепоте и буржуазной ограниченности видели только то, что им хотелось видеть?

По показаниям Калинникова на процессе вредителей, в этой пятилетке он во всяком случае не вредительствовал. В восстановительный период НЭП'а он еще надеялся на мирное „перерождение" диктатуры пролетариата первой пятилеткой, составленной им в этот период своей, как он думает, „успешной работы", Калинников даже гордится и считает, что это именно она „выдвинула" его на пост члена президиума Госплана[1]. Именно к этому периоду относится и следующее показание того же Калинникова: „При участии наркоматов, главным образом ВСНХ и НКПС, мы, члены Госплана, специалисты-инженеры, экономисты—составляли ежегодные планы восстановления народного хозяйства и с недоумением наблюдали, как жизнь неизбежно и каждый год опережала наши планы[2].

Это классическое „недоумение" как-будто исключает сознательное преуменьшение планов.

Мы не беремся, однако, решать категорически, чего здесь было больше—заблуждения или прямого обмана или, употребляя иную формулу: глупости или измены. Но, во всяком случае, надо думать, что глупости здесь было не меньше, чем измены.

Калинников не случайно, конечно, не дал в своей пятилетке никаких проектировок внутреннего накопления промышленности. Опираясь на поступающие со всех сторон заявки о дотациях и жалобы на высокую себестоимость советской продукции, превышавшую в то время сплошь и рядом наши продажные цены, он просто не верил в рентабельность нашей госпромышленности и возможность опереться на ее собственные ресурсы. И в самом деле, еще в январе 1922 г. по официальной сводке ВСНХ для выполнения производственных программ 1921/22 г. тресты требовали дополнительных вложений в оборотные средства на сумму 299,8 млн. руб. золотом[3]. За весь 1922 г. по всем трестам союзного значения было получено убытков на 24,5 млн. руб., а прибылей только 21,6 млн. руб., т. е. около 3 млн. руб. чистого убытка.

В то же время ткани, сахар, бумага, спички, сода и многие другие химические продукты, не говоря уже

---

[1] Известия, № 330 от 1 дек. 1930 г.
[2] Известия, № 327 от 28 ноября 1930 г.
[3] Русская промышленность в 1922 г., стр. L. Изд. ВСНХ.

Таблица 4

Динамика цензовой промышленности СССР[1] в неизменных ценах (без акциза)

Годы	Число рабочих в тысячах				Валовая продукция в млн. довоенн. руб.				Выработка 1 рабочего в рублях за год			
	Данные ЦСУ		Данные ВСНХ		Данные ЦСУ		Данные ВСНХ		Данные ЦСУ		Данные ВСНХ	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1922/23	1302	100	1462	100	2168	100	1794	100	1665	100	1227	100
1923/24	1503	115	1634	112	2586	119	2392	133	1721	103	1464	119
1924/25	1857	143	1907	130	4142	191	3789	211	2230	134	1987	162
1925/26	2347	180	2414	165	6023	278	5330	297	2566	154	2208	180
1926/27	2469	190	2550	174	6893	318	6167	344	2792	168	2418	197
1927/28	2668	205	(2755)	188	8432	389	(7570)	(422)	3160	190	2748	(224)

[1] Статистич. справочник СССР за 1928 г., стр. 301. М., 1929.—„Динамика промышленности“ за 40 лет, неопублик. подсчет ВСНХ по 1926/27 г. и „Промышленность СССР в 1927/28 опер. году“ т. 2, М., 1930. Неполный учет использован только в качестве динамического показателя. — Рабочие в гр. 2-й с переводом сезонных в среднегодовые, а в гр. 4-й—без перевода. Валовая продукция в данных ВСНХ в большей степени очищена от внутренних переходов, чем в данных ЦСУ, т. е. ближе к „трестовскому“ чем к „заводскому“ ее учету,

об угле и металле, продавались еще ниже себестоимости[1]. И все же советская промышленность очень скоро справилась с этими детскими болезнями своего роста, резко снизила издержки производства, снизила отпускные цены промышленности за 5 лет (с 1 окт. 1923 г.) на 25% и удвоила зарплату рабочих за то же пятилетие в денежном выражении (+115%). Что же касается накопления нашей промышленности и вложений в нее, то в отношении этих показателей мы уже привели отчетные данные в табл. 3.

Только за последний год, с переходом к реконструкционному периоду, капитальные вложения в промышленность ВСНХ, включая электростроение, стали заметно превышать внутренние ресурсы самой промышленности. Но такие темпы вложений и накоплений, разумеется, и не снились Калинникову.

Пятилетка Неопиханова

Еще более оторванным от жизни был первый опыт перспективного планирования в област итранспорта[2]. Для этого были и объективные основания—отсутствие необходимых данностей, и субъективные—чуждая нам среда, из которой вышел план. Но преуменьшенность темпов этого плана—50% прироста грузооборота за 5 лет—была настолько ощутима, что уже тогда вызвала решительный отпор со стороны плановиков-коммунистов, сразу же признавших возможным **удвоить** намеченный планом прирост работы железных дорог[3].

Но действительность, как видно из следующей таблицы (табл. 5), превзошла и эту поправку.

Пятилетка Неопиханова по грузообороту оказалась выполненной уже в два с небольшим года. При этом вместо дефицита в 106 млн. руб. наши железные дороги дали свыше миллиарда рублей чистого дохода. А на капитальные затраты, включая сюда только усиление и

---

[1] Русская промышленность в 1922 г., стр. LI. Изд. ВСНХ.

[2] Материалы к перспект. плану, вып. 2. А. А. Неопиханов. О перспект. плане жел. дор. транспорта на пятилетие 1923/24—1927/28. М., 1924, и прения в президиуме Госплана 4 II и 11 III 1924, прот. №№ 12, 13 и 29.

[3] Ср. выступление Струмилина на президиуме 29 III 1924 г. и его же статью: Транспорт и сельское хозяйство в „План. Хоз.“, 1924, № 3, стр. 91, где прирост грузооборота за 5 л. определялся „по меньшей мере“ в 98%.

Таблица 5

Пятилетка Неопиханова по жел. дор. транспорту[1]

Годы	Длина эксплоатац. сети (в тыс. км)	Грузооборот (отправки)			Эксплоат. бюдж. в млн. руб.		Чистый доход (+) или дефиц. (—) (в млн. руб.)	Коэфициент эксплоатации	Капитальные затраты (в млн. руб.)
		В млн. тонн	В % к 1922/23 году	Прирост за год	Приход	Расход			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913 (СССР)	58,5	132,4	—	—	985,9	573,5	+412,4	59,2	(188)
1922/23	69,6	58,0	100	—	372,1	373,2	— 1,1	100,3	(18)
План									
1923/24	73,6	63,5	109	9,5	570,6	594,7	— 24,1	104	48,5
1924/25	74,5	73,0	126	15,0	646,7	662,3	— 15,6	102	86,8
1925/26	74,9	78,2	135	7,1	685,2	702,0	— 16,8	102	81,1
1926/27	75,1	83,2	143	6,4	729,1	746,9	— 17,8	102	88,8
1927/28	75,4	87,0	150	4,6	769,3	801,8	— 32,5	104	97,4
За 5 лет	+5,8	384,9	+50	—	3400,9	3507,7	— 106,8	—	402,6
Исполнение									
1923/24	73,9	67,5	116	16,4	691,8	665,5	+ 26,3	96,2	23,8
1924/25	74,4	83,5	144	23,7	953,5	796,6	+156,9	83,5	81,2
1925/26	74,6	116,8	201	39,8	1367,0	1184,9	+182,1	86,7	217,2
1926/27	75,8	135,9	234	16,4	1644,3	1385,7	+258,6	84,3	309,0
1927/28	76,9	150,6	260	10,8	1851,8	1468,3	+383,5	79,3	438,0
За 5 лет	+7,3	554,3	+160	—	6508,4	5501,0	+1007,4	—	1069,2

[1] Материалы к перспект. плану, вып. 1, стр. 22, 37, 64. Исполнение по отчетности НКПС и материалам Госплана.

улучшение старой сети и новостройки (без затрат на капитальный ремонт), мы смогли вложить 1069 млн. руб., т. е. в 2,5 раза больше наметок плана.

Нет ничего удивительного, что этот план тогда же встретил довольно точную оценку как „ультра-пессимистический“ (Г. М. Кржижановский) и не получил дальнейшего движения.

В области идеологических установок этой работы, в которой принимал участие целый ряд будущих вредителей, не было достаточной ясности. Но, конечно, уже один общий безрадостный фон всех прогнозов в области финансовых перспектив восстановления полуразрушенного транспорта должен был наталкивать на известные выводы. И недаром в прениях по докладу Неопиханова мы слышали между прочим и такие речи: „В таких странах как Россия—с мало развитой промышленностью—железнодорожное хозяйство не может базироваться на капитале, полученном в этой стране. Поэтому необходимо сказать, что железнодорожное хозяйство можно правильно поставить путем займа. В настоящее время, поскольку СССР признана Англией, мы можем говорить и о внешнем займе“[1]. Говорить, разумеется, можно было не только о внешних займах, но и о сдаче отдельных дорог в аренду концессионерам, как это пытался делать в Госплане, отражая соответствующие устремления старых путейцев из НКПС, и сам Неопиханов. Но, как известно, разговоры эти оказались пустой болтовней, ибо очень скоро мы сумели восстановить наш транспорт и без всякого участия иностранного капитала.

Никаких методологических завоеваний в этой работе не ощущается. Исходя из довоенного опыта, где „прогноз грузооборота“ всегда осуществлялся на каждый год „по данным статистических рядов за пять прошлых лет“. Неопиханов переносит эту идею плана-прогноза и в совершенно новые условия советской действительности. „В былые времена при устойчивости хозяйственной жизни этот метод был почти единственным“ — замечает Неопиханов, имея в виду статистический метод экстраполяции от прошлого к будущему. Но и в новых усло-

---

[1] Прот. президиума № 13 от 4 II 1924. Выступление Попова.

[2] Архив Госплана, прот. президиума от 2 I 1922. Неопиханов: „Принцип сдачи в аренду тех дорог, которые не могут быть использованы государством, это также подлежит поощрению, как всякая попытка мертвый капитал превратить в действенный“.

виях. несмотря на то, что опыт революции „дает нам основание признать закономерность общественной жизни [„былых времен“, конечно,] в общем нарушенной“, Неопиханов попрежнему танцует в своих плановых построениях от все той же дореволюционной статистической печки. По его словам, „при прогнозе будущего обойтись без статистического метода оказывается прямо невозможным, в результате чего к выявлению возможного на пятилетие грузооборота и был применен метод: статистических тенденций за прошлые [довоенные] годы, по размерам своей продукции наиболее близкие к современной продукции и т. д.“[1]

Какие плодотворные результаты дал этот „метод“, мы уже видели. Каких-либо иных движущих идей в области планирования указанная работа тоже не открывает. А потому останавливаться на ней здесь дольше нет оснований.

Пятилетка Кондратьева

Следующим опытом перспективного планирования является сельскохозяйственная пятилетка проф. Кондратьева, вышедшая из Земплана Наркомзема РСФСР и одобренная с небольшими поправками и сельскохозяйственной секцией Госплана[2]. В сельскохозяйственной секции эта пятилетка доложена была Кондратьевым 17 января 1924 г., а в президиуме Госплана 4 июля 1925 г.

В связи с сильно затянувшейся (с декабря 1923 г. до 1926 г.) разработкой и публикацией материалов этой пятилетки „мероприятия“ и соответствующие вложения запроектированы Землпаном уже на пятилетие 1924/25—1928/29 гг., в то время как продукция проектировалась на 1923/24—1927/28 гг. Таким образом здесь следствие, т. е. рост продукции, явно опережает свои причины, т. е. запроектированные мероприятия. Этот курьез впрочем вполне гармонирует с общей методологией всего построения пятилетки Кондратьева. Исходя из своей идеи плана-прогноза, а не плана — программы действий, Кондратьев проектировал развитие сельского

[1] Неопиханов. О перспективн. плане жел. дор. транспорта стр. 20—21. Пояснения в квадратных скобках принадлежат нам.

[2] См. Н. Д. Кондратьев и Н. П. Огановский. Перспективы развития сельского хозяйства СССР. Труды Земплана, вып. I. М, 1924, и сл. выпуски.

хозяйства как стихийный результат заложенных в нем внутренних тенденций, перед лицом которых наши мероприятия не могут, конечно, иметь решающего значения. В предисловии Земплана сказано: „Именно из внимания к особенностям сельского хозяйства всему построению плана придан в значительной мере генетический характер. В силу этого предлагаемый план отправляется от анализа тенденций фактического стихийного развития сельского хозяйства“ [1].

Если сельское хозяйство Союза развивается стихийно, то, конечно, наши мероприятия в этом деле могут играть лишь совершенно подсобное, третьестепенное значение. Никакой соразмерности между мероприятиями и развитием хозяйства при этом допущении мыслить не приходится, ибо, в противном случае, если бы это развитие в основном определялось нашими мероприятиями, его невозможно было бы трактовать „генетически“ как стихийное. Вот почему Кондратьев и К° могли совершенно спокойно проектировать темпы роста сельского хозяйства сами по себе и мероприятия НКЗема—в полном отрыве от этих темпов—сами по себе.

В идеологическом отношении пятилетка Кондратьева отражала собою совершенно определенную реставраторскую установку ее составителей. Нет никакого сомнения, что „генетическая“ их ставка на крестьянскую стихию уже сама по себе исходила из вполне определенной целеустремленности или „телеологии“. Строя свои „желательные перспективы“, в соответствии с абстрактным „принципом развития производительных сил народного хозяйства“, они конкретизировали его как чисто индивидуалистическое развитие со ставкой на крепкого хозяйственного мужичка—эту основную опору всякой народнической идеологии.

Их апелляция к объективным законам „экономической динамики“, которые они пытались выявить путем „учета фактических линий развития“ и „анализа направления и факторов развития сельского хозяйства за последние десятилетия“ [2], т. е. за капиталистический период его развития—не означала ничего другого кроме апелляции к тенденциям капиталистического раз-

---

[1] Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. Труды Земплана, вып. V, стр. 3. М., 1924.

[2] Кондратьев и Огановский. Перспективы развития сельского хозяйства, вып. 1, стр. 2.

вития. Конечно, в интересах маскировки своей концепции Кондратьеву на словах приходилось раскланиваться и перед идеей коллективизации деревни. „Однако—тотчас же оговаривался он—в данный исторически переходный период коллективная форма землепользования еще не является господствующей и общераспространенной. Реально в течение известного времени мы будем иметь дело с широким распространением и других, низших, форм землепользования“. И, во имя этого реализма, учитывая „выявившиеся тенденции у населения“ автор проектирует в качестве „наиболее вероятного“ развития на период своей пятилетки—„хуторскую и отрубную“ формы землепользования [1]. Для некоторых районов эта господствующая форма несколько модифицируется—например, в северо-восточном районе проектируется—„поселково-отрубная“ форма, а в юго-восточном и поволжском—„поселково-отрубная и частично—хуторская с типом американско-фермерского хозяйства“, но ни в одном районе никаких „тенденций“ к коллективизации авторы плана отнюдь не обнаруживают.

В связи с этим уклоном к американскому типу фермерского хозяйства разрешается в пятилетке Кондратьева и „важнейший“ в земельной политике вопрос об оптимальных размерах землеобеспечения двора. „Первое время после революции—пишет автор пятилетки—руководящим принципом перераспределения земли был принцип уравнительности... По самому существу своему он является принципом, проникнутым идеей потребительного хозяйства. Руководящей идеей настоящего перспективного плана является идея развития производительных сил сельского хозяйства... С такой точки зрения ясно, что типы рациональной организации хозяйства в каждом районе в значительной мере уже предопределяют и те пределы колебаний землеобеспеченности вверх и вниз, в рамках которых хозяйство может быть рационально организовано... Основной бич современной деревни, как ясно из предыдущего, лежит... в крайнем распылении и раздроблении хозяйств. Осторожная тенденция к их укрупнению должна быть признана настоятельной задачей плана восстановления сельского хозяйства“ [2].

---

[1] Труды Земплана, вып. V, стр. 57.
[2] Там же, стр. 58. Разрядка везде наша.

Несмотря на всю „осторожность“ формулировок замысел плана совершенно ясен. Общинная уравнительность не устраивает авторов плана, они против уравнительности и распыления земли, они несомненно за концентрацию и укрупнение, но не в виде колхозов-гигантов, а за гораздо более умеренную концентрацию, за „осторожное“ укрупнение, в объеме индивидуального кулацкого или, скажем, фермерского хозяйства. „Вот почему по требованию плана—необходимо установить на практике политику доброжелательного отношения к трудовой аренде“ [1]. Для колхоза она ни к чему, а для крепкого крестьянского хозяйства — очень кстати. И даже термин „трудовая“ здесь употреблен не из старонароднической симпатии к такому словоупотреблению, а просто для прикрытия ст. 28 Земельного Кодекса, допускающего „трудовую аренду“ На самом же деле пятилетка отнюдь не возражает и против наемного труда в деревне. Помилуйте, какой же фермерский, т. е. уже нетрудовой, а чисто капиталистический тип сельского хозяйства может развиваться без наемного труда. „Вот почему—убеждает нас автор плана—к практике наемного труда должно быть установлено определенное, лишенное одиозности отношение“ [2].

К этому нужно еще добавить, что налоговая прогрессия в деревне по плану „не должна быть очень сильной, так как в противном случае она явится тормозом для перехода хозяйства из низших групп в более высокие по их экономической мощи“ [3] В то же время авторы плана довольно решительно высказывались против „огульного протекционизма в целях сжатия импорта“, за „международное разделение труда“ и в частности за привлечение „иностранных средств на началах аренды и концессий“ [4]. А в общем, несмотря на некоторую завуалированность отдельных формулировок, эта пятилетка представляла собою довольно развернутую программу расширения НЭП‘а в деревне.

При этом Кондратьев в своих плановых установках был человеком очень покладистым. Он вовсе не требо-

---

[1] Труды Земплана, т. V, стр. 58.
[2] Там же, стр 59.
[3] Там же стр 55.
[4] Там же, стр. 49—52.

вал слишком радикальных перемен в советских законах и учреждениях. Его бы совершенно устроил и тот правый оппортунизм на практике, который кое-где культивировал таки у нас и „доброжелательное" отношение к кулацкой аренде и „лишенное одиозности" отношение к эксплоатации наемного труда в крепких хозяйствах и т. п. методы расширения НЭП'а. Именно на основе такой практики пятилетка Земплана трактовала режим НЭП'а, как режим „государственного капитализма" и определяла его просто как режим „капитализма, пытающегося (!) упорядочить процессы народнохозяйственной жизни путем сознательного и глубокого вмешательства государства"[1]. И не случайно также целая глава в этой пятилетке, трактующая о возрождении нашего хозяйства в период НЭП'а, озаглавлена: „Период реставрации сельского хозяйства"[2]. Это не обмолвка, а точное выражение основной задачи пятилетки Кондратьева.

Как же к ней отнеслись в Госплане?

Сельскохозяйственная секция, которой руководил тогда П. И. Попов, приняла эту пятилетку в общем довольно снисходительно. Правда, от ее внимания отнюдь не ускользнула общая тенденция плана, по которой все мероприятия (по улучшению скота, чистосортным семенам, агропомощи, землеустройству и т. п.) направлены „по линии более крупных хозяйств". Но секция в то время считала это, повидимому, неизбежным. „Мероприятия эти — говорил П. И. Попов — в максимальной степени будут использованы экономически более мощными крестьянскими хозяйствами. Но с другой стороны — иной подход не возможен, потому что нельзя создать мероприятия для мелких хозяйств одни и для крупных хозяйств другие... Проблема внедрения мероприятий в мелкие хозяйства может быть разрешена только путем создания из них коллективов, но в настоящее время нет еще экономических предпосылок для широкого развития коллективов"[3].

Однако, эта идея не нашла поддержки в президиуме Госплана. Между прочим, уже тогда в противовес скеп-

---

[1] Труды Земплана, т. V, стр. 3.
[2] Труды Земплана, вып. 1, стр. 86.
[3] Архив Госплана, прот. президиума, № 156, стр. 10, 11 VII 1925 г.

тицизму тов. Попова по части предпосылок коллективизации там выдвинута была в качестве такой предпосылки идея тракторизации: „такой экономической предпосылкой в отношении механизации—возражали ему—является, например, применение трактора“ [1]. И вообще критика идей пятилетки Кондратьева в Президиуме Госплана при участии ряда аграрников-экономистов из Ком. Академии была очень острой и решительной. Отмечалась и примитивность методологии: „бралась тенденция развития и экстраполировалась“ (Л. Н. Крицман). Брались под обстрел и общие установки: „Вопрос об аграрно-индустриальном развитии хозяйства получил в плане народническую форму“ (Батуринский). Указывалось на полное отсутствие классовой дифференциации мероприятий в отношении различных слоев деревни (Голендо и др.). И в конце концов резолюция Госплана в отношении этого плана гласила: „принять как первое приближение и... доработать план на основе всех указаний“ [2]. Если учесть, что этот план и без того уже дорабатывался в разных инстанциях из кулька в рогожку свыше полутора лет, то таковая резолюция, конечно, означала окончательные похороны его по первому разряду. И, действительно, в стенах Госплана он больше никогда не появлялся.

В отношении темпов развития сельского хозяйства Кондратьевская группа не имела, казалось бы, никаких оснований для их преуменьшения. В качестве ярых аграризаторов при запроектированной ими политике благоволения к крестьянской верхушке они, конечно, проектировали максимальные темпы роста производительных сил деревни, осуществимые, по их разумению, при данной политике, т. е. при ставке на единоличника-кулака в условиях расширеиия НЭП‘а.

Тем более интересно, в какой мере оправдался их „прогноз“ в отношении этих темпов (см. табл. 6).

Данные за 1913 г. (по скоту 1916 г.), 1922, 1923 гг. и плановый период мы приводим здесь в том виде, как они исчислены авторами плана, по территории Союза (без Туркестана, Закавказья и ДВО) и с поправками на недоучет, принятыми в Земплане. Отчетные данные за 1924—1928 гг. приведены нами к той же территории по

---

[1] Архив Госплана, прот. президиума, № 156, стр. 18.

[2] Там же, прот. от 1 авг. 1925, № 167.

Таблица 6

Пятилетка Кондратьева по сельскому хозяйству[1] (СССР без Туркестана, Закавказья и ДВО)

Годы	Посевная площадь в млн. га					Скот в переводе на крупный	
	Зерновые хлеба	Техническ. и пр. раст.	Итого				
			абс.	в % к 1922/23 году	в % прирост за год	в млн. голов	в %
1	2	3	4	5	6	7	8
1913	96,0	11,3	107,3	—	—	80,0	—
1922	60,4	8,1	68,5	—	—	50,3	—
1923	68,6	9,4	78,0	100	13,8	57,5	100
План:							
1924	Не указано	Не указано	85,0	109	9,0	Не указано	—
1925			90,6	116	6,6		—
1926			96,2	123	6,1		—
1927			101,1	130	5,1		—
1928	90,6	15,4	106,0	136	4,8	74,1	129
Исполнение:							
1924	78,8	14,9	93,7	120	20,1	66,0	115
1925	84,1	16,0	100,1	128	6,8	70,4	122
1926	90,4	15,8	106,2	136	6,0	75,0	130
1927	92,0	16,6	108,6	139	2,3	78,2	136
1928	90,6	19,0	109,6	140	0,9	79,1	138

данным ЦСУ (единоличные и коллективные хозяйства). И вот оказывается, что по этим вполне сравнимым данным пятилетка Кондратьева осуществилась уже в три года. Это тем более показательно, что советская власть за эти годы отнюдь не благоприятствовала в своей политике процветанию кулака - единоличника. Она шла своим собственным путем, нажимая на кулака и вытес-

[1] Труды Земплана, вып. I, стр. 29, 137—138 и 148, вследствие неряшливости профессорской работы на разных страницах приводятся итоги, не вполне совпадающие друг с другом и с требованиями арифметики.

Исполнение исчислено по изданиям ЦСУ: „Стат. Справочник СССР за 1928 г.", стр. 178 и сл., М., 1929, „Итоги десятилетия", стр. 168 и сл., 188 и сл., 1927, „Сельское хозяйство СССР" 1925—1928 г., стр. 174, 187, 198 и т. д., М., 1929. Посевы 1913 г. приняты **в плане** с поправкой на недоучет в 10%, 1922 г. с поправкой 25% и 1923 г. с поправкой 20%.

няя его во имя скорейшей коллективизации середняцко-бедняцких масс деревни. И несмотря на огромные трудности первых шагов на этом пути, несмотря на активный саботаж кулацкой верхушки, этот путь уже дал нам много больше, чем сулила отвергнутая политика Кондратьевых и Огановских.

Довольно показательна с точки зрения последующего планового опыта и программа вложений в сельское хозяйство пятилетки Кондратьева. Выступая очень рьяно против сверхиндустриализаторских „перспективных ориентировок" Госплана последующих лет, Кондратьев, Макаров и К° всегда требовали значительного расширения вложений в сельское хозяйство за счет соответствующего сужения проектируемого размаха индустриализации. Спрашивается, однако, каков же их собственный размах в этом отношении? Сколько они сами требовали вложений в интересах аграризации страны?

Оказывается—не много. Все их вожделения на этот счет не превышали по всей РСФСР за пять лет 540 млн. черв. руб., включая сюда и лесное хозяйство [1]. Собственно на развитие сельского хозяйства в этой программе значилось только 451 млн. руб., в том числе по госбюджету 88,2 млн. руб., по местному бюджету 143,5 млн. руб., по сел.-хоз. кредиту 163,2 млн. руб. и за счет хозорганов и населения 57,1 млн. руб. Самыми крупными статьями в этой программе были мелиорация—82,9 млн. руб., животноводство — 78,8 млн. руб., коневодство — 42 млн. руб., ветеринария—41,8 млн. руб., землеустройство—39,1 млн. руб., переселение—26,2 млн. руб. и травосеяние—25,2 млн. руб. Никакой крупной технической реконструкции в этом плане не заверстано. И те небольшие средства, какие здесь указаны, распылялись на многие тысячи мельчайших объектов, напр., в программе мелиорации значилось 782 пруда, 8993 шахтных колодца, 543 трубчатых колодцев, 120 фильтров и т. д. и т. п. Ни борьбы с засухой в широком масштабе, ни каких-либо других больших идей здесь и не намечалось. На машинизацию намечалось затратить за все 5 лет 21,4 млн. руб., на семеноводство — 12,3 млн. руб., на тракторизацию — 4,7 млн. руб., на искусственные удобрения — 2,8 млн. руб.... Понятно, что ни о каком повышении уро-

---

[1] Труды Земплана, вып. V, стр. 82, а также вып. VI, стр. 210 и др.

жайности в плане Кондратьева и речи не могло быть. О масштабах коллективизации в этом плане можно судить хотя бы из того, что из 39,1 млн. руб. затрат на землеустройство на долю колхозов уделялось за 5 лет 780 тыс. руб., т. е. менее 2%.

Особенно поражает в этих наметках крайняя убогость Кондратьевской программы по части механизации и химизации сельскохозяйственного производства. Исходя из нынешних установок, эта часть плана представляется особо одиозной, она прямо пахнет вредительством. Но тогда все это представлялось в несколько ином освещении. Для восстановления правильной исторической перспективы напомним, что при обсуждении в президиуме Госплана очень куцой в отношении сельскохозяйственного машиностроения и производства химических удобрений пятилетки Калинникова раздавались такие речи: „Вы полагаете, что крестьянин будет покупать фосфаты? Ничего подобного, фосфаты всегда покупали частные хозяева, а крестьянин покупать их не будет. В результате фосфаты будут лежать у вас на складе так же, как сельскохозяйственные машины, потому что в них нет потребности“ [1]. И нужно сказать, что так думал отнюдь не вредитель или невежда в вопросах сельскохозяйственной экономики. Эти слова принадлежат б. председателю сельскохозяйственной секции Госплана П. И. Попову.

Конечно, нельзя забывать, что тогда перед нами еще не стояла вплотную, как очередная задача дня, сплошная коллективизация деревни. А шансы механизации и химизации земледелия при ставке на развитие мелкого крестьянского единоличного хозяйства были очень ограничены и особо широких перспектив в этой области нам не сулили. И все же минимализм пятилетки Кондратьева в указанном отношении превосходит всякие пределы.

Чтобы иллюстрировать это фактами, приведем несколько цифр. До войны у нас было всего 187 тракторов на всю страну, на 1 X 1924 их уже насчитывалось по СССР 2560, а через 5 лет—42136 шт. с мощностью в 470,9 тыс. лошад. сил. Кондратьевцы проектировали за то же пятилетие дать РСФСР всего 16000 тракторов,

---

[1] Архив Госплана, прот. президиума от 1 XII 1923, № 127, л. 384.

т. е. даже с поправкой на территорию раза в два преуменьшили наши реальные возможности. По сельскохозяйственному машиноснабжению они проектировали затратить в РСФСР за все пятилетие 21,4 млн. руб., а на самом деле только за один последний год этой пятилетки (1928/29) на машиноснабжение РСФСР было затрачено свыше 90 млн. руб., т. е. в 4,5 раза больше. А общая сумма затрат по финансированию сельского хозяйства РСФСР по сравнению с планом Кондратьева оказалась в таком соотношении (в млн. черв. руб.):

Годы	План	Исполнение
1924/25 . .	58	104
1925/26 . .	62	157
1926/27 . .	89	239
1927/28 . .	106	286
1928/29 . .	125	384
	450	1170

Приведенные цифры не вполне сравнимы, так как в „исполнение“ мы не включили вложений „за счет населения“ и некоторых других, учтенных в плане. И все же исполнение раза в 2,5 превышает „прогноз“ Кондратьева.

Таким образом генеральная линия партии на социалистическую индустриализацию страны уже за эти годы в порядке побочного эффекта обеспечила нам возможность и в области финансирования сельского хозяйства дать ему неизмеримо больше того, что поддавалось предвидению наиболее ярых аграризаторов буржуазного лагеря.

*
* *

Не останавливаясь на других менее важных опытах отраслевого перспективного планирования за восстановительный период, мы могли бы всем им дать следующую краткую характеристику. В области методологии все эти примитивные опыты отличаются крайним эмпиризмом. Дальше „метода“ экстраполяции „стихийного“ роста за прошлые годы на будущее время с весьма проблематичными поправками к нему на основе „экспертных“ оценок вероятной в этом будущем емкости рынка, возможного накопления и т. п. факторов—дело не шло. В области идеологии этих плановых опытов чувствуется совершенно определенная установка составителей — не

столько на восстановление довоенных масштабов, сколько на реставрацию довоенных общественных отношений в народном хозяйстве страны. В области проектировки темпов развития мы наблюдаем здесь крайний минимализм, вытекающий, если отвлечься от сознательного вредительства, прежде всего из полного неверия в творческие силы и возможности советского строя.

Идея затухающих кривых развития, которая в качестве рабочей гипотезы использовалась во всех перспективных проектировках того времени, тоже обязана своим происхождением восстановительному периоду. В качестве авторов этой идеи обычно называют Громана и Базарова. Однако, нужно признать, что на практике она начала применяться гораздо раньше, чем оформилась в „теорию". „Довоенный уровень" для всех буржуазных идеологов того времени со взглядами, устремленными всегда назад, вообще представлялся чрезвычайно заманчивым и далеким идеалом. В советских условиях хозяйства, по их представлению, крайне несовершенных, это был предел, его же не прейдеши. Большие успехи первых лет НЭП'а на путях восстановления вызывали явное недоумение у этих идеологов и требовали объяснения. Вредитель Калинников привел по этому поводу на суде следующую версию:

„Наша буржуазная идеология давала нам одно объяснение для быстрого темпа восстановления, это — за счет громадных (?) материальных и производственных ресурсов, которые после Октябрьской революции перешли от буржуазии к советской власти"[1]. В сущности говоря, остатки буржуазного наследия в области материальных запасов, сохранившиеся от периода империалистической и гражданской войн, к 1921 г. были совершенно ничтожны, а производственные ресурсы оборудования были крайне потрепаны и обесценены. И за счет этих жалких остатков прежнего буржуазного величия при старом укладе жизни потребовались бы наверное для восстановления не годы, а целые десятилетия. Но это не мешало специалистам буржуазного лагеря тешить себя объяснением, что наши бурные успехи за счет „разбазаривания" последних остатков буржуазного наследия должны естественно кончиться вместе с этими остатками. А отсюда, дескать, вытекала с неизбежностью

[1] Известия, 1930, № 327.

или капитуляция советской власти ради займов перед мировым капиталом, или перманентно затухающая кривая развития.

Фактическое движение темпов роста промышленной индустрии за 1924/25—1926/27 годы (57%, 39% и 19% по планируемому кругу предприятий) и некоторые другие аналогичные факты как-будто подтверждали чаяния буржуазных идеологов. „Ученые" школы Громана, конечно, не упустили возможности возвести такие эмпирические факты в степень экономического закона. Но никакого непреодолимого закона здесь, разумеется, не было. На стадии восстановительного процесса, когда для расширения продукции требуются только относительно незначительные дополнительные вложения оборотных средств, возможности роста при одних и тех же ресурсах, конечно, выше, чем по завершении этой стадии, когда требуется одновременно увеличить не только оборотные, но и основные фонды. Отсюда за последние годы восстановительного процесса, когда в одной отрасли за другой мы уже вплотную подходим к 100-процентному использованию старых фондов, некоторое замедление роста из-за отсутствия ресурсов для широкого развертывания новых капитальных работ было вполне естественно. Но наши возможности накопления не оставались неизменными. Они с каждым годом возрастали. И очень скоро, даже скорее, чем это предвидели иные оптимисты, они обеспечили нам, вопреки всяким пессимистическим прогнозам, новое ускорение темпов и явно восходящую кривую развития.

Так называемый „восстановительный" процесс, по мысли его буржуазных теоретиков, должен был восстановить не только довоенные масштабы производства, но и довоенные соотношения, т. е., говоря яснее, капиталистическую структуру хозяйства. В „Сводном докладе о контрольных цифрах народного хозяйства 1925/26 г.", не увидевшем света, автор его, Громан, писал между прочим следующее: „Исследовать восстановительный процесс, значит понять его закономерность, ибо все происходящее подчинено определенным законам. Какая основная гипотеза должна лежать в основе этого исследования? Мы должны предположить, что мы имеем тенденцию приближения к довоенным размерам, соотношениям и формам связей между отдельными элементами народного хозяйства. . . Вторая

гипотеза заключается в том, что в течение наступающего года мы используем все оставшиеся у нас человеческие и материальные производительные силы на 100%... таким образом мы к концу года предполагаем приближение к системе равновесия, бывшей до эпохи начала экономической разрухи"...

Столь обнаженно-реставраторская трактовка восстановительного процесса встретила тогда же решительный отпор в коммунистической среде Госплана. „Теория" Громана была отвергнута, а в официальном печатном докладе комиссии по контрольным цифрам на 1925/26 г. прямо сказано, что „довоенные соотношения были в глазах комиссии не нормой, не моделью перспективных построений, а лишь некоторым условным масштабом измерений". Вместе с тем комиссия отмечала моменты реконструкции в самом восстановительном процессе и заключала: „мы можем теперь уже сказать с достаточной уверенностью, что система равновесия, к которой стремится эта динамика будет иметь весьма мало общего с довоенной"...[1]

О прямом плановом вредительстве за восстановительный период в Госплане у нас пока мало данных. Скорее за эти годы можно говорить о буржуазных влияниях и реставраторских устремлениях идеологов буржуазии в плановых построениях того времени. Как было показано выше, все опыты перспективного планирования этого времени были явно неудачны и обречены на провал. Ни один из них даже не представлялся на одобрение правительства. Их минимализм бил в глаза и неизменно выправлялся в порядке текущего планирования и оперативной ведомственной работы.

Коммунистическое руководство Госплана в этот период было уже достаточно искушено, чтобы отвергать сомнительные установки и выявлять грубые ошибки первых перспективных построений, но партийная прослойка Госплана была еще очень слаба для того, чтобы обеспечить творческое ее участие и авторитетное руководство на всех этапах перспективного планирования.

---

[1] Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г., стр. 14. М., 19 5. Впрочем. в других отношениях методологическое влияние школы Громана все же заметно сказалось на построении этих первых контрольных цифр Госплана.

На новую ступень

В первых опытах текущего перспективного планирования (до 1925 г.) в Госплане составлялись только отдельные отраслевые планы и программы. До увязки их в единый народнохозяйственный план дело не доходило уже потому, что эти опыты, взятые в отдельности, были еще весьма несовершенны. Лишь в 1925 г. Госплану удалось подняться на следующую ступень планирования. Мы имеем в виду первые контрольные цифры на 1925/26 г., где вместо прежних разрозненных производственных программ и отраслевых планов встречаемся уже с замыслом целостного народнохозяйственного плана, правда, пока только на один год. Но к этому времени плановые органы настолько уже овладели техникой проектирования отраслевых планов, что и в области перспективного планирования построение сводной народнохозяйственной пятилетки стало совершенно назревшей очередной задачей.

К этому времени мы уже на опыте убедились к тому же, что проектировать перспективы развития отдельной отрасли хозяйства хотя бы на пять лет без ясного представления о перспективах развития смежных отраслей и всего народного хозяйства в целом—вообще крайне неблагодарная и мало продуктивная работа.

Мы уже ясно сознавали, что *целостную* концепцию развития всего народного хозяйства нельзя получить в результате простого *суммирования* соответствующих наметок по отдельным отраслям. Но получить эту концепцию сверху из одних лишь абстрактных целевых установок без конкретной проработки и учета имеющихся возможностей не только по каждой отдельной отрасли хозяйства, но даже по отдельным крупнейшим объектам строительства и производственным единицам, было бы совершенно бюрократической утопией. Поэтому Госплан должен был уже с самого начала опереться в своей работе на силы ведомственных аппаратов, хотя ведомственные проектировки на первых порах могли для него послужить лишь сырым материалом, требующим тщательного отбора и дальнейшей обработки. Лишь в результате такого отбора и обработки ведомственных материалов Госплан мог вы-

работать уже и общую, хотя бы ориентировочную, концепцию народнохозяйственного плана, на основании которой надлежало затем снова и притом не один раз пересмотреть и связать внутреннею цепною связью все отдельные — отраслевые и порайонные — элементы этого плана.

На эту черновую работу по подготовке народнохозяйственного плана путем последовательных к нему эмпирических приближений потрачено было не мало сил и времени. Запроектировать программу развертывания какой-либо отдельной отрасли или производства при наличии общего задания о масштабах и темпах этого развертывания, это чисто техническая задача. С ней уже и на предшествующем этапе справлялись наши инженеры и техники. Но создать общую концепцию плана в виде стройной *системы* технико-экономических и социальных заданий на ряд лет вперед это была для нас новая и методологически гораздо более сложная задача.

А между тем эта задача *синтетического* планирования с завершением так наз. восстановительного периода становилась особо острой и злободневной. До тех пор, пока дело шло только о повышении процента нагрузки *наличного* оборудывания и оживления консервированных предприятий, это можно было делать без особо крупных затрат, а значит и без особого риска и по отдельным отраслям, считаясь только с конъюнктурой рынка и финансовыми возможностями. Но когда перед нами стала проблема широкой *реконструкции* народного хозяйства, предполагающей огромную строительную программу на целый ряд лет вперед, — проектировать такую программу вслепую, по отдельным отраслям хозяйства, без синтетической их увязки в общем плане реконструкции, предполагающем на новой технической базе и новую *структуру* производственных пропорций, было бы гораздо опаснее. Здесь при ошибочном представлении об этой новой структуре или вредительском умысле легко было создать уже не преждевременное *оживление*, а долговременное омертвление капитальных фондов в тех или иных отраслях производства. Говоря иначе, здесь мы рисковали проектировкой определенных производственных диспропорций.

Процесс вредителей из „Промпартии“ показал нам, что этот риск был очень реальным. Вредители сознательно стремились к омертвлению капитальных затрат (напр. в текстильной промышленности) и к созданию

диспропорций (задержкой развертывания электростроительства, топлива и металла) в народном хозяйстве.

И ошибок, и злого умысла в этом деле можно было избежать только при синтетической увязке всех частей народнохозяйственного плана в целостную систему.

Насколько эта потребность в синтетическом народнохозяйственном подходе к построению даже отдельных отраслевых планов уже назрела к началу реконструктивного периода, можно усмотреть хотя бы из следующего факта. Приказом от 21 III 1925 г. президиума ВСНХ было образовано „Особое совещание по воспроизводству основного капитала госпромышленности СССР" (ОСВОК), для разработки перспективного плана промышленности на 1925/26 — 1929/30 гг. Но, несмотря на свой узко ведомственный состав и задачу, эта плановая ячейка ВСНХ, конкурируя до некоторой степени с Госпланом в своей работе, отнюдь не ограничилась рамками одной промышленности. В ее материалах вы найдете и специальный выпуск, посвященный „Перспективам развития сельского хозяйства" (серия III, вып. II), и доклад о „Задачах транспортной политики в связи с развитием отдельных отраслей промышленности" и целый ряд других аналогичных работ вплоть до синтетического доклада о „Балансе народного хозяйства СССР". Несомненно уже у ОСВОК'а мы встречаемся с очень широким, хотя и не удавшимся замыслом построения перспективного плана промышленности, как отрезка синтетического плана всего народного хозяйства в целом.

Подобно этому Трансплан НКПС'а в своих проектировках грузооборота координировал свою работу уже в стадии черновых проработок с проектировками ВСНХ, НКЗема и т. д. Но наиболее обобщающей плановой продукцией этого подготовительного периода были три синтетических перспективных ориентировки Госплана СССР. Первая из них (на 1925/26—1929/30 гг.) были закончена и доложена съезду плановых органов в марте 1926 г., следующая—на 1926/27—1930/31 гг. была представлена на обсуждение 2-му съезду плановых органов в марте 1927 г. и третья (на 1925/26—1931/32 гг.) была готова уже осенью 1927 г. к XV съезду партии, давшему развернутые директивы к построению действующей ныне пятилетки [1].

---

[1] Сводные доклады по этим ориентировкам см. у С. Струмилина „Очерки советской экономики", 2-ое изд., 1930.

И план ОСВОК'а и перспективные ориентировки Госплана являются еще весьма сырыми полуфабрикатами синтетического планирования. Но как подготовительная стадия к построению действующего пятилетнего плана эти черновые наброски представляют большой интерес и заслуживают пристального внимания.

Пятилетка ОСВОК'а

Промышленная пятилетка ОСВОК'а на 1925/26—1929/30 гг.[1], составленная под руководством Г. Л. Пятакова наряду с сельскохозяйственной пятилеткой Земплана представляет для нас теперь особый интерес помимо всего другого и с точки зрения отражения в планировании тех идеологических уклонов от генеральной линии партии, какие и доныне еще не окончательно изжиты в нашей хозяйственной практике.

Если аграризаторы из Земплана довольно ярко отразили в своей работе черты право-оппортунистического уклона, то пятилетка Пятакова, выступавшего тогда в роли крайнего сверхиндустриализатора, должна бы отразить в себе если не теорию, то практику „левых" загибов троцкистской оппозиции. Тов. Пятаков еще в конце 1926 г. рекламировал свою работу в следующих выражениях: „Эта пятилетка является *единственной* пятилеткой, *солидно и конкретно* проработанной в ВСНХ"[2]. Тем не менее она даже не вносилась в Госплан, так как не получила необходимой апробации и в собственном ведомстве. В последних сводных выпусках пятилетки ОСВОК'а неудовлетворительность этой работы чувствуют уже и сами ее составители. Особенно ясно это выражено в вып. V, посвященном финансовому плану пятилетки. Этот запоздавший выпуск, помеченный 1927 г., оперирует уже опытом первых двух лет запроектированной пятилетки и, опираясь на этот опыт, констатирует: „жизнь показала, что *эта пятилетка*

[1] См. „Материалы Особого Совещания по воспроизводству основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР", сер. I. Пятилетние гипотезы по отраслям промышленности, кн. 1—29. М.-Л., 1926, сер. II, Материалы к критике гипотез, кн. 1, М.-Л., 1926, сер. III, Перспективы развития промышленности на 1925/26—1929/30 гг., вып. I—IX, М.-Л., 1927.

[2] См. прения в Ком. Акад. по докладу В. П. Милютина от 26/27 IX 1926 г. Вестн. Ком. Акад., 1926, кн. XVII, стр. 211.

не осуществима и, очевидно, будет составляться новая“ [1].

Основным ее дефектом в то время считалась и тов. Пятаковым, и другими его соратниками финансовая необеспеченность намеченной программы вложений, так как план был сверстан с дефицитом до 2 млрд. руб. [2] Пятаков пытался помочь этому горю политикой повышения отпускных цен. Но и опыт 1925/26 г. с повышением цен не оправдал на сей предмет надежд. И в 1926 г. присяжный экономист ВСНХ А. М. Гинзбург в предисловии к V вып. материалов ОСВОК‘а констатирует: „текущий год показал, что проектировка гипотез по капитальным работам на 1926/27 и 1927/28 гг. является преувеличенной“, а присяжный финансист ОСВОК‘а С. Абрамович меланхолически объясняет эту „ошибку“ ОСВОК‘а тем, что „основы гипотез намечались главным образом летом 1924/25 г., когда ближайшие перспективы рисовались в очень розовом свете“ [3].

1924/25 г. был действительно годом максимального за весь восстановительный период подъема промышленности. Кроме того мы знаем, что в этот период еще не были созданы вредительские центры в плановых органах. Стало быть, специальных „директив“ к преуменьшению темпов у составителей этой пятилетки не могло быть, скорее наоборот, и ведомственное усердие, и сверхиндустриализаторский пыл Пятакова толкали их в сторону преувеличенного оптимизма. Ну, а результаты? О них лучше всего судить путем сопоставления столь „солидно и конкретно“ проработанных гипотез ОСВОК‘а с советской действительностью (см. табл. 7).

„Гипотезы“ ОСВОК‘а очевидно для пущей гипотетичности их, даются почти по всем элементам только за проектируемые годы без всякого их сопоставления с отчетными данными за базисный год. Вследствие этого намеченный темп роста этих элементов за первый год пятилетки остается под вопросом и по существу пятилетка превра-

---

[1] Материалы ОСВОК‘а, сер. III, вып. V. Финансовые перспективы развития промышленности, стр. 83.

[2] Вестн. Ком. Акад., XVII, стр. 211 и Материалы ОСВОК‘а, сер. III, вып. V, стр. 81: „перед страной выдвигается проблема вложения в промышленность дополнительных, примерно, 2 миллиардов рублей, проблема, повидимому, для рассматриваемого пятилетия не осуществимая“.

[3] Материалы ОСВОК‘а, сер. III, вып. V, Финансовые перспективы развития промышленности, стр. 4 и 10.

Таблица 7

Промышленная пятилетка ОСВОК'а[1]
(Планируемая крупная промышленность)

Годы	Продукция в млн. рубл.					Индекс цен к концу года	Себестоимость в %	Выработка 1 рабочего в %	Накопление в млн. черв. руб.		Капитальные влож. в млн. черв. руб.
	в довоен. цен.			в соврем. ценах							
	абс.	в %% к 1924/25 г.	в %% к пред. году	абс.	в %				прибыль	амортизация	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
План											
1924/25	2460	100	—	4255	100	100	100	100	—	—	—
1925/26	3205	130	30	5435	128	101,5	98,5	(111)	494	278	935
1926/27	4168	169	29	6375	150	?	94,8	?	562	358	1549
1927/28	5144	209	23	7459	175	?	89,7	?	653	429	1454
1928/29	5923	241	15	8216	193	?	86,1	?	738	488	1251
1929/30	6698	272	13	8928	210	(79,6)	80,0	(178)	787	535	959
За 5 лет	25138	1021	—	36413	856	—	—	—	3234	2088	6148
Исполнение											
1924/25	3018	100	57	4977	100	100	100	100	456	323	426
1925/26	4213	139	39	6969	140	101,5	101,8	111	614	365	930
1926/27	5034	167	19	8300	167	94,4	100,0	126	659	398	1193
1927/28	6189	205	23	9780	197	94,1	93,8	149	835	444	1539
1928/29	7659	254	23	11991	240	94,1	89,6	166	(1075)	(460)	1679
1929/30	9480	315	24	14370	288	—	83,4	182	(1560)	(500)	2917
За 5 лет	32575	1079	—	51410	1032	—	—	—	4743	2167	8258

[1] Материалы ОСВОК'а, сер. III, вып. IV, стр. 98, вып. V, стр. 87, 42, 51, и Бюллетени ЦОС'а ВСНХ. План дает валовую продукцию по трестовской оценке, а исполнение учтено по так наз. „заводской оценке“, превышающей первую примерно на 16%. В остальном сопоставляемые цифры вполне сравнимы.

щается в четырехлетку. Лишь в одном выпуске этот очень существенный дефект выправлен в отношении себестоимости продукции в червонном выражении [1]. Прибавив к этой себестоимости прибыль, исчисленную планом, мы получили полную продукцию данного круга предприятий (гр. 5, табл. 7). Продукция эта охватывает почти полностью весь круг планируемой промышленности ВСНХ, по которому мы приводим цифры исполнения. Но в абсолютном выражении цифра плана за базисный год значительно ниже исполнения. Это объясняется тем, что в плане дается готовая к выпуску продукция — по „трестовской" оценке, а в исполнении вся продукция — по „заводской" оценке [2]. В цифрах исполнения за все годы дана только планируемая промышленность ВСНХ. Впрочем для сравнимости за последний год сюда включена продукция и тех трестов пищевой промышленности, которые за это время перешли в другое ведомство. Тем не менее и без этой поправки исполнение резко превышает план как по продукции, так и по накоплению и объему вложений.

Таким образом, „неосуществимая" пятилетка ОСВОК'а, будто бы рисовавшая наши перспективы в слишком „розовом" свете уже за первый год заметно отстала от действительности и в общем по продукции осуществилась полностью в четыре года.

Основной грех этой пятилетки заключается в том, что она на все пятилетие проектирует затухающие темпы роста производства, а между тем начиная с 1927/28 г. вступают в работу уже значительные фонды заново реконструированных и совершенно новых производственных единиц, продукция которых явно недооценивалась планом. Эта недооценка эффективности капитальных работ в промышленности сказалась и в крайне уродливом распределении по годам плана вложений. Самая большая сумма намечалась на 1926/27 г., а затем проектировалось резкое затухание кривой вложений. Авторы плана за-

[1] Материалы ОСВОК'а, сер. III, вып. IV, стр. 98. Здесь же дано снижение этой себестоимости за все годы в отношении базисного 1924/25 г., стр. 99.

[2] Привести исполнение за все годы по ранее принятой трестовской оценке для сравнимости с планом невозможно вследствие изменения методов учета, но можно установить, что для 1924/25 г. „заводской" метод оценки повышает продукцию примерно на 16% против „трестовского", а наши итоги того же года (4977 и 4255 млн. руб.) расходятся на 17% (см. табл. 7).

проектировали в этом отношении действительно неосуществимое напряжение для первых лет пятилетки, думая, что без этого оказалась бы нереальной даже та затухающая кривая роста продукции, которую они наметили. А между тем и меньшие вложения первых лет обеспечили более значительное и притом ускоряющееся нарастание продукции.

В отношении качественных показателей проектировки ОСВОК'а оказались тоже перевыполненными. Достигнутый прирост производительности заметно выше намеченной нормы. А снижение себестоимости, хотя формально и несколько ниже плана, на самом деле значительнее его, ибо достигнуто при гораздо меньшем снижении цен на промышленные материалы и полуфабрикаты. Цены промтоваров по группе А снижены всего на 4% вместо запроектированных 22%, т. е. раз в пять меньше, чем намечалось по плану. За счет этого фактора проектировалось снижение себестоимости на 6,2%, а достигнуто, повидимому, раз в пять меньше. Таким образом за счет рационализации производства мы, несомненно, снизили себестоимость в большей мере, чем это казалось возможным „оптимистам" ОСВОК'а.

Опыт этой пятилетки поучителен в двух отношениях. Составители этого плана из числа буржуазных специалистов, и при отсутствии вредительских директив Промпартии, тогда еще не родившейся, органически не в состоянии были видеть „в очень розовом свете" наше будущее и даже подстегиваемые всей обстановкой к преувеличенным планам оказались безнадежными минималистами. Но еще любопытнее, что вместе с ними в рядах минималистов оказался, скользя вниз по затухающей кривой, и такой „левый" загибщик и „сверхиндустриализатор", как тогдашний руководитель ОСВОК'а Г. А. Пятаков.

Впрочем у тов. Пятакова в этом отношении имеется и утешение. В такие и еще горшие ошибки по части недооценки наших возможностей и перспектив у нас впадали уже многие и притом совсем не плохие товарищи. Труднее было бы даже указать таких товарищей, которые, активно принимая участие в планировании, не ошибались бы в указанном отношении. Лучше всего об этом свидетельствует и ныне успешно осуществляемый лозунг: „пятилетка в четыре года"!

Ориентировка на 1925/26—1929/30 гг.

В Госплане первый черновой проект сводной перспективной ориентировки на пятилетие 1925/26—1929/30 г. был закончен в начале 1926 г. [1] В основе этих сводок лежали материалы ведомств и секций Госплана. В частности по промышленности в основу была взята довольно детальная проработка—по отдельным предприятиям и объектам строительства—пятилетки ОСВОК'а. Для примера укажем, что уже в этой наметке фигурируют такие мощные объекты строительства, как Днепрострой, Криворожский, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы—правда, с выплавкой чугуна всего по 40 млн. пудов в год,—Сталинградский тракторный с годовым выпуском 10 000 тракторов, мощностью около 25 НР и мн. др. Но в сводном докладе все эти технико-экономические элементы плана исчезают в общем социально-экономическом их синтезе и представляются лишь в суммарном цифровом балансе накоплений и вложений строительной программы.

В этом первом наброске плана отсутствовал не только районный, но даже республиканский разрез строительной программы. Не трудно в нем указать и целый ряд других столь же крупных дефектов. Теперь, спустя пять лет после этой проектировки, все ее дефекты стали много виднее. Но есть в ней и одно существенное достоинство. Это, повидимому, единственный пока образчик синтетической пятилетки, запроектированной специалистами до вовлечения их в организованное плановое вредительство.

Об этом мы заключаем не столько из показаний самих вредителей на процессе Промпартии, сколько из анализа данных самой пятилетки. Правда, на процессе нам говорили вредители, что идея о переходе с конкретного вредительства на плановое начала „занимать" Инженерно-Технический Центр только в 1927 г., т. е. уже через год после завершения первой синтетической пятилетки. Но в точности этой хронологии так же как и в том, что Инженерно-Технический Центр в первое время по его образовании (в конце 1925 или в начале 1926 г.) ставил своей задачей не политическую деятельность, а профес-

[1] См. доклад на эту тему Струмилина и прения в сборнике „Проблемы планирования". Стеногр. отчет I съезда плановых органов, 10—17 III 1926 г. М., 1926.

сиональную защиту интересов инженерства,—можно бы и усомниться. Однако, в самой пятилетке имеются данные гораздо большей объективной убедительности, чем эти показания вредителей.

Мы имеем в виду план развертывания черной металлургии в СССР. Этот план, составленный специальной подкомиссией ОСВОК'а при участии известных впоследствии по вредительским процессам минималистов инженеров Гартвана и Таубе и воспринятый затем Промсекцией Госплана во главе с одним из лидеров вредительства проф. Калинниковым, отнюдь не страдает пессимистическим минимализмом, столь характерным для последующих проектировок в той же области [1]. В самом деле, в сопоставлении с фактическим ростом металлургии выплавка чугуна в этой первой перспективной ориентировке запроектирована была в следующем размере (табл. 8).

Таблица 8

Выплавка чугуна (в млн. тонн)

Годы	План	Отчетн. данн.	% исполн.
1	2	3	4
1924/25	1,29	1,29	—
1925/26	2,48	2,21	89
1926/27	4,30	2,97	69
1927/28	5,47	3,28	60
1928/29	6,55	4,02	61
1929/30	7,20	4,97	69
За 5 лет . . .	26,00	17,45	67

Как видим, Гартван и К°, наученные горьким опытом позорного провала их первого пессимистического прогноза перспектив роста металлургии (в 1923 г.), на этот раз переборщили в обратную сторону, т. е. в сторону столь же необоснованного оптимизма. В 1923 г. они запроектировали четырехкратное повышение выплавки чугуна за пятилетие, а на самом деле она возросла в одиннадцать раз. В 1926 г. они „предвидели“ рост выплавки за пятилетку в 5,6 раза, а на деле ее удалось поднять за это время только в 3,85 раза. Это, несомненно, свидетельствует о том, что в обоих случаях эти

[1] Материалы ОСВОК'а, сер. I, кн. 23. Металлич. промышленность, стр. 36. М.-Л., 1926.

инженеры оказались весьма неважными „экспертами" или лучше сказать плохими специалистами в своем деле. Но вредительский умысел в таких проектировках заподозрить гораздо труднее. Во всяком случае о таком вредительстве—путем форсирования планов индустриализации страны в 1926 г. никто из вредителей, насколько нам известно, и не помышлял. И это весьма понятно, ведь чугун—это насущный хлеб индустриализации и, если бы план 1926 г. оказался выполнимым и мы, действительно, получили в 1929/30 г. вместо 5 млн. тонн чугуна—7,2 млн., то мы бы теперь могли только поблагодарить его авторов за такое „вредительство".

Противодействуя генеральной линии партии на индустриализацию, вредители могли со злым умыслом преувеличить планы текстиля или какой-либо иной отрасли в ущерб росту металлургии, но форсировать рост чугуна в таких целях было бы явной глупостью. И то, что наши вредители отнюдь не были столь уж глупы, видно из последующих их заведомо вредительских проектировок в той же области. Уже во второй перспективной ориентировке Госплана (март 1927 г.) вместо 7,2 млн. тонн чугуна на 1929/30 г. ими запроектировано было только 4,67 млн., а в третьей (конец 1927 г.) еще меньше—4,38 млн. тонн, т. е. не свыше 88% фактического выполнения за этот год[1]. Мы уже не говорим о той дерзости, которую Гартван и Таубе проявили еще через год, в конце 1928 г., когда уже окончательно оформилась Промпартия и они предлагали этой вредительской организации, по показанию Калинникова, отстаивать программу выплавки чугуна в 5 млн. тонн для 1932/33 г. Калинников недаром отказался принять цифру ниже 7 млн. тонн для этого года, если вспомнить, что в наших планах уже для 1929/30 г. проектировалась цифра 7,2 млн. Спуститься ниже этой цифры через три года и аргументировать нереальность ее превышения было бы слишком рискованно для Промпартии.

Учитывая сказанное, мы думаем, что в проектировках металлургии—этого наиболее ответственного форпоста индустриализации—сознательного вредительства в 1926 г. еще не наблюдалось. Тем менее оснований предполагать

[1] См. „Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг." под редакцией С. Г. Струмилина. М., 1927, таблицы, стр. 68, и Калинников. Перспективы промышленности на 1927/28—1931/32 гг. План. Хоз., 1927, № 12, стр. 86.

организованное вредительство на менее важных участках народнохозяйственного плана того времени. И вместе с тем, тем больше интереса представит сопоставление этого плана, взятого в целом, с фактическим развитием хозяйства за данный период. Опыт пятилетия 1925/26—1929/30 гг., целиком уже отошедшего в прошлое, может до известной степени служить для исторической проверки эффективности нашего перспективного планирования с точки зрения достижения намеченных целей и реализма оценок, имеющихся в нашем распоряжении возможностей.

В области методологии первая синтетическая пятилетка шла более или менее ощупью и не зафиксировала каких-либо существенных достижений. Но в ней впервые довольно явственно отразилась на практике установка на план как определенную систему заданий и программу действий. В такой установке нет, пожалуй, ничего нового. Уже В. И. Ленин трактовал план как задание пролетариату. Однако, буржуазные идеологи школы Громана и Кондратьева пропагандировали иную установку, по которой в плане прежде всего усматривался прогноз грядущего на основе изучения имманентной закономерности развития данной общественной среды.

Такая концепция просочилась, к сожалению, и в первые „контрольные цифры" Госплана, методологическое введение к которым принадлежит перу Базарова [1].

Но уже в Комиссии по контрольным цифрам вокруг этих идей шли довольно горячие бои. Именно их имел, очевидно, в виду И. Т. Смилга в своем докладе на первом съезде плановых органов.

„Мы стоим,—говорил он там,—перед двумя возможными отклонениями в работе. Некоторые максималисты плана считают, что в плановой работе главным являются целевые начала. Этими работниками план сплошь и рядом толкуется, как свободное усмотрение. Такое резкое подчеркивание целевого начала

---

[1] См., напр., следующее место: „При экстраполировании временных рядов, при выяснении тенденций развития и отыскании коэффициентов, характеризующих динамику настоящего и ближайшего будущего, Комиссия использовала в качестве регулятивных принципов построения ряд закономерностей, наметившихся в нашей послереволюционной экономике". Контрольные цифры 1925 г., стр. 9.

является выводом из предпосылки, что в нашем хозяйственном строе объективные детерминистические процессы в значительной степени или уже отмерли, или отмирают. Поэтому свободному усмотрению отводится больше места, нежели на самом деле это следует делать. С другой стороны ряд работников держится той точки зрения, что вообще всякое перспективное планирование есть вздор... У этой группы, наоборот, наблюдается преклонение перед стихийными процессами хозяйства, что ведет к оппортунизму в практической работе. Плановая работа—искусно лавирует между этими „крайностями" тов. Смилга—должна нащупыватъ среднее между двумя этими элементами"[1].

Однако, не признав главенства за целевой установкой в плане и отвергнув мысль „максималистов" даже в столь умеренной формулировке, что в нашем советском строе старые детерминистические процессы „в значительной степени" отмирают, тов. Смилга пошел, пожалуй, тогда на слишком большие уступки Громану и Базарову.

Недавно в защиту той же идеи „объективных детерминистических процессов", которая в нашей советской экономике, столь смахивает на „преклонение перед стихийными процессами хозяйства" выступил в печати А. С. Гордон.

Смешав в одну кучу методологические воззрения плановиков-коммунистов и школы Громана под общим ярлыком „конструктивизма", Гордон сам нигде не формулирует четко, что именно он разумеет под этим понятием и почему его столь высокомерно третирует. Но из высказываний Базарова, который первый ввел этот термин в плановый оборот, известно, что понятие „конструктивного метода" в противовес генетике употреблялось этой школой именно в смысле расчетной проектировки на основе определенных целевых заданий. Так, отрицая применимость этого метода в сельском хозяйстве, где первое место оставлялось им за генетикой, Базаров в отношении индустрии допускал уже и целевые подходы. „К области индустрии —говорил он—приходится идти не генетическим, а телеологическим путем, конструктивным методом"[2]. Таким образом, Гор-

---

[1] Проблемы планирования, стр. 218. Изд. План. Хоз. М., 1926.

[2] Архив Госплана; прот. 122, от 2 XI 1923 г., л. 114.

дон, отвергая целеустремленность „конструктивизма“ вообще, идет даже дальше Базарова. Правда, Гордон вносит свои поправки в громановско-базаровскую концепцию генетики. Но их ошибкой он считает не самый примат генетики над телеологией, а только то, „что в плановых построениях того и другого дана не диалектика объективных процессов советского хозяйства, а структурная эволюция последнего“ [1]. Если, однако, отвлечься от этих чисто философских различий между „диалектическим“ и „эволюционным“ развитием, в области которых Базаров легко бы дал несколько очков вперед Гордону, то суть дела будет, конечно, в другом. В основу планирования и Гордон, вслед за Громаном и Базаровым, кладет, как бы он это ни замазывал, развитие „объективных процессов советского хозяйства“, т. е. изучение социальных его закономерностей и предвидение грядущего как бабочки, созревающей в коконах прошлого и настоящего.

Но что известно Гордону и иже с ним об объективных социальных закономерностях советского хозяйства? Увы, ничего. Неизвестно даже, „закономерно“ ли их предполагать по аналогии с капиталистическим обществом? А может быть тот „прыжок“ из царства необходимости в царство свободы, который был предсказан Энгельсом и который осуществляется на наших глазах, уже вывел нас так далеко за пределы стихии социальных закономерностей товарного общества, что нам вообще не предстоит впредь иметь дело с иными объективными закономерностями кроме технико-экономических норм и законов природы? А если это так, то законно ли вообще апеллировать в нашей плановой работе к таким „законам“ хозяйства, которые мы можем и должны сами творчески определить в порядке нашей плановой работы и сознательной коллективной целеустремленности пролетариата?

Социальные закономерности капиталистического хозяйства несомненно уже в большей своей части отмерли или отмирают в советских условиях, ибо в основе их лежала рыночная стихия, а плановое хозяйство по самой своей идее помимо технико-экономических норм, физико-химических законов и т. п. детерминант, никаких иных „объективных“, т. е. независящих от воли общества

[1] А. Гордон. Введение в планирование, стр. 32. 1930.

„социальных“ законов не знает. И тов. Смилга совсем напрасно старался занять в этом вопросе соглашательские позиции.

Совсем иную позицию занял на том же съезде Г. М. Кржижановский в своем докладе о первом черновом наброске пятилетки Госплана. „Не упускайте из виду—говорил он, отнюдь не страшась прослыть „максималистом плана“,—целевого характера наших планов. Мы говорим в них не о том, что должно быть при всяческих условиях, что детерминистически предопределяется самой объективной обстановкой. Мы говорим о том, что должно быть при соответствующих операциях хозяйственного маневрирования“ [1].

Целевая установка плана в связи с директивами XIV съезда партии о социалистической индустриализации страны получила такую формулировку: „основной плановой задачей мы ставим индустриализацию страны на базе электрификации и по возможности бескризисное развертывание всего хозяйства с ежегодным усилением его социалистических форпостов за счет соответствующего сокращения частно-хозяйственных элементов“. В качестве дополнительных предпосылок и регулятивных идей этого плана в отношении внешнего мира намечалось, что наше плановое хозяйство „в своем темпе развития—должно и может идти вперед значительно быстрее обычных темпов роста капиталистического хозяйства“, а в области внутренней экономики—в нем ставилась задача „возможно более быстрого изживания тех диспропорций, какие нами унаследованы от старого дореволюционного строя“ [2].

В отличие от прежних плановых проектировок, ориентировавшихся на рыночные лимиты роста, эта пятилетка впервые выдвигает такой тезис:

„Наличная емкость рынка пока-что скорее угрожает нам довольно длительным товарным голодом, чем кризисом сбыта. И лимитом, определяющим собою отныне размер будущей продукции, является то, что отныне на целый ряд лет будет в минимуме, т. е. прежде всего основной капитал, или, иначе говоря, капитальные за-

[1] Проблемы планирования, стр. 12.
[2] Там же, доклад Струмилина, стр. 23.

траты предшествующих лет“ [1]. При такой предпосылке программа возможных вложений является, конечно, центральной и все определяющей частью плана. Распределяя так или иначе, сообразно намеченным задачам, капитальные затраты, мы тем самым по своему произволу определяем темпы роста и структуру пропорций труда и производства во всем народном хозяйстве. Первенство волевых установок перед всякого рода стихийными регуляторами в данной постановке проблемы становится очевидным.

О темпах нашего хозяйственного роста, намечавшегося в Госплане в это время, можно судить по следующим показателям (см. табл. 9).

Однако, программа вложений предполагает соответствующую программу накоплений и перераспределения их между отраслями. Во всех прежних отраслевых проектировках плана неизменно выявлялся больший или меньший небаланс между размером намеченных вложений и выявленными в той же отрасли ресурсами для их покрытия. И это, ставя под вопрос реальность таких планов, окрыляло надеждами буржуазных идеологов в планировании, мечтавших о реставрации капитализма, и понижало активность подлинных строителей социализма. Но уже первый опыт синтетического построения народнохозяйственного плана привел нас к вполне удовлетворительному сведению баланса вложений и накоплений.

Правда, у нас и в этом плане выявился определенный дефицит ресурсов для осуществления намеченной программы и в промышленности, и в целом ряде других отраслей хозяйства. Но это нас не смущало. „Если мы хотим—отмечалось в сводном докладе съезду—возможно скорее изжить наличную диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью, то мы должны быть готовы и к известному переливанию ресурсов из одной отрасли народного хозяйства в другую“ [2]. Это переливание через бюджет запроектировано было в довольно умеренных дозах, главным образом за счет сдерживания роста административных расходов и использования соответствующей экономии на финансирование народного хозяйства. Но в общем итоге, несмотря на

[1] Там же, стр. 25.

[2] Там же, стр. 27.

Таблица 9

Темпы пятилетки 1925/26 — 1929/30 гг. (в %% 1924/25 г.)

Годы	Планируемая промышленность ВСНХ			Сельское хозяйство СССР				Жел.-дор. транспорт		
	Число рабочих	Продукция в неизмен. ценн.		Посевная площадь к началу года			Скот в переводе на крупн. к концу года	Персонал	Приведен. работа (тонно-километры)	
		в %% 1924/25 г.	прирост за год	зерновых	технических	итого			в %% к 1924/25 г.	прирост за год в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1924/25	100	100	57	100	100	100	100	100	100	35
План										
1925/26	119	141	41	105	119	107	104	108	127	27
1926/27	137	173	23	—	—	—	—	117	142	12
1927/28	153	205	19	—	—	—	—	124	158	11
1928/29	164	237	16	—	—	—	—	128	174	10
1929/30	173	271	15	114	178	122	116	131	190	9
Исполнение										
1925/26	125	139	39	104	116	106	106	119	139	39
1926/27	132	167	19	113	117	113	113	125	156	12
1927/28	143	205	23	115	120	116	119	124	167	7
1928/29	153	254	23	112	140	116	117	124	205	23
1929/30	174	315	24	114	148	119	95	129	269	31

[1] Проблемы планирования, стр. 28, 33, 44. Контрольные цифры 1927/28 г., стр. 92. Итоги 10-летия, 1917—1927, стр. 189. Контрольные цифры 1929/30 г., стр. 529—531; последняя цифра посева по плану (и отчету) относится к лету 1929 г., а скота—к весне 1930 г.

то, что программа социалистического строительства, запроектированная секциями по отдельным отраслям, не урезывалась нами при сводке, а внутренние накопления исчислялись с большой осторожностью, затраты оказались сбалансированными с их покрытием без привлечения каких-либо экстраординарных ресурсов вроде иностранных займов, концессий и т. п. финансовых операций.

Теперь такой вывод не представил бы особой ценности. В нем нет уже ничего нового или неожиданного. Но несколько лет тому назад, когда буржуазные идеологи все свои реставраторские чаяния строили еще на том, что нам не удастся выйти из кризиса разрухи без помощи мирового капитала,—бездефицитная программа хозяйственного строительства на целое пятилетие была для многих большой и весьма неприятной новостью. „Это вывод—писали мы в докладе—колоссального, не только экономического, но и политического значения. Иностранный капитал, создавший за последний год вокруг нас довольно тесную кредитную блокаду, повидимому, и на этой операции просчитался, как просчитался в свое время на торговой блокаде и военной интервенции. Костлявая рука валютного голода не задушила нашего хозяйства и не задушит, а весьма аппетитные сверхприбыли, которые мог бы у нас извлечь за это время иностранный капитал, потеряны для него целиком и безвозвратно“ [1].

Наиболее скромный темп развития намечался в этой пятилетке по сельскому хозяйству. При обсуждении нашего доклада на съезде плановиков некоторые делегаты именно здесь усматривали „самое слабое место“ проекта, отмечая „пониженный темп развития“ сельского хозяйства вообще (В. И. Зейлингер) и в особенности в области роста зерновых культур (М. М. Вольф), что противопоставлялось ими „бурному росту промышленности“ (тов. Вольф). „резко взятому курсу на индустриализацию“ и т. п. элементам „преувеличенно-оптимистических“ расчетов (Зейлингер) [2]. Если, однако, сопоставить план с действительностью, то как-раз низкий темп развития сельского хозяйства благодаря острой классовой борьбе в деревне последних лет и кулацкому саботажу наших мероприятий оказался гораздо более оптимисти-

[1] Там же, стр. 75.

[2] Там же, стр. 107, 9290, 106.

ческой наметкой, чем „бурный рост промышленности“, запроектированный вслед за ОСВОК'ом Промсекцией Госплана. Фактический рост промышленности заметно обогнал эту проектировку. Но еще резче оказалось отставание плана от жизни в области железнодорожного транспорта, который выполнил по своей работе пятилетнее задание менее чем в четыре года.

Чем же объясняется эта ошибка плана? О вредительском минимализме в данном случае говорить мы не имеем достаточных оснований, ибо в отдельных частях, в области черной металлургии, проектировки плана, как было выше указано, оказались даже чересчур оптимистическими. Гораздо уместнее будет на этот раз обратиться к другой причине наших промахов в указанной области. Она лежит прежде всего в общем несовершенстве плановой методологии на данном этапе нашего развития. Мы до сих пор не умеем по достоинству оценивать эффективность наших плановых мероприятий и чаще всего грубо их недооцениваем.

Вместо конкретного инженерного расчета, какой именно производственный эффект и к какому именно сроку по календарному графику должно нам дать такое-то, скажем, капитальное вложение в таком-то строительном плане, мы обычно довольствуемся грубыми, „экспертными“ оценками этих эффектов. Культивируем наспех беспроектное строительство и потому планируем на-глазок. Но человеческий глаз инструмент несовершенный. К тому же очень часто у наших специалистов он вооружен такими очками, которые освещают нашу советскую действительность отнюдь не в розовом цвете. Сквозь такие классовые очки даже у вполне добросовестных буржуазных идеологов наши хозяйственные перспективы представляются чаще всего в форме затухающей кривой развития. Именно этот случай, по-видимому, имел место и в данной пятилетке.

Если бы эта ложная идея затухающей кривой с силой навязчивой идеи не господствовала над сознанием большинства плановиков в течение ряда лет, то мы, конечно, не сделали бы столько вопиющих промахов в наших проектировках. И, конечно, было бы неправильно всю вину за эти промахи возложить на одних буржуазных специалистов. В порядке самокритики мы и на себя должны принять изрядную долю этой вины. Плановики-коммунисты не раз доказывали, что в нашем хозяйстве

заложены возможности несравненно более высоких темпов развития, чем в капиталистическом обществе. Но применить эту теорию на практике для своевременного разоблачения конкретных ошибок специалистов и выявить истинную меру возможных темпов развития в наших планах было, повидимому, куда труднее.

В отношении качественных показателей в рассматриваемом проекте пятилетки намечался рост производительности труда в планируемой промышленности на 56,7%, и снижение себестоимости на 27,7%. Фактические достижения за данное пятилетие по приросту годовой выработки рабочего (в неизменных ценах)—90%, по снижению себестоимости—16,6%. Таким образом, по производительности мы наблюдаем очень значительное перевыполнение плана. Что же касается недовыполнения его по себестоимости, то в значительной степени его приходится объяснить за счет иной политики цен. По плану намечалось за 5 лет снизить отпускные цены промышленности на 20%, а фактически они были за первые четыре года снижены всего на 6%, а за пятый снова повысились на несколько процентов[1].

Напомним, что по годовым планам снижение индустриальных цен намечалось за 1925/26 г. на 9%, за 1926/27 г.—на 7%, за 1927/28 г.—на 4,5%, за 1928/29 г.—на 2,9% и за 1929/30 г. на 2,5%, что в общем за пять лет составляет задание свыше 24%. Однако, высокая рыночная конъюнктура—с одной стороны, и ведомственное усердие хозяйственников к использованию этой конъюнктуры при недостатке плановой дисциплины, с другой стороны, помешали осуществлению указанных директив о ценах. А при теснейшей связи цен с накоплением это невыполнение проектировок плана в области цен привело, конечно, к значительному перевыполнению их в области прибылей промышленности, а это в свою очередь позволило расширить плановые задания в области капитальных вложений, а, стало быть, и темпов развертывания продукции промышленности.

В конце концов накопление и вложения по сравнению с планом выразились в следующих цифрах (см. табл. 10).

[1] Точных данных у нас нет, так как индекс отпускных цен ВСНХ в 1930 г. почему-то не исчислялся, по индексу Госплана в мелком опте промышленные цены с 1 X 1929 г. по 1 X 1930 г. выросли на 8%.

Таблица 10

Вложения и накопление в 1925/26 — 1929/30 гг. (в млн. черв. руб.)[1]

Годы	Капитальные вложения в Госсектор							Накопление			
	Госпромышленность	Транспорт	Жилфонд (коммун.)	Сельское хоз-во (государствен.)	Коммун. хозяйство и пр.	Районные электростанции	Итого	Веспромышленность	Транспорт	Банки	Бюджетное финансир. (сальдо)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1924/25	453	105	100	63	55	55	831	584	173	114	303
План											
1925/26	750	361	196	100	109	112	1628	728	243	175	314
1926/27	900	897	266	120	161	113	2457	825	257	214	519
1927/28	1000	995	350	140	211	125	2821	920	329	240	732
1928/29	1100	1078	490	160	262	125	3215	1025	476	260	882
1929/30	1200	1102	595	180	305	125	3507	1140	627	280	958
За 5 лет	4950	4433	1897	700	1048	600	13628	4639	1931	1169	3405
Исполнение											
1925/26	811	291	128	58	157	72	1517	979	182	152	370
1926/27	1098	402	103	84	174	199	2060	1057	257	173	801
1927/28	1325	688	168	88	231	215	2715	1279	382	257	1115
1928/29	1679	910	145	143	290	303	3470	(1535)	471	285	1480
1929/30	(3267)	1457	(157)	537	(405)	(509)	5330	(2060)	(1294)	(343)	(2276)
За 5 лет	8180	3748	701	910	1257	1298	16094	7010	2585	1220	6042

[1] План и исполнение приведены по возможности к сравнимому виду. В накоплении по госсектору (прибыль и амортизация) учтены лишь главнейшие статьи (без прибылей госторговли, коммунальных предприятий и т. п.) и к промышленности отнесены электростанции и синдикаты; цифры в скобках подлежат уточнению.

Для сравнимости с планом мы здесь учли вложения только в планируемую промышленность, вовсе исключили вложения и накопления по кооперативному сектору, в кооперативной торговле и жилстроительстве, в колхозах и т. д. К сожалению, отчетность о вложениях и накоплениях у нас до сих пор сильно хромает, запаздывает, неоднократно выправляется и уточняется и все же не отличается особой полнотой и точностью. Тем не менее приведенное сопоставление весьма показательно. В отношении накопления особо резко отстают от плана поступления по жилфонду и в огромной мере обгоняют его—по промышленности. В первом случае это объясняется неосуществлением намеченной в плане политики квартплаты, во втором, как уже отмечалось, иной политикой цен. В соответствии с этим и вложения по коммунальному жилфонду значительно отстали от плана, а по промышленности еще значительнее обогнали его. А в общем итоге накопления и вложения оказались значительно выше наших проектировок, и осуществить намеченный планом баланс в этой области нам удалось без помощи „американского дядюшки" даже с бо́льшим успехом, чем это проектировалось.

Заслуживает упоминания и проектировка денежной эмиссии в этой первой синтетической наметке плана. Она проектировалась за пять лет в сумме 2345 млн. руб. и в свое время многим представлялась крайне преувеличенной.

Однако, отчетная цифра (3195 млн.) и здесь оказалась значительно выше плана. И нужно сказать, что если бы Госбанк не вышел в своей эмиссионной практике 1930 г. за вышеуказанный плановый лимит—мы бы имели значительно меньше затруднений в следующих годах.

Останавливаться подробнее на отдельных элементах этой первой черновой наметки пятилетки и подвергать ее детальному критическому анализу не стоит уже потому, что и в свое время в плановых органах и в печати ей не придавалось большого значения.

За отсутствием порайонной проработки она не могла служить практическим целям и уже поэтому почти без обсуждения была передана в качестве материала для дальнейшей проработки в специальной комиссии с привлечением в нее представителей республиканских Госпланов.

Ориентировка на 1926/27 — 1930/31 гг.

Если в первые годы работы Госплана он целиком сосредоточивался на текущем планировании и к перспективному планированию подошел не раньше 1923 г., то идея генерального плана, некоторым прообразом которой нам служил план ГОЭЛРО, вошла в наш обиход еще позже, только с 1926 г. По предложению Г. М. Кржижановского I съезд плановых органов весной 1926 г. установил три ступени планирования: генеральный план для установки наиболее общих контуров социалистической реконструкции страны на сравнительно большой период в 10—15 лет, перспективный план, как пятилетний отрезок генплана для большей его конкретизации на этом отрезке времени и, наконец, текущий годовой отрезок перспективного плана для дальнейшей его конкретизации и уточнения в меру ежегодного продвижения вперед на новые хозяйственные позиции. Вместе с тем наряду с существовавшей уже специальной комиссией по годовым контрольным цифрам были организованы две новые постоянные комиссии: по перспективному и генеральному планированию.

С этой поры работам по перспективному планированию плановых органов, как в центре, так и на местах было уделено гораздо больше времени и внимания. Правда, и на этот раз к *разработке* перспективного плана нам не удалось еще привлечь широкой общественности. В разработке плана попрежнему главное участие принадлежало инженерам-специалистам при участии небольшой группы партийцев-экономистов, но к *обсуждению* следующего проекта синтетической ориентировки на 1926/27—1930/31 гг.[1], доложенного на втором съезде плановых органов в марте 1927 г., внимание общественности было привлечено уже в довольно широком масштабе. Перспективная ориентировка Госплана, несмотря на все свои дефекты, представляла собой уже вполне определенную социальную программу, вокруг которой и на съезде, и в печати, и в стенах Ком. Академии развернулся целый ряд очень горячих полемических схваток, подоплекой которых были вскрывшиеся этой программой классовые противоречия различных социальных группировок.

---

[1] Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926—31 гг. Материалы Центр. Комиссии по пятилетнему плану под ред. С. Струмилина. Госплан СССР, 1927.

В области методологии планирования ориентировка 1927 г. впервые формулирует целый ряд идей, обобщающих в этом отношении накопленный к тому времени опыт Госплана. Уже в этих формулировках чувствуется отражение довольно напряженной борьбы на плановом фронте авторов плана против буржуазных влияний школы Громана—Базарова. Названные идеологи, игравшие весьма заметную роль в текущем планировании и организации конъюнктурных наблюдений в Госплане, вовсе не участвовали в работах по перспективному планированию. И если им удалось раньше протащить кое-что из своих идей в контрольных цифрах и в других документах, то доклад 1927 г. по пятилетке заострен с первых же страниц именно против этих идей, противополагая им совершенно иные установки. В официальном документе не назывались, правда, имена оспариваемых оппонентов, но им не трудно было догадаться, против кого заострены те или иные из наших формулировок.

Так, например, если школа Громана провозглашала примат генетики над телеологией или, что то же, примат плана-прогноза над планом-программой действия, то мы отвечали ей: „Мы вступаем в новую полосу развития, когда между нашим прошлым и будущим властно вклинивается творческая воля революционного пролетариата. В этот период реконструкций всех социальных отношений наши перспективные планы меньше всего могут строиться по типу тех средневековых гороскопов, где по течению светил или хотя бы из не менее объективной периодичности земных капиталистических циклов предсказывались бы наши грядущие судьбы. Наши планы строятся не для более или менее беспочвенных гаданий и знахарских предсказаний о том, что будет через пять или 10 лет, а прежде всего для создания определенной системы хозяйственных заданий в области социалистического строительства“ [1]. И потому методам экстраполяции по Громановским статическим и динамическим коэфициентам мы противополагали свою идею: „там, где дело идет о сознательном творчестве нового будущего гораздо более уместны иные методы—методы инженерной проектировки новых социальных конструкций на основе тех или иных плановых заданий“ [2].

---

[1] Перспективы развертывания народного хозяйства и т. д., стр. 4—5.
[2] Там же, стр. 4.

Если реставраторская школа Громана в качестве целевой установки выдвигала голую идею развития производительных сил, добиваясь признания примата этой идеи над установкой движения к социализму, то мы даже в качестве наиболее общей задачи построения перспективного плана выдвигали „расширенное воспроизводство производительных сил“—именно „в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма“.

Если Базаров настаивал на построении планов с аграрного конца, то мы, взяв курс на индустриализацию, требовали, наоборот, признания промышленности „тем передовым и мы бы сказали ведущим звеном нашей экономики, движение которого будет определять собою динамику и всех других, связанных с ним звеньев“[1].

Однако, в центре дискуссии о пятилетке 1926/27—1930/31 гг. встали не эти и тому подобные формально методологические споры, а гораздо более боевые вопросы существа предложенной плановой ориентировки — о направлении и темпах развития нашего хозяйства.

Мы не можем здесь подробно излагать содержание той программы реконструкции, какая была заверстана в строительном плане этой пятилетки. Скажем лишь, что сюда включены были уже Турксиб, Днепрострой, Волгодон, орошение Заволжья, а также целый ряд гигантов металлургии, тракторо- и машиностроения, вошедших и в действующую ныне программу строительства. Важно лишь отметить, что в основе этой программы, как и всего плана, лежала идея индустриализации страны и скорейшего освобождения ее от тягостной зависимости социализирующегося хозяйства от экономических пут капиталистического окружения.

Некоторое представление о том, как именно разрешался этот вопрос в предложенном проекте, могут дать следующие показатели (см. табл. 11).

Основным дефектом этого варианта плана, как и предшествующих, были „затухающие“ и потому резко преуменьшенные по сравнению с действительностью темпы развития. Но в 1927 г. этот дефект оставался еще

[1] Перспективы развертывания народного хозяйства и т. д., стр. 6.

Таблица 11

Темпы развития на 1926/27 — 1930/31 гг.

Годы	Продукция госпромышленности в неизмен. ценах	Сельское хозяйство		Работа жел. дор. в привед. т/км	Строительство (без оборудов.) в текущ. ценах	Капит. вложения в госсектор в червон. валюте	Народный доход в неизмен. ценах	Качеств. показатели госпромышленности		
		Посевная площадь к началу года	Скот на весну					Отпускные цены	Себестоимость	Производит. труда
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1925/26	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
План										
1926/27	119	105	105	112	116	129	—	96	96	110
1927/28	135	109	109	123	148	178	—	92	92	120
1928/29	150	113	113	133	171	206	—	90	90	130
1929/30	164	116	117	141	193	226	—	86	86	140
1930/31	179	120	122	151	207	246	146	82	82	150
Исполнение										
1926/27	120	105	108	112	120	137	112	93	98	113
1927/28	147	108	112	121	137	176	122	92	92	134
1928/29	182	109	110	145	160	226	138	92	88	149
1929/30	223	114	90	194	(229)	(400)	(169)	?	82	163
1930/31	272	116	81	213	—	—	—	?	84	173

вне поля нашего внимания. Тогда никто не предполагал, что подобная пятилетка может легко осуществиться в три с половиною года. Главными критиками ее на съезде плановиков выступала группа Кондратьева—Макарова из Наркомзема, которую весьма энергично поддерживали Громан и Базаров с одной стороны и кое-кто из троцкистской оппозиции с другой. И все аттаки этой критики исходили из совершенно противоположной идеи, что представленный план отражает собой позиции сверхиндустриализма, что он крайне преувеличен и в этом смысле не реален[1].

Кондратьев особенно ратовал против преувеличений плана в области накоплений. „Я глубоко убежден—говорил он—что такого реального накопления страна в течение 5 лет дать не может“. Ссылаясь на „бесспорную“ мысль Бухарина, что „одна отрасль хозяйства не может развиваться за счет других“, Кондратьев указывал на „колоссальный приток безработных из деревни в город“ и пытался доказать, что современное положение сельского хозяйства „чрезвычайно тяжело“, что „доход крестьянского населения до войны, который был минимальным доходом, он все же выше дохода в настоящее время со всеми сбросками, которые дала революция“, „что в 1926 году наступило резкое понижение в сельском хозяйстве“, что ныне „весь бюджет в конечном счете держится на производстве сил неземледельческого труда“ и что в связи с этим, у нас не хватит сил осуществить ту реконструкцию и те „огромные сдвиги народного хозяйства“, какие намечаются планом.

Вслед за Кондратьевым и Макаров обрушился на „примитивный индустриализм“ нашего плана, проектирующего 18 миллиардов накоплений. Значительная доля этого „изъятия“ (!)—пугал нас Макаров—„ляжет на крестьянское хозяйство“. „Может быть, такое капиталонакопление, как вы проектируете, произойдет, но удастся ли государству перевести эти капиталы из одного русла в другое, из сельскохозяйственного русла в индустриальное—это не доказано, ...крестьянское хозяйство уже опытом 26-го года показало, что те методы переведения из одного русла в другое, которые имеются, его не удовлетворяют, что то соотношение цен, которое вы кладете в основу, ...крестьянин реаги-

---

[1] См. в архиве Госплана, стенограммы съезда 1927 г.

рует на него отрицательно". „Ваши горожане съедают больше того, что можно этой стране съесть, если мы хотим индустриализировать страну тем темпом, каким вы хотите ее индустриализировать". „В данный момент мне даже не хочется спорить по этому поводу. 2—3 месяца тому назад мы спорили и я доказывал, что темп этот не реальный, что вы взяли слишком высокий темп..." Но главное, на чем особенно упорно настаивал этот идеолог кулацкой деревни, что в основу данного перспективного плана положена концепция развития, при которой индустрия и сельское хозяйство не находятся „в состоянии равновесия" и поэтому Макаров решительно отвергал эту индустриалистскую концепцию.

К демагогическим ламентациям бывших народников по поводу якобы обиженной в данном плане советской деревни присоединили свои голоса и их союзники из числа бывших марксистов. Особенно энергично протестовал против намечающегося в плане „разрыва" в росте благосостояния города и деревни В. Г. Громан. Запроектированный прирост душевого уровня благосостояния деревни за пять лет на 30% его совершенно не устраивал. Он требовал, чтобы этот уровень уже сейчас обгонял в своем росте рост благосостояния городского пролетариата. На ту же мнимую „диспропорцию между городом и деревней" в обсуждаемом плане обращал внимание и соратник Громана, Базаров. Правда, в отличие от Громана, он стыдливо отмежевывался от Кондратьева и Макарова, которые усматривали в этом плане „гипертрофию индустриализации", но и Базаров ставил индустриализации очень тесные границы, доказывая, напр., нерациональность „производства тракторов в массовом масштабе в России" и рекомендуя „не заставлять крестьянина переплачивать большие деньги, пытаясь строить широкое производство, когда это совершенно невозможно".

Несомненно, довольно заметный аграрный уклон чувствовался и в выступлениях тов. Сокольникова и некоторых других коммунистов на том же съезде. „Мы предвидим—пугал нас тов. Сокольников—нарастание безработицы в городе и сельском хозяйстве... Мы видим величайшее обнищание в деревне". И, почти вполне примыкая к базаровской трактовке нашей концепции плана индустриализации, он говорил: „Выходит так, что мы должны в какой-то очень корот-

кий срок производить все, что нужно, сами. Если бы вы поставили такую задачу, скажем на 20—25-летний срок, может быть в течение 25 лет как-то к этому можно было бы подойти. Но если вы хотите, чтобы в пять лет к этому подойти очень близко—это значит накладывать такое бремя на наше хозяйство, которого оно выдержать не может". Само собой разумеется, что при такой оценке плана Сокольников вслед за Макаровым призывал нас не „нарушать необходимые законы в соответствии между сельским хозяйством и промышленностью, хотя бы под соусом того, что это нужно для промышленности" и рекомендовал подходить к индустриализации, согласно своей собственной концепции, с другого, аграрного конца.

„Всякие попытки уйти от этого обстоятельства,—предостерегал он нас,—что в условиях СССР с этажа сельского хозяйства происходит в огромной мере развитие промышленности —эти попытки кончаются большим конфузом".

Чтобы еще ярче иллюстрировать политическую остроту дискуссии, поднятой тогда в стенах Госплана вокруг данной пятилетки, мы могли бы значительно умножить наши выдержки из стенограмм съезда. Достаточно вспомнить весьма прозрачные намеки Базарова на „китайскую стену" протекционизма, отделяющую нас от всего мира в области внешней торговли, которую надлежит разрушить, а также и на другие „организационные мероприятия", по поводу отсутствия которых в плане он напоминал собранию о традициях Пироговских Съездов во времена самодержавия, на которых говорилось, что даже для того, „чтобы правильно построить родовспомогательные заведения, необходима конституция".

Впрочем стоит ли останавливаться на выступлениях людей нам столь чуждых, пугавших нас перспективами хозяйственной разрухи, холода и голода в результате перенапряжения, если мы пойдем по принятой нами генеральной линии партии—линии последовательной индустриализации, когда в тех же стенах Госплана даже иные коммунисты называли намеченные планом ступени индустриализации—„ступенями Голгофы".

Вслед за этими выступлениями на съезде развернулась довольно острая дискуссия на те же темы и в периодической печати. Эта полемика слишком известна,

чтобы на ней здесь останавливаться подробно[1]. Отметим лишь, что и здесь основным дефектом нашего проекта оказывалась обычно его „непосильность и нереальность". Напр., проф. А. Никитский доказывал в „Вестнике Финансов"[2], „что пятилетний народно-хозяйственный и финансовый план сильно преувеличен по темпу". Альберт Вайнштейн в „Экономическом Обозрении" утверждал, что „основным пороком пятилетки является проектировка развития всех отраслей народного хозяйства слишком быстрым темпом, повидимому, непосильным и нереальным" и т. д.[3]

Теперь, оглядываясь назад, мы знаем, что тогдашний план отнюдь не страдал „гипертрофией индустриализации", а совсем наоборот—явной недооценкой наших возможностей в этом отношении. Тем не менее основные его установки для того времени были очевидно достаточно заострены в надлежащем направлении, если вызвали столь страстный отпор со стороны всех врагов генеральной линии партии, и потому основной массив съезда оценил эту работу совсем по другому. „В общем и целом я считаю, что план полностью отвечает нашим идеологическим устремлениям"—говорил, напр., тов. Дудник. „В наших материалах по перспективному плану можно найти целый ряд частных недостатков,—оговаривался Р. Е. Вайсберг,—но общая линия экономического развития взята правильно". В том же духе была составлена и общая резолюция, принятая в результате прений съездом плановиков.

В прениях отмечались и конкретные дефекты плана. Некоторые из них не вызывали тогда спора, напр., отсутствие районного и недостаточное развитие республиканского разреза плана. Из других требований одни были вполне осуществимы, напр., повышение эффективности капитальных вложений, другие, напр., требование большего снижения цен, оказалось совершенно нереальным в свете последующего хозяйственного опыта. Но

---

[1] См., напр., статьи Кондратьева и Макарова в „План. Хоз.", 1928 г. и наш ответ им.—С. Струмилин. Индустриализация СССР и эпигоны народничества, М., 1927 г., а также А. Леонтьев. Хозяйственные перспективы СССР в кривом зеркале. Большевик, 1928, № 1.

[2] А. А. Никитский. Перспективный план советских финансов. Вестн. Финансов, 1927, №. 7, стр. 35.

[3] А. Вайнштейн. К критике пятилетнего перспективного плана. Экон. Обозр., 1927, № 7, стр. 24.

о самых существенных дефектах плана в том виде, как они теперь выявляются, тогда и речи не было.

Нет сомнения, что в составлении этого варианта плана вредители принимали уже довольно активное участие. Правда, Калинников, Рамзин и некоторые другие крупные вредители еще не были тогда в рядах вредительского центра, но Ларичев, Гартван, Таубе и многие другие уже находились в сфере влияния этого центра и, конечно, не сидели там сложа руки. Это не могло не найти своего отражения в глубине „затухания" кривых темпов и т. п. особенностях их проектировок по целому ряду отраслей хозяйства. Недавно тов. Вайсберг в порядке самокритики писал по этому поводу: „беда заключалась в том, что работавшая тогда комиссия по перспективному планированию была столь слаба по своему партийному составу, что она не была в состоянии достаточно глубоко вникнуть в представляемые материалы и корректировать их с необходимой тщательностью" [1]. Это правда, коммунистов в этой работе участвовало не больше десятка и хотя в числе их были такие надежные товарищи, как сам Р. Е. Вайсберг, М. С. Голендо, А. Б. Маймин, С. В. Шахновская и другие, мы все же вредительства в данной работе не открыли. Но и хуже того. В порядке самокритики нужно признать, что и в тех частях работы, которые принадлежали перу самих коммунистов, не все было благополучно. Отметим только самую крупную ошибку. В одной из наиболее ответственных глав о „Процессах обобществления" мы находим, напр., такую установку:

„В ближайшие годы, до тех пор пока эффективность новых вложений не выявится с достаточной силой по линии вовлечения новых пролетарских масс в производство и по линии резкого увеличения товарности социалистического сектора, удельный вес социалистического сектора будет несколько замедленным темпом перерастать удельный вес капиталистического сектора" [2].

Этот „замедленный темп" обобществления еще в меньшей мере, чем затухающие темпы производства, мы можем поставить в счет одним лишь специалистам, вре-

---

[1] Р. Вайсберг. „Объективная" наука Госплановских вредителей. План. Хоз., 1930, № 10—11, стр. 41.

[2] Перспективы, стр. 45.

дителям и т. п. чуждым партии элементам. Как видим, и у коммунистов не всегда хватало политической прозорливости, чтобы дать правильную оценку даже самых ближайших перспектив. Всего за два-три года до кампании по сплошной коллективизации оказывается можно было не только проморгать у других, но и самому ляпнуть большую ересь.

Не будем же кивать на других, а честно по большевистски признаем и свои собственные ошибки. Не претендуя и вообще на папскую непогрешимость, мы можем сказать, что в нашей плановой работе по новизне этого дела мы допускали не раз грубейшие ошибки. Хотелось бы только, чтобы другие, учтя наш опыт, оказались счастливее в этом отношении.

Ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.

Весной 1927 г. комиссия, работавшая над пятилеткой, получила задание в течение лета завершить свою работу, для представления пятилетки, с передвижкой ее на год вперед, в отраслевом и районном разрезе, и притом в двух вариантах (отправном и оптимальном) на утверждение правительства. Задача эта была тем труднее, что содействие в ней Госплану со стороны республиканских и краевых комиссий было минимальное. Районирование страны к тому времени еще не было завершено. Целый ряд намеченных планом областей еще не оформился организационно и уже поэтому, за отсутствием соответствующего аппарата, не мог принять участия в коллективной работе по проектированию пятилетки. Конечно, можно было пытаться запроектировать в бюрократическом порядке, из центра, программу хозяйственного строительства и для этих областей. Но кому же тогда пришлось бы осуществлять эту программу в таких, еще не призванных к самодеятельной жизни районах? Величайшее назначение наших перспективных планов заключается как-раз в том, чтобы пробудить активную самодеятельность трудящихся масс по всей стране, на местах, вокруг тех задач социалистического строительства, какие выдвигались в пятилетке. Разрешить удачно задачу построения такого плана, без деятельного сотрудничества местных органов самоуправления и привлечения к ней внимания широкой общественности, едва ли возможно.

Выдвинутая съездом плановиков задача построения пятилетки сразу в двух вариантах, из которых один должен был твердо обеспечить от всяких срывов бронированный минимум строительной программы, и второй— наметить более смелую и широкую программу удовлетворения всех уже вполне назревших в стране потребностей,—казалась нам тогда гораздо более легкой, чем она была на самом деле. Плановый опыт истекших лет показывал нам, что построить вполне сбалансированный и обеспеченный от срывов „осторожный" вариант плана не трудно. В сущности, каждый из ранее составленных нами вариантов пятилетки обладал этими качествами „осторожности" даже в большей мере, чем это было необходимо. Что же касается смелого варианта, то нам казалось, что заявки ведомств и мест, составляемые всегда с немалым запросом в выявлении своих потребностей, способны обеспечить вполне достаточный размах в указанном отношении. И потому своей задачей при построении оптимального варианта комиссия считала лишь внутреннюю увязку и согласование с общими установками плана тех проектировок, какие ей представлялись заинтересованными ведомствами и краевыми организациями.

При отсутствии вредительства, направленного как-раз на преуменьшение темпов нашего хозяйственного роста, такой подход, несомненно, дал бы другие результаты. Но с середины 1927 г. вредительские ячейки имелись уже во всех ведомствах. Они не были раскрыты, но их проектировки все чаще вызывали законное сомнение и критику со стороны плановиков-коммунистов. Эта внутренняя борьба в недрах плановых ячеек за высокие темпы мало известна, но весьма поучительна. Об общем эффекте этой борьбы за лето 1927 г. можно судить хотя бы по следующим показателям. Пятилетка ВСНХ, запроектированная в 1927 г. под руководством вредителя А. Гинзбурга, намечала прирост продукции планируемой промышленности в неизменных ценах за 1926/27—1931/32 гг. на 82%, а следующий вариант, выпущенный в том же году под руководством тов. В. И. Межлаука, дает прирост продукции уже на 108 % за ту же пятилетку [1]. Вместе с тем прирост производительнести

[1] Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.) и „Контролбные цифры пятилетнего плана развития промышленности СССР" (1927/28 — 1931/32 гг.). М., 1927.

труда по варианту Гинзбурга намечался в 50,7% за пятилетие, а по варианту Межлаука—на 63%. Снижение себестоимости по первому варианту намечалось в 16,5%, по второму — в 24,2% и т. д. Одновременно аналогичная история происходила и в центральной комиссии Госплана. Представляемые туда секциями и ведомствами варианты то и дело возвращались обратно для переработки в сторону увеличения темпов и показателей эффективности, причем в проектировках о п т и м а л ь н о г о варианта Комиссия Госплана ни разу не спускалась ниже наметок ВСНХ и других ведомств.

Не следует, теряя историческую перспективу, думать, что специалистов вредительского уклона, развивавших тогда по поводу возможности повышения темпов нашего развития скептицизм во сто лошадиных сил, легко было сбить с их позиций. Они были хорошо вооружены против нашей аргументации и оказывали иной раз отчаянное сопротивление. Особенно резко, в штыки, встретили они, выдвинутую нами еще весной 1927 г. идею сокращения 8-часового рабочего дня и повышения сменности, в интересах лучшего использования наличных основных фондов. Эта мера, помимо огромного политического эффекта, давала нам возможность и очень значительного ускорения наших производственных темпов. Но именно поэтому против нее у Рабиновича, Федоровича, Ларичева и прочей вредительской компании нашлись десятки „серьезнейших аргументов“. Указывалось и на вред ночной работы, и на отсутствие квалифицированных кадров для второй и третьей смен, и на изношенность наличного оборудования, которое, дескать, не выдержит дополнительной нагрузки, и на целый ряд других чисто технических моментов. Напр., говорилось, что при суточной непрерывной работе некогда будет смазывать, чистить и подвергать мелкому ремонту машины, что в шахтах нельзя провести трехсменную работу из-за неподготовленности годных к разработке площадей и т. д. и т. п. Но уже самая страстность, с которой они набрасывались на эту идею, заставляла настораживаться и проверять такие аргументы.

Тем не менее, ни для кого не секрет, что даже в среде очень видных коммунистов оказалось немало и правых, и „левых“ оппортунистов, встретивших октябрьский манифест 1927 г. о 7-часовом рабочем дне столь скептически,

как будто они находились под непосредственным влиянием Рабиновича и К°.

В конце концов, несмотря на весьма значительные поправки в сторону увеличения запроектированных специалистами темпов, и новый проект пятилетки на 1927/28—1931/32 г., законченный к осени 1927 г., оказался в обоих своих вариантах, с точки зрения нынешних достижений, весьма минималистским. Это не бросалось, конечно, тогда в глаза, ибо у нас не было в руках объективного мерила для оценки потенциальных возможностей советского хозяйства. Очень характерно, что в дискуссии о пятилетке Госплана, имевшей место в начале 1928 г. в стенах Ком. Академии, никто не оспаривал основных установок Госплана, и хотя очень много говорилось о разных действительных и мнимых дефектах этой работы, но меньше всего о присущем ей минимализме в размахе намеченных темпов развития нашего хозяйства[1]. Один лишь тов. Мотылев, принимая без особой критики темпы отправного варианта, отмечал преуменьшенность оптимального варианта в опубликованной Госпланом „Перспективной Ориентировке" на 1927/28—1931/32 гг., в которой еще не был учтен эффект только-что декретированного тогда 7-часового рабочего дня. Но и то отчасти по недоразумению, ибо к тому времени этот устаревший вариант Госплана уже был исправлен нами и опубликован новый с точно такими же темпами, как и тот вариант ВСНХ (в редакции тов. Межлаука), который тов. Мотылев противопоставлял нашему, как такой, дальнейшее усиление темпов которого, хотя и возможно, но „при этом следует избежать опасности перенапряжения"[2].

Интересно, что даже лидеры троцкистской оппозиции перед XV съездом партии в своих демагогических выпадах против „крохоборческого, насквозь пессимистического плана", преподнесенного к десятилетию Октябрьской Революции, не шли в своих цитатах дальше уже забракованного варианта пятилетки Гинзбурга, и даже в порядке страховки оговаривались, намекая, очевидно, на готовящийся к печати вариант Межлаука, что, конечно, скоро угодливые чиновники преподнесут нам новый вариант с перегибом в обратную сторону. А во время дис-

[1] См. „О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР". Дискуссия в Ком. Академии. М., 1928.

[2] Большевик, от 29 февраля 1928, стр. 14. Разрядка Мотылева.

куссии в Ком. Академии тов. Шанин по поводу нового нашего варианта определенно пугал нас уже наличием „кризисного разрыва“ и предостерегал против „практики перенапряжения“ (Дискуссия, стр. 89).

Тем не менее и вариант Межлаука в отношении продукции промышленности, и наш в отношении всего народного хозяйства, как показал последующий опыт, оказался „пятилеткой“, выполнимой в 3, максимум в 4, года. За исключением площади посевов и скота, где мы еще несколько отстаем от плана, намеченного осенью 1927 г., по всем другим показателям мы либо уже выполнили этот план полностью за 3 года или очень близки к его выполнению. Так, по работе жел.-дор. транспорта мы за 3-й (1929/30) год указанной пятилетки выполнили 109% программы 5-го года, по продукции планируемой промышленности — 91%, по народному доходу — около 94% и т. д.

Еще менее удовлетворительным этот опыт пришлось бы признать с точки зрения требований мест. Районного разреза к намеченному сроку ни республиканские, ни тем более союзный Госплан, не смогли запроектировать. Рассматривать такой план по существу в целях утверждения не имело смысла. И XV съезд партии, собравшийся в декабре 1927 г., обсуждал и утвердил лишь директивы к составлению пятилетнего плана.

Таким образом, все три проекта пятилетки, прорабатывавшиеся в Госплане до XV съезда, не восходили на утверждение правительства и партии и не получили никакого официального значения. В качестве общего им всем недостатка А. И. Рыков отметил на XV съезде два весьма существенных дефекта: во-первых „черезчур статистический характер плана“ или, говоря точнее, отсутствие достаточной технико-экономической проработки всех проблем реконструкции и, во-вторых, „отсутствие в них районного разреза“. Никаких иных „уклонов“, кроме статистического, в них в свое время не отмечалось. Но теперь, в связи с разоблачением вредительства в планировании и накопленным плановым опытом, обнаружившим их минимализм в оценках наших возможностей, приходится отмечать и эти, весьма одиозные, обстоятельства.

Но наряду с большими минусами было бы очень близоруко не видеть в этих первых опытах синтетического планирования и весьма существенных плюсов. И

в области методологии планирования, где нам удалось довольно четко очиститься и отмежеваться от весьма многочисленных буржуазных влияний, и в области плановой практики. Конечно, поскольку перспективные ориентировки 1926 и 1927 гг. никем не утверждались формально, не приходится говорить о их непосредственном влиянии на плановую практику. Но косвенно они все же не оставались без влияния на нашу хозяйственную действительность. Наряду с черновыми пятилетками мы ведь каждый год строили и годовые хозяйственные планы. Целый ряд движущих идей, проработанных в этих пятилетках, оплодотворял собою и годовые планы, проходя через них в жизнь. Назовем для примера хотя бы идею производственной контрактации, как одного из сильнейших рычагов планирования в индивидуальном секторе вообще и в области крестьянского сельскохозяйственного производства в особенности. Или вспомним уже упомянутую выше идею 7-часового рабочего дня и многосменной работы. Как известно, эти и многие другие аналогичные идеи, возникшие в процессе проработки перспективных ориентировок, вошли в жизнь задолго до завершения и утверждения ныне действующего 5-лет. плана.

Во всех трех проектах пятилетки 1926 и 1927 гг. наблюдалась очень значительная недооценка наших строительных возможностей, хотя суммы намечаемых нами капитальных вложений по госсектору неизменно росли от одного проекта к другому. Так, в первом проекте эта сумма намечалась в 13,6 млрд. черв. руб., во втором— 17,6 млрд., а в третьем от 21,0 до 25,8 млрд. руб. (по двум вариантам) за пятилетие. Вместе с тем от варианта к варианту повышались и проектировки продукции промышленности, работы транспорта и все прочие показатели. Напр., если взять один и тот же 1929/30 г., то наши проектировки для него последовательно возрастали для продукции планируемой промышленности в довоенных ценах и для работы железных дорог в приведенных тонно/километрах в следующих масштабах (табл. 12):

Это очень показательные цифры. Они нам говорят, что, если окружающие нас в планирующих органах вредители стремились к преуменьшению темпов нашего хозяйственного роста, то им все же с каждым новым проектом, несмотря на рост своей организованности, приходилось все более отступать от своих минималистских установок. И, наоборот, плановики-коммунисты при под-

Таблица 12

План на 1929/30 г.	Продукция промышленности		Работа железных дорог	
	в млрд. руб.	в %	в млрд. т/км	в %
1-й проект	5,82	100	125,5	100
2-й "	6,92	119	130,5	104
3-й отпр. вар.	7,62	131	133,6	107
3-й оптим. "	8,12	140	137,4	110
Исполнение	9,56	164	179,8	143

держке честных специалистов в своей борьбе за повышение темпов в соответствии с ростом реальных ресурсов для их осуществления все успешнее преодолевали сопротивление вредителей.

Правда, даже наиболее смелые из этих проектировок, как видно из приведенных цифр, зачастую все же очень резко отставали от жизни. Но это отставание отнюдь не следует полностью относить за счет победоносного влияния вредителей или наших плановых просчетов. Были тут и другие причины. Ведь помимо перспективных наметок у нас были и годовые планы, и текущее хозяйственное маневрирование с учетом тех или иных требований момента, которые нередко приводили к довольно существенным отступлениям от первоначальных наметок плана. Мы уже отмечали одно из таких отступлений от имеющихся плановых директив в отношении снижения отпускных цен промышленной продукции. Как известно, в этом отношении мы довольно далеки от выполнения как перспективных, так и годовых планов. Это, несомненно, сказалось невыгодным образом в одних отношениях,—напр., в отношении намеченного роста реального уровня благосостояния рабочих,—но зато очень благоприятно отразилось на темпах нашего накопления.

Чтобы иллюстрировать это в числах, скажем, что продукция всей госпромышленности с 1925/26 по 1929/30 гг. составляла ежегодно в среднем не менее 10 млрд. руб. Один процент от этой суммы достигает 100 млн. руб. Среднее отставание от плана по снижению цен за это время составляло по меньшей мере 5—10%. Таким образом, мы ежегодно получали благодаря этому нарушению плана

от 500 млн. до 1 млрд. лишних рублей прибыли, что и форсировало как темпы наших вложений, так и ускорение прироста продукции. Всякий план, представляющий собою *систему* цифр, нельзя нарушить в одном пункте без того, чтобы это не отразилось и в целом ряде других. И если прорыв на одном участке планового фронта влечет за собой часто „неожиданные“ успехи на других участках, то это отнюдь не случайный эффект. Он просто означает иное перераспределение наличных ресурсов данного планового общества.

И еще одно замечание. Многолетние перспективные планы, даже при отсутствии таких специальных причин, как вредительство, не могут претендовать на 100-процентное выполнение во всех своих элементах. Их задача прежде всего дать надлежащую целевую установку для текущего планирования. Что же касается годовых планов, то они всегда, даже при наличии в наших рядах вредителей, составлялись с несравненно большей точностью, чем многолетние. И если были годы, за которые в них можно отметить все же известную недооценку наших возможностей, то были и такие (напр., 1929/30 и 1930/31 гг.), которые кончились даже некоторым недовыполнением целого ряда плановых заданий.

5. ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА

Перспективный план на 1928/29—1932/33 гг.

С XV съезда партии начинается новая полоса в планировании. В решениях съезда о завершении районирования и о директивах по перспективному планированию мы получаем новую базу для гораздо более продуктивной работы. От полукустарных аппаратных опытов построения пятилетки силами одной только комиссии Госплана мы переходим к гораздо более широкой организации этой работы по всей стране, с привлечением к ней не только всех плановых ячеек, но и других научных и общественных организаций. Созывается по всем более спорным проблемам целый ряд специальных конференций. Обеспечивается широкое освещение тех же проблем в печати. Вместе с тем директивами съезда о коллективизации деревни дается новое направление плановой работы и на этом решающем участке осуществляемого ныне социалистического наступления.

Работа эта продолжалась весь 1928 и захватила первые месяцы 1929 г. За это время было запроектировано и отвергнуто не мало промежуточных вариантов, на которых нам нет нужды здесь останавливаться. Отметим лишь, что каждый новый вариант неизменно превосходил предыдущий по масштабам намечаемой программы строительства и темпам развития. Насколько далеко за это время мы продвинулись вперед ст наметок конца 1927 г., можно судить хотя бы по следующим цифрам. В перспективной ориентировке Госплана конца 1927 г., даже в оптимальном варианте намечался прирост планируемой промышленной продукции за 5 лет не свыше 108%, а через год мы уже в отправном варианте проектировали 135%, а в оптимальном—179%. ВСНХ в этом крайне поучительном соревновании за высокие темпы , как и следовало ожидать, все время несколько опережал проектировки Госплана, но каждая новая наметка ВСНХ, поступая в Госплан, после известной проверки и критики повышенных темпов, воспринималась обычно даже с некоторыми дальнейшими поправками в сторону увеличения [1].

Было бы, однако, очень наивно думать, что весь этот процесс нарастания темпов в ходе проработки пятилетнего плана проходил легко и безболезненно. Совсем напротив, каждый шаг вперед в этом отношении достигался только в процессе довольно напряженной и острой внутренней борьбы в среде плановиков-проектировщиков, Не следует забывать, что именно в 1928 г. окончательно оформилась и мобилизовалась для планового вредительства в нашей среде пресловутая „Промпартия", субсидируемая и вдохновляемая из-за границы в целях скорейшей подготовки интервенции. Тогда это, разумеется, не было еще никому из нас известно. Тем не менее, большинство специалистов-вредителей уже тогда зарекомендовали себя в наших глазах такими идеологически чуждыми и даже враждебными нашим целевым установкам взглядами, что особого к ним доверия со стороны плановиков-коммунистов не было и быть не могло.

---

[1] Напомним, что в докладе тов. Куйбышева от 19 декабря 1928 г. съезду профсоюзов предлагалось повысить продукцию планируемой промышленности за 5 л. на 167,7%, а в утвержденном варианте Госплана этот показатель поднят до 179.

Особое внимание вредители оказывали показателям отправного варианта, убежденные, что именно он станет реальной базой дальнейшего хозяйственного строительства. Все время работы над пятилеткой они стремились к тому, чтобы посеять в наших рядах сомнение в реальности даже этого сугубо „осторожного“ варианта. Еще осенью 1927 г., когда прирост пропродукции по отправному варианту намечался всего в 72% за пятилетие, а по оптимальному в 104%, проф. Калинников, отмечая, что в отношении оптимального варианта ВСНХ у него „очень мало разногласий“ и „такие небольшие разности в цифрах в ту и другую сторону, что о них говорить не стоит“ пугал нас в то же время „колоссальным напряжением“ темпов отправного варианта, признавал их „сомнительными в своей реальности“ и взывал к нашей осторожности: „если мы не желаем сорвать здоровый и невиданный темп промышленности, нужно быть чрезвычайно осторожным и и не увлекаться необеспеченным темпом развертывания“ [1].

Однако, за год и в отправной вариант промсекции нами было внесено столько поправок, что он оказался почти неузнаваемым. И в начале 1929 г. тот же вредитель Калинников, говоря об этом варианте, меланхолически отмечал в заседании президиума Госплана: „Чем больше мы вносим поправок, тем больше вариант нам кажется нереальным. Это общее убеждение всех работников промсекции . . . Если мы рассматриваем отправной вариант, как задание реальное (при благоприятных, конечно, обстоятельствах), нам нужно было бы снизить общий темп развертывания по крайней мере на 25—30%, т. е. ограничиться 100%, 105%—не более 110%. Вот эта цифра была бы реальной, а 135%, которые мы запроектировали, это совершенно нереальная цифра для отправного варианта“ [2]. Конечно, и признание 100—110% прироста промышленной продукции за пятилетку „реальным“, когда год назад и 72% прироста объявлялось сомнительным, было вынужденной уступкой со стороны Калинникова. Но позиции 1927 г. к началу 1929 г. были, повидимому, уже неудержимы. Никаких шансов на снижение отправного варианта у вредителей не было.

---

[1] Архив Госплана, дело № 19, засед. президиума 14 X 1927 г. Стенограммы, лл. 964—967.

[2] Там же, засед. президиума 5 II 1929 г., инв. № 287, л. 5.

Их задачей теперь является лишь удержаться хотя бы на позициях отправного варианта. И в этом отношении крайне показательно выступление проф. Осадчего, одного из виднейших столпов „Промпартии“, на следующем заседании президиума, где он весьма энергично доказывал, что уже наш отправной вариант является пределом напряженности.

В коммунистической среде к тому времени уже довольно определенно поговаривали, что нам ни к чему оба варианта, что все равно утвержден будет только один из них и, конечно, оптимальный. Дело было серьезное и „Промпартия“ выдвинула на сцену свою тяжелую артиллерию. Резкое, почти истерическое выступление Осадчего от имени „группы инженеров, которые мыслят конкретно“, должно было произвести в Госплане тем большее впечатление, что все его там считали архилояльной бюрократической лисой, твердо усвоившей себе еще в царские времена принцип „чего изволите“ и страховавшей себя во всех случаях жизни от возможной ответственности за какие-либо самостоятельные действия не на сто, а—по мере возможности—на двести процентов. И вдруг этот махровый бюрократ ставит ребром вопрос: „Действительно ли это отправной вариант?“. И искусно пользуясь характеристикой его, данной основным докладчиком пятилетки, тов. Гринько разрешается настоящей филиппикой с неизменным рефреном: „Отправной ли это вариант, если он обеспечен весьма недостаточно?“. „Отправной ли это вариант, если с ним связаны „гигантские трудности?“. Отправной ли это вариант, если „совершенно исключительный“ масштаб строительства, в нем заверстанный, „недостаточно осознан“ даже теми кадрами, которым „придется разрешить эту гигантскую задачу“? и т. д. и т. п. „Я должен по совести сказать—закончил с необычным для него подъемом свою филиппику этот совестливый вредитель,—что, если бы мне сказали, подпишись под этим вариантом, как под отправным, я бы сказал: нет. . .“ [1]

Даже теперь, когда нам известна принадлежность Осадчего к вредительской организации, это выступление могло бы импонировать своей неожиданной для

---

[1] Там же, засед. президиума 6 II 1929 г., инв. № 287, лл. 31—33.

него „смелостью“. Но, если вдуматься в условия того момента, то найдется и для нее подходящее объяснение. „Левая“ оппозиция в партии была тогда уже сломлена, но зато правая занимала такие высокие позиции и питала такие сокровенные надежды у деятелей типа Осадчего, что не могла быть ими скинута со счетов при прохождении пятилетки по инстанциям. К выступлению таких „солидных“ специалистов, как Осадчий, Громан и др., тогда очень чутко прислушивались и в Совнаркоме. И может быть именно рассчитывая кому-нибудь угодить в этом высоком учреждении, такой осторожный бюрократ, как Осадчий, не мог упустить случая перестраховаться и здесь в расчете на возможный успех правых, так же, как он, повидимому, тоже перестраховался—на случай возможного успеха интервенции—в рядах вредительской Промпартии. На беду Осадчего обе эти почтенные фирмы, в которых он страховался и в России, и за границей, уже обанкротились. Но ведь и на старуху бывает проруха.

Однако, выступление Осадчего не произвело нужного ему эффекта. Уже во время речи, его перебивали коммунисты весьма непочтительными репликами („А Октябрьская революция—это отправной вариант?“). И вынужденный ими перейти от нападения к обороне, Осадчий в конце своего выступления старался рассеять уже не первый день назревавшую в среде плановиков-коммунистов атмосферу недоверия к специалистам известной марки. „По докладу ВСНХ, который выступил с программой в 10 млн. тонн чугуна—горько жаловался проф. Осадчий—Гартван и Таубе говорили, что мы можем произвести 6—7 млн. тонн чугуна, но они были заподозрены, им брошено было в лицо сомнение в лояльности, может быть здесь были подозрения в саботаже, в отсталости и т. д. Тов. Диканский хочет перевести на эту почву наши суждения в президиуме, указывая, что революция была совершена, хотя в возможности ее, многие сомневались. Невозможно иметь такой подход к техническим и экономическим вопросам, вы. . . затрудняете объективно высказываться... вы должны подойти с презумпцией, что каждый человек честно выполняет свой долг. . ., иначе вы получите в президиуме со стороны его членов и техников или обязанность молчания, или пение похвал, а не критику“.

Правду сказать, в Госплане никто не добивался похвал Осадчих и не боялся их критики. А доверяли им, как показала история, даже гораздо больше, чем они этого заслуживали. И если они не пользовались еще более полным доверием окружающих, то пенять им за это после шахтинского дела вредителей и т. п. „заслуг“ следовало бы прежде всего на самих себя. Призывая таких специалистов, как Осадчий, к ответственной государственной деятельности, советская власть, несмотря на их классовую чуждость идеалам этой власти, создавала для них неизмеримо более достойную обстановку работы, чем, скажем, та, какой располагают даже наиболее уважаемые парламентарии в „демократии“ Пилсудского и многих других. Но презумпции, что „каждый человек честно выполняет свой долг“, они отнюдь не оправдали. Впрочем, кто знает, что они считали своим долгом. Может быть, долг вредителей и негодяев и состоит в том, чтобы, лицемерно вопя о своей честности и объективности, предавать в это время свой народ на растерзание врагу и накоплять от него за это кровавые сребренники.

Особенно горячие бои в это время велись в Госплане вокруг программы развития металлургии на предстоящее пятилетие. Специалисты сих дел, инженеры Гартван и Таубе не шли дальше 6—7 млн. тонн выплавки чугуна на 1932/33 г. А совершенно, казалось бы, несведущие в этом деле партийцы-экономисты даже для отправного варианта не мирились на цифре ниже 8 млн. тонн, поддерживая для оптимального варианта цифру 10 млн., выдвинутую в ВСНХ.

Вопрос обсуждался в сугубо технической плоскости. Специалисты ссылались на необеспеченность большой программы металлургии углем, благодаря неподготовленности Кузнецкого бассейна (Гартван), и рудой—за отсутствием достаточно разведанных и благонадежных месторождений (Таубе), на отсутствие кадров и проработанных проектов—„нет еще ни одного плана реконструкции ни по одному заводу“ (Калинников) и т. д. [1] Даже защитники большой программы из числа инженеров ВСНХ ставили свою защиту так, чтобы отбить у нас всякую веру в реальность этой программы. Так, например, известный впоследствии вредитель Хренников,

[1] Архив Госплана, засед. президиума 29 XII 1928 г.

поддерживая программу в 10 млн. тонн, исходил, однако, из того, что осуществить ее можно только за счет „широчайшей“ иностранной помощи, без которой „мы не обойдемся“. Предлагая „повторить опыт 90-х годов прошлого века, когда крупная металлургия на юге была осуществлена почти целиком иностранцами“, и рекомендуя прибегнуть к импорту из-за границы в готовом виде не только проектов и инженеров, но и мастеров и готового оборудования на 800 млн. руб. за счет долгосрочного кредита, он благодушно успокаивал нас: „Мы можем сделать так, чтобы иностранцы приехали сюда, поставили бы оборудование и отчасти производство, а затем, когда мы научимся, мы можем с ними расстаться“ [1].

Такое благодушие, которое, в сущности, означало полный отказ от ответственности за реализацию намеченной программы с перенесением ее на весьма дискутабельную иностранную помощь,—отнюдь не обнадеживало. А госплановские специалисты определенно настаивали, „что этот совершенно беспримерный в истории всей мировой металлургии темп развития у нас горной металлургии, который намечается у нас, является чрезвычайно мало обеспеченным с точки зрения как основного сырья (т. е. руд), так и с точки зрения горючего“, ссылаясь на то, что Германии и Соединенным Штатам потребовалось для осуществления такой программы не менее 18 лет, и заключали в отношении нашего Союза, что у нас намеченный уровень „и через 10 лет не будет достигнут . . ., что реальным темпом, и то требующим большого напряжения было бы 6, либо на крайний случай 7 млн. тонн чугуна“ (Таубе) [2].

И сопоставляя теперь столь подозрительную „защиту“ этой программы со стороны инженера Хренникова с откровенным нападением на нее госплановских вредителей, затрудняешься, кому из них отдать пальму первенства.

Тем не менее, плановики-коммунисты, несмотря на всю свою техническую малограмотность, которая с такой остротой ставит перед нами задачу „большевики

---

[1] Архив Госплана, засед. президиума 5 I 1929 г., инв. № 286, лл. 69—70.

[2] Выступление в президиуме 29 IX 1929 г.

должны овладеть техникой", несомненно на этот раз вышли все же с честью из этого спора.

На аргументацию об „исторической беспримерности" мы указывали, что и Октябрьская революция беспримерна, а преимущества, которые обеспечила нам эта революция, таковы, что всякий план, не обещающий нам беспримерных темпов роста, уже поэтому следовало бы отвергнуть. А для разрешения менее ясных технических проблем нами была созвана специальная металлургическая конференция с привлечением всех лучших знатоков этого дела в стране. И как только вредителям пришлось на этой конференции скрестить шпаги с честными специалистами, они тотчас же с большим конфузом должны были сдать свои позиции. Из доклада проф. Павлова и других выступлений мы уяснили себе, что применение в наших условиях только тех завоеваний техники в области обогащения руд, улучшения состава шихты т. п. условий эксплоатации, которые давно уже усвоены на Западе и отнюдь не требуют много времени и больших затрат, может повысить продукцию нашей металлургии до намеченных планом масштабов. Всем уже тогда стало ясно, что защитники малой программы в лучшем случае большие невежды в своей области, а, может быть, что-нибудь и похуже. И программа в 10 млн. тонн, уже не встречая на своем пути возражений, вошла в пятилетний план, а затем в порядке текущих поправок к этому плану подверглась и дальнейшему расширению.

С очень прозрачной целью дискредитировать наш пятилетний план, изобличенные вредители в своих показаниях на суде совершенно замалчивали эту борьбу с коммунистами и свои в ней поражения в процессе проработки действующей пятилетки. Им, очевидно, хотелось бы, чтобы этот план великих работ, который даже по признанию наших врагов „по своему значению и объему превосходит все, что знала история в области великих и смелых предприятий" (Ллойд-Джордж), трактовался целиком и полностью прежде всего как их вредительское творение. Но в таком признании было бы слишком много чести для вредителей или незаслуженного бесчестия для нашей пятилетки. Вредители, несомненно, сделали все, что могли, чтобы обесценить ее своим сотрудничеством, но это не так просто было осуществить. И не случайно Осадчий за себя и за своих друзей отка-

зался подписаться даже под наиболее скромным из наших вариантов. Дело в том, что от тех первоначальных наметок плана, которые еще с грехом пополам можно было бы приписать их авторству, осталось так мало к моменту завершения работы, что не под чем было бы и подписаться.

Для примера мы приведем только проектировки выплавки чугуна в начале и в конце работы над действующей ныне пятилеткой—в млн. тонн:

Годы	Первая наметка	Утв. план	Факт. исполнение
1927/28	3,45	3,28	3,28
1928/29	3,92	4,07	4,02
1929/30	4,38	5,00	4,97
1930/31	5,06	6,18	—
1931/32	5,72	7,83	—
1932/33	(6 – 7,0)	10,00	—

Как видим, вредительская наметка проф. Калинникова, Гартвана и К°, предложенная ими в конце 1927 г., ничуть не похожа на те цифры, какие вошли через год в план. В той же мере не похожи на них и плановые наметки Хренникова и К°, опубликованные в первых проектах ВСНХ [1]. Таким образом, эти вредители, очевидно, только под большим напором извне—в интересах маскировки своих минималистских позиций—примкнули затем к более высокой программе. Но как бы то ни было, как показывает опыт первых лет пятилетки, эта большая программа оказалась вполне реальной. Она выполняется. И, как мы твердо надеемся, будет даже перевыполнена в ближайшие годы.

Мы не имеем нужды останавливаться подробнее на этих перспективах грядущего дня. Нашу краткую историческую справку о первой советской пятилетке мы хотели бы закончить моментом ее утверждения на V съезде советов в мае 1929 г. Ни подробное изложение этого всем известного плана, ни дальнейшая его судьба в процессе исполнения не входят в эту тему. Мы прекрасно понимаем, что задачи планирования отнюдь не ограничиваются составлением и утверждением плана. Как-раз только с этого момента начинается наиболее важная в плановом хозяйстве стадия—напряженной борьбы

[1] Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР, стр. 249, М., 1927 и Контр. цифры пятилетнего плана развития промышленности СССР (1927/28—1931/32 гг.), стр. 128. М., 1927.

за выполнение и перевыполнение этого плана. Это предполагает постоянную проверку плана в действии и текущую работу по его пересмотру и корректированию. Но именно поэтому браться теперь за детальное исследование этой незавершенной еще стадии планирования была бы преждевременно.

Но несколько замечаний о ходе выполнения первой пятилетки все же сделать необходимо.

В настоящее время имеются данные об исполнении пятилетки за три года и план четвертого. На основании этих данных рано было бы еще делать какие-нибудь решительные выводы о всей пятилетке. Но уже теперь можно отметить следующие весьма существенные факты. В общем и целом по объему производства за все три года мы идем на уровне плана, чистая продукция страны и по плану, и по исполнению составит в сумме за 3 года около 96 млрд. руб. в неизменных ценах 1926/27 г. Но по своей социально-экономической структуре исполнение довольно существенно отличается от плана. И в этом нет ничего неожиданного. Известно, что в порядке исполнения первой пятилетки в нее было внесено правительством и партией не мало весьма крупных поправок. Наиболее важной из них несомненно является директива о сплошной коллективизации советской деревни, непредусмотренная в утвержденном в свое время всеми инстанциями пятилетнем плане. Эта поправка, естественно, повлекла за собой целый ряд других, в общей своей совокупности изменивших весь социальный профиль пятилетки. Коллективизация проходит у нас, как известно, громадными темпами. Вместо 17,5 % обобществления посевной площади по плану в 1933 г. мы имели уже в 1931 г. более 66% в действительности. Конечно, такие успехи не даются даром. В качестве оборотной стороны медали большие успехи в одной области чаще всего сопровождаются ослаблением напряжения и неудачами в других и, обратно, иные неудачи, если на них посмотреть со всех сторон, стоят больших побед. В частности обострение классовой борьбы в деревне в связи с высокими темпами коллективизации повлекло за собой существенное замедление в росте сельскохозяйственной продукции (так за 3 года мы получили вместо 265,8 млн. тонн зерна только 233,2 млн., т. е. около 90% плана) и даже прямой ущерб в основных фондах частного сектора деревни (убыль скота). Но это

только одна сторона дела. А на другой мы имеем в связи с заданием о сплошной коллективизации огромное перевыполнение плана по тракторостроению (336% плана за 3 года), по общему машиностроению (130% плана) и вообще по строительству в социалистическом секторе. Таким образом, убыль основных фондов в частном секторе перекрывается с лихвой ускоренным ростом социалистических фондов и в частности убыль в рабочем скоте сполна перекрывается перевыполнением плана тракторостроения. Снижение темпов сельскохозяйственной и связанной с переработкой сельскохозяйственного сырья промышленной продукции перекрывается перевыполнением плана по тяжелой промышленности и транспорту. И в результате мы имеем за первые 3 года пятилетки по народному доходу в целом такой же примерно эффект, какой намечался по плану, но при значительно более высоком уровне социализации и индустриализации страны. А это в свою очередь позволило нам уже на 1932 г. запроектировать такой план строительства и производства, который нас вплотную подводит к выполнению нашей пятилетки в четыре года.

И еще одна иллюстрация связности различных элементов плана. Недовыполнение плана по сельскому хозяйству и легкой промышленности создало нам известные трудности в области обеспечения намеченного по плану роста реальной оплаты труда, что не могло не сказаться на темпе роста производительности и некоторых других качественных показателей. Однако, и эти минусы представляют собой только одну сторону дела. Недовыполнение плановых заданий по производительности труда оказалось на деле целиком перекрытым перевыполнением плана по численному росту наемной армии труда прежде всего за счет полной ликвидации в стране безработицы. В 1931 г. у нас уже было 18,5 млн. наемных работников вместо—15,8 млн. плана на 1932/33 г. Естественно, что при таком росте занятой рабсилы (за 3 года более чем на 60%) от безработицы, столь тяжко терзающей и ныне капиталистические страны, у нас не осталось и следа. А вместе с тем и уровень жизни рабочей семьи, в которой уже нет безработных, вырос в гораздо большей степени, чем росла номинальная и реальная оплата труда каждого рабочего в отдельности. Таковы первые итоги.

В. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЯТИЛЕТКИ [1]

Запроектированный ныне Госпланом перспективный план развертывания народного хозяйства СССР на 1928/29—1932/33 гг. можно рассматривать с различных сторон. В нем содержится прежде всего определенный план реконструкции энергетической базы нашего хозяйства, т. е. известная строительная программа, затем соответствующая ей производственная программа и, наконец, определяющая классовое лицо всего плана социально-экономическая программа. Ко всем этим программам можно подходить аналитически, развертывая их в отраслевом, районном или в классово-секториальном разрезах, или синтетически с точки зрения общего равновесия всей проектируемой хозяйственной системы в целом.

Ставя своей задачей показать, как разрешаются в нашем плане эти наиболее общие синтетические проблемы хозяйственного равновесия или, говоря иначе, основные балансовые проблемы плана, мы тем самым выявим с достаточной определенностью и общий социально-классовый профиль этого плана.

Метод общей балансовой поверки отдельных отраслевых и районных проектировок плана применим и в области некоторых наиболее общих технических проблем, намечаемых нашей пятилеткой. Возьмем хотя бы проблему построения наиболее рационального с точки зрения оптимального использования наших естественных ресурсов и транспортных средств энерго-баланса страны. Но для освещения социально-экономических проблем плана такие балансы имеют лишь подсобное значение и подлежат изучению в несколько иной связи. Те балансовые проблемы, на которых мы хотели бы сосредоточить свое внимание в настоящий момент, могут быть подразделены на две категории. Наиболее общие—это, во-первых, баланс производства и распределения рабочей силы и связанные с ним проблемы труда и, во-вторых, баланс производства и распределения народного дохода, т. е. результатов этого труда. К более частным, хотя и крайне важным, балансовым проблемам мы относим, во-первых, проблему финансового равновесия (баланс вложений и накопления в связи с проблемой резервов, бюджетный

---

[1] Доклад от 8 III 1929 г. V съезду плановых работников.

баланс и прочие элементы синтетического финплана) и, во-вторых, проблему рыночного равновесия (общий баланс спроса и предложения в связи с проблемой цен и частные балансы: стройматериалов, хлебофуражный, экспортно-импортный и т. п.).

Попытаемся же хотя бы в наиболее общих чертах коснуться этих проблем.

ПРОБЛЕМЫ ТРУДА

В стране диктатуры пролетариата на первое место, естественно, выдвигаются вопросы, связанные с расширенным воспроизводством и оптимальным использованием рабочей силы. И прежде всего здесь стоит вопрос о пределах возможного количественного и качественного роста кадров самого пролетариата—этой краеугольной базы нашего обобществленного хозяйства.

Если исходить из демографических коэфициентов роста населения в СССР, то мы располагаем практически неисчерпаемыми источниками живой рабочей силы. Достаточно сказать, что наш естественный прирост по СССР в 3½ раза превышает средний прирост по всей Западной Европе. Ежегодно население СССР при 150 млн. душ увеличивается минимум на 3,5 млн. душ, тогда как все страны капиталистической Западной Европы, взятые вместе, дают на 370 млн. душ прирост не свыше 2,5 млн. За 5 лет весь прирост населения в СССР составит 17,9 млн. душ (11,8%) в том числе в рабочем возрасте (16—59 л.) около 9,1 млн. (11,1%). Если к этому прибавить наличное аграрное перенаселение деревни к началу пятилетки, которое мы до сих пор определяли около 8—9 млн., и городскую армию безработных—свыше 1 млн. работников, то в общем перед нами встанет грандиозная задача обеспечить в предстоящем пятилетии работой до 19 млн. работоспособных лиц.

Аграрное перенаселение деревни, это историческое наследие целой эпохи, едва ли возможно изжить целиком в одно пятилетие. Тем не менее намеченная программа интенсификации сельского хозяйства при значительном расширении эксплоатируемой площади и повышении урожайности должна в значительной мере рассосать избытки труда в деревне.

Правда, наряду с интенсификацией сельского хозяйства план намечает и значительную машинизацию земле-

дельческого труда, Достаточно сказать, что одних жнеек за 5 лет мы увеличиваем по отправному варианту на 1600 тыс., молотилок—на 492 тыс. и тракторов—на 159 тыс. штук. А эти машины, по самому скромному нормативному расчету, дадут нам в 1932/33 г. экономию в живом труде не менее 693 млн. человеко-дней, что соответствует примерно 2,5 млн. годовых работников. Однако, рост производства и интенсификации земледелия за счет повышения доли более трудоемких культур, а также за счет улучшения обработки (лишняя вспашка до 30 млн. га, очистка семян до 75% всего посева, рядовой посев вместо разбросного на 60 млн. га, доставка и разброска свыше 5 млн. тонн искусственных удобрений и т. д.) поглотит значительно больше дополнительного труда, чем дает вышеуказанная экономия от машинизации. И в общем баланс труда в сельском хозяйстве в переводе на полноценный мужской труд по весьма приблизительным расчетам можно выразить в следующих цифрах (см. табл. 13).

В настоящей таблице учтено не все сельское, а только занятое сельским хозяйством население. За пять лет оно даст нам естественного прироста не менее 14,4 млн. душ, а в рабочем возрасте 7,6 млн. душ. В переводе на мужской труд это дает в приходе за пять лет 6,8 млн. новых полных работников. Как же они используются?

Внутренняя потребность деревни в рабочей силе за пять лет возрастает по всем статьям. Особенно крупный прирост затрат рабочей силы проектируется по интенсивным культурам сырьевого значения, по первичной переработке сельхозпродуктов и по животноводству. Общее повышение занятой рабсилы в деревне возрастает на 7,8—9,5 млн. полевых работников, что не только покрывает полностью весь естественный прирост рабочей силы в деревне, но и снижает на весьма крупную величину (от 1 до 2,7 млн.) аграрное перенаселение деревни. А с прибавкой к этому городского спроса на рабочую силу, который поглотит до 2,5 млн. работников деревни, неиспользованный резерв рабочей силы в деревне сокращается еще более резко—с 7,5 до 2,4 млн. полных работников или от 8,5 до 2,6 млн. работников обоего пола (без перевода на мужской труд).

Если учесть, что в то же время за счет машинизации мы сократили потребность в рабочей силе, примерно, на ту же величину, то можно бы заключить, что без

Баланс использования рабсилы
в млн. душ (в переводе

Статьи баланса	Баланс (в среднем за год)		
	1927/28 г.	1932/33 г.	
		Отправной	Оптимальный
	1	2	3
Сельхоз. население	114,8	129,2	129,2
В том числе в раб. возрасте (16—59 л.)	60,1	67,7	67,7
I. Приход рабсилы (в мужск. ед.)			
1. В раб. возр. 16—59 л.	54,1	60,9	60,9
2. Дети и старики (факт. использ.)	2,9	2,9	2,9
Итого	57,0	63,8	63,8
II. Расход рабсилы (в мужск. ед.)			
1. В полеводстве	—	—	—
а) зерновые культуры	7,29	8,00	8,28
б) корне-клубнеплоды	2,42	3,30	3,75
в) технические	1,83	3,13	3,68
Итого	11,54	14,43	15,71
2. Животноводство	1159	13,84	14,04
3. Луговод., садовод., виноградар.	2,81	3,18	3,25
4. Лесовод., рыболов., охота	1,21	1,32	1,32
5. Переработка с.-х. продуктов	2,60	3,40	3,60
6. Извоз и другие промыслы	4,90	5,32	5,30
Итого производ. труда (1—6)	34,65	41,49	43,22
7. Домашн. труд и проч. непроизв. занятия	14,80	15,78	15,73
Итого (1—7)	49,45	57,27	58,95
8. Убыль в города	—	2,16	2,48
9. Неиспользованн. остаток в деревне	7,55	4,37	2,37
Баланс (полн. работников)	57,00	63,8	63,8
Аграрное перенаселен. (в млн. физ. лиц)	8,49	4,86	2,63

Таблица 13

в сельском хозяйстве СССР
на полного работника)

Структура в % к итогу			Прирост за 5 лет			
1927/28 г.	1932/33 г.		Отправной вариант		Оптим. вариант	
	От-правн. вар.	Опти-мальн. вар.	абс.	в %	абс.	в %
4	5	6	7	8	9	10
—	—	—	14,4	12,5	14,4	12,5
—	—	—	7,6	12,6	7,6	12,6
94,9	95,5	95,5	6,8	12,5	6,8	12,5
5,1	4,5	4,5	—	—	—	—
100	100	100	6,8	11,9	6,8	11,9
—	—	—	—	—	—	—
12,8	12,5	13,0	0,71	9,7	0,99	13,6
4,2	5,2	5,9	0,88	36,3	1,33	54,9
3,2	4,9	5,8	1,30	71,0	1,85	101,1
20,2	22,6	24,7	2,89	25,0	4,17	36,1
20,3	21,7	22,0	2,25	19,4	2,45	21,1
4,9	5,0	5,1	0,37	13,2	0,44	15,7
2,1	2,1	2,1	0,11	9,1	0,11	9,1
4,6	5,3	5,6	0,80	30,8	1,00	38,5
8,6	8,3	8,3	0,42	8,6	0,40	8,2
60,8	65,0	67,8	6,84	19,7	8,57	24,7
26,0	24,7	24,6	0,98	6,6	0,93	6,3
86,8	89,7	92,4	7,82	15,8	9,50	19,2
—	3,4	3,9	2,16	—	2,48	—
13,2	6,8	3,7	—3,18	—42,1	—5,18	—68.6
100	100	100	6,8	11,9	6,8	11,9
13,2	6,8	3,7	—3,63	—42,1	—5,86	—68.6

машинизации мы смогли бы полностью изжить все аграрное перенаселение целиком. Однако, это совершенно неверно. Без машинизации мы не смогли бы изжить аграрного перенаселения даже и в гораздо более скромном масштабе, чем запроектировано в плане. Дело в том, что аграрное перенаселение деревни—явление в высокой степени сезонное. Громадный избыток труда в зимнее время, достигавший в феврале 1928 г. около 15,9 млн. работников (25,4% общего их итога), перекрывается в рабочую пору дефицитом рабочей силы (в августе 1928 г. около 1,6 млн. раб.), вынуждающим к работе в праздничное время, к использованию труда детей и стариков, чрезмерному увеличению рабочего дня и т. д. Машинизация труда как-раз снижает эти летние пики чрезмерной нагрузки. Два с половиной миллиона годовых работников, освобождаемых к 1932/33 г. в связи с машинизацией в пересчете на весьма короткий сезон работы этих машин, в среднем не свыше 1—2 месяцев, означают экономию в рабочей силе на эту пару месяцев не менее 15 млн. душ. И эти 15 млн. работников освобождаются машинами в самую горячую рабочую пору. В результате получается гораздо более равномерная годовая нагрузка сельскохозяйственного населения. И благодаря этому деревня может не только значительно расширить масштабы своего сельского хозяйства, но и отпустить часть своих избытков рабочей силы на постоянную индустриальную работу в города.

Использование рабочей силы в городах рисуется в следующих цифрах по имеющимся в Госплане расчетам (см. табл. 14).

Как видим, коэфициент использования наличной у нас в городах рабочей силы очень далек от ста процентов. Огромную долю ее поглощает мало эффективный домашний труд и другие непроизводственные занятия, не говоря уже о занятиях явно паразитирующих групп населения. Однако, удельный вес пролетариата в общем балансе труда заметно растет, а если учесть еще крупный рост учащихся, обещающих в будущем повышение квалификации этого пролетариата, то можно сказать, что возрастающий коэфициент использования труда обеспечен нашим планом не только в количественном, но и в качественном отношении.

Удельный вес резерва безработных сокращается по отправному варианту от 6,4 до 3,9% от общего запаса

Таблица 14

Баланс использования рабсилы (в раб. возрасте 16—59 л.) в городах СССР

Статья баланса	Баланс (ср.-год.) в тыс. душ			Структура баланса в % %			Прирост за 5 лет			
	1927/28 год	1932/33 г.		1927/28 год	1932/33 г.		Отправн.		Оптим.	
		отпр.	опт.		отпр.	опт.	абс.	в %	абс.	в %
I. Приход рабсилы										
1. Городское население	17656	18866	18866	100	88,7	87,2	1210	6,8	1210	6,8
2. Приток из деревни	—	2400	2760	—	11,3	12,8	2400	—	2760	—
Итого в приходе	17656	21266	21626	100	100,0	100	3610	20,4	3970	22,5
II. Расход рабсилы										
1. Работа по найму (пролетар.)	6837	8726	9155	38,7	41,0	42,3	1889	27,6	2318	33,9
2. Трудов. занят. не по найму	2550	3035	3177	14,4	14,3	14,7	485	19,0	627	24,6
3. Нетрудовые занят. (буржуазия)	169	182	180	1,0	0,9	0,8	13	7,7	11	6,5
4. Домашний труд	4897	5716	5820	27,7	26,9	26,9	819	16,7	923	18,8
5. Учащиеся в рабоч. возрасте	849	1279	1290	4 8	6,0	6,0	430	50,7	441	51,9
6. Прочие непроизвод. занятия [1]	1158	1430	1430	6,6	6,7	6,6	272	23,7	272	23,5
7. Неопр. занят. и деклас. группы	63	63	63	0,4	0,3	0,3	—	—	—	—
Итого в расходе	16523	20431	21115	93,6	96,1	97,6	3908	23,6	4592	27,8
8. Остаток (безработные)	1133	835	511	6.4	3,9	2,4	—298	— 26,4	—622	—54,9
Баланс	17656	21266	21626	100,0	100,0	100,0	3610	20,4	3970	22,5

[1] Пенсионеры, заключенные и пр.

рабочей силы. Однако, по сравнению с технически-необходимым резервом по условиям нормального оборота рабочей силы, он еще очень велик и мог бы быть снижен по меньшей мере тысяч на 300—400. В частности, запроектированный масштаб страхования старости облегчит в значительной мере эту задачу. И по оптимальному варианту плана безработица в городах снижается почти до вышеуказанной нормы технически необходимого резерва.

Однако, нужно со всей серьезностью подчеркнуть, что столь благоприятные перспективы изживания городской безработицы целиком опираются на запроектированные огромные сдвиги в области роста сельского хозяйства. Если бы в какой-либо мере не оправдались намеченные планы реконструкции сельского хозяйства, оказалось бы невозможным и намеченное выше сокращение городской безработицы.

Полная ликвидация безработицы в кратчайший срок замедляется тем огромным подъемом производительности труда, какой намечается по плану в связи с технической реконструкцией производства. Чтобы конкурировать с капиталистическим Западом, мы вооружаем наш труд технически по наивысшему доступному нам уровню. Энерговооруженность промышленного рабочего возрастает за 5 лет на 110%, транспортного—на 50%. В связи с этим годовая производительность труда индустриального рабочего по весьма скромным расчетам должна возрасти от 85 до 110%, а часовая, при сокращении рабочего дня с 7,71 до 6,86 часов к концу пятилетки, возрастет еще значительнее.

С учетом гораздо менее вооруженной кооперативной и частной промышленности прирост производительности выразится, конечно, гораздо более скромными показателями. Но ведущая в этом отношении роль индустрии по сравнению с другими отраслями труда, а вместе с тем социалистического сектора по сравнению с частным, выявляется с полной отчетливостью. Если за меру производительности в *каждой* отрасли труда принять чистую продукцию, падающую на одного годового работника, в неизменных ценах, а общие индексы по секторам и всему народному хозяйству выводить с учетом удельного веса трудовых затрат в различных отраслях, то получим для отправного варианта следующую картину (см. табл. 15).

Для получения удельного веса трудовых затрат по каждой отрасли мы пользовались произведением числа занятых лиц на годовую зарплату, желая таким образом учесть не только количество, но и качество занятого труда. Труд самостоятельных ремесленников и земледельцев расценивался при этом по расценке наемного труда в соответствующих занятиях. Для сельского труда, кроме того, внесена поправка на разницу в покупательной силе рубля в деревне по сравнению с городом (+35%). Таким образом квалификация труда приведена по возможности к одному и тому же (реальному) измерителю. Взвешивание частных индексов произведено по весам 1932/33 г.

Как видим, общее количество лиц, занятых производственным трудом в основных отраслях хозяйства возрастет за пять лет на 10 млн. душ, или на 21% при росте всего населения только на 11,8%. Это соотношение может служить мерилом повышения использования рабочей силы и сокращения явной и скрытой безработицы. Но наряду с этим следует отметить и качественный рост рабсилы. Удельный вес более квалифицированного индустриального труда, занятого в социалистическом секторе, растет почти в полтора раза, вес более сырого труда по частному сектору соответственно падает. Этот сдвиг означает прирост средней квалификации всей занятой в стране рабсилы по меньшей мере на 5—6%.

В среднем по всем секторам производительность труда возрастает за пять лет всего процентов на 26. Но причиной такого, относительно говоря, довольно скромного роста является лишь огромный вес в общей массе труда сырой и маловооруженной рабочей силы индивидуальных крестьянских хозяйств. Уже в колхозах мы имеем гораздо более заметный рост производительности, а в государственном секторе, благодаря высокой технике, она возрастает в 3—4 раза быстрее, чем в частном. Конечно, высокая техника требует больших капитальных затрат и тем самым сильно ограничивает применение живого невооруженного труда.

Но и с меньшими затратами живого труда при высокой технике достигается гораздо более высокий производственный эффект. И это позволяет нам повышать благосостояние трудящихся, даже при снижении рабочего дня, таким темпом, которого не знает капиталистический мир. Значение намеченного снижения рабочего дня в

Таблица 15

Динамика производительности труда

Отправной вариант

Отрасли и сектора	Занятых лиц в тыс.		Удельн. вес по трудовым затратам		Индекс производительности 1932/33 года (1927/28 г. = 100)
	1927/28 г.	1932/33 г.	1927/28 г.	1932/33 г.	
1	2	3	4	5	6
А. Отрасли					
1. Промышленность:					
а) цензовая (с акцизом)	3210	4214	12,4	13,2	165,3
б) мелкая	2470	3006	6,6	6,5	110,6
Итого 1	5680	7220	19,0	19,7	145,8
2. Строительство:					
а) городское	637	1543	3,0	5,4	138,1
б) сельское	(618)	(554)	2,8	1,9	120,2
Итого 2	1255	2097	5,8	7,3	134,0
Итого по 1–2	6935	9317	24,8	27,0	142,6

3. Транспорт	1315	1389	4,9	4,1	162,1
4. Связь	95	91	0,3	0,2	131,5
Итого по 3—4	1410	1480	5,2	4,3	160,7
5. Торгово-складское дело	1065	1357	3,8	3,7	123,0
Всего по 1—5	9410	12154	33,8	35,0	139,8
Сельск. и лесное хозяйство	38600	46000	66,2	65,0	117,7
Итого по 1—6	48010	58154	100	100	129,9
Б. Сектора					
1. Государственный	5642	7628	20,5	22,4	158,5
2. Кооперативный	1484	7416	4,3	13,7	120,9
Итого	7126	15043	24,8	36,1	144,3
3. Частный	40884	43110	75,2	63,9	116,2
Всего	48010	58154	100	100	126,3

нашей пятилетке можно оценить следующими цифрами. В 1932/33 г. каждый индустриальный рабочий будет в среднем работать на 159 часов меньше, чем в 1927/28 г. И за счет этого мы получаем возможность дать работу 312 тыс. новых рабочих, сокращая на эту же цифру наличный резерв безработицы. Говоря иначе, без сокращения рабочего дня мы имели бы при той же производственной программе в 1932/33 г. вместо 835 тыс.— 1147 тыс. безработных, т. е. даже несколько больше, чем их по нашему балансу числилось в 1927/28 г. Что же касается намеченного планом подъема благосостояния пролетариата, то его можно характеризовать следующим образом.

По отправному варианту номинальная оплата индустриального труда повышается на 37%. Но сверх этого по линии социализированной зарплаты, в порядке страхования старости рабочих, стипендирования их детей в школьном возрасте, дополнительного обучения взрослых и т. п. затрат в пользу рабочих, мы проектируем дополнительное повышение бюджета рабочих еще на 3—4%. Включая эту прибавку, повышение благосостояния рабочих за пять лет по номиналу даст около 42%, а реально с учетом снижения цен—не менее 58%. По оптимальному варианту рост рабочего бюджета намечается по номиналу на 47%, а реальный—на 71%.

Чтобы иметь масштаб для сравнения, отметим, что в капиталистических странах заработная плата за последнее пятилетие почти стабильна. В Соединенных Штатах она поднялась всего на 2—3%, в Англии с 1922 по 1927 г. снизилась на 0,3%, во Франции тоже падает заметным образом. В то же время у нас в СССР *реальный* уровень зарплаты за истекшее пятилетие (1922/23—1927/28 гг.) вырос на 126%, т. е. в два с четвертью раза. В сравнении с этим темпом намечаемый нами рост на предстоящее пятилетие в пределах от 58 до 71% является, конечно, более скромным. Но, исходя из масштаба намеченной программы строительства, мы не могли бы дать более высокий подъем оплаты труда, ибо в противном случае у нас не хватило бы средств для капитальных затрат, без которых оказался бы необеспеченным и намеченный в плане рост зарплаты. Однако, по сравнению с капиталистическим Западом, и этот рост гарантирует нам огромные достижения.

Как известно, в довоенное время зарплата русского рабочего и номинально, и реально безнадежно отставала

от всех „передовых“ стран развитого капитализма. Так, напр., если за 1905—1909 гг. английский реальный уровень зарплаты принять за 100, то в Германии он составлял 63,5, во Франции—55,5, а в царской России—не свыше 44. Весной 1928 г., по исчислениям международного бюро статистики труда, мы имеем уже такой ряд по высоте реального уровня зарплаты: Лондон—100, Берлин—71, Париж—56, Москва—52, Прага—47, Вена—45, Рим—43, Варшава—40 и т. д. Таким образом, даже по оценке органов Лиги Наций, а они едва ли могут быть заподозрены в особом к нам пристрастии, мы уже догнали и перегнали по реальному уровню жизни рабочего целый ряд капиталистических стран.

Но органы Лиги Наций в своих сопоставлениях опираются только на данные строго формального заработка рабочего и уровень цен важнейших пищевых продуктов. Они вовсе не учитывают, например, таких вычетов из зарплаты европейского рабочего, как взносы по социальному страхованию, которые в Германии достигают 7,5% заработка рабочих, а у нас вовсе отсутствуют, они не учитывают различного уровня налогов, квартирной платы и целого ряда других особенностей труда и быта в различных странах. Если же все это учесть, как это сделал Ф. Д. Маркузон в своем последнем исследовании, доложенном в Наркомтруде, то получается, что реальный уровень жизни московского рабочего уже в августе 1928 г. был на несколько процентов выше, чем у берлинских рабочих. Таким образом, уже теперь наш советский рабочий в Москве стоит по своему уровню жизни выше Парижа и Берлина. А через пять лет, при выполнении намеченной в плане программы, мы, несомненно, догоним и перегоним в указанном отношении не только Берлин, но и Лондон.

В соответствии с ростом оплаты индустриального труда план намечает в общем не менее значительный прирост зарплаты и по всей массе наемного труда, взятого в целом. При этом, для более отсталых в отношении уровня жизни категорий труда, например, для учителей, медицинского персонала, батраков и т. п., намечается более быстрый темп роста зарплаты, для других категорий—более медленный.

Какой рост и какие структурные сдвиги намечаются в общей массе наемного труда по пятилетнему плану,—можно видеть из табл. 16.

Структура распределения
(в тысячах работ

Отрасли труда и сектора	1927/28 г. в тыс. работн.	Отправной	
		1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4
1. Промышленность:			
а) цензовая	3072	3204	3408
б) мелкая	408	414	438
Итого	3480	3618	3846
2. Строительное дело	624	795	1023
Итого по индустр. труду (1—2)	4104	4413	4869
3. Сельское и лесное хозяйство	2124	2230	2364
4. Транспорт и связь	1410	1387	1416
5. Торговля и кредит	743	806	872
6. Прочие (поденно-переменн. рабоч.)	401	410	419
Итого на хоз. раб. (1—6)	8782	9246	9940
7. Личная прислуга	353	361	367
8. Культурно.-просв. учреждения	737	775	819
9. Здравоохранение	384	405	430
10. Прочие гос. и общ. учреждения	1094	1114	1125
Всего (по 1—10)	11350	11901	12681
В том числе:			
А. Государственный сектор	7959	8355	8936
Б. Кооперативный „	1075	1197	1364
Итого А и Б	9034	9552	10300
В. Частный сектор	2316	2349	2381
Общий баланс	11350	11901	12681

[1] В эту и следующие таблицы включены все попр вки и уто нения работников.

Таблица 16

наемного труда в СССР[1]

ников и в проц.)

вар. в тыс. работн.			Оптим. вариант в тыс. работн. 1932/33 г.	Структура в %%			Прирост за 5 лет в %%	
1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г		1927/28 г.	1932/33 г. Отпр.	1932/33 г. Опт.	Отправн. вар.	Оптим. вар.
5	6	7	8	9	10	11	12	13
3574	3736	3843	4080	27,1	26,0	25,9	25,1	32,8
462	486	510	523	3,6	3,5	3,3	25,0	28,2
4036	4222	4353	4603	30,7	29,5	29,2	25,1	32,3
1199	1378	1527	1882	5,5	10,3	11,9	145,0	202,1
5235	5600	5880	6485	36,2	39,7	41,1	43,3	58,1
2508	2649	2805	2867	18,7	19,0	18,2	32,1	35,0
1449	1457	1480	1545	12,4	10,0	9,8	5,0	9,6
943	1021	1104	1246	6,5	7,5	7,9	48,6	67,7
428	436	445	462	3,5	3,0	2,9	11,0	15,2
10563	11163	11714	12605	77,3	79,2	80,0	33,4	43,5
376	384	392	406	3,1	2,7	2,6	11,3	15,0
879	938	1010	1031	6,5	6,8	6,5	37,0	39,9
454	478	501	519	3,4	3,4	3,3	30,5	35,0
1138	1151	1164	1204	9,7	7,9	7,6	6,4	10,0
13410	14114	14781	15764	100	100	100	30,2	38,9
9462	9956	10390	11143	70,1	70,3	70,7	30,5	40,0
1526	1698	1876	2083	9,5	12,7	13,2	74,5	93,8
10988	11654	12266	13226	79,6	83,0	83,9	35,8	46,4
2422	2460	2515	2538	20,4	17,0	16,1	8,6	9,6
13410	14114	14781	15764	100	100	100	30,2	38,9

внесенные секциями в план после обсуждения его на съезде плановых

В общем итоге за пять лет мы увеличиваем нашу армию пролетариата на 3,4 млн., или 30%. По оптимальному варианту эта цифра возрастает еще сильнее—на 4,4 млн., или 39%. Но по отдельным отраслям труда и секторам хозяйства этот рост далеко не одинаков. Слабее всего—только на 10% [1]—запроектирован рост транспортного персонала в связи с крупной реконструкцией транспорта, сильнее всего—на целых 202%—должно возрасти число строителей, призванных осуществлять нашу огромную программу реконструкции. Гораздо медленнее растет основное ядро промышленных рабочих (на 25% по отправному и на 32% по оптимальному варианту). Но было бы неправильно только этот последний процент принять за меру индустриализации нашего хозяйства. Строительное дело есть такая же отрасль индустрии, как и все остальные, а в момент реконструкции—даже самая показательная, ибо слабый рост занятого труда в остальных является как-раз прямым последствием быстрого темпа строительства. Вся индустриальная группа пролетариата, включая строителей, возрастает на 1,8 млн. работников по отправному и на 2,4 млн. по оптимальному варианту, т. е. на 40—60%. Темп—не шуточный, особенно, если учесть, что число строителей здесь дано в переводе на годовых рабочих, при запроектированном росте строительного сезона по меньшей мере на 15—20%.

Заслуживает также внимания резкое повышение удельного веса обобществленного сектора за счет сокращения частного. Наиболее быстрый рост наемного труда запроектирован в кооперативном секторе в связи с намеченным обобществлением кустарей, а также крупным ростом совхозов и колхозов.

Значительный количественный рост кадров пролетариата, намеченный по плану, должен сопровождаться еще более крупным качественным ростом этих кадров. Высокая техника понижает спрос на продолжительную профессиональную тренировку рабочих для приобретения специальных навыков, но предъявляет зато значительно более высокий спрос в отношении общего культурного уровня рабочего. Расширение воспроизводства квалифицированной рабсилы за предстоящее пятилетие должно пойти, таким образом, прежде всего по линии школьной подготовки.

---

[1] Не включая сюда автотранспорта.

Мы уже и в настоящее время можем отметить в этой области значительные достижения по сравнению с довоенным уровнем. В 1927/28 г. число обучающихся в низшей школе превышало довоенный уровень на 45%, в средней—на 54%, в профессиональной—на 139%. И только по вузам это превышение доныне было более скромным (на 26%) [1]. Но в предстоящее пятилетие, имея в виду необходимость поднятия до уровня значительно опередивших нас в этом отношении стран западной культуры, наш план намечает в области социально-культурного строительства гораздо более резкие сдвиги. Так, напр., по Соцвосу мы увеличиваем ассигнования за пять лет минимум на 99%, по Политпросвету (печать, кино, радио и пр.)—на 132%, профессиональному образованию—на 219% и т. д. В оптимальном варианте эти темпы, конечно, еще выше (см. табл. 17).

Грандиозный объем вышеприведенной программы говорит сам за себя. В этой программе, однако, можно различать две задачи: во-первых, обеспечить простое воспроизводство рабочей силы и, во-вторых, содействовать расширенному ее воспроизводству в количественном и качественном отношениях. Затраты на осуществление второй задачи принципиально не отличаются от капитальных затрат на материальное строительство. Их производственный эффект мы будем тоже получать в течение целого ряда лет после момента вложения. Правда, этот эффект не всегда поддается точному учету. Но, тем не менее, мы его получим в свое время.

С указанной точки зрения большой интерес представляет в нашей таблице статья затрат на материальное „обеспечение учащихся“ во время пребывания их в школе. Здесь имеется в виду не тот стипендиальный фонд, который и ныне отпускается из бюджета и обслуживает не только детей рабочих, но и крестьян и прочих граждан, а дополнительный специальный фонд, образуемый в порядке социального страхования, предназначенный для обслуживания только детей застрахованных рабочих и служащих. Мы имеем в виду распространить этот фонд на обслуживание детей рабочего, уже начиная с семилетки и профессиональной низшей и средней школы. Только при наличии такого фонда мы сможем осуществить план обязательного прохождения семилетки всем

[1] Народное просвещение в СССР, стр. 198. Изд. ЦСУ. М., 1929.

Таблица 17

Бюджет социально-культурного строительства
(в червонн. валюте каждого года)

Источники и назначение	Ежегодный фонд (млн. руб.)			1932/33 в %% 1927/28 г.		Сумма фондов за 5 лет (млн. руб.)	
	1927/28 г.	1932/33 г.					
		Отправн. вариант	Оптим. вариант	Отправн. вариант	Оптим. вариант	Отправн. вариант	Оптим. вариант
1	2	3	4	5	6	7	8
Источники							
Госбюджет	433	953	1075	220	248	3680	3855
Местный бюджет	797	1647	1885	206	237	6403	6936
Соцстрах	969	2108	2449	218	253	7863	8630
Прочие источники	259	637	717	246	277	2415	2671
Итого (1–4)	2458	5345	6126	217	249	20361	22092
Назначение							
Просвещение:							
а) учреждения соц. воспитания	583	1162	1369	199	235	4556	5014
б) школы проф. образования	225	717	729	319	324	2632	2674
в) печать, кино, радио и пр.	151	351	363	232	240	1342	1397
г) Главнаука	70	109	109	156	156	471	471
д) Обеспечение учащихся	—	358	499	—	—	863	11[illegible]0
Итого (1)	1029	2697	30[illegible]	262	298	9864	10686
Здравоохранение	597	1102	1274	185	213	4376	48[illegible]3
Соц. обеспечение	93	201	278	216	299	738	860
Итого (1—3)	1719	4000	4621	233	269	14978	16369
Страх. пособия и пр.	739	1345	1505	182	204	5383	5723
Всего (1—4)	2458	5345	6126	217	249	20361	22092

подрастающим рабочим населением наших городов. Только при этом условии у нас будет обеспечен необходимый нам рост квалифицированных рабочих, техников и инженеров вполне доброкачественного социального состава, т. е. с преобладанием детей рабочих не только в низах, но и в командном составе нашей индустрии и всех хозорганов.

Это будет стоить значительных средств. Но это окупится сторицей. И, прежде всего, окупится тем, что мы получим возможность значительно дешевле оплачивать наш инженерно-технический командный состав. Значительный разрыв между оплатой квалифицированного рабочего и инженера обусловлен, прежде всего, сравнительно высокими издержками воспроизводства инженеров, падающими на индивидуальный бюджет обучающихся или их семей. Но с момента, когда государство берет на себя обязательство обеспечить не только бесплатность обучения, но и содержание всех учащихся за время обучения, экономические основания для резкой диференциации в оплате рабочего и инженера отпадают. Мы уже осуществляем отчасти этот принцип в отношении инженеров-коммунистов. Ни один из них не претендует на оплату своего труда выше нормы квалифицированного рабочего. Когда среди инженеров процент коммунистов и вообще рабочих сильно возрастет, такая практика станет общим правилом, а спецоклады—только исключением. А какую это может дать экономию, можно видеть уже из того, что, скажем, содержание студента в вузе за 5 лет может нам обойтись в 2000—3000 руб., а разница в оплате квалифицированного рабочего и инженера за 20—30 лет его работы обошлась бы нам по нынешним нормам тысяч в 30—40 по меньшей мере. Мы уже не говорим здесь о той социальной размычке между рабочим и инженером, которая так часто возникает на почве резких разрывов в их благосостоянии и которая тоже чревата неблагоприятными производственными эффектами.

В вышеприведенном бюджете социально-культурного строительства отсутствует одна очень важная статья. Это—затраты на новое жилищное строительство, достигающие по плану за пять лет не менее 4955 млн. руб. Эти затраты, направленные на улучшение быта рабочих, имеют тоже огромное культурное и производственное значение. Увеличивая обобществленный жилфонд в горо-

дах за пять лет на целых 40%, что позволит поднять душевую обеспеченность рабочих жилой площадью на 23%, мы тем самым не только предоставляем более благоприятные условия для культурного быта рабочих, но и создаем базу для более прочной оседлости пролетариата. А это, если учесть значение непорванных еще его связей с деревней и слишком частых переходов с места на место в поисках лучших условий труда и быта, отнюдь не безразличный факт и с производственной точки зрения. Огромный оборот рабочей силы в нашей индустрии, отмеченный статистикой, представляет собою совершенно нерациональную трату производственных ресурсов, а полукочевое—между городом и деревней—состояние значительных „отхожих" кадров наемного труда, задерживает полную консолидацию пролетариата в единый социально и культурно целостный класс, способный не только к высоким производственным достижениям, но и к мощному отпору всяким извне идущим классовым влияниям. Вот почему намеченная планом программа жилстроительства должна привлечь к себе самое широкое общественное внимание.

Здесь следует отметить еще одно очень важное обстоятельство. До сих пор серьезнейшим препятствием к крупному жилстроительству была слишком низкая квартирная плата. Но поправки последних лет, внесенные в квартирный закон, и тот прирост квартплаты, который непосредственно связан с ростом зарплаты, уже ныне обеспечивает нам в общем безубыточность эксплоатации жилфонда. Намеченное повышение зарплаты за пятилетие обеспечит нам дальнейшее повышение квартплаты самотеком минимум на 22%. А это дает уже возможность вполне рентабельного использования нашего жилфонда. И потому никакого искусственного повышения ставок на предстоящее пятилетие не потребуется. В интересах охраны рабочего бюджета от всяких излишних на него покушений это следует зафиксировать особым постановлением. Дальнейший пересмотр закона о квартплате в сторону ее повышения должен быть исключен.

2. ПРОБЛЕМЫ НАКОПЛЕНИЯ

Масштабы намеченного планом социалистического накопления за пятилетие определяются, прежде всего, общим темпом возрастания всего народного дохода в стране, затем—темпами обобществления в различных

отраслях хозяйства и, наконец, той долей народного дохода, которая должна обеспечить надлежащий рост потребления трудящихся масс.

Народный доход представляет собой наиболее обобщенный показатель эффекта намеченной планом реконструкции народного хозяйства и с этой точки зрения заслуживает специального изучения. В наиболее суммарных итогах динамика народного дохода СССР за 1927/28—1932/33 гг. может быть представлена в следующем виде (см. табл. 18).

Приведенные итоги не дают исчерпывающего учета народного дохода СССР, так как в них еще не учтены некоторые второстепенные статьи (гужевой транспорт, некоторые разделы коммунального хозяйства и т. п.), но для изучения динамики явления они достаточно показательны. Обращает на себя внимание в этой таблице, прежде всего, именно громадный процент прироста народного дохода. Если исключить действие снижающихся цен, то по физическому своему объему, т. е. в неизменных ценах, мы определяем по двум вариантам прирост народного дохода от 80 до 100%. Даже из расчета на душу, т. е. с учетом прироста населения, мы ожидаем от 60 до 80% прироста душевого дохода за одно пятилетие.

Если сопоставить эти коэфициенты с нормами роста капиталистических стран, то придется признать их беспримерными. Наиболее крупный прирост душевого уровня народного дохода можно отметить в Соединенных Штатах—на 53% за десятилетие (1880—1890 гг.), но и он не идет ни в какое сравнение с нашей наметкой, так как соответствует годовому темпу в 4,5%, а наш расчет для СССР дает не менее 10—12%. Если же обратиться к более близкому времени, то и американские темпы сильно падают, а европейские и вовсе способны внушить уныние любому апологету капитализма. Так, напр., по сводке всех соответствующих подсчетов буржуазной статистической науки С. Н. Прокопович пришел к следующим выводам. За последнюю четверть века перед войной душевой уровень народного дохода, приведенный к неизменным ценам, во всех передовых странах капитализма являет весьма неприглядную картину старческого маразма или, говоря иначе, полной стабилизации. Правда, в более юной Северо-Американской республике мы все же можем отметить за 1900—1913 гг. годовой прирост душевого дохода в 1,2%, но уже в юнкерской Пруссии

Таблица 18

Народный доход (чистая продукция) СССР в млрд. черв. руб.
(в ценах каждого года)

Отрасли хозяйства	Народный доход в млрд. черв. руб.			Структура в %% к итогу			Прирост за 5 лет			
	1927/28 г.	1932/33 г.		1927/28 г.	1932/33 г.		Отправной вариант		Оптимальн. вариант	
		Отпр. вар.	Опт. вар.		Отпр. вар.	Опт. вар.	абс.	в %	абс.	в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Сельское и лесное хозяйство	11,28	16,37	16,74	45,7	40,3	38,7	5,09	45,1	5,46	48,4
2. Промышленность (с акцизом)	7,81	13,92	14,81	31,6	34,2	34,2	6,11	78,2	7,00	89,6
3. Строительное дело	1,59	3,45	4,10	6,5	8,5	9,5	1,86	117,0	2,51	157,9
4. Транспорт и связь	1,26	2,34	2,62	5,1	5,7	6,1	1,08	85,7	1,36	107,9
5. Торговая выручка (накидка)	2,74	4,59	5,00	11,1	11,3	11,5	1,85	67,5	2,26	82,5
Итого в млрд. черв. руб.	24,68	40,67	43,27	100,0	100,0	100,0	15,99	64,8	18,59	75,3
То же в млрд. руб. по физич. объему	24,68	44,82	50,20	—	—	—	20,14	81,6	25,52	103,4
Всего на душу населения в рублях										
а) червонных	163,1	240,4	255,7	—	—	—	77,3	47,4	92,6	56,8
б) по физич. объему	163,1	264,9	296,7	—	—	—	101,8	62,4	133,6	81,9

с 1896 г. по 1913 г. мы наблюдаем едва 0,2% прироста за год, в старой Англии за время с 1895 г. по 1913 г.— круглый ноль, а в „прекрасной“ Франции за 1894—1911 гг даже отрицательный годовой „прирост“—0,8%.

Констатируя эти столь печальные факты, Прокопович меланхолически заключает: „Итак, тот экономический кризис, который переживает в настоящее время Западная и Центральная Европа, вызван вовсе не мировой войной. Уже с конца 90-х годов страны старой европейской культуры вступили в полосу народнохозяйственной депрессии и застоя,—не только Англия, но и Франция и даже Германия... Мы имеем здесь дело с поворотным моментом в истории старых культурных стран... Остановка в росте народного благосостояния, вызвавшая глубокое социальное недовольство и брожение в трудящихся массах, привела к усиленной погоне за рынками дешевого сырья и к борьбе за эти рынки, приведшей к мировой войне. Но война эта,—отмечает дальше Прокопович,—не улучшила, а в чрезвычайной мере ухудшила экономическое и социальное положение Европы“. И в доказательство этого он приводит целый ряд убийственных статистических цифр и фактов, из которых между прочим, явствует, что после войны, большинство „передовых“ стран капиталистической Европы не восстановило еще доныне и того уровня народного дохода, на котором оно остановилось перед войной. Так, напр., Германия в 1925 г. достигла лишь 99% довоенной нормы, Англия—85,6%, Франция—79,1% и т. д.

Конечно, объяснять такие факты можно по-разному. Так, Прокопович, который в порядке ревизии своих старых взглядов давно уже откатился от Маркса назад—лет этак на сто—к его высокопреподобию Т. Р. Мальтусу, пытается объяснить эту стабилизацию капитализма „истощением природных богатств и убывающей производительностью последовательных затрат труда и капитала...“ Ну, а мы в таком загнивании капитализма отнюдь не склонны видеть естественных пределов росту производительных сил и думаем, что если данная историческая форма общественного производства действительно явно исчерпала уже заложенные в ней экономические возможности, то, значит, на смену ей грядет другая, более производительная. И факты из области динамики нашей советской экономики как-будто вполне нелицеприятно подтверждают правильность такого заключения.

Дело не в том, конечно, что мы запроектировали на будущее высокий рост душевого уровня народного дохода, а в том, что мы уже доказали на своем опыте возможность таких темпов. За последние годы, с 1924/25 г. по 1927/28 г., мы уже имели прирост народного дохода из расчета на одну душу в 31% за три года, т. е. не менее 10% за год. В свете этих данных и наши расчеты на последующие годы пятилетки отнюдь не могут быть признаны чересчур оптимистическими. Несмотря на то, что за годы мировой и гражданской войны наш Советский Союз в условиях интервенции и блокады пережил столь глубокую хозяйственную разруху, какой не знала ни одна капиталистическая страна, мы уже в 1926/27 г. достигли довоенного уровня народного дохода, в 1928/29 г. мы стоим уже, примерно, на уровне 116%, а через четыре года твердо рассчитываем подняться по меньшей мере до 170% довоенного уровня. Таковы заданные нашим планом темпы хозяйственного роста СССР.

Большой интерес представляет вытекающее из плана изменение структуры народного дохода. Как видно из табл. 18, доля сельского хозяйства падает за пять лет с 46 до 39%. Это—результат индустриализации народного хозяйства. Но он еще несколько преуменьшен в данном случае за счет крупного снижения цен индустриальной продукции при стабильности сельскохозяйственных. При условии неизменных цен доля сельского хозяйства в общем итоге к концу пятилетки выразилась бы еще более низким процентом (36,7%). Еще резче сдвиги структуры народного дохода в секториальном разрезе. Доля частного сектора в общей продукции народного дохода уже в отправном варианте падает с 47 до 35%, а в оптимальном она еще ниже (32,9%).

В дополнение к этому наиболее суммарному показателю обобществления можно добавить следующие, более частные. Продукция цензовой промышленности уже в 1927/1928 г. была обобществлена на 98,3%, и частный сектор падает в ней за пять лет с 1,7 до 1,0%. Паровой транспорт обобществлен на все 100%. В торговле процессы обобществления идут тоже чрезвычайно энергично. Частная розница по отправному варианту сокращается за пять лет с 25 до 12%, а по оптимальному—до 9%. Весь же частный товарооборот в опте и рознице падает с 14% до 4,6% или даже до 3,2%. И только в сельском хозяйстве преобладает еще частнохозяйственная стихия.

Но и здесь обобществленный сектор возрастает за пять лет по меньшей мере раз в семь с 1,8 до 13—15% валовой продукции, по товарной—всего до 23—25%, а по зерновым хлебам даже до 43%.

Общий баланс чистой продукции страны по социальным секторам и распределение ее по классам населения представлены в следующем ориентировочном расчете (см. табл. 19).

Конечно, сопоставления такого рода неизбежно должны всегда носить весьма условный характер. При учете личных доходов населения всегда неизбежен в некоторой доле многократный их учет. Доход прислуги является, например, прямым вычетом из дохода нанимателей. Заработная плата госаппарата покрывается, главным образом, за счет налогов, представляющих вычет из личных доходов всех налогоплательщиков и т. д. Кроме того, точность подобных исчислений и вообще не слишком велика даже в отношении истекших лет, а в провизорных балансах, т. е. в расчетах на будущее время, она, конечно, еще меньше. Тем не менее без такой, хотя бы весьма примерной, ориентировки мы не могли бы судить о социальном профиле всего плана, взятого в целом.

В чем же сказываются его наиболее характерные черты?

Прежде всего, следует отметить, что доля накопления в обобществленном секторе, т. е. сумма прибылей и рентных доходов государственных и кооперативных предприятий, влючая сюда и чистый доход от лесного хозяйства, возрастает за пять лет с 9 до 15% от общей суммы народного дохода. В связи с этим сумма доходов населения (нетто) возрастает несколько медленнее, чем общая сумма народного дохода. Но если средний темп роста этих доходов для всех групп достигает только 62%, то доход пролетариата возрастает вдвое, т. е. значительно быстрее средней нормы для всего населения. А доход буржуазно-предпринимательских групп, наоборот, дает наиболее скромный прирост, всего на 17% по отправному варианту и нулевой рост по оптимальному, при абсолютном сокращении дохода всей городской предпринимательской группы (за счет резкого сокращения частной торговли). В отношении кулацкой верхушки деревни мы исходим из допущения, что в предстоящем пятилетии удельный вес ее уже начнет падать, но абсолютный рост численности по отправному варианту будет все же иметь

Социальные сектора и классы	В млн. черв. руб.		
	1927/28 г.	1932/33 г.	
		Отправн. вариант	Оптим. вариант
1	2	3	4
А. В приходе (по секторам)			
1. Государственный сектор	10566	19529	21397
2. Кооперативный "	2447	7096	7649
Итого	13013	26625	29046
3. Частный	11669	14049	14224
Всего	24682	40674	43270
Б. В расходе (по классам)			
1. Пролетариат:			
а) сельскохозяйственный	554	1053	1100
б) индустриальн. и пр.	8638	15664	17509
Итого	9192	16717	18609
2. Трудящиеся не по найму:			
а) в земледелии [1]	11357	16369	17228
б) в прочих отраслях	1747	1974	1793
Итого	13104	18343	19021
3. Предприним. группы:			
а) в земледелии	1490	2088	1772
б) прочие	588	351	306
Итого	2078	2439	2078
4. Прочие группы	504	568	568
Итого доходов населения (по 1—4) брутто	24878	38067	40276
в т. ч. повторн. учет	2404	2925	3358
Итого без повторн. уч. (нетто)	22474	35142	36918
Накопл. обобществл. сектора	2208	5532	6352
Баланс	24682	40674	43270

[1] Включая присыл из города.

Таблица 19

деления народного дохода СССР

жения цен)

Структра в % к итогу			Прирост за 5 лет			
1927/28 г.	1932/33 г.		Отправн. вариант		Оптим. вариант	
	Отправн. вариант	Оптим. вариант	абс.	в %	абс.	в %
5	6	7	8	9	10	11
42,8	48,0	49,4	8963	84,8	10831	102,5
9,9	17,4	17,7	4649	190,0	5202	212,6
52,7	65,4	67,1	13612	104,6	16033	123,2
47,3	34,6	32,9	2380	20,4	2555	21,9
100,0	100,0	100,0	15992	64,8	18588	75,3
2,2	2,6	2,5	499	90,1	546	98,6
35,0	38,5	40,5	7026	81,3	8871	102,7
37,2	41,1	43,0	7525	81,9	9417	102,4
46,0	40,2	39,8	5012	44,1	5871	51,7
7,1	4,9	4,1	227	13,0	46	2,6
53,1	45,1	43,9	5239	40,0	5917	45,2
6,0	5,1	4,1	598	40,1	282	18,9
2,4	0,9	0,7	—237	—40,3	—282	—48,0
8,4	6,0	4,8	361	17,4	0	0
2,0	1,4	1,3	64	12,7	64	12,7
100,8	93,6	93,1	13189	53,0	15398	61,9
9,7	7,2	7,8	521	21,7	954	39,7
91,1	86,4	85,3	12668	56,4	14444	64,3
8,9	13,6	14,7	3324	150,5	4144	187,7
100,0	100,0	100,0	15992	64,8	18588	75,3

место, несколько отставая от общего роста населения, а вместе с тем будет расти и сумма ее доходов. Общий сдвиг в распределении доходов от буржуазии к пролетариату тем не менее получает в приведенной таблице чрезвычайно яркое выражение.

Однако, эти общие сдвиги не характеризуют еще динамики сравнительного уровня благосостояния различных социальных групп. Показателем такового может быть только душевой доход этих групп. И притом реальный доход, т. е. с учетом изменения индекса цен. Дать такие индексы для всех групп табл. 19 не представляется возможным, но по основным группам городского и сельского населения мы имеем такую проектировку. По расчетам В. И. Каца, давшего расчленение личных доходов населения по социальным группам на основе проектировок секций Госплана, мы должны оценивать прирост реального душевого дохода за пять лет в городе на 51% и в деревне на 52%. По оптимальному варианту соответствующие нормы—66% и 67%. При весьма небольшой точности таках расчетов можно считать, что и в городе, и в деревне мы будем иметь в общем, примерно, одинаковый рост душевого дохода. Но, если для города в целом мы имеем только 51% прироста душевого дохода, то городской пролетариат повышает его на 58%, т. е. беднейшая группа получает прирост выше среднего. Точно так же и в деревне, если все население на круг повысит свой доход от 52% до 67%, то сельский пролетариат повысит его минимум на 64%, а беднота, объединенная в колхозы, даже на 66—79%. Таким образом, беднейшие группы деревни во всяком случае получают более быстрый рост благосостояния, чем все городское население. И, стало быть, разрыв между уровнем благосостояния этих беднейших групп деревни и средним городским уровнем должен постепенно выравниваться.

В приведенных показателях не выявлена еще роль бюджета, как одного из важнейших перераспределителей народного дохода. Путем налоговых изъятий бюджет снижает ресурсы индивидуальных хозяйств и, обращая часть этих ресурсов на финансирование народного хозяйства, увеличивает масштабы и темпы социалистического накопления. Особый интерес представляет в этом отношении, в связи с нашей классовой политикой в деревне, роль бюджета в качестве рычага перераспределения

народного дохода и социалистического накопления за счет основных масс сельскохозяйственного населения. Проблема эта довольно сложна, так как бюджет оперирует не только налоговыми рычагами, но и кредитными методами, а, кроме того, наряду с изъятиями, через бюджет осуществляется культурное и хозяйственное обслуживание нужд деревни. Пользуясь, однако, проектировками бюджетно-финансовой секции Госплана в отношении роста отдельных приходных и расходных статей бюджета и теми данными о социальном расслоении деревни за отчетные годы, какие выявлены недавно в работе комиссии СНК о тяжести обложения [1], мы можем представить следующий ориентировочный расчет (см. табл. 20).

В этом балансе мы не учли тех изъятий из ресурсов деревни, какие осуществляются в процессе не-эквивалентного обмена продуктов деревни на городские продукты, ибо эти изъятия совершенно не поддаются учету. Наличные у нас индексы цен с базой 1913 г. объективной мерой не-эквивалентости обмена в пользу города служить не могут, ибо и для 1913 г. никто никакой эквиналентности не установил. А с тех пор условия производства в городе и деревне претерпели к тому же весьма существенные изменения. Каковы ныне „ножницы" между ценой и ценностью продуктов земледелия никто в точности не знает. Несомненно лишь одно, что такие „ножницы" даже после того повышения хлебных цен, какое имело место осенью 1928 г., еще остаются и подлежат постепенному изжитию в последующие годы.

Не учтены в нашем балансе также возвратные изъятия в порядке паевых накоплений кооперации (около 1 млрд. руб. за пятилетие) и некоторые другие.

Таким образом, этот баланс не дает исчерпывающей картины расчетных отношений деревни со всеми ее контрагентами. Но в качестве баланса расчетов ее с государством или, говоря точнее, с государственным и местным бюджетом, он представляет собою достаточно полное и точное отображение действительности.

Если рассматривать весь индувидуальный сектор деревни в целом, то чистое сальдо изъятий из деревни налогами и займами за вычетом тех возвратов, какие он получает в порядке бюджета и кредита от государства, за пять лет составит около 3,6 млрд. руб. Необходимо

[1] Тяжесть обложения в СССР. М., 1929.

Таблица 20

Расчетный баланс взаимоотношений государства с деревней[1] за 1928/29—1932/33 гг.
(в млн. черв. руб.)

	Отправной вариант						
	Предприниматели	Середняки	Бедняки	Итого	Батраки	Всего по индивид. хозяйствам	Колхозы и совхозы
1	2	3	4	5	6	7	8
Приход за 5 лет	9075	55900	9650	74625	4380	79005	4320
I. Изъятия							
1. Сельхозналог и самообложение	1179	1619	40	2838	—	2838	157
2. Прочие налоги	1390	5570	785	7745	653	8398	312
Итого (1—2)	2569	7189	825	10583	653	11236	469
3. Займы и сберкассы (сальдо)	54	336	58	448	26	474	24
Итого (1—3)	2623	7525	883	11031	679	11710	493
Процент изъятия	28,9	13,5	9,2	14,8	15,5	14,8	11,4

II. Возвраты							
1. Адм.-судебные расходы	53	703	175	931	48	979	56
2. Культурн. расходы	228	3035	755	4018	206	4224	241
3. Дорожное хозяйство	141	871	150	1162	68	1230	62
4. Страхование старости	—	—	86	86	24	111	30
Итого (1—4)	422	4609	1166	6197	346	6543	389
5. Финансирован. нар. хозяйства (сальдо)	90	1128	282	1500	—	1500	1650
Итого (1—5)	512	5737	1448	7697	346	8043	2039
Сальдо баланса (I—II)	+2111	+1788	—565	+3334	+333	+3667	—1546
Выигрыш на ценах							
1. Пром. продукты	445	2207	348	3000	181	3181	—
2. Сельскохоз. продукты	111	552	87	750	—	750	—
Итого	556	2759	435	3750	181	3931	—
Общее сальдо	+1555	—971	—1000	—416	+152	—264	—1546

[1] Эти расчеты надо рассматривать только как ориентировочные.

заметить, что за истекшее пятилетие соответствующее сальдо по расчетам тов. Маймина тоже составило около 3 млрд. руб. За счет этого сальдо мы можем финансировать обобществленный сектор хозяйства или обратить его на нужды обороны страны и другие общегосударственные потребности. Из табл. 20 видно, что свыше 40% этого сальдо, а именно 1546 млн. руб., по нашему плану обращается на колхозно-совхозное строительство, т. е. на финансирование процессов обобществления в деревне. Таким образом, известная перекачка из частного сектора в социалистический, несомненно, происходит. Но наряду с этим идет перераспределение народного дохода между различными социальными группами деревни. Предпринимательская группа дает бюджету за пять лет 2111 млн. руб., середняцкая—1788 млн. р., но зато бедняцкая сама получает из этих средств свыше полумиллиарда руб. Достигается этот результат классовым характером нашего прямого обложения. Процент изъятий дохода у высших групп населения в три раза выше, чем у низших. И с ростом душевого уровня благосостояния этот процент заметно повышается за предстоящее пятилетие. Но при учете влияния этого прироста налоговых изъятий не следует забывать еще одного очень важного обстоятельства: нашей политики цен, запроектированной в плане.

Как известно, наличное соотношение цен промышленной и сельскохозяйственной продукции, по сравнению с довоенным, не вполне благоприятно для деревни. Но в течение пятилетия существующие в этой области „ножницы“ могут быть полностью изжиты. Производительность индустриального труда у нас растет значительно быстрее, чем в сельском хозяйстве. И это позволяет снизить индустриальные цены за пять лет в большей степени, чем сельскохозяйственные. В сущности в 1928/1929 г. сельскохозяйственные цены даже несколько возросли против 1927/1928 г. (на 5,5%) и, хотя к 1932/1933 г. они снова снижаются, примерно, на 3%, уровень их все же останется на 2,4% выше 1927/1928 г. Индустриальные же цены в рознице за пять лет будут снижены почти на 20%. В результате указанных смещений цен деревня будет продавать свои продукты несколько дороже прежнего, а покупать городские значительно дешевле. Общий выигрыш деревни за счет смещения цен в зависимости от роста ее товарообмена с городом под-

дается учету в следующих цифрах по отправному варианту:

Выигрыш в млн. руб.

Годы	На сельско-хоз. товарах	На пром. товарах	Итого
1928/29	152	—	152
1929/30	162	143	305
1930/31	162	443	605
1931/32	155	919	1074
1932/33	119	1676	1795
За 5 лет	750	3181	3931

Таким образом, в общем счете деревня с избытком возмещает себе на ценах все, что из нее извлекает государство в порядке налоговых и кредитных изъятий. Но по отдельным социальным группам этот баланс выглядит весьма различно. Предпринимательская группа даже с учетом выигрыша на ценах все же отдает из своего бюджета свыше полутора миллиарда, а бедняки и середняки, наоборот, увеличивают свои ресурсы почти на два миллиарда. Однако, этот выигрыш на ценах—особого рода. Он не сопровождается никакими потерями в бюджете. И с этой точки зрения его вовсе не следует вводить в расчетный баланс между деревней и фиском. Хотя при учете благосостояния деревни, измеряемого суммой достающихся ей потребительских благ, этот выигрыш, несомненно, подлежит учету. От снижения цен в меру снижения себестоимости, в сущности, никто ничего не теряет и все кое-что выигрывают. А если учесть еще, что в данном случае промышленные цены снижаются с отставанием на несколько процентов от себестоимости, то кое-какой выигрыш от этой операции получат не только рабочие и крестьяне, т. е. отдельные потребители, но и общая касса социалистического накопления.

Несколько иначе дело обстоит с ценами крестьянской продукции. Здесь ведь мы имеем дело не с падением, а даже с некоторым подъемом их,—по крайней мере, в отправном варианте. Однако, не следует забывать, что и здесь повышение хлебных цен, имевшее место с осени 1928 г., в достаточной степени обусловлено плановой установкой на экономическое стимулирование расширенного воспроизводства зерновых культур. Прежние цены недостаточно стимулировали этот крайне необходимый для нас процесс. Мы не имеем точных данных об

издержках производства сельскохозяйственной продукции. Но все имеющиеся данные определенно говорят за то, что прежние цены не гарантировали даже минимально необходимой рентабельности данного производства. А в таком случае, повышая хлебные цены, мы лишь в известной мере расплачиваемся с деревней за те позаимствования из ее продукции, к которым мы были вынуждены в труднейшие годы нашего хозяйственного развития.

С точки зрения необходимости достаточной стимуляции зернового хозяйства законен другой вопрос. Достаточно ли для этой цели то повышение хлебных цен, какое уже имело место осенью 1928 г. (+14%)? Лучшим ответом на этот вопрос будут те или иные успехи зернового хозяйства за ближайшую пару лет. Однако, не следует забывать, что если мы номинально в отправном варианте стабилизуем хлебные цены на уровне 114% от 1927/28 г., то реально, в связи со снижением индустриальных цен и повышением покупательной силы крестьянского рубля на 15%, мы получим повышение их к 1932/1933 г. до 131% от уровня 1927/1928 г. А это уже весьма ощутительный сдвиг в направлении к необходимому повышению рентабельности сельского хозяйства. В особенности, если одновременно учесть запроектированное повышение урожайности.

За счет этих сдвигов в ценах, в связи с возрастанием производительных сил деревни и намечается вышеуказанный рост благосостояния сельского населения. Но, даже при условии такого роста, возможное привлечение деревни к участию в социалистическом накоплении страны, как было выше указано, ограничивается довольно скромными цифрами по сравнению с другими источниками.

В самом деле, суммируя главнейшие источники вложений в народное хозяйство по обобществленному сектору, мы получаем следующую картину (см. табл. 21).

В эту таблицу мы включаем и амортизационные фонды, поскольку они используются для воспроизводства изнашиваемых частей основных фондов. К тому же, если учесть, что эти фонды в главной своей массе отнюдь не воспроизводят выбывшие за ветхостью и негодностью предприятия и их оборудование в прежнем их виде, а замещают их всегда новыми конструкциями, с учетом всех достижений технического прогресса,— то станет ясно, что и они служат для реконструкции

нашей технической базы не менее других источников. Именно имея в виду это действие технического прогресса, Маркс утверждал, что использование амортизационных фондов обеспечивает обычно даже не простое, а если рассматривать его в общественном масштабе—р а с ш и р е н н о е воспроизводство общественных благ [1]. Но если даже брать только накопление в тесном смысле этого слова, т. е. без амортизации, то получим за пять лет весьма внушительный итог в 34—39 млрд.

Из них не менее 24 млрд. падает на прибыль и ренту, получаемую советским государством по праву хозяина от национализированных предприятий, лесов и земель. Это—основной и решающий источник социалистического накопления. Его доля уже в 1927/28 г. достигла 55%, а через пять лет достигнет 73% общего итога.

На втором месте стоят налоговые ресурсы в той их части, в которой они извлекаются бюджетом сверх потребностей непроизводственной части расходного бюджета и потому могут быть обращены на финансирование народного хозяйства. Однако, налоги, даже с учетом их переложения, падают на все группы населения, в том числе и на пролетариат. Но все налоговое бремя, падающее на плечи пролетариата, советская власть возмещает с избытком увеличением заработной платы. И потому интерес самостоятельного источника для социалистического накопления могут представить только те налоги, которые притекают к нам от непролетарской части городского и сельского населения. Спрашивается, в какой же доле эта часть населения привлекается в качестве принудительных вкладчиков в наше социалистическое строительство?

Если исходить из общего итога налоговых изъятий для социалистического накопления за пять лет в 5—6 млрд. и допустить, что их уплатят разные группы населения, в той же пропорции, в какой это имело место за последний отчетный год [2], то получим, примерно, следующее:

---

[1] „Такое воспроизводство в расширенном масштабе,—оговаривается, однако, Маркс,—вытекает не из н а к о п л е н и я, превращения прибавочной стоимости в капитал, а из обратного превращения стоимости, которая, ответвившись в денежной форме от тела основного капитала, превратилась в новый дополнительный или действующий с большей энергией основной капитал того же рода". К. Маркс. Капитал, т. II, отд. 2, гл. VIII, стр. 144. ГИЗ, 1923.

[2] Тяжесть обложения в СССР, стр. 42 и сл. М., 1929.

Главнейшие источники социали

(в млн. черв. руб.

Источники накопления	1927/28 г.	Отправ 1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4
А. Прибыль и рента			
1. Промышленность	948	1610	2051
2. Транспорт и связь	270	413	503
3. Коммунальное хозяйство	215	228	235
4. Торговля и кооперация	254	348	454
5. Кредитные учреждения	220	263	292
6. Сельское хозяйство	4	8	19
7. Лесной доход	210	237	267
8. Прочие рентные доходы	87	97	108
Итого (А)	2208	3204	3929
Б. Прочие источники			
1. Налоговые ресурсы	694	976	1055
2. Займы гос. и местные (сальдо)	419	527	470
3. Паевое накопление кооперации	187	252	274
4. Эмиссия (по частн. сектору)	365	170	165
5. Отчисления Цусстр. и Госстр.	111	120	136
Итого (Б)	1776	2045	2100
Итого накопления (А + Б)	3984	5249	6029
В. Амортизация	1139	1252	1380
Всего (А + Б + В)	5123	6501	7409

[1] В прибылях госпромышленности учтены электростанции и сделана доход взят за вычетом эксплоатационных расходов на лесное хозяйство; предприятия и пр.

Таблица 21

стического накопления в СССР

каждого года)[1]

ной вариант					За 5 лет	
1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Структура в % к итогу 1927/28 г.	Структура в % к итогу 1932/33 г.	Отправн. вар.	Оптим. вар.
5	6	7	8	9	10	11
2466	2892	3259	23,7	37,2	12278	13581
588	748	897	6,8	10,3	3148	3587
276	352	413	5,4	4,7	1504	1658
519	663	773	6,4	8,8	2757	2968
341	361	418	5,5	4,8	1675	1940
34	43	68	0,1	0,8	172	189
308	343	383	5,3	4,4	1538	1699
120	130	141	2,2	1,6	596	643
4652	5532	6352	55,4	72,6	23669	26265
1045	1049	1151	17,4	13,2	5276	5544
504	637	667	10,5	7,6	2805	3500
273	292	301	4,7	3,4	1392	2167
157	155	95	9,2	1,1	742	1034
151	167	184	2,8	2,1	758	800
2130	2300	2398	44,6	27,4	10973	13045
6782	7832	8750	100	100	34642	39310
1543	1729	1977	28,6	22,6	7881	8341
8325	9561	10727	128,6	122,6	42523	47651

поправка в 10% на местную (не планируемую) промышленность. Лесной в прочих рентных доходах учтена плата за недра, аренда, концессионные

Программа вложений по обобществлен

(в млн. черв. руб.

Отрасли хозяйства	1927/28 г.	Отправ 1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4
А. Основные фонды[1]			
1. Промышленность	1326	1678	2077
2. Электрификация	274	314	397
3. Сельское хозяйство	199	309	514
4. Ирригация	37	40	60
5. Лесное хозяйство	11	20	30
Итого (3—5)	247	369	604
6. Транспорт:			
а) железнодорожный	713	818	1006
б) порты и водопути	24	35	47
в) морской	32	32	39
г) речной	35	56	65
д) безрельсовый и пр.	78	135	168
Итого (6)	882	1076	1325
7. Нарсвязь	35	55	56
8. Коммунальное хозяйство	180	204	231
9. Жилстроительство	473	523	689
10. Торговля и кооперация	176	260	337
Итого (А)	3593	4479	5716
Б. Оборотные фонды	992	949	1149
Всего	4585	5428	6865
То же в % к 1927/28 г.	100	118,4	149,7

[1] Вложения на индустриальное и транспортное жилстроительство выде
строительством. Вложения в школьный, больничный фонд и пр. культурное

Таблица 22

ному сектору народного хозяйства

каждого года)

ной вариант					За 5 лет	
1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	Структура в % к итогу		Отправн. вар.	Оптим. вар.
			1927/28 г.	1932/33 г.		
5	6	7	8	9	10	11
2370	2662	2915	36,9	33,1	11702	13280
489	560	630	7,6	7,2	2390	2920
689	876	1000	5,5	11,4	3388	3959
85	100	115	1,0	1,3	400	450
37	43	48	0,3	0,5	178	195
811	1019	1163	6,8	13,2	3966	4604
1147	1341	1522	19,8	17,3	5834	6540
65	92	123	0,7	1,4	362	447
44	51	57	0,9	0,6	223	275
74	76	76	1,0	0,9	347	372
209	265	321	2,2	3,7	1098	1196
1539	1825	2099	24,6	23,9	7864	8830
56	57	54	1,0	0,6	278	307
283	338	429	5,0	4,9	1485	2233
808	938	1053	13,2	12,0	4011	4511
385	407	451	4,9	5,1	1840	2170
6741	7806	8794	100	100	33536	38855
1327	1518	1659	27,6	18,9	6602	8384
8068	9324	10453	127,6	118,9	40138	47239
176,0	203,4	228,0	—	—	—	—

лены из соответствующих отраслей и показаны в общем итоге с городским строительство учтены особо (см. табл. 23).

на городскую буржуазию и кулацкую группу деревни упало бы что-то около 640 млн. руб., на прочее непролетарское население города и деревни—до 2640 млн., а все остальное падает на пролетариат и само государство. Иными словами, доля частного непролетарского сектора в социалистическом строительстве не достигает и 10% общего итога плана.

Правда, в этот итог входят еще такие источники, как займы и эмиссия, но, во-первых, и в размещении этих сумм первое место будет принадлежать, несомненно, пролетариату, а не буржуазии, и, во-вторых, этого рода изъятия не принадлежат к числу безвозмездных, а изъятия по займам к тому же приносят нормальный доход. И если буржуазия будет покупать наши займы, то, конечно, только в меру того, насколько это ей покажется выгодным.

Обращаясь от накоплении к вложениям, мы получаем следующее их распределение в пределах обобществленного сектора (см. табл. 22, стр. 180, 181).

В приведенный итог не входят те суммы, какие в порядке кредита направляются на финансирование индивидуального сектора крестьянского хозяйства, на контрактацию посевов и т. п., но входят все затраты не только на новое строительство, но и на капитальный ремонт и реконструкцию действующих государственных и кооперативных предприятий. В оборотных фондах учтен только прирост товарных ценностей, без учета прироста кассы и тому подобных бумажных ценностей. Сопоставляя итог вложений с вышеуказанной суммой накоплений, мы видим, что намеченная программа социалистического строительства вполне обеспечена реальными ресурсами. Вместе с тем, в нашем распоряжении имеются еще и некоторые резервы, которые в первую очередь будут обращены через кооперацию на кредитное финансирование индивидуального сельского хозяйства и на другие нужды.

В более благоприятных условиях оптимального варианта, разумеется, и сумма накоплений, и общая программа вложений соответственно возрастают по меньшей мере на 15—20%, но покрытие вложений внутренними ресурсами без привлечения в некоторой сумме иностранных кредитов оказалось бы гораздо труднее. Мы, однако, не имеем в виду останавливаться более подробно на проблемах финансирования вообще и бюджетного равновесия в частности, так как это составляет особую вполне самостоятельную и очень большую тему.

Существенный интерес представляет вопрос о доле социалистического накопления в общем итоге накопления страны и о соотношении между накоплением и народным доходом в секториальном разрезе. Для этого сопоставления мы воспользуемся данными о динамике народного дохода и имущественных фондов страны в неизменных ценах. Основные фонды СССР по ориентировочному расчету, подлежащему еще дальнейшему уточнению, выразятся в следующих цифрах (см. табл. 23).

Как видим, доля социалистического сектора в основных фондах поднимается за пять лет с половины до двух третей общего итога. В абсолютных цифрах накопление основных фондов по социалистическому сектору достигнет за пятилетие от 40 до 51 млрд. руб. (108—138%), в то время как по частному оно едва достигает 6—7 млрд. (19—20%). Но к накоплению основных фондов следует еще прибавить прирост товаро-материальных (оборотных) фондов. И тогда в итоге мы получим почти полную сумму народного имущества СССР и его динамики за предстоящее пятилетие (см. табл. 24).

Физический объем всех основных и оборотных фондов вырастает за пять лет с 82 до 140 млрд. руб., т. е. на 57,5 млрд., или 70%, а по оптимальному варианту еще больше—на 74 млрд., или на 90%. Масштаб обобществления в этой области виден уже из того, что доля частного сектора в народном хозяйстве падает за пять лет с 47% до 30%. Народный доход по отношению к наличному имуществу страны составляет около 30%. Но интереснее всего сопоставить средний годовой прирост народного богатства, т. е. накопления, с годовым доходом, за счет которого он накопляется. В этом отношении мы получаем следующие показатели (в ценах 1927/28 г.):

Сектора	Средние за пять лет в млрд. руб. (отправной вариант)		
	Народн. доход	Накопление	%
1. Государственный	18,0	8,0	44,4
2. Кооперативный	5,6	2,0	35,7
Итого	23,6	10,0	42,4
3. Частный	12,5	1,5	12,0
Всего	36,1	11,5	31,9

Основные фонды народного хо

(в млн. руб. по неизмен

Отрасли хозяйства и сектора	Абсолютные размеры в млн. руб.		
	1927/28 г.	1932/33	
		Отправн.	Оптим.
1	2	3	4
Отрасли:			
1. Промышленность	10824	29319	34424
2. Сельское хозяйство	28741	38101	38887
3. Коммунальное хозяйство	2274	3654	4715
4. Транспорт и связь	11939	20698	22613
5. Торгово-складское дело	701	2933	3517
Итого (по 1—5)	54479	94705	104156
6. Жилфонд (городской)	11971	14365	15251
7. Школьный фонд	1974	4136	4944
8. Лечебный фонд	1074	2047	2231
9. Прочие гос. фонды	656	1185	1197
Итого (по 1—9)	70154	116438	127779
Сектора:			
А. Государственный	35786	71143	81211
Б. Кооперативный	1198	5745	6778
Итого (А+Б)	36984	76888	87989
В. Частный	33170	39550	39790
Итого (по А+Б+В)	70154	116438	127779

Таблица 23.

зяйства СССР к концу года

ным ценам 1925/26 г.)

Структура в % к итогу			Прирост за 5 лет			
1927/28 г.	1932/33 г.		Отправн. вар.		Оптим. вар.	
	Отправн.	Оптим.	абс.	в %	абс.	в %
5	6	7	8	9	10	11
15,4	25,2	26,9	18495	170,9	23600	218,0
41,0	32,7	30,4	9360	32,6	10146	35,3
3,3	3,1	3,7	1380	60,7	2441	107,3
17,0	17,8	17,7	8759	73,4	10674	89,4
1,0	2,5	2,8	2232	318,4	2816	401,7
77,7	81,3	81,5	40226	73,8	49677	91,2
17,1	12,3	11,9	2394	20,0	3280	27,4
2,8	3,6	3,9	2162	109,6	2970	150,5
1,5	1,8	1,7	973	90,6	1157	107,7
0,9	1,0	1,0	529	80,6	541	82,5
100	100	100	46284	66,0	57625	82,1
51,0	61,1	63,6	35357	98,8	45425	126,9
1,7	4,9	5,3	4547	379,5	5581	465,8
52,7	66,0	68,9	39904	107,9	51006	137,9
47,3	34,0	31,1	6380	19,2	6619	20,0
100	100	100	46284	66,0	57625	82,1

Таблица 24

Народное богатство СССР (в млрд. черв. рублей по неизменным ценам 1927/28 г.)

Сектора	Общие фонды в млрд. руб.			Структура			Прирост за 5 лет			
	1927/28 г.	1932/33 г.		1927/28 г.	1932/33 г.		Отпр. вар.		Оптим. вар.	
		Отпр. вар.	Опт. вар.		Отпр. вар.	Опт. вар.	абс.	абс.	в %	в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Народное имущество к концу года										
1. Государственный сектор	40,5	80,5	90,8	49,3	57,6	58,2	40,0	98,8	50,3	124,2
2. Кооперативный „	3,5	13,7	18,2	4,2	9,8	11,7	10,2	291,4	14,7	420,0
Итого	44,0	94,2	109,0	53,5	67,4	69,9	50,2	114,1	65,0	147,7
3. Частный	38,2	45,5	46,9	46,5	32,6	30,1	7,3	19,1	8,7	22,8
Всего	82,2	139,7	155,9	100	100	100	57,5	70,0	73,7	89,7
Б. Народный доход										
1. Государственный сектор	10,6	23,3	26,7	42,8	52,0	53,2	12,7	119,8	16,1	151,9
2. Кооперативный „	2,4	8,1	9,0	9,8	18,1	17,9	5,7	237,5	6,6	275,0
Итого	13,0	31,4	35,7	52,6	70,1	71,1	18,4	141,5	22,7	174,6
3. Частный	11,7	13,4	14,5	47,4	29,9	28,9	1,7	14,5	2,8	23,9
Всего	24,7	44,8	50,2	100	100	100	20,1	81,4	25,5	103,2
То же в % народн. имущ.	30,0	32,1	32,2	—	—	—	—	—	—	—

Итак, в среднем по всему Союзу на ежегодное накопление по плану предполагается обратить около 32% народного дохода. И, стало быть, на нужды потребления будет обращено до 68%. Нужно сказать, что это очень высокая норма накопления по сравнению с капиталистическими странами. Лишь Соединенные Штаты и Германия в лучшие свои годы к ней сколько-нибудь приближались. Но особенно характерен высокий процент накопления по социалистическому сектору (около 42% в год). Конечно, такой высокий темп возможен только потому, что здесь учтено не только внутреннее накопление за счет прибыли социалистического сектора, но и все те суммы, которые поступают в накопление этого сектора в порядке перераспределения народного дохода из других секторов, т. е. за счет налогов, займов и т. п. Но, во всяком случае, этот темп является наиболее характерным показателем тех сдвигов по линии обобществления народного хозяйства, какие обеспечиваются нашим перспективным планом.

Нужно, однако, заметить, что вышеприведенный темп накопления, благодаря игре индексов при переводе в неизменные цены, представляется нам несколько преувеличенным. Если выразить потребление и накопление народного дохода в червонной валюте каждого года, без всяких поправок на индексы, то получим такую картину (см. табл. 25).

Здесь процент накопления по отправному варианту в среднем за 5 лет не превышает 26% и лишь в оптимальном варианте поднимается до 31%. Однако, чрезвычайно показателен быстрый рост этого процента по обоим вариантам в течение всего пятилетия. Это, конечно, свидетельствует о несомненной напряженности плана. Но в известной мере этот рост можно рассматривать и как прямое следствие быстрого роста обобществленного сектора хозяйства. По мере обобществления все бо́льшая доля прибавочного продукта страны попадает в сферу планового перераспределения. Это отражается и на повышении масштабов бюджетных операций, измеряемых в процентах от всего народного дохода, и на росте всего финплана в целом. А при таком общем росте, даже допуская значительный рост непроизводственного потребления, мы все же имеем возможность одновременно повышать не только абсолютный масштаб, но и *доля* накопления.

Таблица 25

Потребление и накопление народного дохода

(в млрд. руб. по ценам каждого года)

Варианты плана и годы	Народный доход в млрд. руб.	Непроизводственное потребление		Валовые вложения	Амортизация	Накопление в основн. и оборотные фонды		Прирост основных фондов	
		в млрд. руб.	в % гр. 2			в млрд. руб.	в % гр. 2	в млрд. руб.	в % гр. 2
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1927/28	24,7	20,0	81,1	7,99	3,33	4,66	18,9	3,72	15,1
Отправной вариант:									
1928/29	27,5	21,3	77,4	9,70	3,48	6,22	22,6	4,64	16,9
1929/30	30,5	22,8	74,9	11,37	3,70	7,67	25,1	5,84	19,1
1930/31	33,5	24,5	73,0	13,04	4,00	9,04	27,0	6,87	20,5
1931/32	36,9	26,7	72,4	14,58	4,38	10,20	27,6	7,68	20,8
1932/33	40,6	29,6	73,0	15,76	4,81	10,95	27,0	8,54	21,0
За 5 лет . . .	169,0	124,9	73,9	64,45	20,37	44,08	26,1	33,57	19,9
Оптимальный вариант:									
1928/29	27,5	21,3	77,4	9,70	3,48	6,22	22,6	4,64	16,9
1929/30	30,9	22,2	71,8	12.41	3,70	8,71	28,2	6,47	20,9
1930/31	34,8	23,6	67,9	15,22	4,04	11,18	32,1	8,23	23,6
1931/32	38,7	25,8	66,8	17,34	4,49	12,85	33,2	9,39	24,3
1932/33	43,3	28,8	66,4	19,55	5,01	14,54	33,6	10,96	25,3
За 5 лет . . .	175,2	121,7	69,5	74,22	20,72	53,50	30,5	36,69	20.9

В приведенной таблице на первый взгляд может показаться, что повышенный рост доли накопления в оптимальном варианте достигается ценою **снижения** потребления населения. Однако, это неверно. В оптимальном варианте цены всех продуктов снижаются быстрее, чем в отправном. Поэтому, если выразить фонд потребления за 1932/33 год в ценах 1927/28 г., то получим для отправного варианта по розничному индексу 35,5 млрд., а для оптимального—37,0 млрд., т. е. значительно больше. Эти цифры обеспечивают повышение душевого прироста потребления за 5 лет по отправному варианту на 58% и по оптимальному на 66%. Конечно, не весь потребительский фонд обращается на покупку товаров, но приведенные показатели в достаточной степени иллюстрируют, что запроектированное в оптимальном варианте плана накопление отнюдь не угрожает нам реальным снижением уровня личного потребления трудящихся масс.

3. ПРОБЛЕМЫ РЫНКА

Проблема рыночного равновесия в условиях планового хозяйства в последнем счете сводится к запроектированию таких цен реализации намеченных планом масс товарной продукции, при которых спрос широкого рынка покрывается полностью возможным предложением. Но спрос широкого рынка, в свою очередь, определяется запроектированным приростом доходов населения, т. е. намеченным темпом роста зарплаты, повышением урожайности крестьянского хозяйства и целым рядом других проектировок плана, обусловливающих, с одной стороны, рост благосостояния трудящихся масс, а с другой—сумму изъятий из индивидуальных доходов в порядке налогового обложения, займов, сберкасс и т. д. Все эти элементы, определяющие, в последнем счете, соотношение спроса и предложения, поддаются плановому регулированию. Поэтому, если в тот или иной момент мы переживаем кризис сбыта или товарный голод, то это следует рассматривать не в качестве какой-то вне нас стоящей объективной необходимости, а лишь как практически очень сложную плановую задачу, с которой мы до сих пор еще не всегда умеем справляться.

Конечно, в стране диктатуры пролетариата его потребительские интересы приобретают несравнимо большее значение, чем в странах диктатуры буржуазии. Поэтому,

скажем, постоянная тенденция к предельно возможному повышению зарплаты в стране советов может чаще, чем в других условиях, приводить к переоценке намеченных возможностей именно в этом направлении, откуда неизбежно вытекает угроза товарного голода. Наоборот, в странах капитализма постоянной угрозой является призрак относительного перепроизводства и кризиса сбыта. Но, если в последних странах эти кризисы нарастают стихийно, то в наших условиях стихия рынка может быть заранее уложена в то или другое русло в порядке плановой предусмотрительности.

Понятно, что и в наших условиях эта задача на первых этапах нашего развития представляет гораздо бо́льшие объективные трудности, чем этого можно ожидать для последующих моментов. Огромная строительная программа, какую мы намечаем в интересах скорейшей индустриализации страны, создает значительный дополнительный спрос строительных рабочих на предметы широкого потребления, отнюдь не обеспечивая одновременной продукции этих предметов в достаточном количестве для удовлетворения указанного дополнительного спроса. Если бы мы уже сейчас могли пойти по линии более высоких темпов производства средств потребления, чем средств производства, то наша задача разрешалась бы много проще. Но такая „простота" была бы в переживаемый момент по пословице — хуже воровства. Она облегчила бы нам на сегодня рыночное равновесие внутри страны, но понизила бы вес нашей советской системы в решающий момент на весах международного равновесия.

Правильное решение проблемы рыночного равновесия в наших условиях лежит на ином пути. Если мы не можем ускорить в желаемом темпе товарное предложение, то должны замедлить в соответствующей мере рост платежеспособного спроса. Вовлекая в строительство дополнительные кадры рабсилы, мы вынуждены к более медленному темпу роста зарплаты, чем это было бы возможно при иных комбинациях. Но все же мы сможем обеспечить эти кадры и весь пролетариат в целом возрастающими нормами потребления. Конкретно это сводится к проектировке повышающихся темпов накопления в балансе производства и распределения народного дохода, а в балансе спроса и предложения товаров на широкий рынок к такой проектировке цен, зарплаты,

налогов и прочих изъятий, при которых реальный платежеспособный спрос не превысил бы возможного предложения. Теоретически это вполне разрешимая задача. Но огромная трудность будет заключаться в том, чтобы практически не выйти за пределы плана в осуществлении всех намеченных проектировок.

Основным методом поверки всякого плана с точки зрения требований рыночного равновесия является построение провизорного баланса спроса и предложения. Эта задача настолько сложна и теоретически мало разработана, что целый ряд ведомств до сих пор пользуется для ее разрешения различными приемами и приходит поэтому к весьма различным выводам. Именно поэтому при ЦСУ создан специальный экспертный совет по изучению балансов спроса и предложения. Но пока что этот совет находится только еще в самом начале своих работ, и мы еще не могли в достаточной степени опереться на его методологию.

Не имея возможности рассмотреть эту проблему здесь во всех ее деталях, остановимся только на основных выводах и, прежде всего, приведем здесь ту систему индексов, в которой нашла свое отражение намеченная планом политика цен (см. табл. 26).

Сельскохозяйственные цены производителей по обоим вариантам в общем итоге близки к стабильности. Но по отдельным культурам, в зависимости от ожидаемых изменений в издержках производства, намечаются известные изменения. Так, например, при стабильности зерновых культур на уровне 1928/29 г. технические культуры (лен и хлопок) снижаются на несколько процентов, продукты животноводства поднимаются на пару процентов и т. д. В рознице мы проектируем уже заметное снижение сельскохозяйственных цен (на 12—20%) за счет рационализации товаропроводящей сети и, главным образом, за счет вытеснения из оборота частника с его преувеличенной торговой накидкой.

Промышленные цены при снижении себестоимости на 30—35% снижаются в опте только на 20—23%. Объясняется это, с одной стороны, потребностями накопления, а с другой — требованиями баланса спроса и предложения. При более резком снижении этих цен запроектированный планом рост платежеспособного спроса не встречал бы себе достаточного покрытия. В рознице мы проектируем того же порядка снижение, что и в опте.

Таблица 26

Индексы цен (1913 г. = 100)

Показатели	1927/28 г.	1932/33 г.		Изменение в % к 1927/28 г.	
		Отправн.	Оптим.	Отправн.	Оптим.
1	2	3	4	5	6
1. Индекс оптовых цен ЦСУ:					
а) сельскохозяйств. . . .	156	158	150	+ 1,0	— 4,0
б) промышленный	187	151	144	—19,0	—23,0
Тотальный . . .	177	154	147	—13,0	—17,0
2. Индекс розничных цен ЦСУ (общеторговый):					
а) сельскохозяйств.	209	183	166	—12,3	—20,6
б) промышленный	205	165	158	—19,6	—22,9
Тотальный	207	172	161	—16,9	—22,0
3. Бюджетный индекс (по взвешенн. цен.):					
а) сельскохозяйств.	217,0	194,0	182,0	—10,5	—16,0
б) промышленный	217,5	178,0	172,0	—18,0	—21,0
Общий неполный (33 тов.) . . .	217,3	188,0	178,0	—13,3	—18,0
Тотальн. (40 тов.)	205,0	185,0	176,0	—10,0	—14,0
4. Строительный (с учетом рационализации)	247	158	145	—36,0	—41,3

Бюджетный рабочий индекс, благодаря влиянию коммунальных услуг, снижается только на 10—14%. Крестьянский индекс, в котором не играют никакой роли коммунальные услуги, снижается более значительно—на 13—18%. Но особенный интерес представляет проектировка индекса стоимости строительства. Учитывая возможную рационализацию в этой области, план в среднем по всем видам строительства, включая сюда и капитальный ремонт, проектирует снижение на 36—41%. Специально по промышленному строительству, где нынеш-

ний индекс значительно выше среднего, намечается и более резкое его снижение (40—47%). В результате этого снижения индекс строительства, бывший до сих пор выше всех остальных, выравняется с другими индексами и достигнет вполне приемлемой величины. А вместе с тем мы получим огромную экономию в капитальных затратах на строительство. И, наоборот, всякое недовыполнение плана по снижению строительного индекса явится серьезнейшей угрозой и всему плану строительства.

Наряду с ценами важнейшим элементом для построения баланса спроса и предложения является проектировка структуры потребления трудящихся масс. Эта проектировка базируется на анализе фактических бюджетов рабочих и служащих и их структурных изменений под влиянием роста благосостояния, с одной стороны, и сдвигов цен—с другой. В наиболее общих итогах результаты этой работы представлены в табл. 27.

Как видим, намеченный прирост зарплаты довольно существенно меняет структуру пролетарских бюджетов. Доля затрат на коммунальные услуги, культурные потребности и прочие мелкие расходы заметно возрастает. Денежное накопление, из которого, между прочим, значительная доля размещается в государственных займах, тоже заметно растет. А зато доля товарных приобретений несколько снижается. В абсолютных размерах из расчета на душу потребление товаров, конечно, растет и даже весьма значительно. Приведенная таблица не обнаруживает этого в достаточной степени, так как показывает приобретения в сниженных ценах. Если же перевести душевое потребление промтоваров в неизменные цены 1927/28 г., то получим такие показатели:

Годы	1927/28 г.	1932/33 г.	
Потребление:		Отпр. вар.	Опт. вар.
1. Промтоваров:			
в рублях	161	235	246
в %	100	146	153
2. Сельскохоз. тов.:			
в рублях	128	197	218
в %	100	154	170

Проделав соответствующие расчеты для земледельческого населения, а также для непролетарских групп городского населения, причем для последних за отсутствием полных бюджетов пришлось ограничиться лишь

Таблица 27

Структура бюджета городского пролетариата в черв. валюте
(по ценам каждого года)

Статьи бюджета	Общие итоги в млн. руб. 1927/28 г.	1932/33 г. Отправн. вариант	1932/33 г. Оптим. вариант	На 1 душу в руб. 1927/28 г.	1932/33 г. Отправн. вариант	1932/33 г. Оптим. вариант	Структура в % к итогу 1927/28 г.	1932/33 г. Отправн. вариант	1932/33 г. Оптим. вариант
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Доходы	6691	11823	12843	373,8	512,6	530,5	100	100	100
Б. Расходы:									
1. Покупка сельскохоз. продуктов	2891	4847	5009	161,2	210,1	206,9	43,2	41,0	39,0
2. Покупка промтоваров	2288	3724	4174	127,8	161,5	172,4	34,2	31,5	32,5
3. Квартира и коммунальные услуги	582	1100	1220	32,6	47,7	50,4	8,7	9,3	9.5
4. Культ.-просв. и обществ.-политич. расходы	355	922	1053	19,9	40,0	43,5	5,3	7,8	8,2
5. Налоги	20	45	52	1,1	2,0	2,1	0,3	0,4	0,4
6. Прочие расходы	236	520	565	13,3	22,5	23,3	3.5	4,4	4,4
Итого расходов	6372	11158	12073	355,9	483,8	498,6	95,2	94,4	94,0
7. Денежное накопление	334	600	773	18,7	26.0	31,9	50	5,1	6,0
Всего по 1—7	6706	11758	12846	374,6	509,8	530,6	100,2	99,5	100
Балансовая разница	—15	+65	—3	—0,8	+2,8	—0,1	—0,2	+0,5	+0,0
Баланс	6691	11823	12843	373,8	512,6	530,5	100	100	100
То же в %	100	177	192	100	137	142	—	—	—

самыми приблизительными подсчетами, мы получили возможность выявить общую сумму платежеспособного спроса населения. Спрос организованного рынка, равно как и все товарное предложение, дан уже в готовом виде в соответствующих отраслевых планах. И общий баланс спроса и предложения выявился в следующих цифрах (см. табл. 28).

Как и следовало ожидать при том огромном масштабе индустриальной продукции, какой намечен планом, потребность рынка в промышленных товарах в общем вполне обеспечивается возможным предложением. При этом товарные запасы в каналах обращения возрастают на 164%, значительно опережая прирост спроса на широком рынке (+71%). Спрос населения на средства производства растет быстрее, чем на средства потребления. Это, конечно, определяется потребностями крестьянства, которое при росте благосостояния прежде всего стремится полнее удовлетворить свои хозяйственные нужды.

Если исчислить всю сумму выявленных планом потребностей и сопоставить ее с размерами предложения, то получается некоторая балансовая разница. В самых крупных суммах эта разница не превышает 1—2% балансового итога. И при той точности проектировки балансов, какая нам сейчас доступна, такая разница не выходит за пределы вероятной ошибки. Но все же весьма характерно, что в первые годы пятилетки эта разница фигурирует со знаком минус, т. е. указует на недостаток товаров, а к концу пятилетки меняет свой знак на плюс, т. е. говорит уже даже о некотором их избытке.

Следует подчеркнуть, что целью построения провизорных балансов мы отнюдь не ставим себе выявления реальных размеров дефицита или избытка товаров. Если бы такой дефицит или избыток в балансе по своей величине превзошел вероятную ошибку расчета, то пришлось бы изменить те предпосылки, из которых он строится, т. е. масштабы продукции и индексы цен или уровень проектируемой зарплаты, займов, налогов и т. д. до тех пор, пока необходимое рыночное равновесие не оказалось бы достигнутым. Значит, целью баланса является проверка правильности именно этих предпосылок или, говоря иначе, условий искомого рыночного равновесия. В самом балансе показателем его напряженности

Таблица 28

Баланс спроса и предложения промышленных товаров
(в млн. черв. рублей)

Статьи баланса	1927/28 г.	Провизорные балансы (план)						1932/33 г. в % к 1927/28 г.	
		Отправной вариант				1932/33 г.			
		1928/29 год	1929/30 год	1930/31 год	1931/32 год	Отпр. вар.	Опт. вар.	Отпр. вар.	Опт. вар.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Предложение									
1. Запасы товаров к началу года:									
а) у производителей	1250	1350	1450	1600	1750	1950	2100	156	168
б) в товаропроводящих каналах	1630	1982	2342	2743	3174	3825	4302	235	264
Итого запасов	2880	3332	3792	4343	4924	5775	6402	201	222
2. Товарная продукция:									
а) крупной промышл. (с акцизом)	11292	12955	14720	16404	18265	20139	22546	178	200
б) мелкой "	2360	2631	2819	3038	3246	3520	3477	149	147
Итого	13652	15586	17539	19442	21511	23659	26023	173	191
3. Прочее предложение	477	429	580	780	940	1200	1255	252	263
Итого (по 1—3)	17009	19347	21911	24565	27375	30634	33680	180	198

4. Торгово-транспортная накидка . .	3446	3640	4053	4498	4959	5515	5937	160	172
Всего (по 1—4) . . .	20455	22987	25964	29063	32334	36149	39617	177	194
Б. Спрос									
1. Организованного рынка:									
а) на средства производства . .	6905	8296	9314	10314	11170	12114	13234	175	192
б) „ „ потребления . .	1010	1100	1200	1290	1410	1520	1617	150	160
Итого	7915	9396	10514	11604	12580	13634	14851	172	188
2. Широкого рынка (населения):									
а) на средства производства . .	2230	2493	2806	3135	3520	4055	4400	182	197
б) „ „ потребления . .	6380	6631	7404	8087	8796	9551	10307	150	162
Итого	8610	9124	10210	11222	12316	13606	14707	158	171
3. Прочий спрос	406	544	678	787	884	1004	1172	247	289
4. Запасы товаров к концу года:									
а) у производителей	1350	1450	1600	1750	1950	2150	2300	159	170
б) в товаропроводящих каналах .	2309	2683	3137	3625	4376	5200	5940	225	257
Итого	3659	4133	4737	5375	6326	7350	8240	201	225
Всего (по 1—4) . . .	20590	23197	26139	28988	32106	35594	38970	173	189
Балансовая разница . .	—135	—210	—175	+75	+228	+555	+647	—	—
Баланс	20455	22987	25964	29063	32334	36149	39617	177	194

Примечание. В предложении запасы и товарная продукция взяты в оптовых отпускных ценах; в спросе широкий и организованный рынки в ценах потребления, запасы у производителей в оптовых и отпускных ценах, а в товаропроводящих каналах—в ценах себестоимости каждого звена.

или благополучия с точки зрения угрозы товарного голода является масштаб накопления товарных запасов в каналах обращения и соотношение темпов роста спроса и предложения.

О накоплении запасов было уже сказано. В производственных фондах они вследствие намеченной рационализации снабжения относительно падают, но зато в каналах обращения резко растут. Что же касается динамических показателей роста спроса и предложения, то и они в нашем плане достаточно благоприятны. Так, весь спрос широкого рынка за пять лет по отправному варианту возрастает на 58%, а предложение — на 67%, по оптимальному варианту спрос растет на 71%, а предложение—на 81%. И здесь, стало быть, выявляются известные резервы для дополнительного накопления товарных запасов в каналах обращения, сверх того двухнедельного фонда, на который они уже увеличены в строке запасов торговой сети. Предложение отдельных индустриальных товаров на широкий рынок—с учетом сальдо импорта и вычетом потребности организованного рынка — возрастает за пять лет в следующих размерах (см. таблицу 29).

Как видим, предложение водки заметно сокращается по плану в обоих вариантах. Эта плановая инициатива по линии борьбы с алкоголизмом окажется, однако, плодотворной лишь в том случае, если с первых же шагов будет достаточно энергично поддержана всей нашей организованной общественностью, чтобы обеспечить не меньшие достижения на самогонном фронте. Мы не для того сокращаем производство казенного вина, чтобы расчистить почву для процветания самогона. Нашей общественности предстоит выдержать очень трудный экзамен в этой борьбе, доказав на деле, что мы стоим уже на достаточно высоком культурном уровне, чтобы справиться с таким общественным бедствием, как алкоголизм.

Из других промышленных изделий наименьший прирост предложения падает на такие продукты, как соль, потребность в которой легче всего насыщается; значительно быстрее увеличивается предложение таких продуктов, как сахар, обувь, сукно, растительные жиры, потребность в которых далеко еще не насыщена. Но особенно грандиозный рост план обеспечивает сельхозмашинам (включая тракторы) и химическим удобрениям —

Таблица 29

Предложение на широкий рынок отдельных промтоваров

Товары	Единицы измерения	Душевые нормы за год				
		Абсол. величины			1932/33 г. в % к 1927/28 г.	
		1927/28 г.	1932/33 г.			
			Отпр.	Оптим.	Отпр.	Оптим.
1	2	3	4	5	6	7
1. Водка	бут.	5,7	4,5	3,5	79	61
2. Соль	кг.	11,9	13,3	13,3	112	112
3. Махорка	кг.	0,56	0,60	0,68	107	121
4. Ситец	метр	15,2	20,4	21,3	134	140
5. Папиросы	шт.	302	435	436	144	144
6. Спички	короб.	29,9	38,6	47,3	129	158
7. Керосин	кг.	6,2	9,4	10,6	152	171
8. Галоши	пара	0,22	0,31	0,39	141	177
9. Сахар (песок)	кг.	7,7	11,9	13,9	155	181
10. Обувь	пара	0,40	0,65	0,74	164	186
11. Сукно и шерст. товары	метр	0,48	0,84	1,17	175	244
12. Подсолнечное масло	кг.	1,73	3,77	4,33	218	250
13. Чай	кг.	0,17	0,45	0,592	272	359
14. Сельскохоз. машины	рубль	0,94	3,50	4,07	372	432
15. Химудобрения	коп.	4,1	112,3	130,0	2739	3171
Итого в неизмен. ценах	рубль	28,9	43,5	48,3	151	167

в соответствии с намеченной программой развития сельского хозяйства.

Удовлетворит ли такое предложение возможный спрос по каждому из этих продуктов в отдельности? На это не легко дать вполне точный и обоснованный ответ. Только в некоторых частных случаях эта задача несколько облегчается. Так, учтя дополнительную потребность в горючем возрастающего числа тракторов, можно уже сейчас сказать, что намеченный в плане выпуск керосина на широкий рынок окажется недостаточным и его придется увеличить. В других случаях, без построения специальных балансов спроса и предложения по каждому товару в отдельности, такие выводы получить гораздо труднее.

Мы не имеем еще расчлененных балансов по отдельным товарам. Возможно, что и при общем благополучии по всей товарной массе в целом у нас обнаружится все же некоторый дефицит по тем или иным отдельным товарным группам. Тогда придется, конечно, внести необходимые коррективы в план производства таких товаров. Но в общем, уже теперь можно сказать с уверенностью, что все возможные просчеты такого рода не смогут изменить общей картины.

В наших проектировках имеются достаточные резервы, а в плановой системе — достаточные рычаги для того, чтобы, не меняя общих контуров плана, внести нужные частные коррективы, если они потребуются, и обеспечить в конце-концов необходимое нам рыночное равновесие.

1929 г.

В БОРЬБЕ ЗА ПЛАН

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СССР И ЭПИГОНЫ НАРОДНИЧЕСТВА

1. К ВОЗРОЖДЕНИЮ НАРОДНИЧЕСТВА

Идеология народничества всегда заключала в себе черты реакционной утопии. Надежды на то, что Россия, минуя стадию капитализма, прямо через нашу сверху донизу подгнившую сельскую общину попадет в царство коммунизма, были насквозь утопичны и реакционны. Они приводили к слепой идеализации безнадежно отсталых форм сельского хозяйства и к сплошному отрицанию действительно прогрессивных сдвигов страны в сторону насаждения крупной фабрично-заводской индустрии. Чуждые диалектической логике народники не видели, что успехи крупной индустрии, шествовавшей у нас под знаменем капитализма, несмотря на все отрицательные стороны последнего, являются все же огромным прогрессом по сравнению с изживаемыми на его пути пережитками феодально-крепостного уклада деревни. Они не понимали, что путем мощного развития крупной индустрии капитализм повышал общий уровень производительных сил страны на такую высоту, на которой он уже перерастал старые формы государственного и социального равновесия и властно ставил в порядок дня политическую, а затем и социальную революцию. Народники расценивали нашу победно растущую промышленность, как искусственно взращиваемый за счет „народных" соков чужеядный цветок, с которым у них не связано было никаких программ действия, никаких надежд. Они угрюмо отходили в сторону от фабричной копоти и шума и, сойдя, таким образом, с большой дороги русской революции, отдавались: в теории—революционной фразеологии, а на практике—проповеди малых дел народолюбия и питанию в собственной среде разных крестьянофильских иллюзий.

В настоящее время, через десять лет после Октябрьской революции, разумеется, нет уже никакой почвы для старонароднической идеологии. Махровые цветы революционно-народнической фразы о борьбе с царизмом за социализацию земли давно уже за полной ненадобностью облетели, тусклые огни, якобы „социалистического“ отрицания российского капитализма, увы, вместе с ним догорели. Облетели цветы, догорели огни... Но не в этих цветах и огнях революционной романтики, повидимому, теплилась подлинная душа нашего российского народничества. Его классовая подоплека—интересы так наз. „трудового“ крестьянства—сохранилась и ныне в полной своей неприкосновенности. Эти интересы попрежнему требуют своего идеологического отображения хотя бы и в новых формах—применительно к новой обстановке. А если есть такой спрос, неизбежно появляется и предложение. И мы уже теперь вполне явственно можем указать все основные элементы кристаллизующейся на наших глазах новонароднической идеологии.

Особенно благоприятным моментом для оформления этой идеологии явился тот момент, когда мы подошли вплотную к концу восстановительного периода в нашем народном хозяйстве и на очередь была выдвинута основная проблема дальнейшего развития: по пути индустриализации или аграризации страны. В этот момент, как известно, даже в нашей собственной марксистской среде обнаружилось некоторое разномыслие, наметились разные довольно пестрые аграрные уклоны и уклончики. И хотя они встретили более чем дружный отпор в рядах партии пролетариата, тем более сочувственный отклик и развитие нашли себе эти уклоны в идеологически чуждой нам среде—за пределами партии и марксизма.

Нет нужды говорить, что в выступлениях против намеченной нами линии на индустриализацию со стороны отдельных марксистов, вроде тов. Сокольникова или тов. Шанина и таких эпигонов народничества, как скажем, проф. Н. Д. Кондратьев и проф. Н. П. Макаров, имеются весьма существенные различия. Но не в них сейчас дело. Нас интересует здесь только идеология этих эпигонов.

Как и следовало ожидать, наиболее острый с ними спор у нас должен был возникнуть вокруг плановых перспектив нашего хозяйственного развития.

Эпигоны народничества никак не могут примириться с тем весьма энергичным темпом развертывания промышленности, какой намечается в наших планах. Правда, это уже не капиталистическая промышленность, но все же они и сейчас не прочь рассматривать ее как искусственно насаждаемый чужеядный цветок, который сможет столь ярко распуститься на нашей почве лишь в ущерб сельскому хозяйству за счет сугубого истощения жизненных соков деревни. Только таким подходом и можно себе объяснить истерические выступления проф. Кондратьева на съезде плановиков об ужасно тяжелом положении забытой деревни, уровень благосостояния которой будто бы уже и ныне вдвое ниже довоенного и которой намеченные пятилеткой перспективы индустриализации угрожают еще новыми, доныне неиспытанными бедствиями. Конечно, в этих типично народнических ламентациях и на этот раз, как и всегда, было гораздо больше пылкой экспрессии, чем холодной логики. И уже в порядке исправления своей стенограммы почтенный профессор внес в нее некоторые весьма существенные поправки. Но и в других, более продуманных своих выступлениях против намеченной индустриализации страны, наши эпигоны народничества упорно отстаивают свои аграрно-крестьянофильские позиции. И в интересах очищения общественной атмосферы от всяких демагогических миазмов мы должны серьезно посчитаться с этой кампанией.

Интересы подлинной смычки пролетариата с середняцко-бедняцкими массами деревни настоятельно требуют от нас в указанном отношении полной договоренности и ясности. Нам не нужно для этого никаких посредников, выступающих в роли непрошенных радетелей деревни. Но именно для того, чтобы надолго отбить у них охоту выступать в этих ролях, мы должны оценить по достоинству всю их идеологическую аргументацию и все их ламентации и показать всем и каждому воочию, чего они стоят.

2. НА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Выступая против основных позиций Госплана в области индустриализации страны, наши идеологические противники начинают издалека. Они прежде всего обрушиваются на нашу методологию планирования.

Методология планирования—область, весьма мало исследованная. И мы с охотой прислушиваемся к каждому новому слову, сказанному в этой области. Но, к сожалению, наши противники немного дают в этом отношении. В сущности, своей задачей проф. Кондратьев и его друзья ставят не столько разработку или критику тех или иных конкретных методов построения перспективных планов, сколько постановку более общей задачи о пределах и возможностях планового предвидения вообще. И разрешают они ее, как и следовало ожидать, весьма ограничительно.

По мнению проф. Кондратьева, содержание всякого плана сводится к правильному научному предвидению тех или иных путей грядущего хозяйственного развития в данной области. Возможности научного предвидения в области общественного хозяйства, однако, чрезвычайно ограничены. А потому прежде всего мы должны ограничить свои прогнозы лишь областью наиболее основных линий хозяйственного развития. Да и эти прогнозы лучше всего было бы ограничить лишь качественными характеристиками, не стремясь, по возможности, к цифровому выражению даже наиболее общих тенденций.

В отношении возможности предвидения таких событий, как „конкретные размеры урожая или промышленного производства на определенную дату, конкретные размеры экспорта, конкретный уровень цен в определенный момент времени и т. д.“, проф. Кондратьев вообще настроен более чем скептически. „Для того, чтобы предвидеть их точно,—замечает он,—нам нужно было бы располагать почти идеальным знанием хозяйственного положения в исходный момент и почти всей совокупности закономерностей хода относящихся сюда окружающих событий“ [1]. А поскольку такими знаниями мы не располагаем, то, очевидно, и всякие попытки планового предвидения подобных событий заранее осуждены на неудачу.

Будучи последовательным на своем пути, проф. Кондратьев должен был бы притти к тому уже давно провозглашенному буржуазной наукой выводу, что сама задача планового социалистического хозяйства иррациональна, т. е. научно неразрешима, а потому, если научный социализм все же ставит перед собой

---

[1] Пути Сельского Хозяйства, 1927, № 2, стр. 13—14.

такую проблему, то он впадает в этом пункте в несомненную утопию.

Так далеко, однако, проф. Кондратьев не идет. Он сам активно участвовал,—хотя и без особенного успеха,—в плановой работе Земплана. И это кое к чему обязывает.

Но уже в самом его подходе к задачам хозяйственного плана заложено глубочайшее внутреннее противоречие. Если бы задачи плана сводились к задачам научного предвидения того хода вещей, который целиком обусловлен совокупностью известных нам и еще неоткрытых объективных закономерностей, то нам вовсе не нужно было бы планировать. В самом деле, какой смысл заключался бы в „плане“ проведения затмения солнца или осуществления капиталистического кризиса в установленные научным прогнозом числа и сроки? Ведь эти события не нуждаются в нашем содействии к их осуществлению!

Если бы наше народнохозяйственное будущее на все сто процентов было уже продетерминировано обстоятельствами, от нашей воли не зависящими, то бесцельно было бы строить какие бы то ни было планы народного хозяйства. И в капиталистическом строе, подчиненном в своем развитии стихийным законам рынка, их не строили. Но мы уже в достаточной степени освободились от *безраздельного* господства этой слепой стихии. Октябрьская революция уже приоткрыла нам двери из царства необходимости в царство свободы. И мы теперь более чем когда-либо вправе вслед за Марксом поставить перед собой новую задачу.

—Мы до сих пор только изучали мир, но дело идет о том, чтобы *изменять* его.

Именно поэтому, в отличие от проф. Кондратьева, характерной особенностью всякого хозяйственного плана мы считаем не элементы вкрапленного в этот план научного предвидения, а целевую установку плана как *системы хозяйственных заданий и предуказаний*. Это не освобождает нас, конечно, от необходимости реального учета наших объективных возможностей при построении такой системы заданий. Научные исследования наличных ресурсов и объективных тенденций хозяйственного развития страны составляют необходимую *предпосылку* планирования, но отнюдь не определяют собою самого содержания плана. Опираясь на одни и те же познавательные ресурсы, идеологи различных социальных групп могут построить весьма раз-

личные планы. У одних, напр., может при этом получиться план индустриализации, а у других план аграризации страны.

С точки зрения их научной обоснованности оба такие плана могут оказаться равно возможными. Но осуществится из них на деле только один: тот, который будет принят к исполнению и активно поддержан волевыми усилиями трудящихся масс. Концентрировать и мобилизовать коллективную волю производителей на тех или иных хозяйственных задачах — вот в чем видим мы основное назначение плана. А это далеко выходит за пределы чисто познавательных задач кабинетной науки.

Кабинетные ученые часто забывают, что коллективная воля производителей есть тоже один из факторов хозяйства и притом — в наших условиях — далеко не последний. Они и не подозревают, что всякий объективный „прогноз" будущего, игнорирующий этот субъективный фактор, не может в наших условиях иметь научного значения. Чтобы избежать этой ошибки, эти ученые должны бы в число своих познавательных задач при построении хозяйственного плана включить и задачу предвидения коллективной воли производителей. Это отнюдь не безнадежная задача, конечно. Но проблема предвидения волеустремлений того или иного класса по самому своему существу в высокой степени пассивна. Мы ставим ее себе при построении наших планов гораздо активнее. Мы не ограничиваем себя задачей стороннего наблюдения в целях предвидения тех или иных волеизъявлений масс, мы сами, сознавая себя элементом этих масс, стремимся активно сформировать и сконцентрировать их волю на определенных конкретных заданиях, идущих по пути осуществления конечных идеалов пролетариата.

Конечно, это нелегкая задача. Выдвигаемые нами проблемы и намечаемые планом мероприятия для их осуществления могут в том или другом случае и не привлечь к себе достаточного внимания трудящихся масс; более того, иной раз они могут быть даже прямо отвергнуты по тем или иным соображениям теми органами, которые от имени пролетариата осуществляют власть в стране. Несомненно, такие — неподдержанные коллективной волей пролетариата — плановые мероприятия не осуществятся, хотя бы с точки зрения всех остальных — объективных моментов хозяйства — они

были задуманы совершенно правильно и вполне реально. Но может ли это в какой-либо мере дискредитировать нашу общую целевую установку и понимание задач планирования?

С точки зрения проф. Кондратьева—может. Подкрепляя свой принципиальный скептицизм в отношении возможностей планирования неоднократными ссылками на конкретные „просчеты“ и „ошибки“ Госплана, он особенно охотно пользуется опытом 1925/26 г. Вот, мол, в директивах контрольных цифр на 1925/26 г. предполагалось снижение оптовых цен, а они повысились; в отношении экспорта, эмиссии и текущих счетов в кредитных учреждениях намечалось такое-то повышение, а получилось совершенно иное и т. д. Конечно, ни для кого не секрет, в том числе и для проф. Кондратьева, какая судьба постигла наш проект контрольных цифр на 1925/26 г. Как известно, комиссия тов. Каменева, которая по поручению СТО должна была вынести от имени правительства свою резолюцию о „Контрольных цифрах“ Госплана, ни разу не собралась, и потому этот документ остался без всякой санкции. Они не были отвергнуты, но в то же время никто не был обязан и принимать их к исполнению. Казалось бы, что в таких условиях нельзя еще трактовать те или иные директивы этого года, как ошибочные, только потому, что они не осуществились. Почему бы, в самом деле, выполнялись в ста процентах даже те директивы Госплана, которые никем не приняты к исполнению?

Но не так думает проф. Кондратьев. „Раз известная система мероприятий предполагалась, а потом не осуществилась, значит,—отвечает на такие сомнения наш ученый профессор,—предположения по поводу ее были нереальны, значит, прогноз вероятного направления мероприятий был ошибочен. Значит, и в целом прогноз в той форме, как он был сделан, оказался не под силу“ [1].

В чем соль этого столь глубокомысленного замечания? Не в том ли, что даже система мероприятий, составляющая душу всякого плана, должна строиться не в порядке волевой установки, а в порядке „прогноза“, т. е. объективного предвидения наиболее вероятного хода вещей. Однако, прибегать к теории вероятности для

[1] Пути Сельского Хозяйства, 1927, № 2, стр. 14. Разрядка наша.

того, чтобы определить, чего мы хотим в своих планах,—нет необходимости. Если же мысль автора заключается в том, что хорошие плановики должны из пиетета к научной объективности превратиться в ученых кастратов, лишенных всяких собственных страстей и устремлений, и „хотеть“ лишь того, что по теории вероятностей является наиболее осуществимым в данных условиях времени и места, то он глубоко заблуждается. Кастрировать плановую волю пролетариата в нашей стране не удастся даже столь просвещенным критикам наших методов планирования, каким является проф. Кондратьев.

Мы охотно допускаем, что проф. Кондратьеву или какому-либо иному эпигону народничества представляются наиболее „вероятными“, с точки зрения их „приемлемости“ и осуществимости в нашей крестьянской стране, те мероприятия, какие, хотя бы ценою обращения СССР в колонию иностранного капитала, будут обеспечивать у нас наибольшее развитие сельскохозяйственной—зерновой и сырьевой—продукции для экспорта за границу. Но если бы это было и так, советский пролетариат не признал бы такую целевую установку своей программой и не пошел бы по этому самоубийственному для него пути. Мы никогда не откажемся от своих целей только потому, что они не обеспечены стопроцентной вероятностью их осуществления, ибо воля пролетариата и наши планы, концентрирующие эту волю для борьбы за поставленные им перед собой задачи, сами могут и должны стать тем решающим шансом, какого недоставало для их успешного разрешения.

Но, может быть, в задачи прогноза реальности предлагаемых Госпланом мероприятий, по мнению проф. Кондратьева, должно входить „предвидение“ и таких обстоятельств, как то, соберется ли комиссия тов. Каменева во-время для их утверждения или нет, будут ли они этой или иной комиссией целиком одобрены или в известной части отклонены и т. д. Если отсутствие такого прогноза наш критик считает признаком нереальности наших планов, то он по своему прав, конечно. Реализм планов можно себе мыслить по разному. Если подходить к плановому делу по-чиновничьи, то, пожалуй, и впрямь верхом реализма будет построить такой план, который лучше всего соответствует щедринскому—„чего изволите“. Но в советских условиях нет места для таких подходов. Нам не приходится заботиться и строить про-

гнозы о том, чего изволит „начальство“. Наш план должен лишь творчески осмыслить и отобразить на данном отрезке времени кратчайший путь к социализму. И если это важнейшее условие соблюдено, если в этом отношении план задуман реалистически, то мы не сомневаемся, что немного раньше или немного позже такой план будет у нас воспринят и приведен в действие. Таким образом, мы заранее готовы к тому, что далеко не всякая наша плановая идея будет сразу же воспринята всей советской общественностью. Нет, мы готовы к длительной и упорной борьбе за плановое начало вообще и за те частные плановые идеи, которые по тем или иным причинам требуют для своего признания известного времени и проверки жизненным опытом.

Основное наше разногласие с проф. Кондратьевым в области методологии планирования сводится к тому, что он до сих пор еще трактует наше советское хозяйство, как хозяйство капиталистического типа.

В капиталистическом хозяйстве тоже приходилось кое-кому строит перспективные хозяйственные расчеты. Проф. Кондратьев в качестве примера таких расчетов приводит исчисления грузооборота и рентабельности проектируемых железных дорог, перспектив заселения имеющихся земель в Северо-Американских Соединенных Штатах к 1950 г. и др. Все такие расчеты ставят своей задачей лишь более или менее грубую хозяйственную ориентировку в порядке предвидения будущего, исходя из экстраполяции на ряд лет вперед тех коэфициентов прироста населения, продукции, грузооборота и т. д., какие определились из прошлого. Такого рода расчеты вполне приемлемы для нашего профессора. Более того, он великодушно допускает у нас даже более широкое применение подобных перспективных „предвидений“, чем то, какое наблюдалось в капиталистическом хозяйстве. „Мы отдаем себе полный отчет в том,—говорит он,—что наше государство, руководящее значительным сектором всего народного хозяйства и ставящее своей задачей глубокое воздействие на остальной сектор его, стоит перед более сложными проблемами, чем частный предприниматель или капиталистическое государство. Оно нуждается поэтому и в более объемлющих и широких перспективных построениях“ [1]. Но это

[1] Пути сельского хозяйства, 1927, № 2, стр. 30. Разрядка наша.

количественное расширение, в представлении нашего профессора, отнюдь не должно перейти в качественно иной подход к построению планов в новых условиях.

Он не видит, что если в капиталистическом хозяйстви, т. е. при безраздельном господстве стихийных процессов развития, мы вынуждены были ограничиваться выявлением—путем экономического анализа и грубых цифровых экстраполяций от прошлого к будущему—лишь наиболее основных тенденций развития, то для новых хозяйственных условий такое пассивное предвидение будущего является уже преступным капитулянтством перед наполовину обузданной стихией. Почему мы должны заниматься пассивным предвидением даже того, что в нашей воле активно предуказать? Являясь уже полновластным хозяином 96% фабричнозаводской продукции, советское государство приглашается к кабинетному предвидению того, кому оно захочет реализовать эту продукцию, на каких условиях и т. д., вместо того, чтобы разумно управлять этим хозяйством в согласии с намеченными им задачами.

Приглашая плановиков к усилению экономического анализа, проф. Кондратьев сам настолько мало уделяет ему внимания, что просмотрел даже то принципиальное различие в экономике советского хозяйства по сравнению с капиталистическим, которое на голову опрокидывает все его представления о роли предвидения в плановой методологии.

Мы не отказываемся ни от выявления стихийных тенденций развития в тех отраслях нашего хозяйства, где они сохраняют еще свое значение, ни от приемов прогноза методами экстраполяции по статическим и динамическим коэфициентам, в тех случаях, где у нас нечем еще их заменить, но все эти методы и приемы имеют для нас лишь чисто подсобное и притом служебное значение. Уже теперь мы не видим в СССР таких областей хозяйства, в которых бы целиком господствовали независящие от нашей воли законы хозяйственной стихии. А раз это так, то за начало координат при постройке наших планов мы можем и должны избирать не то, что может быть предусмотрено в порядке прогноза, а то, что может быть предуказано в порядке целевой установки

Мы знаем, что все отрасли хозяйства связаны между собою неразрывною цепною связью взаимной обусло-

вленности. Построить перспективный план всего народного хозяйства при этих условиях путем простого сложения изолированно друг от друга построенных планов отдельных отраслей хозяйства—невозможно. Мы преодолеваем эту трудность тем, что выбираем из всех отраслей хозяйства в качестве ведущего звена лишь одну, проектировка которой по закону цепной связи должна последовательно определить собой перспективы развертывания и всех других звеньев. Если бы при этом в качестве такого ведущего звена мы избрали, скажем, сельское хозяйство с его 25 миллионами индивидуально хозяйствующих субъектов, то здесь нам в максимальной степени пришлось бы посчитаться с законами неорганизованной стихии. Предвидению, путем выявления стихийных тенденций развития и экстраполяции от прошлого к будущему по разным коэфициентам, пришлось бы, к полному удовлетворению проф. Кондратьева и его друзей, отвести здесь первое место. А в результате перехода от сельского хозяйства к другим отраслям по законам цепной связи печать этой индивидуалистической стихии отживающего прошлого со всеми ее омертвевшими коэфициентами легла бы и на все другие части перспективного плана. Например, экстраполированные из прошлого коэфициенты прироста продукции сельскохозяйственного сырья ограничили бы в наших планах развертывание соответствующих отраслей промышленности, грузооборота и т. д.

Но наша задача не увековечить те или иные коэфициенты прошлого, автоматически перенося их в будущее, а радикально изменить их в интересах этого будущего. Уже поэтому ясно, что нас отнюдь не прельщают методы автоматической экстраполяции коэфициентов капиталистического прошлого в социалистическое будущее. И потому, в качестве ведущего звена хозяйства, мы избираем ту его отрасль, которая в наибольшей степени обобществлена и всецело подчинена нашему волевому на нее воздействию. Таким ведущим звеном у нас мы считаем крупную промышленность, перестраиваемую нами на базе электрификации. Здесь и в планах намечаемого нами переоборудования старых заводов, и в проектах нового индустриального строительства уже не приходится слишком много внимания уделять выявлению каких-либо с т и х и й н ы х   т е н д е н ц и й. Инженерская проектировка таких планов вполне определяется целевыми заданиями

и трезвым учетом наличных для их осуществления в стране производительных сил и ресурсов. А вместе с тем, раз эти задания уже сформулированы, они по закону цепной связи определят собой не только размах роста промышленности, но и сырьевой продукции сельского хозяйства, и грузооборота страны, и товарооборота, и всех остальных важнейших элементов народного хозяйства.

Конечно, следуя в проектировке плана от ведущего звена—промышленности—по полигону цепной связи с нею всех остальных звеньев народного хозяйства, мы должны будем в последнем счете вновь вернуться к промышленности и посмотреть, отвечает ли и она тем встречным требованиям, какие к ней могут быть предъявлены со стороны других отраслей хозяйства. Для того, чтобы весь указанный полигон замкнулся без всякого разрыва и дал при балансовой проверке достаточные соответствия между производством, потреблением и накоплением во всех отраслях хозяйства, нужны очень отчетливое знание цепной связи отдельных отраслей хозяйства между собой и очень точные технические расчеты при взаимной их увязке. Известно, что даже при гораздо более простой операции—инструментальной съемке на план какой-либо местности—тот полигон, который наносится на планшетку и который при точном отсчете всех углов должен бы в точности сомкнуться, никогда на деле сразу не смыкается. Гораздо труднее получить полную увязку всех частей в плане, охватывающем все народное хозяйство в целом. И так как обнаружить неувязку плана можно лишь дойдя до *последнего* его звена, то необходимые поправки приходится затем проводить *по всем звеньям цепи*, от первого до последнего. А в результате может получиться новая неувязка, хотя бы и меньшего значения. И тогда снова придется внести в ведущее звено добавочные поправки и снова провести их по всем звеньям от первого до последнего.

Этот путь *последовательных вариантных приближений* к целостному, внутренне увязанному во всех частях народнохозяйственному плану мы и применяем в своей проектировке перспективных планов.

Осуществляемая этим путем задача построения плана, как *системы цифровых заданий* всем отраслям хозяйства, очень далека, конечно, от представлений проф. Кондратьева о задачах планирования путем про-

гноза основных тенденций хозяйственного развития. Применяемый нами метод следования от основной директивы плана на индустриализацию страны к частным цифровым заданиям, необходимым для реализации этой директивы, по всем звеньям народнохозяйственного полигона совершенно не понят почтенным профессором. Всякую цифру плана, т. е. всякий элемент расчета передачи основных директив плана по всей цепи хозяйственных звеньев для балансовой их увязки, он рассматривает, как особое предсказание. Его возмущает обилие и детализация этих „прогнозов", далеко выходящих за пределы возможного научного предвидения, и он смело квалифицирует такой подход к плану, как „фетишизм цифры".

Но фетишизирует наши цифры, придавая им несвойственное значение, не кто иной, как проф. Кондратьев. Мы сами отнюдь не придаем им значения предсказаний. Чтобы понять всю нелепость его цифробоязни, представим себе, что, изучая проект Днепростроя, мы не нашли бы в нем цифрового ответа, скажем, на такие вопросы: во что обойдется нам эта постройка, сколько она потребует разных материалов и труда для своего осуществления, какова будет продукция станции, себестоимость и продажная цена одного киловатта энергии, рентабельность проектируемых вложений и т. д., и т. д. Мы, конечно, ни на минуту не заблуждаемся насчет значения тех цифр, какие нам предлагаются в проекте в ответ на такие вопросы. Это ориентирующие нас расчетные цифры, а не прогнозы в кондратьевском смысле. Если проект отвергается, то ни одна из них сама по себе не имеет никаких шансов на осуществление. Но даже в том случае, если проект получает санкцию, мы знаем, что нередко, как показывает нам опыт хотя бы Волховстроя, такие расчетные цифры отнюдь не оправдываются на все сто процентов в отчетных. И все же мы не могли бы утвердить проект Днепростроя без самых детальных цифровых расчетов, освещающих указанные вопросы. И непонятно, почему это в меньшей мере необходимо, если вместо одного Днепростроя нам нужно обосновать целесообразность капитального строительства, эквивалентного десяткам или даже целой сотне днепростроев.

Характерно, что проф. Кондратьев отнюдь не выражает никакой цифробоязни, когда он подходит к такому хозяйственному плану, какой представляет, скажем, еже-

годный государственный бюджет любой капиталистической страны. А ведь в бюджете все параграфы и статьи его приходной и расходной сметы тоже представляют собою прежде всего лишь облеченные в цифровое выражение волеизъявления государственной власти, а не кабинетные прогнозы того, что должно осуществиться в силу объективных тенденций экономического развития, независимо от чьей-либо воли. На компетенцию буржуазных государств строить такого рода директивные планы и осуществлять их с достаточной степенью точности проф. Кондратьев не посягает. Но вот если советское государство применительно к своему гораздо более широкому охвату всех командных хозяйственных позиций в стране приходит в постройке своих плановых директив от проектировки одного лишь государственного бюджета к „контрольным цифрам" всего народного хозяйства, то наш ученый профессор сразу же приходит в состояние смертельного беспокойства о том, что мы слишком много проектируем цифр и явно выходим за пределы возможного „предвидения".

Это беспокойство было бы, конечно, совершенно неуместным для эпигонов народничества, если бы наши контрольные цифры были только „прогнозами", да еще к тому же плохими, поскольку они выходят за пределы возможного предвидения. Поскольку эпигонам народничества в их устремлениях на аграризацию страны совсем не по дороге с нами в нашей целевой установке на индустриализацию, они могли бы только радоваться, что мы так неумело планируем, строя несбыточные, никуда негодные прогнозы. И если они все же беспокоятся, то именно потому, что отлично чувствуют директивное значение наших контрольных цифр и отнюдь не столь уверены в их несбыточности, сколь им этого хотелось бы.

Директивного значения наших планов отнюдь не отрицает даже проф. Кондратьев. Он лишь хочет свести его к минимуму такой постановкой проблемы планирования, по которой не плановые директивы должны определять собою направление нашего хозяйственного развития, а, наоборот, они сами должны определиться прогнозом тенденций стихийного хода событий. Прогноз выдвигается здесь на первое место. Его роль уже не служебная, а определяющая при построении хозяйственных перспактив ...„Выдвигая те, а не иные перспективы,—

замечает проф. Кондратьев,—мы тем самым даем или, точнее, принимаем на себя определенную директиву в организации наших мероприятий и действий“ [1].

Этот прекрасный рецепт—не давать, а „принимать на себя“ плановые директивы—чрезвычайно поучителен. В стране сложились определенные общественные отношения, кратко именуемые: диктатура пролетариата. Пролетариат дорогой ценой—ценою своей крови и многолетних героических усилий—завоевал, наконец, себе возможность свободно претворять свою волю в действие. Это—бытие. Но вот на сцену выскакивает некий лабораторный гомункулус, олицетворяющий в своих прогнозах будущего примат „сознания“, и провозглашает перед лицом освобожденного пролетариата:

Стой! Ты должен не давать, а „принимать на себя“ продиктованные моим „сознанием“ директивы и программы действий...

Нет, уважаемый гомункулус, напрасно беспокоитесь. Не пройдет у нас эта идеология.

3. НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Наша плановая практика привлекает критическое внимание эпигонов народничества, разумеется, в еще большей степени, чем плановая теория. Правда, эта практика имеет пока еще слишком недолгую историю. Но все же она уже имеет ее. И наши критики очень усердно стараются извлечь из нее все, что только может быть поставлено в упрек нашей экономической политике вообще и нашей плановой практике в частности.

Посмотрим же, насколько им это удается.

С особенным удовольствием наши критики пляшут и играют по поводу „ошибок“ и „просчетов“ первых контрольных цифр Госплана на 1925/26 г.,—тех самых, которые комиссия тов. Каменева так и не удосужилась ни принять, ни отвергнуть.

Основной их грех, по представлению народнической критики, заключается в том, что они наметили черезчур резкий курс на индустриализацию. Запроектированные размеры капитальных вложений в промышленность не соответствовали фактическому темпу накоплений в стране, и потому стремление осуществить эту непосильную задачу

---

[1] Пути сельского хозяйства, 1927, № 2, стр. 11. Разрядка наша.

могло лишь привести нас к перенапряжению наших средств и в области кредита и в области эмиссии, и в других областях, а такое перенапряжение неизбежно должно было стать источником целого ряда хозяйственных затруднений.

Хозяйственные затруднения в 1925/26 г. у нас, действительно, наблюдались. И поэтому неудивительно, что всякое правдоподобное их объяснение ошибками плана воспринималось нашими хозяйственниками без особой критики. Одно время пользовалось у нас успехом и это приведенное выше объяснение. Но теперь прошло уже достаточно времени, чтобы, вооружившись фактами и цифрами, проверить его основательно. Мы не сомневаемся, что для народнической психики наши шаги по пути индустриализации всегда будут казаться слишком поспешными. Но могут ли наши наметки в этой области быть признаны чрезмерными с объективной точки зрения, об этом лучше судить по следующим фактам.

По первоначальному варианту контрольных цифр на 1925/26 г. капитальные вложения в промышленность без электрификации были Госпланом определены в 800 млн. черв. руб.[1] Но, как указывалось уже, эти цифры не были утверждены. По плану же промышленности была утверждена, правда, с порядочным запозданием, только 23 марта 1926 г., программа вложений в сумме 820 млн. руб., включая 75 млн. руб. условных заграничных кредитов, а за вычетом их — 745 млн. руб. Заграничные кредиты запоздали и не были использованы в данном году. Но зато сверх основного плана правительством дополнительно в течение года было утверждено по разным отраслям промышленности еще на 42,8 млн. руб. вложений. Таким образом, всего утверждено было вложений на сумму 788 млн. руб., не считая иностранных кредитов[2], т. е. всего на 1,5% меньше первоначальной программы. При этом надо вспомнить, что резкая критика контрольных наметок Госплана за их преувеличенность и чрезмерный оптимизм началась со стороны разных профессоров—Литошенко, Макарова и прочей ученой братии проф. Кондратьева—еще с августа 1925 г. И правительство имело достаточно времени, чтобы взвесить всю их

[1] Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г., 2-е изд., стр. 36—37. 1925.

[2] Сводный производственно-финансовый план госпромышленности, стр. 122 и след. М., 1927.

аргументацию и учесть все уже выявившиеся за полгода действительные просчеты контрольных цифр, прежде чем оно утвердило вышеуказанную сумму вложений.

Но, может быть, в данном случае не только Госплан, но и правительство просчиталось, наметив себе такую программу, какая, если поверить проф. Кондратьеву, заведомо была нам „не-под силу“?

Лучший ответ на это могут нам дать лишь отчетные цифры о фактическом выполнении вышеуказанной строительной программы. Мы знаем теперь, что вследствие запоздания в утверждении, недостаточной организационной подготовки и многих других детских болезней нашего строительства в ней допущено было очень много серьезных промахов и ошибок, но, тем не менее, по своему объему она отнюдь не оказалась для нас непосильной. Уже в предварительном отчете Промфинплана значится фактически израсходованной на строительство сумма в 780 млн. руб., что составляет 99% утвержденного плана. А в докладе тов. В. В. Куйбышева IV Съезду Советов мы находим следующие строки.

„Проверка отчетных данных за 1925/26 г. показывает, что действительный объем капитальных работ будет превышать 800 млн. руб., так как *часть капитальных работ была отнесена насчет текущего ремонта*“[1].

Как велика эта часть, мы еще не знаем[2]. Но мы можем привести следующую справку. По 60 трестам общесоюзной промышленности с основным капиталом в 3025 млн. черв. руб. и выпуском продукции по себестоимости в 2333 млн. руб. капитальный ремонт за 1924/25 г. составил 60,9 млн. руб., а текущий—130,2 млн. По эмпирическим коэфициентам из заграничной практики известно, что капитальный ремонт нормально достигает около 2,5% от выпуска продукции, а текущий—только 1,75%, т. е. всего 0,7 от капитального. В нашем же случае на капитальный ремонт затрачено 2,6%, т. е. по норме, а на текущий—5,65% стоимости выпуска, т. е. в 3,2 раза

[1] Промышленность СССР к IV Съезду Советов. Материалы к докладу председателя ВСНХ СССР В. В. Куйбышева, стр. 12. М., 1927. Разрядка наша. В более поздних подсчетах ВСНХ дается уже цифра в 811 млн. руб.

[2] По последним имеющимся у нас сведениям сумма сделанных уже поправок по этой статье дала 23444 тыс. руб. Но это, несомненно, еще сильно преуменьшенный итог.

выше нормы. Отсюда нетрудно заключить, что в 1924/25 г. только по указанным 60 трестам под видом „текущего“ ремонта, т. е. без всякого плана, было произведено капитальных затрат на сумму не менее 87 млн. руб., а если сделать поправку и на остальные, не учтенные нами тресты с основным капиталом 2475 млн. руб., то общий итог таких внеплановых капитальных вложений по всем предприятиям ВСНХ составит, вероятно, до 150 млн. руб. или около того. За 1925/26 г. только по 75 трестам „текущий“ ремонт поглотил 214 млн. руб. при капитальном ремонте в 90 млн. руб., что обозначает перерасход по текущему ремонту сверх нормы в 151 млн. руб. А если сделать поправку и на неучтенные тресты, то этот перерасход придется увеличить еще миллионов на 80.

О чем же это говорит? О недостатке или избытке ресурсов для капитальных работ? Если мы ежегодно сверх плана капитальных вложений, выполняемого с достаточной точностью, ухитряемся находить еще десятки, если не сотни миллионов рублей, и для превышения этого плана в порядке анархических к нему поправок за счет внутренних ресурсов промышленности, то это отнюдь не может служить доказательством непосильности для нас того темпа индустриализации, какой мы наметили себе в плановом порядке.

Может быть, нам скажут, что вследствие перерасхода в части капитального строительства мы вынуждены были обескровить промышленность в части оборотных ее ресурсов и тем самым создать целый ряд затруднений в ее развертывании? Это допущение, однако, тоже отнюдь не подтверждается фактами. В самом деле, по контрольным цифрам на 1925/26 г. государственная промышленность по кругу предприятий, учитываемых ЦОСом ВСНХ, имела задание расширить свою продукцию в довоенных ценах на 30,7%, а по отчетным данным ВСНХ фактически развернула ее на 38,9% [1]. Таким образом, и это задание оказалось выполненным на все сто процентов. Правда, это потребовало повышения оборотных средств государственной промышленности в материальной и де-

---

[1] Ср. „Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г.“, стр. 79 и „Ежем. стат. бюллетень“ ВСНХ ЦОСа, сент. 1926, стр. 9. По данным ЦСУ для всей цензовой промышленности прирост ее продукции за 1925/26 г. в довоенных ценах исчисляется еще выше — в 44,8%. Стат. справочник СССР, стр. 181. Изд. ЦСУ, 1927.

нежной форме с 2271 млн. черв. руб. до 2882 млн. руб., т. е. на 611 млн. руб., или на 27%. Но такие средства, как показывает сводный баланс нашей государственной промышленности, нашлись у нее и оказались вполне достаточными для указанного развертывания [1].

Правда, возможно еще одно сомнение. Мы не знаем, ценою какого напряжения для нашей кредитной и эмиссионной системы достигнуто то финансирование промышленности, какое потребовалось для вышеуказанных ее достижений. Но в докладе тов. Куйбышева мы находим некоторый материал и для разрешения этих сомнений. План финансирования промышленности ВСНХ на 1925/26 г. и его выполнение по тем предварительным данным, какими ВСНХ располагал к весне 1927 г., может быть представлен в следующем крайне интересном сопоставлении (в млн. черв. руб.) [2]:

Источники	План	Исполнение
Прибыль и амортизация . . .	730	900
Финансирование капит. затрат	322	362
Иностранный кредит	121	13
Рост задолженности НКФ и пр.	40	125
Банковский кредит	400	220
Итого по 1—5 .	1613	1620
Реализ. неликв. ценностей . .	40	10
Сокращение кассы и тек. счетов	—	45
Всего . . .	1653	1675

Как видим, в общем и целом промышленности не потребовалось больше средств, чем предполагалось по ее планам. Но по отдельным статьям эти планы оправдались далеко не так, как предполагалось. И, прежде всего, нужно отметить основное отличие. Собственное накопление промышленности уже теперь—по предварительным подсчетам—оказалось на 170 млн. больше, чем предполагалось, вследствие чего банковский кредит оказалось возможным сократить на целых 180 млн. против плана. Такие факты отнюдь не могут служить доказательством недостаточности наличных в стране ресурсов для осуществления намеченного планом темпа индустриализации.

В самом деле, почему программа вложений в промышленность на капитальный ремонт и новое строитель-

---

[1] Сводный баланс на 1.X 1925 г., стр. 10. Промиздат, ВСНХ, 1927.
[2] Промышленность СССР к IV Съезду Советов, стр. 21.

ство задумана нереалистично, если на ее осуществление требуется всего 800 млн. руб., в то время как внутреннее накопление самой промышленности достигает уже 900 млн. руб. в год? А ведь, если учесть еще те прибыли, которые запрятаны в отчетности трестов под маской преувеличенной их потребности в текущем ремонте, то придется фактическое накопление промышленности оценивать даже значительно выше учтенного.

Правда, одна лишь наличность достаточных ресурсов для проведенного финансирования промышленности не оправдывала бы еще его размеров, если бы, скажем, оказалось, что усиленное финансирование промышленности в ущерб сельскому или другим отраслям хозяйства привело нас или, по крайней мере, угрожает привести страну к кризису индустриального перепроизводства. Но ведь этого нет. Разве проф. Кондратьев и его друзья не видят, что и ныне, в 1927 г., не город страдает от недопроизводства продуктов деревни, а наоборот, деревня и вся страна в целом предъявляют такой спрос на продукты городской промышленности, который мы никак не можем полностью насытить. Эту диспропорцию между производством города и деревни никуда ведь не денешь. Она налицо.

Правда, проф. Кондратьев недавно пытался оспаривать и самый факт наличности у нас этой диспропорции. Но весьма неудачно. Мы имеем в виду его выступление в институте экономики РАНИОН от 11 марта 1927 г. с докладом „О природе нашего хозяйственного подъема“ за последнее пятилетие. В этом докладе он очень энергично оспаривает попытки объяснить наши затруднения в 1925/26 г. ссылками на ту диспропорцию в размерах продукции сельского хозяйства и промышленности, о которой у нас велась столь оживленная полемика еще осенью 1926 г. Концепцию о диспропорции проф. Кондратьев признал во всех ее вариантах „несостоятельной“ и предложил „отвергнуть“, выдвигая взамен ее другую, свою собственную концепцию объяснения наших хозяйственных затруднений. Концепция, однако, остается концепцией, а факты фактами. И хотя в оригинале стенограммы доклада проф. Кондратьева мы находим весьма решительное утверждение: „никакой диспропорции как-раз в годы наибольших затруднений—в конце 1924/25 года—не было“, однако, по зрелом размышлении, в порядке исправления своей стенограммы, наш

профессор предпочел его заменить другим, гораздо более скромным: „никакого обострения диспропорции“, видите ли, в 1924/25 и 1925/26 годах не было.

Тем не менее, в обеих стенограммах у него сохранилась следующая цифровая справка, подтверждающая его право отрицать самый факт диспропорции. „В 1925/26 г. продукция сельского хозяйства,—по справке проф. Кондратьева, — дает 87%, а продукция промышленности— 91% довоенного уровня“. Откуда, дескать, всякому должно быть ясно, что об относительном нéдопроизводстве индустриальной продукции, если исходить из довоенных норм, в 1925/26 г. у нас не могло быть и речи. К сожалению, те неоспоримые хвосты, которые все же стояли в 1925 г. у дверей наших магазинов, говорят нам довольно ясно, что либо довоенный аршин неприменим к нашим условиям, либо приведенные профессором цифры весьма дефектны. А вернее всего, и то, и другое не в порядке. Достоверно во всяком случае одно, что исчисление довоенной продукции, на которое в данном случае опирался докладчик, уже пересмотрено ЦСУ и исправлено. А в связи с этим, по последним расчетам Госплана, принятым в его пятилетке, продукция промышленности в 1925/26 г. у нас достигала лишь 89% довоенной нормы по своему физическому объему, в то время как продукция сельского хозяйства превзошла уже 99%[1].

Таким образом, факт диспропорции между объемом промышленной и сельскохозяйственной продукции СССР в 1925/26 г., а особенно к концу 1924/25 г.,—когда высокий урожай 1925 г. был уже налицо, а промышленность стояла еще на уровне всего 66% довоенной продукции,—едва ли подлежит спору. Тем более, что подъем уровня благосостояния трудящихся после революции создает огромный добавочный спрос на продукты широкого потребления масс. Этот факт уже сам по себе является достаточно солидным источником всякого рода хозяйственных затруднений. И наиболее здоровым способом их изживания может стать только хорошо продуманная программа индустриализации.

Однако, проф. Кондратьев в названном выше докладе „О природе нашего хозяйственного подъема“ выдвигает

---

[1] Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг., стр. 23. 1927.

иное объяснение причин наших хозяйственных затруднений, которое заслуживает специального внимания.

Оригинально в этом докладе, конечно, не то, что наш бурный хозяйственный подъем 1921/22—1925/26 гг. имел, по определению проф. Кондратьева, „явно выраженный характер восстановительного подъема“. Это ведь отнюдь ни для кого не ново. Оригинально в нем лишь то, что в объяснение наших беспримерных хозяйственных достижений за указанное пятилетие докладчик ничего не захотел отнести за счет планового начала в хозяйстве СССР, столь отличающего его от стран нашего капиталистического окружения, но зато все хозяйственные затруднения, сопровождавшие этот подъем, отнес целиком за счет „ошибок“ планирования.

Нас очень мало занимает здесь сама по себе та весьма банальная логическая схема, которая положена была докладчиком в основу его анализа нашего экономического подъема. Вся эта довольно убогая концепция легко укладывается в два—три положения.

„Страна располагала выведенным во время гражданской войны из действия запасом капитала в промышленности и сельском хозяйстве“. Для оживления их не хватало оборотных средств. Денежная реформа дала эти средства за счет банковской эмиссии. Отсюда—хозяйственный подъем.

А все хозяйственные наши затруднения—товарный голод и пр.—объясняются опять-таки более чем просто.

„Как ни разнообразна система наших плановых мероприятий, все они, как центральному звену, соподчинены задаче индустриализации страны“. Но ставка на индустриализацию „перерождается“ в ставку на сверхиндустриализацию. „Наши вложения... превосходили размер реальных накоплений“. Этому содействовала ошибочная политика в деревне, где „понятие кулак толкуется слишком широко“. Борьба с кулацким элементом „превращается в борьбу не только против кулаков, а и против растущих некулацких элементов деревни“, что задерживает процессы накопления в стране. Этот „дефицит в накоплении,—по утверждению нашего критика,—покрывался как-раз за счет форсирования эмиссии новых бумажных денег“, что и привело к целому ряду затруднений. Итак, избыточная эмиссия—вот в чем разгадка всех наших хозяйственных диспропорций и затруднений.

Мы не станем здесь оспаривать этой легковесной концепции, взлелеянной в недрах Наркомфина, по которой денежная эмиссия, как гоголевский Тарас Бульба, сама же породила наш хозяйственный подъем, сама же угрожает его и убить. Если бы проф. Кондратьев не плавал в своем анализе лишь на поверхности явлений обращения, то ему было бы понятно, что и денежная реформа, и большие выпуски банковской эмиссии сами стали у нас возможными лишь благодаря бурному хозяйственному подъему в области производства и потому, будучи следствием этого подъема, никак не могут привлекаться к его объяснению в качестве причин этого явления. Едва ли стоит также разъяснять проф. Кондратьеву, что реальные „вложения" не могут превзойти реальных „накоплений", ибо нельзя вложить куда-либо то, чего еще нет. Довольно ясно также, что ставка на индустриализацию в программе идеологов пролетариата всегда будет представляться ставкой на „сверхиндустриализацию" для всех идеологов тех слоев крестьянства, которые, по признанию самого Кондратьева, столь легко смешиваются в нашей практике с кулацкими.

Отметим лишь, что психологическая теория „перерождения" ставки на индустриализацию в нашем советском строительстве в ставку на сверхиндустриализацию представляет самое слабое место в „экономическом" анализе нашего профессора, ибо она ровно ничем не обоснована.

Отдельные лица, конечно, легко могут сбиваться с индустриализации и на сверхиндустриализацию, и на аграризацию. Но и эти сбои отнюдь не случайны. Идеологов „трудового" крестьянства, напр., ни за что не собьешь ни на что другое, кроме аграризации. Но советская политика в целом определяется в последнем счете не отдельными лицами, а определенным классом. Что же может толкнуть целый класс на действия, противоречащие его интересам?

Конечно, если бы все хозяйственные затруднения, какие у нас имели место за последние годы, проф. Кондратьев приписывал просто неудачному составу или несовершенной организации наших плановых органов, то нам не пришлось бы с ним спорить. „Планирование народного хозяйства,—как это свидетельствует и сам проф. Кондратьев,—не только новое, но и исключительно трудное дело. И мы не знаем ни людей, ни учреждений, ко-

торые обладали бы даром абсолютного знания и предвидения, чтобы не делать ошибок".

Наши плановые органы, конечно, не претендуют на папскую непогрешимость. Ошибки всегда возможны. Но в данном случае спор идет о таких „ошибках", которые отнюдь не связаны с несовершенством наших методов планирования или неудовлетворительным составом плановых органов. Под сомнение ставится сама целевая установка планирования на индустриализацию страны, ответственность за которую отнюдь нельзя возложить на одни лишь плановые наши органы.

Правда, в нужный ему момент проф. Кондратьев очень ловко подменяет понятие индустриализации словом „сверхиндустриализация". Но от этого дело не меняется, ибо применяет он его для обозначения не тех крайних уклонов отдельных товарищей к сверхиндустриализации, которые вовсе не встретили у нас общественного признания, а для того фактического курса на индустриализацию, который на деле проводится у нас в жизнь Советом Труда и Обороны и всей советской общественностью.

Тут уж в разных терминах, относящихся к одному и тому же явлению, сказывается лишь различие идеологических оценок этого явления. Эпигоны народничества не приемлют той политики, которая проводится нами в области индустриализации страны, вот в чем суть спора, а не в том, как ее назвать по имени.

Как же должны были отразиться эти идеологические разномыслия в оценке наших методов планирования?

Мы это отчасти уже видели выше. Мы не только поставили себе задачу индустриализации страны, но за последние пять лет сознательными плановыми усилиями на этом пути добились огромных практических достижений. „Наш хозяйственный подъем, грандиозный по своему объему"—не может отрицать, ведь, даже проф. Кондратьев.

Но он отнюдь не склонен его объяснять теми возможностями, какие перед нами открыла Октябрьская революция, передавшая в руки советской власти все командные высоты на хозяйственном фронте и впервые за всю мировую историю создавшая условия для сознательного планового руководства общественным хозяйством. По его концепции мы имели подъем, потому что исполь-

зовали благоприятную конъюнктуру, ну, а при хорошей конъюнктуре недурно поднимаются и капиталистические страны. К чему же здесь приплетать революцию и созданные ею плановые возможности? Тем более, что за счет нашего планирования до сих пор для нас вырастали одни лишь диспропорции и затруднения.

„Если,—читаем мы в исправленной проф. Кондратьевым стенограмме его доклада,—одной из основных предпосылок нашего подъема было финансирование нашего хозяйства, главным образом, за счет притока новых денежных средств, и новых кредитов, которые развивались на базе выпуска новых денег, то именно в этом лежали одновременно сила и слабость нашего подъема. Сила постольку, поскольку мы, так сказать, „использовали конъюнктуру“ и могли, выпуская деньги, финансировать народное хозяйство только потому, что каналы народнохозяйственного обращения ко времени НЭП'а совершенно опустели, потому что с первыми шагами нашего общего подъема и подъема нашего товарооборота получили возможность расширить эмиссию без ущерба для покупательной силы денег. Слабость постольку, поскольку эта возможность была строго ограничена и поскольку пределы ее было легко перешагнуть“.

Какова глубина экономического анализа! До сих пор мы думали, что из ничего нельзя никакими методами извлечь нечто. Но вот оказывается, что из пустых каналов обращения довольно легко при уменьи извлечь, как из рога изобилия, даже весьма грандиозный хозяйственный подъем. И это оказалось возможным, по свидетельству нашего критика, только потому, что каналы обращения совершенно опустели. Только потому! Это изумительно. Можно ли извлечь из нормальных каналов человеческого мышления более богатую и блестящую идею или для этого пришлось бы, согласно приведенной теории, предварительно опустошить их до состояния абсолютной торичеллиевой пустоты?

Но если уже в объяснении нашего хозяйственного подъема проф. Кондратьев поставил едва ли досягаемый рекорд экономического глубокомыслия, создав свою теорию обогащающей пустоты, то в области экономического анализа наших затруднений он побивает свои собственные рекорды. Мы уже знаем, что, по мнению проф. Кон-

дратьева, наш хозяйственный подъем сопровождался перенапряжением ресурсов. Говоря иначе, наблюдавшийся рост промышленности не был здоровым естественным плодом нашего хозяйственного возрождения; это был искусственно подстегиваемый нашей ошибочной политикой рост, чреватый тяжелыми последствиями.

В такой постановке вопроса нет еще ничего нового. И в старые времена народники всегда, примерно, так же расценивали успехи индустриализации. Но дальше есть уже и кое-что оригинальное. Отметив ряд наблюдавшихся диспропорций и затруднений в нашем хозяйстве за истекшее пятилетие, наш критик спрашивает: откуда же они возникли? „Могли ли они иметь место в силу чисто стихийных рыночных условий“? И отвечает: „Нет не могли. Они не могли бы иметь места потому, что в процессе рыночной конкуренции той или другой, может быть, очень дорогой ценой такие явления, как несоответствия в наших и мировых ценах, в спросе на товары и товарном предложении, в размерах вложений и накопления и т. д., были бы восстановлены. Очевидно, что здесь действовали какие-то другие силы. Эти силы у нас можно связать только с воздействием на народное хозяйство мероприятий планового характера, с мероприятиями, проводимыми в порядке руководства народным хозяйством“ [1].

Итак, там, где господствует рыночная стихия, т. е., скажем, в капиталистическом обществе, не могли бы иметь места никакие хозяйственные диспропорции, а вот у нас, где они возникают, их можно объяснить только мероприятиями планового характера, только плановым руководством хозяйства. Вот это уже, поистине, ново и оригинально. До столь наивной апологетики рыночной стихии в качестве регулятора народного хозяйства уж, наверное, до сих пор никто не договаривался. Здесь нашим эпигоном побиты все рекорды. Как! Разве не в капиталистическом обществе имеют место жесточайшие хозяйственные кризисы и диспропорции? И разве они не потому именно возникают в нем, что там господствует необузданная стихия конкуренции и анархия производства вместо плана. И разве в советском хозяйстве в условиях

---

[1] Цитируем по просмотренной и исправленной докладчиком стенограмме его доклада. Разрядка здесь и ниже наша.

НЭП'а мы уже на все сто процентов овладели в порядке планового руководства рыночной стихией? Почему же у нас не могут еще иметь места затруднения, возникающие из чисто стихийных условий рынка?

Профессорская логика нашего критика очень изобретательна. Нарушения хозяйственного равновесия стихийного происхождения, согласно этой логике, не могли бы иметь места **потому**, что такого рода нарушения в процессе рыночной конкуренции рано или поздно были бы **устранены**. Но как может быть устранено то, чего не было? Это, очевидно, такого же рода задача, как создать нечто из ничего, извлечь из пустых каналов обращения хозяйственный подъем страны и тому подобные „перлы и адаманты" профессорского глубокомыслия.

В качестве еще одного из таких перлов приведем следующий образчик „обобщений" нашего профессора. Выдвинув свое положение о том, что за истекшее пятилетие хозяйственного подъема „различные основные элементы нашего народного хозяйства в этом процессе подъема росли неравномерно" и что, в частности, накопление у нас отставало от производства, а производство от потребления, наш профессор замечает: „Теперь позвольте попытаться сделать некоторые обобщения. Если хотите, то из предыдущего изложения получается картина некоторого **перевертывания отношений** в росте отдельных элементов нашего хозяйства. Действительно, **естественно** ожидать, что при развитии хозяйства потребление будет расти медленнее, чем производство, производство медленнее, чем накопление. За истекшие время, **за время восстановительного процесса** у нас, сталкиваемся с обратными отношениями". И далее, отнюдь не связывая этих особенностей с условиями восстановительного процесса, проф. Кондратьев заключает, что такие „изменения соотношений", если они не случайны и носят глубокий характер, „должны вызвать нарушения равновесия народного хозяйства и хозяйственные затруднения".

А между тем, это совсем не так. Уже во время прений по докладу проф. Кондратьева Л. Н. Крицман указал ему, что для восстановительного процесса вполне „естественны" именно те соотношения, какие наблюдались. Весь основной капитал в этом периоде у нас был в избытке, а не доставало нам для его оживления лишь

оборотных средств. Поэтому достаточно было незначительного накопления этих средств, чтобы получить несоразмерно большой производственный эффект. Это значит, что производство должно было обгонять накопление. А проф. Кондратьев перевертывает это отношение и формулирует его иначе: накопление отстает от производства. И в этой перевернутой формулировке принимает за выражение нарушения какого-то равновесия.

Точно так же обстояло дело и с отставанием темпов производства от потребления. До тех пор, пока основной капитал был в избытке, почти все расширение производства шло по линии производства средств существования. Темп развертывания производства тканей, одежды, пищевкусовых продуктов и т. п. был выше среднего темпа развертывания продукции по всем отраслям производства. Именно это обеспечивало возрастание личного потребления вообще и зарплаты, в частности, даже с некоторым обгоном по сравнению с общим ростом всей продукции, включая сюда и производство средств производства.

И если наш исследователь не понял этого и вполне нормальные для восстановительного процесса явления предлагает рассматривать, как ведущие к нарушению хозяйственного равновесия, то он ровно ничего не понял в этом деле и все перевернул вверх тормашками. Восстановительный процесс потому ведь и получил такое наименование, что он призван был восстановить нарушенное равновесие между отношениями в производстве постоянного и переменного капитала, основного и оборотного и т. д. И если одни из этих элементов пострадали в процессе войны и революции более, чем другие, то смешно было бы требовать равномерного их возрастания в интересах восстановления равновесия.

Нет, мы не можем удовлетвориться такого рода анализами. Сами мы подходим к объяснению причин нашего подъема и наших затруднений совсем иначе.

Достаточно вспомнить только начальную дату нашего хозяйственного подъема—1921/22 г., чтобы сразу же откинуть такие его объяснения, которые связывают его с последствиями денежной реформы и благодетельным влиянием денежной эмиссии. Червонец появился у нас в обиходе лишь с начала 1923 г., совзнак отпал только

с марта 1924 г. А между тем, уже за первый год нашей плановой работы, т. е. за 1921/22 г., несмотря на то, что это был год небывалого неурожая в стране, мы увеличили промышленную продукцию СССР на 36%, а производительность труда даже на целых 52%. Такого прироста производительности мы не наблюдали уже ни разу в следующие годы, несмотря на денежную реформу и другие достижения. Спрашивается, как же проф. Кондратьев объяснит этот первый скачок производительности, послуживший началом нашего хозяйственного подъема? Из денежной реформы его не объяснишь. А вот из плановых наших мероприятий он объясняется очень просто.

Как известно, Госплан СССР начал функционировать только с апреля 1921 г. Но уже в первом его плане, одобренном в СТО 28 сентября того же года, была намечена новая политика в области использования наших чрезвычайно тогда скромных хлебных ресурсов и в области оплаты труда. Число государственных нахлебников по этому плану сразу же было сокращено с 35 млн. душ до 7, но зато эффективная оплата труда производственных работников была одновременно повышена почти в три раза. Производительность труда в первый же квартал этого года дала повсеместно резкий скачок вверх. А это обеспечило возможность дальнейшего повышения зарплаты и производительности труда, повышения нагрузки транспорта, расширения товарооборота и эмиссионных возможностей и т. д., и т. д. [1]

Таким образом, если не извращать перспективы, то придется признать, что плановое регулирование хозяйства было одним из основных факторов того подъема, который у нас столь ярко обозначился с первого же года после прекращения гражданской войны и провозглашения начал новой экономической политики. Не следует ведь забывать, что НЭП явился у нас не только развязыванием стихии рынка, но и введением ее в определенные рамки. Рынок плюс план—вот полная формула НЭП'а.

Ну, а откуда же происходят—спросят нас теперь—наши хозяйственные затруднения вроде товарного голода, роста розничных накидок, пресловутых „ножниц" между ценами городской и сельской продукции, наших

---

[1] С. Струмилин. На хозяйственном фронте, стр. 333. М., 1925.

валютных и экспортных затруднений и т. п., если вы их не склонны объяснять плановыми ошибками и просчетами?

На это пришлось бы ответить так. Мы отнюдь не отрицаем влияния и плановых ошибок на возникновение или усиление многих из наших затруднений. В особенности, на тех участках планового фронта, где подвизаются и проявляют свое влияние такие испытанные друзья индустриализации и планового дела вообще, как наши эпигоны народничества. Но в гораздо большей степени наши трудности объясняются отсутствием планового руководства во многих областях хозяйства или недостаточным вниманием к плановой работе и ее требованиям.

Когда-то в спорах со старыми народниками мы, марксисты, утверждали, что Россия в гораздо большей степени страдает от недостаточного развития капиталистических отношений в стране, чем от их развития. Теперь, обращаясь по адресу их эпигонов, мы можем перефразировать это положение словами—СССР в гораздо большей степени страдает от недостаточного развития системы планового регулирования народного хозяйства и отсутствия плановой дисциплины в стране, чем от возможных промахов и просчетов в этой области.

Чтобы избежать голословности, обратимся еще раз к опыту наших „контрольных цифр на 1925/26 г.“. Они не лишены были известных дефектов, но все же это была система цифр и внутренне связанных между собою мероприятий. Конечно, мы надеемся, что когда-нибудь наши хозяйственные планы будут выполняться всеми уже в силу внутренней их убедительности и авторитетности. Но пока этого еще нет. И поскольку они не были санкционированы твердым авторитетом власти, директивы этих цифр в большей своей части остались без исполнения. В то же время мы знаем, что этот год был годом обострения целого ряда хозяйственных затруднений. Спросим же себя, больше или меньше было бы этих затруднений, если бы все директивы этого плана были приняты к исполнению?

Важнейшим затруднением 1925/26 г. был, как известно, товарный голод на продукты промышленности. Устра-

нить ту основную диспропорцию между продукцией города и деревни, какая является, на наш взгляд, причиной этого голода, нельзя в один год. Но смягчить ее все же пытался наш план. С этой именно целью в нашем плане была дана директива ограничения номинального повышения зарплаты не выше 8,6% без повышения квартплаты, или на 16% (на 6 руб. 50 коп. в месяц) при условии, что вместе с тем будет повышена квартирная плата рабочих вдвое, в целях доведения ее до себестоимости содержания жилищ. Эта директива не была выполнена. Номинальная плата промышленных рабочих фактически возросла на 24%, а квартирная плата всего на 5%. Таким образом, покупательный спрос городского пролетариата был увеличен против плана процентов на 14, т. е. на сумму свыше 600 млн. руб. Спрашивается, должно ли было это отступление от директив плана обострить товарный голод? Да, конечно. Выполнима ли была эта директива? Да, судя по опыту хотя бы следующего 1926/27 г., такого рода директивы выполняются, если исходят из достаточно авторитетных инстанций.

Кто же здесь совершил ошибку? Ответ ясен. Если план должен быть только прогнозом, то здесь явная ошибка плана. А если план—директива, то вся беда наша в том, что мы оказались без этой директивы в нужный момент.

Теперь обратимся к следующей директиве. По контрольным цифрам следовало снизить отпускные цены промышленных продуктов на 9%, что позволило бы ввиду хорошего урожая снизить и сельскохозяйственные цены процентов на 8. На деле же промышленные цены выросли на 4,4%, вследствие чего и сельскохозяйственные цены вместо снижения дали прирост на 2,6%. А раствор „ножниц“ между этими ценами, вместо снижения на 2 пункта, дал соответствующее повышение со 115 до 117 пунктов. Конечно, это ударило и по рабочему бюджету, сведя на-нет весь номинальный обгон плана в области зарплаты, и по крестьянскому, снижая его покупательную способность.

Спрашивается, положительно ли или отрицательно следует расценивать такие отступления от плана? Конечно, отрицательно. Ни общее повышение цен, ни увеличение раствора „ножниц“ нам ни с какой точки зрения не было желательно. Но, может быть, мы не властны

воздействовать на цены? Нет и это неверно. Опыт снижения и оптовых, и розничных цен в 1927 г. ясно утверждает за нами такие возможности. Правда, это не легкая задача даже при наличии достаточной целеустремленности в этом направлении всех подлежащих органов. А была ли такая целеустремленность в 1925/26 г.? Нет, не было. Директива Госплана о снижении цен никем, в сущности, не была подтверждена. Столь влиятельные хозяйственники как Г. Л. Пятаков, В. М. Смирнов и другие вели даже весьма энергичную агитацию за повышение цен. А в общем мы оказались без плана на этом фронте. И тогда рыночная стихия, подкрепленная нашей ошибкой на фронте зарплаты, регульнула нас по-своему. И опять-таки, если подходить к плану как к прогнозу, то пришлось бы говорить об ошибке плана, а если план может и должен служить в этой области директивой, то ошибкой придется признать и здесь скорее отсутствие твердого плана и капитуляцию перед стихией.

Пойдем далее. Повышение промышленных цен против плана неизбежно должно было повысить на целые сотни миллионов и норму накопления промышленности. А это последнее—снизить потребность в банковском кредите и эмиссии. И, действительно, мы можем констатировать „просчеты“ контрольных цифр по всем этим статьям. Но о чем свидетельствуют такие просчеты? Да только о том, что в этих непринятых к руководству цифрах мы, действительно, имели хорошо продуманную систему заданий. И если она потерпела ущерб в одном звене, то это неизбежно должно было отразиться и на всех остальных звеньях цепи. Большая часть затруднений этого года, таким образом, проистекала не из того, что мы имели плохой план, а из того, что мы, в сущности, не имели никакого целостного плана.

Наши „просчеты“ с указанной точки зрения чрезвычайно поучительны. Но еще поучительнее, может быть, то, что если отвлечься от второстепенных элементов плана, оставшихся в 1925/26 г. без всякой санкции, и сосредоточить внимание только на тех основных заданиях,—в области размеров продукции промышленности, нагрузки транспорта, капитальных вложений, государственного бюджета и т. п.,—которые в порядке отдельных планов получили необходимую санкцию власти, то окажется, что ни одно из таких заданий не оказалось непосильным для нашей республики.

Опираясь на этот опыт, мы не сомневаемся, что и впредь, как бы нас не расхолаживали своим скептицизмом поклонники рыночной стихии, мы сможем не только проектировать, но и осуществлять самые широкие хозяйственные планы. Ибо, если всякая эпоха ставит перед собой конкретно в конце концов только разрешимые задачи, то это в особой степени применимо к нашей эпохе диктатуры пролетариата, не в теории только, а уже на деле выдвинувшей в порядок дня широчайшие задачи планирования.

Опыт последних лет показал нам уже не раз, что не плановые просчеты, а бесплановость представляет собою наиболее серьезную угрозу социалистическому строительству.

4. НА ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Споры о прошлом всегда много теряют в своей остроте, когда мы переходим от них к решению судеб грядущего. Прошлого все равно ведь не вернешь, а судьбы грядущего можно еще повернуть и так, и иначе. Вот почему пятилетка Госплана, намечающая определенную программу экономической политики на целый ряд лет вперед, привлекла к себе чрезвычайно живое внимание не только наших идеологических друзей, но и врагов. Вокруг этой программы надо было ждать наиболее упорных идеологических боев разных течений. И эти бои уже завязываются по всей линии.

Впереди других бойцов, атакующих нашу пятилетку, как и следовало ожидать, оказались проф. Кондратьев и проф. Макаров [1]. Наша целевая установка на индустриализацию совсем уже их не устраивает.

Спрашивается, что же они ей противопоставляют? Какова их собственная экономическая платформа?

Само собою разумеется, что они тоже не „против“ индустриализации вообще. Они только против „крайностей индустриализма“. „Против ставки на индустриализацию, как таковой,—заверяет нас проф. Кондратьев,— конечно, не может быть никаких возражений“ [2]. Дело ведь не в словах, а в тех конкретных цифровых мас-

---

[1] См. их выступления на 2-м съезде плановых работников в марте 1927 г. и в „Плановом Хозяйстве“, 1927, №№ 4 и 5.

[2] Н. Д. Кондратьев. Критические заметки о плане развития народного хозяйства. План. Хоз., 1927, № 4, стр. 7.

штабах индустриализации, какие намечаются в том или ином плане.

И вот, переходя к этим конкретным цифрам, по которым продукция промышленности за 5 лет возрастает на 69,3%, в то время как сельское хозяйство только на 24,1%, а из общей суммы капитальных вложений государства в 17,6 млрд. на долю промышленности падает 32,3%, в то время как на долю сельского хозяйства только 6,8%,—проф. Кондратьев ставит свою резолюцию.

„Эти немногие суммарные цифры дают общее представление о намечаемом размахе развития народного хозяйства и о проектируемом перераспределении производительных сил. Они позволяют признать, что проект плана достаточно резко проводит ставку на индустриализацию страны“ [1].

Мы склонны были бы рассматривать такую оценку нашего плана, как лучшую похвалу. Поставить вопрос достаточно резко—это именно то, что мы хотели. Вот если бы мы поставили его слишком рыхло или чересчур резко, это было бы хуже. Тем не менее, наша постановка отнюдь не удовлетворяет проф. Кондратьева. И не удовлетворяет она его именно вследствие ее „резкости“ или „крайности“, а не каких-либо иных качеств.

Основная предпосылка его в критике наших плановых перспектив та же, что и в анализе нашего планового опыта в прошлом. Она сводится к тому, что мы намечаем непосильные для нас темпы индустриализации, не соответствующие возможным у нас темпам накопления, а потому и нереальные. В доказательство этого он приводит и общие соображения и некоторые цифровые данные. Мы постараемся оценить здесь и те, и другие.

Мы не станем здесь останавливаться только на одном замечании проф. Кондратьева о том, что мы не приводим „никакого обоснования своих цифр накопления“. Проф. Кондратьев поторопился с этим замечанием, так как он, делая его, имел в руках только мою вступительную статью к тому коллективному труду в 700 страниц, какой представляет наш проект пятилетки. В этом томе наш критик найдет достаточно расчетов, обосновывающих принятые нами цифры накоплений по разным отраслям хозяйства. Весьма вероятно, что они его не удо-

---

[1] Там же стр. 8. Разрядка Кондратьева.

влетворят, ибо и в проектировке накоплений мы считаем возможным не только путь предвидения, но и путь предуказаний. Но если его не удовлетворят наши расчеты, пусть предложит свои более удовлетворительные. Тогда будет виднее, кто прав. А пока мы во всяком случае считаем излишним останавливаться на такого рода критических замечаниях, которые доказывают лишь одно: что наш критик не дал еще себе труда ознакомиться с тем планом, который он столь усердно оспаривает.

Обратимся поэтому сразу к наиболее вескому аргументу из арсенала проф. Кондратьева,—аргументу фактического характера.

„Нам кажется, что С. Г. Струмилин явно преувеличил исходные цифры накопления, т. е. накопление в 1925/26 г. Промышленное накопление с амортизацией он определяет в 889 млн. руб. Между тем другими источниками оно определяется цифрой, приблизительно, в 747—814 млн. руб. Преувеличив исходные цифры, уже в силу одного этого он должен был, далее, преувеличить и накопление в следующие годы“ [1].

Приведенный аргумент выглядит очень солидно. Названы и „другие источники“, а именно—„объяснительная записка к бюджету 1926/27 г.“ и промфинплан ВСНХ. Но характерен уже выбор этих источников. Несмотря на то, что автор пишет в апреле 1927 г. о цифрах 1925/26 г., он опирается для посрамления наших плановых предположений на предположения ВСНХ и „исчисления“ объяснительной записки Наркомфина. А почему бы нам для разрешения такого вопроса не обратиться к отчетным данным за давно уже истекший 1925/26 г.? Такие данные были оглашены, напр., уже несколько месяцев тому назад на IV съезде советов в докладе председателя ВСНХ В. В. Куйбышева. О чем же они говорят?

„При составлении плана на 1925/26 г. предполагалось,—значится в материалах к этому докладу,—что общая сумма прибыли вместе с амортизацией составит всего 730 млн, руб. Когда составлялся план на 1926/27 г., размер прибыли, по показаниям трестов, был исчислен вместе с амортизацией за 1925/26 г. в сумме 814 млн. руб. Ныне, на основании отчетных данных (к сожалению, еще неполных), можно твердо сказать, что

[1] Там же, стр. 15.

общий размер накопления внутри промышленности за 1925/26 г.—около 900 млн. руб.“ [1]

Допустим, что проф. Кондратьеву, когда он критиковал наш план, еще не известны были эти цифры, опубликованные только в апреле 1927 г. Тем менее, стало быть, могли ими воспользоваться мы при составлении критикуемой пятилетки. И тем не менее, наша предположительная цифра—889 млн. руб.—оказалась наиболее близкой к действительности, отнюдь не являясь в то же время преувеличенной.

Какой же вывод можно извлечь из этого? Очевидно, лишь тот, что „другие источники“, привлеченные проф. Кондратьевым для посрамления нашей работы, отнюдь не могут служить этому назначению. Прогноз записки Наркомфина о 747 млн. руб. накопления,—даже если в нем участвовал по должности руководителя Конъюнктурного Института НКФ такой большой спец этого дела как проф. Кондратьев,—отнюдь еще не может опорачивать цифры 889 млн. руб. из пятилетки Госплана уже потому, что, как всякий прогноз, и сам еще нуждается в подтверждении. Но еще менее он может служить этой цели уже после того, как имеются отчетные цифры, его посрамляющие. Проф. Кондратьев не учел этого обстоятельства и попал в... не совсем удобное положение. Примыкая в 1927 г. к столь неудачным прогнозам о 1925/26 г. в целях опорочения нашей цифры, он попутно доказал полное отсутствие понимания хозяйственной конъюнктуры не только сегодняшнего и завтрашнего дня в порядке нормального конъюнктурного предвидения, но даже конъюнктуры прошлого года—в порядке, так сказать, попятного прогноза, т. е. „прогноза“ задним числом.

Всякий, кто наблюдал хотя бы поверхностно конъюнктуру промышленности в 1925/26 г., мог без труда заметить, что эта конъюнктура оказалась на деле гораздо более благоприятной, чем это учитывалось в планах промышленности. Достаточно сказать, что вместо ожидаемого снижения цен мы имели в этом году повышение их. Уже из этого можно было заключить, что и предварительные плановые предположения о накоплении

---

[1] Промышленность СССР к IV съезду советов, стр. 20, М. 1927. По более полным данным эта цифра определяется уже в 928 млн. руб., не считая накопления в синдикатах и сырьевых органах ВСНХ.

промышленности должны быть превзойдены в действительности. И мы учли это в своей пятилетке. А вот профессиональный конъюнктурщик, проф. Кондратьев, забыл в критический момент об этой своей специальности и даже в попятном прогнозе о результатах истекшего года впал в грубейшую ошибку. Можно ли при таких условиях особенно доверять его прогнозам о том, что будет или чего не будет через пять лет?

Проф. Кондратьев хотел нас уверить, что такого накопления, какое мы проектируем на пять лет вперед, не будет, ибо мы преувеличили уже исходные цифры 1925/26 г. Однако, этот первый его аргумент оказался уже, говоря мягко, несоответствующим действительности. Обратимся к следующему.

В качестве второго аргумента, хотя у проф. Кондратьева он стоит на первом месте, мы рассмотрим его ссылку на довоенную норму накопления. „Полагают,— замечает он со ссылкой на очень грубые прикидки А. Л. Вайнштейна,—что в довоенное время в России накопление составляло около 8,5% от народного дохода“. Сопоставляя затем эту цифру с данными пятилетки, по которым накопление только в пределах одного государственного сектора определяется для 1925/26 г. в 8,7% и для 1930/31 г. в 12,6% от всего народного дохода, наш критик заключает: „Трудно допустить, чтобы в стране где реальный доход стоит ниже довоенного, где доходы весьма нивелированы, где частное накопление идет явно замедленным темпом, процент накопления был выше довоенного“ [1].

В этом аргументе все крайне легковесно. Начнем хотя бы с цифры накопления для 1913 г. Она получена А. Вайнштейном путем сопоставления прикидки проф. Соболева о годовом накоплений довоенных лет с цифрой народного дохода за 1913 г. по Прокоповичу. Расчет проф. Соболева дает, в сущности, только прирост эмиссии ценных бумаг и вкладов в кредитных учреждениях, а потому отнюдь не отражает собою реального прироста всех товарных ценностей в стране. Весь прирост, учтенный проф. Соболевым, оценивается всего в 1,5 млрд. руб. Но он совершенно не учитывает, напр., прироста ценности всех недвижимостей в городах и селах, прироста капиталов всей неакционерной промышленности,

---

[1] План. Хоз., 1927, № 4, стр. 14—15.

торговли, транспорта, коммунальных предприятий и т. д., и т. д. Одни лишь городские недвижимости с 1904 г. по 1914 г. выросли у нас с 11 до 21 млрд. руб., что даст прирост не менее 1 миллиарда в год. Таким образом, только эта одна поправка увеличивает уже цифру проф. Соболева с 1,5 до 2,5 млрд. руб. в год, что в отношении к народному доходу в 16,4 млрд. руб. составит уже 15,2%. Таким образом, цифра 8,5%, от которой отправляется проф. Кондратьев, совершенно недостоверна.

Еще менее, однако, достоверно его предположение, что с падением абсолютной цифры народного дохода должен падать и процент накопления. Кто и где установил такой закон? Гораздо правдоподобнее обратное допущение: что с абсолютным возрастанием народного дохода, а вместе с тем и народного богатства, процент ежегодного накопления и к доходу, и ко всему народному богатству падает. Это допущение не только подтверждается опытом капиталистических стран, напр. С.-А. Соединенных Штатов, но в известной части и экономической теорией, обобщающей этот опыт. Вспомним общеизвестный закон падения нормы прибыли с повышением органического строения капитала, установленный К. Марксом.

К сожалению, однако, нашим эпигонам народничества, как известно, законы Маркса не писаны. Они устанавливают свои собственные законы и считают даже совершенно излишним давать какие-либо обоснования для такого утверждения, что если в 1925/26 г. народный доход СССР составляет, скажем, только 95% довоенного, то и процент накопления в СССР должен быть ниже довоенного.

Наконец, заслуживает внимания ссылка нашего критика на нивелировку и замедление темпа частного накопления в СССР. В какой мере это накопление замедлено, мы не знаем в точности. В частности, если иметь в виду крестьянство, то едва ли его накопление идет в настоящий момент замедленным темпом. Если же речь идет о замедлении накопления в капиталистическом секторе, в связи с довольно резким сокращением его удельного веса в стране, то это довольно естественно для страны, осуществляющей социализм. Но непонятно, почему это может опорочить намеченные нами темпы накопления по государственному сектору. Ведь

чем меньше из общей суммы народного дохода извлекает частный капитал, тем больше остается для государственного накопления.

В конце концов от всей аргументации нашего критика остается в силе только один голый психологический факт. Проф. Кондратьеву „трудно допустить“, чтобы в такой стране, как Союз Советских Социалистических Республик, темп накопления мог опередить нормы капиталистической России. Мы охотно готовы признать этот прискорбный факт, столь характерный для псевдосоциалистической идеологии наших эпигонов народничества. Но подобные факты не заменяют аргументов.

Настоящие социалисты не могут сомневаться в том, что социалистический строй располагает достаточными преимуществами перед капиталистическими в темпе развертывания своих производительных сил, а, следовательно, и в возможном темпе накопления. И если мы на первое пятилетие реконструкционного периода запроектировали все же более чем скромные темпы накопления, то это отнюдь не означает отказа от значительного повышения этих темпов для последующих лет. В первом пятилетии у нас еще слишком много других задач, помимо задачи производственного накопления. Мы еще не изжили целого ряда детских болезней нашего организационного роста. Мы еще только учимся плановому руководству нашим хозяйством. Для нас пока гораздо важнее количественного роста производственных фондов качественная реконструкция использования наличных ресурсов и производительных сил страны. Мы стремимся к возможным достижениям в области обобществления этих ресурсов и оптимального перераспределения производительных сил. Мы должны обеспечить себе совершенно бесперебойное финансирование намечаемых планом капитальных работ, а потому с особенной осторожностью оцениваем свои возможности в области накопления.

В самом деле. Рентабельность фабрично-заводской промышленности в 1913 г., по имеющимся массовым данным, достигала 13,1% к номинальному основному капиталу, а по нашей пятилетке она ни за один год не поднимается выше 10,7% к основному капиталу без земли, или 6% к обороту без акциза [1]. Довоенные

[1] С. Струмилин. Проблема промышленного капитала в СССР, стр. 13 и 35—39. М., 1925. Перспективы развития народного хозяйства СССР. Прилож., стр. 53.

нормы, если их привести к сравнимому виду с нашими, достигли бы, примерно, 18% к **реальной** стоимости основных фондов (строений и оборудования—без земли) или до 12% к обороту без акциза, т. е. оказались бы чуть ли не вдвое выше проектируемых нами. Снижая наши нормы, мы учитывали здесь проектируемое нами снижение цен и повышение заработной платы, чего в старой капиталистической России не практиковалось. Но как бы то ни было, мы исходим из настолько пониженных против довоенного уровня норм рентабельности, что скорее заслуживаем упрека в излишней осторожности, чем в преувеличении этих норм. И это верно не только в отношении промышленности.

Так, напр., довоенная торговля давала прибыли в пределах СССР только по торговым заведениям I—III разряда около 594 млн. руб. при обороте 8596 млн. руб., т. е. 6,9% от оборота. По наиболее крупным подотчетным предприятиям норма облагаемой прибыли падала до 4,2% от оборота. А в нашей пятилетке ни за один год она не поднимается выше 1,7% от оборота. По железнодорожному транспорту чистый доход от эксплоатации за 1913 г. достигал 484 млн. руб. при номинальном капитале их сооружения в 7353 млн. руб. и реальном—за учетом износа—4693 млн. руб., что дает 10,3% к реальному капиталу и 6,3% к номинальному, а по нашей пятилетке чистый доход от эксплоатации ни за один год не поднимается выше 5,7% от **реального** имущества железных дорог (к началу года) и т. д.

Все эти сопоставления ясно показывают, насколько обоснованы обвинения нашей пятилетки в том, что она исходит из преувеличенных по сравнению с довоенными норм накопления.

Даже при весьма элементарной грамотности в области изучения нашей современной и дореволюционной экономики наш ученый критик не мог бы впасть в такие грубые ошибки, как вышеуказанные. Но, как видно, и элементарная грамотность не всегда обязательна для профессоров.

Было бы интересно, наряду с критикой наших цифр, услышать те, какие представляются вполне реальными самому проф. Кондратьеву. К сожалению, он их не называет в цитируемой статье. Из других выступлений проф. Кондратьева, однако, известно, что он желал бы „ограничить темп капитального промышленного строительства,

снизив его размеры, примерно, на 15%"[1]. Это ограничение по линии „практики" индустриализации может вытекать из двух оснований. Его можно мотивировать „непосильностью" для нас более высокого темпа, во-первых, по условиям возможного в стране накопления и, во-вторых, по условиям необходимости иного, более целесообразного перераспределения народного дохода.

Что же именно имеют в виду наши эпигоны?

В тезисах проф. Кондратьева взята следующая установка: „Крайности индустриализма характеризуются прежде всего тем, что мы приняли непосильный темп развития промышленности. Именно этот темп развития промышленности заставляет, в поисках средств на капитальные вложения, итти по пути значительных изъятий материальных средств из деревни и по пути неблагоприятного соотношения цен на сельскохозяйственные и индустриальные товары. Крайности индустриализации, далее, заключаются в том, что мы идем по пути непосильного развития тяжелой индустрии, производящей средства индустриального производства. Именно этот путь приводит к тому, что процесс индустриализации в настоящее время не повышает, а ослабляет степень снабжения деревни необходимыми ей продуктами хозяйственнного и личного потребления"[2].

Классовая подоплека этого тезиса чрезвычайно прозрачна. „Непосильность" намеченных темпов индустриализации здесь приобретает весьма условный характер. Они непосильны без ущерба классовым интересам известных слоев деревни. Вот в чем соль идеологии эпигонов народничества.

Еще ярче, однако, эта классовая установка выявлена у проф. Н. П. Макарова. В его критике нашей пятилетки общая цифра возможных капитальных вложений за пять лет в сумме около 17,6 млрд. руб. отнюдь не подвергается оспариванию. И весь спор переносится в область того или иного распределения этих накоплений. А именно в порядке „экспертного" своего заключения проф. Макаров предлагает ассигнования на сель-

---

[1] См. его тезисы: „Задачи в области сельского хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства и его индустриализацией". Цитируем по статье тов. Г. Зиновьева: „Манифест кулацкой партии". Большевик, 1927, № 13, стр. 35.

[2] Там же, стр. 38.

ское хозяйство за счет казны увеличить против проекта Госплана на сумму свыше 1 миллиарда руб. за пятилетие, сбалансировав эту поправку за счет промышленности. К этому надо еще прибавить „более решительное снижение цен на индустриальные товары“, которое им проектируется в 25—30% вместо 17, что даст еще минимум один миллиард в пользу деревни. За счет кого же? За счет заработной платы городских рабочих, конечно[1].

Сам Макаров формулирует это следующими словами: „Задача иной сбалансировки вложений и накоплений должна быть выполнена отчасти путем сокращения предположенных вложений в индустрию, отчасти путем меньшего подъема дохода городского населения для усиления капиталонакопления в самой индустрии“ [2].

Так вот, где зарыта собака. Дело не в том, стало быть, что мы проектируем слишком высокий процент накоплений, а в том, что направляем их не туда, куда хотелось бы нашим эпигонам народничества.

Вопрос идет о миллиардах, в использовании которых можно пойти очень различными путями. На этих путях сталкиваются интересы города и деревни, интересы пролетария и хозяйственного мужичка. Здесь есть основание для серьезных социальных конфликтов. Поэтому мы вынуждены здесь остановиться.

Эпигоны народничества приглашают нас ориентироваться на интересы деревни. Мы тоже не склонны игнорировать эти интересы. Но нам известно, что интересы „деревни“, взятой в целом, это нечто весьма противоречивое. Интересы деревенской бедноты одни, интересы сельской буржуазии — другие. О чьих же собственно интересах пекутся наши эпигоны?

Это нетрудно решить. Ведь тот же Макаров, который, скажем, требует более решительного снижения индустриальных цен, совершенно откровенно мотивирует это необходимостью большего „капиталонакопления в сельском хозяйстве“. Но удешевление цен для батрацко-бедняцкой части деревни, отчуждающей труд, отнюдь не ведет еще к капиталонакоплению. В лучшем

---

[1] „Номинальная заработная плата должна быть приостановлена в своем росте“,—требует от нас проф. Кондратьев. Там же, стр. 43.

[2] Н. П. Макаров. Несколько замечаний о перспективах развертывания народного хозяйства СССР. План. Хоз., 1927, № 5, стр. 56—57.

случае оно могло бы повысить уровень ее потребления, да и то лишь в том случае, если бы оно осуществлялось не за счет сужения промышленного строительства и снижения оплаты труда городского пролетариата, как этого хочет Макаров. Программа Макарова для деревенской бедноты означает прежде всего сужение рынка сбыта ее рабочей силы и понижение доходов от отхожих промыслов и т. п. заработков. А вот хозяйственный мужичок при тех же условиях сумеет осуществить известное „капиталонапление благодаря более благоприятной конъюнктуре". В особенности, если, согласно программе Кондратьева, будет пересмотрено „понятие кулачества", облегчено существующее обложение, ложащееся, по его мнению, „чрезмерно тяжелым бременем на развивающиеся слои крестьянских хозяйств", обеспечена „свобода экспорта" и т. д. [1]

Эпигоны народничества отнюдь, однако, не стремятся к повышению личного потребления бедняцких слоев деревни. Проф. Кондратьев решительно возражает против той политики, которая „фаворизуя бедноту", сдерживает „рост хозяйственно-мощных слоев деревни" [2]. А проф. Макаров, усвоив марксистскую терминологию, нашим же добром бьет нам челом, гордо провозглашая: „Примат производства, а не потребления, неизбежен в данной стадии развития народного хозяйства СССР" [3]. Говоря проще, наши профессора отнюдь не интересуются уровнем благосостояния пролетарских и полупролетарских трудящихся масс, представляющих собою основную предпосылку производства. Они лишь хлопочут о более благоприятной конъюнктуре для капиталонакопления „хозяйственно-мощных слоев деревни".

Это уж не столько примат производства, сколько примат накопления, и притом частного капиталонакопления, в ущерб развитию государственной промышленности, т. е. за счет накопления социалистического, к тому же в первую очередь кулацкого накопления за счет ограничения потребления пролетарских слоев населения.

У проф. Макарова его проповедь воздержания в интересах осуществления „примата производства" зву-

---

[1] См. „Манифест кулацкой партии", стр. 37 и далее.

[2] Там же, стр. 41.

[3] Макаров. Несколько замечаний... и т. д., стр. 57.

чит очень внушительно. В нашей пятилетке даже для наиболее „фаворизируемых“ слоев городского пролетариата запроектирован прирост потребления всего в 50% за пять лет по физическому объему, или в 33% по денежной оценке, в то время как капитальные затраты в производство должны возрасти за те же пять лет с 2084 млн. руб. до 4329 млн., т. е. на целых 107% в денежной оценке. Это ли не примат производства? Но проф. Макаров отнюдь этим не удовлетворен. Он называет это „потребительским“ уклоном и требует от нас жертв. Как ветхозаветный пророк, он вдохновенно взывает к нам: „Доходы и потребление города должны быть подчинены целостному интересу народного хозяйства. Индустриализация страны требует жертв“!...[1]

Мы знаем, что воздержание во имя накопления для всякого мелкого буржуа — самая большая добродетель. Это его „закон и пророки“. И потому нам понятен пафос проф. Макарова, ратующего за эту добродетель в интересах „хозяйственно-мощных слоев деревни“. Но при чем тут, спрашивается, индустриализация? Почему проф. Макаров от ее имени требует жертв, раз эти жертвы по его программе должны быть принесены сельскому капиталонакоплению как-раз за счет индустриализации? Такая игра словами никого не обманет.

Жертвы в пользу хозяйственного мужичка мы отнюдь не можем отождествить с жертвами в интересах индустриализации.

Мы очень охотно идем навстречу интересам деревни. Индустриализация страны, умножая и удешевляя товары, направляемые в деревню, расширяя рынок для товарной продукции деревни и для поглощения аграрного перенаселения, является лучшим залогом плодотворности наших забот о деревне. Но мы идем на удешевление цен для деревни лишь в меру удешевления себестоимости индустриальной продукции. И притом лишь за счет технической и всякой иной рационализации труда, а не за счет оплаты труда пролетариата и снижения темпа развертывания социалистической промышленности, как этого хотелось бы идеологам хозяйственного мужичка в деревне. Советская власть придает огромное значение подъему сельского

[1] Макаров. Несколько замечаний... и т. д., стр. 57.

хозяйства и благосостояния бедняцко-середняцких слоев деревни. Она не жалеет для этого миллиардных затрат. Но перед ней стоят и другие, не менее важные задачи, требующие еще более значительных затрат и усилий. И во всяком случае политика жертв пролетариата во имя капиталонакопления кулацких верхушек деревни — не наша политика.

Пролетариату СССР пришлось уже и без того принести немало жертв. И ему предстоит их еще, быть может, гораздо больше впереди. Но во имя других, более высоких целей.

Здесь, однако, может возникнуть другой вопрос. Если наши эпигоны не правы, требуя для осуществления своей программы в деревне жертв со стороны городского пролетариата, то, может быть, они правы в другом. Может быть, наша программа индустриализации и обобществления вследствие своей чрезмерности, действительно, предполагает, как это утверждает проф. Кондратьев, необходимость „значительных изъятий“ из ресурсов деревни. Не требует ли партия пролетариата каких-либо слишком тяжелых жертв от крестьянских масс во имя чуждых им общественных идеалов? Такая политика была бы, несомненно, весьма рискованной. И она во всяком случае шла бы в разрез той основной идее „смычки“ города с деревней, которую нам завещал В. И. Ленин.

Но, к счастью, мы вовсе не нуждаемся ни в каких жертвах со стороны беднейших слоев деревни. Строя социализм, мы уже с самых первых шагов повышаем не только продуктивность, но тем самым и благосостояние трудящихся масс—и в городе, и в деревне. В частности, наша пятилетка проектирует повышение благосостояния деревни за пять лет из расчета на душу процентов на 30. Уже из этого можно бы заключить, что наша программа отнюдь не рассчитывает на какие-либо тяжелые жертвы со стороны крестьянства. Можно, однако, привести и более детальный расчетный баланс взаимоотношений города и деревни по пятилетке Госплана[1] (см. стр. 246).

В приведенном расчете не все статьи одинаково бесспорны. Так, напр., участие деревни в уплате прочих налогов, кроме сельхозналога, принятое мною по исчислениям ЦСУ в 33,6% от общего их итога, предста-

---

[1] Перспективы развертывания народного хозяйства на 1926/27—1930/31 гг. М. 1927.

Ориентировочный расчетный баланс деревни за 1926/27—1930/31 гг.

(в млн. черв. руб.)

А. Что мы даем деревне:

1. На финансирование сельского хозяйства	1200
2. На дорожное строительство	589
3. На элеваторы и холодильники	191
Итого по капитальным вложениям	1980
4. На сельские школы, больницы и пр.	2000
5. На содержание учреждений Наркомзема	543
6. На содержание шоссейных и грунтовых дорог	245
Итого по обслуживанию нужд деревни	2788
7. На содерж. сельск. и волостного самоуправления	800
8. Снижение пром. цен для деревни (на 9,8%)	2135
Всего по 1—8 за пят лет	7703

Б. Что мы берем у деревни:

1. Единый сельхозналог	1656
2. Прочих денежных налогов	4040
3. Дорожная повинность	105
Итого по налогам и повинностям	5801
4. Чистый остаток в пользу деревни	1902
Баланс	7703

вляется мне несколько преувеличенным[1]. А расходы на культурные нужды деревни, принятые здесь только в 50% от затрат местного бюджета по этой статье, повидимому, сильно преуменьшены. Снижение промышленных цен при потреблении деревни за 5 лет в 21,8 млрд. по ценам 1925/26 г., определившееся по нашему расчету всего в 2135 млн. руб., тоже едва ли не преуменьшено[2]. Надо помнить, что пятилетка проектирует общее снижение промышленных цен за счет опта и розничной накидки к 1930/31 г. в 21%, а мы в среднем за пятиле-

[1] И. Магидович. Тяжесть обложения населения СССР в 1924/25 г. Стат. Обозр., 1927, № 6, стр. 85.

[2] Валовая цифра приобретения деревней промышленных продуктов, включая сюда и предметы хозяйственного потребления для 1925/26 г., принята по „Контрольным цифрам на 1926/27 г." (стр. 132—133) в 3325 млн. руб., за 1926/27—в 3674 млн. руб., за 1930/31—в 152,5% нормы 1925/26 г.

тие учли здесь снижение этих цен всего на 9,8%. И, тем не менее, сальдо расчетов в пользу деревни получилось у нас в размере около 2 млрд. руб.

Это достаточно наглядно показывает, что мы не только строить социализм за счет деревенской бедноты не собираемся, не только ни одного миллиона на индустриализацию не извлекаем из деревни, но даже из затрат на такие общегосударственные нужды, как оборона страны, администрация, суд и т. д., ни одного гроша на деревню не перелагаем.

Конечно, приведенный расчетный баланс взаимоотношений города и деревни в целом слишком огулен. Он отнюдь еще не раскрывает полностью нашей политики в отношении различных социальных слоев деревни. С кулацко-эксплоататорских верхушек деревни мы, несомненно, взимаем в порядке прогрессивного их обложения и всеми другими методами гораздо больше, чем возвращаем им в порядке обслуживания деревни. За счет этих слоев сельской буржуазии, нравится ли ей это, или нет, мы отнюдь не прочь финансировать социалистический сектор хозяйства вообще и индустриализацию в частности. Но зато в отношении гораздо более широких пролетарских и полупролетарских масс деревни мы предпочитаем совсем иную политику. От налогов мы их в значительной массе вовсе освобождаем, а на обслуживание их хозяйственных и культурных нужд в интересах общего хозяйственного подъема страны затрачиваем очень большие средства. И вот, в результате этой весьма диференцированной классовой политики, общий расчетный баланс между городом и деревней пока, несомненно, складывается в пользу деревни.

Так обстоит дело в наших перспективах на будущее. Но, может быть, до сих пор было иначе? Может быть, мы уже за прошлое время слишком много ресурсов извлекли из деревни и налоговыми путями, и политикой цен и теперь лишь слегка облегчаем это бремя? Может быть, проф. Кондратьев прав, что благосостояние деревни ныне чуть ли не вдвое ниже довоенной нормы? Говоря иначе, правда ли, что Октябрьская революция оказалась столь разорительной для русской деревни, как в этом нас хотят уверить Кондратьевы и К°?

Нет, неправда. Октябрьская революция, конечно, требовала жертв. И их за время гражданской войны было

принесено немало и рабочими, и крестьянами. Но эти жертвы давно уже оправданы завоеваниями революции. Мы имеем здесь в виду не только социально-политические, но и экономические завоевания. В частности, уровень благосостояния трудящихся масс в городе и деревне уже превзошел довоенный. И если в отношении деревни это еще оспаривается, то через год—два и здесь всякие споры станут уже невозможными.

В самом деле. По расчетам пятилетки Госплана, валовой доход от сельского хозяйства на душу сельского населения в довоенной оценке достигал в 1913/14 г. 90,5 руб., в 1925/26 г. при среднем урожае—83,2 руб., а при фактическом—86,8 руб. Но если сделать поправку на продукцию отпавших помещиков за довоенные годы и на продукцию совхозов для наших лет, то получим 82,4 руб. для 1913/14 г. и 82 руб. по среднему, 85,5 руб. — по фактическому урожаю для 1925/26 г. Таким образом, по физическому объему своей продукции крестьянское хозяйство уже превзошло свой довоенный уровень. Но тут выплывает вопрос о ценах.

Деревня вынуждена была доныне сбывать свою продукцию по менее выгодным для нее ценам, чем в довоенное время. И это не случайно. Промышленность пострадала от хозяйственной разрухи за время мировой и гражданской войны гораздо сильнее, чем сельское хозяйство. И производительность труда в промышленности упала значительно ниже, чем в сельском хозяйстве, по отношению к довоенному уровню. Однако, эта причина смещения цен в указанной области по мере восстановления довоенных норм производительности в индустрии за последние годы постепенно утрачивала свое значение. Вместе с тем сближались между собою и лезвия так наз. ценовых ножниц. Но известный разрыв цен сохранился и до сих пор. Продукты сельского хозяйства даже при довоенных затратах труда должны расцениваться несколько ниже довоенной нормы по отношению к другим товарам в связи с национализацией земли. Платежи в крестьянский банк, аренда за помещичьи земли отпали. Земельная рента, которая повышала рыночную цену сельскохозяйственных продуктов, в очень значительной своей части (абсолютная рента) уже не входит в нее. Таким образом, для наличного ныне соотношения цен имеются вполне достаточные экономические основания.

Объяснять пониженный уровень сельскохозяйствен-

ных цен какими-либо искусственными мероприятиями или злым умыслом тех или иных органов советской власти нет оснований. Это ясно уже из того, что все наши плановые усилия мы направляем к уничтожению указанного разрыва цен. Но с нашей точки зрения для этого имеется один лишь надежный путь—это дальнейшее повышение производительности труда в промышленности в результате намеченной индустриализации страны. Если мы удешевим производство городских изделий в большей мере, чем это произойдет в сельском хозяйстве, мы получим возможность соответствующего смещения цен в пользу деревни.

Переходя от этих общих соображений к цифрам, мы должны прежде всего констатировать следующий факт. Мы не имеем надежного измерителя интересующего нас смещения цен. Так наз. крестьянские индексы Конъюнктурного Института построены для другого специального назначения. Оптовый индекс не характерен для деревни, ибо там нет оптовых сделок. А розничный индекс Конъюнктурного Института до самого последнего времени регистрировал только цены частного рынка, несмотря на то, что огромная доля покупок деревни совершается в кооперативах. Чтобы оценить, какое это имеет значение, сопоставим старый индекс Конъюнктурного Института за январь—март 1927 г. с новым, в котором по требованию СТО учтены с надлежащим весом и частные, и кооперативные цены [1].

	Старый индекс абс.	Старый индекс отн.	Новый индекс абс.	Новый индекс отн.	Разница в % к нов. индексу
1. Промышл. цены	2,68	1,13	2,17	1,10	23,5
2. Сел.-хоз. цены	2,08	0,88	1,89	0,92	10,0
Тотальный индекс	2,37	1,00	2,06	1,00	15,0
„Ножницы“ (1 : 2)	1,29	—	1,15	—	12,2

Итак, старый индекс преувеличивал сельскохозяйственные цены на 10%, а промышленные даже на целых 23%! И, стало быть, тот раствор „ножниц“, которым нас так пугали официальные бюллютени возглавляемого проф. Кондратьевым Конъюнктурного Института, отражал собой не столько действительность, сколько неумеренное при-

[1] Эконом. Бюллетень Института НКФ, 1927, № 5, стр. 6. Постановление СТО о включении в индекс цен кооперативной и государственной торговли состоялось 11 VIII 1926 г.

страстие этого почтенного учреждения к ценам частного рынка.

Уже в 1923/24 г. доля частника в обороте страны составляла у нас всего около 45%, а к 1926/27 г. она упала до 20% всего посреднического оборота. Но в индексах проф. Кондратьева это не находило себе никакого отражения. Для него конъюнктурный интерес попрежнему представляли только спекуляции частника, ибо только в них находила свое полное отражение стихия рынка. Помилуйте, какое значение с этой точки зрения могли для него представлять „указные" цены обобществленной торговли, продиктованные из Наркомторга, хотя бы по ним реализовалось 80% оборота? Ведь Наркомторг—не стихия. И вот, несмотря на то, что главной задачей индекса НКФ было следить за изменениями покупательной силы червонца по всей стране, нам в течение ряда лет преподносился для этой цели индекс, отражающий собою лишь тот весьма ограниченный уголок рынка, где еще находила себе пищу стихия частной спекуляции. Целые годы, пользуясь этим „спекулянтским" индексом, нас пугали и призраками надвигающейся инфляции, и политически весьма для нас одиозным раствором „ножниц". Потребовался специальный приказ СТО, чтобы наши ученые конъюнктуристы заметили, что на рынке у нас подвизаются и другие силы, помимо частника-спекулянта. И лишь теперь мы можем воочию убедиться, насколько преувеличены были те опасности, которыми нас запугивали.

Общий уровень цен в старом индексе проф. Кондратьева был преувеличен процентов на 15, „ножницы"—процентов на 12. Исходя из этого, „ножницы" 1925/26 г., исчисленные по спекулянтскому сектору рынка в 1,24, следовало бы понизить до 1,11 или около того. Однако, примем даже тот коэфициент 1,15, который зафиксирован по новому индексу для января—марта 1927 г. [1] Тогда, исходя из объема продаж и приобретений деревни за 1925/26 г. и принятого смещения цен не в пользу деревни в 15%, нетрудно оценить общее его значение по всему СССР.

По исчислению контрольных цифр Госплана, за исключением внутриселенного оборота, деревня реализовала

[1] Отметим, что для следующего квартала мы имеем новое снижение „ножниц" по индексу НКФ с 1,15 до 1,11 и по бюджетному с 1,08 до 1,07.

в городе за 1925/26 г. своих земледельческих продуктов на 2411 млн. черв. рублей и кустарных изделий на 520 млн. руб., а сама приобрела промышленных изделий всего на 3325 млн., в том числе в городе—на 2389 млн. руб.[1] Эти цифры, вероятно, весьма далеки от точности, но необходимый нам масштаб товарооборота деревни они все же выявляют. Смещение цен при „ножницах" в 1,15 можно рассматривать двояко. Если сельскохозяйственные цены нормальны, то, значит, промышленные вздорожали на 15%, и, стало быть, деревня переплатила на них $\frac{(2389-520)\cdot 15}{115} = 244$ млн. черв. руб. против довоенной нормы. А если промышленные цены нормальны, то, значит, сельскохозяйственные понижены, и недобор деревни против довоенной нормы следует оценивать в 2411. 0,15 = 362 млн. руб. Таким образом, „потери" деревни на ценах за 1925/26 г. колеблются в пределах от 244 до 362 млн. и в среднем могут быть определены в 303 млн. руб.

Это весьма солидная сумма. Но если бы советская власть своим плановым вмешательством не снижала цены в государственной и кооперативной торговле, то эта сумма потерь деревни была бы несравненно выше. Цены *частного* рынка, как это видно из вышеприведенного сопоставления старого и нового индексов Конъюнктурного Института НКФ, еще менее выгодны для деревни. Стихия частного рынка, несмотря даже на противодействие пониженных цен обобществленной торговли, ухитряется раздвигать пасть своих „ножниц" для ущемления деревни очень широко. При растворе „ножниц" в 1,29, согласно показаниям частного рынка, потери деревни вместо 303 млн. составили бы по такому же счету за один лишь год от 420 до 700 млн. руб., т. е. чуть ли не вдвое больше фактических потерь 1925/26 г. А что же было бы, если бы частник вовсе не встречал на своем пути никакого противодействия кооперации?

Это нетрудно сообразить. Все те выгоды, какие деревня получила в результате Октябрьской революции, стихия частного рынка обратила бы *целиком* на удешевление сельскохозяйственной продукции и увеличение рентабельности частного торгового капитала. А деревенская беднота попрежнему осталась бы не при чем. Не

[1] Контрольные цифры на 1926/27 г., стр. 126—128.

этого ли именно и добиваются такие поклонники хозяйственно-мощных слоев деревни и капиталонакопления в сельском хозяйстве, как проф. Кондратьев, Макаров и прочая братия?

Впрочем, признают ли они еще какие-либо выгоды, полученные деревней от революции?

А между тем, ни для кого не секрет, что нынешнее обложение деревни значительно ниже довоенного. И всякого рода платежи за землю, отпавшие с революцией, тоже кое-что значат. По расчетам А. Л. Вайнштейна, все прямые и косвенные налоги в деревне достигали в 1912 г. 6 р. 78 к. на душу, да платежи за аренду помещичьих земель и в банк—3 р. 76 к., а всего не менее 10 р. 54 к. довоенных, или до 18 р. 97 к. червонных на душу. А в 1925/26 г., по исчислениям НКФ, все налоги, падающие на земледельческое население, не превышают в СССР 8 руб. 08 коп. на душу [1]. И, стало быть, разница в пользу деревни составляет на душу 10 р. 89 к., а на все 117 млн. душ населения деревни—свыше 1270 млн. черв. руб.

Если из этой суммы теперь исключить около 300 млн., потерянных деревней на ценах, то все же останется около миллиарда руб., которые надо рассматривать, как чистый выигрыш деревни за счет революции.

Эту цифру, конечно, можно оспаривать и уточнять. Мне лично она представляется минимальной. Но если даже согласиться с теми скептиками, которые фактические потери деревни на ценах определяют в 3-4 раза выше показаний наших индексов, то и в таком случае придется признать, что выигрыш деревни от революции превосходит эти потери [2]. Понизится лишь абсолютная величина этого выигрыша.

---

[1] См. М. Ржевский. Налоговое бремя в СССР. Эконом. Обозр., 1927, май, стр. 173 и 185.

[2] Отмеченный скептицизм к показаниям наших индексов о растворе „ножниц“ основывается на том соображении, что, несомненно, деревня продает по более дешевым, а покупает по более дорогим ценам, чем те средние цены для всей страны, какие фиксируют наши индексы. Это совершенно верно. Однако, это одинаково верно не только для 1925/26, но и для 1913 г. и потому не может существенно отразиться на растворе „ножниц“, призванных отметить лишь то, что изменилось с 1913 г. В самом деле, допустим, что продает деревня, скажем, на m% дешевле, а покупает на n% дороже тех средних городских цен, по которым строятся наши индексы. Но если это имело место и в довоенное время, то множители m и n при исчислении индексов, попав в числитель и знаменатель дробей, со-

Как видим, не только к концу проектируемой пятилетки, но и к началу ее благосостояние деревни в СССР превосходило уровень 1913 г. и вообще довоенный уровень, ибо 1913 г. и по объему народного дохода от сельского хозяйства, и по соотношению цен был особенно благоприятен для русской деревни. Так, напр., если принять за норму средние цены за целое десятилетие 1890—1899 гг., то сельскохозяйственные цены в 1913 г. достигли 147,2% этой нормы, в то время как промышленные—только 137,7%. Говоря иначе, если бы мы исходили в исчислении „ножниц" не от 1913 г., а от 1890—1899 гг., то для 1913 г. пришлось бы определить „ножницы" в 137,7:147,2 = 93,6%, и тогда для 1925/26 г. они вместо 117%, по оптовому индексу ЦСУ, понизились бы до 111%, а к концу пятилетки, для 1930/31 г., достигли бы, вследствие снижения промышленных цен на 17,6% при стабильности сельскохозяйственных, уровня 91,3% нормы 1890—1899 гг. [1]

Даже наиболее рьяные радетели деревни не смогут отрицать, что наша пятилетняя программа развертывания хозяйства значительно улучшает положение деревни. Но, может быть, если бы мы последовали советам этих радетелей, то сделали бы для деревни еще больше.

Мы это категорически отрицаем. Предлагаемый нам курс одновременно и на снижение темпа индустриализации, и на более резкое снижение промышленных цен внутренне противоречив и явно утопичен. Если мы снизим намеченную сумму вложений в промышленность, то не сможем расширить и удешевить ее продукции в той степени, в какой намечаем. А если бы все же при этих условиях были понижены и цены, то возросший спрос не удалось бы удовлетворить пониженным производством.

кратятся и исчезнут. А если было иначе, то это прежде всего требуется доказать. До сих пор, однако, это никем еще не доказано. И едва ли может быть доказано, ибо довоенных цен, по которым деревня покупала, скажем, промышленные продукты, взять неоткуда. Такие суррогаты их, как те, которыми пользуется Конъюнктурный Институт НКФина для своих „крестьянских индексов", т. е. цены 1913 г., восстановленные опросом по памяти, в 1925 г. через 12 лет,—заведомо непригодны для этой цели. А лучших нет.

[1] Проф. Макаров пытался утверждать, что 1913 г. был „нетипичным" в обратную сторону, т. е. менее благоприятным для деревни, чем десятилетие 1890—1899 гг. Но это утверждение можно объяснить лишь арифметической ошибкой ученого профессора. Ср. статью Н. П. Макарова. Несколько замечаний..., стр. 44 и М. П. Кохн. Русские индексы цен, стр. 158. М., 1926.

И мы пришли бы к тяжелому кризису, на котором порядочно заработал бы частный посреднический капитал, но ничего не выиграла бы деревня. Таким образом, ратуя субъективно в интересах деревни, эпигоны народничества объективно служат лишь интересам частного капитала.

Но мы должны сказать больше. Программа наших последышей народничества так же, как и программа их предшественников, не только утопична, но и реакционна, ибо она направлена против развития производительных сил страны.

В пятилетке Госплана показано, насколько индустриальный труд в наших условиях продуктивнее сельскохозяйственного. Из расчета на одного годового работника по довоенной оценке вновь созданная за 1925/26 г. сумма ценности в городе была втрое выше, чем в деревне, а к 1930/31 г. она будет вчетверо выше. Уже из этого видно, каким тормозом в развитии общего уровня производительности труда в стране было бы всякое снижение темпа индустриализации.

Проф. Кондратьев считает необходимым „решительно отвергнуть" приведенные в пятилетке соображения о сравнительной производительности сельскохозяйственного и промышленного труда [1]. И мы вполне понимаем, насколько это для него необходимо. Но, увы, факты—упрямая вещь, и от них не отболтаешься одной риторикой.

В самом деле, проф. Кондратьев ссылается на тот признаваемый и мною факт, что для измерения „абсолютного уровня" производительности труда в сложных производствах у нас нет никаких измерителей. Это верно. Но ведь нас интересуют здесь не абсолютные величины, а лишь их соотношения во времени и в пространстве.

Находя, что мы в своем сопоставлении подменяем „понятие производительности труда понятием его доходности", проф. Кондратьев ошибается, конечно, ибо мы оперируем с понятием народного дохода, т. е. вновь созданной в стране суммы ценностей, а не с понятием доходности труда. И в частности, земледельцам мы приписываем не тот доход, который они фактически получили, а ту сумму ценностей, которую они произвели своим трудом, независимо от того, какая доля этих цен-

[1] Н. Д. Кондратьев. Критические заметки и пр., стр. 29.

ностей у них оказалась изъятой налогами, рентой и прочими перераспределительными приводами. К тому же мы оперируем ценами 1913 г., когда регулятор меновой ценности не подвергался еще никаким ограничениям планового порядка и когда, стало быть, в обмен вступали если не вполне эквивалентные, то все же приближающиеся к эквивалентным ценности.

Проф. Кондратьев, однако, очень строг. Этого ему мало. „Вот если бы С. Г. Струмилин доказал,—замечает он,—что в 1913 г. цены на товары вполне совпадали с трудовыми стоимостями последних, тогда он мог бы по данным о доходе судить о сравнительной производительности труда. Но именно это-то доказать и невозможно, именно эта-то посылка, если ее принять, и неверна“ [1].

Итак, проф. Кондратьев не отрицает возможности по данным о народном доходе, падающем на единицу труда в разных отраслях хозяйства, судить о сравнительной производительности в них труда. Он лишь отрицает полное совпадение цен с трудовыми ценностями на капиталистическом рынке. И мы это тоже отрицаем. Но так ли уж нам необходима для практических целей эта полнота совпадения? Попробуем это проанализировать.

Прежде всего нужно знать, насколько и в какую сторону отклонялись у нас цены продуктов земледелия от их трудовой ценности в капиталистической России. Если иметь в виду средний уровень этих цен, а не частные конъюнктурные колебания их вокруг этого уровня, то в капиталистическом земледелии имеются две причины для отклонения цен от ценности. Во-первых, земельная рента, и во-вторых, пониженный в земледелии уровень органического строения капитала. Наличие ренты повышает цены продуктов земледелия против средней нормы общественно необходимых трудовых затрат на их производство, ибо принуждает исходить из условий производства на худших участках, вовсе не приносящих ренты. А пониженный органический состав капитала понижает их против трудовой ценности в результате тенденции к выравниванию нормы прибыли во всех отраслях производства. Чтобы оценить общий результат этих двух встречных воздействий, мы можем обратиться к конкрет-

[1] Там же.

ным статистическим данным о строении цен 1913 г. в России[1] (см. табл. 30).

В виду известной дефективности имеющихся у нас статистических источников, приведенный расчет не претендует на особенную точность. Основной капитал земледелия у нас, вероятно, сильно преуменьшен, так как исчислен из норм крестьянского хозяйства, а потому норма рентабельности его, несомненно, преувеличена. Но если даже исходить из этих норм, то окажется, что на рубль земледельческой продукции требуется не менее 49 коп. основного капитала при средней норме для земледелия и промышленности в 60 коп. Стало быть, при средней рентабельности этих капиталов в 22,3%, вся прибыль, изымаемая из земледелия в другие отрасли хозяйства в порядке уравнения нормы прибыли, составила бы не свыше (60—49) × 22,3%, т. е. менее 2,5% от цены земледельческого продукта, в то время как рента, входящая в цену этого продукта, была в несколько раз выше. Уже из сказанного видно, что земледельческие продукты расценивались у нас на рынке не ниже, а выше их трудовой ценности.

К тому же выводу приводит и другое сопоставление. Исходя из средней рыночной расценки труда в городе и деревне, можно считать, что средняя квалификация работников, занятых в земледелии, была к 1913 г. раза в два ниже, чем в промышленности. А с учетом более продолжительного рабочего дня в деревне этот коэфициент был бы еще выше. При указанных условиях оказывается, что в земледелии вновь созданная за 1 день труда продукция расценивалась в 1 р. 99 к., а в промышленности—на единицу труда той же квалификации—только в 1 р. 50 к. Этот факт еще раз подтверждает, что цены земледельческой продукции, в связи с условиями рентообразования, были у нас не ниже, а выше трудовой ценности.

А если это так, то, заменяя при сопоставлении продуктивности труда в городе и деревне народный доход на одного годового работника, выраженный в ценах

[1] С. Струмилин. Проблема промышленного капитала в России, стр. 39, М., 1925 и его же. Условия производства хлебов в СССР. План. Хоз., 1926, № 2, стр. 352. Удельный вес промышленной продукции для взвешенных средних принят в 45%, земледельческой—55%. Основной имущественный фонд в земледелии (хозяйственные постройки и инвентарь) исчислен по пензенским крестьянским бюджетам 1913 г.

Таблица 30

Строение цен 1913 г. в России

Элементы цен и показатели	Земледелие	Промышленность	В среднем
1	2	3	4
А. Перенесенная ценность (c)	36,0	62,6	48,0
Б. Новая ценность ($v+m$)	64,0	37,4	52,0
1. Оплаченный труд (v)	24,3	18,8	21,8
2. Прибавочная ценность (m)	39,7	18,6	30,2
а) рента (m_1)	22,2	0,8	12,6
б) налоги (m_2)	1,7	7,3	4,2
в) прибыль (m_3)	15,8	10,5	13,4
Итого ($c+v+m$) в рублях	100	100	100
В. Показатели:			
1. Основной имущественный фонд (C) (на 100 единиц продукции)	49	74	60
2. Органич. состав капитала ($C:v$) в %	210	393	275
3. Рентабельность его ($m_3:C$) в %	32,5	14,2	22,3
4. Норма прибавочной ценности ($m:v$) в %	163	99	138
5. Трудовые затраты на 100 единиц продукта			
а) фактические—в днях	32,1	12,7	23,4
б) приведенные—с учет. квалификации	32,1	24,8	28,8
6. Квалификация (по оплате труда)	1,00	1,95	1,23
7. $v+m$ на единицу привед. труда	1 р. 99	1 р. 50	1 р. 80
8. Отклонение цен от ценности			
а) в % к ценности чистой продукции	+10,5	−16,6	—
б) в % к ценности валовой продукции	+6,7	−6,2	

1913 г., соответствующими трудовыми ценностями, мы лишь усилили бы ту разницу, которую обнаружили в оспариваемом проф. Кондратьевым расчете.

Годовая продуктивность индустриального работника в несколько раз выше, чем у земледельческого, даже если ее измерять в ценностных единицах, уже потому, что и квалификация его много выше и использование рабочего времени в течение года несравненно эффективнее. Индустриальный рабочий работает достаточно эффективно круглый год, а земледелец—только летом.

Но эта разница оказалась бы еще выше, если бы мы сумели перейти от учета создаваемых в городе и деревне ценностей к учету соответствующих им потребительных благ. Количество их, создаваемое в единицу времени промышленным рабочим, в связи с техническим прогрессом промышленности ежегодно возрастает в гораздо более быстрых темпах, чем в земледелии. С этой точки зрения достаточно было бы оценить по достоинству хотя бы один лишь факт механизации индустриального труда. Еще в 1890 г. мы имели в промышленности на одного рабочего всего 0,23 HP установленной мощности механических двигателей, а в 1916 г., накануне революции, эта норма повысилась до 1.23 HP на рабочего, т. е. в 5,3 раза. Одна механическая лошадиная сила эквивалентна по своей энергетической работе 12 рабочим. Стало быть, суммируя человеческую и механическую энергию, можно сказать, что производительная мощность одного индустриального рабочего возросла за 26 лет с (0,08 + 0,23) HP до (0,08 + 1,23) HP, т. е. на 323%. В земледелии же механизация труда, вследствие распыленности рабочей силы в мелких индивидуальных хозяйствах и многих других причин, до сих пор почти не прививалась. И в общем по нашему расчету—с 1887 г. по 1913 г.,—т. е. тоже, примерно, за 26 лет, производительность труда возросла здесь всего на 27%.

Нельзя допустить, чтобы такого рода факты были вовсе неизвестны нашим эпигонам народничества. Проморгать такой факт, как огромный технический прогресс в промышленности при соответствующей технической отсталости в земледелии,—это уже было бы рекордом идеологического ослепления. Но если они знают этот факт, то почему же так „решительно отвергают“ столь элементарный из него вывод, что производительность труда в земледелии несравненно ниже, чем в промышленности?

Мы понимаем, почему такого рода выводы столь неприятны нашим народолюбцам, что они готовы их оспаривать вопреки даже всякой очевидности.

Признав более высокую производительность труда за промышленностью, трудно бороться против индустриализации. Признав, что обобществленный индустриальный сектор в самом себе заключает достаточно ресурсов для дальнейшего роста и обобществления производительных сил страны, нет уже оснований столь рьяно ратовать за капиталонакопление хозяйственного мужичка яко бы в интересах социалистического строительства. Тут уж все маски и прочие благолепные прикрытия пришлось бы отбросить в сторону и выступить с открытым забралом не в качестве доброхотных радетелей угнетенной трудовой деревни, привлекаемой к чрезмерным жертвам во имя социализма, а в качестве присяжных ходатаев за интересы хозяйственного мужичка, как такового, за частное капиталонакопление без всяких прикрас, за жертвы пролетариата в пользу Колупаевых и Разуваевых, возрождающих капитализм. Конечно, столь обнаженная идеология—без единого даже фигового листочка—не слишком привлекательна. И наши эпигоны предпочитают донашивать старые костюмы внеклассового „народолюбия".

Но факты остаются фактами. И последыши „народолюбия" так же, как их родоначальники дореволюционной эпохи, таят в своей идеологии все черты утопической реакционности. Однако, если старые народники под маской своего прекраснодушного крестьянофильства отражали еще в известной мере *реакцию пережитков феодализма*, с его романтикой патриархально-общинного уклада, *против разлагающего их капитализма*, то нынешние их преемники излечились уже от всякой романтики. После социалистической революции, когда навыки общинного уклада, казалось бы, впервые приобретают для нас некоторое положительное значение, наши эпигоны народничества решительно отказываются от каких-либо надежд на крестьянскую общину и отдают явное предпочтение столыпинской программе землеустройства. И это вполне последовательно, ибо если их отцы в интересах хозяйственного мужичка отражали еще реакцию пережитков *феодализма* против победоносного *капитализма*, то в новых условиях детям этих отцов приходится отражать уже реакцию, правда, весьма отсталого, но все же вполне определившегося

мелкобуржуазного **капитализма** против победного шествия **социализма**.

Социологически и ту, и другую реакцию, в их стремлении повернуть вспять колесо истории, можно заранее признать в равной мере безнадежно утопическими. Однако, это неравносильно признанию их безвредности. Те вредные трения, тормозящие наше хозяйственное продвижение вперед, какие создаются на нашем пути реакционной идеологией неонародничества, не следует игнорировать. С нею нужно бороться. Ее необходимо развенчать и обезвредить.

5. НА АРИФМЕТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

В том походе, который эпигоны народничества предприняли против нашей наметки перспектив развертывания народного хозяйства СССР, далеко не последнее место занимает критика наших расчетов и отдельных цифровых заданий, с точки зрения их чисто арифметической несогласованности между собою. Арифметика, разумеется, не должна заслонять собою в хозяйственных планах экономики. Но и ею пренебрегать не следует. А потому мы готовы дать бой нашим ученым критикам и на этом фронте.

Как известно, состояние нашей отчетности не позволяет нам до сих пор построить целостный баланс народного хозяйства даже за прошлые годы. Тем более трудно было бы построить такой строго увязанный во всех своих элементах провизорный баланс на целых пять лет вперед. И в нашей пятилетке мы не задавались этой утопической задачей. Правда, везде где это было возможно, мы пользовались методом балансовой поверки наших плановых предположений, но, к сожалению, это далеко не везде удавалось нам сделать. Вынужденные в разных разделах работы пользоваться цифрами различного происхождения, а потому и различного значения, мы очень часто вовсе не могли сопоставлять их абсолютных величин и довольствовались уже тем, если нам удавалось установить достаточную гармонию в **темпах** их роста или понижения за пятилетие.

Поясним это примером. Если бы мы захотели сопоставить абсолютную цифру товарной продукции промышленных изделий широкого потребления с емкостью рынка на эти изделия, исчисляемой по бюджетам, то

в нашей пятилетке получилась бы следующая арифметическая их неувязка [1].

	Производство	Емкость рынка	„Перепроизводство“	
	в млн. черв. руб.		в млн. руб.	в %
1925/26	8120	3749	4371	116
1930/31	11167	5300	5867	111
Прирост в %	37	41	34	—

Как видим, из абсолютных цифр можно бы заключить, что у нас налицо огромное перепроизводство предметов широкого потребления. Из арифметики это следует. Но ни один грамотный экономист не поверил бы такой арифметике, ибо всем известно, что в 1925/26 г. мы испытывали в стране товарный голод, а не кризис перепроизводства. Вот почему нам и в голову не пришло сравнивать приведенные цифры в абсолютном их значении. Мы прекрасно знаем, что данные бюджетов, в особенности крестьянских, дают чрезвычайно преуменьшенные цифры потребления продуктов промышленности. В полемике с проф. Литошенко мы указывали, в каких огромных поправках нуждаются эти цифры. В частности за 1925/26 г. по бюджетам деревня потребила промышленных продуктов всего на 1492 млн. руб., а по контрольным цифрам Госплана это потребление пришлось исчислить в 3325 млн. руб., т. е. с увеличением на 122% [2]. Но если бюджеты сами по себе мало пригодны для исчислений абсолютных масштабов емкости рынка, то для характеристики сравнительной изменчивости этой емкости, с изменением уровня благосостояния различных бюджетных групп, они могут дать очень ценные указания. И потому, приведя в нашей пятилетке свой расчет емкости рынка, мы оговорили, что придаем ему „лишь иллюстративное значение“, и воспользовались из него только темпами вероятного расширения рынка.

Конечно, и в темпах не трудно ошибиться, когда оперируешь со столь сомнительным статистическим материалом, как крестьянские бюджеты. Кстати сказать, наш расчет, что емкость рынка на промышленные продукты в городе возрастет за пять лет на 72%, а в дере-

[1] Перспективы развития народного хозяйства, стр. 20 и 142 текста. Цифра 6110 млн. руб., показанная на стр. 20 для 1930/31 г., понижена здесь до 5300 млн. руб. за счет снижения цен на 17,7%.

[2] Ср. „Перспективы“, стр. 20 и „Контр. цифры на 1926/27 г.“, стр. 128.

вне—на 48% по физическому объему продукции, дает весьма разные общие выводы в зависимости от того, из каких абсолютных цифр для города и деревни исходить в начальную дату пятилетки. Если принять за исходные данные бюджетов, то средний прирост емкости потребительского рынка для всей страны за 5 лет с 1925/26 г. увеличится на 63%. И тогда нам угрожают и впредь явления товарного голода [1]. А если исходить из более правдоподобного исчисления контрольных цифр, то вместо 63% получим среднюю взвешенную прироста емкости всего в 60%. И тогда к концу пятилетки мы достигнем существенного смягчения товарного голода. Но если не преувеличивать возможной точности подобного рода иллюстративных расчетов, то довольно отчетливое представление „о направлении и масштабах роста потребительского рынка“ мы все же из них получили. Именно это и не более того мы и хотели дать нашими исчислениями емкости рынка [2].

Но иначе к подобным расчетам относятся наши критики. Они готовы сопоставлять между собою даже совершенно не сопоставимые по своему происхождению и значению цифры нашей пятилетки. И если эти цифры не дают того арифметического баланса, которого, конечно, совершенно безрезультатно в таких случаях ищут наши критики, они тотчас же торжествуют победу, делая выводы о нереальности всех наших плановых предположений.

Как велико усердие наших критиков, проявляемое ими в указанном—арифметическом—направлении, можно усмотреть хотя бы из следующего примера.

Чтобы доказать преувеличенность наших расчетов о возможном накоплении в государственном секторе к концу пятилетки, проф. Кондратьев пользуется следующим арифметическим приемом. Вычитая из народного дохода 1925/26 года, исчисленного нами в 21 541 млн. черв. руб., сумму накоплений в государственном секторе 1868 млн. руб. и деля полученную разность на население, он получает таким образом душевое „потребление“ 1925/26 г.—138,6 руб. Далее, исходя из предположений

[1] При росте всей продукции, включая кустарную, только на 59% и товарной продукции предметов широкого потребления на 63% (в ценах 1925/26 г.). Перспективы развития народного хозяйства, стр. 21 и 143.

[2] Перспективы и т. д., стр. 16.

пятилетки о приросте „благосостояния" населения к 1930/31 г. на 31%, он увеличивает 138,6 руб. на этот процент, что дает ему 181,6 руб., умножает эту цифру на население 1930/31 г., определяет таким образом все „потребление" 1930/31 г. в 28 638 млн. руб., вычитает эту цифру из народного дохода в 29 328 млн. руб. и получает таким образом остаток для накопления только в 690 млн. руб. вместо исчисленных пятилеткой 3693 млн. руб.

Затем следует торжество, ибо, по его мнению, приведенной арифметикой „вся внутренняя необоснованность цифр накопления и отсутствие их внутренней балансовой увязки с данными о доходе и потреблении" доказуется совершенно неопровержимо [1].

Однако, торжество это несколько преждевременно. Для того, чтобы опрокинуть те или иные экономические расчеты, увы, недостаточно знакомства с четырьмя действиями арифметики. Надо еще понимать значение величин, с которыми оперируешь. А этого-то понимания и не обнаружил наш ученый критик. И потому при безупречной арифметике в одном этом расчете он допустил не менее трех грубейших экономических ошибок.

Ошибка первая. Свою цифру „потребления"—28 638 млн. руб.—проф. Кондратьев исчислил в ценах 1925/26 г., наша же цифра народного дохода—29 328 млн. руб.—дана в ценах 1930/31 г., т. е. с учетом намеченного их снижения. А между тем, даже элементарная арифметика не рекомендует производить вычитания фунтов из саженей или бутылок из ведер без предварительного приведения их к одному измерителю.

Проф. Кондратьев не заметил этого обстоятельства. Он даже ссылается на какой-то „анализ", из которого он заключил, что народный доход 1930/31 г. исчислен нами „без учета проектируемого снижения промышленных цен" [2]. Однако—это сущий вздор. В табличке народного дохода он дается у нас параллельно и в довоенных ценах, и в червонной валюте, причем доход от промышленности показан возросшим в довоенных ценах на 74,5%, а в червонной валюте—только на 44%, т. е. со снижением ровно на 17,5% [3]. Тут нечего было „ана-

---

[1] Н. Д. Кондратьев. Критические заметки, стр. 15—17.
[2] Там же, стр. 16.
[3] Перспективы развития народного хозяйства, стр. 25.

лизировать", достаточно было уметь читать по печатному.

Если бы наш критик учел намеченное снижение цен и в своей цифре „потребления", то она с 28 638 млн. руб. понизилась бы процентов на 11, т. е. миллиарда на три с хвостиком. Таков арифметический масштаб первой его ошибки.

Ошибка вторая. Путем вычитания накопления в одном только государственном секторе из всего народного дохода нельзя получить потребительного фонда населения, ибо накопление происходит и в других секторах хозяйства. В частности, за 1925/26 г. накопление в кооперативном и частном секторах достигло, по расчетам Госплана, не менее 725 млн. черв. руб. [1]. Внеся эту поправку в расчеты проф. Кондратьева, получим душевое „потребление" для 1925/26 г. вместо 138,6 руб.—133,5 р., для 1930/31 г.—133,5 × 1,31 = 175 р. на душу или 175 × 157,7 = 27 600 млн. руб. на все население в ценах 1925/26 г., вместо исчисленных Кондратьевым 28 638 млн. руб. Эта вторая ошибка нашего профессора тоже, стало быть, дала ему для посрамления пятилетки свыше миллиарда.

Третья ошибка. Проф. Кондратьев, а за ним Вайнштейн, Герчук и прочие идеологические птенцы той же школы, повидимому, очень твердо убеждены, что благосостояние населения измеряется потреблением, а не доходом. И потому, если в пятилетке сказано, что благосостояние населения за 5 лет возрастет на 31%, то они на такой же процент повышают и нормы личного потребления населения. Но это—грубейшая ошибка. Даже рабочий не проедает весь свой доход в ста процентах, а кое-что и сберегает на черный день в сберегательной кассе или в ином порядке. Но еще в большей степени это относится к крестьянству и другим слоям населения. Они не только потребляют, но и накопляют. И притом при возрастающих доходах производственные затраты в деревне по общему правилу обгоняют у них личное потребление [2]. Поэтому при возрастании благосостояния на 31% личное потребление населения за пятилетие возрастет не на 31%, а значительно

---

[1] Контрольные цифры на 1926/27 г., стр. 313.

[2] Так, напр., если личное потребление продуктов промышленности в деревне должно возрасти за 5 лет по нашему расчету на 48%, то хозяйственное, по данным бюджетов, возрастет на 70%.

меньше. Но зато крестьянин обзаведется лишним инвентарем, скотом, постройками и т. д.

Мы не беремся и эту ошибку нашего критика оценить в цифрах. Весьма вероятно, однако, что и ее пришлось бы исчислять в сотнях миллионов. Конечно, для ученого такого масштаба, как проф. Кондратьев, у которого даже рядовые ошибки измеряются миллиардами, это уже совершенный пустяк. О нем и разговаривать не стоит. Но все же общий итог приведенной арифметической операции в четыре с лишним миллиарда, приписанных к потреблению, чтобы сократить возможный фонд накопления, в достаточной мере объясняет, почему у проф. Кондратьева никак не увязывается наша цифра накопления с его расчетами о потреблении.

Бесчеловечно было бы утомлять читателя полным перечислением всех остальных балансовых „неувязок" и „противоречий" в нашей пятилетке, которые открыты проф. Кондратьевым или его друзьями тем же методом арифметических манипуляций с нашими цифрами и сопоставления их с другими—собственного изобретения. Но еще один пример такой „неувязки" привести необходимо. Тем более, что ее считают особенно убийственной для нашей пятилетки наши критики и потому особенно много уделяют ей внимания.

Дело идет о том пресловутом дефиците сельскохозяйственной продукции, который впервые еще на съезде плановиков „обнаружили" у нас проф. Кондратьев и присоединившийся к нему проф. Макаров, а затем подробно развили в своих статьях Кондратьев и Вайнштейн со ссылками на соучастие в этой работе и целого ряда других лиц [1].

В нашей пятилетке не дано развернутого баланса производства и распределения сельскохозяйственной продукции на пять лет вперед, так как у нас не было для этого целого ряда элементов даже для отчетных лет. Но по бюджетам рабочих мы исчислили вероятное потребление городским населением продукции деревни. Пользуясь этим расчетом и присоединяя к нему свои собственные расчеты о потреблении сельскохозяйственных продуктов сельским населением, наши критики построили такой

---

[1] Н. Д. Кондратьев. Критические заметки. План. Хоз., 1927 № 4, стр. 1 и А. Л, Вайнштейн. К критике пятилетнего перспективного плана. Эконом. Обозр., 1927, июль, стр. 33.

баланс, из которого явствует, что в 1930/31 г. у нас не только не хватит сельскохозяйственной продукции для экспорта, но даже придется покрывать ввозом миллиардные дефициты.

Достигаются эти дефициты следующими арифметическими приемами.

Городское душевое потребление сельскохозяйственных продуктов, исчисленное нами по ценам потребителя для 1925/26 г. в 102,4 руб. за год, понижается до 68,3 руб. за счет торговой накидки, повышается на 30% для 1930/31 г. и умножается на население. Для деревни за норму потребления 1925/26 г. принимается 51,2 руб. на душу, увеличивается эта норма для 1930/31 г. тоже на 30%, как и для города, а затем умножается на население. В результате получается общее потребление города и деревни в 1930/31 г. на сумму 11 162 млн. черв. руб., а „чистая продукция“ сельскохозяйственных предметов питания по ценам производителя исчисляется проф. Кондратьевым в 9854 млн. руб., откуда дефицит, против потребления, в 1308 млн. черв. рублей [2].

Характерно, что в этом „балансе“ нет ни одной величины, заимствованной непосредственно из пятилетки. Весь расчет принадлежит самому проф. Кондратьеву. И совершенно непонятно, почему за его просчеты в приведенном балансе должен отвечать кто-либо еще, помимо автора этого действительно весьма малограмотного произведения.

В самом деле. Прежде всего совершенно произвольна принятая им поправка на торговую накидку в ценах городского потребителя продуктов деревни. Эта накидка в данном случае состоит не только из транспортных и торговых расходов, но также из стоимости переработки зерна в крупу, муку и хлеб, маслосемян в постное масло и т. д. По специальному подсчету для рабочих бюджетов за ноябрь 1925 г. сумма всех этих накидок составила около 85% от стоимости первичной сельскохозяйственной продукции. Таким образом, душевое потребление горожан в 102,4 рубля понижается с приведением к ценам производителя до 55,4 рубля вместо 68,3 руб. С увеличением на 30% за пятилетие и умножением на все городское население получим за этой поправкой потребление города за 1930/31 г. в 2105 млн. руб. вместо

[2] Н. Д. Кондратьев. Критические заметки, стр. 22—24.

2637 млн. руб. Разница в 532 млн. руб., таким образом, представляет собой масштаб первой ошибки проф. Кондратьева.

Еще произвольнее норма сельского потребления сельскохозяйственных продуктов, принятая им в 51,2 руб. для 1925/26 г. Проф. Кондратьев напрасно ссылается на нас, будто мы исчислили ее для 1924/25 г. в 47,2 руб. на душу. В нашей работе сказано: „Крестьяниину в 1924/25 г. все питание по оценке бюджетов обошлось за год всего в 47,2 руб. на душу, а рабочему—в 106 р.“ [1]. Но крестьянин покупает и сахар, и соль, и селедки, и другие продукты, не входящие в состав сельскохозяйственной продукции, а кроме того платит за помол муки на мельнице, расходуется на крупорушке, на маслобойке и т. д. Все это тоже входит в те же 47,2 руб. И если проф. Кондратьев исходил из нашей цифры, то он должен был бы сделать с нее порядочную скидку для получения продуктов питания только сельскохозяйственного происхождения и притом в ценах производителя без переработки. А он вместо того еще увеличил ее на 8,5%. Но особенно произвольным является повышение этой нормы еще на 30% для 1930/31 г. Ведь в нашей пятилетке запроектировано повышение той же нормы за 5 лет всего на 6,6% [1]. Чем же может быть мотивировано это отступление от пятилетки? Ведь речь идет здесь лишь о продуктах питания сельскохозяйственного происхождения. А эти продукты, включая сюда зерновые культуры, мясо и молоко, дают в своей продукции, если исходить из фактического урожая 1925/26 г., душевой прирост за 5 лет всего на 9—10%.

Не думает ли проф. Кондратьев докармливать сельское население клевером и викой или льном, пенькой и прочими техническими культурами, прирост которых за пятилетие ожидается в гораздо более высоком проценте?

А между тем, если отвергнуть это нелепое допущение и исходить из нормы прироста в 6,6% вместо 30%, то сразу же, без всяких других поправок, цифра сельского потребления для 1930/31 г. снизится с 8525 млн. до 6970 млн. руб., т. е. на 1555 млн. руб. А вместе с тем исчезнет и весь пресловутый дефицит, сочинен-

---

[1] Перспективы, стр. 12.

[1] Перспективы, стр. 173.

ный проф. Кондратьевым. Такова вторая ошибка нашего профессора.

В сумме по обеим статьям потребление города и деревни составит тогда для 1930/31 г. 9075 млн. руб., т. е. на 2087 млн. руб. меньше итога, исчисленного проф. Кондратьевым, и вместо дефицита в 1308 млн. руб. даст еще избыток для экспорта в несколько сот миллионов.

Мы не станем более утруждать читателя разбором других расчетов наших идеологических противников, столь же „убедительно" вскрывающих прочие дефициты и „внутренние" балансовые неувязки в пятилетке Госплана. Все они построены по одному шаблону. Берется одна или две данности по пятилетке, прибавляется от себя ряд коэфициентов собственноручного изготовления, затем все эти числа подвергаются четырем действиям арифметики, и в результате обнаруживается „внутренняя" балансовая неувязка... этих чисел и коэфициентов.

Говоря откровенно, нас не очень удивляет, что эпигоны народничества вкладывают в эти расчеты гораздо больше арифметики, чем статистического знания и экономического понимания окружающей действительности.

Перспективные хозяйственные расчеты на несколько лет вперед—дело новое. Эти расчеты и все связанные с ними экономические построения могут оказаться более или менее удачными или даже совсем неудачными. Окончательное суждение об этом придется отложить лет на пять или около того. А до тех пор нашим расчетам можно, разумеется, противопоставлять какие угодно другие. Не в этом дело.

Изумляет нас лишь полное отсутствие чувства юмора у наших критиков. Неужели, проделывая свои критические манипуляции совершенно серьезно, они не чувствуют всего комизма предъявляемых ими к нашей работе требований? Почему во имя внутренней балансовой увязки этой работы мы должны были строить ее так, чтобы она гармонировала со всеми благоглупостями, привносимыми к ней со стороны тем или иным досужим критиком?

Такой большой „дефицит" в чувстве юмора у наших последышей народничества угрожает им большими неувязками в их идеологическом „балансе". Это—плохой признак. Экономическая школа, которая сама себя ставит без всякой надобности в столь смешное положение

и совершенно заслуженно подвергается публичному осмеянию, плохо кончит.

Это—признак вырождения школы.

В 1927 г., когда мы писали эти строки, школа Кондратьева пользовалась еще в советских кругах значительным весом и авторитетом. Тогда наш призыв,—„ее необходимо развенчать и обезвредить“,— как и наш прогноз, что она „плохо кончит“ казались многим лишь весьма понятным полемическим увлечением. Однако, как выявилось из процесса вредителей-интервентов, кончила она даже хуже, чем можно было думать.

Полное моральное вырождение Кондратьевщины сказалось при этом уже в том, что она сама устами своих лидеров, растеряв все свои идеологические предпосылки, признала все свое прошлое одной сплошной ошибкой и преступлением.

Б. ИЗ ДИСКУССИИ О ПЯТИЛЕТКЕ

1. ДОКЛАД В КОМ. АКАДЕМИИ[1]

Выступая в качестве содокладчика тов. Милютина на тему о пятилетке, я имел в виду, что может быть мне придется кое в чем дополнить его доклад, а может быть и свое особое мнение заявить по отношению к тем или иным его положениям. Для полноты освещения вопроса мне кажется желательным, чтобы вы услышали и нашу собственную самооценку, т. е. самооценку составителей пятилетки.

Нас критиковали с самых различных сторон, как это уже здесь тов. Милютин указывал. И говоря по правде, может быть мы сами могли бы себя критиковать еще более радикально, и во всяком случае критиковать по целому ряду таких пунктов, по которым нас не критикуют. Но я должен сказать, что очень часто, все-таки, когда нас упрекают в тех или других упущениях или дефектах нашей работы, в этих упреках сказывается незнакомство с теми ресурсами, с которыми мы эту работу совершили. Такая переоценка наших возможностей во всяком случае очень часто чувствуется в тех критических отзывах, которые обращены к нам.

[1] 28 янв. 1928 г.

Дело в том, товарищи, что эта работа по составлению пятилетки и для нас, для плановых работников, для работников Госплана, представляет собою дело относительно новое. Правда, мы этим делом занимаемся уже третий год, срок как будто бы не малый... (Тов. Крицман.— Но дело еще не потеряло интереса новизны). Да, для нас это дело еще не потеряло интереса новизны, не потеряло потому, что в сущности такой готовой плановой науки, которую мы могли бы откуда-нибудь позаимствовать с какой-нибудь кафедры одного из наших вузов или даже, пожалуй, из мировой практики, таковой науки еще нет. Нам приходится создавать, в сущности, совершенно новые методы, в новой области знания, причем мы учимся, как говорится, на собственных ошибках. И вполне понятно, при этом, что отношение к этим ошибкам у нас несколько иное, чем у тех, кто приходит к нам и оценивает нашу работу со стороны.

Я не буду сейчас останавливаться на дополнении доклада тов. Милютина с цифровой стороны, поскольку материалы о пятилетке опубликованы, новый вариант в основном тоже опубликован и продолжает публиковаться в „Плановом Хозяйстве“ [1].

Эти материалы будут еще долго публиковаться, так как мы хотим дать возможно больше материала по этому вопросу для того, чтобы с ним могла лучше и легче ознакомиться коллективная мысль и оценить нашу работу. Мне кажется, что моей сегодняшней задачей было бы только оценить, как мы сами составители или, как лично я,—я лучше буду говорить только о себе, так как не могу говорить за всех,—как я, один из составителей этой работы, оцениваю те новые требования, которые нам предъявляет докладчик. В сущности, он очень большие и серьезные требования предъявляет к пятилетке. Он говорит,—и это обвинение мы довольно часто слышим,—что основной дефект нашей работы в том виде, как она сейчас представлена, заключается в том, что здесь наблюдается слишком статистический подход, бухгалтерский подход к делу, и чувствуется недостаток экономического анализа, чувствуется недостаток, наконец, в качественной проработке целого ряда больших экономических проблем.

---

[1] Речь идет о варианте пятилетки на 1927/28—1931/32 гг.

Весьма возможно, что мы сами виноваты в том, что на нас такие упреки сыпятся. Дело в том, что всю лабораторию нашей работы мы сейчас не можем опубликовать, мы не можем предложить ее всеобщему вниманию. В нашей работе мы публикуем лишь свои выводы, эти выводы, действительно, находят свое выражение в количественном виде; в результате нашего экономического анализа по той или иной линии народного хозяйства мы должны ведь представить сумму цифровых директив.

Вообще, я не совсем понимаю, можно ли так противополагать количественные моменты качественным моментам в плане, как их противополагал докладчик. Ведь само собой разумеется, что качественный анализ не противополагается и не может быть противополагаем количественному анализу, количественным выводам из какого-нибудь экономического анализа нашего хозяйственного положения, потому что качество, чаще всего, это лишь недостаточно осознанное количество. Когда мы говорим, что становится теплее или еще холодно, или что мы имеем переход из жидкого состояния в газообразное—эти качественные характеристики могут быть выражены и числом. И тогда они становятся только более точными. Я думаю, что тут вообще напрасно противополагается качественный анализ количественному. Качественный анализ есть только предварительная стадия всякого другого—более точного, более углубленного изучения. И в области экономики точно так же, как это можно сказать про химию,—и это поймет всякий студент, работавший в химической лаборатории,— нельзя дать количественный анализ раньше качественного. Но если мы имеем только качественный анализ, то у нас имеется только половина знаний, у нас нет полных знаний.

Где, в каком отношении в наших установках должны рассматриваться эти самые качественные моменты? Мы прежде всего думаем, что можно разно подходить к этому. Если иметь в виду, говоря о качественных моментах, организационную структуру и технико-экономический анализ намечаемой реконструкции, тогда, несомненно, можно признать, что этим моментам уделено недостаточное место в нашей пятилетке, во всех ее вариантах.

Это один из тех дефектов, который мы должны будем в дальнейшей работе устранить. Но тут нужно знать и наш подход к этому делу. Прежде всего, мы себе представляем дело так, что построение структурной

модели того *социального* уклада, к которому мы должны итти,—это дело генерального плана. В сущности вот то, что сегодня здесь говорил тов. Милютин о пятилетке, я помню, год или полтора тому назад он же высказал по поводу наших первых контрольных цифр. Обсуждая их, он и тогда находил, что качественная сторона в наших плановых построениях чрезвычайно недостаточна, дефектна и т. д. Но мы ему и тогда говорили и теперь можем повторить, что на наш взгляд полное свое развитие эта качественная *структурная* часть нашей работы может найти только в генеральном плане. Там должен быть минимум количественных выражений, потому что вообще, когда идет дело о построении перспектив на 10—15 лет, то и по условиям возможности нашего предвидения на такой срок, и по целому ряду других условий, мы отнюдь не собираемся построить какой-нибудь подробный баланс на 15 лет вперед, даже не бухгалтерски-точный, а просто в цифровом выражении. Там, действительно, мы должны обратить самое большое внимание на то, каким образом мы должны будем перейти к социализму в области сельского хозяйства, о чем здесь говорил докладчик, в области торговли, или, будем говорить иначе, в области распределения и в целом ряде других областей нашего народного хозяйства. Вот там придется уже вполне отчетливо наметить эти пути, хотя бы в *качественных* характеристиках, качественной наметке: что нужно делать, *каким* путем мы будем приближаться к социализму, какую общую реконструкцию мы должны себе наметить в качестве основной цели, венчающей наш генеральный план. Это все должно найти свое место в генеральном плане. И если бы мы были более счастливы и строили бы пятилетний перспективный план уже после генерального плана,—а наша идея такова, что пятилетний план должен быть *отрезком* генерального плана, только конкретизацией задач, поставленных в генеральном плане,—то тогда, естественно, к нам не пришлось бы применять многих упреков. Но у нас нет еще генерального плана, и мы волей-неволей должны в пятилетке разрешать такие задачи, какие по существу должны быть разрешены в генеральном плане. Мы и разрешаем их, как можем, но разрешаем, очевидно, недостаточно четко и отчетливо для того, чтобы удовлетворить, скажем, тем требованиям, которые к нам предъявил докладчик. И в этом

отношении он, вероятно, не вполне удовлетворится и той дальнейшей работой, которую мы должны завершить в течение года, так как и за это время едва ли мы сумеем закончить генеральный план.

Мы считаем, что основная задача пятилетки—это план капитального строительства. Если у нас имеется структурная модель, к которой мы должны итти в течение генерального плана, то пятилетний план мы строим для того, чтобы обеспечить бесперебойное финансирование тех капитальных затрат, какие намечаются планом, и действительное значение которых может выявиться только в следующих пятилетиях. Пять лет—таков реальный строительный период для достаточно крупного сооружения, такого, например, как Днепрострой, т. е. способного повлиять на физиономию целого района. С этой точки зрения, основная задача пятилетки,—выделить из наметки генерального плана те крупнейшие и важнейшие сооружения, которые могут и должны быть построены в пятилетний срок, и обосновать программу их финансирования в том отношении, что эта программа действительно в достаточной степени реальна, что она обеспечена соответствующим накоплением и т. д... Все остальное—и темпы развития, которые нами даются, и некоторые попытки сбалансировать не только намечающиеся капитальные затраты с возможными накоплениями, что, само собой разумеется, необходимо, но и, скажем, спрос с предложением и т. д.,—все это является, лишь подсобными материалами, на которых мы проверяем, не сделали ли мы в основном плане какой-нибудь крупной ошибки. Задачи бескризисного развития путем построения специальных балансов спроса и предложения и т. п. могут быть сколько-нибудь конкретно разработаны только в планах годовых. В годовом плане это возможно почему? Прежде всего потому, что годовой план составляется с *известным* урожаем, т. е. нам уже не приходится гадать в той области, в которой мы меньше всего можем предвидеть. Мы должны уже знать этот самый урожай для того, чтобы сказать, как распределить все остальные наши ресурсы, тоже нам заранее данные, чтобы без кризиса осуществить производство и распределение и реально осуществить все наши хозяйственные мероприятия в течение года. Имеются предложения и в пятилетнем плане строить баланс спроса и предложения на каждый год пятилетки. Но мне

кажется, что это совершенно утопическая задача. Уже просто потому, что один неурожай, попав не на тот год, на который мы его запроектировали, опрокинет все наши расчеты.

В более широком смысле перспективный план, конечно, не может все-таки ограничиться одной лишь задачей построения плана капитального строительства, так как он должен быть, как я уже сказал, отрезком генерального плана. С этой точки зрения он должен дать на данный отрезок времени достаточную конкретизацию в цифровом выражении всей системы экономической политики, намеченной генеральным планом.

Однако, если рассматривать его с этой стороны, то возникает вопрос—можно ли такую конкретизацию мыслить иначе, как в цифровом выражении, и если наша экономическая политика, отраженная в предлагаемых цифрах пятилетки, не оспаривается, то можно ли обвинять ее в отсутствии или дефектах экономического анализа?

Но ведь такого обвинения, что сама экономическая политика, отраженная в наших цифрах, неверна,—такого обвинения со стороны докладчика не было. У нас были другие критики, которые шли в этом отношении гораздо дальше: они как-раз указывали,—и поэтому нас очень резко критиковали,—что та экономическая политика, которая отражена в наших цифрах, неправильна. С точки зрения народников, наш план, как они говорят, ведет нас к сверхиндустриализации, а с точки зрения нашей партийной оппозиции мы слышали упреки в том, что в нем отражена политика крохоборчества в противоположном смысле—недоиндустриализации. Об этом можно, конечно, спорить. Но раз вы сами признаете, что в этих цифрах нашла свое выражение правильно намеченная экономическая политика, то, по-моему, не логично упрекать нас в недостатке качественного экономического анализа, потому что правильная экономическая политика не может быть намечена по наитию святого духа без углубленного экономического анализа. Значит, он имел место. А если вы будете искать теперь, где же этот экономический анализ имел место, я должен буду сказать, что вот уже на XV партийном съезде мы все совершенно определенно пришли к выводу,—а госпланщики по этому принципу уже и раньше строили свой план,—что пятилетний план следует рассматривать как отрезок пар-

тийной программы. Партийная программа предусматривает определенную систему экономической политики, направленную к социализму. Но в данном отрезке времени мало сказать,—мы стремимся к социализму, а надо сказать, что мы стремимся к индустриализации страны, к социалистической индустриализации. Мы еще больше конкретизируем эту директиву, обоснованную не только в партийной програме, но и в других партийных документах, например, в директивах к построению пятилетнего плана. Нужно ли было нам для того, чтобы показать, что у нас есть экономический анализ, переписать в свою пятилетку нашу партийную программу и директивы XIV съезда об индустриализации страны и резолюции XV съезда со всем тем, конечно, анализом, который положен в их обосновании. Мне представляется, что мы этого делать не должны были. Правда, некоторые директивы партии формально только теперь на XV съезде даны нам. Но придется ли нам все переделывать теперь заново потому, что мы их не предусмотрели? Нет, не придется. Тов. Милютин участвовал в составлении этих директив по пятилетнему плану и может засвидетельствовать, точно так же, как и я и многие другие, что может быть не в такой четкой формулировке, не так полно выраженные, но в основном все эти моменты, которые даются нам в директивах XV съезда, уже были положены в основу нашей работы, и, худо или хорошо, уже нашли свое отражение в пятилетке.

Таким образом, я утверждаю, что, несомненно, тот экономический анализ,—если о нем идет речь,—который необходим для того, чтобы построить такую систему качественных установок, т. е. заданий, выраженных в качественных формулировках, какие нам дает резолюция XV съезда, у нас был, мы им руководились в своей работе.

Почему мы это могли сделать? Само собой ясно, почему. Потому что в сущности в этих директивах нет ничего такого абсолютно нового и неожиданного, чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных съездов и руководящих центров. Конечно, все это было нам известно. Но все это не было в достаточной степени просуммировано.

Но если бы нам нужны были только качественные установки, тогда при наличии уже имеющихся директив

по построению пятилетки, нам не нужна бы была сама пятилетка, потому что в них имеются уже все качественные указания, по какому пути мы должны итти, что мы должны делать в той или другой области народного хозяйства, намечены и общие задачи, и более частные задачи, и проблема темпов нашего развития, и все остальные проблемы плана. Недостает лишь цифрового выражения всех этих проблем и заданий.

Есть еще другой момент в указаниях докладчика. Он отмечает у нас еще ряд дефектов, которые он тоже относит к категории качественных моментов. Недостает у нас по его указанию плана стандартизации, недостает хорошо разработанного плана рационализации, в особенности в области труда, плана организации труда, недостаточно разработан вопрос о снижении цен, проблема специализации районов не нашла своего отражения в пятилетке и т. д. Вот это уже конкретная постановка. Но я не думаю, чтобы даже в половине из этих вопросов дело шло о таких проблемах, отсутствие которых может свидетельствовать о недостаточности экономического анализа. Здесь перед нами стоят, главным образом, технико-экономические задачи. Но и они не могут быть разрешены иначе, как в количественном выражении. Несомненно, что каждый из 94 стандартов, о которых здесь говорилось, выражается цифрой, числом и мерою, не иначе. Но здесь будет уже гораздо больше техники, чем экономики. Вот этих технических моментов, действительно, мало в пятилетке, вернее говоря, они недостаточно в ней отражены, по крайней мере в тех результативных таблицах, которые мы даем. В частности, если говорить о стандартизации и рационализации, о которых так печется тов. Милютин, и недаром печется, так как это, собственно говоря, специальность Рабкрина, где он работает, то я должен сказать, что если бы нам Рабкрин во время дал составленный им план стандартизации и рационализации, то мы бы, конечно, его включили в свой план. Дело в том, товарищи, что Госплан не может заменить собой все ведомства. Каждое ведомство в пределах своей компетенции составляет свой план,—например, НКПС дает нам план железнодорожного строительства, ВСНХ—план промышленного строительства и т. д. Мы получаем, таким образом, элементы, которые и стремимся увязать в единый и целостный план. И вот, хотя, повидимому, со-

ставление такого плана организационных мероприятий в области стандартизации и рационализации, о которых говорил докладчик, лежит в пределах компетенции Рабкрина и хотя там ведется эта работа, но, к сожалению, там такого плана, о котором говорил тов. Милютин, повидимому, еще нет. Мы, по крайней мере, его не получили, и мы будем очень рады, если в порядке помощи нам Рабкрин даст в течение этого года такие элементы плана, которые в этой области будут им достаточно проработаны и смогут быть включены в наш общий пятилетний план.

Но вот, если говорить о таком мероприятии, как снижение цен, то, конечно, тут нельзя просто сказать, что это мероприятие недостаточно у нас проработано, а нужно конкретно указать, в чем именно заключаются недостатки этой проработки. Здесь менее всего возможно было ограничиться одним лишь качественным анализом. Дело в том, что довольно трудно вообразить себе снижение цен иначе, как в определенном проценте, т. е. в явно цифровом выражении. И было бы в высшей степени смешно, если бы мы дали качественную директиву снижения цен, выразив ее не так, как она у нас выражается.

Мы давали такие качественные директивы своим секциям: промышленной, сельскохозяйственной и т. д.—мы говорили им, что они должны стараться снизить свои цены так-то и так-то. Больше всего должна была снизить свои цены стройсекция. Она должна была дать максимальное снижение в течение этих пяти лет, так как наибольшим из всех индексов является индекс строительный. Далее, мы говорили, что снижение цен в области средств производства должно быть больше, чем в области средств потребления. Все эти качественные директивы, которые вытекают из нашего понимания экономических условий, из анализа нашей конкретной экономики, наши секции должны были выразить в определенных цифрах. И они это сделали. И вот мне кажется, что когда тов. Милютин говорит, что у нас эта область недостаточно проработана, он имеет в виду другое. Он имеет в виду, что тут недостаточно проведено снижение цен, что при большем углублении, при более углубленном анализе мы могли бы дать большее снижение. Если дело в этом, то тогда нужно противопоставить нашему разрешению вопроса какие-то доказа-

тельства того, что оно недостаточно. Но может быть тов. Милютин видит это доказательство в том, что Госплан проектирует меньшее снижение цен, чем ВСНХ. Тут дело обстоит немного не так: в минимальном варианте Госплана, последнем по публикации, намечено снижение на 18%, а по оптимальному варианту, проработанному ВСНХ, на 21%. Эти варианты отличаются тем, что один является более осторожным и рассчитанным на худшие условия, он предполагает, что продукция у нас будет меньше, что мы дадим всего только 92% увеличения продукции за эти 5 лет, а другой, который Владимир Павлович Милютин называет весенховским, а мы называем оптимальным, рассчитан на более благоприятные условия и дает 108% прироста для этой продукции, выраженной в физическом ее объеме, без снижения цен. Естественно, что вот этот больший размах продукции позволяет нам дать и большее снижение отпускных цен при прочих равных условиях. Почему? Да потому, что, имея большее количество продукции, мы можем удовлетворить даже при пониженной ее расценке тот потребительский спрос, который нами запроектирован. Нужно сказать, это очень интересно для многих, так как, вероятно, это не все знают, что первоначально намеченное снижение цен запроектировано было совершенно одинаково и в ВСНХ, и в Госплане, хотя мы работали независимо друг от друга. Но когда мы попробовали посмотреть, каковы будут условия для реализации этой продукции, то оказалось, что при тех ценах продукции, которые мы наметили,—у нас было намечено снижение на 20%, а в ВСНХ на 21%,—у нас сохранится такое же тяжелое соотношение между спросом и предложением, какое мы имеем сейчас. Мы не могли, поэтому, сохранить намеченный процент снижения цен при данной продукции. И пришлось остановиться на 18% снижения.

Может быть, это не отражено в наших сжатых писаниях. Но несомненно, что все это было построено на основании известного экономического анализа, того анализа, который мы, конечно, сделали. Вот я вижу, что мне с укоризной показывают в качестве кратких писаний том, в котором 700 страниц (смех). Но, товарищи, я все-таки настаиваю, что это чрезвычайно сжатое описание (смех), потому что по каждому отдельному вопросу, ну, взять хотя бы для примера отдел о

ценах, вы там найдете всего несколько страниц. Дело в том, что далеко не все то, что было у нас в Госплане проделано по каждому отдельному вопросу, нашло свое отражение в этом томе. В работе участвовало более сотни авторов, и каждому приходилось отводить 5, 8—10 страниц. И зачастую на этих 5—8 страничках приходилось размещать ту огромную работу, которая была проделана по каждому отдельному вопросу в каждой секции десятками людей. Возьмите, напр., весенховскую проектировку по промышленности, там только одна промышленность, а объем такой же, как и у нас, и все-таки ВСНХ не мог на протяжении этих страниц дать значительных экономическил комментариев, потому что едва хватило места для изложения самых основных расчетов и выводов.

Ведь наша пятилетка — это результат громадной коллективной работы. Так что тут объем того, что можно напечатать, далеко не отражает той работы, которая проделана. Нам пришлось ограничиться, главным образом, цифровыми выводами и лишь в самых редких случаях удавалось давать к ним комментарии общего характера. Они имеются все же во вводных статьях, в главах об индустриализации, труде, проблеме обобществления. В этих общих статьях показано, между прочим, как мы себе мыслим процессы коллективизации в сельском хозяйстве. Здесь между прочим вы найдете и ту идею контрактации, которая была выдвинута в последнем варианте Госплана.

Там же выдвинут целый ряд других экономических проблем, которые поставлены нами; может быть они недостаточно развернуты, но они все-таки поставлены в пятилетке. Ведь не случайно у нас получился 7-часовой рабочий день. Ведь он вытекает из чего-то. Он вытекает из экономической действительности, из оценки тех трудовых ресурсов, которые мы будем иметь, из оценки тех возможностей использования, которые мы можем и должны иметь, и т. д. Это результат определенного экономического анализа. Вы говорите, что в области организации и рационализации труда у нас нет плана. Да, очевидно, можно было дать нечто гораздо более целостное, гораздо более обоснованное. Но нельзя сказать, что в этом отношении, как вы говорите в одном месте, почти нет ничего. Кое-что можно все же найти по этому вопросу в пятилетке ценного, хотя возможно,

что одна небольшая ее страничка будет развернута со временем талантливым экономистом в целую книгу.

Теперь эта установка на то, что нет или почти нет экономического анализа в работе по пятилетке, приводит к очень интересной проблеме. Нас ведь в этом упрекали с разных сторон. И проф. Кондратьев говорит, что у нас нет экономического анализа. Это очень тягостное для нас совпадение. Но интересно, о каком анализе идет речь в том и другом случае? Одинаковы ли их требования к нам? Возьмем хотя бы того же Кондратьева. Мы говорим, что всякий перспективный план заключает в себе элементы предвидения и предуказания. Кондратьев требует от нас, чтобы, изучая социально-экономические закономерности, мы на основе этого делали плановые выводы в порядке *предвидения*. А мы исходим из определенной *целевой установки* и пользуемся анализом социальных закономерностей лишь для проверки осуществимости поставленных перед собой заданий. Таким образом, по нашему мнению, всякого рода научные прогнозы для нас являются лишь служебным моментом, а целевые установки, которые мы ставим себе сознательно, директивным моментом,—при построении нашего плана. Конечно, и эти целевые установки, которые вытекают из нашей политической программы, из наших классовых устремлений и т. д.—они должны быть проверены с точки зрения их реальности, не перемахнули ли мы в том или ином отношении,—но нам не приходится спрашивать, чего мы должны хотеть у представителей „объективной" науки. Совершенно иная установка у ученых типа Кондратьева, который хочет сказать, что даже наши цели должны быть выведены из анализа сущего и прошлого. Сущее и прошлое целиком должны определить наше будущее.

У нас в Госплане эту точку зрения поддерживал Громан, который считает ее марксистски обоснованной. Он говорит, что именно таким образом Маркс определял ту цель, к которой должен стремиться пролетариат,—социализм. Социализм объективно вытекает из изучения сущего и прошлого капиталистического общества.

Социализм-то, действительно, вытекает из этого анализа, но тут не нужно забывать, что тем не менее те выводы, которые сделал Маркс, совсем не представляются обязательными ни для Мильерана, ни для Муссолини, хотя они и штудировали когда-то Маркса. А про-

летариат их приемлет даже без изучения „Капитала" Маркса.

Очевидно, здесь вопрос заключается вовсе не только в том, что мы можем вывести „объективно". Каждый класс имеет определенные целевые установки, определенные идеалы, объективно вытекающие из его классового положения, а не из той или иной научной доктрины. И если бы пролетариату какой-нибудь „независимый" ученый попытался навязать антипролетарские устремления, то он их не принял бы, несмотря на какую угодно псевдонаучную их видимость. Если бы ему пытался Кондратьев доказать, что совсем не к индустриализации, а к аграризации должно итти наше общество, исходя из наших возможностей, то пролетариат отверг бы эту установку точно так же, как он отвергает, не мудрствуя лукаво, тех „мудрецов", которые говорят, что социализм нельзя построить в нашей стране потому, что по объективным условиям мы недостаточно еще для этого созрели.

Громан недооценивает этого, выдвигая свой „примат генетики над телеологией". Из генетики,— говорит он,— должна вытекать цель. Мы, конечно, могли бы поставить этот вопрос так, как он стоял в 90-х гг. прошлого столетия, когда между народниками и марксистами шел спор о границах свободы и необходимости, и повторить, что все обусловлено, обусловлены и наши устремления и наши целевые установки. Но мы не должны забывать об одном, что когда мы имеем дело с капиталистическим обществом, где воля и интересы отдельных классов взаимно сталкиваются, взаимно противоречат друг другу, то равнодействующая их, стихийно складывающееся соотношение сил, может быть получена лишь путем изучения, одного только изучения этих классовых, социальных соотношений. Но после социалистической революции в той стране, где мы как-раз эту стихию преодолеваем, где мы имеем организованный в диктатуру пролетариата класс производителей, можем ли мы не учитывать его волю как одно из слагаемых и весьма решающее слагаемое в том направлении, в каком будет двигаться общественный процесс. Совершенно очевидно, что тут меняются условия, тут эта воля, эта целевая установка класса сама является одним из факторов, и ее значение никак не приходится игнорировать в плановой работе.

В конце концов вопрос ставится так: мы всегда говорим, что бытие определяет сознание, а здесь нам хотят сказать, что сознание, т. е. научный прогноз „независимых“ ученых, устанавливая, куда мы должны итти, должно определить наше грядущее бытие.

Есть в этом отношении еще одна точка зрения в наших внутренних госплановских спорах. Ее выдвигает Базаров. Он очень философски образованный человек, и он утверждает: гносеологически нельзя говорить о примате генетики над телеологией, это совершенно автономные, независимые друг от друга области. Для него совершенно достаточно, если мы для этой генетики обеспечиваем ее полную независимость от целевых установок. Но посмотрим, все-таки, к чему это приводит. Приводит это, прежде всего, к следующему. Базаров критиковал нашу пятилетку в толстом издании и теперь в тонких изданиях точно так же критикует с той точки зрения, что мы взяли неправильный уклон в области индустриализации страны. Он его называет „поверхностной индустриальной экспансией“. Так вот, эта поверхностная индустриальная экспансия диктуется с его точки зрения „автаркической концепцией“ в области международных отношений. Мы знаем, что это такое. Это та самая автаркическая концепция, которую тов. Сталин защищал на XIV съезде и которая сводится к тому, что при нашем международном положении мы должны стремиться возможно скорее обеспечить нашу экономическую независимость от капиталистического окружения. Он критикует эту установку с той точки зрения, что международное разделение труда при такой концепции невозможно, оно чрезвычайно ограничивается. Мы, правда, не отказываемся от продолжения и даже расширения наших международных связей, но лишь постольку, поскольку это нашу независимость усиливает, а не ослабляет. Он говорит: это не так. Благодаря тому, что вы стремитесь к автаркии, вы должны стремиться переносить к нам все те производства, какие имеют уже чрезвычайно большой успех на Западе в капиталистических странах и которые не имеют больших шансов в ближайшее время быть поставленными у нас как массовое производство; вследствие этого, мы, естественно, растрачиваем напрасно силы. И вот он такую диктует методологическую концепцию. Он говорит: вы должны строить теперь варианты плана, исходя не только из

одной целевой установки на эту самую поверхностную индустриализацию, но параллельно с этим дать и вариант с установкой на международное разделение труда. Посмотрите, какие это даст экономические результаты, и тогда такой анализ покажет вам, чего вы должны хотеть.

Вот иллюстрация того, как достаточно даже независимости этой самой генетической точки зрения, чтобы поставить под „сумление" определенные, очень твердые, казалось бы, наши установки.

Само собой разумеется, заранее говорили мы в этих спорах: таким образом вы побьете все постановления и XV и XIV съездов. Само собою разумеется, что после социальной революции на Западе международное разделение труда даст наилучшие результаты. Было бы, однако, очень плохо уже сейчас решить: не будем строить авиационных заводов, будем покупать за границей летательные аппараты. Хотя некоторые товарищи уверяли, что авиационные аппараты обходятся у нас в 2—3 раза дороже, чем за границей.

Пока что мы все таки построили авиационные заводы. И в псевдо-сталинских статьях [1] отнюдь не случайно заграницей печатают, что большевики уже „господствуют в небесах" благодаря этому обстоятельству. Это кое-что для нас значит. А если бы мы пошли по установке, которая арифметически вытекает из предложений тов. Базарова, мы бы не должны были ни тракторов вводить, ни авиационных аппаратов строить, ни многого другого, что нам пригодится в случае блокады, разрыва, военных осложнений. А между тем, к сожалению, нам никакой гарантии Базаров не может дать, что этот разрыв не последует. Мы имеем определенную целевую установку, которая нам диктует, что нам таких вариантов и разрабатывать незачем, потому что мы заранее знаем, что они будут выглядеть очень хорошо, но мы не сможем их применить.

Само собой разумеется, что я говорю об этом здесь только потому, что той своей установкой, которая упрекает нас за недостаточный экономический анализ прошлого и сущего, тов. Милютин льет, конечно, воду на мельницу тех независимых ученых, которые превозглашают дикта-

---

[1] Речь идет о сфальсифицированных заграницей от имени яко бы тов. Сталина выступлениях по поводу успехов советской авиации.

туру генетического анализа, желая поставить его выше всяких целевых установок. А к чему это, между прочим, приводит? Интересно в качестве иллюстрации привести еще один пример. В тех же наших внутренних спорах в стенах Госплана Громан провозглашает еще один принцип: примат развития производительных сил над целевой установкой движения к социализму и всякими другими задачами, которые у нас стоят в пятилетке.

Мы говорим, что нам вовсе не все равно, куда эти производительные силы развиваются, мы хотим, чтобы они развивались по направлению к социализму. Мы ставим себе определенную задачу, чтобы они развивались, во-первых, к социализму, во-вторых,—к увеличению благосостояния трудящихся уже в настоящий момент и в-третьих,—чтобы они повышали нашу обороноспособность. Он говорит, что это теоретически неправильно, что можно себе представить очень легко такие моменты, когда мы согласны будем, скажем, на то, чтобы наш обобществленный сектор вовсе не развивался, что мы даже найдем возможным на год-два в этом отношении отойти на шаг назад, отступить так, как мы отступили в эпоху перехода к НЭП'у,отступить от наших социалистических позиций, но что мы никогда и нигде не должны отступать в направлении снижения наших производительных сил. Увеличение наших производительных сил, их расширеие—это должно быть всегда нашим руководящим началом. Производительные силы всегда должны расти.

Вот такой струвианский подход,—по-моему, это несомненно струвианский подход — является неверным и с точки зрения той аргументации, которую дает Громан.

Возможно, что будут такие моменты, когда мы скажем: мы временно отступаем в области обобществления. Возможно, что нам придется это сделать. Но разве у нас не бывает таких моментов, когда мы идем на известные жертвы и производительными силами. Разве их не требует прежде всего сама эпоха социальной революции. Ведь мы не мальчики, мы прекрасно понимаем, что если мы шли на гражданскую войну, то мы тем самым шли в течение ряда лет на понижение, на разрушение производительных сил, на попятное движение в этой области. Во имя чего же мы это делали? Во имя социализма.

Таким образом, совершенно ясно, что если уже говорить о всяких приматах, то приматом для нас будет

вовсе не развитие производительных сил как таковое,— оно ведь не само для себя цель, оно у нас является только средством, а не целью, его нельзя превращать в самоцель.

Точно так же совершенно ясно, что могут быть такие моменты и впредь, и не только теперь, когда, скажем, необходимость обороны от интервенции какой-нибудь капиталистической страны заставит нас, давая определенные суммы на оборону, тем самым задерживать темп развертывания наших производительных сил. И в случае войны мы не только произведем такую задержку, но мы произведем попятное движение. Ведь если бы мы провозгласили такой принцип—непременное движение вперед, всегда в сторону развития производительных сил, то, пожалуй, нам лучше было бы помириться со многими очень далеко идущими требованиями со стороны того же самого капиталистического мира, когда бы он под угрозой войны потребовал прекращения монополии внешней торговли или каких-либо других в этом отношении уступок. Вероятно, такой случай нам мог бы встретиться.

Вот почему мне кажется, что нужно было все-таки разделить тот лагерь, который критикует нашу пятилетку. Лучше уж точнее разграничить те идеологические фронты, на которых нам следует бороться за пятилетку. И если одни будут бороться против нее с точки зрения приматов генетики над телеологией, производительных сил над движением к социализму и т. д., то нужно, чтобы голоса, которые критикуют ее, с другой стороны, не смешивались с первыми. Я понимаю критику тов. Милютина так, что у нас нет, по его мнению, достаточного экономического анализа. Но он не утверждает, что мы исходили из неправильного экономического анализа, из неправильной экономической установки, как это выходит по Кондратьеву. И это их разделяет. Но еще важнее установить и здесь то, что было установлено в тезисах XV партсъезда, что целевая установка в плане, которая дается нам всей нашей экономической ситуацией и нашим классовым положением в международном масштабе и внутри страны, является для нас организующим, главенствующим принципом, по отношению к которому наука, несмотря на высокое звание этой особы, и все остальные вспомогательные средства являются только служанками. *(Аплодисменты).*

Заключительное слово

Мне предстоит ответить на целый ряд выступлений, которые здесь имели место в течение нескольких заседаний. Но я хотел бы начать с докладчика. Мне представляется, что у нас, работников Госплана, есть с ним, вероятно, известные недоразумения, но принципиальных расхождений нет. Недоразумения эти заключаются в том, что от нас докладчик требует, повидимому, действительно больше того, что мы могли дать. Вот как я могу кратко характеризовать суть этого нашего спроса. Мы готовы согласиться, что у нас недостаточно экономического анализа, что мы недостаточно глубоко ответили на целый ряд качественных вопросов, которые встают у читателей наших материалов к пятилетнему плану. Ну что ж, исправляйте наши недочеты! Мы для того и опубликовали наши материалы раньше, чем они получили формальное утверждение, чтобы дать возможность тому коллективному творчеству плана, о котором говорил здесь тов. Кржижановский. А что касается Ком. Академии, то ее мы с особенной охотой хотим привлечь к совместному творчеству в этой области. Итак, если наша работа вас не удовлетворяет,—а она, повидимому, вообще многих не удовлетворяет,—то благоволите указать конкретно, чем вы недовольны, почему недовольны и как вы считаете нужным исправить наши ошибки. Если бы вы не ограничились только негативной критикой, а указали бы на ряд положительных поправок и практических мероприятий к улучшению нашей работы в этой области, мы, вероятно, скоро нашли бы общий язык.

Голос с места.—Правильно.

Милютин.—Об этом здесь было указано.

Струмилин.—Я буду говорить и по поводу тех конкретных замечаний, которые были сделаны. Я хочу только сказать, что тут были такого рода общие замечания: у вас недостаточно анализа, следовало применить метод изучения социальной обусловленности. Как-раз об этом говорил проф. Лященко. Но как это делается и в чем заключается этот метод? Вот если бы Лященко дал нам хотя бы один конкретный пример применения своего метода и сообщил нам, чем именно мы против него погрешили, то я считаю, что такое предметное обучение было бы чрезвычайно полезным для нас, а может быть и для самого проф. Лященко. Может быть, это

оказалось бы и для него полезным потому, что он тогда понял бы, что это не так просто делается, как выговаривается.

Первым в прениях выступил тов. Бессонов. Спор, который им возбужден по теоретическому вопросу о роли тарифов в плановом хозяйстве, представляет очень большой интерес. Я считаю, что большая заслуга тов. Бессонова состоит в том, что он выдвинул этот вопрос вообще, а не только здесь в Коммунистической Академии. Но это такой большой вопрос, что о нем надо совершенно специально разговаривать. Свою точку зрения я высказал в печати, и мне бы не хотелось больше на этом останавливаться. Я только скажу, что я с ним не согласен вот в чем. Я согласен с тов. Бессоновым, что эта проблема должна быть разрешена, что она должна быть по-марксистски поставлена, что до сих пор в этом отношении нами ничего не сделано, но я не согласен с ним в том отношении, что после пересмотра нам придется радикально изменить нашу тарифную политику, которая сводится к диференциации тарифов, которая сводится к тому, что мы совершенно сознательно строим новые дороги на окраинах и перевозим грузы там по значительно более дешевым ценам, чем это было бы, если бы мы их исчисляли по конкретным издержкам производства для данной окраинной дороги, для данного перегона и т. д. Это расширяет сферу нашего народного хозяйства, это позволяет нам подтягивать окраины к центру, притягивать их экономически, что соответствует одной из основных директив нашей хозяйственной политики в самом широком смысле этого слова.

Теперь обратимся к замечаниям проф. Лященко. Он выступал и раньше, и сегодня повторил свои основные замечания. Его основные замечания сводятся к тому, что он удовлетворен нашими целевыми установками, к которым он примыкает и под которыми может подписаться, но он совершенно не удовлетворен тем методом инженерной проектировки, к которому мы прибегали, и тем, что все цифровые выражения директив, которые находятся в нашем плане, с его точки зрения ничем не обоснованы. При этом хотя он очень „дружески“ по его словам к нам настроен, но он говорит, что наш план построен не марксистским методом. Я хотел бы все-таки, чтобы хоть такого рода замечания были подкреплены какими-нибудь доказательствами. Если бы было верно

только одно то, что этот план построен не марксистским методом, то и этого одного достаточно было бы, чтобы признать его никуда не годным. Поэтому я прежде всего остановлюсь на этом. Какие в этом отношении имеются соображения у проф. Лященко, в доказательство этой его основной мысли, на которой он так настаивает? Он говорит, что метод инженерной проектировки потому не марксистский метод, что его применял еще Фурье в своих фаланстерах. Это метод утопического социализма. Методы, применявшиеся при построении фаланстеров,—вы помните, там были проектировки даже антикитов и антильвов и тому подобные курьезы—конечно, не соответствуют реалистическому духу марксистской философии. Но почему это может быть отнесено к нашей работе? В пользу этого никаких аргументов я в выступлении тов. Лященко не нашел, не нашел ни в печати, которую я перечитывал, ни в стенограмме.

Я не знаю, можно ли метод проектировки Фурье, примененный им в его фаланстерах, можно ли его вообще назвать инженерным методом? Утопический метод отличается от метода научно-социалистического прежде всего тем, что он не опирается на науку, а инженерное дело строится целиком на научной базе. У Фурье не было этого фундамента. Вспомните, на какие силы он старался опереть осуществимость своих проектов. Он надеялся заинтересовать в них какого-нибудь благодетельного и просвещенного принца. Вот в чем заключается прежде всего утопизм Фурье. У него не было *классовой* точки зрения. Он не понимал, что только определенный класс, идеологию которого он отражал, мог реально осуществить его план.

Как же мы подходим к постановке своего плана? Наш план сознательно строится на тех целевых установках, которые отражают целеустремленность определенного класса—пролетариата. Вся реальность нашей пятилетки нами мыслится в той мере, в какой мы сумеем на платформе этой пятилетки организовать пролетариат. Поэтому мы и придаем такое значение целевой установке. Поэтому мы и ограничиваем *самостоятельное* значение того метода прогноза, о котором сегодня говорил тов. Лященко, противопоставляя его нашему методу. Он прямо говорит, что тот метод, который он бы противопоставил нашему, есть метод изучения социальной обусловленности, метод предвидения. Если бы мы жили

в обществе, целиком подчиненном стихийным законам рынка, тогда мы бы могли и должны были бы говорить только об изучении социальной обусловленности разных явлений и на основе этой обусловленности выдвигать те или иные предвидения. Но, конечно, тогда мы бы не называли этого научного исследования планом.

Весь подход наш совершенно иной. Я считаю утопичным такой подход, который бы сводился лишь к тому, что я извлекаю, как паук из своего собственного желудка, научную паутину и строю известный прогноз, который непременно должен осуществиться. Извините пожалуйста, он не сможет осуществиться, если вы не заинтересуете в этом тот класс, который должен его осуществлять, а заинтересовать его серьезно можно только тем, что ведет к осуществлению его идеала.

Научное обоснование плановых проектировок, конечно, необходимо. Но лишь в той мере, в какой нужно, чтобы этот ваш план был не только поддержан массами, но и технически осуществим и реалистичен. В нашей пятилетке вы не найдете никаких фантастических антильвов или антикитов именно потому, что ее проектировали научно образованные инженеры. И в этом смысле наш план целиком реалистичен.

В чем заключается ошибка проф. Лященко, когда он нам говорит о непригодности метода инженерной проектировки социальных конструкций? Я думаю, в том, что он забывает об одной оговорке. Инженерная проектировка осуществляется нами на основе определенных заданий. Как мы вообще строим социализм в нашей стране? Разве мы его строим только руками коммунистов? Нет. Мы знаем, что мы еще не можем себе позволить такой роскоши. Мы должны привлекать к этому строительству,—и в этом наша сила,—все те ресурсы, которые имеются в нашей стране. Если, например, вы посмотрите состав Госплана, то вы увидите, что на одного экономиста-коммуниста там имеется десяток инженеров беспартийных. Без специальных знаний инженеров всех родов оружия, привлекаемых по каждой отдельной отрасли, мы не могли бы создавать наших планов. Но для того, чтобы именно социальные конструкции могли творить инженеры, чуждые нам иной раз по духу, стоящие вне того марксистского учения, которое нас одухотворяет, мы должны с особым ударением подчеркнуть роль тех целевых установок партийных и прочих

директив, в пределах которых мы строим свои планы. Так вот, если вы этим специалистам-инженерам дадите вполне определенное задание о том, какую социальную структуру им предстоит построить, и используете их технические знания только для того, чтобы в пределах этого задания они вам вычертили рабочие чертежи и дали все схемы заданной постройки, тогда вы и этих инженеров-специалистов запряжете в самую плодотворную работу по строительству коммунизма. Они будут строить вам такие социальные конструкции, какие соответствуют вашим общим установкам. И если вами дана марксистская установка, то и инженерный проект будет ей отвечать в полной мере.

Тов. Кржижановский говорил здесь о том, что инженерная проектировка планов предполагает социальную инженерию. Мы думаем о социальном инженере, как о такой объединяющей комбинации знаний и технических, и экономических на основе общемарксистского мировоззрения, которая позволит нам творчески, без всякой помощи со стороны, проектировать социальную реконструкцию всего нашего хозяйства в том направлении, в каком нам нужно. Но если отвлечься от этого образа социального инженера, который пока можно было бы применить только к некоторым нашим вождям, то придется сказать, что, разумеется, только их руками строить конкретные хозяйственные планы мы пока еще не можем. Для этого мы слишком пока еще бедны такими силами. Но на той социальной базе, которую дает нам партия, и на тех технических знаниях, которые нам дают инженеры-специалисты, мы можем и теперь создавать нужные нам социальные конструкции. Возьмите хоть ту проектировку, которая связана с постройкой Днепростроя. Инженерная это проектировка или нет? Инженерная. Можно ли ее назвать марксистской? Нет. А между тем это составная часть плана Гоэлро, того самого, который В. И. Ленин называл второй программой партии. Не следует забывать, однако, что и наш план это есть прежде всего известная совокупность днепростроев. Именно к ним сводится техническая основа нашего плана, поскольку мы имеем в виду, прежде всего, план капитального строительства как основную составную часть нашей работы. Тов. Кржижановский здесь говорил о том, что нельзя ограничивать содержание перспективного плана планом капитального строитель-

ства. Я в своем докладе тоже говорил, что помимо этого наш план должен представлять собой целостную систему экономической политики, т. е. систему социальных, экономических и политических мероприятий, на основе которых это плановое строительство становится реалистическим. Но во всяком случае, с теми или иными оговорками, совершенно ясно, что в центре нашей проектировки лежат такого рода крупные строительства, которые должны совершенно изменить экономическую физиономию районов, а вследствие этого и всей страны, и которые базируются на определенной целевой установке—приближения к социализму.

Теперь по поводу упреков проф. Лященко, что у нас все „предусматривается" и ничего не обосновывается. Я хотел бы знать, какое именно „обоснование" им мыслится для тех отдельных цифр, которые мы давали. Ну, если мы говорим, что капитальные затраты у нас достигнут за 5 лет 22 млрд. руб. то как, путем какого экономического анализа можно обосновать эту самую цифру — 22 млрд.? Какой экономический анализ может указать, что нужно проектировать не 23 млрд. и не 21 млрд., а ровно 22 млрд.? Я бы очень хотел, чтобы нам хотя бы одну из тех цифр, которые у нас в перспективах проектируются, исчислил и аналитически „обосновал" проф. Лященко или кто-нибудь другой. Я полагаю, что этого никто не сделает по той простой причине, что путем экономического анализа мы никогда не получим никакой конкретной арифметической величины. В результате экономического анализа мы можем установить известные директивы. Вот, скажем, такую директиву, что мы должны запроектировать такой темп капитальных вложений, чтобы двинуть нашу промышленность более быстрым темпом, чем она возрастает в странах капиталистического окружения.

Это одна из директив, из которых мы исходили. Обоснована ли эта директива или нет? Пусть проф. Лященко скажет; может быть, он потребует от нас большего обоснования, чем мы даем. А наши обоснования в этом отношении не сложны. Во-первых, опираясь на всю нашу марксистскую экономику, мы утверждаем, что социалистическое хозяйство может дать больший эффект, чем хозяйство капиталистическое, и, во-вторых, основываясь на том, что если бы мы оказались не в состоянии реализовать эти преимущества нашего переходного к со-

циализму строительства, то мы бы несомненно потерпели поражение вследствие того, что наш удельный вес в той мировой системе, которая сейчас существует, падал бы, а не возрастал, мы заключаем, что наши планы должны обеспечить нужный нам темп развития. Это устанавливает известный лимит. Но только лимит, а не конкретную цифру. Рост производства в Соединенных Штатах Америки, где он наиболее бурен, определяется в 5—6% в год, а мы запроектировали около 15% в последнем варианте. Это больше 5, но и 10% тоже больше, и 12% и 30% было бы больше. Скажите, пожалуйста, чем можно обосновать именно 15%? Мы располагали, разумеется, и другим лимитом в тех ресурсах, какие поддаются нашему учету и какие мы могли запроектировать на протяжении пятилетки.

Тов. Милютин: Это тоже экономический анализ.

Да, это экономический или, точнее говоря, статистико-экономический анализ. Но во всяком случае он устанавливает лишь пределы и даже, я бы сказал, далеко не точные пределы. А в этих пределах мы должны дать конкретные цифры,—цифры, которые выражают меру не качественного, а количественного роста нашего хозяйства, не приводя нас к внутренним противоречиям со всей массой других конкретных проектировок той же пятилетки. Эти цифры нельзя получать в результате решения системы уравнений, они в лучшем случае удовлетворяют требованиям известной системы неравенств, не выходя за пределы установленных лимитов. Вот почему нелепо было бы „обосновывать" каждую цифру в отдельности.

В отдельных случаях, впрочем, когда мы проектируем, скажем, накопление, мы производим очень детальные расчеты. Но как-раз эти расчеты возмущают проф. Лященко. Он не понимает, зачем нам нужны такие детали, как число телеграмм, которые будут посланы в 1931 году. А между тем, без числа почтово-телеграфных отправлений нельзя учесть и почтово-телеграфный доход.

Очевидно, тут есть какое-то коренное взаимное непонимание, когда говорят, что у нас нет обоснования наших установок, и в то же время досадуют по поводу тех детальных расчетов и цифр, которые, с нашей точки зрения, как-раз являются определенными обоснованиями отдельных элементов плана.

Слушая проф. Лященко, можно подумать, что в Госплане сидят какие-то невежественные люди, которые нашей экономики не знают, не изучают ее, и приходят с цифрами, неизвестно откуда взятыми. Но вы все знаете, что это не так. Я не знаю, много ли у нас имеется в СССР таких исследовательских учреждений,—я не исключаю и Ком. Академию,—которые дали бы больше для конкретного изучения советской экономики, чем дали работники Госплана. Посмотрите только содержание журнала „Плановое Хозяйство". В каждом номере вы увидите какое-нибудь исследование,—может быть небольшое, но это потому, что журнал не позволяет помещать больших,—вы увидите там всегда новые продвижения в области изучения нашей конкретной экономики. Сейчас работники Госплана и ВСНХ подготовляют работу по динамике народного хозяйства СССР за 40 лет. Это девятитомный труд, там освещается и динамика промышленности, и сельского хозяйства, и транспорта, и бюджета, в сущности все стороны народного хозяйства. Почему мы это делаем? Потому что мы понимаем, что без изучения конкретной экономики и очень далеко идущего изучения, на много лет назад, мы бы не могли строить наши конкретные планы. Но мы вовсе не считаем своей обязанностью повторять в таких конкретных планах все те исследования, которые мы прорабатываем и публикуем самостоятельно.

Я не вижу в данном случае таких моментов, которые могли бы меня лично убедить, что те установки, которые имеются в нашем плане, неправильные, не марксистские установки и что нам кто бы то ни было показал в этом отношении более правильные марксистские установки.

Тов. Ронин находит неудачной постановку вопроса о примате производительных сил в движении к социализму в моем изложении. Весьма возможно, что я неудачно его поставил. К сожалению, в чем неудачность этой постановки я не мог проследить, потому что та цитата, на которую он ссылается, выпала из его стенограммы, стенографистки ее не записали. В силу этого я не знаю самого содержания этого упрека по существу. Может быть, я плохо выразился. Во всяком случае, если мне приписывается такая мысль, что мы строим наше хозяйство и даже социализм вопреки развитию производительных сил, против этого развития, ну, извините, никогда, ни в одном из моих выступлений печатных и,

надеюсь, в устных тоже, такого утверждения не было. К чему нам строить социализм против развития производительных сил? Я вовсе не нахожу противоречия между развитием производительных сил и развитием социализма. Наоборот. Я считаю, что именно, когда мы двигаемся в направлении к социализму, то и развитие производительных сил происходит наиболее эффективно. Вот моя точка зрения. Я могу прочесть ту формулировку, которая имеется в печатном виде в нашей пятилетке. Мы ставили в ней задачей плана—„бесперебойное развитие производительных сил в целях возможного повышения благосостояния трудящихся масс и скорейшего продвижения к социализму, при одновременном повышении обороноспособности страны“[1]. Стало быть, на первом месте мы говорим о развитии производительных сил, но мы не ограничиваемся этим, а говорим, куда должно итти это развитие. В чем же дело? Я возражаю против примата производительных сил „воопче“, который выдвигают некоторые экономисты только потому, что они как-раз этим „приматом“ хотят отмести все остальные указания о направлении развития и сказать, что они уже не имеют решающего значения. Так, напр., Базаров утверждал, что критерием годности плана должен служить примат производительных сил в том смысле, что если план дает развитие производительных сил, то он уже хорош, если же он этого развития производительных сил не дает, значит, он плох. А вот, если он не дает продвижения к социализму, то поскольку речь идет только о пятилетнем плане и т. д., то даже попятное движение можно допустить с его точки зрения, и это не является критерием негодности плана.

Вот против этого я и возражаю, именно против этого отметания некоторых дополнительных характеристик. Мы ведь теперь не говорим просто об „индустриализации“ страны, а говорим о социалистической индустриализации. К чему это нас обязывает? Мы можем мыслить эту индустриализацию по-разному. Вспомните хотя бы установку тов. Сокольникова и Шанина. Они тоже высказывались за индустриализацию. Но это была установка на индустриализацию путем подъема и развития нашего сельского хозяйства, через увеличение экспорта наших

---

[1] Перспективная ориентировка на 1926/27 — 1931/32 гг., стр. 3. М., 1928.

сельскохозяйственных изделий и т. д. Это была бы индустриализация через аграризацию и рост частно-хозяйственных сил деревни. Таким образом, такие характеристики, как социалистическая индустриализация, страхуют нас от известных уклонов даже внутри нашей партии. Когда же об индустриализации будут говорить Макаров или Кондратьев, то для них такая страховка еще нужнее. Точно так же, если о развитии производительных сил будет говорить тот же Кондратьев, это будет совершенно другое, чем тогда, когда мы об этом будем говорить. В одном случае будет мыслиться просто развитие производительных сил без дальнейшего уточнения, а в другом— оно будет мыслиться по направлению к социализму.

У тов. Мотылева были попытки показать конкретно, к чему приводит недостаток экономического анализа в нашей пятилетке. Подход тов. Мотылева, по-моему, является наиболее правильным. Он говорит: плох был ваш экономический анализ и вот из-за этого вы впали в такие-то грубейшие ошибки. Вот, товарищи, если бы каждый из вас таким же образом констатировал и конкретизировал те ошибки, в которые мы впали, как это сделал тов. Мотылев, нам гораздо легче было бы найти общий язык. Хорошо было бы, если бы и проф. Лященко указал нам сам наши ошибки вместо весьма неудачной ссылки на Кондратьева, который, дескать, нашел эти крупные ошибки. Проф. Лященко напрасно поверил на слово Кондратьеву. Я очень сожалею, что проф. Лященко не читал нашего ответа Кондратьеву. Если бы он его прочел, он понял бы, насколько те неувязки, на которые он ссылался, являются плодом творчества самого Кондратьева и в какой мере мы к ним совершенно не причастны.

Но я оставляю этот вопрос и перехожу к конкретным указаниям неувязок в нашем плане, которые мы слышали здесь в этой аудитории.

Тов. Мотылев говорил, что у нас в пятилетке разница между оптимальным и отправным вариантом по капитальным вложениям 20%, а по их эффекту всего 7—8%. Явная ошибка. Да, товарищи. Это грубейшая ошибка. Но это ошибка тов. Мотылева, а вовсе не наша. Такого соотношения в нашей пятилетке нет. В самом деле, к чему относятся эти цифры прироста в 7—8%? Они относятся ко *всему* народному доходу. Но разве мы начинаем эту пятилетку с пустого места? Разве наши капитальные вложения прибавляются к нулю? Мы соби-

раемся вложить по одному варианту 18,5, а по другому варианту — 22 млрд. Но у нас, кроме этих вложений, в народном хозяйстве было уже вложено к октябрю 1927 г. около 61 млрд. Естественно поэтому, что если мы хотим говорить об эффективности тех вложений, которые мы за эти пять лет проектируем, нужно сопоставить капитальные вложения не с полной суммой народного дохода, а с тем приростом народного дохода, который обусловлен новыми вложениями за эти пять лет. Народный доход по отправному варианту возрастает за пять лет с 25 млрд. до 33,5 млрд., всего на 8446 млн. По оптимальному варианту он возрастает с 25 млрд. до 36 млрд., т. е. примерно на 10 923 млн. Вторая сумма на 30% больше первой. Стало быть при увеличении вложений на 20% их эффект возрастает не на 7—8%, как это сосчитал тов. Мотылев, а на целых 30%. Подобно этому по промышленности при увеличении затрат по оптимальному варианту на 23% их эффект возрастает при правильном подсчете не на 11%, а на целых 43%.

Спрашивается, мало это или много? Это трудно сказать. Я не знаю, как ответит на это тов. Мотылев. Но во всяком случае его аргумент о 7—8% теряет свое значение. Это просто неграмотное обращение с цифрами и больше ничего.

Еще забавнее другое критическое замечание тов. Мотылева. Он делает такое сопоставление. Сопоставляя оптимальный вариант по пятилетке Госплана и по контрольным цифрам ВСНХ, он находит, что капитальные вложения в обоих этих вариантах почти тождественны, а эффективность по проектировке ВСНХ значительно больше. Тут явное недоразумение. Нужно сказать, что оптимальный вариант ВСНХ и наш оптимальный вариант ровно ничем не отличаются. И тов. Мотылев никакой в них разницы обнаружить не мог бы, если бы он делал правильные сопоставления. Но он взял у ВСНХ вариант с учетом 7-часового рабочего дня и увеличения числа смен, а у Госплана он взял не тот же самый вариант, а другой, составленный по наметке ВСНХ без учета 7-часового рабочего дня и увеличения числа смен[1]. Если бы, значит, тов. Мотылев читал вни-

[1] Госплановский вариант с учетом 7-часового рабочего дня, опубликованный еще в ноябрьской книжке „Плановое Хозяйство» за 1927 г., повидимому остался вовсе неизвестным нашему строгому критику.

мательно наши работы, то он, несомненно, не впал бы в такое забавное недоразумение и не стал бы упрекать нас за то, что увеличение смен дает повышенную продукцию.

У тов. Мотылева есть еще одна мысль, которая тоже им ставится в упрек нашему методу планирования. Он говорит о затухающем характере кривой развития, которая намечается в нашей пятилетке. Правда, этот упрек им обращен, главным образом, по адресу старой пятилетки ВСНХ, где особенно резко проявлялась эта особенность. Должен сказать, что по вопросу о кривых развития у нас в Госплане было много споров. И мы слышали очень много различных точек зрения по этому поводу. В порядке проектировки генерального плана мы, действительно, наметили кривую, сначала в первом пятилетии затухающую, а затем возрастающую. Эту точку зрения оспаривал вначале Базаров, который предложил нам другой вид кривой—сначала, в первой пятилетке, возрастающей, а в последующие—затухающей. Почему мы отвергли эту точку зрения и приняли такую, по которой темп развития сначала якобы затухает, а потом разгорается? По очень простой причине. Мы входим в эту пятилетку из очень быстрого в своем росте предыдущего восстановительного периода. Остатки и хвостики этого восстановительного периода в первые годы текущей пятилетки еще будут сказываться. А затем этот рост несколько замедлится. Капитальные вложения текущей пятилетки вполне скажутся, по нашему мнению, только в следующих пятилетиях, вследствие слишком длинных сроков строительства. Может быть, мы в этом несколько просчитались, может быть, мы уже к концу этого пятилетия начнем ощущать значительный эффект новых вложений. Но во всяком случае мы уверены, что в следующие пятилетки мы будем иметь уже определенно возрастающие темпы. И должен сказать, что после того, как мы конкретно попытались выявить, какое количество новых фабрик вступит в действие до 1931 г., то нам удалось убедить и Базарова, и он снял свои возражения.

Тов. Мотылев априори разрешает вопросы в пользу возрастающих темпов даже для первого пятилетия. Я думаю, что этот вопрос так априорно не решается. Нужно оценить все те конкретные факты, из которых мы исходим, и проверить их. Может быть мы и перегнули палку

в сторону осторожности. Но это требует еще проверки[1]. Я лично отнюдь не склонен к пессимизму. Два года тому назад мы здесь с этой самой трибуны выслушивали упреки совсем с другой стороны. Тов. Смилга гораздо пессимистичнее расценивал шансы реконструкционного периода. Он заявил, что за 1927/28 г. мы больше 5—6% не сделаем. Я и тогда ему возражал. И, действительно, в старой пятилетке мы запроектировали на 1927/28 г. 13% роста, в нынешнем году мы запроектировали уже 17%, а последнее слово ВСНХ, против чего не возражал и Госплан, когда было установлено, что мы можем целый ряд фабрик пустить в три смены, уже намечает 23% роста. При этом тут пришлось признать, что мы не дооцениваем как-раз эффекта тех новых капитальных затрат, которые уже сейчас вступают в действие. Конечно, это еще не новые предприятия, их еще нет. Но это уже входит в действие целый ряд старых переоборудованных предприятий. Таким образом, вы видите, что мы отнюдь не застрахованы от просчетов. Когда определяешь темпы на несколько лет вперед, можно просчитаться. Но во всяком случае не нужно забывать и о том, что высокие темпы развития не даются задаром. Они не случайно приводят на эту кафедру тов. Шанина с предостережениями против перенапряжения. 23% мы получим. К этому нас принуждает обострение товарного голода. Но это связано с угрозой перенапряжения, и само собой разумеется, что мы не стали бы проектировать сознательно на целое пятилетие вперед хроническое перенапряжение.

Теперь перехожу к замечаниям Базарова. Базаров немного коснулся истории наших споров. Он сказал, что теперь мы можем похерить большую их часть, потому что отныне у нас уже установилась общая платформа. Я думаю, что после этого ему следовало бы поставить точку. Ну что ж, если установилась общая платформа, если мы уже стоим на общей платформе, то не о чем и спорить. Но затем Базаров взял сейчас же свои слова обратно, обрушившись против всех тех моих замечаний, которые были направлены против его старой платформы, ныне им якобы оставленной во имя общей объединенной

---

[1] Как известно, в окончательном варианте пятилетки, после проверки, нам удалось окончательно разделаться и с затухающей кривой, несмотря на определенное противодействие вредителей.

платформы. Мало того, я должен сказать, что он пошел в некоторых отношениях даже дальше своей прежней установки. Для примера возьмем хотя бы этот самый спор о примате производительных сил, в защиту которого он выступил. До сих пор я с ним по этому вопросу не спорил. Идея этого „примата“ целиком принадлежала Громану, а Базаров ее оспаривал. Он говорил, что собственно между развитием производительных сил, устремлением к социализму и ростом благосостояния нет никакого внутреннего противоречия. Их незачем противопоставлять уже потому, что повышению производительных сил в наших условиях неизбежно будет сопутствовать и продвижение к социализму, и повышение благосостояния трудящихся масс. Это вполне правильно. Но сегодня он обрушился на меня за отвержение примата производительных сил в струвианском его толковании и привлек к себе в союзники...стариков-коммунистов. Действительно, у Маркса в „Введении к критике политической экономии“ ясно сказано, что „базисом“ является развитие производительных сил, а все остальное „надстройки“. Это правильно. Но беда заключается в том, что не это правильное нас разделяет, потому что к такому тезису, что базисом служит развитие производительных сил, присоединятся не только Струмилин и Базаров, но и Струве тоже присоединялся, даже после того, как он перестал быть социалистом. Развитие производительных сил всегда было и будет базисом. Беда в том, что у Маркса имеется не только это предисловие к „Zur Kritik“, а имеется и „Коммунистический манифест“, к которому Петр Струве совершенно не присоединяется.

Базаров высказался, напр., здесь за развитие производительных сил по американскому образцу. Спросим себя, однако, что означает этот американский образец? Можем ли мы развиваться по американскому образцу? Можем. Будут ли вырастать наши производительные силы, если мы восстановим капитализм и пойдем теми путями, которыми шла до сих пор Америка? Да. У нас естественные условия таковы, что, повидимому, мы сможем повышать наши производительные силы, двигаясь к капитализму довольно быстрыми шагами. Но будет ли это то развитие производительных сил, которое нам нужно? Нет, это будет не то развитие производительных сил, совсем не то. На настоящем этапе истории нас не может уже удовлетворить развитие производительных сил само

по себе, без характеристики, в каком направлении оно идет. Мы думаем, что мы можем итти своим путем, путем советским, а не американским, и на этом пути достичь такого темпа в развитии производительных сил, которое обгонит даже американский темп, обгонит именно благодаря тому, что будет итти нашим советским социалистическим путем.

Так вот, товарищи, я считаю, что тут простой ссылкой на стариков нельзя устранить того разногласия, которое кроется в этом выставлении примата производительных сил, как чего-то самодовлеющего, не требующего никаких дальнейших ограничений и уточнений. Дальше очень характерным было выступление Базарова в защиту независимости науки. Я думаю, что среди марксистов этот тезис независимости науки большой популярностью не может пользоваться. Мы знаем, что надклассовых наук нет. Это настолько элементарно для каждого марксиста, что аргументировать это более подробно нет никакой надобности. Если бы была независимая наука, это была бы такая наука, которая стояла бы над классами, парила бы выше их, творила бы свой суд и расправу над этими борющимися классами. Такой объективной, внеклассовой, надклассовой науки мы не признаем, в особенности, если говорить об общественной науке, о чем здесь шла речь. Стало быть, мы можем говорить только о классовой науке. Но что значит говорить о классовой науке? Что это за наука? Это та наука, которая служит интересам данного класса. Тут им было допущено легкое изменение моей формулировки. Я не говорил, что наука должна быть служанкой „директив", да еще „директив вождей". Я только говорил, что наука должна служить пролетариату. Во всяком случае, если эта наука—наша классовая наука, то она для себя не нашла бы ничего зазорного в том, чтобы служить интересам пролетариата. Старик Маркс тоже находил, что наука должна служить обществу. Базаров говорил, что только в средние века наука обрекалась быть служанкой теологов. А разве в новейшие века она не обслуживала интересов буржуазии? Правда, Базаров говорит, что буржуазия провозгласила независимость науки. Но тут же оговаривается, что это были только слова, а независимости никакой нет и не было.

Но спрашивается, зачем же далась эта независимость Базарову? Мы говорим, что наука классовая, что она

всегда служит классу. Но мы ведь отнюдь не хотим того, чтобы она фальсифицировала свои выводы в угоду кому бы то ни было. Это неизбежно только тогда, когда речь идет о науке, которая служит интересам класса отмирающего. Эта наука нередко должна фальсифицировать истину в интересах самосохранения своего класса. Она-то и стремится обычно этот мундир независимости на себя напялить. А та наука, которая служит классу, за которым стоит будущее, вовсе не должна что-либо фальсифицировать. Чем она объективнее освещает положение вещей, тем лучше она служит этому классу. Поэтому мы вовсе не вкладываем ничего обидного в то положение, что пролетарская наука может и должна служить своему классу.

Теперь обратимся к следующему замечанию. Я утверждал, что качественные различия являются чаще всего по существу только недостаточно осознанными количественными различиями. Базаров иронизировал здесь по поводу этого якобы моего „гносеологического новшества", которое можно рассматривать как результат увлечения пифагорейским учением о мистическом значении цифири. Для шутки это может быть и хорошо. Но если бы мы чаще обращались к старикам, то ни о новшествах, ни о какой-либо мистике по поводу моего утверждения нам говорить не пришлось бы. Я имел в виду только общеизвестные выводы физики и химии, т. е. весьма положительных наук. Вот что, напр., пишется в одной очень хорошей книге:

„Современные натуралисты прекрасно знают, как часто изменения количества ведут к изменениям качества. Почему одна часть солнечного спектра производит в нас ощущение красного цвета, другая—зеленого и т. д.? Физика отвечает, что тут все дело в числе колебаний частиц эфира... То же подтверждает химия. Озон имеет другие свойства, чем обыкновенный кислород. Откуда это различие? В молекуле озона иное число атомов, чем в молекуле обыкновенного кислорода" [1].

Значит то, что мы осознали как другое качество, есть только другое количество. Это далеко не ново и совершенно чуждо мистике.

---

[1] Бельтов. К вопросу о развитии монистического взгляда, стр. 65—66. Спб., 1906.

Базаров хочет посмеяться по поводу того, что я, скромный статистик, взялся не за свое дело—толковать о гносеологии, хотя никогда не был причастен к философии. Но вот наши старики—они понимали кое-что в философии. Приведенные слова принадлежат Плеханову. Я мог бы такие же свидетельства найти и у Энгельса. Они не ссылаются на гносеологию. Они ссылаются на физику, на химию, на современных натуралистов. В чем же дело? Когда Базаров захотел сначала меня сделать пифагорейцем, а потом смилостивился и согласился с тем, что я просто статистик и поэтому уже по своей профессии придаю такое большое значение числу, то мне пришло в голову, что он сам заговорил о гносеологии и пифагорейцах только потому, что это его специальность, поскольку он причастен к философии. У него не было иных оснований притягивать здесь к ответу эту высокую особу—гносеологию, с которой я, действительно, немного имел дела в своей жизни.

Дальше, Базаров здесь говорил о комчванстве. Действительно, это вещь очень нехорошая. Не знаю, кстати ли вообще было упоминать комчванство при обсуждении данного вопроса. Но я думаю, что и спецчванство тоже нехорошая вещь. Конечно, за ту пару лет, когда я, сидя в тюрьме, штудировал от нечего делать кантианцев, махистов, эмпириомонистов и прочих идеалистов, я не мог сделать столь больших успехов в гносеологии, чтобы удовлетворить Базарова, который в этом деле большой спец. Недаром же разбору его философских трудов уделил в свое время столько места В. И. Ленин. Но если учесть те отзывы Ильича, которыми он характеризовал труды Базарова, то едва ли даже в этих трудах можно усмотреть особые основания для спецчванства перед нами—простаками, не причастными к философии.

Я закончу по отношению к нашему спору с Базаровым одним замечанием.

Возражения своих оппонентов против его установки в методологии планирования он склонен объяснить лишь их „через край бьющей благонамеренностью". Установка на то, что критерием годности плана может стать помимо развития производительных сил еще дополнительное требование о приближении к социализму, ему представляется настолько необоснованной, что он даже затрудняется сказать, кто мог такое требование прокламировать. Я могу ответить на это.

„При составлении пятилетнего плана народного хозяйства“—читаем мы в одном довольно известном документе—„необходимо стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания следующих элементов: расширенного потребления рабочих и крестьянских масс; расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном хозяйстве вообще; более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития и непременного систематического повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора, что является решающим и главным моментом во всей хозяйственной политике пролетариата“.

Это требование прокламировано XV съездом ВКП (б).

Что же касается кивка по поводу чьей-то благонамеренности, то я замечу лишь следующее. Я понимаю интеллигентское чванство—всегда и при всяких обстоятельствах быть в оппозиции, оставаться в мундире неблагонамеренности[1]. Но гораздо естественнее, если революционер, десятки лет подряд носивший с честью знамя „неблагонамеренности“, после революции остается верным своим убеждениям, а не мундиру, и потому, оставаясь революционером, оказывается вполне благонамеренным. Во всяком случае было бы очень странно, если бы кто нибудь из таких революционеров стал замазывать в споре с противниками принципиальные с ними разногласия только для того, чтобы не попасть в одиозный, по их мнению, разряд благонамеренных.

Разрешите на этом закончить.

1928 г.

2. О ТЕМПАХ НАШЕГО РАЗВИТИЯ

(К дискуссии о пятилетке)[2]

В связи с заканчивающейся в Госплане работой по пятилетнему плану народного хозяйства вновь ожи-

---

[1] Как видно из процесса Громана—Суханова, где все время незримо витала и тень Базарова в роли непременного, хотя и бескорыстного консультанта этих социал-интервентов, его и сюда привела пожалуй все та же злосчастная приверженность к этому мундиру.

[2] См. дискуссию в Ком. Академии „О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР“, М., 1928, а также статьи тов. Мотылева в „Большевике“ за 1928 г., №№ 3—4, 10 и 18 и мой ответ ему там же, в № 13—14.

вляются старые споры о темпах возможного хозяйственного роста в советских условиях. Ободряемые фактическими успехами нашего развития плановые органы Союза все смелее становятся в своих перспективных наметках. В пятилетке на 1926/27—1930/31 гг. мы не решались еще запроектировать прирост продукции цензовой промышленности за пять лет свыше 77%. Через год, в пятилетке на 1927/28—1931/32 гг., наш оптимальный вариант проектировался уже с приростом в 108%, а в декабрьском варианте ВСНХ на 1928/29—1932/33 гг. мы уже намечали прирост в 167%, т. е. увеличение продукции более чем в 2½ раза за одно пятилетие[1].

Всем памятно, что даже первые, значительно более скромные наметки наши встречались в свое время известной частью нашей общественности весьма скептически и признавались заведомо преувеличенными. Тем более пищи для скепсиса этих критиков, в стиле проф. Кондратьева, Макарова и иже с ними, представляют новые проектировки. И мы уже слышали голоса о том, что запроектированный ВСНХ „темп роста является беспримерным во всей истории“.

Конечно, такого рода упреки меньше всего нас смущают. Октябрьская революция тоже заслуживает названия беспримерной в истории. Тем не менее, она — факт, с которым приходится считаться даже самым крайним скептикам. Намечаемые в наших перспективных проектировках темпы развития, несомненно, беспримерны. Но до сих пор они осуществлялись даже с некоторым превышением против плана. И те, кто хочет оспорить их реальность в отношении будущего, должен иметь в своем арсенале более солидные аргументы, чем простая ссылка на историю. Уже в рамках капиталистического общества мы наблюдаем крайнюю неравномерность развития. Чем позже вступает на путь капиталистического развития та или иная страна, тем более быстрые темпы роста она усваивает, догоняя и обгоняя своих более зрелых конкурентов.

У всех на глазах молодая Германия опережала в своем развитии старую Англию. Еще разительнее то опережение, которое мы наблюдаем в развитии Соед. Штатов по сравнению со всеми их западно-европейскими конкурентами. А головокружительный рост хозяйственной мощи

[1] В утвержденной пятилетке этот прирост еще возрос до 179%.

Японии, позже всех вступившей на путь капиталистического развития, разве не показателен в этом отношении? Дореволюционная Россия тоже имела относительно высокие темпы развития именно потому, что она позже других вступила на путь капиталистического развития и могла уже сразу в готовом виде переносить к себе все технические достижения своих конкурентов, не повторяя заново их промахов и ошибок. После же Октябрьской революции, по мере того как с каждым годом мы все более овладеваем рычагами планового воздействия на хозяйственное развитие страны, возможности СССР к опережению в темпах роста капиталистических стран становятся уже несравненно выше и многообразнее. Шансы СССР расти не только в количественном, но и в качественном отношении „беспримерными“ во всей истории темпами огромны. И хозяйственный план, который не удовлетворял бы этому требованию „беспримерности“, т. е. не обеспечивал бы нам возможности в течение известного срока догнать и перегнать опередившие нас в своем хозяйственном развитии страны, уже по этому одному был бы нами забракован.

Однако, догонять и перегонять тоже можно по разному. Если бы, например, мы поставили своей задачей обогнать Соед. Штаты в одно пятилетие, то, несмотря на всю „благонамеренность“ такой установки, едва ли кто-нибудь одобрил бы этот „план“. Говоря иначе, необходимо иметь известную меру даже в границах „беспримерности“. Соблюдена ли эта мера в последних проектировках ВСНХ и Госплана? Вот вопрос, заслуживающий самого серьезного обсуждения. И он, несомненно, в течение ближайших месяцев станет в центре дискуссий о пятилетке.

К какому выводу в этом отношении нам придется притти, в результате предстоящей дискуссии загадывать было бы преждевременно. У нас нет никаких априорных критериев преувеличенности тех или иных темпов. Априори можно сказать лишь одно: проектируемые в СССР темпы могут и должны быть выше капиталистических, но они не должны все же превышать имеющихся в стране реальных ресурсов. Таким образом, вся проблема сводится к конкретному учету имеющихся в стране ресурсов (т. е. возможных затрат труда и капитальных вложений) и меры их эффективности, вернее — план должен быть правильно энергетически построен.

В настоящее время мы не имеем еще полной программы намечаемой на пятилетие реконструкции и связанного с нею баланса вложений и накоплений. Однако, если судить по тем элементам, которые уже нам известны, темпы, намечаемые ВСНХ для оптимального варианта отнюдь не представляются нам чрезмерными. Правда, сами работники ВСНХ оценивают их как предельно-напряженные. Но для оптимального варианта такое напряжение вполне закономерно и даже необходимо.

Конечно, было бы большим риском итти на осуществление заведомо перенапряженных планов. Но хотя в нашей экономической литературе делались уже неоднократно попытки доказать наличность в нашей хозяйственной практике такого перенапряжения в связи с преувеличенными планами индустриализации, мы отнюдь не можем признать их сколько-нибудь убедительными. С аргументацией проф. Кондратьева по этому вопросу мы уже посчитались в другом месте[1]. Но и новейшие варианты аналогичной аргументации, исходящие из других кругов, столь же на наш взгляд слабы и малоубедительны.

Мы имеем в виду последнее выступление тов. Шанина „против избыточного финансирования“[2]. Это избыточное или, как он еще иначе его называет, „инфляционное финансирование“ народного хозяйства вообще и нашей промышленности в особенности, которое он довольно решительно требует „прекратить“, ровно ничем им не подтверждается.

Да и не может быть подтверждено за отсутствием такого факта.

Дело в том, что даже промышленность, финансирование которой мы особенно форсируем за последние годы, отнюдь не ставит перед собой неосуществимых целей[3].

В самом деле, сопоставим размер капитальных затрат в основные фонды планируемой промышленности

---

[1] С. Г. Струмилин. Индустриализация СССР и эпигоны народничества. ГИЗ. М., 1928.

[2] Л. Шанин. Вопросы финансового режима. План. Хоз., 1928, № 10.

[3] Конечно, заявки ВСНХ, как и всякого другого ведомства, на потребные ему средства зачастую страдают известным преувеличением, но мы имеем в виду не эти заявки, а утвержденные планы.

за последние годы с объемом внутреннего в ней накопления ресурсов (в млн. черв. руб.):

Годы	Чистая прибыль	Амортизация	Итого	Капит. затраты
1925/26	631	345	976	780
1926/27	636	398	1034	1034
1927/28	825	440	1265	1298
За три года	2092	1183	3275	3112
1928/29	1300	500	1800	1630
За четыре года	3392	1683	5075	4742

Как видим, внутренние ресурсы нашей промышленности с избытком покрывают капитальные затраты. Говоря иначе, промышленность сама создает те реальные ценности, которые потребны для ее расширения. Где же тут место для „инфляционного финансирования“, т. е. финансирования бумажного, за которым не стоят реальные ценности? Правда, промышленность через бюджет и кредит получает больше, чем сама отдает им, покрывая этим избытком свою возрастающую потребность в оборотных средствах. Но поскольку оборотные средства отлагаются в виде вполне реальных, товарных ценностей, финансирование их даже за счет эмиссионных ресурсов едва ли может быть названо инфляционным.

Тов. Шанин, очевидно, думает иначе. Но в таком случае ему следовало бы доказать, что мы перефинансировали на том или ином участке нашу промышленность и что благодаря этому у нее оказался избыток средств в денежной форме. Это, однако, совершенно недоказуемо. Анализ сводных балансов промышленности, наоборот, показывает явное снижение ее денежных средств по отношению к общему итогу всех ресурсов. В самом деле, вот несколько цифр из сводного баланса нашей госпромышленности (см. табл. 31).

Как видим, валовая продукция ВСНХ за два года возросла в червонном выражении на 70%, а оборотные средства только на 33%, далеко отставая от довоенной нормы, причем в денежной их части, т. е. по текущим счетам и кассе, мы наблюдаем даже абсолютное снижение. Правда, чужие средства в общих ресурсах ВСНХ достигают уже довольно высокой нормы. Но без привлечения их мы, разумеется, не могли бы получить того

небывалого роста продукции, какой имели. Снижение же денежной части оборотных фондов свидетельствует даже о явном кредитном зажиме промышленности. И напрасно тов. Шанин пытается эту кредитную рестрикцию превратить в избыточное, инфляционное финансирование.

Его намерения чрезвычайно прозрачны. Но его методы борьбы против, якобы, преувеличенных темпов индустриализации совершенно не оригинальны. Проф. Кондратьев тоже пугал нас призраками инфляции. Этот прием чересчур часто применялся за последние годы и, казалось бы, потерял уже кредит даже у присяжных паникеров из лагеря анти-индустриалистов.

Проектируя высокие темпы индустриализации, мы, конечно, чувствуем потребность в известной страховке себя от возможности тех или иных срывов в области финансирования. Но если в прежних проектировках эта страховка отражалась в огромном скрытом „запасе прочности" предлагаемых перспективных расчетов, то теперь мы идем к той же цели иным путем—путем одновременного построения двух вариантов. И чем смелее проектируем мы оптимальный вариант, тем осторожнее должен быть построен тот отправной вариант, который призван обеспечить нам вполне бронированный минимум финансирования намеченной программы реконструкции. Именно поэтому и в прошлогодней проектировке и ныне отправной вариант пятилетки Госплана значительно скромнее оптимального.

Размер разрыва между этими вариантами представляет с указанной точки зрения немалый интерес. Особенное внимание ему уделено было в прошлогодней дискуссии тов. Мотылевым. Исходя из необходимости полного учета эффективности вложений в оптимальном варианте и достаточной осторожности в отправном, тов. Мотылев находил запроектированный нами в прошлогодней „Перспективной ориентировке" Госплана разрыв между двумя вариантами явно недостаточным. Не возражая против проверки этого обстоятельства при переработке пятилетки, я сомневался все же в возможности значительного увеличения указанного разрыва. В пылу полемики тов. Мотылев предъявил мне по этому поводу целый ряд жесточайших обвинений вплоть до зачисления меня в разряд „противников быстрого темпа индустриализации СССР".

Таблица 31

Основные элементы сводного баланса промышленности ВСНХ
(в млн. руб.)

Статья баланса	Акционерн. промышленность России 1913 г.		Промышленность ВСНХ по балансам на 1 октября						% прироста за два года
			1925 г.		1926 г.		1927 г.		
	абс.	в % %	абс.	в % %	абс.	в % %	абс.	в % %	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Основные фонды (имущество)[1]	2444,8	52,4	5037,2	64,0	5206,2	59,9	6174,2	62,0	22,6
Б. Оборотные фонды									
1) сырье топливо, материалы	—	—	1125,3	14,3	1420,5	16,3	1551,4	15,6	37,9
2) полуфабрикаты и готов. издел.	—	—	1302,8	16,6	1534,8	17,6	1666.4	16,7	27,9
Итого по 1 и 2	1550,5	33,2	2428,1	30,9	2955,3	33,9	3217,8	32,3	32,5
3) ценные бумаги	—	—	214,9	2,7	333,2	3,8	391,5	3,9	82,2
4) текущие счета	—	—	159,7	2,0	174,4	2,0	141,1	1,4	— 11,6
5) касса	—	—	30,9	0,4	29,0	0,33	30,2	0,30	— 2,3
Итого по 3—5	670,8	14,4	405,5	5,2	536,6	6,2	562,8	5,6	38,8
Итого по Б	2221,3	47,6	2833,6	36,0	3491,9	40,1	3780,6	38,0	33,4
Всего по А и Б	4666,1	100	7870,8	100	8698,1	100	9954,8	100	26,5
В том числе:									
Привлеченных средств	974,2	20,9	671,1	8,5	1446,1	16,6	2226,0	22,4	231,7
Общий итог баланса	7730	165,7	10296	130,8	11843	136,2	13144	132,0	27,7
Валовая продукция соответ. года[2]	—	—	4837,4	61,5	6906,3	79,4	8237,3	83,6	70,3

[1] Основные фонды даны за все годы, включая Центроспирт и Чаеуправление, но за вычетом амортизации.
[2] Без акциза.

„Несмотря на умелую и последовательную критику народнических взглядов на темп индустриализации—замечает он,—тов. Струмилин сам преуменьшал в своих работах и выступлениях возможный темп индустриализации“ [1].

Едва ли это обвинение можно признать вполне добросовестным. Тов. Мотылеву известно, что в своих докладах о пятилетке я излагал не свои, а коллективные работы Госплана. Темпы развития в этих работах казались большинству критиков пятилетки скорее преувеличенными, чем преуменьшенными. Что же касается меня лично, то я всегда подчеркивал наличность в этих работах большого запаса „осторожности“.

Лишь проверка опытом фактического развития может дать нам достаточный критерий реальности наших перспективных наметок. И только под влиянием этого опыта мы отваживаемся в каждой новой проектировке повышать темпы этих наметок. Еще год тому назад не только Госплан, но и ВСНХ выступали перед партийным съездом с одним и тем же оптимальным вариантом повышения продукции ВСНХ за пять лет на 108%, а ныне даже по минимальной программе нами проектируется 130% прироста. Тов. Мотылев, последовательности ради, должен был бы прибавить поэтому к числу „противников“ высоких темпов индустриализации наряду со Струмилиным, очевидно, и тов. Межлаука, и тов. Куйбышева и многих других. Но кто же тогда окажется в рядах сторонников высоких темпов? Вот вопрос.

Тов. Мотылев имел неосторожность в своем критическом выступлении в Ком. Академии по поводу „перспективный ориентировки“ Госплана высказать пару грубо ошибочных суждений. Затем он повторил их в „Большевике“ (№ 3—4 за 1928 г.). И даже после того как эти ошибки были ему с полной ясностью показаны, он, пытаясь сохранить за собой в этом споре последнее слово, упорно отстаивал в печати свои, явно безнадежные позиции (см. „Большевик“, №№ 10 и 17—18). Однако, общественный интерес спора при этом явно иссякает, ибо вместо деловых соображений в арсенале нашего оппонента, повидимому, остались одни лишь полемические приемы. В самом деле, приведем для образчика пару примеров.

---

[1] В. Е. Мотылев. Проблема темпа развития СССР, стр. 142. М., 1929.

Прием 1. В последнем своем выступлении тов. Мотылев пытается истолковать ряд моих замечаний и оговорок как явную уступку его взглядам и рассматривает их поэтому как „прикрытое отступление“ своего оппонента. Прием довольно искусный, однако, едва ли заслуживающий подражения. Дело в том, что я никогда не давал обещаний по всем вопросам непременно отстаивать диаметрально противоположное тому, что думает или утверждает тов. Мотылев. Найдется, несомненно, много вопросов, в которых мы являемся или можем оказаться даже полными единомышленниками. Но это не имеет ровно никакого отношения к предмету нашей дискуссии. Взять хотя бы вопрос о затухающих или возрастающих темпах развития нашего хозяйства в реконструкционный период. Здесь мы сходимся с тов. Мотылевым во взглядах довольно близко. Я точно так же, как и Мотылев, предвижу нарастание, а не затухание этих темпов, хотя, быть может, не с середины, а лишь с конца ближайшей пятилетки. Но поскольку об этом у нас не было спора, никто из нас не имеет оснований рассматривать такое единомыслие как результат победоносной дискуссии.

Тов. Мотылеву не мешало бы усвоить, что пятилетка Госплана это коллективный, а не единоличный труд. И что поэтому каждый из участников этой работы, взятый в отдельности, отнюдь не может принять на себя ответственности за все ее недочеты и достоинства. Именно поэтому, возражая на диспуте в Ком. Академии тов. Мотылеву в своем заключительном слове по одним вопросам, я отнюдь не находил поводов спорить с ним по вопросу о характере кривой нашего развития.

Объясняя, почему составители пятилетки исходили из гипотезы потухающих темпов развития для первой пятилетки, я мотивировал эту точку зрения следующим образом: „Мы входим в эту пятилетку из очень быстрого в своем росте предыдущего восстановительного периода. Остатки и хвостики этого восстановительного периода в первые годы текущей пятилетки еще будут сказываться. А затем этот рост несколько замедлится. Капитальные вложения текущей пятилетки вполне скажутся только в следующих пятилетиях, вследствие слишком длинных сроков строительства“. Но, приведя эту общую установку составителей пятилетки, я тотчас же внес следующие совершенно недвусмысленные оговорки: „Может быть,

мы в этом несколько просчитались, может быть, мы уже к концу этого пятилетия начнем ощущать значительный эффект новых вложений. Но во всяком случае мы уверены, что в следующие пятилетки мы будем иметь уже определенно возрастающие темпы... Тов. Мотылев априори разрешает вопрос в пользу возрастающих темпов даже для первого пятилетия. Я думаю, что этот вопрос так априорно не решается. Может быть мы и перегнули палку в сторону осторожности. Но это требует еще проверки. Я лично отнюдь не склонен к пессимизму". И ссылаясь на плановый опыт 1927/28 г., свидетельствующий о несомненной недооценке нами эффективности уже завершенных капитальных затрат, я заключил: „Таким образом вы видите, что мы отнюдь не застрахованы от просчетов" [1].

Эта установка очень близка к тому, что говорил и тов. Мотылев. И потому он трубит победу: „О чем свидетельствует эта цитата? О том, что и в этом вопросе, являющемся одним из центральных, тов. Струмилин также отступил. Он вынужден был согласиться с нами, что недооценивал эффекты новых капитальных работ, что кривую темпов надо проверить. Он вынужден был сам привести факты против пессимистической установки в этом вопросе" [2].

Спрашивается, однако, от чего же это я „отступил" в данном случае? Отступление предполагает ведь предварительное наступление или вообще спор по данному пункту. Но не будучи сторонником „пессимистической" установки в этом вопросе, я лично никогда не отстаивал этой оспариваемой тов. Мотылевым установки, а потому мне не от чего было и отступать. Недооценку эффекта наших плановых приводов в проектировках Госплана, обеспечивающую им большой резерв прочности,—я действительно признаю и признавал уже не раз и до нашего спора с тов. Мотылевым [3], но не в порядке

[1] О пятилетнем плане. Дискуссия в Ком. Академии, стр. 110—111. М., 1928.

[2] Большевик, 1928, № 17—18, стр. 125.

[3] И в 1925 г. я отмечал, что „мы не раз уже ошибались в сторону недооценки наших хозяйственных перспектив", и в 1927 г. в спорах о пятилетке выражал свое убеждение, что в „наших проектировках имеется еще очень порядочный запас прочности", и не имею оснований в этом раскаиваться. См. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 316, 323, 424, 497.

вынужденных признаний, а с полным удовлетворением по поводу мощности и полнокровности нашей советской системы.

Прием 2. Еще оригинальнее следующий полемический прием. Тов. Мотылев обвинял меня в недооценке директив XV съезда, приписывал мне утверждение, что в них нет „ничего нового". В своем ответе я отверг это нелепое обвинение. В мою задачу вовсе не входила оценка директив съезда. Я лишь пытался объяснить, почему мы не сделали особо заметных промахов в целевой установке нашей старой пятилетки, что, в сущности, никем не оспаривалось. И объяснял это тем, что XV съезд в своих директивах не ревизовал прежних установок партии на индустриализацию страны и другие задачи плана, а лишь развивал их в целостную программу. А с этой точки зрения о директивах XV съезда, конечно, можно смело сказать что в них „нет ничего такого абсолютно нового и неожиданного, чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных съездов и руководящих центров" [1].

„Итак,—торжествует по поводу этих слов в своем четвертом выступлении тов. Мотылев,—по новому толкованию тов. Струмилина в директивах не было лишь ничего абсолютно нового и неожиданного... Ответ тов. Струмилина свидетельствует об его отступлении, об его отказе от прежней оценки директив" [2].

Однако, спрашивается, на каком основании тов. Мотылев, приводя цитату из моего основного доклада в Ком. Академии, говорит о ней, как о чем-то для него новом. Ведь это именно ее он извратил в своей предыдущей статье, выбросив словечко „абсолютно" и категорически утверждая, что „Струмилин не нашел в этих директивах ничего нового" [3]. Теперь, перечитав заново ту же старую фразу, он уже усвоил, что мною сказано совсем иное, что на мой взгляд „в директивах не было лишь ничего абсолютно нового и неожиданного". Оспаривает ли это тов. Мотылев? Нет, не оспаривает. Напротив, в этих словах он усматривает мое отступление перед его критикой. А между тем, они целиком содержатся уже в первом моем выступлении

---

[1] О пятилетнем плане. Дискуссия в Ком. Академии, стр. 31.

[2] Большевик, 1928, № 17—18, стр. 119.

[3] Там же, 1928, № 10, стр. 78.

и не поддаются никаким кривотолкам. Таким образом, не я, а тов. Мотылев отступил в данном пункте от своих обвинений и тщетно пытается прикрыть это фразой о „новых“ толкованиях Струмилина.

Того факта, что все обвинение его в данном случае обосновывалось на одном лишь вольном или невольном искажении моих слов, никуда не денешь. Но тов. Мотылев, повидимому, неисправим в этом отношении. Желая подкрепить свое обвинение по поводу недооценки мною директив съезда ссылкой на Г. М. Кржижановского, он приводит, между прочим, следующие его слова: „Эти установки съезда, конечно, пронизаны мыслями Владимира Ильича. Но надо откровенно признать, что в материалах наших пятилеток они еще не нашли развернутого выражения“ [1]. И затем уже от себя делает следующий вывод: „Таким образом, тов. Кржижановский, также возражая тов. Струмилину по поводу его оценки директив и вопреки утверждениям тов. Струмилина заявлял, что директивы еще не нашли своего отражения в проектах пятилетки“ [2].

Подчеркнутые мною слова тов. Кржижановскаго явно показывают, что и он, как и я, не усматривал в установках съезда никакой ревизии мыслей Ильича и в этом смысле не видел в них ничего абсолютно нового или неожиданного. Но тов. Кржижановский подчеркивает, что все же в наших пятилетках они не нашли еще развернутого выражения. Это правильно. И я нигде не утверждал обратного. Но вот тов. Мотылев без излишней застенчивости похерил это словечко „развернутого“ и у него получается уже совсем другое, прямо противоположное. По его резюме выходит, что мысли Ильича вообще не нашли своего отражения в материалах Госплана. И это чудовищное утверждение приписывается им председателю Госплана и одному из ближайших учеников Ленина. Сомневаюсь, чтобы такие грубые передержки могли послужить к вящей полемической славе тов. Мотылева.

Прием 3. Объясняя, почему развитие нашего хозяйства, взятого в целом, не может пока выражаться слишком высокими коэфициентами, я писал следующее: „Мы растем пока как следует только одной своей поло-

---

[1] О пятилетнем плане, стр. 70. Разрядка наша.

[2] Большевик, 1928, № 17—18, стр. 119. Разрядка наша.

вышкой, обращенной лицом к социализму. Но зато мы растем не только количественно, но и качественно, повышая с каждым годом удельный вес социалистического сектора в общем балансе. Этот факт социализации тоже не должен быть забытым при оценке эффективности наших плановых установок. Он объясняет замедленный рост нашего хозяйства, взятого в целом, в настоящем. Но в то же время он сулит нам ускорение темпов роста по мере обобществления остатков частнохозяйственного сектора в ближайшем будущем"[1].

„Это рассуждение тов. Струмилина, — авторитетно заявляет тов. Мотылев, — в основном также ошибочно. Что наличие частного сектора в нашей экономике замедляет темп хозяйственного развития, что окончательная ликвидация этого сектора значительно ускорит этот темп, — очевидно и бесспорно. Но совершенно неверно, что „факт социализации... объясняет замедленный рост нашего хозяйства в настоящем". Прогрессирующее вытеснение частного сектора, социализация нашего хозяйства должны, несомненно, ослаблять из года в год замедляющее действие этого сектора, т. е. ускорять темп развития... Таким образом, вопреки утверждению тов. Струмилина, факт социализации не только не объясняет замедленного роста нашего хозяйства, но опровергает его взгляды на неизбежность замедленного роста"[2].

На этом полемическом приеме стоит остановиться. С первого взгляда может показаться, что тов. Мотылев, действительно, серьезно оспаривает мое утверждение. Но это одна лишь видимость. В самом деле, что утверждается мною? Что необходимость обобществления частного сектора до тех пор, пока вес его велик, замедляет наш рост в настоящем, но в то же время обещает ускорение темпов в ближайшем будущем. А тов. Мотылев излагает то же самое, но своими собственными словами. „Замедляющее" действие частного сектора это и для него бесспорный факт. Но видите ли, из года в год это замедляющее действие будет ослабляться и мы будем поэтому „ускорять темп развития". Да ведь это именно я и утверждал. В чем же моя ошибка? Вот уж поистине: „не вмер Данило — болячка его задавила".

---

[1] Большевик, 1928, № 13—14, стр. 114.
[2] Большевик, 1928, № 17—18, стр. 124.

Неукротимый полемист даже там, где ему ровно нечего возразить, делает суровое лицо и укоряет меня в ошибках в надежде, что читатель не разберется и поверит ему на слово.

Кто же отступает?

Чтобы решить этот вопрос по-деловому, надо, прежде всего, точно установить предмет и границы спора. Со своей стороны я оспаривал выступление тов. Мотылева в Ком. Академии только по двум основным пунктам.

Первый из них касался размеров превышения темпов оптимального варианта пятилетки Госплана над отправным. Тов. Мотылев утверждал, что намеченная работниками Госплана разница в темпах по этим двум вариантам явно недостаточна, что оптимальный вариант при сравнении его с отправным резко преуменьшен, как это явствует из сопоставления прироста капитальных затрат по этому варианту на 20% „с их эффектом" всего в 7—8%. Я же, не отрицая возможности спора по этому пункту, указывал, что так просто этот вопрос не решается, что в определении эффекта капитальных затрат тов. Мотылев допустил грубейшую ошибку, что этот эффект следует оценивать не в 7—8%, а по меньшей мере в 30%, и объяснил, почему это так.

Спрашивается, что же, признал за собой эту ошибку тов. Мотылев или нет? Да, признал. В последней его статье он уже забыл о своих 7—8% и принимает мою цифру в 30%. Правда, по его словам и этот эффект в 30% при увеличении капитальных затрат на 20% „является явно недостаточным" [1]. Но дальнейший спор по этому вопросу становится совершенно бесплодным, ибо тов. Мотылев не выдвигает в защиту своего утверждения ни одного поддающегося проверке аргумента, если не считать ссылки на то, что в новых проектировках пятилетки по оптимальному варианту даются уже более высокие темпы развития, чем в старой пятилетке. Последнее утверждение совершенно правильно. Но верно и то, что в новой пятилетке сильно повышаются и капитальные затраты, и темпы роста не только по оптимальному, но и по отправному варианту. И разница между ними попрежнему остается „явно" неудовлетворительной, если подходить к ней с масштабами тов. Мотылева.

---

[1] Большевик, 1928, № 17—18, стр. 123.

В самом деле, вот какое сопоставление получается по последнему варианту Госплана и ВСНХ (декабрь 1928 г.) в сравнении с „Перспективной ориентировкой 1927 г." (см. табл. 32).

Таблица 32

Эффективность вложений в планируемую госпромышленность по проектам пятилетного плана

Варианты плана	Капитальн. вложения за 5 лет в млн. руб. с учетом снижения строительн. индекса	Показатели эффективности вложений: Валовая продукция: в ценах 1926/27 г.: за пятый год пятилетки в млн. руб.	прирост за пять лет: абс.	в %	с учетом снижения: за пятый год пятилетки в млн. руб.	прирост за пять лет: абс.	в %	Прирост производительн. труда в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
На 1927/28—1931/32 гг.								
Оптимальный	7124	15763	7998	103,0	12160	4395	56,6	62,3
Отправной	5791	13814	6049	77,9	10832	3067	39,2	56,9
Разница абс.	1333	1949	1949	25,1	1328	1328	17,4	5,4
В % к отправн. вар.	23,0	14,1	32,2	32,2	12,3	43,3	44,4	9,5
На 1928/29—1932/33 гг.								
Оптимальный	13087	28981	18157	167,7	(20753)	10568	103,8	94,9
Отправной	10900	24793	13997	130,0	19074	8732	84,0	83,0
Разница абс.	2187	4188	4160	37,7	1679	1836	19,8	11,9
В % к отправн. вар.	20,1	16,9	29,7	28,9	8,8	21,0	23,6	14,3

Приведенные показатели еще подлежат дальнейшей проработке и уточнению. И мы надеемся, что „вилка" между обоими вариантами, в которую мы хотим уловить действительное развитие, еще расширится. Но во всяком

случае пока что мы стоим перед несомненным фактом. При возрастании обоих вариантов расстояние между ними, вопреки чаяниям тов. Мотылева, не возросло, а даже сузилось. Правда капитальные вложения и в новой проектировке по оптимальному варианту на 20% превышают отправной. Но эффективность их, выраженная в приросте продукции, вместо 43% дает ныне только 21% прироста.

И понять ошибку тов. Мотылева, не предвидевшего такой возможности, можно лишь вспомнив следующее наше замечание: эффективность вложений нельзя измерять только объемом продукции. Снижение себестоимости и соответствующий ему рост производительности труда тоже являются весьма существенным показателем эффективности затрат. А этот показатель вырастает для оптимального варианта в последней проектировке значительно быстрее, чем в прежних.

Тов. Мотылев отказался от своего сопоставления капитальных затрат в 20% с их „эффектом“ в 7—8%. Но как? Сначала он пытался отрицать самый факт такого сопоставления. А когда это не прошло, он избирает такую гипотетическую формулу: „Допустим, что соответствующее место в первой статье не отличалось достаточной ясностью и давало основания для такого толкования“ [1].

Как видим, и здесь мы имеем дело только с полупризнанием. Однако, факт остается фактом. Статья тов. Мотылева напечатана, мои цитаты из нее могут быть в любое время проверены. И нам незачем делать гипотетических допущений. Выступление тов. Мотылева в отмеченном мною месте отличалось полной ясностью. И допущенную им ошибку можно ликвидировать только полным и открытым ее признанием.

Второй пункт нашего спора касается того недоразумения, по которому тов. Мотылев, сопоставляя госплановский оптимальный вариант пятилетки с вариантом ВСНХ, хулил один, хвалил другой и вообще рассматривал их как два совершенно самостоятельных варианта. Я доказал точными фактами и ссылками на печатные документы, что оба эти варианта ровно ничем не различаются и, стало быть, ни один из них не обладает никакими преимуществами перед другим. Тов. Мотылев не мог этого оспорить. Но и тут он, не желая признать

---

[1] Большевик, 1928, № 17—18, стр. 128.

свою ошибку открыто, отделывается лишь весьма глухим полупризнанием: „Тов. Струмилин смог выявить лишь наличие в моих статьях пары частных замечаний, основанных, быть может (!?), на недоразумении“ [1].

Кто читал нашу полемику, тот знает, что дело шло не о частных замечаниях, а о весьма категорических нападках тов. Мотылева на работу Госплана путем противопоставления ей якобы значительно лучшей работы ВСНХ. Комическое недоразумение, в которое здесь впал тов. Мотылев, не вызывает никаких сомнений. Почему же он затрудняется это прямо, по-большевистски, признать и тем самим закончить без нужды затянувшийся спор?

Мы не станем решать этого вопроса. На мой взгляд тов. Мотылев недаром назвал свою статью: „Прикрытое отступление“. Прикрытое отступление тов. Мотылева, несмотря на все его полемические приемы, заслуживающие лучшей участи, достаточно обнаружилось. И продолжать спор дальше было бы совершенно бесполезной тратой времени.

Январь 1929 г.

---

[1] Там же, стр. 127

III. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ

А. К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАПИТАЛЬНЫХ ЗАТРАТ

1. ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАКОПЛЕНИЯ

В наше время нельзя себе мыслить общественного производства путем использования одного лишь невооруженного человеческого труда. Возрастающая роль материальных средств производства, т. е. уже овеществленного, „мертвого" труда наряду с трудом живым в процессе общественного производства выдвигает перед нами проблему огромного, я бы сказал, решающего значения для планового хозяйства в такой стране как СССР. Это проблема оптимальных темпов хозяйственного накопления и его производственной эффективности.

Более вооруженный за счет накопления средств производства труд эффективнее менее вооруженного. Это положение в достаточной степени бесспорно. Недаром же закон и пророки капиталистического общества именно на этом основании без всяких колебаний и ограничений всю свою хозяйственную мудрость выражали в едином все обнимающем выводе: накопляйте! Но мы не должны забывать, что для них этот вопрос разрешался так просто только потому, что накопление капиталистического общества совершалось за счет чужого труда.

В трудовом обществе накопление не может стать самоцелью. Для нас производственное накопление в последнем счете есть только средство для увеличения непроизводственного потребления. И если мы в порядке хозяйственной предусмотрительности готовы увеличить затраты труда или сократить свое личное потребление ради производственного накопления на сегодня, то лишь постольку, поскольку это накопление гарантирует нам сокращение труда или расширенное потребление на завтра и послезавтра. Отсюда задача: какое самоограничение наличного в каждый данный момент населения ради накопления на *сегодня* дает оптимальный для него

эффект в облегчении его труда и суммарном потреблении на сегодня, завтра и послезавтра или, говоря общее, в течение всей жизни данного поколения? А для того, чтобы разрешить такую задачу, следует заранее знать точную меру эффективности наших производственных накоплений или так наз. „капитальных" вложений в основные и оборотные производственные фонды.

Термин капитальные вложения или затраты в отношении к нашему обобществленному хозяйству применяется здесь, конечно, только по инерции общепринятого словоупотребления и за отсутствием другого, более точно отражающего нашу советскую экономику переходного периода.

В чем же может быть найдена мера эффективности капитальных вложений?

Прежде всего можно различать три типа капитальных затрат: 1) наиболее экстенсивный, обеспечивающий максимальное привлечение в производство новых кадров труда даже ценой понижения средней нормы его вооруженности, т. е. употребляя категории капиталистического хозяйства, со снижением среднего органического состава капитала в стране, 2) наиболее интенсивный, главная задача которого не столько расширение производства, сколько экономия в труде за счет повышения средней нормы его вооруженности, и 3) средний тип, расширяющий производство в той же мере, в какой расширяется применение труда, т. е. при постоянной норме его вооруженности и, стало быть, неизменном строении капитала.

Во всех этих случаях новые вложения влекут за собой и новое расширение продукции, т. е. сопровождаются известным положительным с этой точки зрения эффектом. Но если бы мы приняли за меру этого эффекта количество добавочной продукции на единицу новых капитальных вложений, то получили бы довольно неожиданный на первый взгляд вывод: чем совершеннее с точки зрения современной техники то производственное вооружение труда, на которое мы обращаем наши капитальные затраты, тем меньше по общему правилу их эффективность на единицу капитала. Напр., простой кустарь сапожник затрачивает меньше „капитала" на пару обуви, т. е. работает в этом смысле „эффективнее" крупной механической мастерской, ручное ткачество по той же мерке „эффективнее" фабричного, второстепенная тепло-

вая станция „эффективнее“ первоклассной гидростанции и т. д.

Почему же это так?

Объяснение найти не трудно. Продукция—ни в ценностном, ни в натуральном своем выражении—сама по себе не может служить мерою эффективности „капитальных вложений“ уже потому, что размер ее определяется не только мертвыми средствами производства, но и живым трудом. При ценностном измерении продукции это особенно ясно. Ведь ценность продукции определяется только трудом. Правда, в эту ценность входят не только элементы живого труда, но и амортизация, т. е. накопленный труд, овеществленный в снашиваемой части основного капитала. Но, как известно, амортизация обычно составляет весьма небольшую часть вложенных в производство средств производства, а живой труд переходит в ценность создаваемого им продукта полностью и потому определяет ее в большей мере, чем „капитализированный“, т. е. накопленный мертвый труд. При количественном измерении продукции, т. е. когда мы имеем дело только с ее полезностью, а не ценностью, производственная роль технической вооруженности труда, т. е. накопленного богатства, значительно больше роли живого труда. Уже из этого следует, что в качестве мерила эффективности вложений „объемные“ измерители продукции гораздо более показательны, чем ценностные. Но и они сами по себе для этой цели мало пригодны, ибо если в производствах с высоким строением „капитала“ решающую роль в определении количества создаваемых благ играет вооруженность труда, т. е. „капитальные“ затраты, то при низком строении эта роль выпадает, наоборот, почти всецело на долю затрат живого труда.

Из сказанного ясно, что без учета строения „капитала“ построить учет его эффективности было бы невозможно. Чтобы получить в продукции меру эффективности одного лишь накопленного труда, необходимо было бы изолировать действие другого фактора, т. е. живого труда, а это тем труднее, что совокупное их действие определяется не только абсолютными размерами каждого, но и их отношением друг к другу.

По поводу измерения эффективности вложений объемным приростом продукции на рубль вложений в нашей печати высказывалось довольно много противоречивых суждений. Между прочим, было высказано мнение, что

такого прироста и вообще не может быть при нормальном расширении капитальных фондов, поскольку оно, согласно теории Маркса, сопровождается повышением органического состава капитала. М. Н. Смит [1], которая, опираясь на Маркса, противопоставляет этот свой теоретический закон утверждениям вульгарной экономики, пала, однако, в этом случае жертвой довольно элементарной ошибки, известной в логике под именем кватерннио терминорум. В ходе своих рассуждений она, очевидно, незаметно для самой себя, перешла от понятия продукции в объемном выражении, т. е. от суммы полезностей, к понятию той же продукции в ценностном ее выражении $(c+v+m)$. Вывод ее, полученный ценой столь неосторожного обращения с терминами, разумеется, не имеет никакой цены. Правда, она подкрепляет этот своей „теоретический" вывод и статистическими данными из американской практики, но, к сожалению, экономические законы не доказываются парой цифровых иллюстраций. К тому же даже в приведенной ею справке за одни годы (1905—1922) индексы объемного роста основных фондов обгоняют индексы продукции, а за другие (1899—1905), наоборот, отстают от них [2]. Вывод М. Н. Смит, по которому отнесенная к постоянному капиталу продукция в ее *физическом* объеме „*должна падать и реально падает* наряду с ростом производительности труда" [3], очень к тому же смахивает на тот самый вульгарный „закон" падения производительности дополнительных затрат капитала, который на словах она весьма энергично отвергает.

Если мы рассматриваем производственный процесс с точки зрения создаваемых им полезностей, а не ценностей, то повышение *отношения* овеществленного труда к живому в этом процессе или, что то же повышение *вооруженности*, а вместе с тем и производительности труда прежде всего означает и *повышение продукции* на единицу затраченного живого и мертвого труда. Конечно, повышение продукции на единицу живого и мертвого труда может означать и повышение, и понижение ее из расчета на единицу одного лишь *мертвого* труда. Все зависит от соотношения темпов

[1] М. Смит. К вопросу об учете эффективности капитальных вложений. Проблемы экономики, 1930, № 2, стр. 12 и сл.
[2] Там же, стр. 20.
[3] Там же, стр. 13.

роста вооруженности и соответствующего ему роста производительности труда. Но о том, каково „должно“ быть это соотношение в разные моменты истории и в разных социальных условиях, *априори* никому не известно. В периоды экстенсивного роста вложений — при замедленных темпах технической реконструкции—прирост продукции может и отставать от прироста основных фондов, а в другие периоды интенсивного роста вложений и бурных темпов технического прогресса—вроде переживаемого нами ныне в СССР периода генеральной реконструкции—прирост продукции несомненно может и заметно обгонять темп накопления. И все же мерою эффективности вложений продукция служить не может, ибо один и тот же прирост продукции при различных темпах вовлечения в производственный процесс *живого* труда является показателем весьма различной эффективности наличных основных фондов.

Наряду с продукцией в качестве измерителя эффективности капитальных вложений предлагался за последнее время и целый ряд других, напр., производительность труда, снижение себестоимости, повышение рентабельности. И, конечно, каждый из этих показателей, как и продукция, находится в несомненной функциональной связи с ростом капитальных затрат. Но все они определяются не только величиной затрат, но и совокупным действием целого ряда других независимых между собой факторов, а потому принять их изменения за меру действия одного лишь из этих факторов невозможно.

Я думаю, что абсолютной меры эффективности капитала и вообще искать не следовало бы. Это было бы, повидимому, столь же неразрешимой задачей, как задача найти абсолютную меру сравнения уровня производительности труда в производствах различных незаменимых между собой благ. И, пожалуй, по одной и той же причине. Производственный эффект и живого, и накопленного труда, т. е. „капитальных“ вложений в последнем счете один и тот же. И тот, и другой направлены в последнем счете на создание потребительных ценностей различного значения. Но мерила соизмеримости между собой этого рода ценностей мы не имеем. А потому и абсолютной меры тех факторов, которые предполагают соизмеримость их эффекта,—т. е. созданных этими факторами полезностей, едва ли найти возможно.

Но, на худой конец, мы могли бы удовлетвориться и методами относительного измерения интересующей нас эффективности. Мы не можем непосредственно соизмерить производительности труда, скажем, электромонтера и пахаря или ткача и сапожника, а потому не можем определить и среднего уровня производительности для всех видов труда в какой-либо момент без отношения к какому-либо другому моменту. Но построить индекс производительности труда, измеряющий ее динамику за тот или иной период, мы вполне можем. Точно так же едва ли нам удастся измерить в каких-либо показателях абсолютный уровень эффективности капитальных затрат за какой-либо момент, но сопоставить этот уровень динамически для различных моментов при известных условиях мы несомненно смогли бы.

Нужно лишь какой-то момент и характерный для него уровень эффективности капитальных вложений принять за условную базу динамических сопоставлений. А затем, поскольку всякие сопоставления этого рода могут быть выражены лишь в относительных числах по отдельным вполне сравнимым между собой во времени отраслям труда и производствам, то необходимо еще условиться о методах взвешивания таких частных показателей эффективности для перехода к обобщенному индексу, обнимающему более широкие сферы труда или даже все хозяйство в целом.

Простейшим случаем, наиболее доступным для динамических сопоставлений, можно считать такой, когда новые вложения не изменяют пропорции между живым и накопленным трудом в производстве. Здесь, стало быть, прирост продукции, следующий за одинаковым увеличением масштаба вложений и живого, и мертвого труда, может быть с полным правом принят за общую меру эффективности и того, и другого. Если при этом, с увеличением в n раз всего капитала, при неизменном его составе, и продукция возрастет в такое же число раз, то мы вправе будем заключить, что эффективность единицы капитала, а вместе с тем и живого труда, осталась неизменной.

Конечно, такой рост продукции в прямой пропорции с ростом капитала даже при неизменном его органическом составе отнюдь не может быть установлен на основе каких-либо априорных соображений. Дело конкретного исследования установить, будет ли иметь место на деле

такая пропорциональность или в связи с ростом предприятия аккумулированный капитал даже при постоянном органическом его строении будет до известных пределов повышать свою производственную эффективность, а затем, достигнув своего оптимума, начнет снова снижать ее в той или иной мере. Я лично думаю, что вполне вероятной является последняя гипотеза. А тогда перед нами встанет новая задача: на каждой технической ступени развития того или иного производства определить оптимальный масштаб отдельного предприятия с капиталом заранее заданного органического строения.

Более сложными для технико-экономического анализа придется признать те случаи, когда новые капитальные вложения сопровождаются более или менее существенной реконструкцией не только масштабов предприятия, но и норм вооруженности труда, т. е. органического строения капитала.

Если при среднем строении капитала в стране ($H = C : v$) для производства P единиц годовой продукции требуется овеществить в ней t часов труда, то положительный эффект новых капитальных вложений, изменяющих данное строение капитала, по сравнению с ранее достигнутым уровнем, может найти свое отражение только в двух направлениях: либо в повышении P при неизменном t, либо в сокращении t при неизменном P. Говоря общее, в обоих случаях этот эффект выразится в увеличении отношения $\frac{P}{t}$, т. е. в повышении производительности труда. Соответственно этому, отрицательный эффект новых капитальных затрат нам пришлось бы констатировать в том случае, если бы результатом их явилось известное снижение средней производительности труда в стране [1].

---

[1] М. Н. Смит „не может понять“, каким образом новые вложения могут не изменить пропорции между живым и мертвым трудом или даже понизить средний органический состав капитала в стране. Она недоумевает, зачем мне понадобились „все эти формально-логические допущения, игнорирующие конкретную установку переживаемого периода“ и квалифицирует это, как какую-то специфическую „беспартийность“ Струмилина в этом вопросе (см. „Проблемы экономики“, 1930, № 2, стр. 18—19). Однако, наши допущения отвечают вполне конкретной обстановке времен весьма недавней еще у нас хозяйственной разрухи, и понадобились они мне именно для того, чтобы затем не менее конкретно, числом и мерою, показать, как далеко мы уже отошли от тех времен разрухи при темпах накоплений действующей

Нет нужды пояснять, что положительный в указанном отношении эффект должны, по общему правилу, дать такие вложения, которые повышают средний органический состав „капитала“ в стране, и отрицательный те, которые понижают его.

В качестве наиболее частого примера вложений, понижающих средний органический состав капитала в стране, можно указать многообразные вложения в индивидуальное крестьянское хозяйство и в частности в переселенческое дело для рассасывания аграрного перенаселения деревни, в разного рода примитивные по вооруженности труда, но тем более трудоемкие „общественные работы“— для использования труда безработных и т. д. Такого рода вложения в условиях значительных избытков неиспользованного труда и недостатка капиталов могут оказаться неизбежными. Но все же общество, накоплений которого хватало бы только на такого рода вложения— для обеспечения естественного прироста населения самыми примитивными видами труда—такое общество, несомненно, очень скоро пошло бы по пути самой полной хозяйственной деградации. Такого рода вложения, как уже было указано, ведь смогут только понизить средний уровень производительности труда в стране, а стало быть, вместе с тем, неизбежно понизится и душевой уровень народного дохода, что приведет либо к непосредственному снижению потребления, либо к дальнейшему снижению и без того недостаточных норм производственного накопления и, значит, дальнейшей хозяйственной деградации общества.

Прямой и очень важный вывод, вытекающий из сказанного, сводится к следующему. Если мы не хотим итти по пути хозяйственной деградации, то должны выделять из народного дохода в производственное накопление такую его долю, которая превышала бы потребность всего естественного прироста трудоспособного населения в средствах производства по средней для всей страны норме трудовооруженности. Например, в СССР к 1928/29 г. числилось на 82,4 млн. душ в рабочем возрасте 82,2 млрд. руб. в основных и реальных оборотных

пятилетки. Если это называется „беспартийностью“, то как назвать вышеупомянутые математические упражнения самой М. Н. Смит во славу архивульгарной „теории“ падающей производительности дополнительных затрат капитала, раз навсегда отвергающей для нас возможность темпов роста продукции, обгоняющих темпы вложений?

фондах страны, что дает в среднем по 1000 руб. на работника [1].

Годовой естественный прирост числа таких работников мы определяем в 1,8 млн. душ. Значит, говоря грубо, в производственное накопление мы должны ежегодно обращать не менее 1,8 млрд. черв. руб.

Конечно, это только минимальный предел. На самом деле, мы намерены увеличить наши основные и оборотные фонды за 1928/29 г. по пятилетнему плану на 6,2 млрд. руб., т. е. значительно выше только-что указанной минимальной нормы. Но и в качестве такого минимума эта норма очень показательна. Она позволяет нам конкретно видеть, насколько мы уже в общем далеко шагнули от этого порога хозяйственной деградации к хозяйственному прогрессу.

Рост производительности труда может служить наилучшим показателем хозяйственного прогресса. В то же время, если не прямо, то косвенно, он отражает в себе и уровень эффективности капитальных вложений. Но вполне точной мерой этой эффективности он служить не может уже потому, что определяется он не только степенью капиталовооруженности труда, но в известной мере и другими факторами, напр., интенсивностью и дисциплиной труда, уровнем культуры и квалификации рабочих и т. п.

Наиболее адекватное мерило эффективности капитальных затрат мы найдем лишь тогда, если учтем прямое и непосредственное их назначение—вооружить или перевооружить живой труд. Для чего это делается, если не для того, чтобы облегчить или сократить этот труд при прочих равных условиях, т. е. при достижении тех же производственных результатов? А если это верно, то непосредственный эффект от всяких капитальных вложений должен измеряться достигаемой за счет этих вложений общественной экономией труда и только ею.

В капиталистическом обществе, где хозяин средств производства эксплоатирует по общему правилу чужой труд, эта простая истина сильно затемняется. Капиталиста интересуют не столько сбережения в труде, сколько экономия в зарплате и других издержках производства, повышающая рентабельность его вложений. Для него

---

[1] Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР т. II, ч. 2, стр. 48, 36. М., 1929.

рентабельность во всяком случае высший, если не единственный, критерий эффективности капитальных затрат. Но для нас этот критерий—в условиях нормируемых государством товарных цен и зарплаты—совершенно теряет свое прежнее значение. Рентабельность тех или иных из наших предприятий является зачастую в гораздо большей мере следствием нашей политики цен, зарплаты, налогов и акцизов, попенной платы и т. д., т. е., говоря общее, нашей политики перераспределения народного дохода, чем условий производства и степени вооруженности труда. Именно поэтому в нашей политике вложений с „рентабельностью" затрат мы зачастую совершенно не считаемся. Напр., искусственные удобрения и земледельческие машины мы склонны продавать ниже себестоимости, и все же капитальные вложения в эту „нерентабельную" область труда усиливаем, а весьма „рентабельное" производство водки сокращаем. Тем большее для нас значение в качестве мерила эффективности вложений приобретает критерий связанной с ними общественной экономии в труде.

Как же мы должны использовать этот критерий?

Изменения уровня эффективности капитальных затрат за счет новых вложений на любом уровне вооруженности труда, на наш взгляд, могут быть измерены той дополнительной экономией в труде, которая получается при новой структуре производства и новом физическом объеме продукции по сравнению с трудовыми затратами, необходимыми для создания того же объема продукции на прежнем уровне вооруженности труда.

Мы говорим здесь пока только о дополнительной экономии (e) за счет вносимой новыми вложениями реконструкции производственных процессов или, говоря иначе, за счет повышения уровня структуры накопленного и живого труда в производстве ($C:v$). И такую дополнительную эффективность можно было бы назвать диференциальной. Лишь в том случае, если бы мы могли начать наше исследование с такого момента, когда вооруженность хозяйственного труда в стране была близка к нулю, экономия в труде, полученная от вложения тех или иных капитальных затрат, дала бы показатель полной их эффективности. Но такой возможности мы пока не имеем. На любом уровне структуры производства, который мы можем наблюдать, в нем используется не только живой, но и накопленный мертвый труд. И, конечно, использо-

вание второго экономизирует в какой-то степени первый. Только нам не известно, в какой.

Если эту неизвестную нам величину годовой экономии в труде от действующего в данный момент капитала C обозначить через e, а возможный срок действия этого капитала до износа исчисляется в n лет, то полная экономия труда, обеспеченная наличностью такого капитала, выразится величиной ne, а средний уровень его эффективности на единицу капитала будет $E = \frac{ne}{C}$. Если мы к этой величине добавим эффект новых ΔC единиц капитала, то при прежнем уровне эффективности получим еще $\Delta C \frac{ne}{C}$ единиц съэкономленного труда за счет этих добавочных затрат. Однако, при невозможности измерить основную величину e и эта производная от нее величина по необходимости остается неизвестной.

Гораздо легче определить диференциальную эффективность или, говоря иначе, прирост эффективности новых затрат, по сравнению с нормой эффективности действующих вложений, так как здесь есть определенный масштаб для сравнений.

В самом деле, разберем несколько теоретически наиболее интересных случаев.

Допустим, прежде всего, что новая годовая продукция (P') после дополнительных затрат ΔC единиц капитала равна по общему размеру старой (P), но овеществляет t' часов живого и мертвого труда, а при прежних условиях производства она содержала бы t часов труда. Заключаем, что общий годовой итог экономии в труде, полученный в результате реконструкции производства $e = t - t'$, а из расчета на единицу новых капитальных затрат $\frac{t-t'}{\Delta C}$. Если вложенный капитал способен функционировать за время полного своего оборота n лет и таким образом обеспечивает возможность получить означенную годовую экономию в труде n раз, то полный прирост эффективности данных затрат на единицу капитала

$$\Delta E = \frac{ne}{\Delta C} = \frac{n(t-t')}{\Delta C}.$$

В качестве второго случая допустим, что после вложений и реконструкции производства общая сумма трудовых затрат в производстве не изменилась, т. е. $t = t'$, но

ρ' стало больше по своему физическому объему по сравнению с ρ, тогда применимо следующее рассуждение. При прежних условиях производства на единицу продукта затрачивалось $\frac{t}{\rho}$ часов труда, для производства ρ' единиц новой продукции при тех же условиях потребовалось бы в ρ' раз больше труда, т. е. $\frac{\rho'}{\rho} t$, а на самом деле, в результате новых вложений потребовалось только $t' = t$ часов, стало быть годовая экономия $e = \frac{\rho'}{\rho} t - t' = \frac{\rho' t - \rho t'}{\rho}$, что при условии $t = t'$ дает $\frac{t(\rho' - \rho)}{\rho}$. А полный прирост эффективности сделанных затрат против прежнего уровня получится по той же формуле $\Delta E = \frac{ne}{\Delta C}$, как и в первом случае.

Наиболее общим случаем мы считали бы такой, когда за счет новых вложений мы получаем одновременное изменение и продукции, и труда. При этом и здесь следует различать особо 3 возможности: 1) когда ρ' возрастает быстрее чем t', 2) когда оно отстает в своем росте от t и 3) когда оба они возрастают пропорционально.

Во всех этих подслучаях мы можем выразить экономию в труде, как и выше, одной и той же формулой:

$$e = \frac{\rho' t - \rho t'}{\rho},$$

но только в зависимости от различного значения входящих сюда величин, искомая величина e может получить и положительное, и отрицательное, и нулевое значение. Если ρ' и t' возрастают в одной и той же пропорции, т. е. $\frac{\rho'}{\rho} = \frac{t'}{t}$, то $\rho' t = \rho t'$ и числитель дроби в вышеприведенной формуле обращается в нуль. Если продукция (ρ') возрастает быстрее трудовых затрат (t'), т. е. $\frac{\rho'}{\rho} > \frac{t'}{t}$, то $\rho' t > \rho t'$ и числитель нашей дроби становится положительным. И, наконец, при более быстром росте трудовых затрат по сравнению с продукцией этот числитель, а вместе с ним и величина e, становится отрицательной.

Спрашивается, какой же экономический смысл можно придать нулевому и отрицательному значению этих показателей эффективности капитальных затрат.

На первый взгляд отрицательный или даже нулевой результат капитальных затрат представляется совершенно непонятным. Кто стал бы делать такие затраты, не ожидая от них никакого положительного эффекта. Разумеется, никто. Но, в данном случае, наши показатели измеряют не самую эффективность, а лишь прирост ее или сокращение против ранее достигнутого уровня. Этот уровень, несомненно, может не только повышаться, но и снижаться или оставаться стабильным, несмотря на новые вложения.

Нормой эффективности капитальных затрат мы называем частное от деления экономии в труде, которую нам сулят данные вложения, на сумму этих вложений. Но сумма вложений может быть дана либо в номинальной их величине, т. е. в денежном выражении, либо в реальном трудовом их значении, т. е. выраженная числом часов или дней труда, затраченных на их производство.

Особенный интерес представит для нас второй случай, ибо здесь норма эффективности капитальных затрат дает нам сопоставление этих затрат с их эффектом в совершенно однородных величинах.

Чтобы иллюстрировать это нагляднее, приведем следующий примерный расчет. По пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР чистая продукция или народный доход СССР за 1927/28 г. оценивается в 24,7 млрд. черв. руб., а через 5 лет—в 1932/33 г.—он должен достигнуть по тем же ценам 44,8 млрд. Этот эффект по плану должен получиться в результате увеличения затрат живого труда с 48,0 до 58,2 млн. человеко-лет полноценного мужского труда в год и повышения основных и оборотных фондов на 37,7 + 14,2 = 51,9 млрд. руб. в ценах 1927/28 г. при среднем амортизационном сроке службы этих фондов около 20 лет. Допуская в первом приближении, что квалификация и интенсивность труда в СССР за 5 лет существенно не изменится, мы можем определить по вышепринятой формуле годовую экономию в труде за счет новых вложений к 1932/33 г. в 29 млн. человеко-лет труда [1], а за 20 лет эта экономия возросла бы до 580 млн. лет труда. Если разделить это на прирост фондов в 51,9 млрд., то получим эффект

---

[1] Если $P' = 44{,}8$, $P = 24{,}7$, $t' = 58{,}2$ и $t = 48{,}0$, то

$$e = \frac{P't - Pt'}{P} = \frac{44{,}8 \times 48{,}0 - 24{,}7 \times 58{,}2}{24{,}7} = 28{,}9 \text{ млн. раб. лет.}$$

от затрат каждого миллиона рублей, вновь вложенного в эти фонды, в сумме около 11,2 тыс. лет сбереженного труда. Если же принять по данным той же пятилетки, что 51,9 млрд. вложений эквивалентны, примерно, 80,6 млн. лет труда средней квалификации, то эффективность затраты этого труда выразится коэфициентом 580:80,6 = 7,2.

Это значит, что каждый час труда, затраченный в течение ближайшего пятилетия в целях капитальных накоплений, обеспечит нам возможность сберечь или использовать производительно на различные нужды не менее 7,2 часа в последующие пятилетия.

Такая норма эффективности наших трудовых затрат, направленных на перевооружение труда, может в достаточной степени стимулировать то самоограничение, какого требует от нас задача накопления средств производства в настоящем, ради расширенного удовлетворения своих потребностей в ближайшем будущем.

2. СОПУТСТВУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Однако, здесь необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, следует предостеречь от возможного смешения понятия эффективности капитальных вложений, в том смысле, как мы ее здесь определяем, от понятий „производительности“ капитала или „рентабельности“ его, о которых обычно трактуют буржуазные экономисты. Капитальные вложения, согласно вышеизложенному, повышают только производительность труда, т. е. сумму п о л е з н о с т е й, которые могут быть созданы данным трудовым коллективом в единицу времени, но в то же время они не создают ни грана добавочной ц е н н о с т и за счет увеличения физического объема новой продукции, ибо ценность ее снижается в меру возрастания производительности труда. Таким образом, не производя никакой добавочной ценности „капитальные“ вложения сами по себе отнюдь не могут объяснить или оправдать в какой-либо мере тот или иной уровень „рентабельности“ этих вложений. А значит и наоборот, уровень рентабельности, определяющийся совершенно иными факторами, отнюдь не может быть мерою э ф ф е к т и в н о с т и тех или иных вложений.

И другая оговорка. Капитальные затраты в целях перевооружения труда повышают его производитель-

ность. Но это отнюдь не единственный фактор ее роста. А потому вышеприведенный расчет, в котором весь прирост производительности за пять лет отнесен целиком за счет одного лишь капитального перевооружения труда, допустим только в качестве первого приближения. Несомненно, нам скажут, что наряду с ним следовало бы учесть также известную долю влияния на производительность и огромной рационализации производства, столь характерной для периода реконструкции и не менее крупного сдвига в уровне квалификации рабочей силы, и целого ряда других моментов, запроектированных в нашем пятилетнем плане.

В какой же мере поддается учету эта доля влияния сопутствующих факторов? И в какой мере ее можно и нужно измерить?

Ответить на эти вопросы нелегкая задача. Однако, попробуем все же до известной степени проанализировать роль названных факторов. И, прежде всего, спросим себя, где кончается рационализация производственных процессов и начинается капитальное вооружение труда.

Мне кажется, что грань, разделяющая эти понятия, чрезвычайно условна. Повидимому, всякая рационализация только до тех пор может быть оторвана от связанных с ней более или менее значительных вложений, пока она существует лишь в идее, т. е. пока она не осуществляется на деле. Но ведь любая рационализаторская идея, как и всякое другое, хотя бы самое великое и остроумное изобретение, реально повышают производительность труда не с того момента, когда они запатентованы, а лишь с того, когда они вводятся в производство.

Возьмем какие угодно рационализаторские идеи. Вот, напр., плодотворнейшая идея конвейера или непрерывного потока в производстве. Разве для своего осуществления она не требует очень значительных затрат. В особенности, когда ее желательно применить в порядке реконструкции уже действующих предприятий. Недавно на Сталинском металлургическом заводе мы наблюдали, как в одном корпусе жидкая сталь отливаетея в болванки а затем эти болванки в холодном состоянии доставляются в соседний корпус и снова там нагреваются для проката. Огромные потери энергии на совершенно нерациональное повторное нагревание металла взывают к небу о необходимости рационализации. Но, чтобы ее осуще-

ствить, нужно совершенно по иному перепланировать весь завод. А это стоит огромных затрат.

Конечно, для того, чтобы осуществлять творческие рационализаторские идеи, ими надо располагать сначала. Выработка таких идей стоит не малого труда. И в соответствии с этим, они имеют определенную рыночную стоимость.

Мы делаем эти идеи предметом импорта из-за границы, очень недешево оплачивая патенты и техническую помощь иностранных инженеров и изобретателей, но в то же время организуем в крупном масштабе и отечественное производство рационализаторских идей, ассигнуя большие суммы на организацию целого ряда проектировочных учреждений, комитетов по стандартизации, гипромезов, гипрошахт и т. п. фабрик, изготовляющих готовые проекты реконструкции производства и рационализации труда в стране. Конечно, эти фабрики могут давать свой готовый продукт, только опираясь на организованное в широком масштабе производство соответствующих полуфабрикатов и материалов в разного рода научно-исследовательских институтах, опытных станциях, химических лабораториях и т. д. Огромная масса творчески-рационализаторских идей фабрикуется у нас и непосредственно в процессе производства на каждом отдельном предприятии. Мы недавно на одном только небольшом кабельном заводе в г. Киеве имели случай видеть целый ряд уже *осуществленных* интереснейших изобретений такого рода, а всего рабочими этого завода запатентовано не менее 40 изобретений. Однако, и такой творческий, как и всякий другой общественно-полезный, труд по общему правилу находит свою расценку на рынке.

Эта расценка в одних случаях, когда наука составляет монопольную привилегию немногих счастливцев, повышается значительно выше затраченных ими трудовых усилий, в других—при достаточной демократизации знаний—приближается к уровню общественно-необходимых трудовых затрат. Но, во всех случаях, стоимость этих идей входит наряду со стоимостью машин и орудий в ту сумму затрат овеществленного труда, которая учитывается нами в общем итоге капитальных затрат, необходимых для перевооружения живого труда.

Тот, кто захотел бы наряду с эффективностью капитальных затрат учесть особо, как *самостоятельный*

фактор, эффективность рационализации производства, поставил бы перед собой совершенно иррациональную задачу. Всякая реконструкция производства, требует ли она огромных новых сооружений или ограничивается простой перестановкой двух-трех наличных станков, означает прежде всего овеществление известных творческих идей человеческого разума. И с этой точки зрения весь эффект всякой реконструкции, независимо от суммы связанных с нею затрат, можно бы рассматривать как эффект рационализации. Но это никуда бы нас не подвинуло, ибо измерять степень „разумности" или, что то же „рациональности" любой из этих идей мы все равно не смогли бы ни чем иным, кроме их полезного эффекта с точки зрения верховного принципа экономии человеческого труда, т. е. путем сопоставления овеществленных при реализации каждой из этих идей затрат умственного и физического труда, с той экономией в труде, которую эти затраты нам обеспечивают. Но ведь именно этою мерою мы до сих пор и собирались измерять эффективность так наз. „капитальных" вложений. Таким образом, оба понятия и рационализация производства, и эффективность вложений в этом отношении сближаются до полной неразличаемости.

Несколько иначе приходится рассматривать такие факторы как переход на 7-часовой день, двухсменную и трехсменную работу или на непрерывную производственную неделю и т. п. рационализаторские мероприятия, изменяющие условия нагрузки действующего оборудования. Совершенно бесспорно, что проведение в жизнь таких переходов невозможно без большой организационной подготовки и материальных затрат, иной раз весьма значительных. Ведь даже сокращение рабочего дня у нас ни в коем случае не предполагает сокращения производства. Наоборот, в наших условиях оно рассматривается, как непосредственная предпосылка нового расширения продукции либо путем перехода на многосменную работу, либо путем иных изменений в условиях производства, повышающих производительность труда, напр., путем конвейеризации известных процессов, перехода на большее число станков и т. д. Но расширение производства, прежде всего, предполагает увеличение оборотных средств; увеличение числа рабочих даже при старых машинах требует новых вложений

в жилищное строительство, а при реконструкции производственных процессов эти вложения неизбежны и по всем другим линиям.

И все же при изучении эффективности такого рода вложений, связанных с изменением периода нагрузки наличных средств производства, вполне возможно и целесообразно влияние этого момента различной нагрузки исключить на время из поля зрения наблюдателя и помимо суммарного коэфициента эффективности, обнимающего всю совокупность рационализаторских действий, получить и специальный коэфициент эффективности данных вложений в условиях неизменной нагрузки действующих средств производства.

В отношении уровня квалификации рабочей силы и ее влияния на эффективность перевооружения труда мы должны сказать следующее. Известный подъем культурно-квалификационного уровня рабочей силы является совершенно неизбежной предпосылкой сколько-нибудь значительного технического переворужения труда. Вот почему мы уже давно пришли к выводу, что культурное перевооружение труда ни в коем случае не должно отставать от технического. Но вместе с тем мы пришли к выводу, что затраты нашего бюджета на повышение культурного уровня страны следует рассматривать наравне с затратами на техническую реконструкцию производства, как совершенно равноценные по своему значению для нашего хозяйства капитальные затраты.

В 1927/28 г. все затраты по линии социального воспитания, наук и искусств в СССР достигали по подсчетам Госплана 1029 млн. черв. руб. Чтобы поддержать страну на том же культурном уровне на следующие 5 лет с учетом прироста населения, следовало бы затратить около 5,4 млрд., а пятилетний план даже по минимальному варианту ассигнует на это 9844 млн. руб. [1] Таким образом, не менее 4,4 млрд. по этому расчету будет затрачено на повышение наличного культурного уровня страны. По сравнению с вышеучтенными затратами на техническое перевооружение хозяйственного труда (51,9 млрд.) эти дополнительные затраты на культурное его перевооружение составляют не более 8,5%, но все же это весьма заметная величина. И если при исчислении эффективности капитальных затрат учесть и ее, то вышеисчислен-

[1] Пятилетний план, т. II, ч. 2, стр. 19.

ный коэфициент их эффективности понизится для нашей пятилетки с 7,2 до 6,6.

Однако, между затратами на техническое и культурное перевооружение рабочей силы имеется одно весьма существенное различие. Первые из них имеют только производственное значение и затраченный на них труд является чистой потерей, т. е. известным лишением с точки зрения рабочего как потребителя, а вторые не лишены и потребительского значения. Приобретение всяких знаний, обучение искусствам, чтение книг и газет, посещение музеев, театров и вообще приобщение ко всем прочим благам культуры не только полезно, но в большей части случаев и приятно. Во всяком случае все эти действия обладают вполне самостоятельной потребительской ценностью. Труд, затраченный на воспроизводство этих благ, т. е. на постройку и обслуживание всякого рода школ, музеев, театров и т. п. учреждений относится к сфере производства предметов потребления, а не средств производства. И с точки зрения накопления овеществленного мертвого труда для вооружения живого он едва ли подлежит учету, так как в конечном счете кристаллизуется не в вещном виде, а лишь в повышенном качестве живого труда.

Если уж для уточнения коэфициентов эффективности накопленного мертвого труда в наших условиях и нужно учитывать культурные затраты, то не в сумме мертвого, а в контингентах живого труда. В самом деле, при учете сумм народной продукции в 1927/28 г. и 1932/33 г. мы выше принимали, что на производство их затрачиваются такие-то массы человеческого труда. Но в этих массах вовсе не учитывался весь обслуживающий рабочую силу непроизводственный труд. Можно подойти к этому расчету однако и по иному. Квалификация производственной рабочей силы в 1932/33 г. несомненно будет выше, чем в 1927/28 г. Но почему? Потому, что на культурное ее обслуживание в течение ряда лет будет расходоваться больше труда, чем в прежние годы. Напр., в 1927/28 г. культурно-просветительной работой было занято 737 тыс., а в 1932/33 г. по плану будет занято не менее 1010 тыс. Но если размер народного продукта определяется не только количеством, но и качеством тех производственных кадров, которые его создают, то при учете определяющей эту продукцию массы труда может быть нужно

учитывать не только производственный персонал, но и весь обслуживающий его просветительно-культурный персонал. А если взглянуть на это шире, то и вообще весь обслуживающий рабочую силу труд, включая сюда и медицинский персонал, занятый ремонтом рабочей силы, и труд, обслуживающий ее жилища и всякий другой домашний труд.

Тогда вышеприведенный расчет изменился бы следующим образом. Народный продукт 1927/28 г. и 1932/33 г. попрежнему составлял бы 24,7 и 44,8 млрд. руб. по одним и тем же ценам. Но затраты живого труда, соответствующие этим массам продукта, повысились бы, примерно, до 69,6 и 81,1 млн. рабочих лет мужского труда при возрастании всех основных и оборотных фондов страны с 82,2 до 139,7 млрд. по неизменным ценам [1]. Годовая экономия в труде к концу пятилетки $e = \frac{P't - Pt'}{P}$ составила бы при этих условиях 36,6 млн. лет труда, а за 20 лет — 732 млн. Эффективность накопления фондов из расчета на каждый миллион рублей выразилась бы при этом в $\frac{732}{57,5} = 12,8$ тыс. лет экономии труда или из расчета на каждый час труда, затраченного ради накопления этих фондов, в $\frac{732}{126,5} = 5,8$ часа возможной экономии труда.

Такой расчет, учитывающий не только производственный, но и весь обслуживающий труд, дает, конечно, пониженный коэфициент эффективности накопленного труда, но все же вполне достаточный для стимуляции намеченной программы вложений.

Из других сопутствующих техническому перевооружению труда моментов наряду с подъемом квалификации рабочей силы особого внимания заслуживают изменения в норме интенсивности труда.

В известной своей части эти изменения определяются самой техникой производства и совершенно не зависят от воли рабочих. Напр., если в порядке реконструкции производства мы станем расширять применение конвейера, то уже тем самым вызовем соответствующее уплотнение рабочего времени, т. е. повышение интен-

[1] Пятилетний план, т. II, ч. 2, стр. 48 и 36.

сивности труда. Но наряду с конвейеризацией всякая реконструкция производства имеет перед собой еще более общую и важную задачу — механизации труда, т. е. возможно широкой замены человеческого ручного труда машинным. В первую голову при этом машинизируется наиболее тяжелый, опасный и вредный ручной труд. И, стало быть, если интенсивность труда измерять суммой затрат человеческой нервно-мышечной энергии в единицу времени, то в результате механизации труда эти затраты, несомненно, должны заметно снижаться.

Трудно указать более тяжелый труд, чем подземная работа забойщиков и саночников в рудниках, но вот уже на наших глазах врубовая машина энергично заменяет забойщиков, скрепер вытесняет саночников и через каких-нибудь 5—6 лет этот каторжный труд станет лишь предметом жутких воспоминаний. Еще недавно — вспомните красочный рассказ Гаршина — ужасным считался труд ручного глухаря - клепальщика, но механическая клепка сжатым воздухом и гидравлическими прессами столь радикально изменила условия труда в этом деле, что и Гаршинский „глухарь" в нашей промышленности становится очень редкой птицей. Высоко изнурителен труд рабочих, обслуживающих горячие цеха — у домен, при коксовых установках, на прокатных станах и т. д., но и здесь одна операция за другой вытесняется автоматическими устройствами, и процент рабочих, вынужденных жариться в этом нестерпимом пекле, резко падает. Мы уже не говорим о том облегчении, какое приносят с собою в области тоже крайне изнурительного земледельческого труда такие машины, как тракторы, жнейки, косилки, молотилки и т. п.

В общем итоге техника производства в результате новых капитальных затрат понижает затраты *мышечной* энергии рабочих, но зато предъявляет одновременно дополнительные требования к их вниманию, понятливости, находчивости, т. е. повышает затраты *нервной* энергии. К сожалению, определить, какая же из этих тенденций перевешивает в конечном счете, мы пока не можем. Легче было бы измерить степень *утомляемости* от различных видов труда и ее положить в основу сравнения их интенсивности. Но утомляемость сама по себе не столь уже надежное мерило, ибо она изменяется не только от объективных условий труда, но и от субъективного состояния работника. Напр., нелюбимый

скучный, вынужденный труд всегда утомляет значительно быстрее и сильнее, чем веселая, интересная, творческая работа. Горячая работа в порядке социалистического соревнования в СССР даже при повышенной ее результативности будет, несомненно, не столь тягостно-утомительной, как подневольный труд на своих классовых врагов—эксплоататоров в капиталистических странах.

Одним словом, мы не имеем еще надежных методов измерения интенсивности труда и, к сожалению, доныне очень мало еще работали над этой крайне важной проблемой. Но, учитывая, что в этой области действуют одновременно противоборствующие тенденции, можно допустить, что в общем они до известной степени уравнивают друг друга: конвейеризацию мы уравновешиваем механизацией труда, социалистическое соревнование, уплотняющее рабочий день, сопровождается у нас одновременным сокращением этого рабочего дня и, стало быть, удлинением суточного отдыха и т. д. А если это так, то в общем по всему народному хозяйству в целом при учете эффективности перевооружения труда интенсивность труда можно принимать за величину постоянную.

Гораздо бо́льшие трудности возникнут у нас в этом отношении, да и в целом ряде других, когда мы от общего исчисления коэфициентов эффективности капитальных вложений по всей стране перейдем к более частным измерителям ее по отдельным отраслям труда и производствам. Но это уже особая тема, требующая специальной методологической разработки.

Июль 1929 г.

Б. К ВОПРОСУ О ДЕНЕЖНОЙ ИНФЛЯЦИИ И ДЕФЛЯЦИИ

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В практике обсуждения конъюнктурных обзоров и построения кредитно-эмиссионных планов последних лет выяснилось отсутствие общепризнанных критериев для суждения о наличности в стране инфляции или дефляции. Одни и те же конъюнктурные признаки истолковывались представителями одного ведомства, как признаки угрожающей инфляции, в то время как представители других ведомств видели в них несомненное доказательство уже наступившей дефляции.

Конечно, давно уже было сказано, что даже такая элементарная истина, как дважды два—четыре, если бы она больно задевала чьи-либо групповые интересы, не получила бы и доныне общего признания. Кредитные же планы, проектируемые под влиянием идеологии инфляционистов или дефляционистов, настолько остро задевают целый ряд существеннейших ведомственных и общегосударственных интересов, что ожидать полного единогласия при их разрешении было бы чистейшей утопией. Тем не менее можно и должно добиться взаимного понимания хотя бы среди той группы исследователей и общественных деятелей, которые чужды тем или иным специальным ведомственным интересам и способны подняться до общегосударственной точки зрения в этом вопросе.

Вот почему Госплан организовал в 1926 г. специальную комиссию с привлечением в нее заинтересованных ведомств и специалистов для того, чтобы совместно проанализировать существо спорных моментов в этой чрезвычайно для нас важной проблеме и приблизиться к возможно объективному разрешению затяжного спора наших советских инфляционистов и дефляционистов.

В комиссии по изучению признаков инфляции мы прежде всего попытались установить точно содержание понятий „инфляция" и „дефляция", причем сразу же выяснилось, что даже в этом вопросе не так просто добиться единомыслия. А именно, в комиссии выдвинуто было целых три определения.

По одному из них инфляцией следует считать всякий новый выпуск денежных знаков в обращение, а дефляцией—изъятие их из оборота независимо от каких-либо иных привходящих обстоятельств. Филологически это, повидимому, вполне безупречное истолкование приведенных слов, но экономически—столь же бессодержательное, как и всякая иная тавтология. Выпуск денег в обращение при всяких обстоятельствах есть выпуск, а не изъятие. Это бесспорно. Но такое „углубление" в проблему денежного обращения отнюдь еще не может помочь нам в наших затруднениях, когда мы стоим перед проблемой о степени насыщения оборота денежными знаками и решаем вопрос о том, на какую сумму можно и должно увеличить или сократить наличную денежную массу за ближайший месяц, квартал или год.

Другое определение, предложенное в комиссии, называет инфляцией такое состояние денежного обращения, когда покупательная сила денег падает, а дефляцией—такое, при котором она растет.

С формальной стороны и это определение не хуже всякого другого. Но практически и оно в достаточной степени бесплодно. Можно условиться понимать данный термин—„инфляция"—и в предложенном смысле. К тому же оно подкупает своей простотой. Никаких затяжных споров о том, наблюдается ли у нас инфляция или дефляция в тот или иной момент, при таком определении не возникало бы. Достаточно было бы лишь обратиться к показаниям товарных индексов и посмотреть, растут или падают товарные цены по отношению к предыдущему моменту, и задача решалась бы „в два счета". Если цены растут, значит, у нас „инфляция", если падают—стало быть, „дефляция". Но, увы, такие решения ни на шаг не подвинули бы нас к цели, ибо показания индекса цен отнюдь еще не отвечают нам на вопрос, нужно ли выпускать или изымать из обращения денежные знаки в данный момент.

В самом деле, возьмем хотя бы наш довоенный опыт эмиссии. После пережитой нами последней промышленной депрессии, т. е. с 1909 по 1914 гг., мы наблюдаем в течение 5 лет почти непрерывный рост денежной массы в обращении при столь же непрерывном возрастании товарных цен и, стало быть, падении покупательной способности золотого рубля. Но если бы мы даже назвали этот процесс инфляцией, то можно ли было бы упрекнуть Госбанк в том, что он напрасно допустил ее, выпуская деньги в обращение в то время, когда надо было изымать их из него.

Конечно, нет. Мы знаем теперь отлично, что после 1909 г. мы вступили в полосу промышленного подъема, и денежная масса росла в лучшем случае лишь в меру потребности возрастающего товарооборота, ибо она дала номинальный прирост с 1 января 1909 г. за 5 лет всего на 30%, в то время как учтенный товарооборот за 1908—1913 гг. возрос на целых 42% [1]. И если все же покупательная сила рубля упала за это время процентов на 6, то причина этого явления лежала вовсе не

[1] С. Г. Струмилин. Наши эмиссионные возможности. Сборн. „На хозяйств. фронте", стр. 184—187. М., 1925.

в том, что все товары за это время дорожали, а скорее в том, что один из них, а именно золото, заметно подешевел.

Рост товарного индекса без анализа причин этого роста и отчетливого уяснения — на стороне денежной единицы или товаров лежат эти причины—вовсе не дает нам еще ответа на вопрос, много или мало у нас денег в стране и какой эмиссионной политики нам следует держаться. Практически же только в этом и лежит основной стержень всех наших споров об инфляции или дефляции. А потому его следует включить в самое определение этих понятий.

В таком случае инфляцией придется назвать такой процесс, когда в каналах обращения создается избыток денег по сравнению с нормальной в них потребностью наличного оборота, а дефляцией, наоборот, мы назовем процесс сокращения их по отношению к той же потребности.

Конечно, такое определение не содержит еще в себе готового рецепта, как отличить практически инфляцию от дефляции в каждый данный момент. Но оно ставит интересующую нас проблему во всей ее широте. Для ее разрешения недостаточно будет простой арифметической справки о движении тех или иных индексов, ибо здесь каждый раз потребуется не только статистический, но и экономический анализ всей хозяйственной обстановки страны. А для того, чтобы не разойтись уже в исходных пунктах этого анализа, мы должны прежде всего указать, на какой теоретической базе мы собираемся его строить.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Чтобы не плодить излишних теоретических контроверз, заявим сразу же, что мы стоим на точке зрения теории денег, изложенной в свое время Карлом Марксом и доныне никем еще не опровергнутой, а если наши противники держатся иной, то на них и будет лежать бремя, прежде всего, доказать несостоятельность этой теории.

К интересующей нас теме наиболее прямое отношение имеют следующие положения теории Карла Маркса.

Прежде всего, чтобы избежать денежного фетишизма, который ничуть не лучше фетишизма товарного, необхо-

димо себе усвоить, что деньги не вещь, а общественное отношение людей [1]. „Деньги — это кристаллизация меновой ценности товаров, кристаллизация, которую они сами производят в процессе обмена". Общественные отношения людей представляются в этом процессе в форме специфических свойств вещи, именуемой деньгами, но это превращение представляет собою, по выражению Маркса, ту „прозаически-реальную мистификацию", которая характеризует собою все общественные формы труда, создающего меновую ценность. „В деньгах эта мистификация выступает только ярче, чем в товаре" [2].

Формы, в которых функционируют деньги, многообразны. Мы различаем, напр., деньги, как мерило ценности, как орудие обращения товаров, как платежное средство в кредитных сделках и как орудие накопления.

Чтобы служить орудием накопления, деньги должны быть извлечены из каналов обращения; обращаясь в сокровища, они не участвуют в товарообмене и, стало быть, уже поэтому не могут никак влиять на товарные цены.

Иначе обстоит с той частью денежной массы, которая функционирует в роли орудия обмена. По общепринятым воззрениям количественной теории денег товарные цены при прочих равных условиях должны расти или падать прямо пропорционально этому количеству денег, вступающих в оборот на товарном рынке. Но Маркс отвергает эту концепцию в корне. И, поскольку речь идет о золотом обращении, устанавливает диаметрально противоположное положение. По Марксу „цены высоки или низки не потому, что в обращении находится большее или меньшее количество денег, а, наоборот, в обращении находится больше или меньше денег потому, что цены выше или ниже" [3].

В самом деле, мы знаем, что меновая ценность, а, стало быть, в последнем счете и рыночные цены всех

---

[1] Мы очень извиняемся перед читателями-марксистами в том, что нам приходится говорить о таких элементарных и известных даже рабфаковцам вещах. Однако, горький опыт убедил нас в подобной необходимости.

[2] К. Маркс. К критике политической экономии, пер. П. П. Румянцева, стр. 31. СПб., 1907.

[3] Там же, стр. 95.

товаров, не исключая золота, определяются уже в общественном процессе их воспроизводства.

Конечно, различное строение капитала в разных отраслях создает возможность известных отклонений рыночных расценок отдельных товаров от их трудовой ценности. Но поскольку речь идет о всей товарной массе, противополагаемой золоту в качестве всеобщего эквивалента ценности,—а для теории денежного обращения только такое противоположение и возможно,—то частные отклонения цен от общего закона ценности для нас не представляют никакого интереса.

Что же произойдет, если в тот или иной момент золота—при данной его расценке по отношению к другим товарам на рынке — окажется больше, чем его требовалось бы для реализации наличного запаса товаров?

На это может быть два ответа. Согласно вульгарной теории—по „закону спроса и предложения" — изменится относительная расценка золота и товаров. Согласно же теории Маркса, поскольку речь идет о всей товарной массе, обмен произойдет на основе эквивалентности овеществленных в товарах и золоте трудовых затрат, а избыток золота будет попросту извлечен из каналов обращения и использован в роли средств накопления, сокровищ. Само собою разумеется, что, стоя на базе теории трудовой ценности, мы можем принять только это второе решение.

Таким образом, при золотом обращении количество денег в обороте не влияет на цены уже потому, что оно всегда автоматически выравнивается по потребности в деньгах самого оборота. „Окостенение обращающихся денег в сокровища и приливы сокровищ в обращение,—говорит Маркс,—это постоянно изменяющееся колебательное движение. Следовательно, сокровища являются каналами прилива и отлива обращающихся денег, так что всегда обращается только такое их количество, которое необходимо для удовлетворения непосредственных потребностей обращения" [1].

Иными словами, для денежной инфляции или дефляции в принятом нами смысле,— при золотом обращении,— нет и не может быть места. И если индексы

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. пер. П. П. Румянцева, стр. 130. Разрядка наша.

обнаруживают все же и в странах золотого обращения непрерывные колебания уровня товарных цен или, что то же, покупательной силы денежной единицы, то объяснять их можно меняющимися условиями производства золота и других товаров, временными колебаниями конъюнктуры рынка на те или иные группы товаров, входящих в состав индекса, или из каких угодно других изменений экономики данной страны, но только не за счет общей денежной инфляции или дефляции.

Все сказанное относится, однако, лишь к золотому обращению со свободной чеканкой золота или к банкнотному, обеспеченному свободным разменом на золото по указанному паритету. В этом последнем случае избыточный выпуск бумажных денег тоже не может создать никаких инфляционных затруднений для оборота, ибо весь избыток бумажек автоматически будет вытолкнут из оборота путем предъявления их в случае нужды к размену в эмиссионные учреждения [1].

В случае бумажного обращения, не обеспеченного свободным разменом на золото по фиксированному курсу, создается иная ситуация. Так как бумажные деньги имеют принудительное хождение, то никто не может помешать государству втиснуть в обращение произвольное количество билетов, дав им произвольные монетные названия: червонец, 5 червонцев, 10 червонцев. „Билеты, раз попавшие в обращение, нет возможности выбросить из него, потому что пограничные столбы страны огра-

[1] ... „От произвола эмиссионных банков отнюдь не зависит увеличение числа обращающихся банкнот, раз должен быть всегда обеспечен размен их на деньги"... „Всякий избыток обращения превратится в вклады и, таким образом, примет иную форму". „Следовательно, влияние на количество обращающихся денег — банкнот и золота—оказывают лишь потребности самого торгового оборота" (Капитал, изд. 1923 г., т. III, ч. II, стр. 63—65).

Здесь кстати будет отметить, как Маркс расценивал золотые банковские резервы с точки зрения потребностей банкнотного денежного обращения. „Обращение банкнот, не завися от воли английского банка,—говорит он,—является в такой же степени независимым и от состояния того золотого запаса в кладовых банка, который обеспечивает размен этих банкнот". Что касается пользы этого разменного золотого фонда, святость и неприкосновенность которого для нужд обращения диктуется законом, то она характеризуется у Маркса следующей цитатой: „Эти деньги... с таким же успехом можно было бы бросить в море" (там же, стр. 65 и 102).

Что же тогда можно сказать о „святости и неприкосновенности" нашего золотого фонда Госбанка, не призванного пока служить даже целям размена?

ничивают их движение, а **вне** обращения они теряют всякую ценность — как меновую, так и потребительную. Оторванные от своей функции, они превращаются в ничего не стоящие клочки бумаги".

Такие бумажные деньги не имеют собственной ценности, они являются лишь символическими **знаками** ценности и, поскольку они заменяют в обороте золото, они не могут представлять собою в общем итоге бо́льшую сумму, чем та реальная ценность, которую они собою заменяют. „В том самом отношении, в котором увеличилась бы общая сумма знаков ценности, уменьшилось бы **количество** золота, представляемое каждым из них".

В этом случае инфляция в нашем смысле этого слова, стало быть, вполне возможна. Она сопровождалась бы **при прочих равных условиях** прямо пропорциональным избытку денежных знаков **обесценением** их или, что то же, соответствующим **повышением общего уровня товарных цен**. При чем здесь „возрастание цен было бы, — по замечанию Маркса, — только реакцией процесса обращения, насильственно приравнивающего **знаки ценности** тому **количеству золота**, вместо которого они обращаются".

„Возрастание или падение товарных цен, с увеличением или уменьшением суммы бумажных денег, — если последние составляют единственное орудие обращения,— является, таким образом, только насильственным осуществлением в процессе обращения закона, механически нарушенного извне,—закона, в силу которого количество обращающегося золота определяется ценами товаров, а количество обращающихся знаков ценности—количеством золотых монет, которое они заменяют в обращении" [1].

Опыт такого обращения неразменных денежных знаков мы имели в продолжение целого десятка лет, начиная с объявления мировой войны до денежной реформы 1924 г. Это была эпоха все возрастающей денежной инфляции. И в эту эпоху обесценение денежных знаков шло таким бешеным темпом, что никаких иных, **более тонких** измерителей перенасыщения оборота деньгами не требовалось. Степень денежной инфляции получала вполне достаточное отражение в индексах возрастания цен, хотя и в то время не все возрастание индекса

[1] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 111—113.

можно было отнести за счет одной лишь денежной инфляции.

Более точным измерителем степени инфляции, согласно вышеизложенной теории, было бы прямое сопоставление количества денежных знаков, фактически выпущенных в обращение, с тем количеством одноименных золотых монет, какое в каждый данный изучаемый момент было бы достаточным для нормального обслуживания наличного оборота.

Как известно, эта норма, согласно теории Маркса, определяется прежде всего,—при прочих равных условиях,—суммой подлежащих реализации товарных цен, исходя из данной расценки товаров в отношении золота, во-вторых, суммой платежей по кредитным и всяким иным обязательствам и, в-третьих, скоростью обращения денег в качестве орудия обмена и платежного средства. При этом первые две величины связаны с количеством денег в обращении прямой пропорциональностью, а третья—обратной.

Конечно, при этом из валовой суммы товарных цен и платежей подлежит вычету та их часть, которая реализуется без участия денег в монете, т. е. прежде всего путем взаимного зачета обязательств, а в таких странах полунатурального хозяйства, как Россия, и путем натурального обмена или оплаты натурой разного рода услуг и обязательств. Точно так же ясно, что в понятие „суммы товарных цен, подлежащих реализации"—поскольку некоторые товары по дороге от производителя к потребителю реализуются не один раз, а два-три раза и больше, мы должны включать не однократную сумму товарной массы, а сумму товарного оборота, т. е. товарную массу, умноженную на среднее число ее оборотов на пути от производителя до потребителя. Но эти оговорки не меняют общего закона сформулированного Карлом Марксом в следующих строках:

„При данной быстроте оборота денег, как орудия обращения или как платежного средства, общая сумма денег, обращающихся в данный период времени, определяется общей суммой имеющих быть реализованными товарных цен плюс вся сумма расплат, приходящихся за это время, минус сумма расплат, взаимно погашающихся"[1].

[1] Там же, стр. 142.

Исходя из этих положений, взаимозависимость интересующих нас величин можно было бы выразить следующей элементарной формулой:

$$X = \frac{k\,(T-t)\,J}{n} + \frac{P-p}{n_1} \qquad 1),$$

где X—денежная масса, потребная обороту в золоте, T—вся товарная масса, подлежащая реализации за данный период, в количественном выражении [1], t—та доля товаров, которая реализуется безденежно, k—коэфициент обращаемости реализуемых за деньги товаров, J—средняя взвешенная цена в золоте за единицу товара или товарный индекс цен, если физический объем товарной массы выражен, скажем, в довоенной оценке, P—общая сумма денежных платежей и p—та доля платежей, которая осуществляется безденежно путем зачета и т. п., а n и n_1—число оборотов денежной единицы за данный период в качестве орудия обращения товаров и платежного средства.

Все элементы, входящие в состав приведенной формулы, поддаются статистическому учету. За прошлое время необходимые коэфициенты могут быть исчислены по отчетным материалам, а для текущих нужд регулирования денежного обращения можно было бы организовать конъюктурные наблюдения за динамикой тех же коэффициентов. И, стало быть, не только факт наступления инфляции или дефляции, но и числовую меру нарастания инфляционных или дефляционных процессов, исходя из вышеизложенных теоретических предпосылок, возможно установить с полной объективностью. Задача же регулирования денежного обращения при наличии таких наблюдений сведется, говоря словами Маркса, просто к тому, что „выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото" [2].

3. ИНДЕКСЫ ЦЕН И СКОРОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ

Анализируя общую формулу денежного обращения, нетрудно установить, динамика каких величин может быть использована в качестве наиболее достоверных и точных показателей инфляции и дефляции.

---

[1] При изучении динамики оборота здесь могут быть использованы коэфициенты роста „физического объема" товарной продукции.

[2] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 95. ГИЗ, 1923.

Начнем хотя бы с индекса цен. В нашу формулу входит только индекс товарных цен, выраженных в золоте. И это вполне понятно. Лишь золото, представляя собою овеществленное рабочее время, может служить мерой общей ценности товарной массы, подлежащей реализации. И если золото по отношению к товарам дешевеет, то его требуется больше для целей обращения, а если дорожает, то денежная масса должна сократиться. Но, поскольку мы перешли после 1913 г. от золотого рубля к бумажному и у нас все цены выражены в бумажных рублях, равных по покупательной своей силе, скажем, $^1/_2$ одноименной золотой единицы 1913 г., то для приведения к золотым ценам этого года обе части равенства в нашей формуле пришлось бы лишь разделить на этот коэфициент покупательной силы бумажного рубля по отношению к золоту или, что то же, умножить их на индекс цен, выраженных в бумажной валюте, по отношению к ценам 1913 г. Само собою разумеется, что на такой общий множитель можно сократить обе части равенства без всякого ущерба для значимости нашей формулы. Вот почему мы и не вводим его в эту формулу.

Тем не менее, динамика индекса цен при известных условиях, несомненно, является одним из важнейших показателей инфляционных или дефляционных процессов. Так, напр., если скорость обращения денежной единицы заведомо не изменилась, а цены все же растут, то, значит, количество денежных знаков по отношению к величине товарного и платежного оборота велико, и мы вступили в полосу инфляции. Но и в этом случае показательны только изменения индекса и покупательной силы рубля, а не абсолютная его величина. В самом деле в 1895/96 г. до девальвации бумажный рубль достигал едва двух третей золотого рубля, но он приближался к нему возрастая, а не падая, и потому мы имели здесь скорее дефляционный, чем инфляционный процесс.

Но мыслимы условия, при которых колебания индекса цен вовсе не могут служить показателем инфляции или дефляции. Таковы, прежде всего, условия золотого обращения, при котором, согласно теории Маркса, вообще не может быть инфляции или дефляции, ибо излишек золота автоматически выпадает из обращения, а недостаток столь же автоматически покрывается приливом золота из резервуаров накопления „сокровищ“. Но и

в условиях неразменной бумажной валюты, когда инфляция и дефляция вполне возможны, показания индексов цен далеко не всегда могут их обнаружить. Типичный в этом отношении пример представляет как-раз наше червонное обращение, при котором покупательная сила денежной единицы поддерживается, прежде всего, регулированием цен на продукты государственной промышленности.

Связанные прейскурантом Наркомвнуторга отпускные цены наших синдикатов не могут произвольно колебаться, следуя за каждым изменением бумажно-денежной массы в обращении. А между тем бумажное обращение не обладает, подобно золоту, свойством автоматического саморегулирования количества денежных знаков в каналах обращения. Что же должно воспоследовать в этом случае при внедрении в оборот излишка денежных знаков по сравнению с потребностью в них оборота?

В схеме Маркса нет прямого ответа на этот вопрос, ибо капиталистическое общество не знает государственного регулирования цен, и Марксу не было нужды специально рассматривать такой случай. Но его формулировки закона денежного обращения заключают в себе все элементы, необходимые для ответа на этот вопрос. В самом деле, если, анализируя формулу 1, мы допустим, что сумма обращающихся товарных ценностей и платежей есть для нас заранее данная величина, не подлежащая изменению, а сумма денежных знаков меняется, причем покупательная сила этих знаков закреплена определенным прейскурантом цен и потому не может изменяться в обратном отношении к количеству денежных знаков, то для сохранения равенства обеих частей формулы останется только одно допущение: за каждым увеличением покупательной силы денежной массы по отношению к сумме подлежащих реализации товаров и платежей в стране будет следовать соответствующее уменьшение средней скорости обращения денежных знаков и, обратно, всякое сокращение денежной массы по отношению к товарно-платежной массе возможно только за счет соответствующего ускорения оборачиваемости денежных знаков [1].

---

[1] В более обобщенной формулировке мы находим эту мысль в следующих словах К. Маркса: „При неизменных товарных ценах масса средств обращения может расти, если увеличивается

Таким образом, вместо отказывающегося служить этой задаче индекса цен мы получаем здесь новый показатель перенасыщения оборота деньгами или денежного голода в стране. И, как явствует совершенно недвусмысленно из формулы, показателем денежного голода или дефляции будет ускорение оборота бумажных денег выше средней оборачиваемости денег при золотом обращении, а показателем инфляции будет, наоборот, соответствующее замедление скорости их обращения.

Скорость обращения денег в виду сказанного заслуживает нашего специального изучения. До последнего времени даже среди марксистов этому моменту не уделялось должного внимания. Находились даже такие экономисты, которые вообще пытались игнорировать этот основной элемент в учении о денежном обращении. Тем больше оснований будет нам обратиться здесь непосредственно к первоисточнику этого учения и посмотреть, что было высказано по этому вопросу в свое время еще самим Марксом.

Понятие „скорости" или „быстроты" обращения денег, по Марксу, измеряется числом оборотов монеты в единицу времени. Оборотом монеты при этом считается всякий переход ее из одних рук в другие или из одной кассы в другую в результате акта купли-продажи или иной сделки. Конечно, одни монеты совершают больше оборотов за данное время, другие меньше. Но в общем процессе обращения каждая данная монета становится, так сказать, „ответственной" за остальные, и если одна ускоряет быстроту своего обращения, то тем самым она замедляет быстроту обращения другой. „Общее число оборотов всех находящихся в обращении одноименных монет дает, однако, среднюю скорость обращения денег"[1].

„Значение монеты в процессе обращения,—замечает Маркс в другом месте,—равняется заключенному в ней количеству золота, умноженному на число ее оборотов". „Поэтому, если растет число оборотов монет, то уменьшается масса их, находящаяся в обращении. Если умень-

масса обращающихся товаров или уменьшается быстрота обращения денег или оба эти обстоятельства действуют совместно. Наоборот, масса средств обращения может уменьшаться, если уменьшается масса товаров или возрастает быстрота их обращения" (Капитал, т. I, стр. 83. Разрядка наша).

[1] Капитал, т. I, стр. 87—88.

шается число их оборотов, то растет их масса". „Следовательно, быстрота оборота золота может заменять его количество"[1].

Вообще говоря, по Марксу денежная масса в обращении определяется тремя основными факторами, среди которых находит свое место и скорость обращения. „Эти три фактора—движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег—могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях, поэтому подлежащая реализации сумма цен, а, следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения варьирует в очень широких пределах" (Капитал, т. I, стр. 89). Но в условиях простого денежного обращения (золотого), не осложненного обращением банкнот или иных кредитных денежных знаков, на долю изменчивости третьего фактора, т. е. скорости обращения, падает очень ограниченная доза влияния. „Внешний и формальный характер простого денежного обращения,—говорит Маркс,—проявляется собственно в том, что все моменты, определяющие количество орудий обращения, как масса обращающихся товаров, цены, повышение и падение их, количество одновременных актов покупки и продажи, быстрота оборота денег, —зависят, от процесса метаморфоз в товарном мире, а этот процесс зависит, в свою очередь, от общего характера производства, от населенности, отношений между деревней и городом, от развития средств перевозки и сообщения, от кредита и т. д., словом от условий, которые все находятся вне сферы простого денежного обращения и которые—в ней только отражаются"[2].

Но поскольку скорость обращения зависит от столь медленно изменяющихся объективных производственных условий, ее можно было бы принять за данную для целого ряда месяцев или даже лет и исключить из сферы конъюнктурных наблюдений текущего момента.

Не таковы, однако, условия бумажно-денежного обращения. Здесь уже мы сами по своему произволу можем изменять, в особенности при фиксации цен на определенном уровне, и общую сумму денежной массы в обращении, и самую скорость этого обращения, причем по сравнению со всеми остальными факторами, независящими от нашего произвола, скорость обращения денег

---

[1] К критике полит. экономии, стр. 98 и 94; Капитал, т. I, стр. 88.
[2] Там же, стр. 95.

является наименее устойчивой и постоянной. И, стало быть, в наших условиях она как-раз особенно пригодна в качестве объекта конъюктурных наблюдений.

Как показал нам опыт совзначной эмиссии за время до денежной реформы 1924 г., количество денежных знаков, которое может быть втиснуто в оборот, не имеет определенных пределов. Но то была эпоха безудержного падения цен. И, собственно говоря, денежная масса в реальном ее значении вовсе не росла за этот период, а даже падала. Она падала при этом, даже обгоняя в своем темпе падения сокращение товарной массы в стране, что уравновешивалось, однако, соответствующим ускорением оборота падающего совзнака. Таким образом, в эту эпоху процесс денежной инфляции сопровождался одновременным ускорением обращаемости совзнака. А первым результатом перехода к червонной валюте было замедление обращаемости денежных знаков.

На первый взгляд эти факты противоречат нашему выводу из формулы денежного обращения о том, что ускорение обращаемости денег является признаком дефляции, а не инфляции. Но не надо забывать того условия,—устойчивости цен и покупательной силы рубля,—которое является предпосылкой нашего вывода.

При быстро падающем рубле мы не имеем этого условия, но зато имеем определенный стимул каждого держателя денег возможно скорей избавиться от них во избежание потерь на курсе обесценивающегося рубля. Там, стало быть, двигающей причиной является этот стимул хозяйственного расчета, ускоряющий оборот денег, а естественным последствием такого ускорения было соответствующее снижение реального значения денежной массы. Но при фиксации товарных цен причины и следствия меняются своими местами. И когда, как это часто делается, мы насильственно сокращаем путем изъятий денежную массу в обращении, не считаясь с потребностями оборота, естественным последствием этого является ускорение обращаемости червонного рубля.

Конечно, когда мы говорим об устойчивости цен, как предпосылке того или иного вывода, мы можем разуметь только относительную их устойчивость. Абсолютно неподвижных цен не бывает и быть не может и при золотом обращении. Изменяющиеся условия производства, помимо всяких иных причин, непрерывно изменяют соотношения товарных цен между собою, а, стало быть,

и в отношении любого денежного измерителя ценности, какой бы собственной устойчивостью он ни отличался. Устойчивыми ценами мы, стало быть, можем считать уже такие, колеблемость которых по отношению к избранной нами денежной единице не больше обычной колеблемости их в условиях золотого обращения, т. е. вне специфических влияний инфляции или дефляции. При такой нормальной колеблемости цен мы не вправе предполагать тех специальных стимулов к обмену денег на товары во избежание их обесценения, какие наблюдаются в периоды острой инфляции, а, стало быть, не имеем основания ожидать и соответствующих им последствий в области ускорения или замедления обращения денег.

Имеются ли какие-либо пределы возможного расширения и сжатия реального, т. е. выраженного в товарах, значения бумажно-денежной массы в связи с ускорением и замедлением оборота денег или эти величины могут изменяться при известных условиях от нуля до бесконечности?

Ответить на это не трудно. Конечно, высший и низший пределы реальной денежной массы, а равно и возможной скорости обращения денег имеются. И притом, судя по опыту прошлого, даже при бумажном обращении эти величины, повидимому, могут изменяться лишь в довольно узких пределах.

Увеличивать слишком широко эмиссию в расчете, что избыток денег при наличии твердых цен на товары покроется автоматически замедлением оборота денег в стране—весьма рискованно. Ведь по сути дела это замедление оборота означает остановку и, стало быть, накопление в кассах все большего количества „безработных“ червонцев. И если эти безработные червонцы превысят ту норму, которая требуется по условиям нормального оборота в качестве повседневного монетного резерва, то им останется только два исхода—либо оседать в качестве сокровищ в банковских резервуарах, либо увеличивать спрос на предметы личного и производственного потребления и давить на цены. И если первый путь не грозит нам еще большими опасностями, то второй—в условиях товарного голода—чреват весьма серьезными последствиями. Незабытый еще никем из нас опыт эмиссионного хозяйства при падающей валюте служит, однако, достаточным предостережением против всяких рискованных шагов в этом направлении.

Но не следует перенапрягать наши эмиссионные регуляторы и в обратном направлении. Конечно, выпуск или изъятие денег из оборота пока что уравновешивается замедлением или ускорением их оборота. Но велики ли пределы упругости нашей системы в этом отношении?

В самый разгар инфляции в конце 1923 и начале 1924 гг. обращаемость совзнака превышала нормальную обращаемость рубля всего в 3—4 и максимум в 6—8 раз. Скорость обращения денег может заменить их количество только до некоторой степени, определяющейся количеством одновременно совершающихся сделок и платежей[1]. Если, напр., у нас в 1925/26 г. ежемесячно в одних и тех же числах производилась одновременная выплата зарплаты рабочим и служащим в сумме около 400 млн. черв. руб., то мы, очевидно, ни в коем случае не смогли бы уже обойтись меньшей денежной массой в обращении, хотя несколько лет тому назад при натуральной оплате труда и падающем совзнаке мы опускались до обращения и ниже сотни миллионов черв. рублей по всей стране. А ведь кроме выплат заработной платы одновременно совершаются и другие сделки.

Значит, итти очень далеко на сокращение реальной денежной массы в обращении в расчете, что возрастающая скорость обращения автоматически исправит наши дефляционные ошибки в этом отношении — весьма рискованно. Какое расстройство оборота может наступить в результате дефляции, мы имели уже случай отчасти наблюдать во время того „разменного голода", который у нас имел место весной 1924 г. с переходом от совзначной к червонной валюте.

Конечно, было бы очень поверхностным смешивать явления денежного голода с недостатком реальных капиталов в стране или с тем понижением реального платежеспособного спроса, какое наблюдается нередко в периоды перепроизводства и кризисов сбыта. „Но,—скажем мы по поводу таких кризисов словами К. Маркса,—если объяснение приостановок в процессе производства и обращения недостатком средств обращения есть только популярная иллюзия, то отсюда отнюдь еще не вытекает, что действительный недостаток в средствах обращения вследствие, напр., официальных махинаций

[1] Капитал, т. I, стр. 88.

в области регулирования средств обращения, не может со своей стороны вызвать застоя" [1].

Это предостережение Маркса особенно уместно было бы принять к сведению многим из наших дефляционистов.

С другой стороны, чрезмерные выпуски бумажных денег, даже при твердой их расценке в нормированных ценах гособорота, как учит нас опыт, тоже могут легко выйти за пределы нормальной его упругости. Когда замедление оборота денежных знаков переходит за известный предел, то на него очень активно начинают реагировать цены частного ненормированного товарооборота и чем уже этот частный оборот и резче отграничен условиями нормированного снабжения от обобществленного сектора, тем резче образуется тот разрыв в ценах частного и обобществленного секторов, который свидетельствует об избыточном количестве денежных знаков в частном секторе.

Разумеется, при ничтожной роли частного рынка в общем обороте страны, значение таких явлений в настоящее время не следует преувеличивать. Но в качестве конъюнктурного показателя, и притом весьма чувствительного, игнорировать их не приходится.

К сожалению, до последнего времени в наших органах, регулирующих денежное и товарное обращение страны, слишком мало уделялось внимания организации действительного наблюдения за такими фактами, как секториальное перераспределение денежной и товарной массы в стране, скорость обращения денежных знаков и товаров в разных каналах и т. п. сигнализаторы опасных явлений в этой области. Правда, изобличенные ныне вредители в указанной области очень часто поднимали большой шум вокруг понятий „дефляции" и „инфляции", но практически охотно по мере сил готовы были действовать обоими методами для скорейшего расстройства советской денежной системы.

К счастью, этому злу уже положен предел.

---

[1] „Капитал", т. I, стр. 90.

В. ПРОЦЕССЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В СССР

1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА

В условиях капиталистического хозяйства, как известно, средний уровень цен всей товарной массы, взятой в целом, определяется законом ценности, т. е. суммой общественно-необходимых трудовых затрат, овеществленных в этой товарной массе. Но конкретные цены отдельных товарных групп и товаров отнюдь не совпадают с их трудовой ценностью. Они отклоняются вверх и вниз от своего ценностного уровня, определяемого условиями производства, под влиянием тех или иных условий распределения. В капиталистическом обществе общественное распределение благ осуществляется в порядке стихийной конкуренции между собою на рынке продавцов и покупателей. В этой всеобщей конкурентной борьбе на рынке всех против каждого и каждого против всех необходимо все же различать следующие классовые группировки.

Капиталисты во взаимной борьбе между собою за покупателя заинтересованы только в возможно высокой норме прибыли на свой капитал. Поэтому условием равновесия для них в этой борьбе является равная норма прибыли в разных производствах, независимо от уровня органического строения капитала в каждом из них. Отсюда, как неизбежное и вполне закономерное последствие, проистекает отклонение цен от ценности кверху в производствах с повышенным строением капитала и книзу—в производствах с пониженным его строением.

Капиталисты в своих претензиях на участие в распределении народного дохода опираются на свое—фактически ими монополизированное—право собственности на основные средства производства. Подобно этому землевладельцы в капиталистическом обществе, на основании присвоения себе монополии распоряжения землей и недрами, требуют и себе за право использования этих естественных богатств в производстве известной доли народного дохода, именуемой рентой. Это, в свою очередь, приводит к тому, что цены в тех отраслях производства и предприятиях, которые вынуждены платить особо высокую дань землевладельцам в виде ренты, должны отклоняться от ценности в сторону повышения. Конечно, это повышение цен в условиях равной нормы

прибыли уравновешивается соответствующим снижением их в отраслях производства и в предприятиях, свободных от этой дани или выплачивающих ее в размерах ниже средней нормы.

Пролетариат выступает на товарном рынке только с интересами потребителя. Его интересует, прежде всего, потребительная ценность приобретаемых им благ. Но если пропорция благ, выброшенных на рынок, не позволяет ему удовлетворить все свои потребности в пределах тех покупательных средств, которыми он располагает равномерно, то за недостаточные товары он готов будет под влиянием конкуренции заплатить и выше их ценности, возмещая эти переплаты в ценах благ, изобилующих на рынке. В этом именно и сказывается так наз. закон спроса и предложения.

Однако, в качестве потребителя на рынке выступает не только пролетариат, но и другие классы. И если диспропорция между спросом и предложением по отдельным товарам приводит, скажем, к тому, что предметы широкого потребления оказываются в недостаточном предложении и продаются выше их ценности, а предметы роскоши и комфорта имеются в относительном избытке и продаются ниже их трудовой ценности, то мы, несомненно, и за счет этой диспропорции имеем в отклонении цен от ценности определенный рычаг социального перераспределения народного дохода, ибо продукты широкого потребления достаются преимущественно одним классам населения, а предметы роскоши и комфорта— другим.

Наконец, и государство в качестве аппарата господства известных классов создает через систему акцизов, пошлин и иных промысловых сборов дополнительную шкалу отклонений цен от ценностей в целях перераспределения народного дохода. В той части, в которой он извлекается на оплату услуг госаппарата, государственная власть обычно извлекает его с таким расчетом, чтобы оплачивались эти услуги совсем не теми классами, которые ими пользуются.

Мы перечислили здесь все основные рычаги стойких отклонений цен от ценности, действующие на капиталистическом рынке. Это—монополия собственности на землю рентьеров, различная степень монополизации прочих средств производства буржуазией в разных отраслях хозяйства и монопольно классовый характер госу-

дарственной власти, с одной стороны, при обездоленности основной пролетарской массы потребителей как в средствах производства, так и в политической власти— с другой стороны.

Можно было бы еще указать на общую анархию капиталистического хозяйства, обреченного уже вследствие отсутствия общего хозяйственного плана на постоянные частные и периодические общие нарушения равновесия между спросом и предложением на том или ином рынке, со всеми вытекающими отсюда конъюнктурными колебаниями цен вокруг среднего их уровня для каждой данной товарной группы. Но мы сознательно отвлекаемся пока от этих отклонений конъюнктурного характера. В течение полного конъюнктурного цикла отклонений вверх и вниз от среднего уровня такие колебания взаимно уравновешиваются, в то время как вышеуказанные причины отклонения цен от ценности, опирающиеся на монопольные привилегии господствующих классов, действуют постоянно в одном направлении и влекут за собой соответствующее перераспределение народного дохода.

Говоря лишь о длительных и стойких отклонениях цен от ценности в сторону превышения трудовых затрат, мы, в сущности, всегда имеем дело с ценами монопольного происхождения. Что же касается одновременного отклонения других цен в обратную сторону, то оно представляет собою лишь оборотную сторону той же медали. Всякое превышение одних цен над их ценностным уровнем неизбежно должно сопровождаться соответствующим снижением других, ибо средний уровень цен всех товаров, согласно нашей теоретической предпосылке, в точности соответствует их ценности.

Яснее всего это можно проследить в отношении тех цен, которые сознательно диктуются рынку как монопольные. Какой-нибудь капиталистический трест, монополизируя в своих руках снабжение рынка тем или иным товаром, устанавливает на этот товар цену по своему произволу, так как не встречает на нем достаточно мощных конкурентов. Правда, этот „произвол“ отнюдь не безграничен. Монополист не может, назначив какую угодно цену, продать сколько угодно товара. Законы рынка ограничивают его произвол в том отношении, что чем выше назначит он цену, тем меньше реализует своей продукции. Опыт показывает, однако,

что в известных пределах монополист может увеличить свою общую выручку от реализации и прибыль даже при некотором сужении производства. И тогда это должно неизбежно сказаться на ценах других, не монопольных товаров. Емкость рынка не безгранична. Весь избыток этой емкости, поглощаемый повышением цен монопольной группы товаров, сказывается дефицитом емкости для остальных товаров и понижает их цены. А затем, в последнем счете, такие смещения цен влекут за собой определенные сдвиги в структуре общественного потребления и воспроизводства соответствующих благ.

В нашу задачу не входит более детальный анализ проблемы монопольных цен на капиталистическом рынке. Нам хотелось бы зафиксировать лишь следующие выводы.

Помимо конъюнктурных колебаний цен циклического характера, капиталистический рынок являет перед нами картину целой серии стойких смещений и сдвигов цен от ценностного их уровня во всех отраслях хозяйства. Эти смещения отнюдь не случайны для капиталистического общества. Они столь же закономерны, как и определяющий их факт монопольного сосредоточения в руках господствующих классов и земли и прочих средств производства, и самой государственной власти, санкционирующей характерные для этого общества условия присвоения и распределения народного дохода. Таким образом, если ценностный уровень товаров целиком определяется условиями их воспроизводства, то причины стойких отклонений рыночных цен от этого уровня нам приходится отыскивать уже только в условиях присвоения и распределения благ. И, тем не менее, все же эти отклонения оказывают прямое и решающее влияние не только на размеры потребления, но и на масштабы воспроизводства различных групп товаров. Говоря иначе, в процессах ценообразования в капиталистическом обществе мы находим типичный пример такого переплетения причин и следствий, где производственный базис, определяя собою всякие юридические и политические надстройки (условия присвоения), в свою очередь испытывает на себе их обратное воздействие.

И далее. Капиталистическое хозяйство анархично. Но если бы оно даже могло преодолеть стихию рынка и устанавливало вполне сознательно и масштабы производства всех необходимых ему благ, и цены, то в этом хо-

зяйственном плане были бы предусмотрены все те ж стойкие отклонения цен от ценности разных товаров вверх и вниз, какие наблюдаются и ныне. Вся разница при этом свелась бы лишь к тому, что основная тенденция к уравнению нормы прибыли, осуществляемая ранее в результате рыночной конкуренции стихийно, стала бы центральной целевой установкой плана. Рыночные цены—гласила бы эта плановая установка—должны устанавливаться с таким расчетом, чтобы норма прибыли по всем предприятиям была одна и та же, т. е. чтобы раздел общей прибавочной ценности в стране осуществлялся пропорционально доле участия каждого предпринимателя и землевладельца в общей сумме капитальных фондов, включая сюда и цену земли, т. е. капитализированную ренту.

Но такой план, обеспечивающий стойкие отклонения цен от ценности, тем самым должен был бы закрепить сознательно и соответствующие им диспропорции в производстве различных благ по отношению к предъявляемой рынком сумме потребностей, ибо такие диспропорции в производстве и удовлетворении наличных потребностей страны являются неизбежным дополнением тех или иных сдвигов в ценах.

К таким выводам нас приводит свойственный капитализму разрыв между общественным характером производства и условиями частного присвоения, нашедшими себе столь яркое выражение в законе равной нормы прибыли. Капиталистическое руководство, даже будь оно плановым, не смогло бы организовать производство так, чтобы оно давало максимум того, что оно способно дать всему обществу в целом, ибо оно руководит общественным хозяйством, исходя лишь из своих собственных узко-групповых или даже чисто-индивидуальных интересов, явно противоречащих интересам всего общества в целом.

Октябрьская революция, однако, открыла перед нами новую эру общественного хозяйства. Закон равной нормы прибыли в советских условиях хозяйства является уже явным пережитком. Он для нас отнюдь не обязателен. Абсолютная земельная рента после национализации земли тоже должна потерять свое действие на процессы ценообразования. И, естественно, возникает вопрос, как же в новых советских условиях переходного периода должны складываться процессы ценообразования как в той части, в какой они определяются законами рынка,

так и в той, где они поддаются регулирующему воздействию плановых органов?

Мы уже ныне практически регулируем и рыночные цены, и связанные с ними неразрывной цепью нормы накопления. Но достаточного теоретического освещения эта проблема у нас еще не получила. Рассуждая абстрактно, можно было бы заключить, что поскольку социализм должен обеспечить оптимально равномерное удовлетворение всех потребностей общества, в социалистическом плане следует проектировать такое распределение труда, которое в корне исключает какие-либо диспропорции между производством и потреблением, а стало быть и какие-либо отклонения цен от ценности производимых благ. Но это слишком абстрактная постановка вопроса. Прежде всего потому, что при законченном построении социализма у нас уже не будет рыночного распределения общественной продукции. И потому вопрос о „ценах" вообще потеряет всякий смысл и актуальное содержание. В применении же к „переходному периоду" приближения к социализму, когда проблема цен особенно для нас важна и актуальна, мы отнюдь не можем без конкретного анализа фактических процессов ценообразования во всей их многосложности установить те или иные закономерности и целевые установки.

В самом деле. Действие закона равной нормы прибыли на цены в наших условиях теряет свое значение в обобществленном секторе. Но остается еще и частный сектор производства. Абсолютная земельная рента отпадает после революции. Но диференциальная рента остается и, стало быть, попрежнему оказывает известное действие на образование цен. Капиталистическое государство разрушено, но диктатура пролетариата существует. И наша налоговая система—пошлины и акцизы—являются отнюдь не маловажным фактором ценообразования. А главное, не следует забывать, что диктатура пролетариата получает в ценах гораздо более гибкое орудие классовой политики, чем это было возможно для буржуазии. В капиталистическом хозяйстве цены и норма прибыли определялись все же стихийными факторами. Каждый предприниматель в отдельности и даже все они в совокупности не могли регулировать цены и прибыль по своему произволу. А ныне в советском хозяйстве мы их можем изменять по своему произволу в довольно широких пределах,

Именно в порядке нашей классовой хозяйственной политики мы зачастую идем на такие резкие отклонения цен от ценности, какие вовсе были бы невозможны в условиях стихийного регулирования рыночных цен. Например, мы совершенно сознательно устанавливали в интересах подъема крестьянского хозяйства убыточные для себя цены на сельскохозяйственные машины и удобрительные туки. Этого не допустила бы стихия рынка. В интересах индустриализации страны мы удешевляем цены топлива и средств производства за счет повышения нормы прибыли в легкой промышленности. В интересах интенсификации земледелия мы в районах льна и хлопка продаем по удешевленным ценам рожь и пшеницу и планомерно стремимся установить посредством соответствующих заготовительных цен более высокую рентабельность трудоемких технических культур по сравнению с более экстенсивными—зерновыми. В интересах классового регулирования потребления различных социальных групп населения мы назначаем цены на предметы роскоши, на шелковые ткани и тонкие сукна с гораздо большей прибылью, чем, скажем, на черный хлеб и демократические ситцы. В интересах обобществления мы устанавливаем даже на одни и те же продукты разные цены и прочие условия продажи для частного торговца и кооперации, разные тарифные ставки для перевозок в адрес частного и обобществленного сектора и т. д.

Столь активная политика цен, несомненно, может даже углубить свойственные и капиталистическому рынку разрывы между ценой и ценностью. И все же в переходный период мы едва ли сможем, да и не захотим отказаться от столь мощного рычага перераспределения народного дохода и реконструкции всего народного хозяйства, каким в руках организованного пролетариата является регулятор плановых цен. Дело в том, что переходный период к социализму есть, прежде всего, период технической и социально-экономической реконструкции во всех областях хозяйства. Но если в пределах социалистического сектора мы располагаем достаточными рычагами реконструкции и помимо регулятора цен, то в отношении частнохозяйственного сектора этот регулятор является одним из наиболее прямых и безболезненных рычагов реконструкционного воздействия не только на распределение, но и на все производственные процессы.

Полное соответствие цен закону трудовых затрат не создает никаких специальных стимулов для изменения установившихся уже производственных пропорций. Оно равносильно отказу от всякой политики цен и может быть оправдано лишь с того момента, когда наличные производственные пропорции в стране нас вполне удовлетворяют.

Таким образом, курс на сближение плановых цен с трудовой ценностью едва ли соответствует реконструкционным задачам переходного периода к социализму. Он во всяком случае означал бы отказ от активной политики больших производственных сдвигов в частнохозяйственном секторе вообще и в сельском индивидуалистическом хозяйстве в особенности. Ибо в этой области гораздо легче вызвать революцию в производстве через революцию в ценах, чем наоборот.

Но вполне сознательное плановое маневрирование ценами требует отчетливого знания, в какую сторону и насколько именно отклоняются проектируемые нами цены от трудовой ценности данного рода продукции. Если, скажем, нам необходимо расширить посевный клин льна или подсолнуха в соответствии с ростом наших потребностей, и мы должны для этого поднять цены этих культур выше их ценности, то мы, прежде всего, должны знать, какова эта ценность в данный момент.

Располагаем ли мы такими знаниями в нашей повседневной плановой практике? Нет, еще не располагаем. Однако, все элементы для такого познания у нас накоплены уже в достаточном количестве. Издержки производства и обращения и нормы накопления, благодаря имеющейся оперативной отчетности по госсектору и бюджетным исследованиям крестьянского хозяйства, поддаются самому детальному изучению. Нужно лишь по-исследовательски овладеть этим материалом, подвергнуть его должному анализу и синтезу в свете марксистской теории и извлечь все практически ценные выводы для планового использования.

В охвате всего народного хозяйства такой анализ издержек производства и норм накопления представляет собою, однако, слишком широкую задачу для отдельного исследователя. Над этой проблемой придется поработать еще не мало целыми коллективами. Но отдельные главы такой коллективной работы могут быть выполнены и

в одиночку. В частности, нам кажется, что в первую очередь следовало бы подвергнуть изучению структуру цен советской промышленности.

Попробуем же посильно разрешить эту задачу.

2. СОСТАВ ПРОДУКЦИИ

Отчетность государственной промышленности в части учета издержек производства не подвергалась до последнего времени официальным ведомственным сводкам. Объясняется это отчасти недооценкой практического значения этого рода отчетности, отчасти столь далеко идущей „рационализацией" штатов центральной бухгалтерии, при которой она уже физически не в состоянии выполнять своего прямого назначения. Во всяком случае приходится констатировать весьма печальный факт, что поступающая с мест богатейшая отчетность об издержках производства накапливалась до последних лет в стенах ВСНХ лишь в качестве обильной пищи для „грызущей критики мышей".

Работники Госплана, которым в связи с активно выдвигаемой у нас проблемой снижения цен эти материалы были, повидимому, нужнее даже чем самому ВСНХ, пытались неоднократно отвоевать у архивных мышей ВСНХ часть их законной добычи и сделать из нее более рациональное употребление [1]. Но нашими слабыми силами мы не могли, разумеется, охватить всего материала и подвергнуть его исчерпывающему анализу и обработке. К тому же за прошлые годы материал трестовской отчетности об издержках производства обладал целым рядом дефектов, которые мы даже при всем желании не могли бы выправить, не располагая всей суммой трестовской отчетности. К счастью, в отчетности за 1925/26 г. таких дефектов гораздо меньше, и предлагаемая ниже сводка счетов производства по 73 трестам общесоюзной промышленности может быть использована гораздо полнее и продуктивнее.

Чтобы иметь представление о масштабе охвата предлагаемой нами сводки по трестам союзного значения, приведем следующую справку об их удельном весе в общем итоге цензовой промышленности [2] (см. табл. 33).

---

[1] См. сводки за 1923/24 и 1924/25 гг., опубликованные Ф. Л. Дрибиным в „План. Хоз.", № 9 за 1925 г. и № 2 за 1927 г.

[2] Фабрично-заводская промышленность Союза ССР за 1925/26 г., таблицы, стр. 2 и 112. Изд. ЦСУ СССР. М., 1927.

Таблица 33

Состав цензовой промышленности СССР по социальным секторам и формам подчиненности за 1925/26 г. (данные ЦСУ)

Секторы и формы подчиненности	Действовало заведений		Мощность двигателей к концу года		Рабочие в среднем за год		Отработано ими человекодней		Валовая продукция [1]		Среднее число рабочих на 1 заведение
	абс.	в % % к итогу	в тыс. HP	в % % к итогу	в тыс.	в % % к итогу	в млн.	в % % к итогу	в млн. черв. руб.	в % % к итогу	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Госсектор											
1. ВСНХ СССР	1459	11,2	2187,4	60,7	1211,1	52,7	306,2	52,0	4767,0	47,8	830
2. Республик. ВСНХ	1047	8,1	376,2	10,4	265,8	11,6	69,1	11,7	1198,2	12,1	253
3. ГубСНХ	2449	18,8	442,7	12,3	449,7	19,6	116,7	19,8	1895,9	19,0	184
Итого по 1—3	4955	38,1	3006,3	83,4	1926,6	83,9	492,0	83,5	7261,1	78,9	389
4. Проч. наркоматов	816	6,3	112,8	3,1	76,9	3,4	20,3	3,4	491,2	4,9	94
5. Горкомхоз	451	3,5	228,7	6,3	27,0	1,2	7,4	1,3	134,3	1,3	60
6. Прочие	2327	17,9	176,6	4,9	110,9	4,8	28,8	4,9	441,7	4,5	48
Итого 4—6	3594	27,7	518,1	14,3	214,8	9,4	56,5	9,6	1067,2	10,7	60
Итого 1—6	8549	65,8	3524,4	97,7	2141,4	93,3	548,5	93,1	8928,3	89,6	251
II. Кооперат. сектор	2297	17,6	63,6	1,8	96,4	4,2	25,6	4,3	639,3	6,4	42
III. Частнокапит. сектор	2166	16,6	18,4	0,5	58,0	2,5	15,1	2,6	398,3	4,0	27
Всего по I—III	13012	100	3606,4	100	2295,8	100	589,2	100	9965,9	100	176

[1] Валовая продукция исчислена по заводскому методу в отпускных ценах трестов без акциза, кроме текстильной продукции, где акциз входит уже в стоимость полупродукта—пряжи.

Как видим, по данным ЦСУ, промышленность союзного значения, включая электростанции, обнимает по числу заведений всего 11,2% общего их числа. Но это наиболее крупные заведения и потому по продукции на ее долю падает до 48% общего итога, а по количеству рабочих и механической двигательной силы даже много больше. Валовая продукция, однако, плохой показатель, потому, что в добывающей промышленности, охваченной почти на сто процентов союзными трестами, она за отсутствием сырья низка, а в обрабатывающей, в зависимости от ценности перерабатываемого сырья, гораздо выше на единицу затраченного труда. А потому лучше исходить непосредственно из количества труда, овеществляемого в той или иной группе предприятий. В таком случае на предприятия союзного значения придется отнести около 52% всей создаваемой в крупной промышленности суммы ценностей.

ЦСУ относит, однако, к разряду промышленных заведений союзного значения несколько более широкий круг фабрик и заводов, чем тот, по которому ведется бухгалтерская отчетность в союзном ВСНХ. Круг предприятий, охваченных нашей сводкой, может быть охарактеризован следующими данными (см. табл. 34).

Эта таблица составлена, главным образом, по статистической отчетности ЦОС ВСНХ [1]. Валовая продукция здесь учитывается так же, как и в ЦСУ, т. е. по заводской оценке в отпускных ценах без акциза за исключением текстильной группы, где очищение от акциза технически затруднительно. По этому признаку наша сводка охватывает лишь около 96% валовой продукции, учтенной по общесоюзной промышленности органами ЦСУ. Наряду с данными ЦОС мы приводим, однако, для сравнения, и бухгалтерский учет валовой продукции (себестоимость плюс прибыль) по тем же 73 трестам. Этот учет включает и акциз, но зато исключает внутритрестовский оборот. В общем итоге при этом прибавка акциза почти уравновешивает исключение внутритрестов-

---

[1] См. „Промышленность СССР в 1925/26 опер. году". М., 1927 т. II и „Ежемесячные стат. бюллетени" ЦОС ВСНХ. По Сахаротресту: „Эконом. итоги работы Сахаротреста за 1925 г." М., 1927. „Материалы по статистике сахарной промышленности за 1925/26 г." М., 1927 и др. Отработанные дни рабочих по Сахаротресту взяты за полный (октябрьский) год. По ЦОС их учтено всего 12 753 тыс., по ЦСУ 13 875 тыс.

ского оборота, но по различным отраслям производства расхождение получается очень солидное.

Особой оговорки заслуживают данные по Сахаротресту. Этот трест почему-то освобожден от обязанности представлять счет производства по тем формам, какие установлены для всех остальных трестов. Кроме того, он добился права составлять свой годовой баланс на 1 января еще тогда, когда все остальные тресты составляли его на 1 октября. Никаких разумных оснований для таких привилегий Сахаротресту указать невозможно. Производство сахара сезонное, начинается с октября, кончается к весне, и в январский срок захватывает все производственные процессы в самом их разгаре. Трест вынужден поэтому фактически все производственные счета приурочивать все же к сезонному, а не к календарному году. И в результате между балансом и счетами производства получается величайший разнобой. Вместе с тем, крайне затруднялась и сводка данных по Сахаротресту с данными по всем остальным производствам. В частности, очень трудно получить сопоставимые данные о затратах труда и результатах производства по Сахаротресту. Еще прискорбнее этот разрыв производственного и отчетного периода сказывается на точности калькуляции. Практика Сахаротреста в этой области сводится к тому, что прямые затраты по производству сахара **за кампанию**, т. е., скажем, за октябрь—февраль, складываются с накладными, исчисленными за **календарный** год, и, стало быть, охватывающими две различные производственные кампании. Накладные расходы по Сахаротресту исчисляются многими десятками миллионов рублей и с каждой кампанией резко возрастают. К каким совершенно нетерпимым искажениям отчетности это должно приводить—понять не трудно. Этот дефект необходимо устранить. А пока, волей-неволей, нам придется пользоваться той отчетностью, какая есть.

Итоги валовой продукции по данным текущей статистики ЦОС не совпадают с данными бухгалтерской отчетности ВСНХ не только вследствие разных методов учета, но и вследствие разного охвата продукции. Бухгалтерская отчетность, в отличие от статистической, охватывает продукцию не только основного производства, но и вспомогательных, напр., продукцию силовых станций, заводского транспорта, ремонтных мастерских и т. д. Бо́льшая часть продукции таких вспомогательных или

Таблица 34

Итоги производства по 73 трестам ВСНХ за 1925/26 г.[1]

Отрасли промышленности	Число трестов	В них действ. завед. (заводов, шахт и т. п.)	Рабочий персонал в среднем за год			Отработано дней (в тысячах)		Продукция в млн. черв. руб.		
			Служащие	Рабочие	Младш. обслуж.	Рабочими	Младш. обслуж. персон.	Заводская оценка без акциза	Трестовск. оценка	
									Без акциза	С акцизом
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Текстильная	22	214	27092	484859	16265	123773	4556	1943,6	1372,3	1450,8
2. Металлическая . . .	23	189	48886	327578	23087	93841	6562	893,8	830,4	830,4
3. Сахарная .	1	145	10377	62672	6336	18332	1645	485,6	351,3	583,8
4. Нефтяная .	4	41	6618	41893	3509	11971	1052	454,8	313,7	313,9
5. Каменноугольная .	5	211	11741	141162	6292	37241	2063	218,8	265,0	265,0
6. Химическая	7	48	4528	29410	1710	7390	477	204,2	204,1	212,4
7. Пищевая .	2	128	2957	10045	821	2620	234	166,9	172,7	544,9
8. Электротехническая .	4	33	5232	25218	1597	6529	444	132,4	138,7	138,7
9. Лесная . .	4	50	1140	12603	960	3429	287	43,7	94,8	94,8
10. Бумажная .	1	10	1254	11434	809	3056	226	39,4	68,3	68,3
Итого .	73	1079	119825	1146874	61386	308182	17546	4583,2	3811,3	4503,0

[1] Данные по Сахаротресту относятся только к основному производству сахара-песка и рафинада, сельхозы, винокуренные и прочие побочные производства не вошли в учет. Расхождение данных о продукции по лесной и бумажной промышленности в гр. 9 и 10 объясняется, повидимому, тем, что в бухгалтерской отчетности (гр. 10) проведены по счету производства собственные лесозаготовки, импортная целлюлоза, бумага и тому подобные статьи.

подсобных производств проходит, конечно, по внутреннему обороту трестов и потому не имеет рыночного значения. Но в известной части она отпускается и на сторону, и в этой части подлежит учету наравне с продукцией основных производственных цехов.

В общих по всей нашей сводке итогах мы имеем такое расчленение производимой трестами к выпуску продукции (см. табл. 35).

Как видим, союзные тресты помимо товаро-материальных ценностей, отпускают на сторону и энергию, и транспортные и ремонтные услуги. Правда, общий их итог, включая сюда и работы по капитальному ремонту собственного имущества трестов, не превышает и 7,5% от общезаводской себестоимости выпуска. Но все же это величина, которую не приходится игнорировать при общем учете промышленной продукции.

Разделение выпуска товарной продукции в приведенной таблице на материалы, полуфабрикаты и готовые изделия чрезвычайно условно, ибо то, что для одного предприятия является готовым изделием, — напр., пряжа для прядильной фабрики,—для другого будет лишь полуфабрикатом—пряжа для прядильно-ткацкой фабрики, или даже только материалом—пряжа для ткацкой фабрики. Больше интереса представляет разделение этих ценностей на потребленные внутри трестов и выпускаемые на сторону. Благодаря внутренним безденежным переходам продукции из одного производственного отделения на другое и с одной фабрики на другую в пределах одного и того же треста, валовой оборот нашей союзной промышленности почти вдвое превышает товарную ее продукцию, выпускаемую на сторону, т. е. через рынок.

Конечно, масштаб внутреннего оборота продукции в промышленности целиком определяется ее организационными формами. В мелкой мастерской кустаря нет никаких внутренних переходов и потому валовой продукт целиком поступает на рынок. На крупной современной фабрике, объединяющей под одной крышей целый ряд последовательных ступеней производства, внутренние переходы гораздо значительнее. А когда, в послереволюционное время, мы трестировали эти фабрики и заводы в огромные производственные комбинаты с безденежным обменом продукции не только внутри отдельных фабрик, но и в пределах всего комбината, то этот внутритрестовский оборот стал еще грандиознее. Вот почему, между

Таблица 35

Выпуск продукции за 1925/26 г. по 73 трестам

(в млн. черв. руб.)

Элементы ценности выпуска	Валовой оборот		В том числе:		
	абс.	в % %	Потреблено в собственном производстве	Реализовано и увеличено запасов: абс.	в % %
1	2	3	4	5	6
А. По заводской себестоимости					
1. Товары и материалы					
а) материалы и отходы	571,9	6,7	494,5	77,4	1,7
б) полуфабрикаты	3003,9	35,1	2783,0	220,9	4,9
в) готовые изделия	2939,6	34,3	296,5	2643,1	58,7
Итого законченной продукции	6515,4	76,1	3574,0	2941,4	65,3
г) прирост неоконч. произв. . .	66,4	0,8	—	66,4	1,5
Итого товаро-матер. продукции	6581,8	76,9	3574,0	3007,8	66,8
2. Энергия своей выработки					
а) электрическая	74,0	0,9	67,4	6,6	0,1
б) паровая и пр.	21,3	0,2	21,3	0,0	0,0
Итого энергии	95,3	1,1	88,7	6,6	0,1
3. Заводской транспорт					
а) по доставке на завод	17,0	0,2	4,5	12,5	0,3
б) внутризаводской	10,3	0,1	9,3	1,0	0,0
в) по вывозу с завода	12,0	0,1	0,1	11,9	0,3
Итого услуг транспорта . . .	39,3	0,4	13,9	25,4	0,6
4. Услуги прочих вспом. цехов					
а) по основному производству .	368,8	4,3	357,0	11,8	0,3
б) по капитальному строител. .	123,2	1,4	0,6	122,6	2,7
в) на сторону	93,7	1,1	13,4	80,3	1,8
Итого услуг	585,7	6,8	371,0	214,7	4,8
5. Прочие статьи	19,2	0,2	16,2	3,0	0,1
Итого заводской себестоим. .	7321,3	85,4	4063,8	3257,5	72,4
Б. Услуги администр. аппарата	69,5	0,8	—	69,5	1,5
В. Услуги торгового аппарата	117,0	1,4	—	117,0	2,6
Г. Прочие счета, не вошед. в калькуляцию .	604,2	7,1	—	604,2	13,4
Полная коммерческая себестоим.	8112,0	94,7	4063,8	4048,2	89,9
Д. Чистая прибыль . . .	454,8	5,3	—	454,8	10,1
Цена продукции	8566,8	100	4063,8	4503,0	100

прочим, надо с особой осторожностью пользоваться такими показателями, как выпуск или „выработка" продукции на одного рабочего при сопоставлении довоенной и современной продукции, частной и обобществленной промышленности и т. д.

Гораздо более сравнимую картину могли бы дать такие сопоставления по валовому обороту продукции. Но, к сожалению, наша статистика не учитывает его обычно вовсе. И только в бухгалтерской отчетности мы находим необходимые элементы для такого учета по госпромышленности. Но за отсутствием в нашем распоряжении бухгалтерской отчетности по частно-капиталистическому сектору, мы не можем использовать валовой оборот для таких сопоставлений. Не лишне будет, однако, отметить, что если весь внутренний оборот продукции по 73 трестам определился по табл. 35 в 4064 млн. черв. руб., то на долю внутризаводского оборота в этом числе, по данным ЦОСа ВСНХ, падает, примерно, 1576 млн. руб. [1] или 39% и, стало быть, на долю внутритрестовского обмена следует отнести остальные 61%. При сопоставлениях с довоенной нетрестированной промышленностью это обстоятельство не следует, во всяком случае, упускать из виду. Заметим еще, что бухгалтерский учет, несомненно, заметно преуменьшает внутренний оборот, оценивая все переходы продукции по цеховой или заводской его себестоимости, т. е. без учета целого ряда накладных затрат и чистой прибыли, тогда как в довоенное время все переходы с одной фабрики на другую совершались через рынок—по полной рыночной расценке.

Исключение внутритрестовского оборота из учета промышленной продукции, свойственное нашему времени, оказывает очень существенное влияние на общую структуру промышленных цен по сравнению с довоенным временем. При одной и той же сумме прибылей или налогов, или затраченного труда и зарплаты эти элементы цены производства возрастают в своем процентном значении в общем итоге стоимости товарной продукции в той же мере, в какой товарный выпуск этой продукции сокращается по отношению ко всей сумме валовой продукции, включая сюда и безденежные внутритрестовские обороты. Процент прибыли в действительном выпуске

[1] Ср. „Промышленность СССР в 1925/26 опер. году", т. II, стр. 4.

по нашей таблице раза в два выше, чем в выпуске валовом. Такое же соотношение получилось бы и по отношению к другим элементам прибавочной ценности и зарплаты, входящим в рыночную цену продукта.

Это очень важно иметь в виду при всех сопоставлениях структуры наших цен с довоенными. В печати уже раздавались жалобы на слишком значительное у нас возрастание зарплаты в цене продукта по сравнению с довоенными нормами. А между тем, это наблюдение отражает в себе, прежде всего, вполне естественный результат иной организации промышленности и иных методов учета. Процессы обобществления в нашем хозяйстве, между прочим, сказываются и в том, что с возрастанием роли трестов и комбинатов в нашем производстве из рыночного оборота выпадает все бо́льшая доля материалов и прочих средств производства. Масса средств производства и ныне уже обращается у нас внутри наших трестов в плановом порядке, без участия рынка. И это неизбежно должно сказаться на строении цен остальной продукции, поступающей на рынок. Тенденция возрастания доли вновь созданной ценности $(m+v)$ по отношению к ценности перенесенной (c) в цене производства продукции, поступающей на рынок, с ростом социализации оборота средств производства, представляет собою совершенно неизбежный закон переходного периода к полному осуществлению социализма и полному исчезновению рыночного оборота.

По отдельным отраслям производства состав выпуска выражается в следующих цифрах (см. табл. 36).

Наибольшее расхождение между валовым оборотом и выпуском мы находим в текстильной промышленности. На втором месте следует металлическая, затем—лесная, нефтяная и т. д. На последнем месте стоят пищевые тресты. Но нужно отметить, что сюда вошли только два производства—чаеразвесочное и спиртоочистительное. Если бы очистка спирта и разлив были объединены в одном тресте с его производством, то, конечно, и здесь внутренний оборот выразился бы совсем иными цифрами.

В отношении трестовских расходов нужно иметь в виду, что в них учтено не только содержание трестовского аппарата, но и акцизы, налоги и тому подобные накладные расходы, причем в одних трестах они проходят большей частью по общезаводским, в других — по

Выпуск продукции 73 трестов за 1925/26 г.

Элементы ценности выпуска	Текстильная пром. (22 треста)	Металлическ. пром. (23 треста)	Лесная (4 треста)
1	2	3	4
I. Валовой оборот			
1. Товары и материалы	3023199	1682622	116684
2. Энергия своей выработки	27610	29003	1753
3. Заводской транспорт	7242	13327	3193
4. Услуги прочих цехов	182931	156254	3727
5. Прочие статьи	643	17912	—
Итого по заводской себестоим.	3241625	1899118	125357
II. Внутренний оборот			
а) в тысячах	2096520	1155142	64177
б) „ %% валового оборота	64,7	60,8	51,2
III. Действительный выпуск			
1. Товары и материалы	1105023	682453	56931
2. Энергия своей выработки	322	1466	15
3. Заводской транспорт	2440	11372	3051
4. Услуги прочих цехов	36801	46399	1198
5. Прочие статьи	519	2286	—
Итого по заводской себестоим.	1145105	743976	61195
6. Трестовские расходы:			
а) административные	16142	10979	2817
б) торговые	30744	16220	8830
в) прочие счета	49530	26819	26264
Итого	96416	54018	37911
7. Прибыль или убыток	209259	32441	— 4242
Цена продукции	1450780	830435	94864

Таблица 36

по отраслям производства (в тыс. руб.)

Нефтяная (4 треста)	Бумажная (1 трест)	Химическая (7 трестов)	Электротехническ. (4 треста)	Угольная (5 трестов)	Сахарная (1 трест)	Пищевая (2 треста)
5	6	7	8	9	10	11
319366	49090	223110	123656	254992	674475	114672
8906	8473	1598	1315	16622	—	—
4400	1296	499	—	6885	2502	—
102728	4178	24154	34952	57612	19052	5
—	—	100	—	—	477	65
435400	63037	249461	159923	336111	696506	114742
203360	29302	98523	60124	112425	226007	18262
46,7	46,4	39,5	37,6	33,5	31,8	15,9
173824	31331	145323	84978	160991	470499	96415
92	20	18	868	3825	—	—
827	332	499	—	6883	—	—
57297	2052	4998	13953	51987	—	—
—	100	100	—	—	—	65
232040	33735	150938	99799	223686	470499	96480
4903	1592	4193	3222	3040	17093	5508
2532	7892	12619	9522	2729	6059	19883
18606	6967	15145	5149	22155	48662	384941
26041	16451	31957	17893	27924	71814	410332
55814	18068	29456	21040	13401	41438	38115
313895	68254	212351	138732	265011	583751	544927

трестовским счетам, и потому без дальнейшего расчленения на элементы не дают сопоставимой картины.

В отношении веса „услуг“ в общем итоге выпуска продукции на первом месте стоит нефтяная и угольная промышленность. Здесь в это понятие входят работы по бурению и т. п. разведочные и подготовительные работы за счет капитальных затрат, которые могут быть полностью амортизированы лишь в течение ряда лет, но полная ценность которых подлежит учету уже в год производства. В нефтяной промышленности на „услуги“ такого рода падает до 25% общего выпуска продукции, в каменноугольной промышленности—23%, во всех остальных этот процент не поднимается выше 6% за исключением электротехнических трестов, где за счет монтажных работ доля „услуг“ в общей продукции поднимается до 14%.

3. СОСТАВ ИЗДЕРЖЕК ПРОИЗВОДСТВА

Разбивка издержек производства на главнейшие элементы в отчетности трестов дается по следующей схеме [1]. Элементы подсчитываются особо по каждому основному производству, т. е. изготовляющему фабрикаты или полуфабрикаты, напр., в льняных трестах особо по чесальному, прядильному, ткацкому и красильно-отбельно-отделочному. Затем точно так же особой строкой они даются по каждому подсобному производству, напр., по ремизобердному, рисовально-насекальному, лаборатории, краскотерке, лаковарке и т. д. Затем следуют элементы издержек по всем вспомогательным (обслуживающим) цехам, к которым относятся, прежде всего, разные ремонтные мастерские, силовые станции, водоснабжение и заводской транспорт всех видов. Кроме того, в некоторых трестах имеются еще так наз. побочные, утилизационные и т. п. особые производства, напр., торфяные и лесные разработки, совхозы, мельницы и т. д. К сожалению, эта классификация производств и цехов недостаточно еще разработана ВСНХ и в разных трестах понимается по разному. В нашей сводке мы все эти цеха и производства объединяем в одной строке „основных затрат“. Исключили мы отсюда целиком только совхозы Сахаротреста, по которым имеется особый счет производства.

---

[1] См. форму № 19 по формулярам 1925/26 г., ныне форма № 11.

Затем в отчетности трестов следуют в разбивке на элементы вторым разделом так наз. комплексно-распределительные счета: цеховые, общезаводские расходы, текущие ремонты, начисления на зарплату, накладные на рабсилу и пр. Эти счета мы тоже вынуждены были использовать лишь в общих итогах, так как не по всем трестам имелось надлежащее их разделение.

В общей сумме итоги затрат по I и II разделам, за исключением той части их, которая составляет внутренний оборот ценностей в производстве, составляют заводскую себестоимость продукции. А с прибавкой административных и торговых расходов треста и некоторых других затрат, не включенных по разным причинам в заводскую себестоимость, получаем так наз. полную коммерческую себестоимость продукции треста (см. табл. 37).

Приведенная разбивка не отличается особой точностью. Несмотря на наличность подробно разработанных инструкций ВСНХ, далеко не все тресты справились удовлетворительно с предложенной им задачей. Заполнение некоторых граф в соответствующей форме зачастую явно неудовлетворительно, с недопустимыми пробелами и балансовыми неувязками. Но в общих итогах по всем трестам эти мелкие дефекты и пробелы едва ли могут существенно сказаться.

Основная особенность нашей советской отчетности об издержках производства заключается в том, что издержки на оплату труда выделяются и учитываются в ней по всем счетам с особенной тщательностью и почти исчерпывающей полнотой. В отчетности довоенной капиталистическая бухгалтерия отнюдь не ставила себе такой задачи. Интересуясь в своих калькуляциях в гораздо большей мере технико-экономическими, чем социальными моментами, старый калькулятор выделял особо зарплату лишь производственных цехов, отнюдь не разлагая на элементы такие комплексные счета, как счет текущего ремонта и целый ряд других. А в нашей сводке мы могли совсем обойтись, скажем, без статьи „текущий ремонт", поскольку он целиком разложен на свои составные элементы—зарплату, материалы, топливо и т. д. Правда, в этой сводке остаются все же такие статьи, как энергия и транспорт, которые при наличии собственной продукции энергии и транспортных услуг в свою очередь разлагаются на зарплату, материалы и

Издержки производства з

(в млн

Элементы затрат	Заводская себе			
	Основные затраты	Цеховые общезаводские, ремонт и пр.	Ито	
			Валовые затраты	
1	2	3	4	
1. Материалы				
а) основные	1105,5	36,4	1141,9	
б) вспомогательные	247,1	51,7	298,8	
в) прочие	136,7	27,1	163,8	
г) полуфабрикаты и пр.	3152,3	12,5	3164,8	
д) сокращ. неоконч. произв.	0,4	—	0,4	
Итого	4642,0	127,7	4769,7	
2. Топливо	259,6	19,3	279,2	
3. Энергия	53,6	45,8	99,4	
4. Транспорт	23,6	6,2	29,8	
5. Услуги друг. производств.	229,4	205,6	435,0	
6. Амортизация	117,8	71,0	188,8	
7. Страхование	4,1	5,7	9,8	
8. Зарплата	604,5	225,4	829,9	
9. Начисления на зарплату	—	133,6	133,6	
10. Накладные на рабсилу	—	54,5	54,5	
11. Акцизы	—	288,7	288,7	
12. Налоги и сборы	—	35,7	35,7	
13. Рента и пр.	20,9	27,6	48,5	
14. Проценты	—	—	—	
15. Прочие денежные расходы	81,4	37,3	118,7	
Итого	6037,2	1284,1	7321,3	

Таблица 37

…1925/26 г. по 73 трестам ВСНХ

…ерв. руб.)

…тоимость		Административные расходы	Торговые расходы	Прочие	Всего (гр. 6, 7, 8, 9)	
…о						
Внутренний оборот	Действ. затраты				В млн. руб.	В %% к итогу
5	6	7	8	9	10	11
322,9	819,0	—	—	—	819,0	20,3
71 1	227,7	—	—	—	227,7	5,6
43,5	120,3	4,1	3,0	0,2	127,6	3,1
3046,0	118,8	—	—	—	118,8	2.9
—	0,4	—	—	—	0,4	0,0
3483,5	1286,2	4,1	3,0	0,2	1293,5	31,9
106,0	73,2	0,2	0,4	—	173,8	4,3
89,1	10,3	0,3	0,7	—	11,3	0,3
10,7	19,1	5,5	16,5	82,2	123,3	3,1
372,1	62,9	1,9	7,7	4,0	76,5	1,9
—	188,8	0,9	0,8	49,1	239,6	5,9
—	9,8	0,1	0,1	0,0	10,0	0,2
—	829,9	24,5	22,2	13,0	889,6	22,0
—	133,6	5,1	4,2	5,0	147,9	3,6
—	54,5	2,0	1,3	5,5	63,3	1,6
—	288,7	0,2	21,2	382,0	692,1	17,1
—	35,7	14,6	26,0	4,6	80,9	2,0
—	48,5	2,6	6,4	10,8	68,3	1,7
—	—	—	—	42,2	42,2	1,1
2,4	116,3	7,5	6,5	5,6	135,9	3,3
4063,8	3257,5	69,5	117,0	604,2	4048,2	100

прочие элементы. Но в нашей сводке под этими статьями — в графе действительный расход — значатся лишь неразлагаемые на элементы остатки соответствующих счетов, т. е. прежде всего денежная оплата покупной энергии, чужого транспорта и т. д.

Такие же остатки показаны у нас и по счетам начислений на зарплату и накладных расходов на рабсилу. Дело в том, что по счету начислений проходят не только взносы на соцстрах, но и стоимость содержания культурно-просветительных учреждений при заводе и, прежде всего, школ фабрично-заводского ученичества, амбулаторий, завкомов и т. п. Таким образом, эти „начисления" сами распадаются в значительной части на зарплату, материалы и прочие элементы. Подобно этому в накладные затраты на рабсилу помимо других статей входит содержание, отопление и освещение рабочих жилищ, оплата труда практикантов, не участвующих в производстве, оплата простойных дней и т. п. затраты, в свою очередь разлагающиеся на материалы, зарплату и прочие элементы. Вполне естественно поэтому, что то соотношение между зарплатой и начислениями, какое у нас получается в таблице в результате разложения всех счетов на составные элементы, совсем не похоже на то, какое вытекает непосредственно из установленных норм начислений.

По статье „услуги других производств" в нашей сводке учитывается, прежде всего, оплата всякого рода подрядных работ по ремонту, монтажные работы, осуществляемые чужим персоналом, и т. п. затраты. Такого рода „услугами" обмениваются между собой, конечно, и отдельные цеха собственных заводов каждого треста. Но в этой части они составляют внутренний оборот предприятия и не проводятся по графе действительных затрат.

Во всяком случае „услуги других производств", точно так же, как энергия и транспорт в издержках производства даются в значительно более низких цифрах, чем они показаны в итогах выпуска, так как здесь они уже очищены от таких элементов, как зарплата, материалы и пр., поскольку мы имеем дело с внутренним производством услуг одних цехов данного предприятия другим. Нужно заметить, что термин „услуги" охватывает по инструкции ВСНХ все элементы выпуска продукции и перемещения ее из одного производства

в другое за исключением переброски реальных товарно-материальных ценностей—готовых изделий, полуфабрикатов и т. д. [1] Иными словами, под услугами здесь понимаются такие результаты трудовых затрат, которые, представляя собою несомненную производственную и меновую ценность, не приобретают все же такой товарно-материальной оболочки, в которой они могли бы длительно сохраняться на складе, перевозиться с места на место, быть самостоятельным объектом купли-продажи и т. д. Конечно, все эти услуги материализуются, в конце концов, в том или ином виде. Например, ремонтные услуги и монтажные работы увеличивают собою ценность заводского оборудования или погашают его изнашивание. Транспортные услуги включаются в цену готового продукта и т. д. Но, кристаллизуясь при этом с точки зрения производителей таких услуг всегда в чужом продукте, они реализуются или проводятся по книгам при внутризаводских расчетах, как лишенные всякой материально-товарной оболочки трудовые затраты.

Кстати сказать, с точки зрения инструкции ВСНХ, к числу „услуг" относится и электрическая энергия. Это едва ли правильно. Конечно, энергию нельзя сохранять и накоплять на товарных складах обычного типа. Но теоретически это вполне осуществимо при наличии специальных аккумуляторов энергии. Во всяком случае затраты механической энергии в издержках производства играют совершенно иную функцию, чем трудовые затраты. Первые только переносят свою ценность на изготовляемый продукт, а вторые—создают новую ценность. Впрочем эта ошибка терминологии в инструкции не имеет для нас особого значения, так как энергия учитывается в издержках производства как совершенно самостоятельный элемент.

Центральную трудность при составлении этой сводки составляет выделение внутреннего оборота по каждому элементу издержек в отдельности. При определении действительного выпуска выделить внутреннее потребление отдельных видов продукции из валового их оборота гораздо проще. Но там бухгалтерия дает нам лишь общую оценку потребленного в производстве полуфаб-

[1] Формы бухгалтерской годовой отчетности для трестов, синдикатов и т. д., стр. 166 и сл. М., 1927.

риката, энергии или услуг без расчленения их на элементы. Поясним это примером. Допустим, что мы имеем дело с прядильно-ткацкой фабрикой. Пусть нам дано, что на 73,8 млн. руб. пряжи по себестоимости пошло в переработку на той же фабрике и на 26,2 млн. руб. выпущено на рынок. В суммарном счете производства по всей фабрике будет тогда в графе материалов стоять и весь хлопок, приобретенный со стороны, и пряжа собственного производства на 73,8 млн. руб. Эта пряжа составляет внутренний оборот. Но ее необходимо разложить на элементы. И это делается согласно инструкции ВСНХ, исходя из допущения, „если сумма элементов участвует в производстве в размере 73,8%, то и каждое слагаемое (элемент) в отдельности участвует в производстве в том же размере“ [1].

Такое гипотетическое допущение, конечно, далеко от достоверности. Если, скажем, я перерабатываю у себя на фабрике низкие номера пряжи, а продаю высокие, то в первых у меня будет преобладать элемент „материалов“, а во вторых—„зарплата“. И, стало быть, по счету пряжи на производство тканей следовало бы снести материалов больше 73,8%, а зарплаты меньше этой нормы. Такого же рода погрешности неизбежны и при отнесении на производство тех или иных элементов через посредство счета текущих ремонтов, цеховых, общезаводских и тому подобных „собирательно-распределительных“ счетов. Весьма сложная шахматная корреспонденция этих счетов позволяет в общих итогах определить сумму внутреннего оборота затрат, но в отношении разбивки их на элементы дает, по признанию самих составителей инструкции, только „приближенный ответ“ [2].

При разбивке на элементы административных и торговых расходов применительно к данной таблице мы условно относили возобновление мелкого инвентаря и канцелярские расходы на „материалы“, отопление—на „топливо“, освещение—на „энергию“, водоснабжение и канализацию, типографские расходы, текущий ремонт, уборку и охрану помещений, хранение товаров — на „услуги“, содержание транспорта, провоз и доставку, разъезды и командировки—на „транспорт“.

---

[1] „Формы бухгалтерской годовой отчетности“, стр. 173.
[2] Там же, стр. 174.

Некоторые элементы расходов, напр., амортизацию, акцизы и налоги и в особенности рентные статьи (попенщина, плата за недра, арендная плата и пр.), мы имели возможность проверить и исправить по специальным счетам трестовской отчетности.

В отношении расходов по оплате чужого транспорта, приведенные в таблице итоги заведомо неполны, так как по многим трестам издержки по доставке материалов включаются в стоимость последних и не показываются особыми статьями.

В статье „проценты" нами учтено сальдо результатов по кредитным операциям трестов, считая в приходе проценты, полученные за кредит, а также проценты и дивиденды от имеющихся в портфеле треста ценных бумаг, а в расходе—проценты уплаченные и потери по безнадежным долгам.

Если к очищенным от повторного счета издержкам производства прибавить чистую прибыль трестов, то получим полную рыночную цену соответствующей продукции (см. табл. 38).

Предложенная таблица представляет собою результат огромного труда учетно-бухгалтерского персонала нашей промышленности. Но, в общем, все же это еще в достаточной степени сырая работа, нуждающаяся в углубленном экономическом анализе и в целом ряде расшифровок. Нам предстоит еще рассмотреть, как распадаются перечисленные элементы цен продукции на $c + v + m$, какими величинами может быть выражена для разных производств и всей промышленности в целом норма „прибавочной ценности" и норма прибыли, каково соотношение между трудовыми затратами и ценой производства в разных отраслях промышленности, за счет каких именно элементов и в какой мере создаются у нас наличные отклонения цен от ценностей и целый ряд других, относящихся к данной сфере экономических проблем.

Употребляя здесь и ниже условно понятия прибавочная ценность, прибавочный труд, капитал и т. п. термины капиталистической экономики мы не должны, конечно, упускать из виду той внутренней трансформации их содержания, какую они переживают у нас в эпоху строющегося социализма. „Устранение капиталистического способа производства,—как это предвидел уже Маркс,—позволит ограничить рабочий день необхо-

Структура промцен за 1925/26 г. по главнейши[м

(73 треста в

ОТРАСЛИ / ЭЛЕМЕНТЫ ЗАТРАТ	Текстильная	Металлическая	Лесная	Нефтяная
1	2	3	4	5
1. Материалы:				
а) основные	398680	158640	4324	1744
б) вспомогательные	71992	51634	1864	17999
в) прочие	46068	25506	1496	15820
г) полуфабрикаты и пр.	47903	17571	62	2556
д) сокращение остатка неокончен. производств	—	—	—	—
Итого материалов	564643	253351	7746	38119
2. Топливо	24238	94324	933	18349
3. Энергия	5024	2661	55	23
4. Транспорт	8239	7764	16758	12489
5. Услуги других производств	12971	8393	874	9186
6. Амортизиция	70371	45035	2142	73966
7. Страхование	3533	3121	325	101
8. Зарплата	306951	273192	26087	46542
9. Начисления на зарплату	63531	30703	6436	11750
10. Накладные на рабсилу	22215	14335	727	7066
11. Акцизы	78584	12	7	245
12. Налоги	28253	10117	3126	7238
13. Рента и пр.	4481	5460	24142	21372
14. Проценты	4698	10889	5503	782
15. Прочие денежные расходы	43789	38636	4745	10853
Итого затрат	1241521	797994	99106	258081
16. Прибыль или убыток	209259	32441	— 4242	55814
Цена продукции	1450780	830435	94864	313895

Таблица 38

...раслям общесоюзной промышленности

(...с. черв. руб.)

Бумажная	Химическая	Электротехническая	Угольная	Сахарная	Пищевая	Итого
6	7	8	9	10	11	12
4458	45312	39150	2225	134167	30283	818983
4392	26307	28	28297	19057	6115	227685
2989	11994	4272	4504	11999	2945	127593
172	5387	2800	70	—	42278	118799
—	214	—	—	—	226	440
12011	89214	46250	35096	165223	81847	1293500
934	4835	1784	9139	17959	1299	173794
25	1609	1127	387	49	318	11278
11723	5662	1870	13865	31215	13665	123250
380	9224	1029	24707	7338	2335	76437
2726	6580	5158	16142	14707	2796	239623
167	553	363	280	1410	156	10009
12493	34650	39678	97803	35550	16689	889635
2602	6822	3448	13115	6131	3364	147902
355	2590	1632	10995	2408	1526	63349
—	8334	—	—	232471	372486	692139
2597	5101	3136	3004	12446	5898	80916
1625	1526	794	6067	999	1821	68287
90	— 69	2991	6264	11276	— 228	42196
2458	6264	8432	14746	3131	2840	135894
50186	182895	117692	251610	542313	506812	4048210
18068	29456	21040	13401	41438	38115	454790
68254	212351	138732	265011	583751	544927	4503000

димым трудом. При этом, однако, при прочих равных условиях, необходимый труд должен расширить свои рамки. С одной стороны, условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного запасного фонда и фонда накопления" (К. Маркс, Капитал, т. I, гл. XV, стр. 510, Гиз, 1923). Таким образом и прибавочный продукт, и прибавочная ценность явно отживающие понятия. Деление вновь созданной ценности на $U+m$ в прежнем значении этих обозначений теряет свое социальное содержание классового распределения народного дохода. На смену ему уже теперь приходит иное подразделение по линии потребления и накопления. Однако, с учетом такой трансформации понятий деление вновь созданной за каждый производственный период ценности на „фонд потребления" рабочей силы (v) и „фонд накопления" (m), включая сюда и общественные резервы, сохраняет для экономического анализа процессов ценообразования свой интерес и в новом значении.

Конечно, отношение $m:v$ уже теперь следовало бы переименовать, назвав его вместо нормы прибавочной ценности нормой накопления, прежний необходимый продукт можно бы назвать фондом потребления, „прибавочный" — фондом накопления и т. д. Но пока эти термины не приобрели права гражданства приходится прибегать и к старым.

Приведенный выше материал, несмотря на его дефекты, представляет на наш взгляд огромный интерес. Заметим лишь, что при расчленении отдельных элементов мы не всегда в точности следовали за показаниями первичных материалов. Так, напр., в отдельных трестах в графу „налогов и сборов" включались и подоходный налог, и отчисления в ОДК, и соцстрах, и плата за недра, и многие другие весьма разнородные вещи. Везде, где это было возможно, мы проверяли такие сборные статьи и расчленяли их согласно требованиям более рациональной классификации. В частности, особое внимание уделялось нами статьям рентного характера, которые представляют специфический интерес в наших условиях и которые тем не менее были потоплены частью в налоговых сборах, частью в „прочих

денежных расходах", а частью, напр., в отношении попенной платы, т. е. лесной ренты,—даже в стоимости „материалов". Тщательной чистке подвергалась нами и категория чистой прибыли, под которой мы понимаем здесь сальдо прибылей и убытков по разным трестам до всяких отчислений из прибылей в подоходный налог, в разные резервные фонды, в фонд улучшения быта рабочих и т. п. Наименее надежны наши данные, даже после поправок, по Сахаротресту, поскольку он освобожден от представления сводного счета производства и дает лишь отдельные элементы для составления такой сводки.

4. АНАЛИЗ СОСТАВА ЦЕН

Экономический анализ цен ставит своей задачей, прежде всего, достаточно четкое выделение из общей массы учтенной валовой продукции тех ее элементов, которые только воспроизводят собою затраты ранее накопленных основных и оборотных фондов, от тех, которые образуют собою вновь созданную ценность. Абстрактная экономическая теория дает нам в этом отношении лишь общее указание, что к числу первых следует относить потребленные в производстве „основные и оборотные части" постоянного капитала, в частности, „снашивание средств труда", т. е. амортизацию и „материалы", а ко вторым—оплату живой рабочей силы, занятой в производстве, и прибавочную ценность, которая, в свою очередь, „распадается на различные подчиненные формы: процент на капитал, земельную ренту, налоги и т. д." [1] Но в конкретной экономике мы всегда наталкиваемся на целый ряд таких элементов, экономическая природа которых с указанной точки зрения далеко не ясна и которые поэтому могут быть уложены в столь простую схему подразделений лишь с допущением известных условностей и оговорок.

В самом деле, начнем хотя бы с материалов. В это понятие „материалов" мы без всяких колебаний можем включить и топливо. Электрическую энергию уже труд-

[1] Карл Маркс. Капитал, т. III, ч. 1, стр. 7—23. ГИЗ, 1923. В другом месте читаем: „Стоимость товара равна стоимости заключающегося в нем постоянного капитала плюс стоимость воспроизведенного в нем переменного капитала плюс приращение этого переменного капитала, произведенная прибавочная стоимость". Там же, стр. 128.

нее подвести под рубрику „материалов", так как понятие энергии противополагается понятию материи. Однако, это только физическое, а не экономическое противоположение. И мы не придаем ему существенного значения. Но вот с элементом „услуг" дело обстоит менее бесспорно.

Имея в виду, что едва ли не все затраты, связанные с транспортными и всякими иными „услугами других производств" подлежали бы по сути дела включению в стоимость тех или иных потребленных в производстве материальных ценностей, мы склонны считать и их наряду с „материалами" в числе издержек, лишь воспроизводящих в цене продукта свою стоимость. К этому как-будто обязывает и другое соображение. Мы не должны допускать двойного учета вновь созданной ценности, а это было бы неизбежно, если бы мы „услуги других производств", фигурирующие уже однажды в выпуске этих производств зачли во вновь созданную ценность и по тем производствам, где они учитываются в издержках производства. Скажем, один цех производит ремонт, монтажные, буровые или иные работы, а другие их используют. Очевидно, что новая ценность, создаваемая такого рода работами или услугами должна учитываться только один раз—по месту их производства. И, стало быть, там, где их потребляют, они могут лишь воспроизводить свою стоимость.

Несколько особо стоит вопрос о так наз. „прочих денежных расходах". Поскольку из них исключены уже и материалы, и зарплата, и все элементы прибавочной ценности, в них, повидимому, не содержится ничего иного, кроме оплаты тех или иных „услуг". И, действительно, туда включены все почтово-телеграфные расходы, т. е. услуги связи, содержание ревизионных комиссий, охрана консервированных заводов, расходы по рекламе и всякие иные денежные затраты того же рода. В общем подавляющую долю этих затрат составляет оплата чьей-либо деятельности. Но это деятельность персонала, постороннего по отношению к составу рабочих и служащих отчетных производств и потому оплата его услуг не может пройти по зарплате этих производств. Вместе с тем, это в большинстве своем услуги таких учреждений или лиц, продукция которых нигде не учитывается. Спрашивается, как же рассматривать издержки по оплате такого рода услуг: как общественно-необходимые эксплo-

атационные затраты постоянного капитала, требующие своего возмещения в цене продукта, или как простой вычет из прибавочной ценности? Иначе говоря, куда их отнести: к c или к m?

Это сомнение связано с некоторой неясностью самого понятия услуг в нашей экономической литературе. Существует мнение, высказанное, напр., недавно тов. Жмудским [1], что понятие всякой услуги тождественно с понятием непроизводительного труда, т. е. такого труда, который обменивается на личный доход, а не на капитал. Такого рода услуги представляли бы собой, конечно, только известную потребительскую ценность для их приобретателя, и затраты на их оплату можно было бы рассматривать лишь как известный вычет из его дохода, будь то зарплата, рента или прибыль. Но такое отождествление понятия всякой „услуги" с „непроизводительным трудом" едва ли может быть разумно обосновано.

Что такое услуга? В самом общем смысле этого слова услугой называют всякую полезную деятельность или работу, поскольку она платно или бесплатно отчуждается, т. е. оказывается другому лицу или коллективу. Труд по самообслуживанию или в своем собственном производстве не может быть назван услугой, ибо услуга всегда предполагает известное двухстороннее социальное отношение. Труд, уже овеществленный в момент отчуждения в товаре, тоже не подходит под понятие услуг. Услуга предоставляется всегда в форме деятельности, а не готовой вещи, хотя это отнюдь не мешает овеществлению тех или иных услуг в процессе их использования. Услуги повара овеществляются в изготовленном им обеде, но услугой и здесь мы называем только труд по изготовлению обеда, а не самый обед. С этой точки зрения услуги всегда нематериальны. Тем не менее, их можно рассматривать как товары. „Для производителей этих услуг, — говорит К. Маркс,—они являются товарами. Они имеют определенную потребительную ценность (воображаемую или мнимую) и определенную меновую ценность" [2]. Однако,

[1] Л. В. Жмудский. Цена и стоимость на транспорте. Экон. Обозр., 1928, № 4.

[2] Карл Маркс. Теории прибавочной ценности, стр. 168. Киев, 1907. Эта ценность услуг, даже непроизводительных, определяется по Марксу так же, как и для производительных: „Именно—издержками производства, которых стоит поддержание или производство их", стр. 169.

одни и те же услуги могут быть использованы и для производственных целей, и для личного потребления. И если в первом случае, обмениваясь на деньги-капитал, они представляют собою меновую ценность для обеих сторон, во втором они обмениваются непосредственно на личный доход потребителя, и в этом последнем случае для покупателя представляют собою уже только потребительную ценность.

Это подразделение услуг на личные и производственные имеет для нас решающее значение, ибо „непроизводительным трудом"—согласно экономической теории—является лишь такой труд, „который производит личные услуги"[1]. Тов. Жмудскому, безнадежно запутавшемуся в своих, якобы, теоретических построениях, следовало бы обратить большее внимание на это указание. Для Маркса отнюдь не всякая услуга является непроизводительным трудом. По Марксу „разграничение производительного и непроизводительного труда... основывается единственно на том, обменивается ли труд на деньги, как деньги, или на деньги, как капитал". Характер труда или род профессии лиц, оказывающих услуги, не имеет в этом отношении никакого значения. „Напр., повара и кельнеры в гостинице являются производительными рабочими, поскольку их труд превращается в капитал для владельца гостиницы. Но эти же лица оказываются непроизводительными рабочими, как домашняя прислуга, поскольку я не делаю капитала из их услуг, а трачу на них свой доход. Следовательно, в действительности, те же самые лица в гостинице будут для меня, для потребителя, непроизводительными рабочими". У Маркса не возникает никаких сомнений, что помимо личных услуг, обмениваемых на доход, бывают и такие услуги, которые обмениваются на капитал и, стало быть, являются производительным трудом. „Если,—говорит он,—часть так наз. непроизводительного труда воплощается в материальных потребительных ценностях, которые могли бы быть и товарами, то, с другой стороны, часть услуг, не принимающих никакой объективной формы, которые не имеют предметного вида, не существуют отдельно от лица, выполняющего услугу, а также и не входят как составная часть ценности в какой-либо товар, — может покупаться на ка-

[1] Карл Маркс. Теории прибавочной ценности, стр. 180. Разрядка наша.

питал (непосредственным покупателем труда), возмещать свою собственную заработную плату и доставлять прибыль"[1].

В свете этих указаний следует признать, что элемент „прочих денежных расходов", представляющий оплату услуг производству со стороны, т. е. услуг, обмениваемых на капитал, по общему правилу, независимо от характера этих услуг, не может рассматриваться как простой вычет из прибыли. Эти затраты оборотного капитала должны найти свое возмещение в рыночной цене продукта на таких же основаниях, как и материалы, т. е. в порядке полного воспроизводства в продукте ценности затраченных услуг и материалов,—без всякого ущерба для нормальной рентабельности предприятий. Это ясно уже из того, что если бы те или другие из сторонних услуг производству, напр., затраты на рекламу, не окупались бы целиком, понижая прибыль какого-либо предприятия ниже средней нормы, то хозяйственный расчет предпринимателя не позволил бы ему длительно ими пользоваться. Мы говорим здесь лишь об услугах, получаемых предприятием со стороны, ибо услуги, оказываемые производству своим персоналом, как выше указано, способны не только возмещать произведенные затраты, но и создавать новую ценность.

В условиях капиталистической экономики всякие трудовые затраты и физического, и умственного труда, независимо от того, овеществляются ли они в товаре или нет, производительны, поскольку они обеспечивают предпринимателю, т. е. создают ему или сохраняют на известном уровне определенную норму прибыли; этим все определяется. Всякие трудовые затраты вообще и всякие услуги в частности, поскольку они необходимы капиталистам в целях извлечения прибыли, производительны, и если они приобретаются со стороны, их воспроизводство в постоянной части капитала само собою подразумевается. Но в условиях советской экономики критерий рентабельности тех или иных затрат не может уже играть столь решающей роли. В наших условиях производительным придется, очевидно, считать не тот труд, который необходим с точки зрения интересов капитала, а тот, который признается общественно-необходимым, хотя бы в создаваемой им

[1] Карл Маркс. Теории прибавочной ценности, стр. 276, 168, 175.

ценности он лишь окупал издержки своего воспроизводства без всякой прибыли. Этот новый критерий, с одной стороны, расширяет категорию производительного труда, а с другой, несомненно, ее суживает, ибо далеко не всякие услуги, создающие прибыль предпринимателю, общественно-необходимы. Извлечению прибыли могут служить и „услуги" рекламбюро и даже „услуги" проституток какого-нибудь по-капиталистически организованного лупанария. Но мы отнюдь не склонны признать их по этой причине общественно-необходимыми.

В условиях социалистического хозяйства станут излишними и отпадут и целый ряд торговых операций, и реклама, и многое другое. Уже и теперь мы очень сомневаемся в производительности услуг тех поэтов, которые кормятся вокруг наших социалистических трестов, снабжая их своими дурацкими рекламами в духе известной формулы: „Нигде кроме, как в Моссельпроме". Но если даже вытравить из р е к л а м ы то, что в нее привносится чуждым нам капиталистическим духом соперничества во имя наживы, то все же останется и н ф о р м а ц и я о тех или иных видах продукции, их назначении, способах использования и т. д., общественной необходимости которой нельзя отрицать даже при социализме. Стало быть, и реклама представляет собою в наших условиях излишество лишь в той мере, в какой она выходит за рамки добросовестной деловой информации. Эти и з л и ш е с т в а мы, несомненно, должны были бы относить к непроизводительным затратам, подобно затратам на благотворительные цели и тому подобные нужды, совершенно чуждые производственным задачам поедприятий. Их-то уж, во всяком случае, следовало бы рассматривать при анализе издержек производства как простой вычет из прибавочной ценности. Но, к сожалению, состояние наших отчетных материалов не позволяет нам произвести столь тонкого расчленения этих издержек. И мы условно относим все „прочие денежные расходы" за счет воспроизводства постоянного капитала, хотя весьма вероятно, что в известной доле их следовало бы отнести и за счет переменного капитала или прибавочной ценности. Возможная ошибка здесь едва ли велика, ибо и вся-то сумма учтенных нами издержек по указанной сборной статье не превышает 3% цены продукции.

Отнесение амортизации к воспроизводимой части постоянного капитала не вызывает сомнений. Под сомне-

нием здесь может быть лишь точность исчисления износа амортизируемого имущества. По нашему мнению, действующие у нас нормы амортизации заведомо преувеличены. А это означает, что, относя амортизацию в преувеличенном исчислении к перенесенной ценности постоянного капитала, мы тем самым, несомненно, в известной мере преуменьшаем долю вновь созданной ценности вообще и прибавочной ценности в частности. Но по столь же преувеличенным нормам амортизации, как наши, учитывается износ имущества и во всем капиталистическом мире. Наши ошибки в этом отношении не мешают во всяком случае сравнимости наших данных с иностранными.

Затраты по страхованию имущества играют в издержках производства совершенно аналогичную роль с амортизационными отчислениями. Они призваны создать фонд восстановления имущества на случай его гибели. Разница только в том, что страхование имущества от огня или наводнений представляет собою страховку от внезапной гибели имущества вследствие стихийных бедствий, тогда как амортизация страхует нас от хронически накапливающейся по мере изнашивания гибели этого же имущества. Если бы имущество не страховалось от огня, то нам все равно пришлось бы учитывать в издержках производства по той же статье противопожарные меры и пожарные убытки. С другой стороны, можно было бы и наоборот, наряду со страхованием от огня, организовать и специальное страхование от износа имущества. Тогда страхующие органы за известную ежегодную ставку оплачивали бы периодически капитальные ремонты, а через определенное число лет и полную восстановительную стоимость ликвидируемых за негодностью предприятий. Таким образом, оплата услуг по страхованию так же, как и амортизационные отчисления, не подлежат, на наш взгляд, включению во вновь создаваемую ценность продукции. Они лишь воспроизводят собою постоянный капитал *(c)* в цене производства [1].

[1] В условиях капиталистического хозяйства и частного присвоения, по Марксу, страхование „должно покрываться из прибавочной стоимости и представляет вычет из нее“ (Капитал, II, кн. 2, стр. 150, ГИЗ, 1923). И это понятно, ибо, принимая страховой риск на себя, каждый капиталист в отдельности повысил бы свою норму прибыли на все время вплоть до несчастного случая, который для

Такую же роль следует приписать и затратам по текущему ремонту, поскольку его назначение поддерживать эксплоатационную годность имущества на известном уровне, восстанавливая ежегодно его текущий износ.

В той мере, в какой мы пользуемся для ремонта услугами других производств или подрядными работами, это неоспоримо. Но поскольку речь идет не о потреблении, а о производстве ремонта в специально-ремонтных цехах и производствах, то здесь ремонтные услуги являются такой же продукцией, как и всякая другая, и потому она, в свою очередь, разлагается на элементы перенесенной ценности (материалы, топливо и пр.) и вновь созданную ценность (зарплата, налоги, прибыль и т. д.). В нашей сводке, как уже было отмечено, свой текущий ремонт уже разложен на эти элементы, а чужой вошел в „услуги прочих производств". При этом можно отметить, что общая сумма издержек по текущему ремонту в 73 трестах составляла за 1925/26 г. около 190 млн. руб., а не разложенный их остаток по нашей сводке не превышал 8 млн. руб., или 4,2% общего итога затрат по текущему ремонту.

В довоенных данных об издержках производства нашей промышленности весь ремонт фигурировал валовой своей суммой, причем там не было даже четкого расчленения на текущий ремонт и капитальный. И потому, относя его весь целиком к перенесенной ценности, мы,

---

него мог и не наступить. Но в том же месте Маркс оговаривается: „рассматривая дело с точки зрения всего общества, необходимо, чтобы всегда имело место добавочное производство, т. е. производство в более широких размерах, чем требуется для простого возмещения и воспроизводства существующего богатства... необходимо для того, чтобы располагать средствами производства, на покрытие того экстраординарного разрушения, которое вызывается случайностями и силами природы" (разрядка наша). Этот случай применим к социалистическому хозяйству, не знающему прибавочной ценности. Здесь одинаково необходимо предусмотреть дополнительные затраты для возмещения ущерба в имуществе, как в результате „случайности" (стихийные бедствия), так и постоянного действия „сил природы" (выбывание из строя за ветхостью и негодностью строений, коррозия сооружений и т. п.). Ресурсом для общественного накопления (m) такая дополнительная продукция служить не может, для личного потребления (v)—тоже, стало быть, ее единственно возможное назначение—в наших условиях—возмещение C, путем включения в перенесенную ценность средств производства.

несомненно, сильно преуменьшали этим долю вновь созданной ценности в общей массе продукции [1].

В рубрику оплаченного труда мы отнесли зарплату в тесном смысле этого слова, а также все начисления и накладные расходы на рабсилу, т. е. соцстрах и прочие расходы по обслуживанию трудящихся. Некоторые из этих „накладных" расходов, напр., оплата отпусков и простойных дней, выходные пособия при увольнении, коммунальные услуги, обеспечиваемые рабочим натурой или деньгами, т. е. квартира, отопление, освещение, оплата проездов на работу, наградные за выслугу лет и т. п., представляют прямое дополнение индивидуальной зарплаты. Они непосредственно поступают в бюджет рабочего и по существу от прочих элементов личного заработка не отличаются. Другие элементы, напр., соцстрах, школы фабзавуча, амбулатории, заводские столовые, ясли, содержание месткомов и тому подобных учреждений, обслуживающих рабочих, тоже призваны обеспечить необходимое для промышленности воспроизводство рабочей силы, но уже не в индивидуальном, а в коллективном порядке. Это, так сказать, обобществленная доля зарплаты, распределяемая по принципу: каждому по его потребностям.

Таким образом, к оплаченному труду, создающему, согласно теории, новую ценность, мы относим не только оплату труда основных и вспомогательных производственных цехов, но и всех обслуживающих рабочую силу этих цехов непроизводственных учреждений данных трестов, включая сюда учителей, врачей и т. п. профессии. Труд этих работников мы рассматриваем, стало быть, в данном случае как производительный. Правда, они не производят товаров. Но уже Маркс указал, что это не существенно. С точки зрения капиталистических отношений их труд производителен уже потому, что он обменивается здесь, в трестах, на капитал, а не на доход в отличие, скажем, от учителей Наркомпроса, врачей Наркомздрава и прочего персонала учреждений, питающихся за счет госбюджета и нерассчитанных на извлечение прибавочной ценности. А с более широкой точки зрения, выходящей за рамки капитализма, он и подавно производителен, ибо с этой точки зрения „производи-

[1] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 94. М.-Л., 1928.

тельным трудом будет такой труд, который производит товар или производит, образует, развивает, поддерживает, воспроизводит непосредственно самую рабочую силу"[1].

В нашей советской практике „учебный цех" уже ныне пользуется в отчетности трестов всеми правами гражданства на тех же основаниях, как и все другие вспомогательные и подсобные цеха, мастерские, силовые станции и лаборатории. В связи с этим, как было уже указано, издержки производства и по этому „цеху", как и по другим, разлагаются на элементы—материалов, топлива, рабсилы и пр. И содержание этого цеха по воспроизводству квалифицированной рабочей силы, таким образом, только частью попадает в рубрику вновь созданной ценности, в части же израсходованных учебных и прочих материалов попадает в рубрику перенесенной ценности.

В таком расчленении этого расхода есть известная условность. В зарплате, выдаваемой рабочим треста на руки, тоже есть элементы, которые затем обращаются на обучение их детей в тех или иных школах, на содержание яслей, столовых, лечебных учреждений и др. Издержки этих учреждений тоже разлагаются на зарплату, материалы и пр. И, тем не менее, зарплату, выданную на руки рабочим, мы уже не подвергаем никаким дальнейшим разложениям и целиком относим за счет вновь созданной ценности.

Но это отнюдь не случайно. До тех пор, пока воспроизводство рабочей силы замыкается в рамках индивидуального частного хозяйства рабочей семьи, предприятию, потребляющему рабсилу, нет дела до отдельных элементов, на какие разлагаются издержки ее производства. Но с того момента, когда общественное разделение труда проникает постепенно и в эту область—производства рабочей силы, по мере того как специализация и рационализация труда в этой области выделяет из сферы семейного домашнего труда целый ряд функций и придает им новую организационную форму крупного общественного производства, эти новые отрасли общественного воспроизводства рабочей силы подпадают под действие тех же законов, какие управляют и во всех остальных отраслях хозяйства.

Современный советский трест строится как комбинат, который берет на себя не только продукцию известной

[1] Карл Маркс. Теории прибавочной ценности, стр. 180.

группы материальных товарных ценностей, но и организацию воспроизводства необходимой ему рабочей силы в тех пределах, в которых оно уже поддается общественной организации. Наши тресты строят своим рабочим жилища, обеспечивают их целым рядом обслуживающих учреждений, повышают их квалификацию и т. д. И в отношении этих специальных своих „цехов“ трест не может относиться к издержкам их производства иначе, чем во всех остальных. Принцип хозяйственного расчета в связи с интересами общественной рационализации дела требует и здесь, как и везде, совершенно иного г о р а з д о б о л е е б е р е ж н о г о подхода к затратам живой рабсилы, чем к издержкам уже овеществленного мертвого труда. И этот иной социальный подход находит уже свое отражение в методах калькуляции советской бухгалтерии. Частный предприниматель-капиталист не заинтересован в столь тщательном выделении и отграничении оплаты живого труда от всех остальных видов затрат, какое так характерно для нашей советской бухгалтерии. Его хозрасчет ограничивается интересами частнохозяйственной экономии в издержках производства ради увеличения личной прибыли. А мы должны включать в это понятие гораздо более широкие задачи общественной экономии затрат живого труда.

Переходя к прибавочной ценности, куда мы относим, помимо чистой прибыли, сальдо процентных платежей за пользование чужим капиталом, рентные платежи и налоги, нужно сказать следующее. В капиталистических странах все эти подразделения имеют гораздо большее значение, чем у нас, ибо там прибыль достается одним слоям буржуазии, проценты—другим, рента—третьим, а налоги—государству. Но в советской экономике, где государство совмещает в своем лице и владельца предприятий, и банкира, и землевладельца, и фиск, и таким образом под разными титулами получает все эти виды дохода, разграничение их носит гораздо более условный характер. Национализация земли, лесов и недр приводит к тому, что целый ряд рентных платежей поступает в казну на одинаковых основаниях с налогами и даже частенько смешивается с ними в отчетности фиска под общей рубрикой „налоговых доходов“, а в отчетности трестов под общим наименованием „налогов и сборов“. Прибыли трестов и банковские проценты тоже в известной своей доле попадают в бюджет под титулом „по-

доходного налога", а в другой—в порядке прямого „отчисления прибылей". И установить между этими категориями дохода какое-либо принципиальное различие очень трудно. Можно, конечно, условиться, что налогами мы будем называть только ту часть прибавочного продукта страны, которую фиск извлекает из частного или государственного хозяйства в принудительном порядке на удовлетворение непроизводственных функций государства. Там же, где советская власть извлекает доход по праву хозяина предприятий и денежных фондов или владельца поверхности и недр в целях производственного их назначения, там будем называть эти виды дохода по старому—прибылью, процентами и рентой. Но такое разграничение по назначению различных элементов дохода советского государства не может изменить того основного единства их по происхождению, которое позволяет все эти виды дохода объединить под общей рубрикой: фонд накопления.

В наиболее общих подразделениях цены промышленной продукции, после сказанного, можно представить в следующей таблице (табл. 39).

В нашей статистике довольно употребительно понятие „чистой продукции". Чтобы получить ее, обычно из валовой продукции вычитают только материалы, топливо и амортизацию. В качестве первого приближения такой метод очистки, конечно, вполне законен. Но этим методом мы можем получить только условно „чистую" продукцию, ибо не исключим затрат на оплату приобретаемых со стороны услуг транспорта, связи и других производств и не учтем гибели имущества от пожаров и прочих стихийных бедствий. По всем этим статьям в табл. 38 учтено нами 345,6 млн. руб., что по отношению к 2439 млн. руб. вновь созданной ценности составило бы прибавку около 14%. Таков масштаб вероятной ошибки при исчислении чистой продукции по общепринятому методу.

Наш расчет, основанный на бухгалтерской отчетности, позволяет достигнуть большей точности. Но и он далеко не безупречен. И тут следует, прежде всего, отметить два дефекта. Дефектны наши нормы амортизации, установленные на основе так наз. „экспертных", т. е., говоря проще, весьма глазомерных оценок. И, во-вторых, не столь уж ясна природа учтенных нами рентных статей. Конечно, и „долевые отчисления" за недра,

Таблица 39

Основные элементы отпускных цен по 73 трестам за 1925/26 г.

А. Абсолютные данные (в тыс. черв. руб.)

Элементы \ Отрасли	Металлическая	Угольная	Электротехническая	Текстильная	Лесная	Химическая	Нефтяная	Бумажная	Сахарная	Пищевая	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Воспроизведенные ценности (*c*)											
1. Материалы	253351	35096	46250	564643	7746	89214	38119	12011	165223	81847	1293500
2. Топливо и энергия	96985	9526	2911	29262	988	6444	18372	959	18008	1617	185072
3. Услуги транспорта и пр.	54794	53318	11331	64999	22377	21150	32528	4561	41684	18840	335582
4. Амортизация и страхов.	48156	16422	5521	73904	2467	7133	74067	2893	16117	2952	249632
Итого по *c*	453286	114362	66013	732808	33578	123941	163086	30424	241032	105256	2063786
II. Новые ценности											
1. Оплаченный труд (*v*)	318230	121913	44758	392697	32750	44062	65358	15450	44089	21579	1100886
2. Фонд накопления (*m*)											
а) акцизы	12	—	—	78584	7	8334	245	—	232471	372486	692139
б) налоги и сборы	10117	3004	3136	28253	3126	5101	7238	2597	12446	5898	80916
в) рентные статьи	5460	6067	794	4481	24142	1526	21372	1625	999	1821	68287
г) проценты	10889	6264	2991	4698	5503	—69	782	90	11276	—228	42196
д) прибыль	32441	13401	21040	209259	—4242	29456	55814	18068	41438	38115	454790
Итого по *m*	58919	28736	27961	325275	28536	44348	85451	22380	298630	418092	1338328
Всего новых ценностей ($v + m$)	377149	150649	72719	717972	61286	88410	150809	37830	342719	439871	2439214
Цена продукции ($c + v + m$)	830435	265011	138732	1450780	94864	212351	313895	68254	583751	544927	4503000

и корневая плата за древесину, и арендная плата за земли госфонда, и даже арендная плата за торговые помещения трестов представляют собою, прежде всего, те или иные разновидности ренты; но, с одной стороны, в этих платежах чаще всего фиксируется не вся рента, а, с другой стороны, в них частенько содержится коечто и сверх ренты, напр., амортизация арендуемых помещений, оплата издержек по лесоустройству в попенной плате и т. д. В какой мере эти плюсы и минусы уравновешивают друг друга, сказать трудно. Но более точного расчета и бухгалтерия представить не может.

Некоторые элементы рыночных цен фигурируют в нашей сводке и со знаком минус. По статье „проценты" сальдо платежей для химических и пищевых трестов сложились так, что для них эта статья оказалась не расходной, а приходной. Эти отрицательные затраты пришлось обозначить знаком минус. По лесной промышленности вместо прибылей оказался убыток, тоже отмеченный знаком минус. Правда „убыточность" нашей лесной промышленности весьма условна. Она целиком объясняется потерями на курсе валюты по экспортным операциям лесных трестов, что отнюдь не связано с условиями производства в лесной промышленности. Но тем не менее факт остается фактом.

5. ЦЕНЫ И ЦЕННОСТЬ

В относительных величинах структура цен продукции по разным отраслям промышленности представляется в следующем виде (табл. 40).

Как видим, структура цен в разных производствах чрезвычайно различна. Особенно крупные колебания в этой структуре создаются за счет резкого колебания налоговых элементов, и в частности акцизов. Удельный вес их в пищевых трестах и в Сахаротресте по сравнению с весом оплаченного труда достигает совершенно исключительных размеров. По весу материалов в цене продукта на первых местах стоят химическая промышленность (42%) и текстильная (39%), на последних— топливная (12—13%) и лесная (8%). Но зато вес транспортных и прочих услуг в лесном деле достигает почти 24%, в то время как в текстильном он падает до 4,5% Амортизация особенно большой вес получает в нефтяной промышленности, топливо и энергия — в металлур-

Таблица 40

Основные элементы отпускных цен по 73 трестам за 1925/26 г.

Б. Относительные данные (в %%)

Элементы \ Отрасли	Металлическая	Угольная	Электротехническая	Текстильная	Лесная	Химическая	Нефтяная	Бумажная	Сахарная	Пищевая	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Воспроизведенные ценности (c)											
1. Материалы	30,5	13,2	33,3	38,9	8,2	42,0	12,1	17,6	28,3	15,0	28,8
2. Топливо и энергия	11,7	3,6	2,1	2,0	1,0	3,0	5,9	1,4	3,1	0,3	4,1
3. Услуги транспорта и пр.	6,6	20,1	8,2	4,5	23,6	10,0	10,4	21,4	7,1	3.5	7,4
4. Амортизация и страхование	5,8	6,2	4,0	5,1	2,6	3,4	23,6	4,2	2,7	0,5	5,5
Итого по c	54,6	43,1	47,6	50,5	35,4	58,4	52,0	44,6	41,2	19,3	45,8
II. Новые ценности											
1. Оплаченный труд (v)	38,3	46,0	32,2	27,1	34,5	20,7	20,8	22,6	7,6	4,0	24,5
2. Фонд накопления (m)											
а) акциз	0,0	—	—	5,5	0,0	3,9	0,1	- -	39,9	68,4	15,4
б) налоги и сборы	1,2	1,1	2,3	1,9	3,3	2,4	2,3	3,8	2,1	1,0	1,8
в) рентные статьи	0,7	2,3	0,6	0,3	25,5	0,7	6,8	2,4	0,2	0,3	1,5
г) проценты	1,3	2,4	2,2	0,3	5,8	—0,0	0,2	0,1	1,9	—0,0	0,9
д) прибыль	3,9	5,1	15,1	14,4	—4,5	13,9	17,8	26,5	7,1	7,0	10,1
Итого по m	7,1	10,9	20,2	22,4	30,1	20,9	27,2	32,8	51,2	76,7	29,7
Всего новых ценностей ($v+m$)	45,4	56,9	52,4	49,5	64,6	41,6	48,0	55,4	58,8	80,7	54,2
Цена продукции ($c+v+m$)	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Норма накопления ($m:v$) в %%	18,5	23,5	62,2	82,8	87,1	100,5	130,6	143,6	678,0	1940,0	121,6

гии и металлообработке, рентные сборы—в лесных трестах (попенщина), прибыль—в бумажных и т. д.

В среднем по всем учтенным отраслям перенесенная ценность составляет 45,8%, оплаченный труд—24,5% и „прибавочный продукт"—29,7%. Вся вновь созданная ценность достигает, таким образом, 54,2% цены рыночного продукта. По исчислениям ЦСУ для всей цензовой промышленности „чистая продукция" составляет 3957 млн. руб. из 9956, т. е. всего 39,8% валовой[1]. Но ЦСУ оценивает продукцию без акциза. В нашем расчете вновь созданная ценность даже за вычетом акциза составила бы все же не менее 45% трестовской продукции (без акциза). Это расхождение отчасти объясняется специфическим составом трестов союзного значения, с преобладающим в них весом бедной сырьем добывающей промышленности. Но главной основой этого расхождения следует считать разные методы исчисления продукции. ЦСУ, исчисляя продукцию по заводской оценке, т. е. со включением всего внутритрестовского оборота материалов, тем самым значительно преувеличивает их вес в общем итоге учтенной ценности.

Большой интерес представляет вопрос о том: заметно ли меняется и в какую именно сторону изменяется с развитием нашего хозяйства доля вновь созданной ценности, т. е. народного дохода в общем итоге валовой продукции промышленности. В печати было высказано мнение, что эта доля народного дохода при намечающихся у нас перспективах снижения цен должна падать[2]. Однако, это утверждение явно несостоятельно. Значение дроби $\frac{v+m}{c+v+m}$ от снижения товарно-материальной слагаемой c в знаменателе может только возрастать, а не падать. Другое дело, если бы в перспективе намечалось еще более энергичное снижение оплаты труда (v) и „прибавочной ценности" (m). Лишь тогда числитель нашей дроби обгонял бы в своем падении общее снижение знаменателя, т. е. вновь создаваемая ценность падала бы в общей цене продукта. Но такой перспективы текущий наш

---

[1] Фабрично-заводская промышленность СССР в 1925—26 г., стр. 148. Изд. ЦСУ. М., 1927.

[2] А. Л. Вайнштейн. К критике пятилетнего перспективного плана. Экон. Обозр., июль 1927. По утверждению автора „анализ (?) проблемы показывает, что этот коэфициент не устойчив и должен с течением времени падать" (стр. 61).

опыт отнюдь не подтверждает. Правда, рост производительности снижает у нас затраты на единицу продукта, но эта экономия почти целиком обращается на повышение оплаты труда, и потому общий размер v на единицу продукта мало меняется; что же касается нормы прибавочной ценности, то ее снижать на ближайшие годы— годы величайшего напряжения в области реконструкционного строительства — мы тоже не имеем достаточных оснований. А опыт прошлых лет свидетельствует скорее о росте этих норм, чем о падении.

Средняя норма накопления по 73 трестам определилась у нас в 121,6%, но по отдельным отраслям она колеблется от 18,5% до 1940%. Чем же объясняется столь разительная колеблемость этой нормы?

Правда, квалификация труда в различных отраслях промышленности у нас тоже колеблется в довольно широких пределах. Но эти колебания уже учтены в различной оплате труда разной квалификации. Рабочий день у нас колеблется уже в гораздо меньшей степени — от 6 до 8 часов для различных категорий труда. При этом снижение его для компенсации более тяжелых и вредных условий труда или в интересах более слабых категорий трудящихся, напр., женщин и подростков,—должно лишь выравнивать условия эксплоатации наемного труда. В той же части, в какой у нас остаются все же существенные различия в продолжительности или в интенсивности труда разных рабочих, они уравновешиваются в условиях сдельной оплаты труда, добавочных приплат за сверхурочные часы и т. д. соответствующими различиями в оплате труда.

К. Маркс в своем анализе капиталистического хозяйства исходит из предпосылки, „что степень эксплоатации труда, а, следовательно, норма прибавочной стоимости и длина рабочего дня имеют одинаковую величину, стоят на одинаковом уровне во всех сферах производства, на которые распадается общественный труд данной страны. Что касается значительных различий в эксплоатации труда в разных сферах производства, то уже А. Смит обстоятельно показал, что они уравниваются всякого рода действительными или основанными на предрассудке компенсирующими обстоятельствами, и, следовательно, различия эти, как только кажущиеся и мелкие, не должны приниматься в расчет при исследовании общих соотно-

шений. Другие различия, напр., в высоте заработной платы, покоятся, главным образом, на указанном уже во введении к первой книге, стр. 11, различии между простым и сложным трудом, причем хотя они и делают жребий рабочих в различных сферах производства далеко не одинаковым, однако, **нисколько не затрагивают степени эксплоатации труда в этих** различных сферах". И в другом месте он поясняет: „Такая общая норма прибавочной стоимости в виде тенденции, как и все экономические законы, была допущена нами, как теоретическое упрощение, однако, **в действительности она является фактической** предпосылкой капиталистического способа производства..." [1]. При капитализме эта уравнительность в условиях эксплоатации труда достигалась, однако, лишь **косвенным путем**, т. е. путем стихийной конкурентной борьбы между собою на рынке труда — рабочих в поисках наилучших условий найма, с одной стороны, и хозяев в погоне за наиболее рентабельным трудом — с другой. В советской же экономике эта уравнительная тенденция является плодом не только объективных условий рынка, но и сознательной активной политики всех организованных сил страны.

И хозорганы, и профсоюзы принимают у нас каждый со своей стороны все усилия к **плановому** подтягиванию зарплаты в отсталых отраслях труда и утверждению определенного устойчивого равновесия в намечаемой динамике роста оплаты и производительности труда. Таким образом, у нас равная норма „прибавочной ценности" или, употребляя новый термин, норма накопления является не только объективным выводом из стихийного течения рыночных отношений, но и целевой установкой хозяйственного плана. На данной ступени нашего развития принцип оплаты труда в соответствии с его результативностью является основным постулатом советского хозяйства.

Мы только еще строим социализм, но уже теперь каждый строитель может и должен себя чувствовать не орудием, а самоцелью этого строительства. В таких условиях не применим термин норма **эксплоатации** труда. Но резервирование и накопление продукта в целях коллективного его использования на те или иные

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 1, стр. 119 и 153. Разрядка наша.

социальные нужды свойственно всякому разумному коллективу. Поэтому говорить о нормах отчуждения и накопления части продукта на такие нужды мы можем и в советской экономике. Мы требуем от всех трудящихся соучастия в создании этого общественного фонда накопляемого продукта. И каждый трудящийся должен при этом обеспечить нам равную норму накопляемого труда.

Таким образом, если бы мы хотели приблизить рыночную расценку наших товаров к их трудовой ценности, — нам пришлось бы, установив для извлечения из производства ту или иную норму накопления, исходить при начислении прибылей, налогов и рентных сборов из этой нормы, равной для всех производств и отраслей хозяйства. Но, как видно из приведенной таблицы, наши плановые органы отнюдь не ставят перед собой такой задачи. Наша политика цен исходит из совершенно иных задач и практических соображений. Топливо и металл, напр., в интересах индустриализации страны продаются значительно ниже их ценности, но зато весь недобор по этих производствам погашается с избытком акцизом на водку, потребление которой этой мерою сильно задерживается в интересах народного здравия.

Конечно, благодаря такой политике у нас на рынке и ныне, как и в прежние времена, имеет место неэквивалентный обмен, ведущий к известному перераспределению народного дохода между отраслями и социальными секторами народного хозяйства. Но до тех пор пока это перераспределение совершается в интересах пролетариата и направляется к подъему производительных сил страны, мы можем признать его вполне целесообразным. Целесообразно ли оно в каждом частном случае, это дело уже конкретного исследования. Изучая структуру цен по табл. 40, мы, напр., убеждаемся, что текстильные товары дают нам еще весьма скромную по отношению к средней норме долю накопляемого продукта. И потому включение здесь в рыночную цену умеренного акциза (5,5% от цены продукта) не вызывает пока особых возражаний. Но в отношении сахара, где норма накопления за счет акциза достигает 678%, мы не могли бы признать ее рациональной. Сахар нельзя рассматривать, как предмет роскоши. Это прекрасный пищевой продукт с огромным запасом энергии. Удешевление этого возбудителя трудовой энергии масс и

Показатели / Отрасли	Металлическая	Угольная	Электротехническая	Текстильная
1	2	3	4	5
1. Постоянный капитал (в млн. черв. руб.):				
а) в строениях и оборудовании	962,6	318,5	95,1	1308,8
б) в товарах и материалах	489,2	49,6	123,8	443,1
Итого к концу года (C)	1451,8	368,1	218,9	1751,9
Собственные средства трестов (C')	1195,5	295,2	172,0	1991,0
2. Оплаченный труд:				
а) в млн. человеко-дней—t	119,6	42,7	8,68	140,8
б) в млн. черв. руб.—v	318,2	121,9	44,8	392,7
в) в руб. и коп. за 1 день—($v:t$)	2,67	2,86	4,58	2,79
3. Строение капитала:				
а) $C:t$—в рублях на 1 чел.-день	12,1	8,62	25,2	12,4
б) $C:v$	4,6	3,0	4,9	4,5
в) то же в %% к средней норме	86	57	92	85
4. Фонд накопления (в млн. рубл.):				
а) по отчетным данным	58,9	28,7	28,0	325,3
б) при средней норме „приб. ценности“	386,8	148,3	54,4	477,0
5. Чистая прибыль:				
а) отчетная—в млн. черв. руб.	32,4	13,4	21,0	209,3
„ в %% на капит. (C')	2,7	4,6	12,2	10,5
б) при средней норме прибыли в млн. рубл.	97,6	24,1	14,1	162,0
6. Продукция (в млн. рубл.):				
а) по рыночным ценам	830,4	265,0	138,7	1450,8
б) по ценам производства	895,6	275,7	131,8	1403,4
в) по закону трудовых затрат	1158,3	384,6	165,2	1602,5
7. Отклонения рыночных цен в %%:				
а) от цен производства	— 7,3	— 3,9	+ 5,3	+ 3,4
б) от трудовых затрат	—28,3	—31,1	—16,0	— 8,9

[1] Постоянный капитал (C) по Сахаротресту взят нами на 1 ян предприятий; свои средства (C') исчислены по всему тресту. В това Сахаротрестом искусственно и притом с огромным преувеличением.

Таблица 41

73 трестам за 1925/26 год

Лесная	Химическая	Нефтяная	Бумажная	Сахарная [1]	Пищевая	Итого
6	7	8	9	10	11	12
30,5	139,5	758.1	52,7	303,6	97,2	4058,7
57,5	96,0	105.9	36,0	294,8	101,7	1797,6
88.0	235,5	864,0	88.7	598,4	198,9	5856,3
24,2	230,6	892,9	76,8	516,2	180,2	5574,5
9,19	9,39	15,12	6,25	23,2	3,78	378.7
32,7	44,1	65,4	15.4	44,1	21,6	1100,9
3,56	4,70	4,33	2,46	1,91	5,72	2,90
9,6	25,0	57,1	14,1	25.8	52,6	15,5
2,7	5,3	13,2	5,8	13,6	9,2	5,3
51	100	249	109	256	173	100
28,5	44,3	85,4	22,4	298,6	418,1	1338,3
39,9	53,6	79,6	18,8	53,6	26,3	1338.3
— 4,2	29.5	55,8	18,1	41,4	38,1	454.8
—17,5	12,8	6,2	23,5	8,0	21,2	8,16
2,0	18,8	73,0	6,2	42,3	14,7	454,8
94,9	212,4	313,9	68,3	583,7	544,9	4503
101,1	201.8	331,1	56,4	584,6	521,5	4503
106,2	221,6	308,0	64,7	338,7	153,1	4503
— 6,2	+5,3	—5.2	+21,1	— 0.5	+ 4,5	0,0
—10.6	— 4,2	+1,9	+ 5,6	+72,5	+256,0	0,0

варя 1927 г. за вычетом имущества сельхозов и других подсобных
рах и материалах учтено „незаконченное производство“, исчисляемое

в интересах подъема общей производительности труда, и в интересах развития сельского хозяйства, и даже в интересах более успешной борьбы с алкоголизмом, — крайне желательно и необходимо. И потому в своих перспективных планах мы намечаем значительное расширение продукции сахара при соответствующем снижении акциза.

Если бы мы располагали средней нормой „прибавочного продукта“ для всего народного хозяйства СССР, то нам не трудно было бы установить, как велико отклонение цен от ценностей, а также, в каких направлениях и в каком масштабе происходит у нас общее перераспределение народного дохода через рыночные цены. Но пока мы не располагаем такими данными. Однако, если условно допустить, что средние для учтенных нами отраслей промышленности нормы прибыли и „прибавочной ценности“ довольно близки к средним для всего народного хозяйства, взятого в целом, то относительное отклонение рыночных цен от цен производства и от трудовой ценности соответствующих товаров в пределах данного круга производств выразилось бы в следующих цифрах (табл. 41).

Постоянный капитал нами взят здесь по активу балансов на 1 октября 1926 г. (по Сахаротресту на 1 января 1927 г.) с дооценкой по действительной стоимости имущества за вычетом износа [1]. Оплаченный труд в человеко-днях учтен здесь полнее, чем в табл. 34 (стр. 370), так как сюда мы прибавили, насколько нам это удалось, отработанное время служащих предприятий и трестов, а также всех рабочих по хозяйственным лесозаготовкам и торфозаготовкам тех же трестов. Точного учета по этим дополнительным статьям у нас не имелось, но по отношению к общим итогам возможная неточность наших поправок весьма незначительна. Сопоставляя общий итог отработанного времени 378,7 млн. человеко-дней с общей суммой вновь созданной ценности 2439 млн. руб., получаем около 6 руб. 40 коп. на каждый отработанный день труда средней квалификации при средней оплате такого дня, примерно, в 2 руб. 90 коп.

Строение капитала мы можем измерять двояко: или количеством средств производства, авансируемых на еди-

[1] Собственные средства трестов сверх имущества и товарно-материальных ресурсов включают и денежные средства, но за вычетом из этих статей сальдо задолженности трестов.

ницу живого труда, или по соотношению между C и v, в денежном их выражении. Показатели, полученные нами в данной таблице, едва ли очень точны и вполне соизмеримы, так как оценка имущества в разных отраслях при инвентаризации произведена была слишком грубо и неравномерно. По расчетам некоторых исследователей эта оценка в среднем преувеличена процентов на 40, причем в химической промышленности это преувеличение поднимается до 58%, в хлопчатобумажной — до 69%, в нефтяной—до 85%, в то время, как в металлургической, каменноугольной и лесной оно не выше десятка процентов, а в некоторых отраслях и вовсе падает до нуля[1]. При этих условиях ясно, что и общий показатель высоты строения наших промышленных капиталов и частные показатели по отдельным отраслям нуждаются в серьезных поправках. Тем не менее, они все же небезынтересны. В среднем для всех трестов постоянный их капитал по нашей таблице в 5,3 раза превышает годовые затраты на оплату труда. Значит, чтобы обеспечить возможность работы новым кадрам рабочей силы, нам нужно при среднем годовом заработке—за 270 дней по 2 р. 90 к., около 780 р.—накопить и вложить в промышленность свыше 4 тыс. руб. постоянного капитала на каждого нового работника, а чтобы устроить на индустриальную работу целый миллион безработных, потребовалось бы сразу вложить свыше 4 млрд. капитальных затрат.

Уже этот грубый расчет показывает, перед какими трудными задачами мы стояли в нашей борьбе с безработицей. Но значение вложений с указанной точки зрения в разных отраслях труда далеко не одинаково. В лесной и каменноугольной промышленностях эффект капитальных затрат с точки зрения поглощения добавочного труда при нынешней технике гораздо больше средней нормы, а, скажем, в сахарной, пищевой и нефтяной—несравненно меньше. Для разных отраслей труда это объясняется по-разному. Сахарное производство—сезонное, работает около 100 дней в году, а капитал требуется такой же, как и для годового труда. В пищевой промышленности у нас учтены только малотрудоемкие—чаеразвесочная и спиртоочистительная — операции, а

---

[1] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 148. 1928.

стоимость материала, поступающего в эти заключительные операции, очень велика. В нефтяном деле мы имеем колоссальную механизацию трудовых процессов и потому небольшое использование живого труда. Но, так или иначе, и качество, и количество живого труда, падающее в разных отраслях труда на единицу постоянного капитала, отнюдь не случайно и представляет для нас громадный практический интерес в хозяйственном планировании.

Отметим лишь попутно, что наши показатели строения капитала не совсем совпадают с той категорией „органического состава капитала“, о которой трактует теория [1]. Правда, и там речь идет об отношении постоянного капитала к переменному, но там имеется в виду лишь авансированный переменный капитал, т. е. достаточный для производства в течение одного периода оборота, а у нас учтена годовая зарплата. Конечно, период одного оборота переменного капитала различен для разных производств и отнюдь не равен году. Но определить его статистически чрезвычайно трудно, и мы пока отказались от этой задачи.

Исчисленные нами в таблице цены производства, в предположении равной нормы прибыли, и трудовая стоимость продукции, в предположении равной нормы „прибавочной ценности“, несмотря на всю их условность, весьма показательны. Как видим, наши рыночные цены весьма далеки и от тех, и от других. Но если отклонения их от цен производства колеблются в более узких пределах: от —7,3% до +21,1%, то по отношению к трудовой стоимости диапазон этих колебаний гораздо шире: от —31% до +256%.

Это заслуживает внимания тов. Бессонова и его единомышленников, воображающих, что рыночные цены нашей промышленности в отличие от железнодорожных тарифов близко следуют закону ценности.

6. МЕТОДЫ КАЛЬКУЛЯЦИИ

Мы уже видели, что доля накопляемого продукта составляет у нас в рыночной цене промизделий в среднем около 30%. Это немалая величина. Тем не менее, вся

---

[1] Карл Маркс. Капитал, т. I, стр. 600 и др., т. III, ч. 1, стр. 46—47, 122—123. ГИЗ, 1923.

она, распределяясь весьма неравномерно между разными отраслями производства, регулируется отнюдь не законом трудовых затрат, а той или иной политикой цен.

Но, может быть, по крайней мере остальные 70% рыночной цены целиком определяются только трудовыми затратами? Это было бы, конечно, вполне целесообразно, ибо для целей перераспределения достаточно было бы планомерного регулирования размеров прибыли и налоговых изъятий. Однако, этого нет. И, при существующих методах калькуляции рыночных цен, быть не может.

Это следует уже из того, что расценка материалов, топлива и энергии при учете затрат дается в наших калькуляциях по рыночным их ценам, часто весьма далеким от трудовой их ценности. Поскольку здесь речь идет прежде всего о таких материалах, как металл, каменный уголь, лес, то их цены, как мы уже видели, устанавливаются у нас ниже ценности. Возможно, что это отчасти уравновешивается преувеличенными нормами амортизации, но в какой именно степени — это нам не известно. Далее, в издержки производства входит заметной статьей оплата железнодорожных тарифов, которые, отражая ту или иную тарифную политику, тоже отнюдь не совпадают с законом трудовых затрат на транспорте. Наконец, особо существенное влияние на определение стоимости производства тех или иных товаров оказывает метод распределения так наз. накладных или „пропорциональных“ расходов.

Издержки производства допускают много классификационных подразделений в зависимости от их назначения. Но деление на прямые и накладные расходы в калькуляционных целях является основным. К прямым затратам можно отнести лишь те материалы и тот живой труд, которые непосредственно обращаются на производство данного рода и сорта изделий. Сюда относятся, стало быть, лишь индивидуально разложимые по ступеням производства и конкретным видам изделий основные материалы и производственная зарплата. Но благодаря общественному характеру современного крупного производства, ряд трудовых процессов и материальных затрат обслуживают производство целого ассортимента изделий или даже ряд производств, взятых в целом. Разнести эти затраты по отдельным ступеням

производства и конкретным видам изготовляемых товаров можно лишь на основании тех или иных условных допущений, т. е. косвенным путем. Их-то и называют накладными.

По определению официальной инструкции НК РКИ, „накладными расходами считаются все расходы предприятия, которые не идут непосредственно на изготовление продукции и по характеру своему не могут быть разнесены прямым путем на изделия“ [1]. Эта формула содержит в себе слишком много негативных элементов, чтобы быть вполне определенной. Но инструкция содержит подробнейший перечень всех накладных расходов, не оставляющий никаких сомнений по своей определенности. Из этого перечня явствует, что к накладным расходам следует отнести: 1) цеховые, т. е. накладные расходы производственных цехов, 2) все издержки вспомогательных цехов (силовых станций, ремонтных цехов, лабораторий и т. п.) и 3) общезаводские накладные расходы. В частности, сюда входит оплата всего обслуживающего персонала, вспомогательные материалы, топливо и энергия, ремонт, амортизация, страхование, транспортные и др. услуги, налоги, аренда, проценты, начисления на зарплату, накладные на рабсилу и т. д.

Бухгалтерия ВСНХ, повидимому, еще не провела в жизнь этой инструкции РКИ, согласованной с ВСНХ. По крайней мере, по форме № 11 Сводного отчета, в „прямые расходы“ по какой-то совершенно непонятной причине включаются и ремонты, и амортизация, и налоги, и вообще все, что угодно [2]. При этом, как курьез, отметим, что эта форма, по указанию источника, в свою очередь согласована с НК РКИ. И, таким образом, очевидно, только аппарат РКИ остается в существенном разногласии с самим собою.

Можно было бы еще допустить, что с 1925 г. по 1927 г. в бухгалтерской науке произошли какие-то большие сдвиги и РКИ вынужден был отказаться от своих заблуждений 1925 г. Однако, и этого не было. Инструкция РКИ и поныне стоит на высоте бухгалтерских до-

---

[1] Организация учета и отчетности произв. предприятий, стр. 125 и сл. Изд. НК РКИ СССР. М., 1925. Разрядка моя. *С. С.*

[2] Формы годового отчета и баланса, стр. 35. Изд. ВСНХ СССР. М., 1927.

стижений. И мы можем ей вполне довериться в указанном отношении.

Следуя инструкции РКИ, насколько позволяет имеющийся у нас отчетный материал, мы получили следующее разложение рыночных цен учтенной нами продукции на прямые затраты и накладные расходы плюс прибыль, включение которых в цену товара происходит у нас на таких же основаниях, как и начисление налогов и акцизов, т. е. вне всякой прямой зависимости ее от трудовых затрат, овеществленных в данной продукции.

Таблица 42

Прямые затраты и накладные расходы в %% рыночных отпускных цен продукции 73 трестов за 1925/26 г.

Отрасли производства	Отпускная цена в млн. руб.	Прямые затраты			Накладные расходы				Прибыль (m'')	Итого
		Материалы	Труд	Итого	Материалы, амортиз. и проч. (c)	Труд (v)	Акцизы, налоги и проч. (m')	Итого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Текстильная	1450,8	30,8	15,3	46,1	19,7	11,8	8,0	39,5	14,4	100
Электротехническая	138,7	30,2	15,9	46,1	17,4	16,3	5,1	38,8	15,1	100
Металлическая	830,4	21,2	18,9	40,1	33,4	19,4	3,2	56,0	3,9	100
Химическая	212,4	23,9	10,8	34,7	34,5	9,9	7,0	51,4	13,9	100
Угольная	265,0	0,9	32,8	33,7	42,2	13,2	5,8	61,2	5,1	100
Сахарная	583,7	23,0	2,6	25,6	18,2	5,0	44,1	67,3	7,1	100
Лесная	94,9	4,6	20,4	25,0	30,8	14,1	34,6	79,5	–4,5	100
Бумажная	68,3	6,8	12,6	19,4	37,8	10,0	6,3	54,1	26,5	100
Пищевая	544,9	13,3	0,8	14,1	6,0	3,2	69,7	78,9	7.0	100
Нефтяная	313,9	1.4	10,1	11,5	50,6	10,7	9,4	70,7	17,8	100
Итого	4503,0	20,9	13,4	34,3	24,9	11,1	19,6	55,6	10,1	100

Из приведенной таблицы видно, что прямые затраты в среднем по всем учтенным нами трестам составляют не свыше 38% от себестоимости, или 34% от полной отпускной цены продукции, включая прибыль. По отдельным трестам этот последний процент падает и гораздо ниже, до 11%, и ни в одной отрасли не подни-

мается выше 46%. Таким образом, если бы мы достигли даже полной точности в определении прямых затрат овеществленного и живого труда, падающих на тот или иной товар, мы еще очень далеки были бы от полного учета его трудовой стоимости.

Накладные расходы называют еще „пропорциональными“, ибо они обычно разносятся пропорционально тем или иным измерителям данного ассортимента товаров. Прежняя калькуляционная практика была чрезвычайно многообразна в выборе таких измерителей для распределения накладных расходов. Нынешняя советская практика более унифицирована. Согласно инструкции РКИ, разбивка цеховых накладных расходов должна осуществляться пропорционально производственной зарплате, а общезаводских—пропорционально полной цеховой стоимости данных изделий [1]. Однако, фактическая практика органов ВСНХ, повидимому, все же гораздо пестрее. Так, напр., в инструкции ВСНХ для металлических трестов цеховые расходы рекомендуется еще распределять пропорционально следующим измерителям: „1) по производственной зарплате, 2) по весу годных изделий, 3) по топливу, идущему в колошу (для доменных производств), 4) по общей сумме основных грузов (шихта, топливо, чугун), 5) по времени, затраченному установкой на данную работу“, т. е. по пяти различным признакам. Но в то же время из инструкции для металлообрабатывающей промышленности, выпущенной годом позже, мы уже узнаем, что калькуляционная конференция этой отрасли отказалась от множественности признаков для разнесения цеховых расходов и остановилась на одном—производственной зарплате. Правда, это делается со следующей оговоркой: „Метод разнесения этих расходов пропорционально только одному измерителю — производственной зарплате, нельзя признать вполне точным, но, как указано выше, необходимость упростить учет и до некоторой степени унифицировать его заставила конференцию остановиться на нем“ [2]. Из этой оговорки видно, что наши практики не очень охотно идут на эту „уни-

---

[1] Ср. „Организация учета и отчетности“, стр. 148—149. НК РКИ, М., 1925, и „Методы калькуляции в промышленности“, вып. 1—XII, под ред. проф. С. П. Белова. ВСНХ. М., 1926—1928.

[2] Методы калькуляции, вып. VIII, стр. 31—32, М., 1927; вып. XI, стр. 5. М., 1928.

фикацию", видят в ней только техническое „упрощение", т. е. совсем не чувствуют новой идеологической установки в этой директиве, но все же понемногу ее осуществляют.

Названная конференция калькуляторов металлообработки приняла в 1927 г. метод разнесения накладных расходов пропорционально прямым затратам производственной зарплаты не только в отношении цеховых, но и для общезаводских расходов [1]. В инструкциях другим отраслям промышленности мы имеем несколько иные формулировки. Общезаводские расходы рекомендуется разносить пропорционально полной „цеховой стоимости" фабрикатов „за вычетом основных материалов", или „пропорционально прямым расходам минус сырье и полуфабрикаты, или пропорционально стоимости переделов" и т. д. [2] Несмотря на единство редактора всех этих инструкций, мы не находим в них единства идеи, ясности мысли и сколько-нибудь отчетливой ее формулировки. Однако, ясно, что в этом пункте ВСНХ не следует за инструкцией РКИ, рекомендующей разносить общезаводские расходы пропорционально цеховой стоимости изделий без всяких вычетов затрат на материалы.

Иначе относится ВСНХ к распределению так наз. административных и торговых расходов правлений, куда помимо зарплаты аппарата трестов включаются такие крупные статьи, как налоги и сборы, транспортные расходы и т. п. Общеадминистративные расходы правления, проценты за кредит и торговые расходы, согласно инструкции ВСНХ, распределяются между отдельными видами и сортами продукции „пропорционально их заводской себестоимости или пропорционально полной себестоимости" выпущенной и проданной продукции [3].

Наша калькуляционная практика развивается вне всякой ее связи с экономической теорией. И почему именно в одном случае следует те или иные затраты распределять по одному признаку, а в другом—по другому, нам не объясняет ни одна инструкция. Но если вдуматься в суть этой практики и обобщить ее основные тенденции, то можно притти к таким выводам. Накладными затратами, вообще говоря, мы называем такие затраты,

---

[1] Там же, вып. XI, стр. 23 и 27.
[2] Там же, вып. V, стр. 33, вып., VIII, стр. 33, вып. XII, стр. 21.
[3] Там же, вып. VI, стр. 59, вып. VII, стр. 26, вып. VIII, стр. 40.

которые в результате общественного характера нашего производства могут быть отнесены только на целый более или менее сложный ассортимент изделий за раз. Но, в зависимости от характера этих затрат, одни из них относятся к более узкому, другие к более широкому кругу производимых изделий и операций, одни теснее связаны с их производством, другие—менее тесно. Напр., цеховые расходы находятся в более тесной связи с непосредственным производственным процессом, общезаводские—в менее тесной, а трестовские и вовсе слабо с ним связаны. В связи с этим все накладные затраты делятся на зависящие от размеров данного производства, мало зависящие и вовсе от них не зависящие. И уже вследствие этого различия накладных расходов можно ожидать известной модификации и в методах их условной разверстки по отдельным видам и сортам продукции.

Но принцип этой разверстки,—если мы не хотим быть эклектиками,—должен быть все же единым. Если фактором, образующим ценность, мы признаем только трудовые затраты, если мы не хотим путем произвола в условной разверстке накладных затрат исказить те безусловные соотношения между разными товарными ценностями, какие вытекают из заведомо овеществленного в них труда, то косвенная разверстка общественных производственных затрат, именуемых накладными расходами, должна осуществляться в точном соответствии с прямыми индивидуальными затратами на производство конкретных изделий данного ассортимента. Итак, первое обобщение, вытекающее из требований закона трудовых затрат в применении к калькуляции, гласит: накладные расходы следует распределять пропорционально прямым затратам, или, говоря иначе, не поддающийся точному разложению труд подлежит разверстке в соответствии с трудом точно разверстанным.

Прямые затраты, однако, складываются, как известно, в общем из двух элементов—основных материалов и производственной зарплаты, или, говоря иначе, из мертвого труда, привнесенного из других производств, и из труда живого, овеществленного в данном производстве. Пропорционально каким же из этих затрат следует распределять те или иные из учитываемых нами накладных расходов? Мы уже видели, что наша практика одну часть накладных расходов (цеховые) без всяких

колебаний распределяет пропорционально только одному из этих элементов, т. е. живому труду, а другую часть (трестовские)—пропорционально полной заводской себестоимости, т. е. всей массе учтенного живого и мертвого труда. В отношении же общезаводских расходов, занимающих промежуточное положение между цеховыми и трестовскими, наблюдаются известные колебания. Инструкции ВСНХ решают этот вопрос по аналогии с цеховыми, а инструкция РКИ—по аналогии с трестовскими накладными расходами.

В чем же здесь зерно истины? И чем можно объяснить отмеченные колебания?

Мне кажется, что теоретически правильным было бы такое положение. Зависящие от размеров работы данного производства накладные расходы должны бы распределяться в соответствии только с теми прямыми затратами труда, которые характеризуют собою данное производство, т. е. в соответствии только с живым трудом, без всякого учета привнесенной сюда извне стоимости материалов и т. п. затрат. И наоборот: независящие или малозависящие от работы данного производства накладные расходы, очевидно, определяются условиями всего общественного производства в целом, а не только специальными условиями данной ступени производства. А потому их надлежит разверстывать пропорционально полной трудоемкости данной группы товаров или, говоря иначе, пропорционально полной сумме учтенных затрат в данном ассортименте изделий. Конечно, деление накладных расходов на зависящие и независящие от размеров работы данного производства в достаточной степени условно. Всегда найдутся такие затраты, которые будет трудно отнести без колебаний к той или иной категории. Но во всяком случае, такое деление с интересующей нас точки зрения было бы гораздо более плодотворно, чем чисто формальное деление затрат по месту их производства на цеховые, общезаводские, общетрестовские и т. д.[1] Несомненно, в каж-

[1] Кстати сказать, „деление накладных расходов на зависящие от нагрузки предприятий и не зависящие от таковой“ предусматривалось уже с первых шагов советской калькуляционной практики. (См. „Материалы по себестоим. продукции промышленности“ в сборн. „На новых путях“, изд. СТО, вып. IV, стр., 19. М., 1923). Но за отсутствием ясного сознания цели такого подразделения и установленного перечня тех и других расходов, оно до сих пор не вошло еще в жизнь.

дой из этих категорий затрат, хотя и в разной пропорции, найдутся и зависящие и не зависящие от нагрузки предприятия накладные затраты. Вот почему для них до сих пор еще не установлено твердого критерия разверстки. И калькуляторы-практики, нащупывая его эмпирически, от случая к случаю, не могут найти по этому вопросу между собою общего языка и вполне унифицированного мнения.

Еще труднее положение наших калькуляторов-практиков в тех производствах, где условной разверстке подлежат не только второстепенные накладные, но и основные производственные затраты. А это случается вовсе не редко. Такой случай имеет место везде, где результатом е д и н о г о производственного процесса является не один, а несколько разнокачественных рыночных продуктов, или, наряду с основным продуктом, появляется та или иная побочная продукция, или так наз. полезные отходы, угары, брак и т. п. Чаще всего мы наблюдаем это в химических производствах, где одна и та же реакция разменного разложения дает всегда по меньшей мере два различных продукта. Другой типичный случай представляет добыча и обработка полиметаллических руд, напр., серебросвинцовых, добыча и аффинаж платины от ее многочисленных спутников и т. д. Наконец, назовем еще для примера процесс нефтеперегонки, где из одного и того же материала в одном и том же процессе получается последовательно целая серия весьма разноценных возгонов. Что же касается полезных отходов, угаров, брака и т. п. побочных продуктов, то они являются обычными спутниками основной продукции почти во всех производствах.

По какому же принципу разверстываются по отдельным продуктам общие затраты в таких комплексных производствах?

Изучая инструкции ВСНХ, мы находим в них такие довольно беспомощные указания. В инструкции химическим трестам на случай одновременного производства двух и более фабрикатов рекомендуется: „В этом случае, по установленным общим правилам, калькулируется смесь этих фабрикатов, и продукция расценивается пропорционально коэфициентам, устанавливаемым Главхимом по соглашению с калькуляционным п/отделом ВСНХ СССР“. Но исходя из какого принципа будет устанавливать эти коэфициенты Главхим?—спросит читатель, не

удовлетворяясь этой досадной отсылкой от Анны к Кайяфе. Исходя из „колебаний продажных цен, в связи с которыми строятся коэфициенты“—весьма кратко сообщает нам инструкция[1].

Итак, для того, чтобы определить себестоимость своих изделий, Главхиму надлежит обратиться за справкой не в свой калькуляционный отдел, а на рынок—к прейскуранту продажных цен. Но хуже всего то, что и обращение к рынку в условиях советской экономики, где рынок уже не диктует бесконтрольно своих цен, а во все большей степени воспринимает их от Наркомторга, не сулит никаких плодотворных результатов. Главхим будет через рынок обращаться к Наркомторгу, а Наркомторг, если он не захочет строить своих цен с потолка, неизбежно обратится к Главхиму. И, таким образом, следуя инструкциям наших калькуляторов, мы никогда не вышли бы из этого заколдованного круга.

Апелляция к рынку в инструкциях по калькуляции себестоимости тем не менее отнюдь не случайна. Она повторяется с теми или иными модификациями каждый раз, как только калькуляционный отдел того или иного предприятия подходит к таким моментам ценообразования, которые при общественном характере производства могут и должны выходить за пределы данного предприятия.

Чтобы иллюстрировать эту мысль примером, обратимся хотя бы к металлургии полиметаллических руд. При одновременном получении, скажем, серебра и свинца из одной и той же руды калькуляция данного производства может дать лишь суммарные затраты по добыче и разделению данной группы металлов. Расчленение же этих затрат между серебром и свинцом она рекомендует производить по рыночным коэфициентам. В этом есть известный смысл, ибо, кроме сложных серебросвинцовых руд, в природе находятся и раздельные руды каждого из этих металлов. Ценность каждого товара определяется к тому же не индивидуальными затратами на данном руднике или заводе, а всей суммой их по всему общественному производству данного товара в целом. Отсюда ясно, что если учтенные прямые затраты на добычу 1 кг серебра в масштабе всей страны значительно выше, чем на выплавку 1 кг свинца, то и

---

[1] Методы калькуляции, вып. V, стр. 20—21

в отношении тех затрат, которые не поддаются точному расчленению в смешанном серебросвинцовом производстве, мы можем условно допустить разложение их, пропорциональное известной уже нам трудовой ценности этих продуктов в раздельных производствах. Но для этого нужно апеллировать не к рынку, где в цене находят свое отражение не только затраты труда и материалов, но и рентные и налоговые и всякие иные новообразования, а непосредственно к производственной отчетности других родственных трестов и предприятий.

Такой путь, разумеется, закрыт для капиталистических предприятий, ибо для этого им пришлось бы проникать в коммерческие „тайны" своих конкурентов. И потому они ориентируются на рыночные цены. Но для нас открыты все пути, ибо в социалистическом производстве не существует более коммерческих тайн. Вот почему советская калькуляционная практика делает ошибку, апеллируя к отживающему свой век рынку. Однако, чтобы изжить такого рода ошибки, наша калькуляция должна далеко выйти за пределы простейших ее элементов заводской или даже трестовской калькуляции. Ей предстоит расширить свои рамки до калькуляции произведенных затрат по изготовлению тех или иных взаимно заменимых благ в масштабе всего общественного их воспроизводства в целом.

Проблема заменимости благ в общественном их производстве имеет весьма существенное значение для процессов образования не только цен, но и ценности. Допустим, что какой-нибудь цели, напр., повышению урожая с десятины посева на 100 кг пшеницы, одинаково удовлетворяют различные количества навоза, фосфоритной муки, томасшлака или иных искусственных удобрений. В таком случае мы все эти удобрители, независимо от всех других их качеств, будем считать взаимно заменимыми для данной цели и расценивать относительно друг друга не по сравнительной величине затрат на их производство и доставку к месту использования, а по сравнительной эффективности их в этом использовании. Говоря иначе, производства заменимых благ мы должны рассматривать как единое производство и расценивать по средним для всех этих производств затратам, падающим на единицу производимого ими эффекта, т. е. на единицу их общественной полезности.

Этот момент не находит, однако, надлежащего отражения в нашей калькуляционной практике. Во всех случаях, когда дело идет о расценке, наряду с основной продукцией каких-либо производств, побочной их продукции, в частности, так наз. полезных отходов или угаров, брака и т. п., наши калькуляторы рекомендуют вычитание из общих издержек производства стоимости отходов для получения себестоимости основной продукции. Но когда дело доходит до указаний, по какому же принципу надлежит расценивать при этом вычитаемые отходы, то мы не находим в инструкциях ВСНХ никакой идеологической отчетливости и определенности. Напр., оценка угаров льняной промышленности „производится применительно к скале, выработанной комиссией по расценке угаров при ВТС“, в силикатной промышленности рекомендуется вычитать „стоимость отходов по цене возможного использования (?)“, в металлообработке точно так же оценивается брак—„в зависимости от возможности его использования“ и т. д.[1] Все эти указания не блещут теоретической определенностью и явно недостаточны для практического их использования. И лишь в одной инструкции мы находим директиву, идеологически вполне определенную. „Цена отходов,- читаем в этой инструкции,—устанавливается правлением треста по предельной их полезности“ [2].

Недавно тов. Бессонов отмечал влияние австрийской школы политической экономии на идеологию наших тарификаторов из НКПС. Мы думаем, что он несколько переоценил это влияние. Но все же отрицать его никак не приходится. Десять лет диктатуры пролетариата в нашей стране не прошли, конечно, бесследно. Коммунистическое руководство и транспортом, и промышленностью осуществлялось твердой рукой таких испытанных марксистов, как Ф. Э. Дзержинский и другие ветераны Октябрьской революции. И все же в щелях нашего социалистического транспорта и последовательно-социалистической промышленности и по сей день можно еще открыть весьма явственные следы совершенно чуждой нам чисто-буржуазной идеологии.

Конечно, нам не угрожают особыми опасностями эти осколки потерпевшей крушение идеологии. Но все же

---

[1] Методы калькуляции, вып. II, стр. 21, вып. XII, стр. 22, вып. XI, стр. 35.

[2] Там же, вып. V, стр. 25. М., 1927.

им не следовало бы столь откровенно выползать из своих щелей и красоваться в виде хозяйственных директив трестам на страницах официальных инструкций ВСНХ СССР. Тем не менее, это все же иной раз случается благодаря той величайшей идеологической беспризорности, в которой пребывают наши калькуляционные ячейки и тому подобные практические хозяйственные органы. Калькуляционные инструкции составляются у нас, конечно, весьма компетентными инженерами. Но трактуемые ими проблемы выходят довольно далеко за пределы чисто-технической компетенции инженеров. Конечно, даже очень хороший калькулятор-практик из инженеров не может теоретически осмыслить свою работу без помощи экономиста-теоретика. Если же спросить ВСНХ о его инструкциях по калькуляции: заглядывал ли в них когда-либо хотя бы мимоходом сколько-нибудь компетентный в вопросах экономической теории марксист,—то ответ получится заведомо отрицательный. Иначе ведь не получилось бы такого конфуза, как проповедь архибуржуазной теории предельной полезности от имени ВСНХ Союза Социалистических Республик.

Было бы большой ошибкой думать, что инж. Войтехова, пустившего в ход директиву о пользовании теорией предельной полезности в калькуляции, или проф. Белова, одобрившего в качестве редактора эту работу, можно обвинить в особом пристрастии к одиозной для нас теории австрийской школы. Ничего подобного. Можно с уверенностью сказать, что скорей всего они просто младенчески „невинны" по части всяких экономических теорий. И лучшим доказательством этого может послужить тот факт, что категория „предельной полезности", к которой они отсылают в своей инструкции тресты, увы, отнюдь им в их калькуляционных затруднениях никакой пользы представить не может.

Чтобы уяснить инж. Войтехову всю практическую бесполезность теоретического понятия „предельной полезности" в деле калькуляции, заметим лишь следующее.

Исходя из субъективных оценок потребителем полезности для него различных благ в зависимости от степени насыщения той или иной его потребности, австрийская школа определяет высоту ценности благ величиной „предельной" их полезности, т. е. наименьшей пользы, какую можно извлечь из единицы данного

рода благ в данном хозяйстве при заданном их количестве. Однако, если дело идет о благах, производимых специально для сбыта, то из них в данном хозяйстве нельзя извлечь никакой иной пользы, кроме выручки той или иной денежной суммы в результате их реализации на рынке. Таким образом, предельная полезность этих благ, именуемая австрийцами „субституционной" пользой, всецело определяется рыночной ценой таких благ [1]. Иными словами, ценность их определяется предельной полезностью, а эта последняя—рыночной ценою. И, стало быть, инж. Войтехов, предлагая трестам руководствоваться при оценке отходов этой мещански-убогой „теорией", не дает им, в сущности, никакого практически годного рецепта. Рыночные цены не даются ведь нашим трестам в готовом виде. Их еще требуется определить. А инж. Войтехов не мог бы для этой цели извлечь из арсенала австрийской школы ничего более вразумительного, чем весьма вульгарное указание, что оценка товаров покупателем определяется „степенью относительной редкости" этих товаров, или, говоря иначе, соотношением спроса и предложения.

Однако, эта весьма подержанная обывательская премудрость как-раз меньше всего пригодна в наших советских условиях планового регулирования цен. И во всяком случае, она ровно ничего не может дать для калькуляции цен, строящихся на базе трудовых затрат и трудовой ценности хозяйственных благ. Лишь теория Маркса могла бы в этом деле оказать существенную пользу нашим калькуляторам. Но, к сожалению, до сих пор они еще слишком мало уделяли ей внимания.

В свете теории Маркса проблема трудовой оценки отходов разрешается довольно просто. Мы знаем, что согласно этой теории, слиток золота, найденный без всякого труда на дороге, представляет собою такую же ценность, т. е. содержит в себе столько же овеществленного труда, как и золото, добываемое из рудников в нормальных условиях воспроизводства данного хозяйственного блага. И вообще трудовая ценность каких-либо благ определяется не фактическими затратами труда в том или ином конкретном предприятии, а средними общественно-необходимыми затратами на их воспроиз-

---

[1] Е. Бем-Баверк. Основы теории ценности хозяйственных благ, стр. 176—177. СПб., 1903.

водство в масштабе всего народного хозяйства. Какие же выводы отсюда следуют в применении к оценке тех или иных отходов?

Очевидно, до тех пор, пока эти отходы, напр., шлаки при выплавке чугуна, не находят себе никакого полезного применения, мы их рассматриваем, как не имеющие никакой трудовой ценности отбросы производства. И потому все затраты производства относим целиком на основной продукт—чугун. Но с того момента, как установлено, что, скажем, томасшлак может быть использован в качестве удобрения, причем тонна томасшлака эквивалентна по своему действию такому-то числу килограммов, скажем, фосфорита, томасшлак становится полезным отходом, т. е. побочным продуктом производства. И если мы не знаем, каких конкретных затрат стоит получение этого побочного продукта в металлургическом производстве, то нам стоит только обратиться к калькуляции таких производств, как добыча фосфоритов, дающих уже в качестве основного продукта полезности, эквивалентные по своему действию томасшлаку. Томасшлак и фосфориты являются в известных пределах заменимыми благами. И, стало быть, в качестве таковых, овеществляют в себе равные количества общественно-необходимого труда на единицу полезного эффекта. Вот критерий для расценки всякого рода полезных отходов и тому подобных побочных продуктов.

Их расценку в комплексных производствах мы можем и должны производить, минуя рынок, непосредственно из калькуляций затрат в более простых производствах, дающих эквивалентные полезности в качестве вполне обособленной и потому поддающейся точной калькуляции продукции. А тогда, за вычетом трудовой расценки побочного продукта, мы получим в остатке долю производственных затрат и по основному продукту комплексного производства. Для осуществления указанного метода, разумеется, необходимы известные организационные предпосылки. В общественном производстве и калькуляция должна быть организована на более широких общественных началах, чем в частно-капиталистических предприятиях. Секретность калькуляций у нас отпадает. Отдельные калькуляционные ячейки могут и должны объединяться вышестоящими органами для обмена взаимным опытом и наблюдениями в целые комплексы по линии производства родственных или замени-

мых благ. Тогда, при надлежащем методологическом руководстве их работой из центра, нам не придется напрасно тревожить ни никчемную для нас предельную полезность, ни отмирающий рынок.

Особый интерес в методике калькуляции представляет собою проблема качества продукции. Во всех производствах, где мы имеем дело с сортировкой или „браковкой“ разнокачественной продукции, перед калькулятором встает огромной трудности вопрос о сравнительной расценке высших и низших сортов, или так наз. брака. Возьмем для примера процесс сортировки хлопкового волокна на хлопко-очистительных заводах или льняного волокна после его расчески на соответствующих машинах. И плохое, и хорошее волокно получается с одного и того же поля, зачастую даже с одного и того же стебля. Стало быть, сказать, что более длинные и прочные волокна потребовали бо́льших трудовых затрат, чем короткие и слабые, калькулятор не может. Точно так же в угледобыче из одного и того же пласта мы получаем и плиту, и рядовой уголь, и штыб, и орешек. Из одной и той же обжигательной печи мы извлекаем и лучше и хуже обожженный кирпич, и цельный, и битый. Из одного и того же кряжа на лесопилке получаются доски без сучка и задоринки, и со всякими изъянами. Из одной и той же мясной туши на бойне мы выкраиваем и филейную вырезку, и грудинку, и голяшки. Во всех этих случаях нам известна лишь общая сумма затрат на весь полученный ассортимент, но как ее разнести по сортам, по какому критерию—это вопрос, требующий самого серьезного рассмотрения.

Как разрешается эта проблема в инструкциях ВСНХ?

Какого-нибудь общего ее решения мы не нашли в этих инструкциях. В большинстве из них мы вообще не находим по этому вопросу никаких указаний. Лишь в одной инструкции для калькуляции разных сортов проката рекомендуется „приведение продукции прокатного производства к нормальному сортаменту и пересчет себестоимости на единицу п р и в е д е н н о й продукции“ [1]. Но как-раз этот случай не типичен дли рассматриваемой проблемы, ибо в данном случае речь идет о таких

[1] Методы калькуляции, вып. VIII, стр. 43 и сл. На практическом использовании этого приема „приведения“ в данном конкретном случае мы не останавливаемся, так как считаем его неудачным или по меньшей мере весьма дискутабельным.

сортах проката, которые различаются не столько качественно, как количественно—размером и профилем изделий—и вполне поддаются раздельной калькуляции. Тем не менее, идея приведения разносортной продукции к какому-то нормальному стандарту, принимаемому за единицу измерения, заслуживает всяческого внимания. И вся трудность использования этой идеи сводится к нахождению технически пригодных приемов измерения качества разносортной продукции. А это хоть и не легкая, но все же принципиально вполне разрешимая задача.

Проблема соизмеримости качества различных сортов какого-либо одного товара, т. е. продуктов одного и того же назначения сводится на наш взгляд к измерению их сравнительной полезности или эффективности с точки зрения этого их назначения. Мы не могли бы соизмерить сравнительную полезность для нас, скажем, тонны чугуна и тонны томасшлака, поскольку эти продукты имеют совершенно различное назначение. Но если речь идет о таких благах, какие могут быть использованы, хоть и с неравным успехом, но для одной и той же цели, то мы должны их рассматривать, как заменимые блага. Они становятся соизмеримыми. И нам остается лишь установить более или менее точные коэфициенты эквивалентности этих благ с точки зрения ожидаемого от них эффекта. Вместе с тем, эти коэфициенты дадут нам меру эквивалентности тех же благ и по трудовой их ценности, ибо заменимые блага, как уже было отмечено выше, овеществляют в себе, согласно теории, равные количества общественно-необходимого труда на единицу полезного эффекта.

Практическое измерение качества различных сортов товара мерою полезного их эффекта в различных случаях требует, разумеется, различных приемов. Но в общем это уже дело техники товароведения, лабораторных испытаний, заводских калькуляций и прочих приемов грядущей прикладной науки, именуемой стандартизацией. Лишь в качестве иллюстрации остановимся на двух—трех примерах.

Поставим, напр., своей задачей соизмерить полезный эффект плиты и штыба при сжигании их в силовых установках. Для этого придется учесть, конечно, не только весовое соотношение плиты и штыба, потребных для получения одного и того же энергетического эффекта,

но и разницу в издержках производства на единицу этого эффекта при пользовании тем и другим сортом угля, в зависимости от разного их качества. Задача сводится, стало быть, к получению сравнительной калькуляции производства энергии из того и другого сорта угля при прочих равных условиях. Такую калькуляцию может нам дать любая крупная электростанция или теплотехнический институт или иное подобного же рода учреждение. Как же ее должен использовать калькуляционный отдел Донугля или другого добывающего углетреста? Очевидно, он должен установить такие коэфициенты эквивалентности для сравниваемых сортов угля, франко-рудник, при которых издержки производства, скажем, тысячи квт-час. энергии, включая сюда все затраты на перевозку и хранение угля, обслуживание и амортизацию силовых установок и т. д., были бы равны и при том, и другом сорте топлива.

Вопрос о „качестве“ сравниваемых сортов топлива разрешается таким образом в конечном счете на основе калькуляционных расчетов. Однако, для этой цели приходится использовать калькуляцию не только того предприятия, где производятся данные сорта топлива, но и тех, где оно потребляется.

Точно так же может быть разрешен вопрос о сравнительном качестве разных сортов всяких иных материалов и товаров производственного назначения. Полезный эффект битого кирпича по сравнению с цельным в строительном производстве ниже потому, что для использования битого кирпича требуется больше труда и вспомогательных материалов (извести, цемента) на один кубический метр кладки. Эта разница поддается учету в калькуляциях строительства и, стало быть, может послужить мерою „качества“ сравниваемых сортов материала.

Несколько сложнее стоит вопрос об измерении качества различных сортов товара, предназначенных для личного потребления. И здесь, разумеется, мерой качества должен служить прежде всего полезный эффект сопоставляемых сортов изделий, поддающийся вполне объективной оценке и измерению. Напр., качество одежды, полученной из волокна различной прочности, можно соизмерить сравнительным сроком ее службы, разницей затрат на стирку и починку за время службы, относительной теплопроводностью ткани, если она должна защищать от холода, и т. п. технико-экономическими

показателями. Точно так же высшее качество „филейной вырезки“ по сравнению с „голяшками“ определится прежде всего количеством усвояемых калорий, которое организм может извлечь из единицы веса того и другого сорта, сравнительными затратами труда и дополнительных вкусовых приправ и материалов, необходимых для приготовления соответствующих блюд из того и другого продукта, и т. п. коэфициентами хозяйственного их эффекта. Но, разумеется, эти коэфициенты нельзя уже извлечь в готовом виде из тех или иных производственных калькуляций. Они должны быть получены в результате специальных экспериментальных исследований в соответствующих институтах товароведения и других учреждениях по стандартизации.

Во избежание недоразумений заметим сразу, что все эти коэфициенты эквивалентности различных сортов того или иного товара по полезному их эффекту имеют в виду лишь хозяйственную эффективность этих благ и отнюдь не должны совпадать с субъективными оценками потребителя, „предельной“ для него полезностью тех или иных благ и тому подобными категориями. Мы не игнорируем того факта, что потребителя интересует не только прочность и долговечность ситца, но и его рисунок. Но поскольку и вкусы поддаются специальному изучению, мы можем изготовлять рисунки на все вкусы, отнюдь не считаясь с этим моментом при определении полезного эффекта разных тканей. Точно так же, позволительно ожидать, что рыночный спрос на филейную вырезку будет предъявляться гораздо более энергичный, чем на грудинку и голяшки, поскольку разница в их расценке учтет лишь полезный их эффект без внимания к вкусовым запросам потребителя. Но во-первых, вариации вкуса могут быть и здесь перекрыты в известной степени разными способами приготовления. Хороший гарнир, соус или салат к грудинке не менее эффективен в этом отношении, чем богатый выбор рисунков для дешевых ситцев. Голяшки, не использованные в домашней кухне, могут быть обращены на заводскую выварку весьма питательного и вкусного „бульона“ и т. д. А, во-вторых, повышенный спрос на те или другие сорта товара может оказать известное действие на рыночные цены. Но он отнюдь не должен оказывать никакого влияния на калькуляцию издержек производства и трудовой ценности интересующих нас благ.

Мы не можем исчерпать здесь всех тех интереснейших и труднейших проблем, какие стоят уже сегодня или встанут в ближайшие годы перед теоретиками и практиками советской калькуляции. С каждым годом, чем сильнее будет наше организованное влияние на рыночные цены, тем важнее будет для нас располагать хорошо продуманными методами и рационально построенными органами калькуляционного дела. Нам хотелось здесь наметить лишь основные вехи путей развития этого дела. Но эта цель не была бы вполне достигнута, если бы мы не прибавили к сказанному следующего.

Наша калькуляционная практика развивается на почве капиталистического опыта и традиций. Ее основная единица измерения—рубль. Конечно, это не плохая единица. В особенности, когда ею пользуются для измерения кристаллизованного в тех или иных вещных ценностях мертвого труда. Но задача всякой калькуляции—получить итог затрат в производстве и мертвого, и живого труда. В существующей калькуляционной практике и живой труд измеряется рублями выплаченной зарплаты. Но зарплата не отражает собой *всей* ценности, создаваемой живым трудом. И в этом лежит основной грех современной калькуляции. Она суммирует *неравнозначные* с точки зрения образования трудовой ценности величины. Оперируя *формально* вполне тождественным для обоих случаев измерителем—рублем, она по существу совершает элементарнейшую ошибку сложения фунтов с аршинами или рублей с полтинниками.

К чему приводит эта ошибка?

Прежде всего, к неполному учету затрат живого труда, т. е. *добавляемой* в процессе производства ценности по сравнению с *воспроизводимой лишь* в этом процессе ценностью материалов и прочих средств производства. А во-вторых, к неточному распределению накладных затрат, ибо они по необходимости разделяют судьбу прямых расходов, и если прямые расходы в одних случаях учитываются полнее, чем в других, то эта ошибка распространяет свое влияние и на калькуляцию накладных затрат, т. е. обслуживающего труда и проч. Правда, вышеуказанный недоучет отчасти восполняется такими добавочными денежными затратами, как налоги, рентные платежи, проценты на занятый капитал и т. п. Однако, эти затраты, так же, как и начисляемая средняя норма прибыли, определяются вне всякой прямой связи с усло-

виями труда в различных производствах и удельной трудоемкостью тех или иных изделий. А потому измеряемая рублем денежная себестоимость того или иного продукта отнюдь не может служить сколько-нибудь надежной мерой его трудовой стоимости.

Этого обстоятельства во всяком случае не следовало бы забывать тем марксистам, которые, пропагандируя, подобно тов. Бессонову, внедрение закона трудовых затрат в советскую практику распределения, требуют с этой целью, чтобы цены нашей продукции целиком определялись так наз. „себестоимостью" этой продукции плюс определенная норма накопления. Некритическое сближение категории трудовой стоимости товаров с совершенно отличным от нее понятием капиталистической их „себестоимости" привело бы нас не к торжеству теоретических идей Маркса, а лишь к весьма беспринципной их вульгаризации.

Капиталистическое предприятие не интересовалось трудовой стоимостью своей продукции. Ему достаточно было определить денежную себестоимость этой продукции, чтобы судить путем сопоставления с рыночными ценами о сравнительной ее рентабельности. Но для советского хозяйства, которое само диктует рынку цены на свои продукты, понятие „рентабельности" теряет свое контролирующее значение. Для него, чтобы проверить целесообразность и эффективность намечаемой им политики цен, необходимо иметь ясное представление о действительной стоимости так или иначе расцениваемых им благ.

А действительная стоимость определяется лишь трудовыми затратами, а не такими всецело зависящими от нашего произвола элементами „себестоимости", как, скажем, все налоги, пошлины, акцизы, попенщина, плата за недра и т. п.

Поэтому советская калькуляция уже теперь должна наряду с денежными расходами уделять гораздо больше внимания, чем это делалось доныне, учету трудовых затрат и в денежном, и в натуральном их измерении. А в будущем ей придется калькулировать исключительно трудовые затраты, приводя к трудовой единице измерения все виды издержек производства и обращения.

Но это уже особая тема, заслуживающая специального рассмотрения.

7. О ПРОМЫШЛЕННОМ НАКОПЛЕНИИ

Если принять за мерило накопления норму прибыли то в среднем для промышленности союзного значения, эта норма колебалась от —17,5% по лесной промышленности до + 21,2% по пищевой. Однако, для советской промышленности такая мерка мало показательна. Капиталистический предприниматель, действительно, может накоплять только за счет прибылей. И если вместо прибылей получается убыток, то для него теряет всякий интерес продолжение производства. Но не так обстоит дело в советском хозяйстве. Здесь хозяином предприятия является государство, которое получает не только предпринимательскую прибыль, но и вообще всю „прибавочную ценность", извлекаемую в данном предприятии, и, стало быть, может осуществлять накопление не только за счет прибылей, но и за счет налогов, ренты, процентов, уплачиваемых данным предприятием Госбанку или Промбанку, и т. д.

В самом деле, лесная промышленность в 1925/26 году дала нам 4,2 млн. руб., или 17,5% убытку. И с частнохозяйственной точки зрения ее следовало бы признать крайне нерентабельной и закрыть. Но, взглянув в ее счет производства (см. табл. 39), мы увидим, что эта промышленность уплатила нашим банкам одних процентов 5,5 млн. руб., а если к этому прибавить налоги и попенщину (27,2 млн.), поступившие в казну от тех же лесных трестов, то окажется, что лесная промышленность, была для нас весьма рентабельной, и если бы мы закрыли эти „убыточные" тресты, то одна казна потеряла бы за год свыше 28,5 млн. руб. дохода, не говоря уже о потерях лесных рабочих, которые в таком случае остались бы без работы и попали на иждивение той же государственной казны или соцстраха.

Таким образом, для нас мерой „рентабельности" и возможного накопления в промышленности может быть только норма накопления, ни в коем случае не норма прибыли. А если еще принять в расчет, что за советским государством в качестве подлинного хозяина обобществленной промышленности стоит сам рабочий класс, то придется признать, что с точки зрения его интересов было бы невыгодно закрывать даже такие предприятия, которые не способны дать не только прибыли, но и каких-либо иных элементов „п р и б а в о ч н о й ценности".

Это значительно расширяет наши рамки возможной эксплоатации наличных средств производства в стране и шансы соперничества на международном рынке. До тех пор, пока у нас имеется резерв неиспользованной рабочей силы, мы можем работать даже на таких предприятиях, которые способны полностью оплатить за счет вновь создаваемой ценности только занятую в них рабочую силу. А если препятствием к расширению производства является недостаточность внутреннего рынка, то мы можем с выгодой для народного хозяйства выбрасывать на внешний рынок свои товары даже по таким ценам, которые не только не обеспечивают „прибылей“, но и предполагают возврат в виде экспортной премии налогов, попенщины и т. п. элементов дохода казны.

Все элементы накопления составляют у нас по табл. 40 до 30% продажной цены промтоваров. Стало быть, таков средний предел расхождения экспортных цен с ценами внутреннего рынка, до которого мы можем спускаться при неблагоприятной конъюнктуре в интересах возможно полной загрузки работой наших предприятий и сокращения резервной армии безработных. Но, разумеется, этот предел колеблется в довольно широком диапазоне для разных производств и для некоторых может быть поднят значительно выше названной цифры.

Норма „прибавочного продукта“, извлекаемого в разных отраслях промышленности, весьма различна. Это результат отклонения цен от ценности. Установление средней нормы накопления для всего народного хозяйства не мешало бы нам и впредь повышать или понижать цены отдельных товаров по сравнению с их ценностью, но оно позволило бы нам делать это более сознательно и планомерно. В частности, оно позволило бы нам вполне объективно разрешить один из тех вопросов налоговой политики, который особенно нас тревожит и волнует. Мы имеем в виду вопрос о сравнительной тяжести обложения различных социальных групп населения.

Современная теория переложимости налогов не дает надежных критериев для разрешения этой проблемы уже потому, что она совершенно игнорирует трудовую теорию ценности. Для нее все косвенные налоги переложимы, поскольку они входят в цену продукта, не затрагивая

средней нормы прибыли. Но мы не можем исходить из такого критерия. Налоги, входящие в цену продукта, если эта цена не отклоняется от трудовой ценности, не могут рассматриваться как переложимые, ибо предполагают вполне эквивалентный обмен ценностями продавца и покупателя. Переложимы лишь такие налоги, которые, повышая цену продукта выше его ценности, влекут за собой неэквивалентный обмен и, стало быть, известное перераспределение народного дохода в процессе обращения. Если бы мы могли использовать этот критерий переложимости, мы несомненно получили бы совершенно иную картину тяжести обложения разных групп населения, чем та, которую мы себе ныне рисуем.

В приведенных выше данных о структуре отпускных цен союзной промышленности мы ограничились лишь итоговыми данными о размерах прибылей и других важнейших элементов „прибавочной ценности". Она заслуживает, однако, значительно большего с нашей стороны внимания.

Прежде всего, приведем здесь развернутый счет прибылей и убытков по 73 трестам (см. табл. 43).

Максимальная величина в этом счете падает на сальдо прибылей и убытков от реализации товарных ценностей (685 млн.). Эта валовая накидка на заводскую себестоимость подлежит, однако, снижению за счет разных трестовских расходов, не вошедших в заводскую калькуляцию, и увеличению—за счет реализации услуг и некоторых коммерческих и финансовых операций трестов. Особого внимания в счете прибылей и убытков заслуживают отчисления в резерв снижения цен и погашения сомнительных долгов. Мы решительно оспариваем закономерность этих статей в названном счете. В порядке распределения полученных прибылей можно, разумеется, делать отчисления в какие угодно резервы. Но все же это будет резервированная прибыль, а не убыток. И потому уменьшать на эту сумму прибыль текущего года, как это до сих пор делалось в бухгалтерии ВСНХ, ни в коем случае не приходится. Впрочем, этот чересчур наивный прием сокрытия прибылей от обложения уже привлек к себе внимание НКФина, и в 1926/27 г. указанные бухгалтерские „резервы" претерпели существенную метаморфозу. Из „убытков" они снова обращаются в прибыль.

Таблица 43

Сводный счет прибылей и убытков по 73 трестам за 1925/26 г.

(в тыс. черв. руб.)

Наименование статей	Прибыли	Убытки	Сальдо	
			Прибылей	Убытков
1	2	3	4	5
1. От реализации товаров . . .	699473	18238	681235	—
2. „ „ материалов . .	7236	3092	4144	—
3. „ выполнен. работ на сторону.	8250	691	7559	—
4. „ „ комисс. поруч. .	569	—	569	—
5. „ реализ. % бумаг и инвалюты	423	296	127	—
6. Дивиденды от уч. в др. предпр.	4220	—	4220	—
7. Проценты за кредит	46934	70879	—	23945
8. От безденежных долгов . .	2085	24556	—	22471
9. „ переучета матер. ценностей	28688	15147	13541	—
10. „ переоценки и снижения цен	7124	9163	—	2039
11. Пени и неустойки	2574	3430	—	856
12. Торговые расходы	—	118838	—	118838
13. Административные расходы	—	64035	—	64035
14. Поправки по амортиз. отчисл.	10428	15131	—	4703
15. Содержание консервир. завод.	—	4596	—	4596
16 Стихийные бедствия	—	3928	—	3928
17. Выбывшее имущество . . .	—	5212	—	5212
18. Простои	—	3563	—	3563
19. Доходы от арендных статей .	1161	—	1161	—
20. Случайные доходы и расходы .	66976	70555	—	3579
Итого	886141	431351	454790	—
21. Отчисления в резерв:				
а) снижения цен	—	40022	—	40022
б) погашен. сомнит. долгов .	1268	15695	—	14427
Итого	1268	55717	—	54449
Всего	887409	487068	400341	—

Таблица **44**

Общеадминистративные и торговые расходы по 73 трестам общесоюзной промышленности за 1925/26 г. (в тыс. руб.)

Статьи расходов	Обще-админи-стратив-ные	Торго-вые	Итого	
			абс.	в %% к итогу
1	2	3	4	5
1. Зарплата	24518	22236	46754	25,24
2. Накладные на рабсилу	2006	1321	3327	1,80
3. Начисления на зарплату	5149	4203	9352	5,02
4. Содержан. ревизионн. комисс.	884	—	884	0,47
5. Канцеляр. и хозяйств. расходы	4007	2903	6910	3,79
6. Издательство	409	—	409	0,22
7. Содержание и ремонт помещ.				
а) аренда	2529	6395	8924	4,78
б) освещение	279	673	952	0,51
в) отопление	217	417	634	0,34
г) водоснабжен. и канализ.	60	96	156	0,08
д) уборка двора и помещен.	221	852	1073	0,58
е) текущий ремонт	1135	1423	2558	1,37
ж) страхование	53	76	129	0,07
з) амортизация	945	796	1741	0,93
и) возобновл. мелк. инвент.	77	105	182	0,10
к) охрана помещений	44	557	601	0,32
л) разные	15	116	131	0,07
Всего по п. 7	5575	11506	17081	9,15
8. Командировки и разъезды	4099	1828	5927	3,18
9. Налоги и сборы	13851	45750	59601[1]	32,09
10. Нотариальн. и бирж. сборы	717	2172	2889	1,55
11. Транспорт	1435	14668	16103	8,14
12. Реклама	—	536	536	0,29
13. Хранение товара	—	4789	4789	2,57
14. Комиссионные	—	214	214	0,11
15. Разные и случайн. расходы	6841	4905	11746	6,38
Итого	69491	117031	186522	100

Распределение прибылей и убытков

(в тыс.

Статьи \ Отрасли	Текстильная	Нефтяная	Металлическая	Сахарная
1	2	3	4	5
А. Прибыль:				
1. Остаток прибыли до отчетн. года	313	36885	10261	—
2. Прибыль за 1925/26 год	199090	52027	33075	40423
Итого	199403	88912	43336	40423
3. Распределение прибыли:				
а) в подоходный налог и местные сборы	18125	4198	1748	3491
б) в доход казны	91500	23000	12379	15000
в) в фонд улучшения быта рабочих	21776	7174	4185	3693
г) в резервный капитал	36193	9566	6266	7387
д) в уставный капитал	577	—	—	—
е) на расширение производства	4169	7374	1578	—
ж) в ОДК Промбанка	15231	—	1003	3693
з) на погашение убытка прошлых лет	3592	—	726	—
и) в фонд премирования	452	120	79	92
к) оставлено на балансе	7788	37480	15373	7067
Б. Убыток:				
1. Остаток убытка до отчетн. года	9070	—	17879	—
2. Убыток за 1925/26 г.	25	—	13623	—
Итого	9095	—	31502	—
3. Списано убытка:				
а) за счет резервного капитала	2235	—	—	—
б) с прибыли отчетного года	3592	—	—	—
в) оставлено на балансе	3268	—	31502	—

Таблица 45

общесоюзной промышленности за 1925/26 г.

руб.)

Пищевая	Химическая	Бумажная	Электротехническ.	Угольная	Лесная	Итого
6	7	8	9	10	11	12
833	457	—	1536	61	—	50346
30594	27903	17731	14592	14544	2369	432348
31427	28360	17731	16128	14605	2369	482694
3143	2633	1755	1399	809	226	37527
9105	13400	7000	6100	4525	—	182009
2558	2802	1598	1335	2140	214	47475
2116	5054	3195	2670	2747	429	75623
1349	2643	4143	48	—	—	8760
—	180	—	565	—	910	14776
4086	609	—	1241	1172	—	27035
—	2	—	192	1329	584	6425
70	63	40	33	34	6	989
9000	974	—	2545	1849	—	82076
—	525	—	590	2751	21271	52086
—	1407	—	—	1723	10429	27207
—	1932	—	590	4474	31700	79293
—	—	—	—	—	—	2235
—	2	—	192	1329	584	5699
—	1930	—	398	3145	31116	71359

Налоговые и рентные платежи фиску по 73 тре

(в тыс.

Виды платежей / Отрасли	Металлическая	Текстильная	Нефтяная	Угольная
1	2	3	4	5
А. По калькуляции:				
1. Патентный сбор	1177	1552	266	560
2. Уравнительный сбор	4924	23491	652	1432
3. Гербовый сбор	2070	909	492	29
4. Нотар. и бирж. сборы	471	621	343	57
5. Прочие налоги и сборы	1516	2124	850	983
6. Пошлины	869	—	4635	
7. Акцизы	12	78584	245	—
8. Рента	4052	2778	21338	5855
а) земельная	353	666	497	201
б) за недра	1642	169	20841	5634
в) лесная (попенщина)	2057	1943	—	20
Итого по калькуляции	15091	110059	28821	8916
Б. Из прибылей:				
1. Подоходный налог	1748	18125	4198	809
2. Отчисления в доход казны	12379	91500	23000	4525
Итого из прибылей	14127	109625	27198	5334
Всего платежей	29218	219684	56019	14250

[1] Прочие налоги и сборы—11350 руб.—составляются из :а) оценочного
ния—13, г) местного сбора—352, д) налогов на лошадей и автомобили—294,
отправляемых грузов — 98, з) разные и не распределенные — 9069 руб.

Таблица 46

стам общесоюзной промышленности за 1925/26 г.

руб.)

Электро-техническ.	Химическ.	Лесная	Бумажная	Пищевая	Сахарная	По всем отраслям
6	7	8	9	10	11	12
453	426	377	144	869	78	5902
1776	3963	690	1585	3944	7475	49932
523	249	497	?	?	?	4769
223	239	90	16	671	484	3215
384	331	297	868	159	3838	11350[1]
—	—	1294	—	—	—	6798
—	8334	7	—	372486	232471	692139
31	126	23941	1099	—	145	59365
31	66	11	—	—	30	1855
—	60	—	—	—	—	28346
—	—	23930	1099	—	115	29164
3390	13668	27193	3712	378129	244491	833470
1399	2633	226	1755	3143	3491	37527
6100	13400	—	7000	9105	15000	182009
7499	16033	226	8755	12248	18491	219536
10889	29701	27419	12467	390377	262982	1053006

сбора—391, б) налогов со строений—1056, в) налога на жилые помеще-
е) на сделки по продаже и покупке — 59, ж) попудных с прибываемых и

Из других статей заслуживают детального расчленения административные и торговые расходы трестов (см. табл. 44).

Приведенная нами расшифровка дана по отчетности трестов в том виде, как эти расходы были учтены нами в сводных таблицах по издержкам производства. При окончательном утверждении балансов соответствующих трестов в эти счета были внесены некоторые изменения, и в счет прибылей и убытков они включены уже в исправленных цифрах. Но эти исправления не имеют существенного значения. Существенный интерес представляет вопрос, во что нам обходится администрирование нашей промышленности. Если из общего итога административных расходов исключить налоги и сборы (14568 тыс. руб.), которые не имеют отношения к содержанию управленческого аппарата, то получим около 55 млн. руб. затрат на 4,5 млрд. продукции, что составляет 1,2% от продажной цены продукции. Цена не малая. И мы, несомненно, постараемся ее уменьшить за счет рационализации управления. Но если учесть, что этой ценой мы избавились от несравненно бо́льших затрат на содержание всей нашей дореволюционной крупной буржуазии, то придется признать такую цену чрезвычайно скромной [1].

О том, как распределились прибыли 73 союзных трестов за 1925/26 г., можно судить по табл. 45.

Всего распределено было 400 млн. руб. Из них в доход казны поступило 182 млн., или 45,5%, туда же под наименованием подоходного налога пошло еще 37,5 млн., или 9,4%, а всего отчислено для перераспределения через бюджет 219,5 млн., или 55%. Непосредственно на увеличение промышленных фондов, включая сюда и отдел долгосрочного кредитования Промбанка, оставлено 126,2 млн., или 31,6%, в фонд улучшения быта рабочих, на жилстроительство, клубы и проч. дано 47,5 млн., или 12%, на премирование, тантьемы, наградные и проч.—

---

[1] Промышленная буржуазия дореволюционной России тоже не мало затрачивала на оплату администрации. По данным ЦСУ, в 1913 г. только на „добавочное вознаграждение“ правлениям, директоратам и т. п., т. е. на тантьемы и наградные, было выплачено 43,5 млн. золотых, или 78 млн. черв. рублей. Да себе в карман, сверх того, хозяева положили не менее 320 млн. золотых, или 570 млн. червонных рублей чистоганом. См. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 90.

менее 1 млн., или ¼ процента. Остальные суммы обращены на погашение убытков прошлых лет или остались на балансе нераспределенными [1].

Однако, не следует думать, что перечисленными суммами исчерпывается весь тот фонд накопления, какой нам дает союзная промышленность. Если подсчитать только те суммы, какие получает бюджет от промышленности, то получим следующие цифры (см. табл. 46).

В этих итогах учтена не вся „прибавочная ценность“, извлекаемая в союзной промышленности, так как сюда не входит часть прибылей, остающаяся внутри промышленности, проценты, уплаченные за кредит, и арендная плата, идущая в доход муниципальных учреждений. И все же только те суммы, какие поступают в распоряжение фиска от 73 трестов, достигают 1052 млн. руб. Можно сомневаться, целеобразно ли строить столь сложную систему налогов и весьма дорогой аппарат взимания, чтобы извлекать из государственной промышленности под десятками наименований ту долю создаваемого в ней прибавочного продукта, какую можно было бы получить оттуда несравненно проще и дешевле в порядке регулирования нормы накопления и распределения прибылей.

К сожалению, наш бюджет и вообще вся наша финансовая система, отдавая дань инерции прошлого, не поспевает еще за всеми требованиями весьма своеобразно и мощно развивающейся новой советской экономики.

1928 г.

Г. ТАРИФНАЯ ПРОБЛЕМА В СССР

(Ответ тов. Бессонову)

1. ДИФЕРЕНЦИАЦИЯ ТАРИФОВ

Железнодорожные тарифы, как известно, и у нас в СССР, и на буржуазном Западе строятся по принципу довольно резкой диференциации в зависимости от двух моментов: от различной стоимости перевозимых грузов, во-первых, и от дальности их перевозок—во-вторых.

В горячей полемике, которая возникла в связи с пересмотром всей системы действующих тарифов, была

[1] Отметим, что итоги прибылей по табл. 45 на 5 млн. руб. выше чем в табл. 43, в связи с учетом последних поправок при утверждении отчетности трестов, а именно—по металлопромышленности на 2 млн. и по лесной на 2,8 млн. руб.

подвергнута сомнению между прочим целесообразность и закономерность этого принципа диференциации, составляющего самую основу действующей тарификации перевозок. То или иное разрешение этого спора чревато серьезнейшими последствиями не только для нашего транспорта, но и для перспектив развития всего нашего хозяйства СССР в целом.

В чем же суть этого спора?

Зачинщик спора тов. Бессонов, утверждает, что наличная диференциация тарифов является результатом неправильного теоретического подхода к построению тарифов. Наши тарификаторы придерживаются, дескать, заведомо неприемлемой для нас—марксистов—теории „платежеспособности грузов", представляющей собою транспортную модификацию пресловутого „закона" спроса и предложения. Именно из-за этой теории платежеспособности и получилась столь резкая диференциация действующих тарифных ставок. С своей стороны, тов. Бессонов рекомендует строить тарифы, отбросив прочь чисто рыночный принцип платежеспособности и заменив его в качестве опорного пункта „объективно-производственным принципом издержек производства или себестоимости". При этом предполагается, что себестоимость железным дорогам перевозок разных грузов не может зависеть от различной *оценки* этих грузов и должна по общему правилу возрастать только пропорционально весу грузов и расстоянию перевозок. Говоря иначе, всякая диференциация тарифных ставок, в зависимости от ценности грузов и дальности перевозок принципиально *отвергается*. А всякие отступления от этого принципа допускаются лишь в качестве временного компромисса, вынужденного невозможностью слишком резкой ломки установившихся на транспорте грузовых потоков и соответствующего им размещения производственных фондов.

В какой мере прав тов. Бессонов в своих утверждениях?

На мой взгляд, он прав только в одном. Пользовавшаяся до сих пор большим влиянием у тарификаторов из НКПСа *теория платежеспособности грузов* должна быть отвергнута. Как и все другие модификации теории спроса и предложения она скользит лишь по поверхности явлений рынка и потому не может нам дать сколько-нибудь удовлетворительного объясне-

ния протекающих гораздо глубже процессов ценообразования. Как в начале нашего спора, так и теперь, я не менее решительно, чем и сам тов. Бессонов, отвергаю эту крайне убогую, мещански поверхностную и явно фетишистическую теорию уже потому, что она не дает нам достаточного объяснения фактов и надежного руководства в практическом построении тарифов.

Но из того, что какая-либо т е о р и я плохо объясняет и обосновывает действующую п р а к т и к у тарификации, отнюдь еще нельзя без дальнейших обоснований отвергать вместе с теорией и практику диференциальных тарифов. В этом пункте, т. е. в отрицании закономерности и целесообразности наличной и у нас, и на Западе п р а к т и к и диференциальных тарифов, тов. Бессонов, на мой взгляд, глубоко не прав. И в этом я вижу основной смысл и интерес нашего спора.

Тов. Бессонов поднимает спор на принципиальную высоту. Он переносит его в область теории. И в этом его заслуга. В своих теоретических предпосылках он, как и я, стоит на одной и той же базе марксизма. Значит, о б ъ е к т и в н а я возможность договориться у нас имеется. Попробуем же еще раз по-деловому объясниться и реализовать эту возможность.

Практика диференциальных тарифов представляет собою экономический факт, который можно расценивать по-разному. Но, прежде всего, его надо объяснить. Откуда эта практика возникла, где ее корни в прошлом, почему она не отмирает в настоящем? Теорию платежеспособности мы отвергаем. Значит, надо предложить другую, более приемлемую с точки зрения марксизма. Что же дает нам в этом отношении тов. Бессонов?

Вчитываясь в опубликованные статьи тов. Бессонова, можно извлечь у него даже два ответа на поставленный вопрос. Один сводится к тому, что существующая практика тарификации объясняется тлетворным влиянием австрийской школы политической экономии на умы наших тарификаторов. Второй—объясняет эту практику, как результат спекулятивных махинаций железнодорожных магнатов. Оба ответа, на мой взгляд, равно неудовлетворительны. И я их решительно отвергаю.

Тов. Бессонов пишет: „Теоретический принцип платежеспособности представляет собой прямое порождение австрийской теории ценности, выводящей ценность из предельной полезности благ. Субъективная ценность пе-

ревозки для грузоотправителя, в качестве основания для назначения провозных плат, составляет теоретический лейтмотив всех тарифных рассуждений, начиная от Эмиля Закса в Германии и Витте в России и кончая современными теоретиками этого дела—Загорским, Оранжерееным и др. Теория тарифов—это последнее убежище, в котором австрийская школа уцелела в Советском Союзе, ничем не тревожимая и в полной теоретической сохранности" [1].

О чем здесь идет речь? Если только об идеологическом родстве теорий Витте, Загорского и других тарификаторов с постулатами австрийской школы, то мы вполне присоединяемся к сказанному с той лишь поправкой, что теория тарифов, увы, отнюдь еще не последнее убежище австрийцев на нашей почве. А если о том, что не только теория, но и практика наших тарифов есть „прямое порождение австрийской теории", то, конечно, мы отнюдь не склонны незаслуженно приписывать этой теории так много чести.

Идеи теоретиков вообще отнюдь не определяют собою экономического бытия, а, наоборот, сами определяются этим бытием.

Роль личности „австрийцев" в истории построения тарифов едва ли сколько-нибудь заметна даже на родной им по духу почве монополистического капитализма. А в наших советских условиях растлевающее влияние буржуазной австрийской школы на экономику социалистического транспорта, которым кого-то пугает тов. Бессонов, это и вовсе жупел, которым, конечно, можно еще привести к молчанию более робких оппонентов из числа беспартийных специалистов, но убедить кого-либо в серьезной опасности для нас этого влияния едва ли возможно.

Но у тов. Бессонова имеется в запасе еще одно объяснение происхождения диференциальных тарифов. Опровергая вздорное обоснование принципа платежеспособности у буржуазных экономистов идеями „справедливости", тов. Бессонов утверждает: „На самом деле диференциация тарифов по родам грузов и по расстояниям целиком выросла из политики рефакций и вымогательства, при которой вся справед-

[1] С. Бессонов. Перспективы районов, проблема транспорта и тарифная политика. Экон. Жизнь от 18 II 1928, № 42.

ливость железных дорог сводилась к тому, чтобы драть с мелкого (и бедного) грузоотправителя как можно больше, а с крупного (и богатого) как можно меньше"[1]. И в другом месте, ссылаясь на приведенное у Маркса разоблачение той же политики рефакций и вымогательств со стороны железнодорожных монополистов, он пишет еще решительнее: „Итак, для Маркса принцип платежеспособности („прямо пропорционально стоимости товаров") был лишь результатом спекулятивных махинаций железнодорожных магнатов, искажавших во имя своих интересов подлинную природу ценообразования на транспорте „пропорционально протяжению и весу", т. е. пропорционально издержкам перевозок"[2].

Разоблачение махинаций магнатов капитала дело при всяких обстоятельствах весьма полезное и похвальное. Но объяснение фактических процессов ценообразования в капиталистическом обществе политикой вымогательств или иных спекулятивных махинаций магнатов капитала, как это делает здесь тов. Бессонов, едва ли приемлемо для марксиста. Но особенный протест вызывают такие утверждения, когда они связываются с именем Маркса.

Мы уже отмечали в печати и теперь нам остается лишь повторить здесь, что, на наш взгляд, совершенно недопустимо навязывать Марксу столь поверхностные и плоские объяснения. Конечно, железнодорожные магнаты не менее всяких других склонны к наживе, вымогательству и спекуляциям. Но злая воля таких магнатов проявляется в действии лишь постольку, поскольку это допускают объективные законы экономики капиталистического общества. И задача экономиста путем углубленного анализа вскрыть эти объективные законы вместо того, чтобы беспомощно плавать на поверхности всякого рода спекуляций и махинаций. Железнодорожные тарифные ставки, как и другие цены в капиталистическом обществе, отнюдь не случайно отклоняются от ценности. Эти отклонения—и конъюнктурные, и стойкие—можно и должно объяснить. Но если бы Маркс хотел объяснить все отклонения цен от ценности в капиталистическом

---

[1] С. Бессонов. Проблемы тарифной политики. Транспорт и хозяйство, 1928, № 5, стр. 73. Разрядка моя.

[2] С. Бессонов. Задачи социалистического строительства и тарифная политика. Экон. Жизнь, № 64, от 16 III 1928. Разрядка моя.

обществе „целиком“ одними лишь спекулятивными махинациями магнатов капитала, то ему не пришлось бы писать III том „Капитала“. И различный уровень органического строения капитала, и регулирующее действие закона равной прибыли, и роль земельной ренты в процессах ценообразования,—все это оказалось бы совершенно излишними теоретическими тонкостями перед лицом столь осязательных и толстых фактов, как вымогательство капиталистов.

— Ну, а если бы магнаты капитала,—спрашивали мы уже раз тов. Бессонова,—в один прекрасный день вовсе отказались от всяких спекулятивных махинаций и занялись бы только вполне солидной коммерческой деятельностью? Отпали бы с этого дня отклонения цен от ценности в капиталистическом обществе вообще и на транспорте в частности, или нет?

Тов. Бессонов, уже дважды выступавший против меня в печати после этого вопроса, не ответил на него ни полслова. Мы с удовлетворением принимаем этот молчаливый отказ тов. Бессонова от неудачной попытки навязать Марксу такой вывод, которого он никогда бы не сделал, и поставим на этом месте точку.

Факт диференциации тарифов остался, таким образом, у тов. Бессонова без достаточного объяснения с точки зрения теории Маркса. И нам придется самим разрешить эту задачу. Но предварительно нам предстоит устранить следующее существенное недоразумение.

Сражаясь во славу марксистской ортодоксии с буржуазным „принципом платежеспособности“ в области тарифной политики, тов. Бессонов весьма решительно предлагает заменить его „принципом себестоимости“. Несведущий читатель мог бы на этом основании подумать, что „принцип себестоимости“ представляет собою образчик менее буржуазной или даже последовательно социалистической идеологии. Но в этом кроется глубочайшее недоразумение. Правда, по созвучию термины „себестоимость“ и „трудовая стоимость“ весьма родственны. Однако, по своему содержанию они так же далеки и чужды друг другу как вульгарная политэкономия— учению классиков и К. Маркса.

Тов. Бессонов с удовлетворением констатирует, что „в области промышленных цен давление жизни давным-давно заставило уже буржуазную мысль отказаться от чисто рыночной („австрийской“) теории ценообразования

и ввести в свою теорию цен (даже монопольных) в качестве опорного пункта объективно производственный принцип издержек производства или себестоимости“ [1]. Это не совсем точно, ибо даже родоначальник австрийцев, Бем-Баверк, никогда не отказывал в известном признании принципу издержек производства. Точнее было бы сказать, что буржуазная мысль всегда воздавала честь и закону спроса и предложения, и принципу себестоимости как „одинаково правомерным факторам ценообразования“. Но о чем же это свидетельствует? Да только о том, что оба они в равной мере являются плодами буржуазной, а не социалистической идеологии. И с этой точки зрения для нас хрен редьки не слаще.

Правда, трактуя о ценах, и Маркс не отказывался пользоваться категорией издержек производства. Но ведь в применении к ценам Маркс не отрицал и действия закона спроса и предложения [2]. Более того, именно действием этого закона рыночной конкуренции он объясняет те отклонения цен от ценности, которые приводят в капиталистическом обществе к равенству нормы прибыли в разных сферах производства. Существенная разница между Марксом и апологетами буржуазного строя в этом отношении сводится, однако, к тому, что Маркс, отнюдь не отрицая роли издержек производства и соотношения спроса и предложения в процессах ценообразования, не ограничивался этим, а шел дальше в своем анализе ценообразования вплоть до основной его базы, т. е. до закона трудовых затрат или закона ценности, а буржуазные экономисты вполне удовлетворяются своими плоскодонными принципами платежеспособности и себестоимости, категорически отрицая в то же время закон трудовой ценности со всеми его последствиями.

Почему же тов. Бессонов отдает столь решительное предпочтение буржуазному принципу себестоимости перед таким же буржуазным принципом платежеспособности?

С моей точки зрения это можно объяснить только тем, что в себестоимости он усматривает уже прямое отражение закона стоимости, т. е. тем, что он чересчур решительно сближает эти понятия. Иной раз он их сбли-

---

[1] С. Бессонов. Проблема пространства в перспективном плане. План. Хоз., 1928, № 6, стр. 63.

[2] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 1, стр. 159 и след. ГИЗ, 1923.

жает даже до полного отождествления. В полемике с Батицким у него имеется, например, такое утверждение: „В действительности принцип себестоимости или издержек производства, вообще говоря, насчитывает за собой не 70 лет существования, как думает тов. Батицкий, а по меньшей мере несколько тысячелетий“ [1]. Это очень смелое утверждение. Тов. Бессонову известно, что издержки производства плюс средняя норма прибыли, т. е. цены производства, по Марксу, регулируют обмен товаров, только начиная с капиталистической эры, а до этого обмен осуществлялся по трудовой стоимости. Значит, следуя за тов. Бессоновым, приходится признать одно из двух: либо капитализм существует уже несколько тысяч лет, либо тов. Бессонов вовсе не различает себестоимости от трудовой стоимости.

А между тем, различать их необходимо. Говоря словами Маркса, „обмен товаров по их стоимостям, или приблизительно по их стоимостям, соответствует гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима известная высота капиталистического развития“ [2]. Тов. Бессонов не должен упускать из виду, что в себестоимости учитываются только денежные, а не трудовые затраты. Так, например, вместо полных затрат живого труда там находит свое отражение лишь выплаченная за этот труд зарплата. А наряду с этим в себестоимость включаются акцизы, пошлины, налоги и т. п. издержки, вовсе не обусловленные трудовыми затратами. Спрашивается, может ли исчисленная таким образом себестоимость в какой-либо мере сближаться с понятием трудовой стоимости? Конечно, не может. И мы это, надеюсь, в достаточной степени иллюстрировали конкретным анализом советской калькуляционной практики [3].

Тов. Бессонов совершенно прав, когда он, следуя за Марксом, утверждает, что транспорт является таким же материальным производством, как и всякая другая отрасль промышленности, и выводит отсюда, что и законы образования стоимости на транспорте не должны ничем отличаться от образования ее во всех остальных сферах материального производства. Это безусловно верно,

---

[1] Транспорт и хозяйство, 1928, № 5, стр. 70. Разрядка моя.
[2] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 1, стр. 155.
[3] С. Струмилин. Процессы ценообразования в СССР. План. Хоз., 1928. №№ 5, 6, 7.

хотя и не ново. Непонятно только, зачем тов. Бессонову понадобилось изображать меня противником этого тезиса и поучать меня такими ссылками на Маркса, которые я сам уже неоднократно использовал в печати и притом даже раньше тов. Бессонова.

Однако, из того верного положения, что законы образования стоимости на транспорте те же, что и в промышленности, нельзя еще сделать никаких полезных выводов для тарификации перевозок, ибо тарифы отражают в себе рыночные цены, а не трудовую ценность перевозок. Цены же нашей продукции и на транспорте, и в промышленности отнюдь не совпадают со стоимостью этой продукции. Правда, средний уровень этих цен для всего общественного производства целиком определяется законом трудовых затрат, но по отдельным производствам мы имеем очень большие отклонения от этого уровня. Причем именно потому, что это отклонения от стоимости, их нельзя выводить из закона стоимости, а нужно привлекать к объяснению еще какие-то иные дополнительные экономические категории. И всякому марксисту должно быть понятно, что такими дополнительными факторами ценообразования в капиталистическом обществе являются стихийные законы рынка, а у нас, в плановом хозяйстве—сознательная экономическая политика советской власти.

Тов. Бессонов, приписывая мне мысль, „что транспорт не то, что промышленность, что это, пожалуй, даже не материальное производство, что это простой „накладной расход“ на промышленное производство и что поэтому законы ценообразования в промышленности не могут относиться к транспорту“ [1], явно не понял меня и потому исказил мою мысль до неузнаваемости. Никогда таких вещей, какие мне здесь приписываются, я не утверждал. В „Экон. Жизни“ (№ 53), на которую ссылается при этом мой оппонент, сказано только следующее:

„...Транспорт обслуживает все народное хозяйство в целом. По отношению к этому последнему издержки транспорта являются необходимыми накладными издержками. И вопрос о таксировке отдельных грузов есть вопрос о распределении накладных расходов общественного производства по транспорту между отдельными видами продукции“.

---

[1] План. Хоз., 1928, № 6, стр. 67.

В обывательском представлении „накладные“ расходы это, прежде всего, нечто, гонимое Рабкрином, иначе говоря, это заведомо излишние, непроизводительные расходы, которые надо всемерно сокращать, если уже нельзя совсем избегнуть. Но тов. Бессонов, столь рьяно пропагандирующий ориентировку на издержки производства, мог бы несколько лучше разбираться в таких понятиях, как прямые и накладные издержки. К сведению тов. Бессонова могу сообщить, что в понятии накладных затрат нет ничего одиозного. Накладные расходы производства, по общему правилу, столь же общественно-необходимы и производительны, как и прямые производственные затраты. Калькуляционная практика промышленности, которую тов. Бессонов сам желает распространить и на транспорт, всегда относила к накладным издержкам производственные затраты всех о б с л у ж и в а ю щ и х основное производство цехов и вспомогательных производств, к которым обычно относится не только собственный транспорт трестов, но и силовые станции этих трестов, ремонтные мастерские и т. д. Мы идем дальше этой практики лишь в том отношении, что выходим за рамки отдельного треста и говорим о всем общественном производстве в целом.

Наперекор утверждению тов. Бессонова я думаю, что законы образования стоимости и цен на транспорте таковы же, как и во всех остальных сферах хозяйства. Издержки производства на транспорте должны исчисляться так же, как и в промышленности. Разделение на прямые и накладные издержки мы заимствовали именно из индустриальной калькуляционной практики. Мы лишь обобщаем ее на все народное хозяйство в целом. И говорим, что если бы мы мысленно объединили все это хозяйство в единый трест, то затраты транспортной промышленности, обслуживающей нас перевозками,—наряду с затратами районных электростанций, снабжающих нас энергией, и затратами целого ряда других обслуживающих производств,—нам пришлось бы рассматривать в цене конечного продукта как н а к л а д н ы е затраты.

Можно ли оспаривать, что транспортная промышленность о б с л у ж и в а е т народное хозяйство? Едва ли. Правда, тов. Бессонов пытается это сделать ссылкой на Маркса, который рассматривает ее как „с а м о с т о я т е л ь н у ю отрасль производства.“ Но ведь и производство электрической энергии давно уже сложилось у нас

в самостоятельную отрасль промышленности. И тем не менее мы не можем ее расматривать как вполне самодовлеющее производство, в отрыве от тех производств, которые оно призвано обслуживать своей энергией. Не является самодовлеющим, несмотря на свою организационную самостоятельность, и транспорт. Недаром Маркс говорит о „дополнительном производственном процессе транспортной промышленности“ [1]. Это значит, что продукцией транспорта надо считать не исчисляемые нами в качестве измерителя его работы тонно-километры, а те материальные грузы, перемещаемые в пространстве, производство которых восполняется этим „дополнительным“ процессом их перемещения к месту назначения. Иначе говоря, транспорт не замыкается на себя. Его можно рассматривать лишь как заключительную стадию общественного производства.

Чем же должна определяться трудовая ценность конечного продукта транспортной промышленности, т. е. перевезенных транспортом грузов?

Мы отвечаем на это в полном согласии с теорией Маркса: ценность их определяется суммой трудовых затрат во всех стадиях производства, не исключая заключительной стадии, т. е. работы транспорта. Но, анализируя отдельные слагаемые этой суммы, мы сталкиваемся с проблемой прямых и накладных затрат вообще и с проблемой зависящих и независящих от движения расходов транспорта в частности.

Прямые затраты это те, которые могут быть по условиям производства с полной определенностью отнесены непосредственно к тому или иному конкретному продукту или однородной по качеству группе продуктов. Их, стало быть, можно отнести к стоимости этих продуктов безо всяких условностей. Но, благодаря общественному характеру современного крупного производства, имеется целый ряд трудовых затрат, обслуживающих одновременно производство целого комплекса разнокачественных благ. Это так наз. накладные затраты. Например, труд инженера, руководящего всей фабрикой или даже целым комбинатом фабрик и заводов. Мы знаем, что это труд производительный, образующий ценность. Но в какой доле его следует разнести на разные товары, выпускаемые, скажем, таким комби-

[1] Капитал, т. II, стр. 122.

натом как Югосталь? Это вопрос уже более сложный. Однако, калькуляционная практика отвечает на него довольно решительно, распределяя такого рода накладные затраты пропорционально прямым. И это, на мой взгляд, единственно приемлемый метод с точки зрения теории трудовой ценности. Труд общественного обслуживания производства на какой-либо его стадии, если мы не хотим внести произвола в определение относительной ценности для нас разных благ, может быть разлагаем между ними лишь пропорционально уже учтенной на предшествующих стадиях производства их удельной трудоемкости или, что то же, пропорционально прямым затратам овеществленного в них труда.

Принимая этот принцип распределения индивидуально неразложимых затрат к транспорту, мы относим к ним все так наз. независящие от движения затраты. Сюда относится содержание управленческого аппарата, ремонт станционных строений, амортизация их и целый ряд других расходов того же рода. Их величина заведомо ничем не связана—ни с родом, ни с весом перевозимых грузов, ни с дальностью их пробегов. Это типичные накладные расходы. Их можно относить к тем или иным категориям грузов только условно, пропорционально овеществленному в них труду. Тогда как зависящие от движения затраты в качестве прямых расходов транспорта поддаются точному отнесению к тем или иным грузам и возрастают согласно теории, в прямой пропорциональности от веса и дальности пробегов данных грузов.

Как видим, для того, чтобы прийти к этим выводам, нам отнюдь не приходилось апеллировать к принципу платежеспособности, закону спроса и предложения и тому подобным рыночным факторам. Мы целиком оставались до сих пор на почве закона трудовых затрат и той практики калькуляции издержек производства, какая у нас господствует во всех отраслях промышленности. И, тем не менее, наши выводы заключают в себе вполне достаточное теоретическое оправдание наличной практики диференциальных тарифов на транспорте. В своих статьях в „Экон. Жизни“ мы уже иллюстрировали это цифровым расчетом [1]. Воспроизведем этот расчет еще раз.

[1] С. Струмилин. Тарифная проблема в плановом хозяйстве. „Экон. Жизнь“, 1928, № 53, и „Еще о тарифной проблеме“, №№ 80 и 82.

Зависящие от движения издержки железных дорог составляют у нас ныне, примерно, около 0,5 копейки из расчета за тонно-километр груза. Независящие и мало зависящие от размеров грузооборота затраты можно оценить грубо в 4% от стоимости поступающих на железные дороги грузов. Исходя из этих коэфициентов, издержки транспорта по перевозкам различных грузов за тонну можно выразить в зависимости от цены груза и дальности его пробега, следующей весьма элементарной формулой $x = 0{,}5\,l + 0{,}04\,v$, где l тарифное расстояние в километрах, а v—оценка груза франко-станция отправления в рублях и копейках за тонну. Допустим, что нам нужно протарифицировать три груза: дрова, ценою 6 руб. за тонну, зерно, ценою 60 руб. за тонну, и какие-либо промизделия, например, сахар, ценою 600 руб. за тонну. Тогда получим следующую таблицу:

Таблица 47

Издержки железных дорог по перевозке тонны груза в рублях и процентах от оценки груза

Пробег в км	Дрова (6 руб.)				Зерно (60 руб.)				Промизделия (600 р.)			
	Издержки		Итого		Издержки		Итого		Издержки		Итого	
	зав.	не-зав.	абс.	в % %	зав.	не-зав.	абс.	в % %	зав.	не-зав.	абс.	в % %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
50	0,25	0,24	0,49	8	0,25	2,40	2,65	4,4	0,25	24,00	24,25	4,05
100	0,50	0,24	0,74	12	0,50	2‘40	2,90	4,8	0,50	24,00	24,50	4,08
200	1,00	0,24	1,24	21	1,00	2,40	3,40	5,7	1,00	24,00	25,00	4,17
300	1,50	0,24	1,74	29	1,50	2,40	3,90	6,5	1,50	24,00	25,50	4,26
500	2,50	0,24	2,74	46	2,50	2,40	4,90	8,1	2,50	24,00	26,50	4,41
1 000	5,00	0,24	5,24	87	5,00	2,40	7,40	12,3	5,00	24,00	29,00	4,83
2 000	10,00	0,24	12,24	204	10,00	2,40	12,40	20,7	10,00	24,00	34,00	5,67
3 000	15,00	0,24	15,24	254	15,00	2,40	17,40	29,0	15,00	24,00	39,00	6,51

Как видим, чем дороже груз на единицу веса, тем медленнее возрастает для него наш перевозочный тариф и тем более дальнюю он может выдержать перевозку. Причем на коротких расстояниях дорогие грузы тари-

фицируются значительно выше дешевых, а на дальних эта разница постепенно выравнивается. Конечно, фактические тарифы строятся у нас эмпирически, вне всякой зависимости от теории трудовой ценности, и потому далеко не совпадают с нормами нашей таблицы. Но общий характер их изменения в зависимости от ценности груза и тарифного расстояния тот же, что и в нашей таблице.

Насколько наша схема отличается от действующих в 1928 г. тарифов, видно из следующей справки:

Таблица 48

Провозная плата с обязательными дополнительными сборами

(в руб. и коп. за тонну, по № 100) [1]

Пробег в км	Дрова (6 руб.)				Хлеб в зерне (60 руб.)				Сахар (600 руб.)			
	Провозная плата	Дополнит. сборы	Итого абс.	Итого % %	Провозная плата	Дополнит. сборы	Итого абс.	Итого % %	Провозная плата	Дополнит. плата	Итого абс.	Итого % %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
50	7,3	50	1,23	20,5	1,98	1,17	3,15	5,2	3,79	1,47	5,26	0,9
100	1,08	50	1,58	26,3	3,96	1,17	5,13	8,6	7,57	1,47	9,04	1,5
200	1,65	50	2,15	35,8	7,92	1,17	9,09	15,1	15,15	1,47	16,62	2,8
300	2,09	50	2,59	43,2	9,61	1,17	10,78	17,9	22,21	1,47	23,68	3,9
500	2,85	50	3,35	55,8	12,01	1,17	13,18	21,9	34,33	1,47	35,80	6,0
1 000	5,67	50	6,17	102,8	15,28	1,17	16,45	27,4	55,84	1,47	57,31	9,6
2 000	11,37	50	11,87	197,8	20,58	1,17	21,75	36,2	67,91	1,47	69,38	11,6
3 000	17,03	50	17,53	292,2	25,25	1,17	26,42	44,0	79,73	1,47	81,20	13,5

Как видим, дешевые грузы у нас тарифицируются на близких расстояниях выше, чем следовало бы по нашей схеме, дорогие—ниже. На дальних пробегах все грузы тарифицируются выше нормы. Фактическая диференциация тарифов для дешевых грузов круче теоретической, для

[1] Сбор за погрузку и выгрузку грузов—2%, сборы на образовательные цели и местные налоги с грузов не включены. Приняты к учету сборы: 1) станционный, 2) организационный, 3) взвешивание, 4) особый сбор со складочного помещения.

дорогих, наоборот, много положе. Но эти отклонения от нормы объяснимы в порядке учета отклонений цен от ценности в результате той или иной экономической политики и сами по себе отнюдь не колеблют значения представленной нами схемы.

Конечно, наша схема призвана лишь иллюстрировать известную теоретическую мысль. Как и всякая другая схема она сознательно упрощает действительные процессы ценообразования на транспорте. На самом деле, „зависящие“ от движения расходы изменяются не только в зависимости от веса груза и дальности пробегов, но и от скорости движения и целого ряда других измерителей. Говоря иначе, мы имеем здесь не прямую пропорциональность затрат от расстояния, а значительно более сложную функциональную зависимость. Но не эти усложняющие общую картину детали интересуют нас в данном споре.

Самой ценной для марксиста особенностью предложенной схемы является, на мой взгляд, то, что она не требует от нас никаких даже временных компромиссов с буржуазной идеологией, никаких эклектических комбинаций из „принципа“ себестоимости с „принципом“ платежеспособности и т. п. теоретической мешанины. Целиком стоя на почве закона трудовых затрат, мы обосновываем необходимость диференциальности тарифов, исходя из одного лишь учета соотношения прямых и накладных издержек труда на транспорте.

Как же реагирует на эту теоретическую установку тов. Бессонов?

Насколько я мог понять, он не реагирует на нее никак, так как он, повидимому, даже не заметил этой установки. Согласен он или возражает против неизбежности разнесения „накладных“ расходов всякого производства пропорционально овеществленным в комплексной продукции прямым затратам труда? Неизвестно. Настаивает ли он попрежнему на том, чтобы издержки транспорта определялись так же, как и в промышленности, или уже готов установить для транспорта особые методы калькуляции накладных затрат? Неизвестно. Приведенной мной аргументации он вообще не касается, а излагает мой подход следующим образом:

„В № 82 „Экон. Жизни“ тов. Струмилин изложил свой способ решения тарифной проблемы, заключающийся в том, что тарифы на 40% строятся по издерж-

кам производства и на 60% по платежеспособности грузов" [1].

Не ясно ли, что тов. Бессонов упорно не хочет или не может понять, о чем идет спор?

Вопрос мною ставится о том, как следует определять трудовую стоимость перевозимых грузов, а вовсе не о том или ином „сочетании" равно непригодных для этой цели принципов себестоимости и платежеспособности. И тов. Бессонов тщетно пытается ускользнуть от этой постановки спорной проблемы.

Истолковав по-своему предложенный мною способ решения тарифной проблемы, тов. Бессонов оспаривает его следующим образом.

Во-первых, он находит предложенный мною принцип разнесения зависящих и независящих расходов „неверным", но почему он неверен, не объясняет. Во-вторых, он заявляет, что эксперимент, на который зовет тарифную политику Струмилин, „н е н у ж е н и в р е д е н, ибо он покоится на неправильных предпосылках", но какие именно предпосылки неправильны и почему, не сообщает [2]. В-третьих, „в переводе на язык практики", Струмилин, по словам тов. Бессонова, предлагает „полный переворот в современной тарифной системе", угрожающий нам „катастрофой". А в-четвертых, оказывается со слов того же Бессонова, что „если откинуть способ аргументации (Струмилина), то самый метод сочетания двух принципов не нов. В качестве переходной меры, за два месяца до выступления тов. Струмилина, он был предложен и принят коллегией НКПС по докладу автора этих строк" (т. е. тов. Бессонова) [3].

Итак, выдвинутое нами решение тарифной проблемы не только неверно, ненужно и катастрофически вредно, но к тому же еще и неново, так как тов. Бессонов предложил его месяца на два раньше нашего. Это курьезное предъявление авторских прав со стороны тов. Бессонова даже на „неверные" „ненужные" и „вредные" идеи своих оппонентов, как и всякое проявление самоотверження, заслуживает всяческого поощрения. И потому я охотно ему уступаю ту эклектическую похлебку из „двух принципов" в области тарифных построений, которая ему

[1] План. Хоз., 1928, № 7, стр. 61.
[2] Экон. Жизнь, 1928, № 102.
[3] План. Хоз., 1928, № 7, стр. 59.

принадлежит по праву. Но мне кажется, что столь легко „откинутый“ им „способ аргументации“ за идею диференциальных тарифов заслуживал бы с его стороны большего внимания.

Можно даже сомневаться, понял ли тов. Бессонов предложенный мною принцип разверстки независящих расходов. „Ошибка тов. Струмилина,—по объяснению нашего оппонента,—заключается в том, что он независящие расходы“ (к тому же преувеличенно исчисленные) включает в тарифы всегда в одном и том же размере, назависимо от расстояния. Между тем, совершенно очевидно, что известная часть „независящих“ расходов, падающих на данную перевозку, обратно пропорциональна дальности пробега“[1].

В этих словах явное недоразумение. Никаких таких расходов, которые падали бы на данную перевозку обратно пропорционально дальности пробега, не бывает. И на проф. Михальцева тов. Бессонов напрасно ссылается. Нет у проф. Михальцева об этом ни слова. Повидимому, речь идет не о „перевозке“, а о пудоверстной ставке. Вот из расчета на 1 пудо-версту или тонно-километр независящие от движения затраты, действительно, падают обратно пропорционально пробегу. И если тов. Бессонову именно это „совершенно очевидно“, то в чем же моя ошибка? Ведь именно потому независящие расходы и падают обратно пропорционально пробегу из расчета на тонно-километр, что они не зависят от дальности пробега. Например, „независящие“ затраты по перевозке тонны зерна составляют по нашей прикидке за всю перевозку 2 р. 40 к., независимо от пробега. Это значит, что на 1 тонно-километр при пробеге в 10 км эти затраты составят 24 коп., а при 160 км пробега—2,4 коп. Зависимость явно обратно пропорциональная. Против чего же возражает тов. Бессонов?

В качестве конкретного возражения против моей схемы тов. Бессонов выдвинул еще следующее: Струмилин, на его взгляд, „переоценивает“ значение так наз. независящих расходов железных дорог, определяя их в 60%. „Лет 30—40 назад такая цифра могла казаться приемлемой. Сейчас она явно устарела“[2]. И в доказательство этого тов. Бессонов ссылается на все-

---

[1] План. Хоз., 1928, № 7, стр. 62. Разрядка Бессонова.
[2] Экон. Жизнь, № 102, от 4 мая 1928 г.

возможные литературные источники, беспокоит имена разных профессоров и не делает только одного, не заглядывает в текущую отчетность НКПС. А если бы он заглянул туда, то нашел бы как-раз ту цифру, которую оспаривает [1]. Впрочем ему кто-то уже указал его ошибку. И в последнем своем выступлении он уже сам удостоверяет: „Действительно, официальные отчеты так именно и оценивают долю „независящих“ расходов на железных дорогах“ [2]. И теперь он пытается лишь ослабить это признание тем, что деление на зависящие и независящие расходы весьма условно, и что при желании можно эту официальную отчетную цифру снизить до 30 и даже до 25%.

Может быть это и так. Я не проверял расчетов проф. Михальцева и Фролова. Но именно поэтому я предпочитаю пользоваться вместо весьма сомнительных выкладок и извлечений из вторых рук подлинными отчетами НКПС. Тем более, что если бы принятую мною цифру и пришлось понизить, предложенная мною схема расчета отнюдь от этого бы не изменилась. Переводя спор на конкретные цифры, которые могут быть даны только правильно поставленной отчетностью, тов. Бессонов уходит от существа спора о методах определения стоимости перевозок.

Констатируя это, мы, в конце концов, приходим к следующим выводам. Отрицая правомерность факта диференциальных тарифов в советском хозяйстве, тов. Бессонов не представил достаточного теоретического объяснения наличности этого факта. Но, как мною показано, оно имеется и может быть дано на основе анализа процессов образования трудовой ценности,—общих и для транспорта, и для промышленности. Тов. Бессонов должен либо заняться по существу этим анализом и опровергнуть его методологические основания, либо пересмотреть в корне свое отношение к принципу диференциации тарифов на транспорте.

2. ТАРИФЫ И ПЛАН

Мы считаем установленным, что известная диференциация тарифных ставок по стоимости грузов и тарифному расстоянию не только не противоречит, но даже

---

[1] Сводный годовой отчет по жел.-дор. транспорту за 1924/25 г. стр. 52—53. М., 1926. То же за 1925/26 г., стр. 10. Изд. НКПС, 1927.
[2] План. Хоз., 1928, № 7, стр. 59.

прямо вытекает из теоретически правильного метода калькуляции трудовых затрат на транспорте.

Если мы от учета трудовых затрат перейдем к более легкому в наших условиях учету денежных затрат, образующих так наз. „себестоимость" перевозок, то и здесь различие в методах разнесения зависящих и независящих расходов неизбежно приведет нас к той же диференциации тарифов. И если это до сих пор не вошло еще прочно в практику калькуляции перевозочных тарифов, то это, прежде всего, объясняется той особенностью транспортной промышленности, что она всегда работает, так сказать, на чужом сырье. Она перерабатывает чужие материалы, т. е. перевозит чужие грузы. Их стоимость транспорту по общему правилу даже неизвестна. В результате, железные дороги калькулируют не реальную стоимость этих грузов франко-станция прибытия, а только себестоимость какой-то весьма абстрактной средней величины, именуемой „тонно-километром". Если мы, в конце концов, твердо усвоим себе, что транспортная промышленность, как и всякая другая, призвана производить реальные товары, а не отвлеченные тонно-километры, и примем к учету при разнесении накладных затрат транспорта различную стоимость этих товаров, то никаких споров о методах калькуляции перевозочных тарифов у нас не возникнет.

Но можем ли мы работу советского тарификатора ограничить элементарной задачей калькуляции фактических издержек перевозок того или иного груза для определения тарифной ставки, или должны признать его задачу в плановом хозяйстве значительно сложнее?

В тезисах „О порядке генерального пересмотра тарифов", предложенных тов. Бессоновым в феврале 1928 г. НКПС, сказано:

„Единственным принципом тарифной системы, соответствующим природе советского хозяйственного строя, задачам правильного развития районов и основам рационального транспортного хозяйства, является принцип реальной стоимости (издержки производства плюс фонд накопления) транспортной продукции, который и следует положить в основу советской тарифной системы". Если принять этот тезис всерьез, то проблема тарификации сведется к простой арифметике. Исчисляются „издержки производства", приплюсовывается установлен-

ный процент прибыли и дело в шляпе. Цена перевозок зафиксирована.

Но где же в таком случае место для той или иной плановой экономической политики в области транспорта? Разве „природа“ советского хозяйства противоречит задачам сознательного планового воздействия на народное хозяйство путем той или иной политики цен вообще и тарифной политики в частности? И разве обобществленный транспорт не является той командной высотой, овладев которой, мы получаем в руки один из наиболее мощных рычагов воздействия на всю экономику страны?

Достаточно только поставить эти вопросы, чтобы отвергнуть всякую схему, которая, совлекая нас с пути экономической политики на путь тарифной арифметики, вырывала бы у нас из рук в эпоху величайшей социальной революции один из важнейших рычагов регулирования хозяйственных процессов. Лишь в совершенно заоблачном отрыве от реальной действительности можно впасть в такой теоретический транс, из которого родятся подобные регулятивные идеи. Конечно, мы чрезвычайно нуждаемся в доброкачественной тарифной арифметике, точно определяющей стоимость перевозок в различных транспортных условиях, но не для того, чтобы автоматически фиксировать эти нормы в своде действующих тарифов, а лишь для того, чтобы сознательно отступать от них в ту или другую сторону в связи с намеченной хозяйственным планом экономической политикой.

Относится ли серьезно к своему тезису сам тов. Бессонов? Это мне не совсем ясно. В его статьях на этот счет имеются довольно разноречивые утверждения.

В самом деле, посмотрим, как ставит и разрешает тов. Бессонов чрезвычайно актуальную для нас проблему политики цен в советском хозяйстве.

„Должны ли мы в нашей политике цен,—спрашивает он,—заботиться лишь о том, чтобы в общем и целом, в масштабе всего СССР или в масштабе важнейших отраслей нашего хозяйства или отдельных отраслей промышленности, цены совпадали со стоимостями, или мы должны добиваться этого совпадения в более мелких звеньях общественного производства?“ И отвечает на это весьма категорически: „Конечный пункт нашей политики цен заключается в максимально точном отображении нашей ценой тех реальных

затрат труда, общественным выражением которых она является. Успехи в достижении этой цели являются в то же время и успехами нашего планового хозяйства“ [1].

Итак, наша политика цен в переходном обществе, каким является СССР, должна быть направлена к максимально точному совпадению цен с трудовой ценностью обмениваемых благ. Это очень ясное и определенное требование. Но оно, прежде всего, предполагает уже осуществленным такое гармоническое перераспределение общественных производительных сил, при котором все потребности находят себе достаточно полное и равномерное удовлетворение, ибо только в условиях такого стойкого равновесия между потребностями и средствами их удовлетворения не остается объективных оснований для отклонения цен от ценностей. Однако, где же такая гармония в окружающей нас действительности? И, во-вторых, оно означает принципиальный отказ от неэквивалентного обмена, т. е. отказ от какого бы то ни было перераспределения рыночными методами народного дохода между различными отраслями хозяйства и социальными секторами, от чего, однако, в условиях диктатуры пролетариата мы отнюдь не имеем никаких оснований зарекаться.

Лишь в коммунистическом обществе, т. е. после изжития всех хозяйственных диспропорций и классовых дисгармоний, мы могли бы решиться на проектируемую тов. Бессоновым политику. Однако, тогда уже не пришлось бы говорить о политике цен, ибо коммунистическое общество не будет нуждаться в ценах. Но на путях к коммунизму, т. е. в эпоху весьма напряженной классовой борьбы и коренного переустройства всей хозяйственной базы страны, такая доктринерская „политика“ ценообразования, которую правильнее было бы назвать сознательным отказом от всякой политики цен, представляет собой явную утопию, и притом весьма реакционную.

Цены, вполне соответствующие закону трудовых затрат, не создают никаких стимулов для реконструкции наличных производственных пропорций. Они, стало быть, целесообразны лишь с того момента, когда эти пропорции нас удовлетворяют, но не тогда, когда мы их расцениваем как „диспропорции“ и всемерно стремимся к их

---

[1] План. Хоз., 1928, № 6, стр. 71—72. Разрядка моя.

устранению. Такие цены не двигали бы нас вперед к новым производственным пропорциям. А всякая остановка в условиях классовой борьбы с устремленными назад силами капиталистического окружения означает для нас попятное, т. е. политически реакционное движение.

Директивы XV съезда, к которым апеллирует тов. Бессонов, отнюдь не оправдывают его установки в области политики цен. Ориентировка на пассивное следование цен за движением издержек производства вообще не нуждалась бы ни в каких специальных директивах. А между тем, мы имеем целый ряд директив в этой области, предполагающих весьма активную политику цен. Возьмем хотя бы директиву о снижении промышленных цен в целях сжатия так называемых „ножниц" между уровнями индустриальных и сельскохозяйственных цен. Эта директива, несомненно, направлена против оппозиционного требования „максимальной" перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу „индустрии", но в то же время она предостерегает и от другой крайности, т. е. полного отказа „от привлечения средств деревни к индустрии" [1]. Иными словами, съезд в своих директивах не только не отвергает, а даже прямо предполагает целесообразность известного перекачивания народного дохода из частного сектора в социалистический вообще и из сельского хозяйства в индустрию в частности. Другая директива того же съезда гласит: „В политике цен на продукты сельского хозяйства пятилетний план должен исходить из необходимости установления устойчивых и соответствующих планам производственного и личного потребления страны и экспорта соотношений в развитии отдельных отраслей сельского хозяйства". О чем говорит эта директива? О том, что политикой цен, т. е. относительным повышением одних цен по сравнению с другими, нам надлежит изменить наличные соотношения культур в соответствии с требованиями плана.

„Мне кажется,—говорил по этому поводу А. И. Рыков на том же съезде,—что политика установления более высоких цен на технические культуры и продукты жи-

---

[1] А. И. Рыков и Г. М. Кржижановский. Перспективы хозяйственного развития СССР. Доклады на XV съезде ВКП(б). ГИЗ. М., 1928 г., стр. 174 и 183.

вотноводства (по сравнению с зерновыми хлебами) является по существу правильной, так как при таких условиях создаются стимулы для развития в крестьянском хозяйстве наиболее прогрессивных и трудоемких культур и применения лучших методов хозяйствования... Но я не решился бы утверждать, что в современном цифровом соотношении мы нашли наиболее благоприятное разрешение вопроса о поощрении различных отраслей хозяйства и обеспечении нормального оборота между городом и деревней... В политике цен на различные продукты сельскохозяйственного производства мы имеем могучий рычаг воздействия на все сельское хозяйство "[1]. Итак, руководители нашей экономической политики, в отличие от тов. Бессонова, отнюдь не отказываются от стимулирующих производство поощрительных цен, т. е. от цен, явно нарушающих принцип эквивалентности, ибо эквивалентная цена не заключает в себе никаких стимулирующих начал. Более того, в таких ценах они видят могучий рычаг планового воздействия на хозяйство. И если тов. Бессонов хочет нас уверить, что именно отказ от этого рычага стимулирующих цен явится лучшим залогом успехов нашего планового хозяйства, то ему следовало бы вооружиться более солидной аргументацией.

Требования экономической политики, диктующие нам те или иные отклонения цен от ценностного уровня, весьма многообразны. Цены на сельскохозяйственные машины и минеральные удобрения мы зачастую снижаем значительно ниже их стоимости в интересах скорейшего подъема сельского хозяйства, цены на табак и водку, наоборот, сильно повышаем акцизными надбавками, чтобы сузить их потребление в интересах охраны здоровья. Область транспортных тарифов представляет собою, разумеется, не менее широкое поле приложения рациональной политики цен, чем промышленность. И когда тов. Бессонов от нас требует, чтобы законы ценообразования, применяемые в промышленности, были распространены и на транспорт, мы всецело к этому присоединяемся и делаем вывод: значит и на транспорте вполне уместна и целесообразна активная политика цен со всеми ее аттрибутами.

Мне кажется, что тов. Бессонов недостаточно оценивает следующие слова А. И. Рыкова: „...Транспорт

---

[1] Там же, стр. 14—15.

является в руках рабочего класса могучим средством для реорганизации всего народного хозяйства в целом, является огромной силы орудием влияния обобществленного сектора на все народное хозяйство. До сих пор мы еще не научились использовать транспорт для строительства социалистического общества хотя бы в такой же мере, как буржуазия использует его для развития своего капиталистического хозяйства. Она умеет через транспорт поднимать целые области, давать то или иное направление хозяйству в этих областях. Мы до сих пор подходим к транспорту исключительно как к извозчику. До последнего времени по-настоящему не поставили даже проблемы о том, как мы должны использовать транспорт в качестве орудия нашей экономической политики, в качестве инструмента воздействия социалистических элементов хозяйства на несоциалистическое“ [1].

Правда, у тов. Бессонова можно найти и такие места, где он, как-будто, приемлет использование железнодорожных тарифов в качестве рычага экономической политики. „Не подлежит ни малейшему сомнению,—замечает он в частности,—что пролетарское государство в течение длительного периода будет использовать тарифы, как орудие перераспределения народного дохода“ [2]. Но ведь такое признание обязывает к определенным выводам. Перераспределение народного дохода через тарифы предполагает неэквивалентность этих тарифов стоимости перевозок, т. е. реальным затратам труда, с ними связанным. И если тов. Бессонов уже признал целесообразность для пролетарского государства такой политики тарифов, которая предполагает эту неэквивалентность, то зачем же он одновременно настаивает на „максимально точном“ отображении в тарифах стоимости перевозок. Это два разных и совершенно несовместимых друг с другом принципа тарифной политики.

В приведенной выше выдержке из речи А. И. Рыкова на XV съезде партии особого внимания заслуживают его слова о том как, пользуясь рычагом транспорта, можно поднимать целые области, давая то или иное направление в развитии их хозяйства. В связи с директивой XV съезда, по которой „пятилетний план должен уделить

---

[1] Там же, стр. 39.
[2] Экон. Жизнь, № 64 от 16 III 1928 г.

особое внимание вопросам подъема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов", в словах А. И. Рыкова перед транспортом ставится одна из благодарнейших проблем перспективного плана советского хозяйства. И если такие проблемы способна разрешать даже буржуазия, то тем более ресурсов для их решения имеется в арсенале планового хозяйства. Как же разрешается эта задача в капиталистических странах и как ее пришлось бы разрешить по Бессонову?

Лучшим и наиболее испытанным средством экономического подъема отсталых районов методами транспортной политики в капиталистических странах считается проведение новых железных дорог в эти районы и обеспечение им вполне доступных диференциальных тарифов. Конечно, такие дороги и тарифы, связывающие центр с отдаленными, экономически отсталыми районами, заведомо могут оказаться на целый ряд лет явно убыточными. И все же предприниматель буржуа очень часто идет на эти убытки, заранее обеспечивая себе их покрытие скупкой за бесценок земельных площадей, прилегающих к новым дорогам, в расчете на неизбежное повышение рентабельности этих земель вследствие экономического приближения их к рынкам сбыта.

В чем заключается здоровая идея таких спекуляций? В том, что транспорт нельзя рассматривать изолированно от других отраслей хозяйства. Хозяйство всякого района надо рассматривать в целом, как единый комбинат, в котором временная убыточность транспорта зачастую является совершенно необходимой предпосылкой конечной рентабельности всего комбината в целом.

Эта очень элементарная истина, давно уже вошедшая в обиход работников Госплана и положенная ими в основу экономического районирования СССР, осталась, однако, повидимому, совершенно чуждой тов. Бессонову. Тов. Бессонов в принципе отвергает убыточные дороги и убыточные тарифы, ибо всякий тариф по его предложению должен в точности соответствовать „реальной стоимости транспортной продукции", полностью покрывая издержки производства и, сверх того, обеспечивая нормальную прибыль. Это, конечно, совсем другая,—не госплановская установка. Здесь транспорт рассматривается уже как нечто вполне самодовлеющее, оторванное

от всего народного хозяйства. Это уже не дополнительный производственный процесс, как его называл Маркс, а совершенно независимая от всех других производственных процессов продукция „тонно-километров" или „пудо-верст" как таковых. Каждый тонно-километр должен самоокупаться, каждая пудо-верста должна за свой пай обеспечивать рентабельность транспорта, как бы это ни отражалось на интересах всего народного хозяйства в целом,—вот к чему ведет эта установка. И это узко-синдикалистское, чтобы не сказать цеховое, замыкание интересов транспорта на себя, неизбежно приводит к соответствующему извращению и в области наших плановых задач и перспектив.

Мы не имеем еще развернутого перспективного плана в районном разрезе, и потому проблема районирования капитальных вложений, т. е. географического размещения новых промышленных и всяких иных предприятий, до сих пор не нашла еще себе достаточного отражения в наших плановых ориентировках. Однако, общие целевые установки в этом отношении давно уже определились. „Мы должны планировать не на дальнейший гипертрофический рост немногих центров, а на децентрализацию и возможно равномерное распределение новых промышленных поселений по всей стране. Самый характер городов при современных средствах сообщения и методах снабжения энергией может и должен быть изменен в корне",—писали мы еще год тому назад и указывали, в каком направлении следует проектировать эти изменения, чтобы „комбинировать промышленный и сельский труд в наивыгоднейших сочетаниях" [1]. Вместе с тем, у нас уже с первых шагов в этой работе наметилось общее смещение промышленных центров с запада на восток, к более отсталым окраинам.

„При выборе районов размещения промышленности,—читаем мы в пятилетке по промышленности,—мы, прежде всего, исходили из основной задачи—достичь максимальной эффективности капитальных вложений в промышленность и, в частности, максимального снижения цен. В силу этого пятилетний план промышленности стремился, поскольку это оказалось возможным, приблизить производство к сырьевым и энергетическим базам,

---

[1] Перспективы развертывания народного хозяйства СССР, стр. 11, 150. Госплан СССР, 1927.

с одной стороны, и к районам потребления продукции — с другой... Как пример приближения к источникам сырья, можно указать на запроектированное развитие хлопчатобумажной промышленности в Средней Азии и Закавказьи, развитие крахмало-паточной промышленности на кукурузной базе на Северном Кавказе, развитие крупного машиностроения на Урале и Украине по близости от источников металлургического сырья и пр... Что касается ориентировки на близость рынка потребления, то в этом отношении пятилетка стремилась предусмотреть перенесение некоторых отраслей промышленности прежде всего на восточные окраины, ибо ненормально такое положение, когда громадная масса сырья перевозится в центр, иногда за тысячи верст, для того чтобы здесь перерабатыватьcя и затем доставляться на места потребления за те же тысячи верст. Мы наметили развитие спичечной, сахарной, кожевенной и текстильной промышленности в Сибири, в Семиречьи, на Урале“ и т. д.[1]

Как бы ни оценивать эту установку в отдельных ее предложениях, но в целом мы ее и сейчас считаем правильной. Она отвечает, на наш взгляд, и директивам XV създа о подтягивании экономически отсталых районов. Тов. Бессонова, однако, эта установка совершенно не удовлетворяет. Он усматривает в ней „замалчивание проблемы транспорта“ в результате „неправильной теории районирования, которая сложилась в русской экономической литературе давным-давно и упорно держится до сих пор, питаясь соком „платежеспособной“ тарифной системы“. Из дальнейшего видно, что речь здесь идет, собственно говоря, о системе диференциальных тарифов и той тарифной политике, которая дает „железным дорогам широкую возможность понижать ставки на одни грузы за счет других, на одни перевозки за счет других, создавая тем самым, — как выражается тов. Бессонов — иллюзию сокращения расстояния, ликвидации затрат на перемещение грузов и т. д.“[2]

Рассматривая диференциальные тарифы, как „специфический метод ускорения промышленного развития в капиталистических странах за счет удешевления провоза сырья, удешевления рабочей силы,

[1] Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР, стр. 176. ВСНХ. М., 1927.

[2] План. Хоз., 1928, № 6, стр. 79—81.

расширения сбыта изделий и повышения промышленной прибыли", тов. Бессонов не приемлет его, однако, для советских условий. Избегая всяких „иллюзий", тов. Бессонов требует, чтобы при учете эффективности вложений в тех или иных районах мы исходили из учета „реальных затрат транспорта на передвижение грузов", а не действующих тарифных ставок, которые продиктованы теми или иными соображениями экономической политики.

Мы тоже стоим, прежде всего, за трезвый расчет, чуждый всяких иллюзий. Но разве экономическая политика строится без всякого расчета? Если мы в целях ускоренного развития, скажем, Кузнецкого бассейна устанавливаем убыточный тариф на перевозку угля по сибирским магистралям, то этот удешевленный тариф нельзя уже игнорировать при расчетах рентабельности проектируемых в районе этих магистралей Тельбесского или Магнитогорского заводов. В таком удешевленном тарифе кристаллизована воля законодателя, направленная именно к тому, чтобы вложения в Тельбесский и другие заводы в данном районе стали рентабельными и могли покрыть своей рентабельностью убытки транспорта. Это тоже расчет, но только выходящий за пределы элементарной тарифной арифметики. Он охватывает все хозяйство района в целом и учитывает на целые десятилетия вперед его перспективы. Вот почему мы никак не можем согласиться, чтобы такие плановые экономические расчеты, находящие свое отражение в тарифах, игнорировались как ничего не стоящие иллюзии и подчинялись примату калькуляционной арифметики тов. Бессонова.

При расчетах сравнительной эффективности вложений в разных районах должно исходить только из действующих и проектируемых в плановом порядке тарифных ставок и ни из чего другого. Если действующие тарифы вызывают сомнение с точки зрения их соответствия нашей экономической политике, то их, разумеется, надо пересмотреть. И в настоящее время по инициативе Госплана вся наша тарифная система, строившаяся от случая к случаю, подвергается генеральному пересмотру. Но мы не откажемся при этом пересмотре от идеи, что транспорт должен еще в большей мере, чем раньше быть активным рычагом нашей экономической плановой политики. В новом тарифе и впредь, стало быть, найдут свое

место целевые надбавки и скидки по сравнению с нормой реальных затрат транспорта. И эти целевые отклонения цен от ценности в наших тарифах придется всем рассматривать не как иллюзии, а как твердую директиву советской власти, подлежащую учету не только при перевозках грузов, но и при всех плановых проектировках новых капитальных вложений.

Чудовищной нелепостью было бы продиктовать дешевые тарифы, скажем, для кузнецкого угля и отказаться от его добычи на том основании, что если, мол, подсчитать стоимость перевозки не по этому удешевленному тарифу, а по „реальным" затратам транспорта на данном его участке, то добыча кузнецкого угля окажется „нерентабельной". Но ведь это значит заранее отказаться от развития грузооборота данного района до таких размеров, какие и при установленном дешевом тарифе обеспечат полную его рентабельность. Говоря иначе, это значит не видеть дальше своего носа и вовсе не учитывать тех перспектив, во имя которых всегда ведется такая тарифная политика.

Ошибочность позиции тов. Бессонова обнаруживается и в другой плоскости. Предлагая тарифицировать перевозки по реальной их себестоимости, он неизбежно толкает нас на декретирование особых тарифов для каждой железной дороги и даже для каждого участка, ибо „реальные затраты" разных дорог в зависимости от густоты грузооборота чрезвычайно колеблются. Это и теоретически непоследовательно. Не требует же от нас тов. Бессонов, чтобы мы установили различную для каждой шахты Донугля цену за тонну „плиты" или „штыба" только потому, что реальные затраты по добыче их в каждой шахте весьма различны. Практически же это требование прямо губительно. В зависимости от различной густоты оборота мы вынуждены были бы установить наиболее дешевые тарифы для перевозок в давно обжитых центральных районах и наиболее дорогие—на окраинах, т. е. вопреки всяким директивам партии экономически отрывать окраины от центра и тормозить подъем отсталых районов в интересах гипертрофического развития промышленных центров.

Хочет ли этого тов. Бессонов? Нет, не хочет. Оспаривает ли он устремление авторов пятилетки „к усилению единства народного хозяйства Союза и к наиболее полному и экономически целесообразному разделению

труда между районами?"[1]. Нет, не оспаривает. Напротив, сваливая с больной головы на здоровую, он их упрекает в том, что промышленность „не расселяется" в наших перспективных планах, в том что она „остается в старых районах". Причем он пытается убедить всех, что это вытекает как-раз из неправильной политики нашей в области тарифов, „приспособленных именно к старым районам"[2]. Как же это у него увязываются концы с концами?

Прежде всего, вовсе неверно, что в наших проектировках размещения новых вложений мы остаемся в старых районах. По имеющимся у нас подсчетам вложений в промышленность, мы повышаем удельный вес наших восточных окраин, начиная с Урала, по меньшей мере процентов на 30 за пятилетие. Но эта проектировка исходит из действующей тарифной политики, которая выравнивает тарифные ставки по всей сети и таким образом удешевляет их для окраин за счет центра, которая для наиболее дальних перевозок дает особенно пониженные ставки и таким образом удаленные окраины сугубо приближает к центру и которая не останавливается даже перед постройкой в отсталых районах заведомо убыточных пионерных дорог для ускоренного развития этих районов. Если это называется „приспособлением" тарифов к интересам старых районов, то как назвать установку тов. Бессонова, которая принципиально отвергает все указанные методы стимулирования экономического подъема отсталых районов?

Мы думаем, что здесь не может быть двух мнений. Установка тов. Бессонова, во всяком случае, не отвечает требованиям планового хозяйства вообще и директивам XV съезда в частности. И потому мы ее отвергаем.

3. О МАНЕРАХ ПОЛЕМИКИ

В деловых товарищеских дискуссиях следует избегать излишнего полемического обострения. И потому я отнюдь не хотел бы оказаться инициатором такого обострения. Меня очень удивило поэтому обвинение тов. Бессонова в том, что я в своих статьях „обрушился на защитников принципа издержек производства как на неучей, диллетантов, недоучек, незрелых молокососов и т. д.". Пере-

[1] Материалы к пятилетнему плану, стр. 176.
[2] План. Хоз., 1929, № 6, стр. 78—87.

читав заново все свои статьи, я не нашел в них ни одного из этих эпитетов. Поэтому я отнюдь не могу принять на себя ответственность за такую манеру полемики.

Но должен сказать, что и меня не вполне удовлетворяет манера полемики, культивируемая тов. Бессоновым. Он не дает себе труда понять своего противника, и потому постоянно искажает его мысли, приписывает ему зачастую прямо противоположное тому, что им написано, и затем торжествует победу, опровергая свои собственные измышления. Я не буду здесь повторять те образчики такого рода полемики, на которые я уже обращал внимание своего оппонента в предыдущих статьях.

Об этом вообще не стоило бы говорить, если бы такая манера не слишком затрудняла спора.

В излишней полемической горячности тов. Бессонову ничего не стоит заявить, что Струмилин выступает „в защиту теории платежеспособных тарифов", хотя я, наоборот, отвергаю эту „теорию", и отстаиваю дифференциацию тарифов, исходя из совсем другой теории. Он очень легко обвиняет меня в пренебрежении к авторитету Маркса, только потому, что я приглашаю своих оппонентов исследовать обсуждаемую проблему методом Маркса. Он уверяет читателей, что я не знаком даже с основными работами Маркса и поучает меня цитатами из его писаний, давно уже использованными мною в печати. Вообще ему очень хочется уверить и себя, и других, что я никуда негодный марксист, склоняющийся к буржуазной идеологии, и что меня вполне своевременно по этому случаю отлучить от церкви.

Должен уверить тов. Бессонова, что эта манера полемики тоже в достаточной степени уязвима: оно, конечно, легче всего опровергнуть „всякую „ересь" отлучением от церкви. Но для этого ведь прежде всего нужно самому быть непогрешимым папой. А между тем тов. Бессонова, повидимому, никакой конклав не снабдил необходимыми для сего качествами и полномочиями. И прежде чем учить ортодоксии других, ему не мешало бы самому укрепиться в этом деле.

Конечно, никто не является судьей в собственном деле. Может быть и мне придется признать ту или другую ошибку. Но пока я не убежден аргументами тов. Бессонова. В ошибки впадают нередко и не плохие, марксисты. И потому я лично, хотя и считаю тов. Бес-

сонова глубоко неправым в нашем споре, отнюдь не склонен объяснять это какими-нибудь одиозными с его стороны уклонами. Мне просто кажется, что он еще не достаточно продумал тарифную проблему. Но, считая его очень вдумчивым и талантливым ученым, я не сомневаюсь, что рано или поздно он еще откажется от своих ошибок в разрешении этой проблемы.

Д. ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ

1. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ БЫТА

Социалистический город — это последняя ступень обобществления индивидуального хозяйства. Он призван революционизировать последний оплот индивидуализма — архаический домашний быт современного производителя — путем индустриализации и обобществления его домашнего хозяйства.

Такая целевая установка помимо всяких иных мотиваций вытекает уже из требований хозяйственной целесообразности. Во всех областях труда технический прогресс неизменно влечет за собой одни и те же последствия — укрупнение мелкого индивидуального производства, механизацию его, дальнейшую концентрацию в масштабах крупного индустриального производства и затем обобществление. Распыленное индивидуальное производство уступает свои позиции крупному уже потому, что оно менее экономично.

Те же самые тенденции довольно явственно проявляют себя и в области домашнего обслуживания. „Святость" семейного очага уже тогда сильно дрогнула, когда на место индивидуального печного отопления пришло гораздо более дешевое центральное — водяное и паровое. Но вот с постройкой крупных электроцентралей, дающих в виде *отходов* огромное количество горячей воды и отработанного пара, необходимость использования этих даровых отходов энергии властно диктует идею *теплофикации* городов, т. е. централизацию отопления уже в пределах целых кварталов или городов вместо одного дома. Это еще более удешевляет центральное отопление и стало быть еще решительнее упраздняет индивидуальный печной очаг в каждой семье.

Прежде всего в этом процессе изживания домашнего очага в городе выпадает наиболее прожорливая в отношении топлива русская печь, а затем и голландские

печи и плиты. Но без печей не осуществимо домашнее хлебопечение и крайне затрудняется даже при наличии газовых плит, примусов и т. п. суррогатов очага домашнее изготовление обедов. И по мере того как в городе вырастают огромные механические хлебозаводы, гигантские фабрики-кухни и общественные столовые, способные не только дешевле, но и вкуснее накормить семью рабочего, чем это под силу рядовой домашней хозяйке,—для домашней стряпни наступают последние дни.

Изучая бюджет времени рабочей семьи, мы уже несколько лет тому назад установили, что фабрика-кухня на изготовление одного обеда затрачивает труда в 12 раз меньше, чем в домашнем производстве, хлебозавод на выпечку 1 центнера хлеба—в 25 раз меньше, а водопровод на доставку 1 гектолитра воды—в 360 раз меньше, чем для этого требуется в домашнем быту при отсутствии водопровода [1]. Эти коэфициенты не только уже сами по себе предрешают грядущие судьбы домашнего хозяйства, но и объясняют, почему водопровод давно уже стоит вне всякой конкуренции с водовозами и водоносами, хлебозавод следует за ним с некоторым отставанием, а фабрика-кухня встречает на своем пути еще довольно успешное сопротивление домашних навыков и семейных традиций.

Труд в издержках производства обедов по сравнению со стоимостью материалов и топлива играет довольно второстепенную роль. И потому даже значительная экономия в труде в этом производстве при прочих равных условиях еще не играет решающей роли. Лишь дальнейший технический прогресс в этой области, гарантирующий все возрастающую экономию в топливе и материалах, при повышении вкусовых качеств и сытности фабричных обедов поставит их экономически вне всякой конкуренции. И тогда не устоят уже никакие противоборствующие семейные традиции.

Особенно ретроградную роль эти традиции играют в области воспитания детей. Семейное воспитание конкурирует с общественным чаще всего во имя якобы наилучшего обеспечения детям материнской любви и заботы. Но ограниченность этой узко эгоистической любви ярче всего проявляется в том, что якобы из любви к детям чадолюбивые мамаши в этом случае обычно

[1] С. Струмилин. Рабочий быт в цифрах, стр. 29—34. М.—Л., 1925.

действуют им во вред, ибо общество в целом конечно способно дать своим детям гораздо больше, чем даже лучшие из матерей, взятые в отдельности. Однако, убедить их в этом было бы совершенно безнадежным делом. Материнские инстинкты слепы и глухи ко всякой логической аргументации. Но бесплатная трудовая школа, детский сад, ясли обладают уже сами по себе огромной объективной убедительностью. Дети сами к ним тянутся и тянут за собою матерей.

А общество в целом, беря на свое иждивение воспитание детей от люльки до университета, обеспечивает себе тем самым не только наиболее рациональную подготовку новых кадров труда, но и гораздо более эффективное использование старых. Освобожденные от бесплодной возни на кухне и индивидуального ухода за своими детьми миллионы домашних хозяек смогут заняться гораздо более полезным производственным и общественным трудом.

Чтобы оценить масштабы возможной экономии труда за счет обобществления домашнего быта, приведем несколько цифр (см. табл. 49). Бюджеты времени крестьян и рабочих показывают, что только на приготовление пищи, стирку белья и уход за детьми из расчета на душу населения расходуется не менее 700 часов в год. На 158,5 млн. душ наличного населения в стране этот расход составляет до 86 млрд. рабочих часов. Считая в году даже 300 рабочих дней по 10 час., этот труд занял бы все же около 25—30 миллионов годовых работников. А в результате обобществления быта нам для той же цели не потребуется и пятой доли этой армии труда. Таким образом, мы освободим для более производительного использования не менее 20 млн. годовых работников. Считая по весьма низким нормам 1927/28 г., каждый производственный работник города и деревни на круг повышает наш народный доход минимум на 500 руб. в год. Значит 20 млн. новых работников могли бы повышать его ежегодно по меньшей мере миллиардов на 10. Суммы не малые. Но и предварительные затраты, необходимые для получения этой экономии, не шуточны.

Для социалистического переустройства существующих и строительства новых городов по социалистическому плану потребуются огромные затраты. И в старых городах наличный строительный фонд приходится

оценивать не ниже 800 руб. из расчета на душу без коммунального хозяйства. Стройка новых индустриально-аграрных или агро-индустриальных поселений при всех преимуществах планового строительства обойдется не дешевле вышеуказанной нормы уже потому, что благоустройство социалистических городов должно быть несравненно сложнее и богаче. Переустройство старых промышленных центров по новому плану тоже едва ли будет много дешевле нового социалистического строительства. Таким образом социализация быта для всех 160 млн. душ населения СССР потребовала бы от нас и затрат, даже при нынешних нормах жилищного уплотнения минимум на 120 млрд. руб., а при некотором совершенно необходимом в новых условиях расширении дешевых норм жилой площади эта сумма может возрасти до 200 млрд. руб. и выше. Осуществление такой грандиозной программы должно быть, разумеется, рассчитано на целый ряд лет.

Это проблема генерального плана народно-хозяйственного строительства.

Тем не менее мы и теперь уже ежегодно затрачиваем немалые суммы на городское жилищное строительство, строим новые промышленные центры, агро-индустриальные комбинаты и т. д. Уже в 1929/30 г. на эти цели ассигновано свыше миллиарда рублей, за следующие 3 года будет затрачено по плану не менее 6—7 млрд. Было бы безумным расточительством затрачивать эти огромные суммы по старому индивидуалистическому типу обслуживания домашнего быта трудящихся. Осуществляя индустриализацию страны, мы не строим ведь новых заводов по образцу технически устаревших полукустарных предприятий прошлого века. Но в жилищном строительстве у нас и доныне нередко подсовываются советским рабочим двухквартирные и даже одноквартирные особняки—коттеджи XVIII столетия, рассчитанные по архаической мерке отживающих идеалов мещанства позапрошлого века [1].

Эти идиллические коттеджи несомненно скоро разделят судьбу того индивидуального землеустройства, которым у нас на местах довольно усердно занимались еще недавно, вплоть до момента назревшей возможности

[1] См., напр., выступление архитектора Циммера. Против больших городов и домов. „Революция и культура", 1930 г., № 2.

сплошной коллективизации целых районов. Все это прежнее землеустройство ориентировавшееся на установки отрубного расселения, когда нужно было подготовлять устройство крупного коллективного хозяйства, уже пошло на смарку. Выброшенные на ветер труд и деньги вопиют к небу о вредительстве[1] или крайнем головотяпстве недавних организаторов нашего землеустройства. Хотелось бы, чтобы этот горький урок пошел впрок хоть нашим организаторам в области жилищного строительства.

Поймут ли они хоть теперь, что не мещанские коттеджи с отдельной кухонькой на каждую квартиру являются прямым трактом к социализму?

У нас имеются хозяйственники, которые рассуждают примерно следующим образом: нам нужны прежде всего возможно быстрые темпы индустриализации, поэтому приходится экономить на жилищном строительстве; социалистические города обойдутся нам слишком дорого по сравнению с ныне существующими типами жилстроительства; мы должны брать курс на облегченное, возможно дешевое, хотя бы и недолговечное строительство, а через несколько лет, когда разбогатеем, тем легче будет выкинуть вон все нынешние дешевенькие коттеджи, бараки и землянки и начать строить уже по новому социалистическому плану.

На первый взгляд в этом рассуждении все выглядит довольно разумно. Но все же оно в корне ошибочно. Нам, конечно, нужно быть весьма экономными во всех отношениях. Допустимы с этой точки зрения и облегченные типы строительства. Недопустимо лишь одно: бесплановое строительство, строительство без надлежащей целевой установки и ясной перспективы на будущее. Так именно без плана и перспективы вырастали до сих пор капиталистические города. Предприятие за предприятием, улица за улицей. Если та или иная из них приводила в тупик, то в связи с вновь возникающими потребностями ее ломали и перестраивали по-новому. Но не так должны строиться наши социалистические города. Расчет на то, что со временем легко будет сломать и выкинуть вон все то, что благодаря нашей непредусмотрительности окажется не на месте в будущем

[1] См. недавний процесс Резникова и К° из Украинского Наркомзема.

Таблица 49

Годовые затраты труда в СССР за 1929/30 г.

Исчисление

Статьи бюджета времени	Индустриальное население				Сельскохозяйствен. населен.	Всего		
	Рабочие	Служащие	Прочие группы	Итого		Млрд. раб. час.	Млн. лет	В %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Население (в млн. душ)								
а) Самодеятельное . .	6,16	5,04	5,00	16,2	48,0	—	64,2	40,6
б) Иждивенцы, пенс. .	9,22	7,06	8,37	24,6	69,7	—	94,3	59,4
Итого (в средн. за год) .	15,38	12,10	13,37	40,8	117,7	—	158,5	100,0
Затраты труда (в млрд. ч.)								
1. Труд произв. и обслужив.								
а) По найму	11,88	9,72	1,70	22,67	6,40	29,07	9,69	10,0
а) В своем хозяйстве .	2,57	1,31	7,80	11,68	103,00	114,68	38,23	39,5
Итого	14,45	11,03	8,87	34,35	109,40	143,75	47,92	49,5
II. Домашний труд								
1. Приготовление пищи								
а) Обед и ужин . . .	2,94	3,72	3,24	9,90	27,82	37,72	12,57	13,0
б) Хлебопечение . . .	0,54	0,22	0,37	1,13	6,52	7,65	2,55	2,6

Статьи бюджета времени	Индустриальное население				Сельскохозяйствен. населен.	Всего		
	Рабочие	Служащие	Прочие группы	Итого		Млрд раб. час.	Млн. лет	В %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
в) Водоснабжение	0,53	0,09	0,31	0,93	11,04	11,97	3,99	4,1
г) Дровоснабжение	0,41	0,42	0,40	1,23	1,30	2,53	0,84	0,9
д) Мытье посуды и пр.	1,79	1,99	1,83	5,61	6,17	11,78	3,93	4,1
Итого	6,21	6,44	6,15	18,80	52,85	71,65	23,88	24,7
2. Уход за одеждой и обувью								
а) Стирка	0,60	0,81	0,68	2,09	6,86	8,95	2,98	3,1
б) Чистка и мелк. рем.	0,94	1,40	1,14	3,48	9,24	12,72	4,24	4,4
Итого	1,54	2,21	1,82	5,57	16,10	21,67	7,22	7,5
3. Уход за помещением	1,12	1,26	1,16	3,54	12,44	15,98	5,33	5,5
4. „ „ детьми	2,09	2,00	1,99	6,08	11,10	17,18	5,73	5,9
5. „ „ собой	1,54	1,61	1,53	4,68	15,47	20,15	6,72	6,9
Итого по II разд.	12,50	13,52	12,65	38,67	107,96	146,63	48,88	50,5
Из них поддается обобществл.	7,11	7,26	6,99	21,36	64,64	86,00	28,7	29,6
Всего по I и II раздел.	26,95	24,55	21,52	73,02	217,36	290,38	96,8	100,0

хозяйстве социалистического города,— это не плановый подход, а скорее прямой отказ от всякого планового расчета. Никакой экономии он ни в настоящем, ни в будущем нам не сулит и ничем иным, кроме крайней близо-

рукости или самого беспардонного головотяпства, объяснен быть не может.

Дороже ли нам обойдутся в постройке новые социалистические города по сравнению со старыми капиталистическими—это еще большой вопрос. Из расчета на душу обслуживаемого в них населения социалистические города, несомненно, со временем будут дороже капиталистических. Но не потому, что одна общественная фабрика-кухня обойдется нам дороже тысяч заменяемых ею индивидуальных кухонь. Она, конечно, не только в эксплоатации, но и в постройке будет дешевле целых тысяч упраздняемых частных кухонь. Дороже социалистические города будут лишь потому и постольку, поскольку они будут просторнее старых и обслужат больше потребностей охваченного ими населения. Однако, из расчета не на душу, а на одного производственного работника они могут оказаться даже дешевле старых городов.

В самом деле, если вокруг какого-нибудь нового предприятия требуется построить город, то размер этого города определяется не только числом рабочих, на которое рассчитано предприятие, но и коэфициентом их семейности, который зависит от степени обобществления домашнего их быта. В настоящее время из каждой сотни душ городского населения до 60 надо отнести на долю иждивенцев и домашних хозяек. В том числе домашним хозяйством занято не менее 20% населения. Кроме того, по обслуживанию культурных и прочих нужд городского населения перепись 1926 г. учла: на транспорте всякого рода около 4%, торгово-снабженческого персонала—3,5% по просвещению—2,5%, по здравоохранению—1,5%, по коммунальному хозяйству, зрелищам, советским и всяким иным общественным учреждениям—до 2,5%, а всего—не меньше 14%. Таким образом, на производственный труд современный город может выделить не свыше 26%. А в социалистических городах за счет сокращения по меньшей мере раз в пять обобществленного на фабриках-кухнях, хлебозаводах, яслях, детских садах и тому подобных учреждениях труда домашних хозяек этот процент производственного труда может быть повышен до 42 и выше.

Допустим, что мы строим новый металлургический или какой-либо иной завод на 10 000 рабочих. Служащих для него потребуется по существующим средним нормам

(около 10% от числа рабочих) не свыше 1000 человек. Но прибавляя сюда обслуживающий городские нужды персонал и иждивенцев, мы для жилищного строительства вокруг этого завода получаем следующий расчет общего населения:

	В условиях			
	старого быта		нового быта	
	абс.	в %	абс.	в %
1. Производственный труд:				
а) рабочие	10000	23,6	10000	38,2
б) служащие	1000	2,4	1000	3,8
Итого . . .	11000	26,0	11000	42,0
2. Обслуживающий труд:				
а) культурное обслуживание	5950	14,0	3670	14,0
б) домашний быт	8500	20,0	1050	4,0
Итого . . .	14450	34,0	4720	18,0
3. Иждивенцы	17000	40,0	10500	40,0
Всего . . .	42450	100,0	26220	100,0

Итак, при одной и той же потребности обслужить жилищами завод с 10000 рабочих при индивидуалистическом типе строительства пришлось бы выстроить город на 42,5 тыс. населения, а при социалистическом— только на 26,2 тыс. душ. По переписи 1926 г. норма жилой площади на 1 жителя в городах не превышала 5,9 кв. м жилой площади (без кухонь, коридоров и пр.)[1].

Стоимость нашего государственного жилстроительства из расчета за 1 кв. м. жилой площади или 7,4 куб. м, наружного объема строений, составляла в 1928 г. 152,5 руб., а за 5,9 кв. м, т. е. на одного жителя, по этой расценке составила бы не менее 900 руб.[2] Все жил-

---

[1] Всесоюзная перепись населения 17 XII 1926 г. Вып. VI. Жилищный фонд СССР, стр. 11. М., 1928.

[2] Стоимость жилищного строительства и ее элементы, стр. 11 и 89, со включением наиболее дешевого частного строительства эта норма. конечно, значительно понизилась бы (с 26,6 до 15,8 руб. за куб. м), Статиздат. М., 1929.

строительство по заводу на 10 000 рабочих, стало быть, обошлось бы в первом случае в 38,2 млн. руб., во втором—23,6 млн. И экономия от социалистического типа строительства выразилась бы в 14,6 млн. руб., или 38,3%.

Конечно, при расширении нормы обеспечения жилой площади все эти цифры повысились бы, но процент экономии остался бы все тот же. Однако, при старом типе строительства и нынешней его дороговизне едва ли возможно было бы проектировать сколько-нибудь значительное расширение этой нормы. А вышеуказанная экономия от социалистического типа стройки все же сулит нам некоторые возможности для такого расширения.

Кроме жилищ социалистический город придется обеспечить, понятно, достаточно мощным энергетическим центром и прочими учреждениями коммунального обслуживания, причем из расчета на душу их для социалистического быта потребуется значительно больше, чем для старых городов, но обслужить ими в таком городе нужно будет меньшее население, скажем вместо 42,5 только 26,2 тыс. душ, а потому и в области коммунального строительства из расчета на одну производственную единицу, а не на одну душу, может получиться даже некоторая экономия.

В настоящее время наши коммунальные фонды оцениваются, примерно, в 20% от стоимости всего жилищного фонда городов. Но этот явно недостаточный процент—наследие дореволюционного прошлого. За последние годы наши ежегодные вложения в коммунальные фонды поднялись уже до 35% от вложений в жилищные фонды городов. С переходом к строительству социалистических городов эту норму придется, вероятно, еще повысить. Но даже если бы мы ее повысили до 80% от стоимости жилфонда, то и это повышение не поглотило бы полностью экономии от сокращения общего объема жилстроительства.

Не следует между прочим забывать, что в наше понятие жилищного строительства включается не только жилая площадь в тесном смысле этого слова, но и всякого рода обслуживающие помещения, т. е. всякого рода конторы, торговые и складские помещения, кухни, передние и пр. Эта добавочная площадь тоже входит в общую цену кубометра стройки жилищного строительства, и за

счет рационализации ее использования в социалистических городах может составить добавочный резерв возможной экономии. Конкретный размер этой экономии конечно, будет всецело определяться теми заданиями, какие будут поставлены планом обобществления быта перед строителями новых социалистических городов. Но наличность больших возможностей для такой экономии неоспорима.

2. ГОРОД ИЛИ ДЕРЕВНЯ

Для того чтобы запроектировать типовой архитектурный план социалистического города, нужно наметить хотя бы в общем контуре те социальные установки, которым должен удовлетворять такой строительный проект. Полной ясности и договоренности в отношении этих установок у нас еще нет. Случается, что за отсутствием продуманных марксистских установок по этой линии некоторые плановики склонны искать их на первых порах даже „в социалистических утопиях прошлого“ [1]. Однако, социалистические утопии не могут послужить прочной базой для современных строителей будущего. Такой базой могут нам послужить в качестве общих предпосылок лишь учение Маркса—Энгельса и Ленина. А конкретные установки, вытекающие из этих предпосылок для данного момента, нам даст только чуждый всякого утопизма расчет с логарифмической линейкой в руках, расчет стоящего обеими ногами на почве современной нам политической и экономической действительности плановика—социального инженера.

Подходя к проблеме социалистического города как к проблеме индустриализации домашнего хозяйства путем последовательной его механизации, укрупнения и обобществления, мы уже располагаем некоторыми предпосылками для проектировки плана обобществления быта в городах будущего. Но лишь конкретное изучение наличных технико-экономических ресурсов в этой области сможет наметить возможные и необходимые пределы обобществления домашнего быта в данной социальной обстановке. А вместе с этими пределами мы установим и наиболее соответствующий им профиль будущего города и план строительства.

---

[1] К проблеме строительства соцгорода. Дискуссия в клубе плановых работников им. Г. М. Кржижановского, стр. 80. М., 1930.

В качестве одной из центральных теоретических предпосылок марксизма в интересующей нас области является известная идея об „устранении антагонизма между деревней и городом“ в социалистическом строительстве. Ложно понятая, она приводит некоторых плановиков к постановке проблемы социалистического расселения в форме следующей дилеммы: „должны ли мы строить города или разгородья? Должны ли мы строить на принципе урбанизации или дезурбанизации?“. Причем в дискуссии, имевшей место в Госплане, один из ораторов, ссылаясь на авторитет Маркса и Энгельса, определенно разрешал эту дилемму в пользу дезурбанизации, или „разгораживания“ городов. „В последнее время говорят что мы будем строить города“,—формулировал эту мысль упомянутый оратор,—„однако эта городская постановка является неприемлемой ни по техническим, ни по экономическим соображениям, а тем более с социальной точки зрения“ [1].

Основоположники марксизма не примкнули бы, конечно, к такой деревенской постановке вопроса. Мы знаем уже из коммунистического манифеста, что даже капиталистические города выполняли по отношению к деревне не только отрицательную роль господства и эксплоатации, но и весьма положительную культурную миссию, освобождая „значительную часть населения от идиотизма деревенской жизни“. Чуждые всякой народнической идеализации примитивного сельского бытия на лоне природы, отвергая для себя в равной мере и пресловутую „власть земли“, как и власть капитала, марксисты ставят эту проблему совсем по-иному. Анализируя тенденции капиталистического развития и прослеживая исторические судьбы того „рычага производства, который вплоть до возникновения крупной индустрии был наиболее могущественным“—мы имеем в виду разделение труда,—Энгельс замечает: „Уже первое большое разделение труда, отделение города от деревни, приговорило сельское население к тысячелетиям долгого отупения, а горожан—к порабощению каждого в отдельности его детальной работой. Оно уничтожило основу духовного развития первого и физического—вторых. С разделением труда был разорван на части и сам чело-

---

[1] Там же. Дискуссия, стр. 40.

век. В целях развития какой-нибудь одной его деятельности были принесены в жертву все прочие физические и духовные способности. Это подавление человека растет одновременно с разделением труда, которое достигает высшей ступени в мануфактуре“ [1].

Однако, дальнейшее развитие капиталистического хозяйства от мануфактуры к крупной машинной индустрии, превращая рабочего в простой „придаток машины“, существенно меняет условия разделения труда.

Технический базис крупной промышленности, говоря словами К. Маркса, революционен. „Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда. Таким образом, она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую. Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего“ [2].

Эту мысль можно дополнить следующими словами В. И. Ленина: „Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества — с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах“ [3]. Дело значит идет не об уничтожении городов, а об ином разделении обобществленного труда.

Правда, в рамках капитализма старое разделение труда „с его закостеневшими специальностями“ все же сохраняется ценою чудовищного образования промышленной резервной армии, т. е. ценою безмерного расточительства рабочей силы. „Но если перемена труда теперь

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 164. М., 1922. Разрядка здесь и ниже, где не оговорено обратное, наша.
[2] Карл Маркс. Капитал, т. I, стр. 468. 1923.
[3] Собрание сочинений, т. XX, ч. I, стр. 490. Изд. 1-е. 1919.

пролагает путь только как непреодолимый закон природы и с слепой разрушительной силой закона природы, который повсюду наталкивается на препятствия, то, с другой стороны, сама крупная промышленность делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих за всеобщий закон общественного производства... Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплоатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности“ [1].

Таковы задачи социализма. В настоящее время, после Октябрьской революции, они уже встали в порядок сегодняшнего дня. „В виду того,—гласит наша партийная программа,—что противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни... ВКП(б) видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства“. Мы должны восстановить первоначальное многообразие занятий, разрушенное капиталистическим городом, но не путем разгораживания городов и превращения их в деревню, а синтезом городского и сельского труда на новой, более высокой ступени. Эта задача была непосильна для анархически строящегося капиталистического хозяйства. „Только общество, способное гармонически приводить в движение свои производительные силы согласно единому общему плану, в состоянии организовать их так, что будет возможно равномерно распределить крупные промышленные предприятия по всей стране, сближая фабричное производство с сельскохозяйственным, как это необходимо для развития и сохранения промышленных сил“ [2].

---

[1] Карл Маркс. Капитал, т. I, стр. 469. 1923.
[2] Ф. Энгельс. Анди-Дюринг, стр. 166—167.

К этим весьма категорическим указаниям Ф. Энгельса можно прибавить еще одно: „Устранение противоречия между городом и деревней должно совершиться не только в интересах индустриального и земледельческого производства, но также для установления общественной гигиены. Только с соединением города и деревни в одно целое возможно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы, и только при этом хилые городские массы населения смогут добиться такого положения, что их отбросы вместо того, чтобы порождать между ними болезни, станут полезным материалом в общей лаборатории природы и будут содействовать успеху сельского хозяйства“ [1]. Итак антагонизм между городом и деревней устраняется не превращением города в деревню и не упразднением городов,—погибнут по уверенному прогнозу Энгельса только „крупные города“,—а соединением города и деревни в целостный агроиндустриальный комбинат.

Соединение города с деревней в таком комбинате должно дать, конечно, не эклектический, а органический синтез соответствующих видов труда в едином поселении. Дело идет не о том, чтобы окружить город кольцом деревень-пригородов, обрабатывающих свои поля, а о том, чтобы и на фабриках, и в полях организовать по-новому сменный труд всего населения социалистического города. Каждая рабочая бригада, занятая один месяц на заводе, на другой по заранее установленному плану перебрасывается на полевые работы, на третий—работает в тех или иных обслуживающих население учреждениях и т. д.

Конечно, такая сменность предполагает как предварительную свою предпосылку, соответствующую подготовку кадров. Уже теперь под влиянием современной техники, с одной стороны, и общедоступности для всех школьного образования, с другой, довольно резко стираются грани между квалифицированным и неквалифицированным трудом. Дальнейшие достижения техники, оставляющей на долю рабочего только труд наблюдения и регулирования хода машин, при обязательном для всех прохождении трудовой школы семилетки с политехнической подготовкой и подавно уничтожат всякий разрыв между обученным и необученным трудом. Понятно, что выте-

[1] Там же, стр. 167.

кающая отсюда широкая заменимость в области массового труда отнюдь еще не исключает известной специализации. Нет необходимости чтобы **каждый** рабочий смог в любой момент заменить собою того или иного специалиста ученого, инженера, агронома, врача и т. д. Но каждый из этих специалистов, несомненно, сможет и, **чтобы не отрываться от общественной жизни**, должен будет—при наличности смены—отработать сколько полагается по плану и за рабочим станком, и на пашне.

Изучение выявившихся уже в недрах старого общества тенденций к обобществлению домашнего быта в городах и к многообразию сменного труда от закостенелой специализации указывает нам пути дальнейшего развития. Без всякой утопической фантастики, следуя велениям самой хозяйственной жизни, мы должны вступить на этот путь, ибо он нам сулит оптимальное использование наших трудовых ресурсов и добавочный за этот счет огромный подъем производительных сил страны.

Еще недавно многим казалось, что задача обобществления быта зреет у нас пока лишь в отношении индустриального городского населения. В условиях распыленного индивидуалистического хозяйства деревни коммунизация быта была бы совершенно утопической затеей, если бы машинная техника труда не открывала нам и здесь совершенно новых горизонтов. Внедрение в деревню мощных машинно-тракторных станций неотвратимо влечет за собой общественную обработку полей и создает прочную базу для сплошной коллективизации целых районов. Наряду с головокружительными успехами на этом пути мы имели и крупные неудачи, но, отвлекаясь от этих естественных последствий административных перегибов, можно считать предрешенным, что сплошная коллективизация деревни в СССР будет завершена в течение ближайших лет. А укрупненное в гигантах-колхозах сельское хозяйство повелительно влечет за собой глубокую его интенсификацию и индустриализацию.

Таким образом, и этот факт убеждает нас в том, что вековая противоположность между городом и деревней будет изживаться не путем распыления города на сельские ячейки, а путем неизбежного в условиях индустриализации укрупнения и урбанизации деревни. Урбанизованный колхоз вокруг мощного энергетического

центра, обслуживающего не только полевые работы, но и целый ряд предприятий по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов, явится наиболее простой формой агро-индустриального комбината, где население от сезонных полевых работ переходит к сезонной фабричной переработке сельскохозяйственных продуктов, выравнивая путем этих переходов трудовую нагрузку в течение всего года и тем самым обеспечивая оптимальное использование сменного труда. Но и чисто индустриальные центры, возникающие ныне в плановом порядке, несомненно подлежат такому же окружению зоной огородно-садовых и полевых культур не только для того, чтобы обеспечить их населению дешевое и удобное снабжение пищевыми продуктами, но и в целях организации здорового агро-индустриального сменного труда.

Намечая эти встречные процессы индустриализации деревни и аграризации города по типу агро-индустриального комбината, мы не должны, однако, строить себе каких-либо иллюзий на счет общего масштаба и внешнего облика соответствующих поселений. Мелкие масштабы и сельский облик для таких поселений, если мы захотим им обеспечить максимум жизненных удобств и комфорта при наименьших затратах, совершенно исключены. Кустарные методы и в области обобществления быта, как и во всех других отраслях труда, чересчур расточительны. Элементарные требования экономии предполагают, что все процессы коммунального обслуживания населения нам придется проектировать в масштабах крупного индустриального производства. Но, скажем, фабрику-кухню, рассчитанную на десятки тысяч обедающих, нельзя строить для населения, разбросанного в сотнях деревень на пространстве многих десятков квадратных километров. При современных условиях транспорта и связи эффективная коллективизация быта предполагает большую концентрацию и компактность расселения обслуживаемого коллектива.

Каковы же те масштабы среднего социалистического города, которые мы можем принять за оптимальные в современных условиях техники?

Эти масштабы определяются, во-первых, общим количеством населения и, во-вторых, густотой его расселения. Количество населения определяется, конечно, наличным по плану масштабом производства для данного

комбината. И в этой части задача сводится к определению оптимальных масштабов предприятия в проектируемой сфере производства. Крупное предприятие как в области промышленности, так и в сельском хозяйстве, вообще говоря много эффективнее мелкого; однако, лишь в известных пределах, за которыми при данном уровне техники и социальном укладе дальнейшее укрупнение уже не повышает, а понижает его эффективность. К сожалению, эта проблема у нас еще очень мало изучена. Но уже эмпирически нащупывается, что, скажем, совхоз или колхоз с площадью до 60 000 га или завод на 10 000 рабочих во всяком случае не выходят еще за пределы рационального укрупнения.

Строятся у нас предприятия и значительно большего масштаба, напр., Челябинский тракторный завод с программой годового производства в 50 000 тракторов потребует по расчету 155 тыс. рабочих и служащих. Мы уже не говорим о таких комбинатах, как Днепровский, Сталинградский и др. Совхоз „Гигант" в Сальском округе охватывает массив в 124 000 га. Правда при нынешнем зерновом его уклоне и полной механизации этот совхоз поглощает не слишком много труда. В 1929 г. здесь работало всего 771 постоянных и 1600 сезонных рабочих, снявших урожай с 60 000 га[1]. Это немного, но все же составляет не менее 25 годовых работников на каждую тысячу гектаров посева зерновых культур. При обработке садово-огородных культур эту норму потребности в рабочей силе пришлось бы повысить раз в 20 из расчета на единицу площади[2].

Агро-индустриальные комбинаты возможны двух типов: с установкой на промышленное производство, как главное занятие населения, назовем их промкомбинаты, и с установкой на сельскохозяйственную продукцию как основную их задачу, назовем их агрокомбинаты. В промкомбинатах социалистический город окружается кольцом садов, огородов и полевых культур только в меру потребности *самого населения* данного города в соответствующих продуктах и рациональном использовании сменного труда. А в агрокомбинатах подсобную роль, наоборот, играют промышленные предприятия, задачей

[1] Мацкевич. Энергетика крупного сельского хозяйства. План. Хоз., 1929, № 10, стр. 231.

[2] Л. Е. Минц. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР, стр. 61. М., 1929.

которых помимо самообслуживания населения является лишь дополнительная переработка продукции земли на мельницах, сахароварнях, маслобойнях, мясохладобойнях и т. д., для вывоза этой основной продукции на дальние рынки и за границу.

Для агрокомбината при указанной установке и общем масштабе хозяйства в 60 000 га общая потребность в производственной рабочей силе на поле определится не ниже 1000 работников; в первичной переработке по грубой прикидке пусть будет использовано еще человек 250 — тогда вместе с самообслуживанием и иждивенцами все население такого комбината придется определить при зерновом его уклоне не свыше 4800 душ. Полное обобществление домашнего хозяйства при таком масштабе городского населения едва ли осуществимо. И о нем здесь можно было бы не говорить. Но зерновые фабрики подобного рода возможны лишь в весьма мало населенных восточных районах. На Украине с плотностью сельского населения в 33 души на 1 кв. км или в других, еще более плотно населенных районах на площади в 60 000 га живет теперь уже свыше 19 000 душ населения. И если бы мы заняли из них благодаря механизации труда в крупном колхозе только 4 800 душ, т. е. едва одну четверть, то 3/4 наличного населения вовсе оказалось бы без дела. Но в агрокомбинате с площадью в 60 000 га не трудно использовать и 20 000 населения. Стоит лишь от экстенсивного зернового хозяйства перейти к более трудоемким формам сельского хозяйства с промышленными техническими культурами, мясным и молочным животноводством и т. д. Сама плотность населения диктует нам в каждом районе различные степени интенсификации сельского хозяйства и разные типы агрокомбинатов. Однако, уже из сказанного ясно, что жизненным типом агрокомбината будет лишь такой, который объединяет не менее 10 — 20 тыс. населения. А это уже, несомненно достаточный масштаб для рациональной организации городского поселения с обобществлением основных функций домашнего быта.

В отношении промкомбинатов мы уже видели, что завод в 10 000 рабочих предполагает постройку социалистического города на 26 000 душ. Но в это число еще не включена аграрная зона такого города. Чтобы удовлетворить город с населением до 30 тыс. душ хлебом, овощами и фруктами по фактической норме потребления

наиболее обеспеченных групп рабочих и служащих (с бюджетом свыше 1500 руб. в год), достаточно окружить его садово-огородной зоной не свыше 1000 га[1] и полевой до 12 000 га посевной площади. Рабочей силы для обработки этих площадей в условиях механизации труда нужно до 900 человек[2], а с обслуживающим персоналом и иждивенцами это составит прибавку населения около 2140 человек. И стало быть с этой прибавкой социалистический город при заводе на 10 000 рабочих приходится рассчитывать на население до 28,5 тыс. душ. Конечно это не предельный размер. Проектируются социалистические города и на 100 000 жителей. Но больше этого размера едва ли разумно было бы их строить. Правда, Сталинградский комбинат проектируется даже на 300 тыс., но уже с разбивкой этого массива на 5 отдельных городов с интервалами в несколько километров друг от друга.

При указанном соотношении промышленного и земледельческого труда в промкомбинате достаточно было бы каждому индустриальному рабочему только на один месяц в году оторваться от станка к плугу, чтобы полностью обслужить все сельскохозяйственные работы. В агрокомбинатах, конечно, получилась бы иная картина. Однако, в зависимости от той или иной степени интенсификации и индустриализации труда в таких комбинатах могут получиться различные соотношения. Решающим для определения этих соотношений является конкретный баланс труда, проектируемый для каждого комбината в соответствии с его производственным назначением.

Рациональный баланс труда, обнимающий не только производственный, но и все виды подсобного и обслуживающего труда, является основной предпосылкой проектировки социалистических городов. Только им определяются и общие масштабы строительства, и пределы достижимого в данном комбинате использования сменного труда.

---

[1] В том числе под садами до 500 га, под картофелем около 300 га, под капустой 65 га, под огурцами—16 га, под свеклой и морковью—15 га, под луком и чесноком—15 га и т. д.

[2] 320 на огороды, 300 на полевые работы, 180 на садоводство и около 100 на животноводство (молочные фермы).

3. ТРАНСПОРТНАЯ ПРОБЛЕМА

Очень существенной проблемой в строительстве социалистических городов является проблема пространственного размещения этих городов. Рассматривая социалистический город как производственный комбинат, мы прежде всего должны ставить проблему размещения города как энергетическую проблему оптимальной организации транспортной связи в пределах данного комбината, включая сюда не только его индустриальный центр, но и жилую зону и всю обслуживающую данный город аграрную его периферию. При этом в понятие транспорта мы включаем здесь не только уличное передвижение людей и грузов, но и всю ту систему лифтов, трубопроводов и кабельных связей, посредством которой осуществляется в современных городах внутреннее сообщение, канализация, теплофикация, газификация, водоснабжение, пневматическая почта, электроснабжение, телефонная сеть и т. д.

Густота расселения в наших старых городах из расчета на 1 га застроенных владений, в среднем колебалась около 50 жителей, в крупных городах она повышалась до 100—150 жителей, в Москве в 1926 г. достигала 160 душ на 1 га. Средний размер владения около 0,2 га, в Москве—0,4 га, заселенность его в среднем—10 душ, в Москве до 70 душ. Средняя этажность жилых домов не свыше 1,5, в Москве — около 2,4 этажей. Как видим, до американских небоскребов в 40 и более этажей мы еще весьма далеки.

Но у нас нет и нужды в подобных небоскребах. Земли у нас хватает, земельная рента после революции потеряла свое значение. И социалистические города мы можем строить на просторе. Однако, в этом просторе не следует перебарщивать. Иначе транспортная проблема при низкой плотности расселения представит слишком большие трудности для своего разрешения.

В разрабатывающихся ныне проектах социалистических городов мы на этот счет чаще всего встречаем такие установки. Каждый дом-коммуна рассчитывается примерно на 2—2,5 тыс. жителей. При трехэтажной высоте и норме жилой площади не свыше 7 кв. м на душу такой дом займет по кубатуре до 100 000 куб. м, по площади земельного участка—не свыше 10—12 тыс. кв. м, а весь участок на каждую коммуну проектируется

в 75 000 кв. м, или 7,5 га. Трехэтажные дома не нуждаются даже в подъемных лифтах, их не отнесешь к числу небоскребов. И все же, несмотря на огромные свободные земельные участки при каждом доме-коммуне, средняя плотность населения на этих участках получается от 267 до 333 душ на 1 га, т. е. раза в два выше, чем в перенаселенной Москве.

Очевидно, при такой плотности организация внутреннего транспорта, включая все трубопроводы, в новых социалистических городах окажется возможной на более экономических началах, чем в старых городах СССР. Достаточно сказать, что даже весьма крупный социалистический город на 100 000 жителей по расчетам Госплана займет под застройку, включая сюда и заводы, и улицы, и площади, и зеленые насаждения, не свыше 1000 га, или 10 кв. км. От центра такого города до любой окраины будет не свыше 1,8 км, т. е. 15—20 минут ходьбы. А город в 30 тыс. жителей при такой же плотности расселения уложился бы целиком в квадрат, каждая сторона которого не больше 1,8 км и расстояние от окраин до центра не превышает 9—10 мин. ходьбы. Никаких трамваев и метрополитенов такой город не потребует.

Но оптимальное разрешение транспортной проблемы будущего города требует определенного размещения его частей и в другом отношении. В наивыгоднейшем с точки зрения требований транспорта положении в отношении всех частей города находится его центр. Это налагает на нас обязанность оптимального использования центра при проектировке плана размещения функционально-различных элементов социалистического города. В центре должны находиться наиболее часто посещаемые, наиболее важные пункты повседневного общения данного трудового коллектива.

Какие же это пункты?

В докапиталистическом городе средневековья такими центральными пунктами были рынок и церковь. Возглавляя рынок, эта церковь в те времена служила ему не только идеологически своей мещанской моралью, но и практически. Вспомним хоть Ивановское купеческое братство при соответствующей церкви в средневековом Новгороде. Церковь служила здесь рынку не только своими подвалами под товарные склады, но и центром цеховой корпорации купечества, а также местом хранения торго-

вых мер, взвешивания при сделках серебра, меди, воска, взимания торговых пошлин и т. д. Производственный труд осуществлялся индивидуально, каждым у себя дома, и не требовал общения. Мануфактура и капиталистическая фабрика, постепенно обобщая труд, существенно изменили это положение. Но поскольку старые города к этому времени уже сформировались, они обрастали по периферии фабричными пригородами, а в центре попрежнему господствовал рынок во главе с биржей, оставившей за собой по своей посещаемости далеко позади все храмы отжившего средневековья. В результате получились города не с одним, а с несколькими центрами тяготения, или лучше сказать получилось механическое сращивание нескольких городов с торговым центром в середине и с фабричными центрами тяготения на окраинах этого территориального комплекса городов.

В социалистических городах решающее значение, конечно, приобретают те пункты повседневного общения, вокруг которых организуется коллективный труд данной коммуны. Здесь, казалось бы, только эти очаги коллективного труда и могут стать центрами тяготения в расселении данного коллектива. Рынок при организованном снабжении вообще и общественном питании в частности обречен на скорое и неотвратимое угасание. Биржи и храмы в качестве центров человеческого общения и подавно не могут у нас иметь никакого будущего. А фабрики и заводы—эти вырастающие на смену старых храмин гигантские храмы современности—несомненно являются наиболее естественными центрами повседневного трудового общения в городах будущего. Но тут возникает следующая коллизия. Помещая завод в центре социалистического города, мы, несомненно, сберегаем ежедневно огромную массу трудовой энергии горожан на дорогу из дома к заводу и обратно. Но в настоящее время еще есть заводы, которые полны грохота, грязи, дыма и вредных испарений. Их близость к жилью представляет такую угрозу здоровью, которую трудно окупить какими-либо сбережениями в труде.

Как же быть?

Разрешить эту коллизию можно двумя путями. Либо оздоровить город, вынеся далеко за его черту вредоносный завод, либо обезвредить самый источник зла—завод, оставив его в центре города. Какой же из этих путей мы должны избрать в социалистическом строительстве?

Нет никакого сомнения, что нормальным для социалистического общества решением может быть только второе.

Если буржузия, живущая в центральных частях старых городов, норовила отвести место заводам подальше от центра, на задворках города, то у нее для этого помимо финансовых соображений, связанных с высокой стоимостью земли в центре города, было еще одно решающее основание: буржуа лично отнюдь не обязан был работать на своих заводах. Всякие затраты на оздоровление заводской работы, понижая капиталистическую прибыль, были для него поэтому явно непроизводительными издержками. Но современный хозяин всех фабрик и заводов в СССР — пролетариат — собственноручно работает на этих заводах, это он сам дышит их отравленной атмосферой, задыхается от жары в горячих цехах, слепнет от ярких лучей вольтовой дуги на электросварке, глохнет от потрясающего грохота в поковочных цехах, на клепке и т. д. Удалить этот ад подальше от себя куда-то за город он не может, потому что вынужден будет и сам последовать туда за ним для повседневной работы.

Идея оздоровления жизни трудящихся путем удаления заводов подальше от жилья, ограждения их какими-либо зелеными „завесами" и тому подобными паллиативами без радикального оздоровления самих процессов заводского труда—это явно неприемлемая для нас интеллигентски-слащавая маниловщина. Всякий заводской труд может быть при известных затратах настолько обезврежен, чтобы не представлялось особо тягостным пребывание даже на самом заводе, а не только в его окрестностях. Ядовитые газы и загрязненные сточные воды можно химически нейтрализовать, очистить и с выгодой использовать в каком-либо подсобном производстве. Густой дым из фабричных труб прямо вопиет к небу о бесхозяйственно-расточительном использовании топлива. Излишний грохот машин говорит о несовершенстве их конструкции и заведомо бесплодной трате энергии на никому ненужное сотрясение воздуха. Напр., клепка вручную или даже пневматиками сопровождается невообразимым грохотом и лязгом, а клепка на гидравлическом прессе почти бесшумна и сверх того значительно экономичнее.

Не пора ли нам уж твердо усвоить хотя бы тот элементарный факт, что, скажем, горделиво вздымающиеся

у нас к небу фабричные трубы не имеют для этого никаких резонов, ибо давно уже стали символом технической отсталости и самой беспардонной рутины. Мы через них ежегодно выбрасываем буквально на ветер десятки и сотни миллионов рублей. И совершенно напрасно, ибо искусственное горячее дутье вместо естественной тяги в технических топках давно уже доказало свои огромные преимущества. А при искусственном дутье отходящие топочные газы вместе с целыми вагонами уносимой ими драгоценной копоти можно и должно вместо открытых труб прогонять через замкнутую систему трубопроводов с утилизацией и тепла, и копоти, и газов. Даже углекислый газ, выбрасываемый ныне на ветер из всех топок, можно бы использовать с огромным успехом для повышения урожайности наших полей и огородов. Точно то же можно сказать про ядовитые газы, металлическую пыль и прочие вредоносные отходы производства. Технически вовсе не представляется неразрешимой или даже очень трудной задачей уловить их системой мощных вытяжных труб и пылесосов и дать им полезное применение. Нужно лишь в плановом порядке поставить эту задачу перед Гипромезом и прочими проектирующими организациями и твердо сказать, что отныне мы не потерпим в нашем социалистическом строительстве никакой технической рутины, заведомо для нас влекущей к напрасной растрате здоровья трудящихся и к бесхозяйственному отношению ко всякого рода отходам. Стало быть не только в интересах здоровья, но и в интересах самого производства наши заводы должны строиться по-новому, так, чтобы из мрачного и смрадного пепла превратить их в светлые и здоровые храмы труда.

Но не удорожит ли излишне такая установка наше индустриальное строительство, в котором мы стремимся догнать и перегнать наших капиталистических соседей? Вопрос совершенно законный. На излишние затраты ради изящного стиля постройки или тому подобных менее насущных благ мы пока итти не можем. Едва ли целесообразно было бы также добиваться ныне излишней прочности и долговечности индустриального строительства. Ведь через 20—30 лет технический прогресс несомненно позволит нам с большей выгодой перестроить заново все, что к тому времени подвергнется если не физическому, то моральному изнашиванию. Но нельзя считать *излишними* те затраты, которые сберегают

высшую для нас ценность—здоровье и труд пролетариата, тем более, что эти затраты легче и скорее всего окупаются в наших условиях.

Построить завод за 3—4 км от города—это значит ежедневно терять 30—40 лишних минут днем и вечером на каждого рабочего, а при 10000 рабочих за 30 лет существования завода эта потеря достигнет 900 млн. часов, или, расценивая час хотя бы в 50 коп., не менее 450 млн. руб. А между тем на оздоровление всех процессов труда на таком заводе при его постройке едва ли пришлось бы затрачивать на самый худой конец больше двух-трех десятков миллионов рублей, т. е. неизмеримо меньше.

Итак, за редкими исключениями — вроде пороховых заводов—основной производственный цикл должен планироваться в самом центре социалистического города. Его следует, конечно, окружить прежде всего полосой зеленых насаждений и площадей, где должны быть размещены дом советов, дворец культуры, втуз и т. п. общественные учреждения, с одной стороны, а также фабрика-кухня, хлебозавод, механическая прачечная, универмаг, склады и прочие хозяйственные службы—с другой. За этим внутренним кольцом служб размещается уже основное кольцо жилых помещений, т. е. дома-коммуны со всеми их учреждениями—школьными городками, детскими садами и яслями, общественными столовыми, распределителями и т. д.

Такое размещение гарантирует наименьшие непроизводительные затраты, связанные с повседневным передвижением рабочей силы к месту работы. Причем при небольшом объеме города—от 30 до 60 тыс. жителей — такое размещение позволяет обойтись даже вовсе без трамвая и связанных с ним капитальных затрат. Чтобы понять, какое огромное значение представляет такая возможность, приведем следующие свидетельства.

В Сталинграде, где проектируется постройка вдоль Волги целой пятизвенной цепи социалистических городов, заводы предположено строить за чертой города. Вследствие этого там встала проблема о ежедневном транспорте к заводам из каждого города до 17 тыс. работников в течение одного часа днем и вечером. „Часовая перевозка 17 тыс. человек,—замечает однако объяснительная записка к проекту,—не может быть осуществлена не только автобусами, но даже и трамваями. При емко-

сти единицы из моторного и прицепного вагона в 100 человек будем иметь необходимость в 170 двойных единицах в час, или 3 единицы в минуту. Число — неприемлемое даже при двусторонней кольцевой трамвайной связи".

Какой же выход рекомендует проект? „По всей вероятности, — довольно неуверенно гласит проект, — наиболее приемлемой явится электрифицированная железная дорога. Емкость поезда может быть принята свободно в 1000 человек. В таком случае будем иметь 17 поездов в час, или при двустороннем кольцевом движении по 1 поезду через каждые 7 минут в каждую сторону". К сожалению, автор проекта не поясняет, чем же „в таком случае" будут заняты эти поезда в остальное время суток за исключением тех 2—3 часов, когда происходит смена рабочих на заводах. А между тем известно, что электрификация железных дорог окупается только при весьма значительной густоте движения. Неизвестно пока также, во что нам обойдется это несомненно весьма дорогое удовольствие.

С этой же проблемой мы встречаемся и в проекте Великого Запорожья, где подле Днепровской электростанции воздвигается металлургический комбинат на 30 000 рабочих. И здесь, говоря словами академика Щусева, „проблема транспорта есть главная проблема новых городов". Но характерно — откуда вырастают, по Щусеву, основные трудности для разрешения этой проблемы: „Каким образом обезопасить город от вредных газов" — вопрошает нас этот высоко одаренный строитель. И, к сожалению, отвечает себе совсем не по-инженерски: „Раньше строились рабочие города при самих заводах, теперь нужно их отодвинуть и оградить зеленью". И прав был инж. В. Н. Образцов, который немедленно ответил ему на это: „При социалистическом строительстве не может быть такой промышленности, которая выпускает вредные газы (куда бы она их ни выпускала), которая бы заставляла рабочих работать во вредных условиях" [1].

Прав он и в том, что автобусами, как этого хочет акад. Щусев, транспортной проблемы для Запорожского комбината нам не разрешить. Для перевозки к заводу 30 тыс. рабочих даже при 4 сменах нужно не менее 250 автобусов в смену. Пуская их даже через одну минуту,

---

[1] К проблеме социалистических городов, стр. 44, 69.

на перевозку смены пришлось бы затратить свыше 4 часов. А ведь на одну лишь погрузку и разгрузку автобуса у завода потребуется не менее 1 минуты. Значит, и здесь придется, вероятно, говорить о доставке рабочих на завод целыми поездами при крайне неравномерной их суточной нагрузке. Но во что же это обойдется и в эксплоатации, и в капитальном строительстве? А между тем из Запорожского комбината стоимостью в 600 млн. руб. нетрудно было бы выкроить и два-три города и, окружив ими соответствующие заводы, вовсе обойтись без местного транспорта. Тем более, что при обслуживании этих заводов гидроэлектрической энергией мы располагаем здесь максимальной возможностью обойтись без того дыма и копоти, от которых прежде всего нужно уберечь жилища рабочих.

Повседневная доставка рабочей силы к месту работы в крупных промкомбинатах является одной из труднейших задач местного транспорта. Завод на 10 000 рабочих при постройке его за городом потребовал бы организации транспорта на 6 млн. поездок, или, примерно, до 30 млн. пассажиро-километров в год. Приравнивая по дороговизне обслуживания одного пассажира тонне груза, мы получаем по одной этой статье 30 млн. тонно-километров грузооборота. Но если эту крупнейшую статью грузооборота рациональной планировкой города удастся снять с коммунального бюджета, то все остальные окажутся несравненно более дешевыми и осуществимыми.

Возьмем, напр., водоснабжение. Это — наиболее значительный по весу предмет повседневного городского потребления. По московским нормам в день на душу расходуется в домах, присоединенных к водопроводу, не менее 12 ведер или 148 л. Для города с 30 000 жителей на год по такой норме необходимо подать свыше 1,6 млн. тонн воды. Это огромный груз. Но при легкости подачи воды по водопроводу эта транспортная задача в социалистическом городе разрешается довольно дешево и просто. Для города в 30 тыс. жителей капитальные затраты по водопроводу надо расценивать не свыше 500 тыс. руб., эксплоатационный расход — до 100 тыс. руб. в год, рабочая сила—человек 25. Немного больше потребует и соответствующего масштаба канализационная сеть для отвода отработанной воды и всех человеческих отбросов на поля орошения в целях сельскохозяйственного их использования.

Следующий по весовому значению в городском снабжении груз—это пищевые продукты. По данным Нарпита один термос на 16 обедов по 2 блюда весит вместе с обедами 48 кг. На одного жителя в год обед и ужин по этой норме будет весить брутто до 2,2 т, на 30 тыс. жителей в день—180 т, на год—66 тыс. т. Цифры уже несомненно более скромные. При 12—15 домах-коммунах на весь город и среднем пробеге до одного километра т. е. около 5 минут на поездку, для этой потребности потребовалось бы не свыше дюжины трехтонных грузовиков-автомобилей. Да и то каждому из них ежедневно пришлось бы совершить для указанной цели не свыше 5 поездок, т. е. осталось бы еще достаточно времени и для перевозки хлеба и всех остальных менее весовых предметов личного потребления. Хлеба при ежедневной норме не свыше 1 кг на душу пришлось бы перевозить в таком городе всего около 30 т в день. Снабжение домов дровами при теплофикационных устройствах отпадает. А все остальные предметы личного потребления, вроде сахара, соли, тканей, бумаги и прочей бакалеи и галантереи, в грузовом отношении по сравнению с вышеуказанными и вовсе не заслуживают внимания. Снабжение ими распределителей в домах-коммунах не представит никаких затруднений.

Особо стоит вопрос о транспортной связи социалистического города с окружающей его садово-огородной и полевой зоной. Необходимо, однако, заметить, что при среднем масштабе новых промгородов глубина этой агрозоны весьма незначительна. Считая под завод на 10 тыс. рабочих не свыше 1—2 кв. км и под жилую зону по вышеприведенным нормам до 3 кв. км, мы площадь агрозоны определили в 13 000 га или 130 кв. км. При равномерном окружении города глубина этой зоны составит тогда не свыше 5—6 км, т. е. от черты города до границы его полевых владений будет не свыше часа ходьбы, или 30 минут езды на тракторе порожняком. При тракторной обработке и уборке полей такие расстояния не представляют никаких неудобств в транспортном отношении.

Однако, считая по 200 га на 1 трактор, такому городу потребуется все же не менее 65 тракторов типа „Интернационал“, или соответственно меньшее число при использовании более мощных машин и электроустановок.

4. СТОИМОСТЬ НОВЫХ ГОРОДОВ

Основное требование, которое может и должен предъявить к строителям социалистических городов любой хозяйственник, это—требование, чтобы такие новые города при равных или даже несколько бо́льших удобствах для населения, стоили бы нам не дороже старых из расчета на одну обслуживаемую ими производственную единицу.

Это—вполне осуществимое требование. Но, к сожалению, его отнюдь еще не усвоили наши проектировщики. Их проекты предъявляют к нашим ресурсам зачастую столь повышенные и в настоящий момент явно непосильные требования, что получается лишь крайне нежелательная дискредитация самой идеи социалистического строительства в этой области. Слишком дорогие проекты, с большими заскоками вперед, по вполне понятным причинам отвергаются как явно утопические или откладываются в самый дальний ящик, а так как жизнь не ждет, то фактическое строительство городов идет своим чередом, без всякой творческой идеи, по старинке.

В материалах Госплана имеется уже целая коллекция таких проектов с заскоками. Приведем из них некоторые факты и цифры и посмотрим, в каких они нуждаются поправках, чтобы стать вполне осуществимыми. Вот, напр., основные расчетные данные для социалистического города на 100 000 жителей. Ради обозримости материала соединяем ряд строительных титулов в более общие рубрики (см. табл. 50).

В приведенном расчете, прежде всего, поражают итоговые цифры капитальных затрат в 247 млн. руб.

Затраты в 2500 руб. на 1 жителя раза в два превышают привычные нам нормы затрат по старым городам, включая сюда не только жилой фонд, но и все благоустройство. Правда, в 2500 руб. включены и необычные для старых городов затраты, как, напр., теплофикация, пищекомбинат, механическая прачечная и ремонтно-починочные мастерские—на все население города, но все перечисленные статьи поглощают едва лишь 13% общего расхода и отнюдь не объясняют удвоения обычной для старых городов нормы затрат.

В чем же дело?

Таблица 50

Проект социалистического города на 100 000 душ

Объекты строительства	Строит. площ. в тыс. кв. м	Кубат. в тыс. куб. м	Кап. затр. в млн. р.		
			Здания сооруж. и насаж.	Оборудование	Итого
1	2	3	4	5	6
I. Жилфонд					
1. Дома-коммуны: 31 д. на 62 тыс. душ	434,0	3100,0	62,0	9,0	71,0
2. Гостиницы, 2 на 5 тыс. душ	57,2	1400,0	4,0	1,0	5,0
3. Детский городок, 153 пом. на 16360 душ	163,6	146,0	22,91	3,82	26,73
4. Школьн. городок, 20 школ на 21600 душ	311,1	1867,0	37,24	—	37,24
Итого на 105 тыс. душ	965,9	6513,0	126,15	13,82	139,97
II. Коммунальное хозяйство					
1. Дворы, площади, улицы, насаждения—955 га	—	—	30,70	—	30,70
2. Трубопроводы:					
а) теплофикация, 40 км сеть	—	—	24,0	—	24,0
б) водопровод, канализ., газ, сеть	—	—	3,88	—	3,88
3. Транспорт, 60 ваг., 33 автоб. 100 автом.	18,45	56,8	1,14	5,42	6,56
4. Электро-подстанция, 11200 квт	1,0	7,0	0,14	0,35	0.49
5. Механич. прачечная на 9.600 т в год	11,0	44,0	0,88	0,35	1,23
6. Ремонтные мастерские	8,57	40,0	0,80	0,20	1,00
7. Пожарное депо, мусоросжиг. и пр.	1,7	14,4	0,30	0,28	0,58
Итого	40,72	162,2	61,84	6,60	68,44
III. Распределение					
1. Пищекомбинат, 10 цехов	29,3	151,3	2,33	3,03	5,36
2. Распределители, 64 пункта	28,0	168,0	3,36	1,04	4,40
3. Универмаг	9,0	54,0	1,08	—	1,08
4. Склады и холодильник	16,0	60,0	1,92	—	1,92
Итого	82,3	433,3	8,69	4,07	12,76
IV. Просвещение					
1. Втуз, техникум, курсы на 15720 чел.	89,5	555,0	11,1	—	11,1
2. Клубы, кино, печать	43,76	262,7	5,25	0,03	5,28
3. Библиотеки	12,3	76,0	1,52	—	1,52
Итого	145,56	893,7	17,87	0,03	17,90

Продолжение

Объекты строительства	Строит. площ. в тыс. кв. м	Кубат. в в тыс. куб. м	Кап. затр. в млн. р.		
			Здания сооруж. и насаж.	Оборудование	Итого
1	2	3	4	5	6
V. Здравоохранение					
1. Больницы на 510 коек и прочие учрежд.	27,27	163,4	3,27	0,95	4,22
2. Дом физкультуры	2,6	16,0	0,32	0,01	0,33
Итого	29,87	179,4	3,59	0,96	4,55
VI. Прочие учреждения					
1. Служба связи: почта, телефон, радио	16,5	100,0	2,0	0,03	2,03
2. Охрана безопасн., суд, милиция	1,5	8,7	0,17	—	0,17
3. Дом советов и прочие общ. учреждения	4,05	24,3	0,61	—	0,61
Итого	22,05	133,0	2,78	0,03	2,81
Всего по городу	1286,4	8 314,6	220,9	25,5	246,4

Очевидно, дело не в этих специфических для социалистического строительства статьях, а в общем преувеличении проектировок по всем объектам строительства. Конечно, рабочие новых городов за счет повышенных затрат получили бы и большее число удобств; но за счет чего? За счет снижения затрат по старым городам, т. е. за счет снижения и без того весьма скромных удобств всех остальных рабочих, заселяющих мало благоустроенные и перенаселенные старые города. Правильна ли такая установка? Едва ли. На наш взгляд, было бы вполне достаточно для привлечения рабочей силы в новые индустриальные центры на первое время тех преимуществ, которые мы им сможем там обеспечить не за счет дополнительных затрат, а за счет более рационального их использования в плановом социалистическом строительстве.

Посмотрим, однако, в каких частях приведенные расчеты являются наиболее дискутабельными с вышеуказанной точки зрения.

Начнем с жилфонда. В старых городах мы имеем меньше 6 кв. м жилой площади на душу. В проекте для взрослых принята норма 7 кв. м, для детей дошкольного возраста—10 кв. м, и для школьников до 16 лет, включая сюда классные помещения, — 14,5 кв. м полезной площади. Это не плохо, конечно, обеспечить детей такими площадями. Однако, не следует забывать, что в старых городах мы довольствуемся пока несравненно более скромными нормами. И не только в домашнем индивидуальном быту,—там дети обычно ютятся где попало, без всякой специальной площади,—но и в общественных учреждениях. Напр., в детдоме Коминтерна под Москвой [1] на 1 дошкольника приходится не свыше 4,6 кв. м, на школьника, включая сюда спальни, столовую, школу, клуб и мастерские—9 кв. м полезной площади, в том числе на школу, клуб и мастерские—3,2 кв. м. Но это еще высокие нормы. По школьной переписи 1927 г. средняя норма полезной площади по всем городским школам I и II ступени составляла 1,34 кв. м на классные помещения, 0,63 на рекреационные и 0,19 на все прочие учебно-вспомогательные (библиотеки, лаборатории, кабинеты), а всего 2,16 кв. м, причем для первой ступени эта норма снижалась до 1,88 кв. м, для второй повышалась до 2,73 кв. м на 1 учащегося в 1 смену [2].

Значит, если бы мы для детей приняли даже несколько повышенные против средних нормы детдома Коминтерна, то это одно уже дало бы снижение затрат по строительству нашего города на 27,8 млн. руб. по сравнению с проектом.

Норму жилой площади на взрослого в 7 кв. м можно пока считать вполне приемлемой. Правда, она несколько превышает норму по старым городам, но это улучшение можно с избытком покрыть за счет более экономной организации социалистических городов. Здесь вызывает сомнение другой, объемный коэфициент жилстроительства. В старых городах полная кубатура зданий превышает жилую площадь, выраженную в кв. м, в 7,4 раза. Но это объясняется включением в эту кубатуру кухонь, торговых помещений и целого ряда других нежилых контор и учреждений. В социалистических городах все такие учреждения предусмотрены особо, а индивидуаль-

[1] Ст. Лопасня, Курской жел. дор.
[2] Народное просвещение в РСФСР в 1927/28 г. М., 1929.

ные кухни совсем отпадают. Как же это должно отразиться на объемном коэфициенте общей кубатуры? Исходя из данных квартирной переписи 1926 г., можно считать, что на каждые 100 кв. м жилой площади в городах приходилось добавочной нежилой площади: на кухни 16,3, на канцелярии 6,1, на торговые 2,9 и на мастерские всякого рода 1,9 кв. м. [1] В социалистических городах эти добавочные 27,2% полезной площади будут обращены в жилую, а это означает снижение объемного коэфициента с 7,4 до 5,8 на 21% слишком [2]. Выраженная в деньгах, применительно к нашему проекту с объемным коэфициентом 7,0, эта экономия за счет кухонь, канцелярий и пр. составит не менее 12 млн. руб.

Следующая статья проекта, вызывающая больше сомнения, это—одежда городских улиц, площадей, парков и пр. Проект исходит из расчета капитальных затрат на 1 кв. м улиц в 9 р. 90 к., площадей—4 руб., дворовых мест—90 коп. и зеленых насаждений—70 коп. Под улицы намечено 2326 тыс. кв. м, что при ширине в 16 кв. м дает 145 км протяжения улиц стоимостью по 158 тыс. руб. за километр. Это неимоверно дорого, дороже железных дорог, и несуразно много: на 31 дом—145 км улиц. Общий размер застройки под 31 дом-коммуну и 16 прочих кварталов по 7,5 га составил бы около 350 га (70%), на улицы пошло бы, по нашему расчету, еще до 50 га (10%), на площади и парки зеленой завесы—до 100 га (20%), а всего не свыше 500 га или 5 кв. км (без заводских площадей).

Все мостовые по проекту рассчитаны на бетонированный асфальт, в то время как в старых городах до 80% улиц вовсе ничем не замощены. Такой прыжок от голой земли сразу на 100% к бетону и асфальту тоже ничем не мотивирован. В проекте социалистического Новосибирска (на 80 тыс. жителей) все благоустройство улиц, площадей и парков рассчитано всего на 924 тыс. руб. Исходя из этих норм, для 100-тысячного города пришлось бы затратить до 1,2 млн. руб. вместо 30,7 млн., намеченных в разбираемом проекте. Возможная эко-

---

[1] Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. LIII, стр. 90,91 и 158. М., 1929. Средняя площадь жилой комнаты 17,1 кв. м, для кухни мы принимаем 8 кв. м.

[2] При высоте этажа в 3 м и площади стен 25% коэфициент 5,8 оставляет еще на коридоры, лестницы и уборные свыше 50% от жилой площади.

номия по этой статье, стало быть, достигает 29,5 млн. руб.

Крайне преувеличенная цифра вложений в благоустройство в табл. 50 связана еще и с преувеличенной площадью самого города. Автор проекта исчислил ее в 10 кв. км вместо наших 5, потому что у него сверх подлежащего застройке 31 квартала запроектировано еще 36 в запас, на случай дальнейшего расширения данного социалистического города. Такая установка явно неправильна. Она обращена лицом к капиталистическому прошлому, а не социалистическому будущему городов. Стихийное нарастание социалистических городов исключено. Мы можем, конечно, строить и завод, и город с расчетом на постепенное их расширение в несколько очередей. Но эти очереди должны быть уже заранее предусмотрены в плане. При поточной системе производства план завода должен быть рассчитан сразу на полное его развертывание в оптимальном масштабе. Всякие последующие пристройки цеха к цеху или завода к заводу, не предусмотренные этим планом, будут явно нецелесообразны. Выгоднее построить новый завод на новом месте. А для нового завода потребуется и новый город.

В связи с совершенно излишним, про запас, удвоением проектируемой площади города сильно преувеличенными оказались, конечно, и все затраты на сооружение системы трубопроводов, обслуживающих город. Особенно велика в проекте цифра затрат на теплофикацию (24 млн. руб.). Она, повидимому, включает в себя и стоимость домовых калориферных устройств, что уже раз учтено в стоимости жилстроительства. По нашим расчетам, если исходить из отопительного периода в 7 месяцев, или 5 000 часов, и считать для отопления за этот период 25 000 калорий в год на 1 кв. м строений, а на все прочие нужды прибавить еще около 56% [1], то с учетом уже ранее принятых поправок на кубатуру города сеть теплопроводов на 5,8 млн. куб. м обойдется не дороже

---

[1] Включаем сюда 15% добавочных на вентиляцию и 41— на горячую воду для ванн (72 ванны в год по 150 л), душей (300 раз в год по 30 л) ежедневное умывание (10 л, стирку белья, мытье посуды и пр. нужды. Стоимость сети на 1 000 000 000 калорий принимаем в 16 000 руб. См. В. В. Дмитриев. Энергоцентрали в городах. Вопросы теплофикации, 1930. В Ленинграде 16 км сети двойного теплопровода обошлись в 1,6 млн. руб. „Правда“, 1931, № 147.

3,6 млн. руб., что с дополнительными затратами на расширение электроцентрали составит до 6 млн. руб. вместо 24 млн. Это дает еще 18 млн. руб. экономии против расчетов рассматриваемого проекта.

Мы не станем останавливаться на других, более мелких статьях проекта. Конечно, работники Госплана не могли оставить без проверки и критики такого рода расчеты. Первоначальные проектировки ведомств и отдельных авторов подвергаются у нас весьма существенным урезкам и становятся после этого гораздо более приемлемыми. Только по перечисленным выше статьям эти поправки удешевляют, напр., приведенный выше расчет на 87,3 млн. руб., или 35%. Из расчета на жителя вместо 2464 руб. остается уже только около 1500 руб. капитальных затрат. Понятно, и эта цифра поддается еще весьма заметным сокращениям. В новейших проектах инженеров Зеленко и Сотника в Госплане имеются уже варианты с затратами в 1030 руб. на жителя. Последние, очень обстоятельно разработанные сибирские проекты социалистических городов тоже подходят к этой цифре. Напр., Новый Кузнецк (110 тыс. жит.) обойдется в 1170 руб. на жителя, Прокопьевск (100 тыс.)—в 1101 руб., Щегловск (100 тыс.) — в 992 руб. со включением всех видов коммунального обслуживания на все 100% населения, т. е. значительно дешевле старых городов.

Но и цифра 1500 руб. на жителя при социалистической организации быта нас не пугает. Ведь если учесть, что при социалистическом быте из расчета на данную производственную единицу мы можем проектировать не свыше $^2/_3$ того населения, которое потребовалось бы в иных условиях, то цифра 1500 руб. обращается уже в 1000 руб. из расчета населения по норме старых городов. А 1.000 руб. на жителя со включением коммунального строительства — это уже чрезвычайно экономная мера возможных затрат при современной дороговизне строительства.

С удешевлением строительства эта норма затрат несомненно будет заметно снижаться, позволяя в то же время постепенно расширять и душевую норму жилплощади в домах-коммунах, и целый ряд других удобств обслуживаемого в них населения. С этой целью план каждого дома-коммуны должен быть так рассчитан, чтобы было возможно постепенное его расширение за счет по-

следовательных достроек в удовлетворение второочередных потребностей данного коллектива. Однако, при разбивке проектируемого строительства на очереди надо особенно остерегаться одной, граничащей с вредительством, ошибки. Нельзя во имя сугубого „реализма" и „осторожности" проектировать по частям и таким образом отсрочивать удешевляющие строительство элементы обобществления быта. Очень просто и весьма целесообразно отложить до последних очередей постройку грандиозных стадионов и спортивных баз, искусственных бассейнов для игры в поло, театров, добавочных комнат и зал в каждом доме коммуне для разных игр и развлечений и тому подобных весьма приятных вещей, в большом изобилии намечаемых всеми проектировщиками. Но совершенно недопустимо в новых городах проектировать постройку фабрик-кухонь, детских садов, прачечных и тому подобных учреждений, обобществляющих быт, порциями: сначала на 25% населения, потом на 50% и т. д.[1] Недопустимо потому, что это удорожает строительство, повышая коэфициент семейной нагрузки домашними хозяйками и вынуждая строить больше жилищ, чем это необходимо для производства.

5. НОВЫЙ БЫТ И БЮДЖЕТ РАБОЧЕГО

Построить социалистический город с полным обобществлением быта дешевле старых городов, оставляя за собой полную возможность дальнейшего его улучшения в течение ряда лет—это задача, как видим, вполне разрешимая. Но здесь возникает другая, тоже огромной важности хозяйственная проблема. Имеются скептики, которые сомневаются, своевременным ли окажется это строительство с точки зрения связанных с ним эксплоатационных расходов. Не окажутся ли для наших рабочих при современном уровне их зарплаты совершенно непосильными те затраты, которых от него потребует общественное питание, общественное воспита-

[1] В старых городах такая постепенность обобществления быта конечно, вполне естественна, ибо там это не влечет за собой излишних строительных расходов, а старый быт, достаточно вооруженный и примусами, и традициями, приходится вытеснять из каждой кухни как из крепости с большой потерей времени и энергии.

ние детей и прочие блага социалистического быта? И не придется ли нам по этой причине на некоторое время предпочесть „осторожную“ тактику замедленных темпов обобществления быта?

Этот обывательский скептицизм разумеется имеет под собой некоторые видимые основания. Ведь все обобществляемые функции домашней работы хоть и сберегают труд, но это труд бесплатный, а за обобществленные услуги придется кому-то платить. Появятся в рабочем бюджете новые статьи расхода. Из каких же источников и как они будут покрываться?

С народно-хозяйственной точки зрения вопрос об этих источниках разрешается довольно просто. Домашние хозяйки, освобожденные от детей и кухни, получают возможность применить свой сбереженный домашний труд на другой, гораздо более производительной работе. Они создадут новые дополнительные ценности и из этого источника принесут дополнительный доход в свою семью. Мы уже указывали, что если в старых городах занято в производстве не свыше 26 работников из каждой сотни населения, то в условиях нового быта эта цифра повышается до 42, т. е. на 62%. Если принять, что производительность новых кадров будет на первое время даже ниже процентов на 40 производительности старых кадров, то все же народный доход в условиях нового быта возрастет минимум на 37% из расчета на душу населения. А это весьма серьезный источник для повышения уровня жизни населения. Общий заработок средней пролетарской семьи в социалистических городах возрастет при этом только за счет увеличения процента зарабатывающих по меньшей мере на 30%.

Хватит ли, однако, этого прироста в новых условиях быта? Попробуем разобрать этот вопрос более детально, применительно к важнейшим статьям рабочего бюджета.

Начнем с питания. В настоящее время обобществленное питание играет еще даже в городах весьма скромную роль. На 1 октября 1928 г. продукция Нарпита не превышала 2300 тыс. блюд или 1150 тыс. обедов в день. Но уже к октябрю 1930 г. эта продукция достигает 4 млн. блюд, т. е. Нарпит обслужил обедами около 6,6% городского населения. А к октябрю 1933 г., по уточненному проекту пятилетки Нарпита, его продукция должна достигнуть уже 49 млн. блюд, т. е. обслужить

обедами до 70% всего городского населения (34,7 млн.)[1]. Это уже очень солидный процент охвата. Но и затраты он предполагает не малые. Уже в 1930/31 г. для этого придется затратить 280 млн. руб., в следующем—445 млн. руб. и в 1932/33 г.—865 млн. руб., а всего за пятилетку 1687 млн. руб.

При средней цене обеда в 35 коп. суточная продукция Нарпита к октябрю 1933 г. составит даже без буфетных операций свыше 17 млн. руб., а годовая—6,25 млрд. руб. Учитывая, что основную массу этой продукции должны дать гигантские пищекомбинаты и фабрики-кухни с суточным производством от 70 до 100 тыс. обедов и выше, мы должны констатировать, что здесь перед нами сразу вырастает новая отрасль крупной индустрии, гораздо более мощная, чем скажем вся черная металлургия и целый ряд других ведущих отраслей нашей промышленности. Конечно, эта новая индустрия может вырасти только за счет соответствующего сокращения домашнего хозяйства, строящегося на бесплатном труде. Какими же преимуществами располагает эта индустрия над своим конкурентом для достижения указанной цели?

Все затраты на питание в бюджете среднего рабочего по обследованию 1927 г. составляли не свыше 56,7 коп. за 3637 калорий, включая сюда свыше 2000 калорий хлеба в день на взрослого едока[2]. На обед из этой суммы можно отнести не свыше 40% т. е. около 22,6 коп. Но это стоимость одних лишь продуктов для обеда. К этому следует прибавить топливо и труд.

Полный расход топлива в рабочей семье с печным отоплением на едока в месяц достигает 2 руб. 10 коп., из них на варку пищи мы относим не меньше 30%, т. е. 63 коп., или на каждый обед 2,1 коп. Наконец, расход труда на закупку продуктов на рынке, приготовление обеда, доставку дров, уборку и мытье посуды по бюджетным данным составляет не менее 1 часа на обслуживаемого обедами едока в день, или по расценке труда соответствующей квалификации не менее 15 коп. на каждый

---

[1] В первом проекте намечалось на 5-й год всего 3373 тыс. обедов, т. е. не свыше 7 млн. блюд. См. А. Г. Боярская. 5-летний план общ. питания 1928|29—1932|33 гг. стр. 18. Изд. „Нарпит“ М., 1929.

[2] Бюджеты рабочих и служащих, вып. I, стр. 34, 97. Изд. ЦСУ. М., 1929.

обед. В общей сложности домашний обед в 1000 калорий, со включением сюда до 200 грамм хлеба, обходился в 1927 г. рабочим в 39,7 коп., включая труд, или 24,7 коп., исключая бесплатный труд домашней хозяйки [1].

Сопоставляя эти нормы с отчетными данными Иваново-Вознесенской фабрики-кухни за 1928/29 г., получаем такую картину. Рабочей силы из расчета на 1 обед из 2 блюд там расходовалось не более 9 минут, т. е. раз в 6-7 меньше, чем в домашнем быту рабочих, топлива и энергии—только на 0,7 коп. вместо 2,1 коп., т. е. втрое меньше, и все же средняя стоимость одного обеда достигала 34,5 коп., т. е. стоила почти столько же, столько и в первобытном домашнем производстве. Объясняется это отчасти рядом дополнительных расходов фабрики по амортизации помещений и оборудования (3,1%), по транспорту обедов с фабрики к потребителю (1,2%) и некоторых других, которые отсутствуют или, во всяком случае, не учитываются в домашнем быту. Но все эти расходы не превышают 4,0% от общего итога затрат. Большее значение имеет относительно высокий уровень оплаты труда на фабрике-кухне—вместо 15 до 30 коп. за час, или 4,1 коп. на обед. Но решающее значение принадлежит затратам на продукты. По этой статье расход фабрики на 1 обед достигает по отчету 25 коп., т. е. на 11% больше, чем на домашней кухне. Конечно, при заготовках оптом фабрика покупает все продукты дешевле домашних хозяек. Отсюда заключаем что обеды средних рабочих в 1927 г. были еще по количеству и качеству продуктов заметно ниже того, что дает в среднем фабрика-кухня [2].

При этих условиях конкуренция фабрики-кухни с домашней кухней, конечно, страшно затрудняется. Практически эта трудность разрешается тем, что фабрика выпускает обеды различного качества и расценки, причем для хуже оплачиваемых рабочих выпускает особо удешевленные обеды по 20 коп., при средней цене одних

---

[1] К 1930 г. по текущим бюджетам за первый квартал расход рабочих на питание возрос против 1927 г. процентов на 12 и стало быть на одни продукты к обеду теперь расходуется свыше 25 коп. на едока.

[2] Отчетный материал приводим ниже. Здесь же укажем лишь, что средний обед Нарпита из 2 блюд с хлебом содержит до 1350 калорий, а без хлеба до 1000 калорий, в то время как средний домашний обед рабочих без хлеба заключает всего около 640 калорий.

лишь продуктов для такого обеда в 20,5 коп., т. е. с некоторым убытком, перекрываемым за счет более дорогих обедов [1]. Такая политика цен, даже при нынешнем весьма низком уровне домашнего питания рабочих, обеспечивает фабрики-кухни достаточной клиентурой. Дешевле стоимости самих продуктов не изготовит обеда даже самая талантливая домашняя хозяйка. Нужно лишь, чтобы наши общественные кухни надежно обеспечили себя от возможных хищений и порчи продуктов и больше заботились о вкусовых качествах своей продукции. В последнем отношении у них остается еще особенно много неиспользованных возможностей. И Нарпиту при содействии Пищевого института предстоит на этом поприще большая работа.

Однако, особенно широкие перспективы общественному питанию все же откроет лишь дальнейшее повышение уровня жизни рабочих, с одной стороны, и дальнейшая рационализация процессов производства и обслуживания в этой области, с другой. Намеченный по пятилетке рост зарплаты и использование освобождающегося домашнего труда в новых городах повысит уже в ближайшие 3-4 года уровень жизни рабочих по меньшей мере процентов на 70. Это позволит рабочему удорожить свое питание примерно в тех же масштабах. И тогда для него обед не только в 25, но и в 40 коп. не будет уже превышать его среднюю норму. В то же время Нарпит к 1932/33 г. обещает по плану благодаря укрупнению и рационализации своих предприятий снизить среднюю расценку своих обедов с 35 до 30 коп. при значительном улучшении их качества. А это значит, что фабрика-кухня уже через 3-4 года, даже при сохранении платности питания, сможет вытеснить домашнее приготовление пищи не только среди лучше оплачиваемых слоев рабочих, но и во всей основной их толще.

Говоря об общественном питании, мы наряду с фабрикой-кухней должны поставить хлебозавод и механизированную молочную ферму. На хлеб в суточном питании рабочих приходится до сих пор свыше 70% по калорийности и 25% по стоимости всего питания. Молочные продукты по калорийности занимают в нем 7,6%, по стоимости 17,7%. Меньше всего наши достижения в области индустриализации молочного хозяйства. Но

---

[1] Боярская. 5-летний план общественного питания, стр. 27.

издесь за последние годы начинают применяться электрическое доение коров и целый ряд других технических достижений. Пользуясь отчетностью нескольких крупнейших предприятий, обслуживающих основные потребности домашнего хозяйства в области питания и гигиены, мы получаем следующие весьма показательные цифры (см. табл. 51).

Превосходство крупного общественного хозяйства перед домашними с точки зрения экономии труда здесь в достаточной степени выявлено. Нужно лишь отметить что использованные здесь нами отчетные данные относятся далеко не к самым крупным и технически совершенным предприятиям. Напр., Иваново-Вознесенская кухня с годовым производством в 10 млн. блюд при 440 рабочих далека от последнего слова техники в этой области. При механизации обслуживания обедающих конвейерными устройствами потребовалось бы гораздо меньше персонала, да и продукцию можно было бы увеличить в несколько раз. Московские хлебозаводы №№ 2 и 3 МОСПО тоже далеко не из самых крупных. Общая их продукция в месяц не превышает 7 тыс. т хлеба при 595 рабочих. Механическая прачечная № 1 Мосздравотдела пропускает всего 2,7 млн. кг белья в год при 178 рабочих. Что же касается молочной фермы „Коммунарка", то при 300 коровах без механизации в ней требовался еще в 1929 г. 1 работник на каждые 6 коров, а с текущего 1930 г., благодаря механизации, она уже обслуживает 600 коров при том же персонале. Конечно в социалистических городах все эти предприятия можно будет строить в гораздо более крупном масштабе. А стало быть и экономичность их возрастает в той же мере.

Питание в бюджете рабочих достигает 44% всех расходов. Это—самая крупная, можно сказать решающая статья бюджета. По величине с ней могли бы конкурировать только затраты на воспитание детей, если бы такая статья выделялась в особый итог в рабочих бюджетах. К сожалению, это обычно не делается. Однако, в Институте экономических исследований при Госплане С. Е. Губерман, тщательно проанализировав все статьи бюджета рабочей семьи, выделила по каждой из них затраты, связанные с содержанием подрастающей смены (до 17 лет) и установила общий их итог в следующей цифре. По данным 1927/28 г. в средней рабочей семье с годовым бюджетом 1200 руб. на 2,05 младших членов

Таблица 51

Важнейшие форпосты индустриализации в области домашнего хозяйства

Показатели	Производство			
	Фабрика-кухня	Хлебозавод	Молочная ферма	Механич. прачечная
1	2	3	4	5
I. Структура издержек 1929 г.				
1. Материалы:				
а) основные	70,5	70,5	36,6	—
б) вспомогат. и пр.	2,4	4,9	0,7	8,6
Итого	27,9	75,4	37,3	8,6
2. Топливо и энергия	2,0	2,8	0,5	19,6
3. Транспорт	1,2	1,3	1,1	6,9
4. Услуги других производств	1,3		0,1	9,2
5. Амортизация	2,7		3,0	6,8
6. Текущий ремонт	1,1	6,1	0,1	—
7. Страхование	0,1		0,7	0,3
8. Разные накладные расходы	0,8		13,9	0,4
9. Зарплата	10,5	3,1	9,0	31,1
10. Начисления на зарплату	2,0	1,1	2,2	8,2
11. Налоги и сборы	0,4	—	0,1	0,1
12. Прибыль	5,0	10,2	3,0	8,8
Всего	100	100	100	100
II. Цена единицы[1] продукции в коп.	34,5	8,45—21,0	24,3	18,4
III. Норма годовой потребн. на 1 душу	365	200	50	80
IV. Капит. затр. на 1000 р. продукц. в р.				
1. В основные фонды	560	344	716	839
2. В оборотные фонды	67	95	210	23
Итого	627	439	926	862
V. Затраты труда в часах:				
1. На 1000 руб. продукции	424	103	417	844
2. На 1 душу в год:				
а) в механизир. производстве	53,5	3,0	5,00	12
б) в домашнем хозяйстве	365	60	25	50
VI. Число работников	441	595	50	178
VII. Годов. продукция в тыс. руб.	1816	13000	246	479

до 17 лет расходуется до 47,4 руб. в год, т. е. до 40% годового бюджета семьи. В эту сумму входит, конечно, и

[1] За единицу продукции фабрики-кухни принят 1 обед, без хлеба, молока, белья 1 кг. По хлебозаводу показаны отдельно цена черного и белого хлеба. Затраты труда по выпечке 1 т черного хлеба составляют 26 час., белого—21 час.

питание детей—до 253 руб., или 21% бюджета, но и за исключением этого повторного счета питание рабочей семьи и воспитание детей поглощают не менее 63% ее бюджета.

В среднем на 1 ребенка рабочие расходуют от 184 до 231 руб. в год, или 15—19 руб. в месяц. Разумеется, в лучше зарабатывающих семьях эта норма поднимается до 333 руб. и выше, а в беднейших падает до 174 руб. за год и ниже. Но в общем для 1930 г. за среднюю норму можно принять расход в сумме рублей до 19 на ребенка в месяц. В этой цифре, конечно, не учтен бесплатный труд по уходу за детьми, их питанию и воспитанию. По бюджету времени рабочей семьи мы определяем этот расход в 77 часов в месяц, или расценивая его по 15 коп. за час, в 11 руб. 25 коп. на каждого ребенка и учащегося в рабочей семье. К этому еще следует прибавить расход государства на школьное обучение детей до 17 лет. На каждую сотню в школьном возрасте из них будет около 52. Расход казны на 1 школьника в семилетке для 1929/30 г. составляет свыше 52 руб., что в среднем на всех детей, включая дошкольников, составит около 27 руб. в год или 2 р. 25 коп. в месяц. Кроме того, сюда надо отнести еще до 13 руб. в год других бюджетных расходов по обслуживанию рабочих. Таким образом, в общем на воспитание рабочих детей до 17 лет до сих пор расходовалось у нас всего около 33 руб. 50 коп. в месяц, или 400 руб. в год.

Это, несомненно, очень низкая норма расхода. О б щ е с т в е н н о е воспитание детей построить на столь узком основании было бы—без глубокой дискредитации самой идеи социалистического воспитания—совершенно невозможно. Вот почему мы должны заранее примириться с необходимостью значительных по этой статье поправок к индивидуальному бюджету рабочих. В детском доме им. Коминтерна на содержание и обучение одного ребенка расходуется свыше 600 руб. в год, т. е. процентов на 50 больше, чем в индивидуальном быту. Но очень характерно, за счет каких статей получается это удорожание. Это прежде всего питание и помещение. На питание в детдоме каждый ребенок получает вместо 123,5 руб. 240 руб. т. е. на 95% больше, а душевая норма помещения здесь повышается для него с 4,9 [1] до 6,1 кв. м,

---

[1] Собственно говоря 4,9 кв. м это с р е д н я я душевая норма 1926 г. для всех рабочих; детям из нее несомненно достается много меньше. См. Стат. справочник СССР за 1928 г. М., 1929, стр. 820.

т. е. на 25%, даже не считая школ и мастерских. Сильно возрастают при этом и наиболее эффективные с производственной точки зрения затраты на обучение (с 30 до 60 руб. на ребенка). Но по количеству затрат рабочей силы мы получаем иные соотношения. А именно, если в домашнем быту на обслуживание каждого ребенка в среднем расходуется не менее 77 часов в месяц, то в детском доме Коминтерна этот расход не превышает 35 часов, т. е. вдвое меньше, несмотря на значительно повышенный уровень жизни обслуживаемых.

Рабочим детям в индивидуальном быту еще слишком тесно, грязно и голодно живется. Конечно, это в значительной степени зависит от того, что и взрослые рабочие находятся еще на весьма низком уровне жизни. Уже через пару лет, к 1932/33 г., в связи с намеченным ростом зарплаты денежная норма расхода на ребенка в рабочем бюджете возрастет минимум до 363 руб., а включая сюда еще бесплатный труд семьи на 186 руб. и затраты казны — 62 руб., общий расход достигнет 611 руб. в год, т. е. превысит нынешние нормы общественного воспитания. Но, во-первых, даже при таких затратах ребенок в индивидуальном быту получит меньше благ, чем в обобществленном, ибо обобществленное хозяйство экономичнее. А, во-вторых, „средние“ нормы в этой области нас ни в какой степени устроить не могут. Дело в том, что даже вполне удовлетворительная средняя норма затрат на воспитание детей складывается всегда из крайних, т. е. предполагает более чем удовлетворительное содержание одних детей за счет беспризорности, недоедания, морального одичания и физического расточительства здоровья и жизни других.

Этого мы не можем терпеть в советском хозяйстве. Дети слишком бесправные члены в каждом индивидуальном хозяйстве. Даже весьма рачительный семьянин-рабочий при недостатке средств зачастую приносит интересы своих детей в жертву интересам поддержания на нормальном уровне рабочей силы семьи, т. е. интересам взрослых ее членов. А что же сказать о тех семьях, где глава пьет „горькую“ или мать заболевает, или кто-нибудь из старших членов потеряет работу.

Пролетариат, ставший у власти, не может оставить на произвол судьбы, мыкать свою горькую долю ни одного из своих детей. Отсюда необходимость общественного их воспитания. Но общественное воспита-

ние будет для всех приемлемым только в том случае, если оно улучшит положение детей не только низших и средних по благосостоянию групп рабочих, но и высших. Вот почему мы должны равняться при его осуществлении не на средние, а на значительно более высокие нормы обслуживания пролетарских детей по сравнению с обычным уровнем домашнего быта среднего рабочего. Это связано с дополнительными затратами. Но эти неизбежные затраты не сократятся, а даже возрастут, если мы оттянем начало реформы до более высокого среднего уровня зарплаты при тех же степенях ее диференциации. И потому ее не следует оттягивать.

К этому нужно еще добавить, что с народнохозяйственной точки зрения добавочные затраты на общественное воспитание детей, повышающие общий уровень нашей культуры, высоко эффективны. У нас очень еще плохо усвоено, что более высокая культура означает собой и высокую производительность труда. Поэтому на этом приходится настаивать. В качестве очень яркой иллюстрации этой мысли приведем следующий расчет. Изучая влияние различных факторов на оплату труда, мы использовали для этой цели между прочим материалы большого обследования 1929 г. о составе профессиональных союзов СССР. Пустив в разработку свыше 75 тыс. карточек рабочих-металлистов и исключив путем соответствующих группировок влияние на заработок возраста и стажа, мы выявили такую его зависимость от школьного обучения.

В предложенной таблице все рабочие приведены к среднему их возрасту в 32,3 года и стажу—12,6 года. Оплата труда этих рабочих при господстве у нас сдельных расценок находится, конечно, в самой тесной связи с их производительностью. И вот, как видим, каждый лишний год школьного обучения дает с железной неотвратимостью соответствующий прирост производительности. При этом затраты на обучение, исчисленные здесь по нормам 1926/27 г., оказываются крайне мизерными в сопоставлении с создаваемым этими затратами хозяйственным эффектом. Они окупаются приростом производительности прошедшего школьную выучку рабочего всего за несколько месяцев его работы. А ведь по окончании семилетки каждый из них на круг по данным статистики сохраняет полную работоспособность в течение целых 37 лет. И в течение этого срока может

Таблица 52

Эффективность затрат на образование по обследованию 1929 г.

Группы рабочих-металлистов (мужск. пол) по образованию	Школьный ценз в годах	Затраты на обучение (в рублях)	Средний заработок (в руб.)			Прирост заработка за счет образ.	
			за день	за год (264 дня)	в %	за 1 год работы (в руб.)	за 37 лет (в тыс. руб.)
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Неграмотные	0	—	3 21	847	100	—	—
2. Полуграмотные	?	?	3,42	902	106	54	2,00
3. Грамотные							
а) обучавшиеся до 1,5 лет	1	15,5	3,96	1045	124	199	7,36
б) „ от 1,5 „ 2,5 „	2	34,8	4,10	1083	128	236	8,73
в) „ „ 2,5 „ 3,5 „	3	59,1	4,23	1116	132	272	10,0
г) „ „ 3,5 „ 4,5 „	4	87,9	4,53	1196	142	352	13,0
д) „ „ 4,5 „ 5,5 „	5	134,0	4,90	1294	153	446	16,5
е) „ „ 5,5 „ 6,5 „	6	186,0	5,17	1365	161	518	19,2
ж) „ „ 6,5 „ 7,5 „	7	264,5	5,36	1415	167	565	20,9

окупить в сотни раз затраты общества на его обучение. Подобной эффективности вложений не найдешь аналогий ни в одной отрасли хозяйства.

Правда нормы затрат 1926/27 г. на обучение теперь мы признаем уже явно недостаточными и с каждым годом заметно повышаем. Но вместе с тем, конечно, будет повышаться и производственный эффект от обучения, ибо лучше оплачиваемый учитель за год даст ученикам больше знаний, чем худший за два года.

Таким образом, сомневаться в осуществимости высоких темпов культурного строительства в области общественного воспитания не приходится. Здесь каждый шаг вперед уже сам по себе создает богатейшие ресурсы для дальнейшего продвижения.

Из других статей рабочего бюджета в связи с обобществлением быта заслуживает еще внимания расход на помещение и отопление. Обслуживание рабочих квартирой, отоплением, освещением и всеми прочими коммунальными услугами уже в настоящее время обобществлено в отношении большинства рабочих. Но в социалистических городах это обобществление охватит все

сто процентов населения. До сих пор это обслуживание совершается на основе платности. Как же изменится эта статья бюджета в результате строительства социалистических городов?

В бюджетах 1927/28 г. при обеспечении индустриальных рабочих жилой площадью примерно в 4,9 кв. м на душу расход на помещение достигал 6,9%, а на отопление и освещение 6,2%, всего стало-быть 13,1% расходного бюджета. Это много ниже доли затрат на питание и воспитание детей, но все же весьма высокая величина в бюджете рабочих. Мы уже видели, что строительство социалистических городов на первое время будет нам стоить не дороже, чем в старых городах. Обслуживание больших домов-коммун из расчета на единицу площади обойдется тоже конечно дешевле, чем в мелких домах старых городов. Но при увеличении жилой площади для рабочих с 4,9 до 7 кв. м на душу и выше расход по этой статье в бюджете рабочих может возрасти процентов на 40—50. Однако, если исключить детей до 16 лет, затраты на помещение которых в особых детсекторах и школах-коммунах уже учтены нами выше в стоимости общественного их воспитания, то на долю взрослых по этой статье может получиться даже заметное сокращение расхода.

В отношении отопления мы можем привести следующий сравнительный расчет (см. табл. 53). Энергетика теплофикации, как видим, и в живом труде, и в использовании топлива дает огромную экономию не только по сравнению с печным, но и центральным домовым отоплением.

Из расчета на 1 куб. м наружного объема зданий теплофикация даст удешевление отопления по меньшей мере в 2 раза против существующих норм, давая в то же время огромную прибавку тепла на ванны, горячую воду, для душей и мытья и т. д. Таким образом, даже с увеличением жилой площади процентов на 40 платить за отопление дороже нынешнего не придется.

В общем и целом по всем перечисленным статьям, охватывающим около 70% рабочего бюджета, обобществление домашнего быта в намеченных масштабах по нашему расчету повысит денежные затраты рабочего бюджета не более, чем на 27—30%, давая огромные сбережения в труде и повышая уровень жизни в несравненно большей степени, чем эти затраты. При

повышении ресурсов за счет одного лишь сбереженного домашнего труда по меньшей мере в 30% такое повышение затрат является вполне обеспеченным.

Таким образом высокие темпы обобществления быта в социалистических городах с этой стороны не встретят сколько-нибудь серьезных препятствий.

Таблица 53

Расход на отопление в год на 100 тыс. жителей при кубатуре 5,8 млн. куб. м

(Исчисление)

Статьи расхода	Тип отопления		
	Печное	Центральное	Теплофик.
1	2	3	4
I. Капитальные затраты (в млн. руб.)			
1) Печи и котельные	9,3	3,2	2,4
2) Сеть калориферов (домовая)	—	11,3	11,3
3) Сеть теплопроводов (уличная)	—	—	3,6
Итого	9,3	14,5	17,3
II. Эксплоатац. расх. за год (в тыс. руб.)			
1) Топливо и энергия	1940	1325	720
2) Зарплата с начислениями	720	642	95
3) Амортизация, ремонт и пр.	464	725	985
Итого	3124	2692	1800
III. Затраты труда (в тыс. часов)			
1) Платные	900	1284	95
2) Бесплатные (по 15 коп. час)	1870	—	—
Итого	2770	1284	95
IV. Расход условн. топлива (в тыс. тонн)	70	36,5	18,2
V. Тепловая продукция, в млрд. б. калорий	167	167	22,7
VI. Стоимость 1 млн. калорий (в руб.)	18,7	16,1	7,9
VII. Персонал (264 раб. дня по 8 час.)	1313	608	46

6. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ЗАРПЛАТЫ

Осуществляя индустриализацию страны во всех отраслях производства и поднимая таким образом уровень производительных сил страны на новую более высокую ступень, мы уже тем самым создаем источник и для со-

ответствующего подъема уровня жизни трудящихся. Индустриализация домашнего хозяйства в социалистических городах будет лишь содействовать этим процессам, ускоряя общий темп рационализации хозяйства и повышения благосостояния трудящихся. Поэтому вопрос, из каких источников будут покрываться новые статьи расхода в бюджете населения социалистических городов не представляет собой никакой загадки. Менее ясно, как они будут покрываться. В индивидуальном порядке, на основе платности каждым рабочим в отдельности за себя и своих детей, или в общественном, на основе полной или частичной безплатности, путем включения соответствующих затрат в коммунальный бюджет данного города или иного рабочего коллектива.

Идея хозрасчета, столь пышно расцветшая у нас во всех областях хозяйства с первых же шагов НЭП'а, как-будто повелительно требует сохранения платности за все виды обслуживания рабочей силы. С другой стороны, интересы стимулирования высокой производительности труда требовали доныне и еще не один год будут требовать высокой дифференциации в оплате труда в соответствии с его качеством и интенсивностью. Переход на бесплатное удовлетворение тех или иных потребностей рабочей семьи поведет к усилению уравнительных тенденций в оплате труда. А между тем мы не случайно отвергли уравниловку и уже с первых лет Октябрьской революции строим стимулирование труда на базисе неограниченной сдельщины и всяких иных поощрительных форм зарплаты. И пока что они вполне оправдали себя. Можем ли мы при этих условиях признать целесообразным какое-либо отклонение от этого испытанного курса в сторону „собезовской" уравнительности?

Все эти вопросы заслуживают с нашей стороны самого серьезнейшего внимания. Но нельзя закрывать глаза и на другие стороны проблемы. Конечно, хозрасчет это в известном смысле душа НЭП'а, но ведь и НЭП трансформируется. И на новом этапе нашего развития, при резком сужении частного рынка, о безраздельном господстве идей хозрасчета в нашей хозяйственной организации говорить уже не приходится. Стимуляция труда поощрительными формами оплаты в переходный период к социализму, несомненно, вполне целесообразна и до поры до времени совершенно необ-

ходима. Но какой куриной слепотой надо страдать, чтобы не видеть уже теперь, в переходном периоде, наряду со старыми и новых принципиально иных стимулов к труду. В числе очень ярких характеристик нового этапа мы отмечаем широкое развертывание таких массовых явлений, как ударные бригады в производстве, социалистическое соревнование и социалистическое сотрудничество. В этих формах стимуляции к труду активизирующей силой является, конечно, уже не лишний рубль приработка, а гораздо более значительные с о ц и а л ь н ы е стимулы. И, если мы не прочь в нужде использовать для продвижения к социалистическому идеалу даже столь грубо эгоистические стимулы как сдельный приработок, то можем ли мы пренебрегать на этом пути теми несравненно более мощными стимулами, на которых строится социалистическое сотрудничество?

Конечно, не можем. А это кое к чему обязывает. Социальные стимулы к труду питаются иными принципами и установками, чем индивидуальные. И, если со вторыми, скажем, вполне гармонирует принцип неограниченной сдельщины и ставка на дифференциацию индивидуальной зарплаты, то развитию первых в гораздо большей степени благоприятствует установка на расширение коллективных форм зарплаты.

Наше понятие зарплаты в советской экономике, разумеется, резко отличается по своему содержанию от категории заработной платы капиталистичесрого общества. Но за неимением другого термина приходится пользоваться старым. К индивидуальным формам оплаты труда мы относим при этом всю ту долю общественного продукта, предназначенного для воспроизводства рабочей силы, которая у нас распределяется, поступая непосредственно в личный бюджет рабочей семьи в прямом соответствии с количеством и качеством выполненной каждым наемником работы. Но эта индивидуальная оплата „каждому по его труду“ — у нас далеко не покрывает собою всех ресурсов, выделяемых из народного дохода для воспроизводства рабочей силы. В порядке социального страхования, из так наз. фондов улучшения рабочего быта (Фубры) и целого ряда иных источников в бюджет советского рабочего уже давно поступают весьма существенные подкрепления, повышая общий уровень его жизни и в ы р а в н и в а я его для различных

групп рабочих в соответствии с их потребностями.

Эти формы общественного распределения народного дохода, поскольку они в конечном счете служат той же цели воспроизводства рабсилы, мы тоже подводим под понятие зарплаты, но уже обобщественленной, социализированной, или, говоря точнее, коммунизированной, так как она распределяется по коммунистическому принципу: „каждому по его потребностям".

Было бы очень наивно думать, что такие обобществленные формы оплаты труда с их уравнительной тенденцией являются плодом чьей-либо прожектерской фантазии. Как показывает опыт, они имеют довольно глубокие корни в хозяйственной жизни. Слабые зачатки их можно открыть даже в капиталистичеекких странах. И не только в форме страхования рабочих за счет предпринимателей и государства, но и в некоторых других. За последние годы, со времени империалистической войны, в Германии, Франции, Бельгии и других странах большого внимания заслуживает, напр., широкая практика особых доплат семейным рабочим на содержание их детей. При чем эти уравнительные доплаты, как учит нас опыт, прекрасно уживаются там рядом со сдельщиной и всякими другими весьма ухищренными премиальными методами индивидуальной стимуляции труда. Понятно, лишь самый безнадежный тупица стал бы объяснять такую заботу предпринимателей о детях своих рабочих особой к ним симпатией капиталистических акул или иными столь же неправдоподобными соображениями. Акулы просто желают покрепче привязать такими доплатами семейных, т. е. наиболее квалифицированных рабочих к своим предприятиям, чтобы успешнее их эксплоатировать. Но дело здесь не в субъективных побуждениях отдельных лиц, а в объективных условиях и предпосылках, объясняющих данное явление.

Некоторый свет на указанное явление проливает чрезвычайно интересный доклад Г. С. Полляка „Бюджет и семья", опубликованный им в „Экон. Обозр." за 1930 г., № 3. В результате анализа дифференциации оплаты труда в СССР и за границей в комбинации с числом детей обследованных рабочих, он приходит к выводу о крайней необеспеченности многодетных рабочих нынешним их индивидуальным заработком. Чтобы характеризовать степень этой необеспеченности детей

в больших семьях приведем только одну цифровую иллюстрацию из названной работы. По бюджетам промышленных рабочих СССР за 1926 г. мы получаем такие данные:

Группа рабочих	Число членов семьи	Расход за месяц на едока в руб. и коп.	в %
I	7 и более	31,58	100
II	6	32,09	101
III	5	37,25	118
IV	4	40,46	128
V	3	46,27	147
VI	2	51,52	163

Как видим, чем больше рабочая семья нуждается в средствах, тем меньше она ими обеспечена и наоборот. Это грозное для пролетариата противоречие отнюдь не случайно. Оно ощущается не только в особо многодетных семьях. И средняя рабочая семья, как показал Г. С. Полляк, с повышением возраста родителей явно отстает в росте своего заработка от возрастания семейной нагрузки нетрудоспособными членами. Так, напр., рабочая семья с отцом в возрасте от 25 до 29 лет располагала по ноябрьским бюджетам 1927 г. доходом в 43 р. 80 к., на полного едока, с повышением этого возраста до 30—33 лет доход падает до 42р. 21 к., в следующее пятилетие до 39 р. 50 к., еще через пять лет до 37 руб. 48 к. и т. д., причем в семьях с отцом в 50 лет и выше этот доход составляет уже едва 34 руб. 85 коп. в месяц на едока, т. е. процентов на 20 ниже, чем в семьях более молодых рабочих. Таким образом квалификация, которая приходит с возрастом и повышает заработок старших поколений, отнюдь еще не повышает уровня их жизни. Наоборот, более квалифицированные ветераны труда, благодаря возрастающей семейной нагрузке, живут хуже менее квалифицированной молодежи, и притом чем больше их рабочий стаж и возраст, тем труднее им живется.

Такое положение вообще едва ли терпимо с точки зрения интересов общественного производства, но оно уже совершенно нестерпимо и гибельно с точки зрения воспроизводства рабочей силы. Заработная плата должна обеспечивать, как известно, не только издержки воспроизводства текущих затрат энергии рабочего на заводе, но также издержки воспитания и обучения его семьи. Эта вторая потребность по нашим расчетам должна со-

ставлять не менее 40% общего заработка среднего рабочего. Не трудно, однако, понять, что, если в порядке распределения общего фонда зарплаты, даже вполне достаточного для указанных целей, хотя бы половину вышеуказанных 40% на содержание детей получат не те рабочие семьи, которые в них нуждаются, то цель не будет достигнута. И дети рабочих окажутся обреченными на постепенное вырождение и преждевременную смерть.

Откуда же возникает этот зияющий разрыв между потребностями и ресурсами для воспроизводства рабочей силы в современных условиях. Конечно, прежде всего указанный разрыв объясняется тем общим противоречием, какое ныне нарастает между общественными условиями производства и индивидуалистическими методами распределения общественного дохода. В частности социальным задачам воспроизводства рабочей силы отнюдь не соответствуют господствующие доныне методы индивидуальной оплаты труда. Правда, на ранних этапах развития капиталистической индустрии, это противоречие не сказывалось столь ярко как теперь. Тогда от рабочих требовалась более высокая степень профессиональных навыков, дававшаяся только в результате многолетнего стажа. Поэтому оплата труда в большей степени поспевала за возрастом рабочего и биологическим возрастанием его семьи. Теперь в этом отношении условия существенно меняются.

„Непрерывно растущая механизация производства, — как справедливо отмечает Г. С. Полляк, — расчленение и рационализация трудовых процессов все более стирает грань между квалифицированным и неквалифицированным трудом, уменьшая в то же время удельный вес обученных рабочих среди всего рабочего населения. Обусловленное этим сокращение срока приобретения трудовых навыков при одновременном сужении возможности повышения квалификации стабилизует заработок и затрудняет продвижение рабочего, сближая заработки семейных рабочих с заработком молодежи. Отсюда относительное ухудшение положения многосемейных рабочих по сравнению с холостыми и бездетными, стимулирующее ограничение деторождений, наиболее доступный способ страхования от снижения жизненного уровня. В этом же один из мощных факторов текучести рабочей силы, которая сменой мест стре-

мится возместить невозможность продвижения внутри данного предприятия".

Вот эта-то текучесть, весьма убыточная для производства и толкает капиталистических предпринимателей к более или менее жалким приплатам на детей и тому подобным заплаткам к отказывающей уже служит своему назначению системе индивидуальной оплаты труда. Но у нас в советской России назревают уже другие, гораздо более гармонирующие с нашей экономикой формы коллективизации „зарплаты". Вместо таких форм „страхования" от снижения жизненного уровня, как ограничение деторождений в пораженных старческим маразмом странах загнивающего капитализма, у нас получает все более мощное развитие система социального страхования. Вместо таких индувидуалистических приемов добавочного стимулирования труда, как липовое „участие в прибылях", предлагаемое хозяевами на капиталистическом Западе более наивным рабочим, мы ввели новые формы коллективного премирования труда в виде определенного отчисления из прибылей в так наз. фонды улучшения быта рабочих. А в утвержденной правительством пятилетке намечаются и дальнейшие шаги на этом пути в виде специальных стипендиальных фондов детям рабочих или так наз. рабочего фонда социального воспитания и тому подобных форм коллективизации зарплаты.

Каково значение этих форм коллективизированной оплаты труда по сравнению с индивидуальной зарплатой в нашей практике мы можем привести следующие цифры, подсчитанные в секции труда Госплана (см. табл. 54).

Приведенные цифры достаточно показательны. Они обнаруживают столь бурный рост зарплаты, которого еще не видал мир. И все же коллективизированные формы обслуживания рабочих обгоняли даже при этих темпах индивидуальную зарплату.

Несмотря на высокие ставки Соцстраха в первые годы его применения, падающая валюта и недоимочность предприятий сводили его реальное значение до весьма скромной величины. И, наоборот, с укреплением финансовой мощи промышленности и введением твердой валюты даже пониженные ставки Соцстраха дают значичельно больший эффект для уровня жизни рабочих. А в общей сложности с Фубрами и прочими отчислениями

Таблица 54

Оплата труда рабочих веспромышленности СССР
(в черв. рублях за год)

Формы заработн. платы:	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30 (план)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Индивидуальные формы:								
1. Денежная зарплата	225	411	501	626	702	774	850	927
2. Квартирн. и проездн. деньги	1,1	2,0	2,5	12,2	12,4	20,5	22,5	24.6
3. Квартира и услуги натурой	18,0	32,9	38,0	35,8	50,9	49,4	54,2	59,1
Итого по А	244,1	445,9	543,5	674,0	765,3	843,9	926,7	1010,7
Б. Коллективные формы								
1. Социальное страхование:								
а) пособия	10,7	30,5	49,0	60,2	64,8	75,6	85,3	87,1
б) медпомощь, дома отдыха, санатории	4 7	11,3	29,3	34,3	38,8	38,5	37,3	43,2
Итого по 1	15,4	41,8	78,3	94,5	103,6	114,1	122,6	130,3
2. Больницы и санатории	—	—	—	3,6	2,3	2,0	2,2	2,4
3. Культурн. обслужив.	11,3	12,3	6,5	7,8	9,7	10,8	11,8	12,9
4. Прочие формы обслуж.	2,9	5,4	6,5	7,8	2,2	6,9	7,7	8,3
5. Содержание завкома	2,2	5,3	7,5	9,1	9,9	10,3	11,3	12,3
6. Фубр	—	7,7	13,6	26,0	33,1	31,7	32,8	48,2
Итого по Б	31,8	72,5	112,4	148,8	160.8	175,8	188,4	214,4
То же в %% к А	13,0	16,1	20,7	22,1	21,0	20,8	20,3	21,2
Всего по А+Б	275,9	518,4	655,9	822,8	926,1	1019,7	1115,1	1225,1

предприятий на обслуживание нужд рабочих, они достигают свыше 20% от индивидуальных форм зарплаты, включая сюда и денежные, и натуральные ее элементы.

Конечно, кое-что расходовали на обслуживание нужд рабочих и капиталистические предприятия дореволюционной России. Так, напр., по обследованию ЦСУ, охватившему свыше 829 тыс. фабричных рабочих, они получали в 1913 г., включая бесплатные харчи и квартиру, по 264,5 руб. зарплаты, и сверх того расход предприятий на все виды страхования составлял 2 р. 43 к. в год на рабочего, на врачебную помощь, включая сюда все ясли, приюты и богадельни—7 р. 43 к. и на школы, театры и прочие учреждения для рабочих еще 2 р. 12 к., всего, значит, не свыше 12 р., или 4,5% от зарплаты, т. е. раз в пять ниже современного уровня аналогичных затрат.

К затратам предприятий по обслуживанию рабочих следует прибавить, конечно, еще целый ряд других, напр., бюджетные расходы Наркомпроса на школьное и дошкольное обучение детей рабочих, составлявшие уже в 1927/28 г. не менее 36 р. 48 к. из расчета на каждого рабочего в год, культфонды союзов, давшие в том же году 19 р. 30 к. на рабочего, и другие источники [1]. Но все эти более или менее значительные поправки к индивидуальной зарплате в условиях нового быта социалистических городов, несомненно, окажутся совершенно недостаточными. Социалистические города предрешают собою новый технический базис и новые условия воспроизводства рабочей силы, а новые условия производства предрешают и новые условия распределения.

В самом деле, при индивидуальном домашнем хозяйстве в каждой семье создавались свои особые условия быта и уровень жизни, соответствующие различным размерам семьи, разной нагрузке зарабатывающих членов иждивенцами, разному уровню оплаты труда и прочим обстоятельствам, складывающимся для каждой семьи по-разному. В новом быту социалистических городов такой диференциации в уровне жизни отдельных семей мы себе не мыслим.

Общественное воспитание детей требует от нас одинакового отношения к каждому ребенку, независимо от того, кто его отец, сколько он зарабатывает и т. д.

---

[1] Труд в СССР. Справочник 1926—1930, стр. 49. Госплан СССР М., 1930.

Каждый ребенок получает, стало быть, примерно одинаковую пищу, одежду, помещение и т. д. Все допустимое в этом отношении разнообразие для детей разного возраста и занятий не идет ни в какое сравнение с той пропастью, какая доныне разделяла судьбу счастливцев, родившихся в наиболее обеспеченных семьях, и пасынков судьбы из многодетных или сиротских рабочих семей. Взрослые в домах-коммунах будущих городов тоже будут поставлены в гораздо более однотипные условия жизни, чем доныне. В старых городах, скажем, служащие по переписи 1926 г. располагали по 7 кв. м жилой площади на душу, квалифицированные рабочие по 5,0 кв. м, а неквалифицированные только по 4,5 кв. м. В домах-коммунах такого неравенства, конечно, не будет. Там каждый работник получит, независимо от его служебного ранга, по общей норме, скажем, по 7 кв. м жилплощади на душу с готовым отоплением, освещением, ванной и прочими удобствами и все своеобразие своих вкусов сумеет проявить лишь в выборе рисунка обоев, стиле меблировки комнаты и т. п. мелочах. В условиях питания общественные столовые смогут, конечно, предоставить гораздо больший простор различным вкусам и аппетитам своих клиентов. Но и здесь, как показывает опыт Финляндии, очень большое разнообразие вкусов и аппетитов в большом коллективном хозяйстве может быть удовлетворено за одну и ту же, для всех клиентов равную цену обеда, завтрака или ужина.

Таким образом, даже в условиях платности за все услуги в социалистическом городе большой нужды в резкой диференциации оплаты труда различных категорий не будет. Объектами индивидуального спроса останутся тогда, повидимому, лишь предметы одежды, спорта, книги, изысканная гастрономия, фрукты, вина и т. п. лакомства, предметы роскоши и комфорта. Каждому члену рабочей семьи даже по самым экономным проектам социалистических городов будет предоставлена для уединения и отдыха совершенно отдельная хорошо меблированная комнатка с звуконепроницаемыми стенами и особым выходом в общие коридоры. Это огромное достижение для большинства рабочих, лишенных ныне чаще всего не только особой комнаты, но и особой койки. Однако, особая комнатка в доме-коммуне—это все же не дом-особняк. Туда даже при всем желании лишней мебели, книг, картин не натаскаешь. Любителям

этого добра в больших дозах придется пользоваться общественными библиотеками, картинными галлереями и всякого рода музейными хламохранилищами.

Гордостью каждой коммуны будет возможно комфортабельное устройство всех общественных помещений дома-коммуны: читален, студий и кружков всякого рода, музыкальных салонов и радио-кабинетов, мастерских для любителей изобретательства, спортивных зал и площадок и т. п. приспособлений для обслуживания всего коллектива данной коммуны. Это не оставляет большого простора для развития индивидуальных стяжательских инстинктов и освобождает трудящихся от необходимости накопления всякой сколько-нибудь обременительной частной собственности. Для стимулирования труда в такой обстановке высокие персональные ставки и всякое иное денежное премирование в индивидуальном порядке теряют почти всю свою нынешнюю силу и обаятельность.

Значительная диференциация оплаты труда потребовалась бы в указанных условиях лишь в одном случае. Если бы за общественное воспитание детей решено было взыскивать с родителей за каждого ребенка полную стоимость их содержания. Тогда отцу пятерых детей потребовалось бы, конечно, в несколько раз больше заработка, чем бездетному. Но в этом случае пришлось бы диференцировать зарплату не по количеству и качеству труда, а по какому-то иному признаку. Стимуляции труда такая диференциация, значит, уже не служила бы. Но в таком случае какое же еще хозяйственное оправдание осталось бы за такой диференциацией?

Общественное воспитание детей в социалистических городах может быть рационально построено только на принципе бесплатности, или, говоря точнее, на принципе социального страхования. Расход на воспитание детей ложится слишком неравномерным и зачастую непосильным бременем на отдельных родителей. А между тем подготовка себе достаточной смены на поле общественного труда это задача не отдельных родителей, а всего общества в целом. Поэтому тяжесть этой задачи должна быть разложена равномерно на всех трудящихся, независимо от их возраста и семейного положения. Как это осуществить, это уже чисто техническая задача. Мы думаем, что в старых городах ее придется разрешать с большой постепенностью, употребляя на это, частью

или полностью, лишь ежегодный прирост общественных ресурсов, направляемых на повышение зарплаты. Каждый год мы повышаем номинал зарплаты в нашем Союзе процентов на 10, если не выше. Если бы мы решили хотя бы половину этого прироста направлять в русло коллективизации зарплаты, то ежегодно могли бы получать за этот счет в рабочий фонд общественного воспитания детей огромные ресурсы, исчисляемые сотнями миллионов рублей. Уже с первых же лет на эти суммы можно было бы принять на общественное воспитание сотни тысяч детей из наименее обеспеченных заработком многодетных семей, а затем, из года в год расширяя это дело, перевести на общественное воспитание всех детей ясельного возраста, затем всех дошкольников и т. д.

В новых социалистических городах соответствующий опыт можно бы провести более решительно, приняв на общественный счет воспитание сразу всех детей дошкольного возраста, т. е. примерно около 50% всей детворы нерабочего возраста. Обошлось бы это, примерно, процентов в 16 от фонда зарплаты рабочего коллектива этих городов. Но зато это настолько бы облегчило индивидуальный бюджет взрослых, что они могли бы на пару лет обойтись без всякого прироста индивидуальной зарплаты. Бремя первых лет реформы можно бы при этом облегчить и частичной платностью за содержание детей лучше обеспечиваемых работников. Лишь бы не перегнуть в этом отношении палку, ибо на первых порах бесплатность общественного воспитания будет сильнейшим стимулом для безболезненной реализации всех предпосылок нового быта.

Дальнейшая коллективизация зарплаты, пойдет, очевидно, по пути осуществления бесплатности общественного питания и других потребностей первейшей необходимости, предоставляемых всем гражданам социалистических городов на равных основаниях, вроде жилища, коммунальных услуг, общественных прачечных и т. п. Роль индивидуальной платы при этом сведется к обеспечению лишь наиболее индивидуализированных потребностей, не предусмотренных никакими общими типовыми нормами. Но останавливаться подробнее на дальнейших этапах отмирания зарплаты по мере осуществления коммунизма пока нет особой нужды. На данной стадии социалистического строительства у нас имеются другие, более жгучие злобы дня.

Строительство социалистических городов помимо целого ряда хозяйственных проблем ставит по-новому и проблему о перестройке семейного быта.

Социалистические города несут с собой полное освобождение женщины от кухни и детской и призывают ее наравне с мужчиной к производственному труду и общественной деятельности. Узы материальной зависимости детей от родителей и жены от мужа рушатся. Семейный союз как хозяйственная единица с обобществлением домашнего хозяйства распадается на свои составные атомы, слагаясь из них снова уже в гораздо более широкий коллектив дома-коммуны. Семья как союз для воспитания детей тоже теряет под собой свое основание с передачей этой функции гораздо более широкому коллективу. Связь территориальной замкнутости семьи в одном помещении отпадает, ибо жена и муж располагают наравне со всеми остальными членами коммуны отдельными комнатами, а дети размещаются независимо от них в особом помещении. Никаких клятв верности до гроба или иных юридических взаимообязательств для заключения семейного союза у нас уже и теперь не требуется, а расторжение его в любой момент тем более осуществимо вне всяких формальностей и волокиты.

Что же остается от старой семьи? Повидимому, ничего, если не считать связей личного влечения и взаимной родственной привязанности членов новой семьи друг к другу. Мы не склонны преувеличивать прочности и могущества таких связей. Но нет никакой нужды и преуменьшать их значение. Пусть свободная любовь, приводящая на тот или иной срок к довольно замкнутому „эгоизму вдвоем“, и недостаточно прочный социальный цемент для образования внутренней спайки будущего общества. Мы можем строить его и на иных основаниях в надежде, что в конце концов все более узкие социальные ячейки, вроде семьи, растворятся в общем единстве большого трудового коллектива. Но было бы очень близорукой политикой на этом основании уже теперь игнорировать семейные связи или грубо рвать их в порыве административного восторга.

Вот почему вполне своевременным следует признать постановление ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 г., предостерегающее слишком пылких прожектеров по перестройке

нового быта от псевдо-„левых“ заскоков в этой области вроде „*немедленного и полного* обобществления всех сторон быта трудящихся, питания, жилья, воспитания детей с отдалением их от родителей, *с устранением бытовых связей членов семьи, с административным запретом индивидуального приготовления пищи и др.*“ Перестройка семейного быта—это дело очень тонкое и деликатное. И в этом деле менее всего уместны административные восторги.

Немедленное и полное обобществление всех сторон быта в нашей стране—это, конечно, вредная утопия. Даже в новых социалистических городах, где в интересах хозяйственной экономии мы вынуждены будем обеспечить общественное питание и воспитание детей на все сто процентов, мы отнюдь не склонны проводить эти меры в принудительном порядке. Мы не сомневаемся, что, скажем, при *бесплатном* общественном воспитании едва ли найдется хотя бы одна рабочая семья, которая отказалась бы им воспользоваться. Но тем более нет нужды на этом *настаивать*. Мы не можем там строить одновременно и фабрики-кухни, и отдельные кухоньки на *каждую* квартиру. Это стоило бы слишком дорого. Но с любителями домашних обедов, плит и примусов надо бороться не запретами, а хорошей организацией дешевого и здорового общественного питания. Мы думаем, что для ясельных детей и дошкольников лучше строить помещения *отдельно* от взрослых, хотя бы и под одной с ними крышей. Но если бы кто из матерей на первое время захотел держать таких малышей при себе, бороться против этого пришлось бы только путем убеждения, а не принуждения. Для детей школьного возраста, не требующих за собой особого ухода, отдельное житье от взрослых нам представляется вообще едва ли целесообразным. Хотя имея в виду беспризорных, некоторое число школ-коммун с общежитием следует иметь и для школьного возраста.

В проблеме новой семьи центральное место занимает, конечно, правильная постановка воспитания. В этом вопросе предоставлено должно быть слово не только социологам и экономистам, но и врачам, гигиенистам, педагогам и прочим специалистам. Однако, специальные вопросы настолько тесно переплетаются здесь с экономикой и столь ярко отражают в ней разные идеологические уклоны проектировщиков, что мы не можем пройти мимо некоторых из

конкретных проектов в этой области. Тем более, что такое ознакомление покажет, почему у нас зачастую фигурируют столь дорогие проекты строительства социалистических городов.

Вот, напр., один из таких проектов. По проектировке Наркомздрава, поступившей в Госплан РСФСР в начале 1930 г., детский сектор в домах-коммунах Магнитогорска должен удовлетворять следующим требованиям. Сектор рассчитывается на 100 детей до 3 лет и делится на 8 групп (грудные до 6 мес., ползунки—от 6 до 12 мес. и 6 групп от 1 до 4 лет). Таких секторов требуется 3 на каждый дом-коммуну. Строительная площадь для старших групп (от 1 года) исчисляется из следующего расчета на 1 ребенка в кв. м:

1. Спальная (30 кв. м на группу)	2,5
2. Игралка (54 „ „ „)	4,5
3. Столовая (16 „ „ „)	1,3
4. Туалетная (18 „ „ „)	1,5
5—7. Приемные (3 комн. по 16 кв. м)	4,0
8. Изолятор на 2 бокса	0,8
Итого на 1 ребенка	14,6
9. Веранда крытая	2,0
10. Уборная для персонала	0,8
Всего кв. м	17,4

В этой анфиладе аппартаментев особенно поражает изобилие приемных: 3 отдельные комнатки на каждую группу, 20 приемных на каждую сотню малышей, 60 приемных на каждый дом-коммуну специально для советских граждан трехлетнего возраста и ниже! На кого же они рассчитаны? Очевидно на посещения мамаш для интимных излияний их чувств каждой в отдельности в особой комнатке наедине только со „своим собственным ребенком“, чтобы украдкой от других детей сунуть ему там в рот особо вкусный пряник или учинить иное столь же милое проявление своей материнской любви.

Конечно, дети чрезвычайно нуждаются в „психических витаминах“ внимания и любовной ласки. Но ведь этого внимания и ласки жадно алчет и весь детский коллектив независимо от того, у всех ли из детей найдутся свои „собственные“, любящие их мамаши. И материнская

любовь, замыкающаяся по рецепту Наркомздрава в изолированных кабинках,—это чудовищное порождение мещанской психики—отнюдь не отвечает указанной потребности детского коллектива. Неужели кабинетные прожектеры Наркомздрава совсем не дышат свежим воздухом советской общественности? Известно ли им хотя бы существование организации „Друг детей"? Правда, за отсутствием средств детские площадки-примитивы этой пролетарской организации ютятся зачастую в подвалах, не располагают крытыми верандами и пышными „туалетными" устройствами. Не бывает там, конечно, тем более и сепаратных кабинок для проявления материнской любви. Да матери-работницы и не чувствуют в них никакой потребности. В интересах общественного контроля они допускаются в любой момент во все детские помещения. И более того, сюда все женщины-работницы не только допускаются, но и активно призываются для общественного обслуживания всего детского коллектива, получая таким образом несравненно более широкое поле для активного участия в детской жизни и проявления материнской любви и ласки даже в тех случаях, когда они имели несчастие потерять своих „собственных" детей.

Кабинки материнской любви по 16 кв. м—это несомненно непревзойденный перл кабинетного прожектерства. Но в „детском секторе" Наркомздрава это далеко не единственный перл. Возьмем хотя бы проектировку изолятора для временного отделения заболевающих детей впредь до отправки их в больницу. В детдоме Коминтерна, как мы уже видели, довольствуются одним изолятором на 70 детей, а по проекту Наркомздрава на 100 детей требуется 8 изоляторов—на два бокса каждый, да еще плюс один девятый изолятор—на 10 боксов, т. е. в общем в изоляторах предполагается постоянно содержать ни много ни мало целых 26% всего детского коллектива! Откуда же берет свое начало эта перманентная детская эпидемия в социалистических городах, запроектированная в Наркомздраве? Каждый бокс, т. е. стеклянная камера для больного ребенка, стоит по проекту 2500 рублей, значит 26 боксов обошлись бы нам в каждом детдоме по 75 тыс., а на целый город в 100 тыс. жителей таких „боксов" потребовалось бы уже не менее 2400 штук на сумму в 6 млн. руб. Швыряться зря миллионами нам не по карману, однако. Вот почему мы и

ставим вопрос ребром. Чем объяснить столь эпидемическое влечение к „изоляторам“ подобных прожектеров? Квалифицированным непониманием или может быть рядовым вредительством?

Весьма дискутабельно разрешается в проекте Наркомздрава и проблема столовых в детсекторе. В каждом доме-коммуне имеется общая столовая для взрослых на 2000 душ размером в 600 кв. м. А наряду с этим в детсекторе для каждой группы в 12 человек старше 1 года проектируется особая столовая в 16 кв. м. Всего стало быть в каждом доме-коммуне на 216 детей от 1 года до 3 лет проектируется 18 отдельных столовых с общей площадью в 288 кв. м. Таким образом на ребенка приходится по этой статье в четверо бо́льшая площадь, чем на взрослого. Почему? Потому что каждая детская группа строго изолирована от всех других (отдельный вход в помещение, отдельная площадка для игр, отдельный участок веранды и т. д.). А при такой изоляции столовая не может быть использована полностью хотя-бы для двух-трех групп и почти весь день зря пустует. Тем же почти маниакальным влечением к изоляции очевидно объясняются и отдельные в каждой группе „уборные для персонала“ помимо детских „туалетных“ соответствующего назначения. „Персонал“ каждой группы—одна сестра или няня в каждую смену. При этом площадь уборной „для персонала“ на одну персону запроектирована в 10 кв. м. Вспомним, что даже детские спальни по тому же проекту требуют вместе с кроватями не свыше 2,5 кв. м на душу, т. е. в четыре раза меньше. И таких персональных уборных—на четыре кровати каждая—нам предлагают построить по 8 в каждом детсекторе, или по 24 при каждом доме-коммуне. Мудрено ли, что при таком размахе клозетного творчества от этих проектов пахнет чем угодно, только не социализмом.

Конечно, идею изоляции детей от воздействия внешнего мира и по возможности друг от друга легко мотивировать заботой о их здоровьи, желанием застраховать их от эпидемий и т. п. весьма благонамеренными соображениями, Ими же, очевидно, оправдывается проектировка Наркомздравом сверх общей медицинской службы по городу специальной „медицинской части“ и прочих служб на каждую сотню детей при каждом детдоме в таком объеме:

1. Кабинет врача	12 кв.	м
2. Лаборатория	8 „	„
3. Кабинет горного солнца	18 „	„
4. Педологический кабинет	24 „	„
Итого	62 „	„
5. Комната для адм.-хоз. занятий	12 „	„
6. Комната для персонала	15 „	„
Всего	89 „	„

Памятуя, что в каждом доме на 2000 взрослых будет не менее 3 детских домов ясельного возраста (до 4 лет), все эти кабинеты пришлось бы повторить трижды в одном и том же доме-коммуне. Но не слишком ли уж это жирно плодить по 3 врача, по 3 лаборанта, по 3 педолога и даже по 3 горных солнца на детский коллектив каждого дома? Кстати сказать, ультрафиолетовыми лучами, дающими нам загар и здоровье, при современной технике изготовления специального стекла для окон и электрических ламп в социалистическом городе могут и должны быть обеспечены не отдельные кустарные каморки горного солнца, а все детские помещения вообще, и не только детские, но и все рабочие помещения взрослого населения, не исключая фабрик и заводов в дневные и ночные смены.

Заботам о здоровьи детей, конечно, должно быть уделено очень почтенное место в наших проектировках социалистического быта. Но и в них не следует перебарщивать к ущербу других не менее для нас ценных благ, напр., к ущербу интересам общественного воспитания. Мы отвергаем установку на все эти сепаратные кабинки материнской любви, кустарные каморки горного солнца, индивидуальные изоляторы за стеклом, персональные клозеты и клозетики и прочие перлы досужего прожектерства не только потому, что они слишком дорого стоят, а прежде всего потому, что от них веет духом антиобщественности. Воспитывать детей в отрыве от того, чем живет и дышет все взрослое население, —это вредная, реакционнейшая утопия.

Доверить воспитание детей с самого нежного возраста одним лишь наемным специалистам этого дела, как бы они хороши ни были, мы не можем. Это слишком важная общественная задача. Постоянное общение с детьми старших должно быть обеспечено в интересах тех и других. И это относится не только к общению детей с роди-

телями. Конечно, матерям прежде всего следует обеспечить возможность не только приходить к детям, но и брать их в свободное время к себе в рамках известного нормального гигиенического режима дня и ночи. Но и помимо родителей к воспитанию детей должны быть привлечены все общественные организации страны. Пионеры при этом являются наиболее естественными организаторами игр и властителями дум октябрят. Комсомол должен соответствующую роль взять на себя по отношению к пионерам, партия — по отношению к комсомолу. Мы уже не говорим здесь о таких специальных организациях, как „Друг детей", в рядах которых нашли бы себе место и полезное для детей дело работники всех сфер труда и профессий. Ведь каждый из них мог бы на свой пай шутя научить кого-нибудь из детей своей работе.

Наши детские дома, школьные городки и прочие воспитательные учреждения с интернатами опаснее всего было бы превращать в з а к р ы т ы е з а в е д е н и я типа дореволюционных сиротских домов, кадетских корпусов и смольных институтов для благородных девиц. Вход и выход из них всегда должен быть широко открыт и взрослым, и детям.

Но, если принять эту установку, то сразу же станет ясной вся несуразность попыток замкнуться с дюжиной ребят в какой-то неприступный теремок с отдельным ходом, изолированный от всех остальных ребят и внешних влияний. При широком общении с взрослыми, посещающими то ту, то другую детскую группы, отдельный ход все равно никого не застрахует от очередного коклюша или кори, и бороться с ними очевидно придется иными, более действительными средствами.

Затронутые выше вопросы отнюдь не исчерпывают всех проблем нового быта, возникающих в связи с проектировкой социалистических городов. Но уже из сказанного видно, к каким большим и сложным темам социалистического строительства подходят вплотную эти конкретные проектировки. Из них видно, что мы уже вступили в тот этап нашего хозяйственного развития, когда проблемы социалистического переустройства общества из области теоретических прогнозов и гаданий о далеком будущем перешли в область вполне конкретных инженерских проектов. Более того, кое-какие из этих проектов уже частично осуществляются на деле. Вокруг Дне-

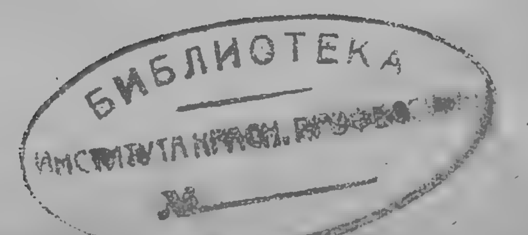
простроя, Сталинграда, у Магнитной горы широким фронтом уже строятся новые социалистические поселения.

Продуманы ли до конца в своем творческом замысле эти вырастающие на наших глазах первые участки зреющего социализма? Нет, не продуманы. И здесь, как и на других участках, пафос великого творчества уже не раз толкал нас строить не только без завершенных планов, но даже без эскизных проектов задуманного. Практика опережает теорию. Это не так уж плохо. Жизнь не терпит остановок. В ней всегда оправдывается принцип— в начале было дело. Было бы тщетной затеей пытаться остановить этот творческий поток жизни, чтобы избежать тех или иных ошибок. Мы не хотим становиться в смешную позу Иисуса Навина и восклицать: „Стой солнце и не движься луна!.. пока я не справлюсь со своими схемами и чертежами“. Неизбежные ошибки придется выправлять на ходу, также как на ходу мы строим и перестраиваем все наши планы. Но нельзя бесплановость возводить в принцип.

Из каждой ошибки следует немедленно же извлекать уроки. От практики не должна ни на шаг отставать и плановая теория. Говоря иначе, уже вполне назрело время поставить проблему социалистических городов на самое широкое обсуждение, как плановую проблему первостепенного злободневного значения. К ней должно быть привлечено внимание не только архитекторов, инженеров и экономистов. Ее следует выдвинуть на обсуждение гораздо более широких партийных и профессиональных кругов. Она должна стать предметом дискуссий и на заводских собраниях.

Лишь коллективная творческая мысль самого пролетариата может наиболее авторитетно разрешить вопрос о том, как возможно лучше, дешевле и красивее следует организовать по-новому его повседневный быт.

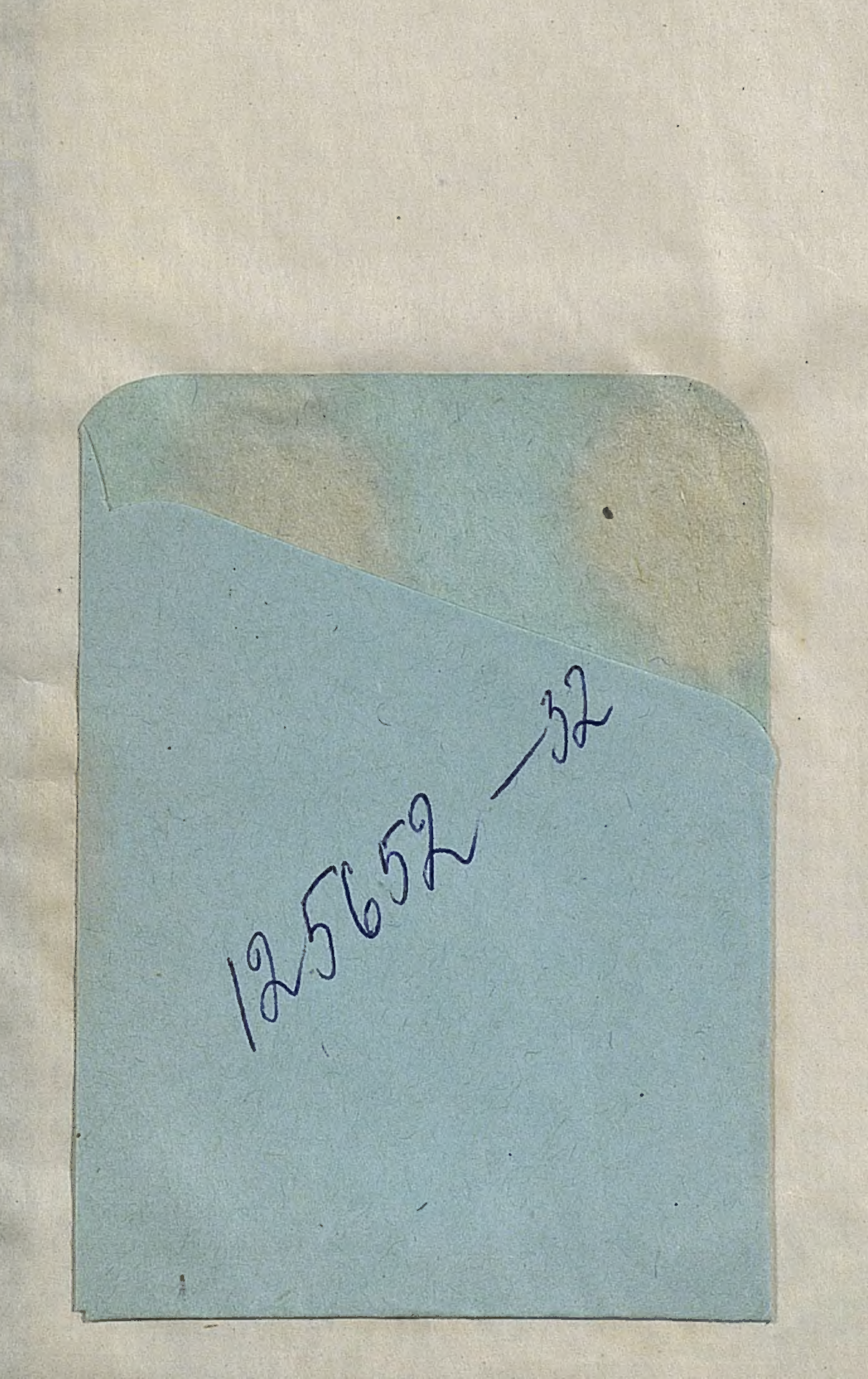
Май 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Таблица	Графа	Строчка	Напечатано	Следует читать
67	—	—	8 сверху	одобрено	одобрен
73	2	3	3 снизу	—	56,0
„	„	7	2 „	152,0	136,0
146	13	1	12 „	1159	11,59
149	14	5	7 „	48	4,8
380	37	6	15 „	73,2	173,2
456	48	2	1 сверху	7,3	73.
504	50	3	2 „	1400,0	400,0
„	„	„	3 „	146,0	1146,0
516	51	2	3 „	27,9	72,6
„	„	4	14 „	3,0	33,0
502	—	—	14 сверху	весовых	весомых
522	53	4	3 снизу	22,7	227

125652-32

